

ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ВЕСТНИК ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

основан в ноябре 2005 года

В НОМЕРЕ

*Киевский митрополит Петр (Могила) и русская власть
Мануил Филаденский в нижегородском Печерском монастыре
Расходная книга Патриаршего Дворцового приказа 1640/41 года
Поставления и назначения в Вологодской епархии
в 1674–1675 годах
История храмов Митрофаниевского кладбища Санкт-Петербурга
и приходской жизни их общины
Всеволод Путята в контексте религиозной политики органов ВЧК
(1918–1919 гг.)
Протоиерей Владимир Рожков: Записки священника*

1/2(29/30)/2013

МОСКВА

**По благословию Святейшего
Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА**

Учредитель
Церковно-научный центр
«Православная энциклопедия»

Редакционный совет
Архиепископ Истринский Арсений (председатель),
С. Л. Кравец (главный редактор, заместитель председателя),
А. И. Алексеев, О. Ю. Васильева, протоиерей Владимир Воробьев,
игумен Дамаскин (Орловский), С. П. Карпов, Е. В. Кравец,
архимандрит Макарий (Веретенников), И. П. Медведев,
С. В. Мироненко, А. А. Турилов, Б. Н. Флоря, В. С. Христофоров,
протоиерей Владислав Цыпин, игумен Митрофан (Шкурин) (секретарь)

Научный редактор
И. Н. Шамина
Тел.: (495) 980–03–65 (доб. 206); (495) 916–81–54 (доб. 206)

Рукописи представляются в редакцию по адресу: 107120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10а, комната 217 (м. «Курская», «Чкаловская»); электронной почтой: shaminy@yandex.ru (Ирине Николаевне Шаминой, Степану Михайловичу Шамину), rus_red@сncре.ru (Елене Владимировне Кравец).

«Вестник церковной истории» приглашает к сотрудничеству исследователей, занимающихся изучением церковной истории. Публикации документов должны сопровождаться комментариями. Для библиографического раздела принимаются аннотации работ по церковной истории, а также рецензии на важнейшие труды по данному кругу вопросов. Присланные материалы рецензируются членами редакционного совета или сотрудничающими с изданием специалистами. Материалы, опубликованные в журнале, размещаются на сайте www.sedmitza.ru.

ISSN 1818–6858

© ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2013
© Тихомиров И. А., оформление, 2013
© Подъяблонский С. К., обложка, 2013

ПУБЛИКАЦИИ

И. А. Устинова*

Делопроизводственные документы Патриарших приказов 1-й половины XVII века: Расходная книга 1640/41 года

Предлагаемая вниманию читателей публикация продолжает начатый в предыдущем номере журнала проект по изданию делопроизводственной документации Патриарших приказов за 1640/41 г. Расходная книга Патриаршего Казенного приказа является одним из наиболее насыщенных в информационном отношении документов этого комплекса.

Патриарший архив вообще и расходные книги Патриаршего Казенного приказа в частности, уже привлекали внимание исследователей¹. Отрывки этих документов, в том числе книги 1640/41 г., увидели свет. Так, И. Е. Забелин, публикуя источники по истории Москвы, выделил и издал отрывки из приходных и расходных книг Патриарших Казенного и Дворцового приказов за XVII в.² Он сгруппировал информацию по блокам, освещающим отдельные стороны быта Патриархов: расходы на одежду, организацию выходов; столовый обиход Патриархов; нищие и богадельни; строительство церковных и гражданских зданий и др. Однако это издание не позволяет составить целостное представление о сложном многосоставном источнике, каким является расходная книга Патриаршего Казенного приказа 1640/41 г.

Книга представляет собой подлинник, написана в лист, имеет деревянный переплет в коже с кожаными застежками, одна из которых сохранилась. Еще в приказном архиве она была переплетена в один том с расходной книгой 1639/40 г., о чем свидетельствует надпись скорописью XVII в. на первом листе: «148–149 годов расходная». Книга написана на однородной бумаге с филигранью «виноград»³, скреплена дьяком Григорием Одинцовым⁴. Книга 1640/41 г. по поздней архивной пагинации занимает л. 340–639 об., из них л. 629–638 об. — без записей, с пометой дьяка, л. 639 — без записей

* © Устинова И. А., 2013

Ирина Александровна Устинова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых (проект МК-574.2011.6).

и пометы. Всего в двух книгах 643 листа (1–639, литерные I–IV). Книга 1640/41 г. написана скорописью 1-й половины XVII в. 3 почерками: 1) средний, тонкий, ровный, с частым использованием прямых и острых углов при написании элементов букв, без наклона; 2) средний, жирный, с частым использованием скругления отдельных элементов букв, ровный; 3) средний, неровный, буквы написаны отдельно, практически без связок.

Анализируемый документ имеет строгую структуру, снабжен оглавлением (л. 340–341 об.). Расходные и приходные книги Патриаршего Казенного приказа являлись сводными документами, в которых обобщались сведения из хозяйственных служб и от должностных лиц Патриаршего двора и Патриарших приказов. В размеренном ритме поденных записей часто встречаются отметки о том, что они составлены на основе представленных в приказ памятей с «дьячьей приписью», подписных челобитных, заверенных росписей и других документов. Новую книгу готовили в приказе заранее⁵: например, в расходных книгах есть записи о тратах на бумагу, которая куплена к «припасенной» на будущий год приходной книге⁶. Книгу делили на разделы по количеству будущих статей, оставляя на каждую необходимое количество листов по примеру прошлого года. В начале каждого раздела заранее ставился номер и название статьи прихода или расхода, на что указывает различие почерков и интенсивности цвета чернил подзаголовков и основного текста. Вследствие этого приема после окончания записей по многим расходным статьям остались чистые листы. По этой же причине иногда, особенно в расходных книгах, встречаются и пустые главы – заголовок и номер поставлены, но записей после них нет. В расходной книге 1640/41 г. таким примером является глава «На лошадиную и на животную покупку, что покупают в патриарховы в дворцовые села» (л. 569). После заголовка следуют 7 скрепленных дьяком листов без записей.

Важно отметить, что расходная книга 1640/41 г. имеет особенность по сравнению с аналогичными книгами других лет. В ноябре 1640 г. скончался Патриарх Иоасаф, в связи с чем в публикуемом документе имеется особый раздел, посвященный записям расходов по организации похорон Патриарха и его поминаения. Смерть Патриарха и последовавший период «вдовства» кафедры способствовал корректировке привычной сметы. Некоторые траты были сокращены, что видно по большей временной разреженности записей после ноября 1640 г., участились обращения в патриаршую казну за займами из государевых приказов (см., например, л. 492–493), сократились разделы, связанные с тратами на Патриарший обиход, платье и т. п. Наглядно демонстрирует эти изменения сравнительная таблица расходов 1639/40 и 1640/41 гг., составленная путем фронтального просчета всех расходных записей по главам:

Статья расхода ⁷	1639/40 г.	1640/41 г.
Жалованье	714 рублей 23 алтына 3 деньги	685 рублей 13 алтын
Церковное строение	71 рубль 18 алтын 4 деньги	21 рубль 31 алтын 4 деньги

На молебны, панихиды, милостыню	243 рубля 6 алтын 2,5 деньги	129 рублей 1 деньга
За образы для благословения	134 рубля 26 алтын	25 рублей 19 алтын 2 деньги
«Славеное и пещное действо»	33 рубля 3 алтына	22 рубля 30 алтын 1 деньга
Вербное действо	21 рубль 12 алтын 2 день- ги	37 рублей 16 алтын 4 деньги
На ладан, вино, воск, просфоры, «что емлют на службы по церквам»	312 рублей 10 алтын 1 деньга	360 рублей 30 алтын 3,5 деньги
На приказные расходы	2860 рублей 20 алтын 3,5 деньги	12 038 рублей 28 алтын 4,5 деньга ⁸
Займы	1001 рубль 1 алтын 1,5 деньги	1519 рублей 20 алтын
«На медвяную покупку, за соль и за пол- тевое мясо»	653 рублей 33 алтына	485 рублей 26 алтын 3,5 деньги
Прогонны, плата жнецам	140 рублей 12 алтын 4 деньги	57 рублей 15 алтын 2 деньги
На дворовое и на всякое строение	270 рублей 4 алтына 5 де- нег	155 рублей 6 алтын 5 де- нег
На мелкие расходы	81 рубль 27 алтын 4 день- ги	51 рубль 11 алтын
За бумагу, и за чернила, и за свечи, «что емлют по приказом»	34 рубля 23 алтына 3 деньги	66 рублей 31 алтын
«На лошадиную и на животинную по- купку»	339 рублей 15 алтын	—
«На железо, и на уголье, и на иные рас- ходы кузнечные»	30 рублей 13 алтын 2 деньги	7 рублей 26 алтын 4 день- ги
«На Патриархов столовый обиход»	31 рубль 12 алтын 4 день- ги	88 рублей 7 алтын 5 денег
«На Патриархово платьецо»	28 рублей 32 алтына 2 деньги	29 рублей 15 алтын 3 деньги
«На преставление... Патриарха... вышло в расход»	—	2290 рублей 19 алтын 4 деньги
Всего	7003 рубля 30 алтын 1,5 деньги	18 074 рубля 17 алтын 2,5 деньга ⁹

1-я глава расходной книги «Росход окладной государевым патриаршим всяких чинов людем, что кому идет годового денежного жалования по окладу» одна из наиболее объемных (л. 342–392). Большую часть раздела составляют разделенные по статьям и размеру жалованья записи о выдаче денег служащим Патриаршего двора, приказов, хозяйственных служб, домовых сел и монастырей. Каждая запись содержит сведения о служебном положении человека и отметки о выплате ему жалованья на «семенский» (1-я половина годового жалованья, выдававшаяся в сентябре) и «евдокимовский» (2-я половина годового жалованья, выдававшаяся в марте). Многие записи сопровождаются автографами. Заключительная и меньшая по объему часть раздела представляет зафиксированные в хронологическом порядке «кадровые» решения о верстании окладом новых служащих (преимущественно патриарших детей боярских). Всего в «зарплатной ведомости» 1640/41 г. упомянуты 243 человека, около трети из которых — священно- и церковнослужители. Эту группу лиц составили духовенство Патриарших домовых церквей (Положения ризы

Пресвятой Богородицы (Ризоположенская), Соловецких чудотворцев, Трех святителей Московских — в Кремле; патриаршего домового Федоровского монастыря у Никитских ворот в Москве, патриарших домовых сел Троицкого, Дмитровского, Игнатъевского); старцы, исполнявшие хозяйственные должности при Патриаршем дворе (конюший, хлебный, житенный и др.). Состав лиц, упомянутых в книге выдачи жалованья за 1640/41 г. в качестве «штатных» служащих Патриаршего двора, отображен в таблице:

Должностное положение	Численность	%
Служители: монахи, диаконы, дьячки, пономари, свиточники, просвирицы, сторожа	76 человек	31,3
Певчие дьяки	32 человека	13,2
Приказные люди	3 человека	1,2
Патриаршие дети боярские	65 человек	26,8
Хозяйственный персонал	67 человек	27,5
Всего	243 человека	100

Опираясь на данные книги выдачи жалованья, можно составить целостное представление о кадровой ситуации при Патриаршем дворе в течение года: о посылках патриарших людей в города, «на десятину»¹⁰ или «в села», о болезнях, смертях и отставках, верстании новых лиц и карьерных изменениях. При этом, однако, записи касаются лишь среднего и низшего звена служащих Патриаршего двора и приказов, тогда как патриаршие бояре, дворяне, судьи и дьяки в них не фигурируют, поскольку они получали жалованье в четвертных московских приказах. Собственно административный персонал Патриарших приказов представлен в документе лишь двумя именами подьячих Патриаршего Казенного приказа (л. 354).

Ряд следующих глав в книге отражает расходы по собственно церковным статьям, все они приведены по хронологии. 2-я глава — «На церковное строение» (л. 404–405), содержит записи о тратах на расходные материалы и оплату работы мастеров по изготовлению разнообразных предметов церковного обихода (подсвечники, паникадила, облачения и т. п.). В рассматриваемом документе она невелика, содержит всего 4 записи. Сравнение книги 1640/41 г. с предшествующими и последующими показывает, что эти траты в наибольшей степени были связаны с личной инициативой Патриарха, поэтому его смерть привела к столь заметному сокращению расходов такого рода. Содержание 3-й главы весьма полно отражено в ее названии: «На молебны, и которые приходят протопопы и попы с праздничными со святыми водами, и на понахиды, и бедным детям боярским, и вдовам, и нищим милостыня» (л. 412–434). В этом разделе нашел отражение обычай русского духовенства в престольный праздник своей церкви приходить с освященной водой и поздравлениями на царский или Патриарший двор и в дома богатых людей и получать в обмен на это подарки, поздравления и милостыню. Обращают на себя внимание еженедельные записи о выдаче милостыни нищим

«Офонке Орефьеву с товарищи — десяти человеком», «что сидят у Пречистой Богородицы у собору». Размер милостыни фиксирован — по 11 алтын 4 деньги в неделю, «по деньге человеку на день». Всего за год только этой «артели» нищих было выдано 18 рублей 6 алтын 4 деньги. Несложный подсчет показывает, что каждый нищий за год получил по 1 рублю 27 алтын 1 деньге. Подобный размер выплат вполне сопоставим с годовыми денежными окладами некоторых патриарших служащих. При этом необходимо учитывать, что это лишь «окладная» часть милостыни. Будучи «нищими у собору», Орефьев с товарищами могли рассчитывать на дополнительные дачи в дни праздников и крупных придворных событий, кроме того, весьма часто нищих кормили на Патриаршем дворе. В качестве примера укажу на регулярное кормление нищих в столовой палате в первые недели после смерти Патриарха (л. 606, 615–615 об.).

Расходы, отразившиеся в следующей главе книги — «Серебряным мастером на образной оклад и на всякое серебряное дело, и иконописцем от образов от писма, и за выменные образы промену для благословения» (л. 446–448), — также значительно сократились в связи со смертью Патриарха: основная часть заказов на изготовление «образов для благословения» поступала лично от главы Церкви, причем количество заказов увеличивалось накануне именин членов царской семьи, двенадцатых праздников и других памятных дней, когда Патриарх обменивался подарками (прежде всего образами) и благословлял многочисленных представителей государева двора. В 5-м и 6-м разделах (л. 455–457 об.; 463–464 об.) зафиксированы расходы на организацию 2 крупнейших «действ» — пещного (незадолго до Рождества Христова) и вербного (на праздник Входа Господня в Иерусалим). Детальные хозяйственные росписи источника позволяют уточнить не только сценарий, чин проведения действ, но и реконструировать детали праздничных декораций, костюмов участников. Например, на украшение вербы («в наряд на вербу») были куплены изюм, яблоки, а также иглы и нити, «чем низать и вешат овощи на вербу» (л. 463 об.— 464). В 7 разделе (л. 471–477 об.) отражены траты на покупку свечей в кремлевские соборы и московские церкви для служб. Среди записей этой главы интересны отметки о выплатах священникам «с кресца» (безместным) за сослужение Патриарху (например, запись от 27 сентября, л. 471 об.).

Следующие 10 разделов (л. 479–590) могут быть в совокупности охарактеризованы как «хозяйственно-административные». В них нашли отражение расходы, связанные с выдачей займов из патриаршей казны (в том числе и в царскую казну), покупкой на Патриарший двор запасов, оплатой за патриарших крестьян ямских и стрелецких государевых денег, оплатой прогонов патриаршим детям боярским при их посылке в другие города и домовые села, траты на покупку расходных материалов в приказы (свечи, бумага, чернила и т. п.), патриарший столовый обиход, патриаршее платье и т. д. Эти записи отражают повседневную хозяйственную жизнь Патриаршего двора¹¹.

Последний раздел книги — «На преставление великого господина Святейшего Иоасафа, Патриарха Московского и всеа Руси, вышло в расход»

(л. 601–628 об.) не является традиционным для этого вида документации и поэтому представляет особый интерес. Во-первых, в него внесены записи об основных затратах на организацию похорон Патриарха, его поминовения на 9, 20, 40-й дни, а также на оформление его захоронения. В частности, детально расписаны работы по подготовке могилы Патриарха в Успенском соборе, изготовлении доски под кутью, на которой иконописец Третьяк Панкратьев красками и золотом «левкасил, и травы наводил, и золотил» (л. 608). Позднее каменных дел подмастерья получили плату за то, что «резали на гробовой тцке летопис», а каменщики — за то, что «гроб в могилу вделывали и своды смыкали» (л. 616). Кроме того, организовывались массовые раздачи милостыни, питание нищих в столовой палате (до 100 человек ежедневно) и т. п. Всего «бюджет» патриарших похорон и поминальных мероприятий составил 2290 рублей 19 алтын 4 деньги. Второй интересный аспект записей о патриарших похоронах состоит в подробном перечислении клириков, принимавших участие в траурных мероприятиях и получивших милостыню¹². В данном разделе содержится несколько таких росписей: о соборвании Патриарха (21 ноября, л. 426–426 об.), о выносе тела (29 ноября, л. 601–604 об.), о погребении (29 ноября, л. 608 об.— 614), о панихиде (3 марта, л. 490–492). К этим записям по содержанию близки и росписи денежных раздач духовенству монастырей и церковей на сорокоуст по Патриарху (9 декабря, 18 января, л. 617 об.— 620 об., л. 626 об.— 627 об.). В целом, они позволяют составить целостное представление о составе московского духовенства и его иерархии.

Таким образом, расходная книга 1640/41 г. представляет уникальный срез данных о повседневной жизни Патриаршего двора, значительно расширенный за счет экстраординарного события — смерти Патриарха. Публикуемый документ является важным источником сведений по истории Русской Православной Церкви, духовенства, Московского Кремля и другим сюжетам русской истории XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. Н. Писарев выделил в расходных книгах Патриаршего Казенного приказа разделы, созданные на основе росписей затрат в дальних походах Патриархов (выездах на богомолье, при посещении домовых сел и т. п.). Часть этих дневников была опубликована в Приложении к исследованию «Домашний быт русских Патриархов» (*Писарев Н. Н. Домашний быт русских Патриархов. Казань, 1904. С. 122–164 (2-я пагинация)*). В книге 1640/41 г. таких росписей нет, поэтому в публикации Писарева она не отражена. О структуре и содержании расходных книг Патриаршего Казенного приказа подробно см.: *Шимко И. И. Патриарший Казенный приказ // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 9. М., 1894. С. 1–361.*

² Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собранные и изданные руководством и трудами Ивана Забелина. В 2 т. М., 1884.

³ Филигрань № 100, 1623 г. См.: *Филиграни XVII в. по рукописным источникам Государственного Исторического музея. Каталог / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1988.*

- ⁴ Григорий Одинцов — дьяк Патриаршего Казенного приказа с 1638/39 г. до 23 июня 1647 г.
- ⁵ Подробнее об особенностях делопроизводственной работы в Патриарших приказах см.: *Устинова И. А.* Книги патриарших приказов 1620–1649 гг. как исторический источник. М., 2011. С. 40–50.
- ⁶ РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 1, л. 485.
- ⁷ Названия статей даны в сокращенном варианте.
- ⁸ Столь значительный рост расходов по данной статье произошел за счет займов в государеву казну, сделанных после смерти Патриарха Иоасафа.
- ⁹ Более подробный анализ бюджета Патриаршей казны в 1640/41 г. см.: *Устинова И. А.* Указ. соч. С. 131–146.
- ¹⁰ Патриаршие дети боярские в порядке очередности посылались в качестве чиновников кафедры в десятины Патриаршей области. Десятинны представляли собой административно-территориальные единицы епархии Патриарха, выделенные по количеству церквей.
- ¹¹ Подробнее см.: *Шимко И. И.* Указ. соч. С. 215–254.
- ¹² Источники XVII в. подразумевают под милостыней не только пожертвование денег, одежды и еды нищим, но и пожалования сотрудникам царского и Патриаршего дворов, духовенству в праздники и по другим поводам, а также материальную помощь представителям христианского Востока при их посещении Москвы.

**Расходная книга Патриаршего Дворцового приказа
1640/41 г.¹**

(Л. 340) Главы настоящие книги сея нынешнего 1640/41 году.

Росход окладной государевым патриаршим всяких чинов людем, что кому идет годового денежного жалования по окладу (1^a). На церковное строение (2). На молебны, и которые приходят протопопы и попы с праздничными со святыми водами, и на понахиды, и нищим на милостыню (3). Серебряным мастером на оклад образной, и на всякое серебряное дело, и иконописцам от образов от писма, и за образы промену, которыми (Л. 340 об.) образы государь Патриарх благословляет бояр, и окольных, и думных дьяков, и дворян (4). Архидьякону за многолетнее кликанье, и протопопам, и соборяном, и певчим дьяком славленного, и к пещному действию (5). За овощи, что идет в наряд на вербу, и на иные расходы того ж действия (6). На ладан, и на вино церковное, и на воск, и за просвиры, что емлют к службам по церквам, и тресвяцкому и соловецкому попом зажилых денег помесечно (7). На приказные расходы (8). (Л. 341) На приказные ж расходы, что дают по патриархову указу взаимы в кабалу и безкабально (9). На медвеную покупку, что покупают в ставки, и за соль, и за полтевое мясо, что купят про дворовых людей, и на иные расходы, и на дровяную покупку (10). Государевым патриарховым детем боярским поденного корму, которым посылают на рыбные ловли и по городам для патриарших всяких дел, и от варзужские и от шехонские рыбы² провозу, и по селам ото ржаново и от яровово хлеба от жнитва (11). На дворовое на всякое строение, (Л. 341 об.) и плотником, и ярыжным по уговору найму (12). На всякие мелкие расходы (13). За бумагу, и за чернила, и за свечи сальные, что емлют по приказом (14). На лошадную и на животинную покупку, что покупают в патриарховы в дворцовые села (15). На железо, и на уголье, и на иные на всякие кузнешные расходы (16). На патриархов столовый обиход (17).

^a В скобках даны номера глав, указанные на полях листа. В рукописи нумерация глав буквенная.

(Л. 342) Книга, а в ней тисан расход окладной великого господина Святейшего Иоасафа, Патриарха Московского и всея Руси, дворовым всяких чинов людям нынешнего 1640/41 году, что кому его государева патриархова годового денежного жалования оклад, и на иные на патриарховы на неокладные на всякие расходы. А делана сия книга с расходных же книг прошлого 1639/40 году при казначее старце Иларионе Псковитине да при дьяке при Григории Одинцове (1)

По 2 рубли. Государев патриархов келейник старец Иона. И сентября в 4 де[нь] (Л. 342 об.) келейнику Ионе семенское жалованье два рубли дано. Взял Гаврило Фаворов. И марта в 4 де[нь] другая половина евдокимовского сроку³ два рубли дано.

Чашник старец Климант. И сентября в 4 де[нь] чашнику Климанту семенское жалованье два рубли дано. Взял сам. И марта в 4 де[нь] другая половина евдокимовского сроку два рубли дано. Взял сам.

(Л. 343) Сушилной старец Герасим. И сентября в 14 де[нь] Герасиму семелское жалование два рубли дано. Взял сам. И марта в 4 де[нь] другая половина евдокимовского сроку два рубли дано.

Сушилной старец Герасим другую половину взял. В его место поп Антоней руку приложил.

Житничной старец Сидор. И сентября в 9 де[нь] Сидору семелское жалование два рубли дано. Взял сам. И марта в 4 де[нь] другая половина евдокимовского сроку два рубли дано. Взял сам.

(Л. 343 об.) Конюшей старец Иов. И сентября в 4 де[нь] конюшему семелское жалование два рубли дано. Взял сам. И марта в 4 де[нь] другая половина евдокимовского сроку два рубли дано. Взял сам.

По 3 рубли. Крестовые попы. Да им же за ризположенскую службу по рублю человеку.

Поп Антоней. И сентября в 4 де[нь] попу Антонею семелское жалование два рубли дано. Поп Антоней денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] ризположенскому попу Антонею другая (Л. 344) половина евдокимовского сроку два рубли дано. Поп Антоней денги взял и руку приложил.

Поп Иона. И сентября в 4 де[нь] попу Ионе семелское жалование два рубли дано^а. Поп Иона денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] ризположенскому попу Ионе другая половина два рубли дано. Поп Иона денги взял и...^б

Тресвяцкой поп Паисья. И сентября в 9 де[нь] Паисью семелское жалование два рубли дано. Поп Паисья денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] другая половина два рубли дано.

Крестовым дьяком, 7 рублев. Самойло Иванов. И сентября в 4 де[нь] Самойлу семелское жалование три рубли (Л. 344 об.) с полтиной дано. Самойло денги взял и руку приложил. И марта в 6 де[нь] крестовому дьяку

^а Слово вписано над строкой.

^б Далее в тексте пропуск.

Самойлу Иванову другая половина евдокимовского сроку три рубля с полтиною дано.

По 3 рубли. Хлебные старцы. Да им же на кошули и на рукавицы по рублю человеку дано.

Старец Иона. И сентября в 4 де[нь] старцу Ионе семелское жалование два рубли дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] старцу Ионе другая половина два рубли дано. Старец Иона денги взял, в ево место ризположенской (Л. 345) дьячек Иосифко руку приложил.

Старец Моисья. И сентября в 4 де[нь] старцу Моисье семелское жалование два рубли дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] старцу Моисье другая половина два рубля дано. Старец Моисья денги взял, дьячек...^a в ево место руку приложил.

Старец Варлаам. И сентября в 4 де[нь] Варламу семелское жалование два рубли дано. Взял сам. И марта (Л. 345 об.) в 10 де[нь] старцу Варламу другая половина два рубля дано. Старец Варлаам денги взял, дьячек...^b в ево место руку приложил.

Старец Никита, что в Ыгнатовском. Отставлен.

Старец Анофрей, что в селе Романовском. И сентября в 11 де[нь] старцу Анофрею семелское жалование два рубли дано. Взял сын ево Давыд Панов. И марта в 20 де[нь] старцу Анофрею евдокимовского сроку два рубля дано. Взял сын ево Давыд Панов. Да Давыд на отца денги взял, в ево место Иван Рагозин руку приложил.

(Л. 346) *Певчие дьяки, 12 рублей.* Андрей Кузьмин. И сентября в 4 де[нь] Андрею Кузьмину семелского сроку шесть рублей дано. Андрей Кузьмин семелскую половину взял и руку приложил.

И генваря в 4 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Нечаева Ондреевым дочерям девкам Матренице да Оринице отца их жалование евдокимовского сроку жалованы на помин отца их и на погребение шесть рублей, дано. Девки Марюшка да Оринка шесть рублей взяли, а в их место брат их...^b Сергей руку приложил.

Иван Никитин. И сентября в 4 де[нь] Ивану семелского сроку жалования шесть рублей дано. Иван Никитин семелскую половину взял и руку приложил. И марта в 4 де[нь] те денги евдокимовского сроку другая половина шесть рублей. Иван Никитин денги взял и руку приложил.

(Л. 346 об.) Дмитрий Фалелеев. И сентября в 4 де[нь] Дмитрию семелского сроку жалования шесть рублей дано. Дмитрий Фалелеев семелскую половину и соляные денги полсема рубля взял и руку приложил. И марта в 6 де[нь] Дмитрею другая половина шесть рублей дано. Дмитрий Фалелеев денги взял.

Богдан Иванов. И сентября в 4 де[нь] Богдану семелского сроку жалования шесть рублей дано. Богдан Иванов денги шесть рублей взял и руку

^a Далее одно слово написано неразборчиво.

^b Далее одно слово написано неразборчиво.

^b Далее одно слово написано неразборчиво.

приложил. И марта в 4 де[нь] Богдану другая половина шесть рублей дано. Богдан Иванов денги взял и руку приложил.

(Л. 347) Иван Трифонов. И сентября в 4 де[нь] Ивану семелского сроку жалования шесть рублей дано. Иван Трифонов денги шесть рублей взял и руку приложил. И марта в 4 де[нь] Ивану Трифонову другая половина шесть рублей дано. Богдан Иванов денги взял и руку приложил.

Другие станицы⁴, по 10 рублей. Данило Иванов. И сентября в 4 де[нь] Данилу семелского сроку жалования пять рублей дано. Данило денги взял и руку приложил. И марта в 4 де[нь] другая половина евдокимовского сроку пять рублей дано. Данило Иванов денги взял и руку приложил.

(Л. 347 об.) Федор Костентинов. И сентября в 4 де[нь] Федору семелского жалования пять рублей дано. Федор денги взял и руку приложил. И марта в 4 де[нь] другая половина евдокимовского сроку пять рублей дано. Федор Костентинов денги взял и руку приложил.

По 9 рублей. Савин Михайлов. И сентября в 4 де[нь] Савину семелское жалование полпяты рубли дано. Взял сам. Савин Михайлов денги взял и руку приложил. И марта в 4 де[нь] Савину Михайлову другая половина евдокимовского сроку четыре рубля дано. Савин денги взял и руку приложил.

(Л. 348) Иван Васильев. И сентября в 4 де[нь] Ивану семелское жалование полпяты рубли дано^а. Иван Васильев семелскую половину жалования взял сам, и соляную полтину, и руку приложил. И марта в 4 де[нь] другая половина^б полпяты рубля дано. Иван Васильев денги взял и руку приложил.

Тит Осипов. И сентября в 4 де[нь] Титу семелское жалование полпяты рубли дано. И марта в 15 де[нь] Титу Осипову другая половина полпяты рубля дано^в. Тит денги взял и руку приложил.

2 рубли. Савостьян Дмитриев. И сентября (Л. 348 об.) в 2 де[нь] Савостьяну семелское жалование рубль дано. Взял сам, Савостьян денги взял^г. И марта в 10 де[нь] Савостьяну другая половина рубль дано. Савостьян денги взял и руку приложил.

Да певчим дьяком 10 человеком — Ондрею Кузьмину с товарищи, на корм по полполтине человеку. И сентября в 4 де[нь] певчим дьяком по полполтине человеку, итого пять рублей дано. Взял...^д

Подьяки, по 4 рубли. Борис Дводов^е. И сентября в 4 де[нь] Борису семелского жалования два рубля дано^е. Борис денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] Борису Давыдову другая (Л. 349) половина два рубли дано. Борис денги взял и руку приложил.

Василей Аввакумов. И сентября в 4 де[нь] Василию семелское жалование два рубли дано. Василей Аввакумов семелскую половину жалования взял и руку приложил. И марта в 6 де[нь] Василью Аввакумову другая половина

^а Слово вписано над строкой.

^б В рукописи слово написано дважды.

^в Слово вписано над строкой.

^г Так в рукописи.

^д Предложение не дописано.

^е Слово вписано над строкой.

евдокимовского сроку два рубли дано. Подьяк Василей денги взял и руку приложил.

Иван Матвеев. И сентября в 4 де[нь] Ивану семелское жалование два рубли дано. Ивашко Матвеев денги взял и руку приложил. И марта в 6 де[нь] Ивану Матвееву другая половина (Л. 349 об.) евдокимовского сроку два рубли дано. Подьяк Ивашка Матвеев денги взял и руку приложил.

Семен Минин. И сентября в 4 де[нь] Семену семелское жалование два рубли дано. Семен денги взял и руку приложил. И марта в 6 де[нь] Семену Минину другая половина евдокимовского сроку два рубли дано. Сенка Минин денги взял и руку приложил.

Иван Осипов. На нынешней 1640/41 год дано сполна.

Афанасий Игнатъев. И сентября в 4 де[нь] Афанасию семелское жалование два рубли дано. Афанасий денги взял и руку приложил. И марта в 6 де[нь] (Л. 350) Афанасию Игнатъеву другая половина евдокимовского сроку два рубли дано. Подьяк Афанасий денги взял и руку приложил.

По 3 рубли с полтиною. Ивашко Данилов стал во дьяконы, а на ево место пожалован в подьяки Микитка Никитин. И денежное жалование ему оклад учинить то ж. И сентября в 11 де[нь] Микитке семенское жалование рубль двадцать пять алтын дано. Никитка денги взял и руку приложил. И марта в 6 де[нь] Никите Иванову^a другая половина евдокимовского сроку рубль двадцать пять алтын дано. Подьяк Никита Никитин денги взял и руку приложил.

Ивашко Гаврилов. И сентября в 4 де[нь] Ива (Л. 350 об.) шку семелсково жалования два рубли без чети дано. Ивашко Гаврилов денги взял и руку приложил. И марта в 6 де[нь] другая половина евдокимовского сроку Ивашку Гаврилову два рубли дано. Ивашко Гаврилов денги взял и руку приложил.

Осташка Кирилов. И сентября в 4 де[нь] Осташке семелсково жалования рубль двадцать пять алтын дано. Осташко денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] другая половина рубль двадцать пять алтын дано. Осташко денги взял и руку приложил.

По 3 рубли. Микифорко Федоров. И сентября в 4 де[нь] (Л. 351) Микифорку семелское жалование полтора рубли дано. Микифорко денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] Микифорку Федорову другая половина полтора рубля дано. Микифорко Федоров денги взял и руку приложил.

Аника Макарьев. И сентября в 4 де[нь] Анике семелское жалование полтора рубли дано. Анилка денги взял и руку приложил. И марта в 20 де[нь] Анилке евдокимовского сроку жалованья полтора рубли дано. Подьяк Аника руку приложил и денги взял.

Федка Прокофьев. И сентября в 15 де[нь] (Л. 351 об.) Федке семелское жалование полтора рубли дано. Федка Прокофьев денги взял и руку приложил. И марта в 20 де[нь] Федке евдокимовского сроку жалованья полтора рубли дано. Федка Прокофьев денги взял и руку приложил.

^a Так в рукописи.

Нефедка Григорьев. И сентября в 25 де[нь] Нефедке семелское жалование полтора рубли дано. Нефедка Григорьев денги взял и руку приложил. И марта в 22 де[нь] Нефедку Григорьеву жалованья другая половина полтора рубли дано. Нефедка Григорьев денги взял и руку приложил.

Исачко Ондриков. И сентября в 4 де[нь] Исачку семелское жалование полто (Л. 352) ра рубли дано. Исачко Ондриков денги взял и руку приложил. И марта в 6 де[нь] другая половина Исачку Ондрикову евдокимовского сроку полтора рубли дано. Исачко Ондриков денги взял и руку приложил.

Микифорко Петров. И сентября в 4 де[нь] Микифорку семелское жалование полтора рубли дано. Никифорко Петров денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] Микифорку Петрову другая половина полтора рубли дано. Микифорко Петров денги взял и руку приложил.

По 2 рубли. Гарасимко Трофимов. И по росписи за пометою дьяка Григория Одинцова (Л. 352 об.) прибавлена полтина. И сентября в 4 де[нь] Гарасимку жалованья семелсково сроку рубль с четью дано. Гарасимко денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] Гарасимку Трофимову другая половина рубль с четью дано. Гарасимко Трофимов денги взял и руку приложил.

Анисимко Иванов. И сентября в 4 де[нь] Анисимку семелское жалование рубль дано. Анисимка денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] Анисимку Иванову другая половина рубль дано. Анисимко Иванов денги взял и руку приложил.

Дениско Федоров. И сентября в 4 де[нь] Дениску семелское жалование рубль дано. (Л. 353) Дениска денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] Дениску Федорову другая половина рубль дано. Дениско Федоров денги взял и руку приложил.

Ивашко Иванов. И сентября в 4 де[нь] Ивашке семелское жалование рубль дано. Ивашко Иванов денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] Ивашку Иванову другая половина рубль дано. Ивашко Иванов денги взял и руку приложил.

Куземка Иванов. И сентября в 4 де[нь] Куземке семелское жалование рубль дано. Куземка денги взял и руку приложил. (Л. 353 об.) И марта в 10 де[нь] Куземке Иванову другая половина рубль дано. Куземка Иванов денги взял и руку приложил.

Пожаловал государь Святейший Патриарх в подьяки Ивашка Васильева сына Тверитинова в меньшую станицу, а годового жалованья ему по выписке за пометою дьяка Григория Одинцова велено оклад учинить два рубли. И марта в 30 де[нь] Мишке^а жалованья евдокимовского сроку рубль дано. Мишка денги взял, руку приложил.

(Л. 354) *Казенново приказу подьячие, по 11 рублев.* Федор Андреев. И сентября в 20 де[нь] Федору Андрееву жалованья семелсково сроку пять рублев с полтиною дано. Федор Андреев денги взял и руку приложил. И марта

^а Так в рукописи.

в 16 де[нь] Федору Андрееву и жалованья евдокимовского сроку пять рублей с полтиною.

Гаврило Фаворов. И сентября в 15 де[нь] Гаврилу жалованья семелсково сроку пять рублей с полтиною дано. Гаврило Фаворов денги взял и руку приложил. И марта в 18 де[нь] Гаврилу жалованья евдокимовского сроку пять рублей с полтиною.

(Л. 354 об.) *Патриаршие дворовые дети боярские, по 5 рублей.* Степан Евреев в Белозерском уезде в Череповце.

Иван Михайлов сын Соболев. И сентября в 20 де[нь] Ивану Михайлову сыну Соболеву семелсково сроку жалованья полтретя рубли дано. Взял сам, Иван Соболев денги взял, а в ево место Александр...^a руку приложил. И марта в 18 де[нь] Ивану Соболеву евдокимовского сроку полтретя рубли дано. Иван денги взял, в ево место Микита Иванов руку приложил.

Кузьма До[м]нин на десятине в Елце. И марта в 20 де[нь] Кузме Домнину (Л. 355) евдокимовского сроку жалованья полтретя рубли. Кузьма денги взял и руку приложил.

Иван Федоров сын Рагозин на десятине в Темникове. И марта в 20 де[нь] Ивану Рагозину евдокимовского сроку жалованья полтретя рубли дано. Иван Рагозин денги взял, и руку приложил Семен Рагозин в Иваново место.

Олексей Нефедьев сын Патрикеев. И октября в 11 де[нь] Олексею семелское жалованье полтретя рубли дано. Взял сам Олексей, денги взял и руку приложил. И марта в 20 де[нь] Олексею другая половина евдокимовского сроку полтретя (Л. 355 об.) рубли дано. Олексей денги взял и руку приложил.

Иван Семенов сын Рагозин был в Осташкове на приказе. И марта в 20 де[нь] Ивану⁶ Рагозину евдокимовского сроку полтретя рубли дано. Иван Семенов сын Рагозин ево жалование взял, Семен Рагозин в ево место руку приложил.

Степан Булгаков отпущен в Володимер на Кузьмино место Завороткова. (Л. 356) Гаврило Сахарусов. И Гаврилу в прошлом во 1639/40 году в марте для варзужские посылки жалование дано сполна.

Семен Суцев. И сентября в 9 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Ивана Соболева Семену на нынешний 1640/41 год жалование сполна пять рублей дано. Семен пять рублей взял и руку приложил.

Осип Галасеин на приказе в кашинских селех.

(Л. 356 об.) Князь Офанасей Мещерской. На нынешней 1640/41 год семелское жалование дано в прошлом году. И марта в 20 де[нь] Князю Офанасию Мещерскому жалованья евдокимовского сроку полтретя рубли дано. Князь Офанасей денги взял, в ево место Богдан Сивцев руку приложил.

Семен Никитин сын Рагозин. И сентября в 21 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Семену семелское жалование полтретя рубли дано. Се (Л. 357) мен государево жалование взял и руку приложил. И марта в 20 де[нь] Семену Рагозину евдокимовского сроку полтретя рубли дано. Семен Рагозин государево жалование взял и руку приложил.

^a Далее одно слово написано неразборчиво.

⁶ В рукописи имя написано дважды.

Семен Суцев написан вдвое.

Иван Карево в Кевроли на десятине.

(Л. 357 об.) Василей Фефилов. И сентября в 15 де[нь] Василью семелское жалованье полтретья рубли дано. Взял сам, Василей Фефилов денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] Василью Фефилу другая половина полтретья рубли дано. Василей Фефилов денги взял и руку приложил.

По 4 рубли с полтиною. Андрей Шумихин от двора отставлен.

(Л. 358) Степан Корякин. И апреля в 6 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Степану жалованья евдокимовского сроку два рубли с четью дано. Степан денги взял, а в ево место Тимофей Всеволоцкой руку приложил.

По 4 рубли. Алексей Матов в Осташкове на приказе.

Князь Дмитрий Мещерской. И сентября в 4 де[нь] княз Дмитрею семелское жалованье два рубли дано. Князь Дмитрий Мещерской денги взял, а в ево место Семен Соболев руку приложил. И марта в 20 де[нь] княз Дмитрию жалованья евдокимовского сроку два рубли дано. Князь Дмитрий Мещерской денги взял, а в ево место Семен Суцев руку приложил.

(Л. 358 об.) Князь Петр Шелешпалской. Семелское жалованье дано в прошлом году.

Михайло Онучин был на десятине. И марта в 20 де[нь] Михайлу Онучину жалованья евдокимовского сроку два рубли дано. Михайло Онучин денги взял и руку приложил.

Кузма Заворотков на приказе в Володимере. И апреля в 18 де[нь] по выписке за пометою дьяка Григория Одинцова Кузме Завороткову патриарша жалованья евдокимовского сроку два рубли дано. Кузма денги взял.

Михайла Патрикеев на приказе в Володимере. И апреля в 18 де[нь] по выписке за пометою дьяка Григория Одинцова Михайлу жалованья евдокимовского сроку два рубли дано. Михайло Патрикеев денги взял, а в ево место Микита Иванов руку приложил.

(Л. 359) Иван Филатов. Семелского сроку жалованье дано в прошлом году.

Василей Рагозин. И сентября в 4 де[нь] Василью семелское жалованье два рубли дано. Взял сам, Василей денги взял, Богдан Кловцов в ево место по ево, Василью, руку приложил. И марта в 20 де[нь] Василью Рагозину евдокимовского сроку жалованья два рубли дано. Василей денги взял, в ево место Семен Рагозин руку приложил.

Влас Григоров был на десятине. И апреля в 20 де[нь] по выписке за пометою дьяка Григория Одинцова Власу жалованье евдокимовского сроку два рубли дано.

(Л. 359 об.) Дмитрий Чуровской. И сентября в 4 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Дмитрею семелское жалованье два рубли дано. А евдокимовское жалованье на нынешний 1640/41 год ему^a за честь за долг выплату. Дмитрий Чуровской взял и руку приложил. И марта

^a В рукописи слово написано дважды.

в 17 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова Дмитрею Чюровскому жалованья евдокимовского сроку два рубли дано. Дмитрий денги взял.

Петр Лазарев. И сентября в 4 де[нь] Петру семелское жалованье два рубли дано. Петр Лазарев денги взял и руку приложил. И сентября в 26 де[нь] по челобитной за пометой дьяка Григория Одинцова Петру евдокимовского сроку жалованья рубль дано. Петр Лазарев рубль взял. И марта в 10 де[нь] Петру евдокимовского сроку другой рубль. Петр денги взял и руку приложил.

Гаврило Космарев. И сентября в 4 де[нь] Гаврилу семелское жалованье два рубли дано. Гаврило денги взял, а вмес (Л. 360) сто ево подьяк Ивашко Гаврилов по ево велению руку приложил. И марта в 5 де[нь] Гаврилу ж Комареву другая половина два рубли, да ему ж по памяти за приписью дьяка Федора Торопова вперед на 1641/42 год для варзужской посылки половина ж окладу два рубли дано.

Иван Иванов сын Рагозин. И октября в 10 де[нь] Ивану семелское жалованье два рубли дано. Приказал дьяк Григорий Одинцов. Иван денги взял и руку приложил. И марта в 20 де[нь] Ивану жалованья евдокимовского сроку два рубли дано. Иван Рагозин денги взял и руку приложил.

Федор Булгаков. И сентября в 20 де[нь] Федору семелское жалованье два рубли дано. Федор Булгаков денги взял, Иван Рагозин в Федорово место руку приложил. И марта в 20 де[нь] Федору (Л. 360 об.) жалованья евдокимовского сроку два рубли дано. Федор Булгаков денги взял. А в ево место Раман Володимеров руку приложил.

Семен Дводов сын Соболев на десятине в Темникове.

Богдан Сивцов. И сентября в 18 де[нь] Богдану Сивцову семелского сроку жалованье два рубли дано. Богдан денги взял и руку приложил. И марта в 20 де[нь] Богдану евдокимовского сроку жалованья два рубли дано. Богдан Сивцов денги взял и руку приложил.

(Л. 361) Михайло Всеволоцкой. И сентября в 17 де[нь] Михайлу семелское жалованье два рубли дано. Михайло денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] другая половина два рубли дано. Михайло Всеволоцкой денги взял и руку приложил.

Иван Алексеев сын Патрикеев. И сентября в 18 де[нь] Ивану семелское жалованье два рубли дано. Иван Патрикеев денги взял и руку приложил.

(Л. 361 об.) Василей Ратков. И сентября в 4 де[нь] Василью семелское жалованье два рубли дано. Василей Ратков денги взял и руку приложил.

Двод Панов был на десятине в Дмитрове. И марта в 20 де[нь] Давыду евдокимовского сроку два рубли дано. Давыд Панов денги взял, а в ево место Алексей Патрикеев руку приложил.

Василей Древков. И сентября в 13 де[нь] Василью семелское жалованье два рубли дано. Василей денги взял и руку приложил. И марта в 20 де[нь] Василью евдокимовского сроку жалованья два рубли дано. Василий Древков денги взял. А в ево место Раман Володимеров руку приложил.

По 3 рубли с полтиною. Богдан Оборин. И сентября в 20 де[нь] (Л. 362) Богдану семелское жалованье рубль двадцать пять алтын дано. И марта

в 30 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Богдану Оборину жалованья евдокимовского сроку рубль двадцать пять алтын дано. Богдан деньги взял, а в ево место Богдан Всеволоцкой руку приложил.

Иван Косагов. И Ивану в прошлом во 1639/40 году, в марте, по росписи за пометою дьяка Григория Одинцова прибавлена полтина. И сентября в 20 де[нь] Ивану семелское жалованье два рубли дано. Иван Косагов денги взял, и руку приложил. И марта в 20 де[нь] Ивану Косагову евдокимовского сроку жалованья два рубли дано. Иван Косагов денги взял.

Ерофей Ногавицын. И сентября в 19 де[нь] Ерофею семелское жалованье рубль двадцать пять алтын. В Череповской (Л. 362 об.) волости на приказе.

По 3 рубли. Тимофей Иванов на Самаре. И июня в 22 де[нь] по челобитной за пометой дьяка Григория Одинцова Тимофею Иванову жалованья семелского и евдокимовского сроков нынешнего 1640/41 году три рубли дано. Тимофей Иванов денги взял, Иван...^а в ево место руку приложил.

Тимофей Всеволоцкий. И сентября в 9 де[нь] Тимофею семелское жалованье полтора рубли дано. Тимофей денги взял и руку приложил. И марта в 22 де[нь] Тимофею (Л. 363) Всеволоцкому жалованья евдокимовского сроку полтора рубли дано. Тимофей денги взял и руку приложил.

Семен Лопухин. И сентября в 4 де[нь] Семену семелское жалованье полтора рубли, да ему ж, Семену, по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова прибавлена полтина, и жалованье ему с прибавкою рубль двадцать пять алтын дано. Семен Лопухин денги взял, а в ево место Левонтей Овдокимов руку приложил. Семену Лопухину другая половина жалованья дана. Писана ниже сего к новикам сентября в 18 числе.

Иван Всеволоцкой. И по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова сентября в 4 де[нь] жалованье на нынешней 1640/41 год сполна три рубли дано. Взял сам, Иван Всеволоцкой денги взял и руку приложил.

(Л. 363 об.) Леонтей Овдокимов.

Семен Детков. И сентября в 4 де[нь] Семену семелское жалованье полтора рубли дано. Семен Детков денги взял и руку приложил. И марта в 20 де[нь] Семену Деткову евдокимовского сроку полтора рубли дано. Семен Детков денги взял и руку приложил.

(Л. 364) Иван Патрикеев Меньшой. И в нынешнем во 1640/41 году сентября в 4 де[нь] по выписке за пометою дьяка Григория Одинцова патриаршу сыну боярскому Ивану Патрикееву Меньшому патриарша жалованья на нынешней на 1640/41 год оклад ево три рубли дано сполна. Александр сын Патрикеев денги взял и руку приложил на сына своего Ивана.

Микита Федоров в Караше с старцом. И октября в 30 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Миките на прошлой на 1639/40 год евдокимовского сроку полтора рубли дано. Ноября в 4 де[нь] по другой челобитной на нынешней 1640/41 год семеского сроку жалованья полтора рубли. Обоево три рубли дано. Взял сам, Микита денги взял и руку приложил. И марта в 4 де[нь] Миките другая половина полтора рубли дано. Микита денги взял.

^а Далее одно слово написано неразборчиво.

Микифор Беляев. И сентября в 14 де[нь] Микифору семеское жалованье (Л. 364 об.) полтора рубли дано^а. Микифор денги взял, Семен Детков руку приложил. И марта в 10 де[нь] Микифору Беляеву другая половина полтора рубли дано. Микифор денги взял Беляев, а в ево место Богдан Сивцов руку приложил.

Роман Володимеров. И сентября в 15 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Роману семеское жалованье полтора рубли дано. Роман Володимеров денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] Роману Володимерову другая половина полтора рубли дано. Роман Володимеров денги взял и руку приложил.

Ондрей Нагаев. И сентября в 20 де[нь] Ондрею семенское жалованье полтора рубли дано. Ондрей денги взял и руку приложил. И марта в 24 де[нь] Ондрею (Л. 365) другая половина евдокимовского сроку полтора рубли дано.

Микита Шамшев. Семеское дано и евдокимовское на весь год для астраханские службы в прошлом году сполна.

Василей Беляев. И марта в 20 де[нь] Василью Беляеву жалования евдокимовского сроку полтора рубли дано. Василий Беляев денги взял и руку приложил. И мая в 23 де[нь] по выписке за пометою дьяка Григория Одинцова Василью Беляеву патриарша жалования семеского сроку полтора рубли дано. Василей Беляев денги взял и руку приложил.

(Л. 365 об.) Иван Резанов. Семеское жалованье дано в прошлом году и в нынешнем во 1640/41 году генваря в 28 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова. Ивану Резанову вперед для ево бедности патриархова жалования евдокимовского сроку нынешнего 1640/41 году полтора рубли дано. Иван Резанов денги взял. А на нынешней 1640/41 год для бедности жалованье дано сполна.

Дети боярские ж в Судном и в Дворцовом приказех ходят в неделях, 4 рубли. Тихан Чертов.

(Л. 366) *По 3 рубли.* Матвей Облецов. Григорий Беляев. Воин Григоров.

(Л. 366 об.) *6 рублев.* Серебряной мастер Василей Иванов. И сентября в 4 де[нь] Василью семеское жалованье три рубли дано. Взял сам.

Источники, 5 рублев. Мишка Володимеров. И сентября в 5 де[нь] Мишке семеское жалование полтретя рубли дано. Взял сам. И марта в 17 де[нь] Мишке Володимерову другая половина полтретя рубли дано. Михалка денги взял, а Леонтей руку приложил.

(Л. 367) *По 4 рубли.* Власко Захарьев. И сентября в 4 де[нь] Власку семеское жалование два рубли. Да ему ж против ево товарищей на шубу сорок алтын, и впредь на два года до 1642/43 году до Семеня ж дни. Обоево три рубли две гривны дано. И марта в 10 де[нь] Власку Захарьеву другая половина два рубли дано. Взял сам.

Петрушко Григорьев. И сентября в 4 де[нь] Петрушке семеское жалование два рубли. Да ему ж против ево товарищей на шубу сорок алтын, и впредь

^а Слово вписано над строкой.

на два года до 1632/33^а году до Семеня ж дни. Обоево три рубли две гривны дано. И марта в 10 де[нь] Петрушке Григорьеву другая половина два рубли дано. Петрушка Григорьев денги взял, а в ево место подьяк Никифорко Петров руку приложил.

(Л. 367 об.) *3 рубли 10 алтын.* Судовой подьячей Кирюшка Григорьев. И сентября в 15 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Кирюшке семеское жалование рубль двадцать один алтын четыре денги дано^б. Кирюшко денги взял. И марта в 10 де[нь] другая половина рубль двадцать один алтын четыре денги дано^в. Кирюшка Григорьев денги взял и руку приложил.

Житнишной подьячей, 3 рубли. Федка Кузьмин. И сентября в 4 де[нь] Федору семеское жалование полтора рубли дано^г. Федка денги взял и руку приложил. И марта в 21 де[нь] другая половина евдокимовского сроку Федору Кузьмину полтора рубли дано^д. Федка Кузьмин денги взял и руку приложил.

(Л. 368) *4 рубли.* Кузнец Ондрюшка Иванов. И сентября в 4 де[нь] Ондрюшке жалованья семеского сроку два рубли дано. Взял сам. И марта в 20 де[нь] Ондрюшке евдокимовского сроку два рубли дано. Кузнец Ондрюшка Иванов денги взял, а в ево место Кузма Заворотков руку приложил.

Котелник, 3 рубли. Ивашко Васильев. И сентября в 4 де[нь] Ивашке семеское жалованье полтора рубли дано. Взял сам, Ивашко денги взял и руку приложил. И марта в 7 де[нь] другие половины евдокимовского сроку полтора рубли дано. Взял сам.

(Л. 368 об.) *По 2 рубли с полтиною.* Свешник Сенка Семенов. И сентября в 4 де[нь] Сенке семеское жалованье рубль с четью дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Сенке Семенову другая половина рубль с четью дано. Взял сам.

Свешник Ивашко Еуфимиев. И сентября в 4 де[нь] Ивашку семеское жалованье рубль с четью дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] свешнику Ивашке Еуфимиеву другая половина рубль с четью дано. Взял сам.

(Л. 369) *Церковные дьячки, 2 рубли.* Тресвяцкой Ивашко Зиновьев. И сентября в 21 де[нь] дьячку Ивашку семеское жалованье рубль дано. Дьячек Ивашко денги взял и руку приложил.

30 алтын. Ризоположенской Анцифорко Леонтьев. И сентября в 4 де[нь] Анцифорку семеское жалованье пятнадцать алтын дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Анцифорку Леонтьеву другая половина пятнадцать алтын дано. Взял сам.

(Л. 369 об.) *Соборные церкви понамари, по рублю человеку.* Поп вдовой Василей Кирилов. И сентября в 4 де[нь] попу Василью семеское жалованье полтина дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] вдовому попу Василью другая половина полтина дано.

^а Так в рукописи.

^б Слово вписано над строкой.

^в Слово вписано над строкой.

^г Слово вписано над строкой.

^д Слово вписано над строкой.

Поп вдовой Алексей Андреев. И сентября в 4 де[нь] попу Алексею семеское жалованье полтина дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] вдовому Алексею другая половина полтина дано.

Соборные ж церкви сторожам 16 человеком на рукавицы 2 рубли 2 алтына 4 денги, по 4 алтына по 2 денги человеку. И сентября в 7 де[нь] сторожем те денги дано. Взял Васка Григорьев, Васка денги взял на товарищей и руку приложил.

(Л. 370) *Повары, и приспешники⁶, и помясы⁷, 5 рублей с полтиною.* Повар Вавилко Петров. И сентября в 4 де[нь] Вавилку семеское жалованье два рубли двадцать пять алтын дано. Вавило денги взял, а в место ево Ивашко Иванов руку приложил. И марта в 10 де[нь] другая половина евдокимовского срока два рубли двадцать пять алтын дано. Повар Вавилко денги взял сам, и в ево место...⁸ руку приложил.

5 рублей. Приспешник Гаврилко Иванов. И сентября в 4 де[нь] Гаврилку семеское жалованье полтретя рубли дано. Гаврило денги взял, в ево место Семен Соболев руку приложил. И марта в 10 де[нь] Гаврилку Иванову другая половина полтретя рубли дано. (Л. 370 об.) Взял сам. Приспешник Гаврило Иванов денги взял, а в ево место судовой подьячей Кирилко Григорьев руку приложил.

По 4 рубли. Повар Ивашко Невежин. И сентября в 4 де[нь] Ивашку семеское жалованье два рубли с четью дано. Ивашко денги взял, а в ево место подьяк Борис руку приложил. И марта в 10 де[нь] другая половина евдокимовского срока Ивашку Невежину два рубли с четью дано. Ивашко Невежин денги взял, а в ево место судовой подьячей Кирилка Григорьев руку приложил.

Филка Степанов. Семеское жалованье дано в прошлом году. И марта в 10 де[нь] Филке Степанову другая половина евдокимовского срока два рубли с четью дано. Взял сам Филка Степанов, а в ево место судовой Кирилка Григорьев руку приложил.

(Л. 371) Сенка Хохлов. И сентября в 4 де[нь] Сенке семеское жалованье два рубли с четью дано. Семен Хохлов денги взял, а в ево место подьяк Ивашко Иванов руку приложил. И марта в 10 де[нь] Сенке Хохлову другая половина евдокимовского срока два рубли с четью дано. Взял сам Сенка Хохлов, а в ево место судовой Кирилка Григорьев руку приложил.

3 рубли с полтиною. Приспешник Федка Филиппов. Да (Л. 371 об.) Федке в прошлом во 1639/40 году марта прибавлена полтина. И октября в 11 де[нь] Федке семеское жалованье два рубли дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] другая половина два рубли дано. Федка Филиппов денги взял, а в ево место судовой подьячей Кирилка Григорьев руку приложил.

По 3 рубли. Повар Ивашко Васильев Полежай. Отставлен из двора.

Повар Микитка Гомолин. И сентября в 4 де[нь] Микитке семеское жалованье (Л. 372) полтора рубли дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] другая половина евдокимовского срока полтора рубли дано. Микитка Иванов денги взял, а в ево место судовой подьячей Кирилка Григорьев руку приложил.

⁸ Далее одно слово написано неразборчиво.

По 2 рубли. Помяс Ивашка Васильев. И сентября в 25 де[нь] Ивашке семеское жалованье полтора рубли дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] другая половина евдокимовского сроку полтора рубли дано. Ивашко Васильев денги взял, а в ево место судовой подьячей Кирилка Григорьев руку приложил.

По 2 рубли. Помяс Петрушка Микитин. И сентября в 4 де[нь] Петрушке семеское жалованье двадцать пять алтын дано. (Л. 372 об.) И марта в 10 де[нь] другая половина евдокимовского сроку двадцать пять алтын дано.

3 рубли. Скатерник Куземка Степанов. Да ему ж на патриаршие, и на гостиные скатерти, и на мыло, и на золу 20 алтын. И сентября в 4 де[нь] Куземке семеское жалованье, и на скатерти, и на мыло рубль двадцать шесть алтын четыре денги дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] другая половина оклад и на мыло, и на скатерти рубль двадцать шесть алтын 7 денег дано.

3 рубли. Пивовар Мишка Родионов. И сентяб (Л. 373) ря в 4 де[нь] Мишке семеское жалованье полтора рубли дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Мишке Родионову другая половина полтора рубли дано.

Сторожи погребные и сушильные, 2 рубли с полтиною. Федоско Офонасьев. И сентября в 20 де[нь] Федоску семеское жалованье рубль восемь алтын две денги дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Федоску Офонасьеву другая половина рубль восемь алтын две денги дано. Взял сам.

(Л. 373 об.) Омелка Офонасьев. И сентября в 4 де[нь] Омелке семеское жалованье рубль восемь алтын две денги дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Омелке евдокимовского сроку рубль восемь алтын две денги дано. Взял сам, Амелка денги взял, а руку приложил Дениско Федоров, подьяк пятой станицы.

По 2 рубли. Харитонко Анцыфоров. И сентября в 4 де[нь] Харитонку семеское жалованье рубль дано. Взял сам. И марта в 6 де[нь] другая половина евдокимовского сроку рубль дано. Сторож Харитонко денги взял, а в ево место подьяк Ивашко Гаврилов руку приложил.

(Л. 374) Васка Михайлов. И сентября в...^a

Повар с росхожие поварни Васка Андреев. И сентября в 4 де[нь] Васке семеское жалованье рубль дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] другая половина евдокимовского сроку рубль дано. Васка Ондреев взял денги, а в ево место судовой подьяк Кирилко Григорьев руку приложил.

Повар же с росхожие поварни Микитка Осипов. Да ему ж на росхожие (Л. 374 об.) скатерти, на мыло, и на золу 13 алтын 2 денги. И сентября в 4 де[нь] Микитке семеское жалованье и на скатерти рубль шесть алтын четыре денги дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] другая половина евдокимовского сроку рубль шесть алтын четыре денги дано. Микитко Осипов денги взял, а в ево место судовой подьяк Кирилко Григорьев руку приложил.

Розрядново, и Дворцового, и Казенного приказов сторожи, рубль 8 алтын 2 денги. Стенка Кузмин. И сентября в 4 де[нь] Стенке семеское жалованье дватцать алтын пять денег дано. И марта в 10 де[нь] Стенке Кузмину другая половина дватцать алтын пять денег дано. Взял сам.

^a Далее в тексте пропуск.

(Л. 375) *По рублю*. Палка Нефедев. И сентября в 4 де[нь] Палке семеское жалованье полтина дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Палке Нефедеву другая половина полтина дано. Взял...^a ево дворцовой сторож Климко Павлов.

Климко Павлов. И сентября в 4 де[нь] Климке семеское жалованье полтина дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Климку Павлову другая половина полтина дано. Взял сам.

Титко Васильев. И сентября в 15 де[нь] Титку семеское жалованье полтина дано. (Л. 375 об.) И марта в 6 де[нь] другие половины евдокимовского сроку полтина дано.

Гаврилко Иванов. И сентября в 19 де[нь] Гаврилке семеское жалованье полтина дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Гаврилку Иванову другая половина полтина дано. Взял сам.

Якушко Иванов. И сентября в 4 де[нь] Якушке семеское жалованье полтина дано. Взял сам. И марта в 19 де[нь] Якушку евдокимовского сроку полтина дано. Взял сам.

(Л. 376) *Конюхи на Москве и по селам у лошадей, по 3 рубли*. Андрюшка Юрьев. И сентября в 16 де[нь] Андрюшке семеское жалованье полтора рубли дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Андрюшке другая половина полтора рубли дано. Взял сам.

3 рубли с полтиною. Аггейко Антипин. Из двора отставлен.

Тренка Львов. И октября в 11 де[нь] Тренке семеское жалованье рубль двадцать алтын дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Тренке Львову другая рубль двадцать алтын дано. Взял сам.

Якушко Свяженин. И октября в 5 де[нь] (Л. 376 об.) Янке Федорову семеское жалованье полтора рубли дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Янке Федорову другая половина полтора рубли дано.

Онашка Ортемьев. И сентября в 4 де[нь] Онашке семеское жалованье полтора рубля дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Анашке Артемьеву другая полтора рубля дано.

Мишка Рысков. И сентября в 4 де[нь] Мишке семеское жалованье полтора рубли дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Мишке Рыскову другая половина евдокимовского (Л. 377) сроку полтора рубли дано. Мишка Рысков денги взял, а в ево место Михаило Всеволоцкой руку приложил.

Филка Фролов. И сентября в 4 де[нь] Филке семеское жалованье полтора рубли дано. Взял конюшей старец Иев. И марта в 20 де[нь] Филке Фролову евдокимовского сроку жалованье полтора рубли дано. Филка денги взял, а в ево место Степан Рагозин руку приложил.

Мартынка Пиминов. И сентября в 20 де[нь] Мартынку семеское жалованье полтора рубли дано. Взял сам. И марта в 20 де[нь] Мартынку Пиминову жалованья евдокимовского сроку полтора рубли дано. Взял сам.

(Л. 377 об.) Гаврилко Павлов.

Коняшка Тимофеев.

^a Далее одно слово написано неразборчиво.

Ондрюшка Ондреев. И сентября в 23 де[нь] Ондрюшке семеское жалование полтора рубли дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Ондрюшке (Л. 378) Андрееву другая половина полтора рубли дано. Взял сам.

Гордейко Елизарев. И октября в 5 де[нь] Гордейку семеское жалование полтора рубли дано. Взял сам. И июня в 10 де[нь] Гурку евдокимовского срока жалования полтора рубли дано. Взял сам, Гурка денги взял, а в ево место Алексей Патрикеев руку приложил.

Ивашко Прокофьев. И сентября в 1 де[нь] Ивашку нынешнего 1640/41 году для далины, что живет в Ярымове, жалование три рубли дано. Взял сам.

Самсонко Прокофьев. И сентября в 1 де[нь] (Л. 378 об.) Самсонку жалование на нынешней 1640/41 год для далины, что живет в Вятцке, три рубли дано. Взял брат ево Ивашко.

Воротник Васка Дводов. И сентября в 4 де[нь] Васке семеское жалование полтора рубли дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Васке Давыдову другая половина полтора рубли дано. Взял сам.

Ондрюшка Лукьянов. И сентября в 4 де[нь] Ондрюшке семеское жалование полтора рубли дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Ондрюшке Лукьянову евдокимовского срока полтора рубли дано.

(Л. 379) *Водовозы. Да им же сверх жалования на рукавицы по гривне человеку.* Олешка Софонов. И сентября в 4 де[нь] Олешке семеское жалование и на рукавицы на год всего рубль двадцать алтын дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Олешке Софонову другая половина евдокимовского срока полтора рубли дано.

Федка Федоров попов. И на ево место Дорофейко Стафеев. И октября в 29 де[нь] Дорошке семеское жалование и на рукавицы на год всего рубль двадцать алтын дано. И марта в 10 де[нь] (Л. 379 об.) Дорофейку Стафееву другая половина полтора рубли дано.

Дровосеки, да им же на рукавицы по гривне человеку на год. Волотка Матфеев. И сентября в 4 де[нь] Волотке семеское жалование и на рукавицы рубль двадцать алтын дано. И марта в 10 де[нь] Волотке Матфееву другая половина полтора рубли дано.

Васка Парфеньев. И сентября в 4 де[нь] Васке семеского срока и на рукавицы рубль двадцать алтын дано. И марта в 10 де[нь] Васке Парфеньеву другая половина полтора рубли дано.

(Л. 380) *Житнишные сторожи, по 2 рубли.* Панка Федоров. И сентября в 9 де[нь] Панке семеское жалование рубль дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Панке Федорову другая половина рубль дано. Взял сам.

Гришка Дмитриев. И сентября в 9 де[нь] Гришке семеское жалование рубль дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Гришке Дмитриеву жалования другая половина рубль дано. Взял сам.

У подьяков сторож Посничко Семенов. И сентября в 4 де[нь] Посничку семеское жало (Л. 380 об.) ванье рубль дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Посничку Семенову другая половина рубль дано. Взял сам.

5 рублев. Огородник Куземка Филиппов. И сентября в 4 де[нь] Куземке семеское жалование полтретя рубли дано. Взял сам. И марта в 15 де[нь] Куземке Филипову другая половина полтретя рубли дано. Взял сам.

(Л. 381) *Монастырь Федоровской*⁸ 2 человеком попом, по 5 рубли. Поп Иосиф. И Иосиф отставлен, а на его место поп Пафнудей. И сентября в 4 де[нь] Пафнудею семеское жалованье полтретя рубли дано. Денги взял Пафнудей сам. И марта в 18 де[нь] Пафнудею другая половина евдокимовского срока полтретя рубли дано...⁵ Поп Пафнудей Федоровского монастыря денги взял.

Поп Иона. И сентября в 4 де[нь] Ионе семеское жалованье полтретя рубли дано. Поп Иона денги взял и руку приложил. И марта в 19 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова на Ионино место велено быть в попех черному попу Серапиону, и оклад ему велено учинить тот же, что Ионе. И тово ж числа попу Серапиону (Л. 381 об.) жалованья евдокимовского срока полтретя рубли дано. Поп Серапион денги взял и руку приложил.

2 рубли с полтиною. Дьячок Илюшко Бралцов. И сентября в 4 де[нь] дьячку семеское жалованье рубль восемь алтын две денги дано. Илюшко денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] дьячку Илюшке другая половина рубль восемь алтын две денги дано⁶. Илюшко денги взял и руку приложил.

По 2 рубли. Пономарь Кирилко Васильев. И сентября в 4 де[нь] Кирюшке семеское жалованье рубль дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] Кирилку Васильеву другая половина рубль дано. Взял конюшей старец Иев.

(Л. 382) Сторож Васка Васильев. И сентября в 4 де[нь] Васке семеское жалованье рубль дано. Взял сам. И марта в 30 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова на Васкино место велено быть в сторожах Левке Тимофееву и оклад ему велено справить тот же. И тово ж числа Левке евдокимовского срока рубль дано.

Свитошник Фадейко Борисов. И сентября в 4 де[нь] Фадейку семеское жалованье рубль дано. Взял сам. И марта в 15 де[нь] Фадейку Борисову другая половина рубль дано. Взял конюшей старец Иев.

Повар Фролко Родионов. И сентября (Л. 382 об.) в 4 де[нь] Фролку семеское жалованье рубль дано. Взял сам. И марта в 10 де[нь] тому Фролку Родионову другая половина рубль дано. Взял сам.

Федоровского ж монастыря старцом двадцати человеком на платье, на свитки, и на ряски, и на сапоги, и на манатье, и на клобуки тридцать рублей по полтора рубли человеку. И сентября в 4 де[нь] Федоровского монастыря братье на платье тридцать рублей дано. Взял келарь на всех старец Пимен. Федоровского монастыря черной поп Иона. Вместо братии двадцати человек денги взял келарь старец Пимин и руку приложил.

(Л. 383) *Государева патриарша села Троецково*, 10 рублей. Троецкой поп Василей. И сентября в 4 де[нь] попу Василью семеское жалованье пять рублей дано. Поп Василей денги взял и руку приложил. И марта в 16 де[нь] троецкому попу Василью другая половина евдокимовского срока пять рублей дано. Поп Василей денги взял и руку приложил.

⁵ Далее одно слово написано неразборчиво.

⁶ Слово вписано над строкой.

7 рублев. Предельной леонтьевской поп Гаврило. И сентября в 4 де[нь] попу Гаврилу семеское жалованье полчетверта рублей дано. Поп Гаврило денги взял и руку приложил. И марта в 16 де[нь] предельному леонтьевскому попу Гаврилу другая (Л. 383 об.) половина три рубли с полтиною дано. Поп Гаврило денги взял и руку приложил.

6 рублев. Дьякон Иосиф. И сентября в 4 де[нь] дьякону Иосифу семеское жалованье три рубли дано. Дьякон Иосиф денги взял и руку приложил. И марта в 16 де[нь] другая половина три рубли дьякону Иосифу дано. Дьякон Иосиф денги взял и руку приложил.

2 рубли с полтиною. Дьячок Сенка Зерцалов. И сентября в 4 де[нь] Сенке семеское жалованье рубль с четью дано. Сенка денги взял и руку приложил. Да Сенке ж в прошлом во 1639/40 году прибавлена полтина. И ему, Сенке, приба (Л. 384) вошная полтина...^a И марта в 14 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова на Сенкеном месте велено быть в дьячках безместному дьячку Петрунке Коканову. И того ж числа Петрушке жалованья евдокимовского сроку полтора рубли дано. Петрушка денги взял.

Просвирница Овдотьица. И Офдотьица умерла, а на ее место просвирница Марьица. И сентября в 4 де[нь] просвирнице Марьице семеское жалованье тридцать один алтын четыре денги дано. Взял сын ее Мишка Васильев. И марта в 16 де[нь] просвирнице Марьице другая половина тридцать один алтын четыре денги дано.

Рубль 10 алтын 3 денег. Пономарь Максим Фролов. И Максим отставлен, а на его место пономарь Данилко Олексеев. И сентября в 4 де[нь] Данилку семеское жалованье двадцать (Л. 384 об.) два алтына з деньгою дано. Данилко денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] Данилку другая половина двадцать два алтына з деньгою дано. Панамарь Данилко руку приложил.

4 рубли. Плотник Васка Псковитин. Живет у старца Сидора. И сентября в 20 де[нь] Васке семеское жалованье два рубли дано. Взял сам. И марта в 22 де[нь] плотнику Васке жалованья другая половина два рубля дано. Взял сам.

Села ж Троецкого коровницы, по 2 рубли. Ориница да Дарьица. И сентября (Л. 385) в 13 де[нь] коровницам Оринице и Дарице семеское жалованье по рублю дано. Взял старец Сидор. И марта в 10 де[нь] коровницам Оринице и Дарице другая половина по рублю дано. Взял старец Сидор.

Здвиженские попы, что у убогих дому за Стретенскими вороты, по 3 рубли. Поп Кирилло. И сентября в 15 де[нь] попу Кирилу семеское жалованье полтора рубли дано. Поп Кирило денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] попу Кирилу другая половина полтора рубли дано. Поп Кирилл денги взял, а в его место поп Иоаким и руку приложил, что был болен.

(Л. 385 об.) Поп Иоаким. И сентября в 19 де[нь] попу Иоакиму семеское жалованье полтора рубли дано. Поп Иоаким взял святительское жалованье и руку приложил. И марта в 10 де[нь] попу Иоакиму другая половина полтора рубли, дано. Поп Иоаким денги взял и руку приложил.

^a Далее в тексте пропуск.

По 2 рубли. Дьячок Ивашко Фомин. Ивашко из дьячков взят в бараши⁹, а на ево место дьячок Ивашко Кирилов. И сентября в 15 де[нь] Ивашку семеское жалованье двадцать пять алтын, дано. Ивашко денги взял, а в ево место поп Кирил руку приложил. И марта в 10 де[нь] Ивашку Васильеву другая половина двадцать пять алтын, дано. Взял сам.

Просвирница Татьяна. И сентября (Л. 386) в 9 де[нь] просвирнице семеское жалованье полтина дано. Просвирница Татьяна денги взяла, а в ее место поп Иоаким руку приложил. И марта в 10 де[нь] просвирнице Татьянище другая половина полтина дано. Просвирница Татьяна денги взяла, а в ее место поп Иоаким руку приложил.

Пономарь Офонка Анисимов. И сентября в 9 де[нь] Офонке семеское жалованье полтина дано. Офонка денги взял, а в ево место поп Иоаким руку приложил. И марта в 10 де[нь] Офонке Анисимову другая половина полтина дано. Взял сам. Пономарь Офонка денги взял, а в ево место поп Иоаким руку приложил.

Звенигородского уезду патриарша дворцового села Дмитровского, 6 рублев. (Л. 386 об.) Поп Агафоник. И октября в 11 де[нь] попу Агафонику семеское жалованье три рубли дано. Поп Агафоник денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] попу Агафонику другая половина три рубли дано. Поп Агафоник денги взял и руку приложил.

2 рубли. Дьячок Сенка Филимонов. И сентября в 30 де[нь] дьячку Сенке семеское жалованье рубль дано. Дьячок Сенка Филимонов денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] Сенке Филимонову другая половина рубль дано. Сенка Филимонов денги взял и руку приложил.

Рубль 10 алтын. Просвирница Федосьица. И сентяб (Л. 387) ря в 30 де[нь] просвирнице Федосьице семеское жалованье двадцать один алтын четыре денги дано. Сенка дьячек денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] просвирница Федосьица Офонке Анисимову другая половина двадцать два алтына четыре денги дано. За просвирню Сенка денги взял и руку приложил.

Пономарь Максимко. И октября в 11 де[нь] пономарю Федке^а семеское жалованье полтина дано. Взял поп Агафоник, поп Агафоник за пономаря денги взял и руку приложил. И марта в 10 де[нь] пономарю Федку Иванову другая полтина дано. Пономарь Федорко денги взял, а в ево место поп Агафоник руку приложил.

Села ж Дмитровского коровник, 3 рубли. Васка Федосеев. И ныне на ево (Л. 387 об.) место Максимко Васильев. И октября в 25 де[нь] Максимку семеское жалованье полтора рубли дано. Приказал казначей.

Села Игнатовского дворник, 3 рубли. Федка Дводов. И сентября в 11 де[нь] Федке семеское жалованье полтора рубли дано. Взял сам. И марта в 20 де[нь] Федке Дводову жалованья евокимовского сроку полтора рубли дано. Федка жалованье взял, Дмитрий Чюровской руку приложил.

(Л. 388) Сентября в 12 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Ивана Соболева пожаловал государь Патриарх, велел поваренцам помясом Мишке

^а Так в рукописи.

Семенову да Тишке Вавилову денежное жалованье оклад учинить по сороку алтын на год. И того ж числа по челобитной Тишке Вавилову семенное жалованье на нынешний 1640/41 год вполье двадцать алтын дано. Взял сам. И марта в 22 де[нь] Тишке Вавилову другая половина двадцать алтын дано. Взял сам.

Мишка Семенов. И сентября в 12 де[нь] Мишке семеское жалованье двадцать алтын дано. Взял сам. И марта в 22 де[нь] Мишке Семенову другая половина двадцать алтын дано. Взял сам.

(Л. 388 об.) Сентября в 13 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова пожаловал государь Святейший Патриарх дворового своего сына боярского Ивана Бутримова, велел ему своего государева денежного жалованья оклад учинить четыре рубли на год. И нынешнего 1640/41 году семеское жалование два рубли дано. Взял сам.

Сентября в 18 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Семену Лопухину на нынешней 1640/41 год жалованье евдокимовского сроку рубль двадцать пять алтын дано. Взял сам, Семен Лопухин денги взял, а в ево место Левонтей Овдокимов руку приложил.

Сентября в 23 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова (Л. 389) пожаловал государь Святейший Патриарх Микифора Иванова сына Ключарева, велел ему у себя, государя, быть во дворе в детех боярских. А жалованья ему учинить четыре рубли на год. И нынешнего 1640/41 году семелскую половину велел выдать. И того ж дни Микифору семелское жалованье два рубли дано. Взял сам, Микифорко денги взял и руку приложил. И марта в 20 де[нь] Микифору ж евдокимовского сроку два рубли дано. Микифор денги взял.

Октября в 23 де[нь] по патриархову указу и по памяти за приписью дьяка Федора Торопова пожаловал государь Святейший Патриарх Леонтия Михайлова, что наперед сего был в певчих дьяках, велел быть ему у себя, государя, во дворе в детех боярских, а жалованья ему учинити три рубли на год. И на ныне (Л. 389 об.) шней 1640/41 год семелскую половину велел выдать. Да октября в 23 де[нь] Леонтию жалованье полтора рубли...^а А евдокимовского сроку писано ниже сего.

Ноября в 11 де[нь] по патриархову имянному приказу старцу Клименту, как он был в Володимерских селех в поселских, патриарша жалованья семенского сроку на прошлой на 1639/40 год против ево товарищей поселских же два рубли дано.

Ноября в 12 де[нь] по патриархову указу и по выписке за пометой дьяка Григория Одинцова сыну боярскому Алексею Головину жалованья семелского сроку два рубли дано. И марта в 17 де[нь] Алексею жалованья евдокимовского сроку два рубли.

Ноября в 15 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Федора Торопова Мирону Корякину на нынешний 1640/41 год жалованье сполна для нижегородские посылки четыре рубли дано. Мирошка денги взял и руку приложил.

^а Далее в тексте пропуск.

(Л. 390) Генваря в 17 де[нь] по государеву указу и по выписке за пометою дьяка Григория Одинцова Патриарша двора старцу Миките патриарша жалованья на прошлой на 1639/40 год евдокимовского сроку два рубли дано.

Февраля в 25 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу и по челобитной за пометою дьяка Федора Торопова велено учинить патриаршу сыну боярскому Александру Селиверстову годового денежного оклада три рубли...^а И марта в 15 де[нь] Александру Селиверстову евдокимовского срок полтара рубли дано. Александр денги взял и руку приложил.

Марта в...^б де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова (Л. 390 об.) старцу Памфилу, который был в володимерских селех в поселских, зажилого жалованья семелского сроку два рубли дано. Старец Памфил жалованье семелского сроку на нынешней 1640/41 год взял, а в ево место казначей Перфирей руку приложил.

Апреля в 18 де[нь] по выписке за пометою дьяка Григория Одинцова патриаршему сыну боярскому Григорью Григорову патриаршее жалованье на нынешней на 1640/41 год евдокимовского сроку два рубли дано. Григорей Григоров денги взял, а в ево место Микита Иванов руку приложил.

Того ж дни патриаршему сыну боярскому Левонтью Михайлову патриарша жалованья евдокимовского сроку нынешнего 1640/41 году полтора рубли дано. Взял Левонтей сам.

(Л. 391) Мая в 28 де[нь] по памяти с Патриарша Дворцового приказа за приписью дьяка Федора Торопова пожаловал государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси патриарша дворового сына боярского Герасима Наговицына. Велел ему учинить годового денежного жалованья оклад три рубли. И на нынешней на 1640/41 год денежное жалованье евдокимовского сроку велел ему выдать. И того ж числа Герасиму Наговицыну евдокимовского сроку жалованья полтора рубли дано. Герасим Наговицын денги взял, а в ево место Иван Харчов руку приложил.

Июня в...^в де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова патриаршу сыну боярскому Елизарею Вечеслову патриарша жалованья благовещенского сроку нынешнего 1640/41 году (Л. 391 об.) и вперед на 1641/42 год семелского сроку против ево оклада пять рублей, для того что он послан на Тулу с запасом про даточных людей.

Июля в 11 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова патриаршу сыну боярскому Ивану Семенову сыну Рагозину патриарша жалованья семелского сроку нынешнего 1640/41 году два рубли с полтиною дано.

Августа в 20 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова патриаршу сыну боярскому Ивану Федорову сыну Рагозину патриарша жалованья семелского сроку нынешнего 1640/41 году два рубли шестнадцать

^а Далее в тексте пропуск.

^б Далее в тексте пропуск.

^в Далее в тексте пропуск.

алтын четыре денги дано. Иван Рагозин денги взял, а в ево место Кузма Домнин по ево велению руку приложил.

(Л. 392) Августа в 30 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова патриаршу сыну боярскому Дводу Панову патриарша жалованья семелского сроку нынешнего 1640/41 году два рубли дано.

(Л. 404)^a *На церковное строение (2^б)*

Сентября в 20 де[нь] по патриархову указу судописцу Митрофану Селиверстову от двух подсвешников фередяных за письмо, и за золото, и за серебро семь рублей с полтиною дано. Зделаны подсвешники в соборную церковь: один перед образ Пречистой Богородицы Владимирские, что поставлен у патриарша места, а другой подсвешник перед Николой Чудотворец, что стоит в киоте против государева места, на налое. Приказал денги дать казначей старец Иларион.

Ноября в 6 де[нь]...^b Третьяку Панкратьеву сыну зубченину на клей, и на олифу, и на краски полполтины дано. Красил от окончины.

(Л. 404 об.) Того ж дни книг Печатново двора голове Михайлу Ерофееву за две книги Псалтыри с...^c в тетратех три рубли дано, а те Псалтыри отнесены к Святейшему Патриарху в келью.

Февраля в 4 де[нь] овошного ряду торговому человеку патриарша осаднова двора крестьянину Богдану Орефьеву за двенадцать аршин камки куфтерей белой, что скроена по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу Грузинские земли протопопу на ризы, по двадцать по шти алтын по четыре денги за аршин. Итого девять рублей двадцать алтын. Да к тем же ризам на подкладку Чудова монастыря¹⁰ ризному мастеру Матюшке Кольцову за двенадцать аршин по осми денег. Итого шестнадцать алтын. (Л. 405) Да на всякой шелк четыре алтына, да за два аршина дорогов червчетых за аршин по десяти алтын. Да ему, Матюшке, за дело тридцать алтын. Всего портному мастеру за дело и за приклад два рубли три алтына две денги. Обоево за камку, и за приклад, и за дело одиннадцать рублей двадцать три алтына две денги, дано.

(Л. 412)^a *На молебны, которые приходят протопопы и попы с праздничными со святыми водами, и на понахиды, и бедным детям боярским, и вдовам, и нищим милостыня (3^с)*

Сентября в 1 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова литовской полонянке вдове Оксиньце да сыну ее Мишке милостины шесть алтын четыре денги, дано.

^a Листы 392 об. — 403 об. без записей. Помета дьяка Григория Одинцова.

^b Номер главы указан на полях.

^b Далее одно слово написано неразборчиво.

^c Далее одно слово написано неразборчиво.

^a Листы 405 об. — 411 без записей. Помета дьяка Григория Одинцова.

^c Номер главы указан на полях.

Сентября в 2 де[нь] по указу великого господина Святейшего Иоасафа, Патриарха Московского и всея Руси, казначею старцу Илариону против прошлого 1639/40 году на роздачу нищим на поденную милостыню сентября с 1-го числа марта по 1-е число нынешнего 1640/41 году пятьдесят рублей, дано.

(Л. 412 об.) Сентября в 3 де[нь] нищему леженке¹¹ Самойлику Кузмину милостины две гривны, дано. Приказал казначей.

Сентября в 5 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова подьячому Михаилу Лукину на постриганье рубль, дано.

Сентября в 6 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, что сидят у Пречистой Богородицы у собору, против прошлых недель поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано по денге человеку на день.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова подьячому Петру Евтифьеву для ево бедности (Л. 413) рубль, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова казанскому отставленному стрельцу Петрушке Прокофьеву на шубенку шесть алтын четыре денги, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова нищему Ивашку Филиппову две гривны, дано.

Сентября в 8 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Федора Торопова турецкому полоннику турецкому казаку Павлику Лукину две гривны, дано.

Того ж дни собору Рождества Пречистые Богородицы, что у государя на сенех, протопопу Еремею на молебен против прошлого 1639/40 году полтина, дано. (Л. 413 об.) Взял поп Андрей. Приказал казначей.

Того ж дни церкви Рождества Пречистые Богородицы, что на Рождественке в девичьем монастыре¹², попу Ивану на молебен гривна, дано.

Того ж дни церкви Рождества Пречистые Богородицы патриаршей слободы Козья болота попу Александру да Рождества Пречистые Зачетейсково монастыря¹³ попом Ивану с товарищи на молебен по гривне, дано.

Сентября в 13 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Того ж дни ис соборов от Рождества Христова ис под колоколов, да от архангела Михаила, да от Черниговских, и с приде (Л. 414) лов протопопом на молебны против прошлого 1639/40 году по гривне. Итого десять алтын, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова литовской полонянке Оксиньце с сыном милостыни две гривны, дано.

Сентября в 14 де[нь] дьяку Григорию Одинцову четыре алтына, дано. Роздал нищим в соборе.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Ивана Соболева вдове Аграфенице милостыни пять алтын, дано.

Того ж дни церкви Воздвижения Честного Креста Господня, что у убогих дому за Стретенскими воротами, попу Кириллу на молебен гривна, дано. Приказал казначей.

(Л. 414 об.) Сентября в 15 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Ивана Головкова вдове Марице Михайлова приказу Баскакова стрелецкой Петровой жене для ее бедности полтина, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою казначея старца Илариона Псковитина сыну боярскому Григорию Куломзину для ево бедности десять алтын, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Ивана Головкова прежнему братцкому повару Ивашку Васильеву полполтины, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Судново приказу колодникам Онцифорку Булгакову с товарищи, осми человеком, по (Л. 415) две денги человеку. Да как шел Святейший Патриарх после обедни от Илии пророка¹⁴, роздано нищим четыре алтына. Обоево колодником и нищим две гривны, дано.

Сентября в 17 де[нь] казначею старцу Илариону рубль, дано. По патриархову указу роздано нищим, как шел Святейший Патриарх ис собору от заутрени.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова звонареву Ивашкову сыну Юшке для ево бедности на похороны отца ево десять алтын, дано.

Сентября в 18 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Ивана Головкова нищему леженке Потапку Минину милостыни десять алтын, дано.

(Л. 415 об.) Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Насонку Олексееву воротникову сыну милостыни гривна, дано.

Сентября в 20 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Ивана Головкова Судново приказу колодником Гаврилку Нестерову с товарищи, пятнадцати человеком, по денге человеку. Итого два алтына три денги дано. Взял денги Гаврилко на всех товарищей.

Того ж дни нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостыни одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Того ж дни церкви Пречистые Богородицы Владимирские, что в Басманниках, попу Григорию против прошлого 1639/40 году (Л. 416) на молебен два алтына, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова в Розряд двадцати человеком полоняником по денге человеку. Итого гривна, дано. Взял денги из Розряду сын боярский Максим Шмарак.

Сентября в 23 де[нь] церкви Зачатия Ивана Предтечи, что в Чертолье у конюшен, попу Дмитрею против прошлого 1637/38 году на молебен три алтына две денги, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова турским полоняником с каторги, Назарью Дубельскому с товарищи, семи человеком, по гривне. Итого двадцать три алтына две денги дано. Взяли сами по рукам.

(Л. 416 об.) Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Ивана Соболева вдове Парасковице Васильевской жене Ваврина для ее бедности рубль, дано.

Сентября в 25 де[нь] церкви Сергия Чудотворца из Рубцова попу Олексееву на молебен гривна. Да церкви Сергия Чудотворца, что в Китае на рву,

попу Лазарю. Да Сергия Чюдотворца, что на Старых полях, попу Прохору. По два алтына человеку. И всего семь алтын две денги, дано

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Судново Московского приказу колодникам Гаврилку Нестерову с товарищи гривна, дано. Взял Гаврилку на всех.

Того ж дни патриаршим детем боярским (Л. 417) Федке да Ортюшке детям Трапизоновым два алтына, дано.

Сентября в 17 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Того ж дни соловецкому попу Серапиону на молебен гривна, дано.

Того ж дни собору Пречистой Богородицы, что на рву, протопопу Викуле на молебен восемь алтын две денги, дано.

Того ж дни собору Михаила архангела и пределу апостола Акила на освещение церкви попу Федору гривна, дано.

Сентября в 28 де[нь] по челобитной за (Л. 417 об.) пометою дьяка Григория Одинцова нищему Петрушке Калининну три алтына две денги, дано.

Того ж дни церкви Сергия Чудотворца, что у двора боярина Ивана Никитича Романова, попу Артемию на молебен гривна, дано.

Того ж дни собору князя Михаила Черниговского на праздник протопопу Михаилу на молебен две гривны, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою казначея старца Илариона вятчанину новоставленому попу Стефану для ево бедности гривна, дано.

Сентября в 29 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова (Л. 418) ва дряхлому нищему Васке Никонову милостины две гривны. Да нищему Митке Иванову гривна. Обоево десять алтын, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова бедным патриаршим детем боярским Олешке, да Ивашке, да Матюшке, да сестрам их девкам Василисице да Марице Панкратьевым детем Лазарева по гривне человеку. Итого полтина, дано. Взял денги брат их Петр Лазарев.

Сентября в 30 де[нь] Покровского собору, что на рву, церкви Григория...^a попу Федору на молебен против прошлого 1638/39 году гривна, дано.

Октября в 1 де[нь] собору Покрова Пречистые Богородицы протопопу Викуле (Л. 418 об.) на молебен две гривны. Да из Рубцова покровскому протопопу Анкифору на молебен гривна. Да от Архангельского собору покровскому попу Якову гривна. И всего тринадцать алтын две денги, дано. Приходили к Святейшему Патриарху со святынею.

Октября в 2 де[нь] Покровского собору, что на рву, церкви Кипреяна и Устины попу Петру на молебен гривна, дано.

Октября в 3 де[нь] крестовому дьяку Самойлу Иванову, а ему роздати блаженные памяти по великом государе Святейшем Патриархе Филарете Никитиче Московском и всея Руси в большую тюрьму милостины три рубли, дано. Приказал казначей старец Иларион.

^a Далее одно слово написано неразборчиво.

(Л. 419) Октября в 4 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Чугуя города черкашенину Осипку Чеподому для ево бедности рубль, дано.

Того ж дни к...^а по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова с Алаторя Никольского монастыря¹⁵ игуменье Елизавете с сестрами полтина, дано.

Октября в 5 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Поместного приказу подьячему Петру Наумову для ево бедности полтина, дано.

(Л. 419 об.) Октября в 6 де[нь] суздальцу сыну боярскому Василью Елизарьеву сыну Ступицыну для ево бедности на шубу восемь алтын две денги, дано. Приказал дьяк.

Того ж дни церкви Трех святителей Петра, Алексея и Ионы Московских чудотворцев попу Паисье на молебн гривна, дано.

Того ж дни по выписке за пометою дьяка Григория Одинцова Козья болота крестьянке Анюте Романовской жене Савельева для бедности рубль, дано. Взяла дочь ее, Анюткина, девка Овдотица.

Того ж дни Якову Сергееву девять алтын. Посланы денги в Приказ ратных кормов колодником двадцати семи человеком по две денги человеку.

(Л. 420) Октября в 7 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова патриаршу кузнецу Кирюшке Григорьеву для ево бедности рубль, дано. Помета на челобитной октября в 5 де[нь].

Октября в 10 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Ивана Головкова з Белоозера Генатьевой пустыни¹⁶ старцу Герасиму две гривны, дано.

Октября в 11 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Октября в 13 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова старице Анисье, что сидит у собо (Л. 420 об.) ру, милостыни десять алтын, дано.

Октября в 16 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова нищему Якушку Тарскому милостыни две гривны, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова вдове Марице Ивановской жене Мартьянова гривна, дано. Взял Степан Корякин.

Октября в 18 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Федора Торопова в Судной в Володимерской приказ колоднику Федору Демьянову десять алтын, дано.

Того ж дни нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать (Л. 421) алтын четыре денги, дано.

Октября в 20 де[нь] собору Михаила архангела протопопу Григорию на собор восемь алтын две денги, дано. Праздновали царевичу Дмитрию.

Того ж дни из Рубцова пределу царевича Дмитрия протопопу Ансифору на молебн гривна, дано.

^а Далее одно слово написано неразборчиво.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Федора Торопова карачевке вдове Орине Микитиной жене Бороздина на окуп из Крыма детей ее рубль, дано.

(Л. 421 об.) Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова патриаршим детем боярским Митке да Галке Осиповым детем Володимерова для их бедности на шубейку полтина, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова с Колмогор стрелецкому пятидесятинику Савке Степанову на дорогу полтина, дано.

Октября в 21 де[нь] от Рождества Ивана Предтечи, что за дворцом у государевых конюшен, ис пределу святого мученика Уара попу Сергею на молебен десять алтын, дано.

Октября в 25 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

(Л. 422) Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Козья болота крестьянке Дарьице Ивановской жене Тимофеева з детьми для их бедности полполтины, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова вдове Улите Безсоновской жене Скрябина для ее бедности десять алтын, дано.

Того ж дни дмитровскому попу Тимофею, что на Арбате, празнишных на молебен гривна, дано.

Того ж дни ис собору пределу Дмитрия Селунского на праздник попу Семиону против прошлого 1639/40 году полполтины, дано.

Октября в 28 де[нь] благовещенскому попу Василью с Воронцова поля в праз (Л. 422 об.) ник святые мученицы Пятницы на молебен гривна, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Федора Торопова водовозу Дорофейку Бабе для ево бедности пять алтын, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова нищему дряхлому Ондрейку шесть алтын четыре денги, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова Здвиженского монастыря¹⁷ игумену Иосифу, чтоб ему погрести новокрещеново мордвина Офонку, десять алтын, дано.

Октября в 30 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова патриаршим детем боярским Федке да Ортюшке Гордеевым детем Трапизоновым на кавтанишка десять алтын, дано.

Ноября в 1 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Того ж дни церкви Козьмы и Дамиана, что у Чудова монастыря, попу Матфею да Гавриловские слободы архангельскому попу Ивану на молебен по гривне, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова сыну боярскому бедному Михаилу Теглеву гривна, дано.

Ноября в 2 де[нь] по челобитной за по (Л. 423 об.) метою дьяка Григория Одинцова литовскому полонянику Ивану Казакову десять алтын, дано.

Ноября в 3 де[нь] Благовещенсково собору пределу Георгия святого попу Матфею, да ризоположенским черным попом на молебен по гривне. Итого две гривны, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова смоленскому салдату казанцу Василью Голенищеву пять алтын, дано.

Ноября в 6 де[нь] Покровского собору со рву пределу Варлаамия Хутынского, да церкви Варлаама Хутынского, что у двора Никиты Ивановича Романова, попом Артемью да Ивану две гривны, дано по гривне человеку.

(Л. 424) Ноября в 8 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милотины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Того ж дни Архангельского собору протопопу попу Григорию на молебен против прошлого 1639/40 году восемь алтын две денги, дано.

Того ж дни с Дворца Спасского собору пределу Михаила архангела на молебен протопопу Силе пять алтын, дано.

Того ж дни Петрова приказу Лаврова стрелецкой Яковлевской жене Пахомова Анютке з детьми десять алтын, дано. Приказал казначей.

Ноября в 11 де[нь] Федоровсково (Л. 424 об.) монастыря двум попом черным на праздник преподобного Феодора Студитского против прошлого 1639/40 году на молебен по две гривны человеку. Да рядовой братье двадцати человеком по две гривны человеку. Да мирскому человеку Назарью иконнику две гривны. Да церковному дьячку, да понамарю по алтыну человеку. Да четверем служебником по четыре денги человеку. Да им же всем всего двадцати осми человеком на калачи по две денги человеку. Итого девять алтын две денги человеку. И всего на молебен и старцом на милотину и на калачи пять рублев четыре денги, дано.

Того ж дни церкви Максима Исповедника с Варварского хрестца попу Матвею на молебен гривна. Да церкви святого (Л. 425) мученика Мины попу Льву два алтына. Обоево пять алтын две денги, дано.

Ноября в 12 де[нь] Архангельсково собору предела Ивана Милостивого попу Илариону на молебен против прошлого 1639/40 году гривна. Да церкви Ивана Милостивого с Арбата попу Артемью гривна ж. Обоево две гривны, дано.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Ивана Головкова собору князя Олександра Невского бывшему дьякону Федору на похороны дьяконицы ево десять алтын, дано.

Ноября в 15 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные ми (Л. 425 об.) лотины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Того ж дни соловецкому черному попу Серапиону праздника Филадельфа апостола на молебен гривна, дано.

Того ж дни от Спаса с дворца протопопу Силе праздника исповедников Гурия, и Самсона, и Авива дьякона да от Николы Старого¹⁸ игумену Семиону на молебен по гривне дано человеку.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова стрелецкой жене Алексеева приказу Полтева Огрофенице Семеновой жене Зыкова шесть алтын четыре денги, дано.

(Л. 426) Ноября в 16 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова вдове Огрофене подьячевой Посниковской жене Петрова две гривны, дано.

Ноября в 20 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григория Одинцова детем боярским коширенину Терентью Ширяеву да казанцу Василью Голенищеву две гривны, дано по гривне человеку.

Ноября в 21 де[нь] в субботу по указу великого господина Святейшего Иоасафа, Патриарха Московского и всея Руси, святили маслом ево, государя, митрополит Крутицкой Серапион¹⁹, архимарит Чюдовского монастыря Кирилл, богоявленский игумен²⁰ Иона, патриарш духовник соловецкой черной поп Серапион, архидьякон Серапион, протодьякон Григорей (Л. 426 об.) да три человека черных попов, да дьякон соборной, да дьякон митрополичей, да дьячек чюдовский. А по патриархову указу дано им милостинных денег: митрополиту три рубли, духовнику рубль, архидьякону рубль, протодьякону двадцать пять алтын, трем черным попом по полтине человеку, трем дьяконом по десяти алтын человеку. И всего одиннадцать рублей пять алтын, дано.

Ноября в 22 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Ноября в 23 де[нь] собору князя Олександра Невского протопопу Акиму (Л. 427) против прошлого 1639/40 году на молебен две гривны, дано. Приказал казначей. Взял сам.

Ноября в 24 де[нь] церкви святые мученицы Екатерины, что у государя на сенях, попом на молебен гривна, дано. Да Вознесенского монастыря²¹ на праздник святые Екатерины ж протопопу Маркелу полполтины, дано.

Ноября в 27 де[нь] церкви Знамения Пречистые Богородицы, что у двора Никиты Ивановича Романова, попу Артемью на молебен гривна, дано.

Того ж дни от государя с сеной Благовещенского собору пределу святого мученика Георгия попу Григорью на молебен два алтына, дано.

Ноября в 29 де[нь] нищим Офонке (Л. 427 об.) Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Декабря в 3 де[нь] в Богоявленский монастырь, что за ветошным рядом, да в Ивановской монастырь в девич²² по Святейшем Патриархе попом на понахиду по гривне, дано. Взял Ефим Володимеров.

Декабря в 6 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Того ж дни церкви Николы Чюдотворца из-за Стретенских ворот от убогих дому попу Кириллу на молебен гривна, дано.

(Л. 428) Того ж дни Савинского монастыря²³ попом Мартину с товарищем на праздники Саввы Освященного и Николы Чюдотворца по гривне. Итого две гривны, дано. Приказал казначей.

Декабря в 13 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Декабря в 20 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Декабря в 27 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

(Л. 428 об.) Месяц январь. Января в 3 де[нь] богородицким нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Января в 10 де[нь] нищим богородицким Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Января в 17 де[нь] богородицким нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Января в 24 де[нь] богородицким нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поден (Л. 429) ные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Того ж дни Федоровского монастыря из-за Никитских ворот игумену Пафнутью на молебен гривна, дано. Приходили с праздничною водою, приказал дать боярин Семен Васильевич Колтовской.

Января в 31 де[нь] богородицким нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Февраля в 7 де[нь] богородицким нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Февраля в 14 де[нь] богородицким нищим (Л. 429 об.) десяти человеком — Офонке Орефьеву с товарищи — на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Февраля в 21 де[нь] богородицким нищим десяти человеком — Офонке Орефьеву с товарищи — на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Февраля в 28 де[нь] богородицким нищим десяти человеком — Офонке Орефьеву с товарищи — на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Марта в 7 де[нь] богородицким нищим десяти человеком — Офонке Орефьеву с товарищи — на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Марта в 14 де[нь] богородицким нищим десяти человеком — Офонке Орефьеву с товарищи на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Марта в 21 де[нь] богородицким нищим десяти человеком — Офонке Орефьеву с товарищи — на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Марта в 28 де[нь] богородицким нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Марта в 30 де[нь] богородицким нищим (Л. 430 об.) Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Апреля в 11 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Того ж дни соборному предельному похвальскому попу Спиридону молебных праздника Похвалы Пречистые Богородицы шесть алтын четыре денги, дано.

Апреля в 18 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Апреля в 25 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

(Л. 431) Мая в 2 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милотины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Мая в 9 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милотины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Мая в 16 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милотины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Мая в 23 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милотины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Мая в 30 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милотины одиннадцать алтын четыре денги, дано. (Л. 431 об.) Июня в 6 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милотины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Июня в 13 де[нь] патриарша села Троецкого попу Василью праздничных молебных денег праздника Леонтия Ростовского со Дворца против прошлых лет тринадцать алтын две денги. Да праздника Живоначальные Троицы шестнадцать алтын четыре денги. Обоево тритцать алтын, дано.

Того ж дни нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милотины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Июня в 20 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милотины одиннадцать алтын четыре (Л. 432) денги, дано. Июня в 24 де[нь] в Богоявленский монастырь, что за ветошным рядом, да в Ивановской монастырь, что на Кулишках, по Святейшем Иоасафе, Патриархе, на понахиды шесть алтын четыре денги, дано. Июня в 27 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милотины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Июня в 30 де[нь] из собору предельному петропавловскому попу Володимеру праздничных молебных денег шесть алтын четыре денги, дано.

Июля в 4 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милотины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Июля в 11 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милотины (Л. 432 об.) одиннадцать алтын четыре денги, дано. Июля в 18 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком на неделю поденные милотины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Июля в 24 де[нь] по челобитной за пометою думного дьяка Михайла Данилова и по выписке за пометою дьяка Григория Одинцова патриарша Федоровского монастыря, что за Никицкими вороты, двум человекам черным попом праздника преподобного отца Федора Студийского, что оне праздновали в нынешнем во 1640/41 году генваря в 26 числе, на молебен по шти алтын по четыре денги человеку. Да рядовой братии двадцати одному человеку милотины по шти алтын по четыре денги человеку. Итого четыре рубли шесть алтын четыре денги. Дьячку (Л. 433) два алтына, пономарю десять денег, повару да свитошнику по шти денег человеку. Да им же всем, попом, и старцом, и служебником, за колачи двадцати семи человеком девять алтын. Обоево на молебен и братье милотины и на колачи пять рублей четыре денги, дано.

Июля в 25 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Августа в 1 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Августа в 4 де[нь] на праздник проявления мощей Петра чудотворца протопопу Артемью з братьею праздничных против прошлого 1639/40 году рубль...^а Взял дьякон Стахей.

(Л. 433 об.) Августа в 8 де[нь] на праздник принесения мощей Зосимы и Саватъя, Соловецких чудотворцев, черному попу Серапиону на молебен три алтына две денги, дано.

Того ж дни нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Августа в 15 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Августа в 22 де[нь] нищим Офонке Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано. Августа в 29 де[нь] нищим Офонке (Л. 434) Орефьеву с товарищи, десяти человеком, на неделю поденные милостины одиннадцать алтын четыре денги, дано.

Того ж дни ризположенским черным попом Ионе да Антонью на молебен три алтына две денги, дано. Праздновали Ризположение июля в 2 числе.

(Л. 446)^б *Серебряным мастером на образной оклад и на всякое серебряное дело, и иконописцом от образов от писма, и за выменные образы промену для благословения (4^в)*

Сентября в 13 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Ивана Головкова иконником Степану Зубченину, да Леонтью Стафееву, да Илюшке Степанову по полтине человеку. Итого полтора рубли, дано. Писали у Соловецких в паперти на стене деисус, Спасов образ, да Пречистые Богородицы стоящие, да Соловецких преклонных²⁴, да в соборе починивали месной образ Сергея чудотворца.

Сентября в 20 де[нь] серебряного ряду торговому человеку Филке Гаврилову на (Л. 446 об.) десять образов Всемилоствого Спаса и Пречистые Богородцы Владимирские на оклад по рублю по четыре денги на образ. Итого десять рублей две гривны. Да ему, Филке, за золото, и за дело, и за подклатки по одиннадцати алтын от образа. Итого три рубли десять алтын. И всего за серебро, и за золото, и за подклатки тринадцать рублей шестнадцать алтын четыре денги, дано. Обложены образы к Святейшему Патриарху благословлять бояр, и окольничих, и думных дьяков, и приказных людей.

Сентября в 29 де[нь] серебрянику Василью Иванову от дароносицы от дела наемному мастеру двадцать пять алтын. Да за серебро, в чем зделал очки,

^а Далее в тексте пропуск.

^б Листы 434 об. – 445 об. без записей. Помета дьяка Григория Одинцова.

^в Номер главы указан на полях.

за два золотника без чети и за све (Л. 447) чи салные пять алтын. Обоево тридцать алтын, дано. Дароносицу и очки делал Святейшему Патриарху в келью.

Ноября в 17 де[нь] иконнику Олешке Андрееву за четырнадцать икон Спаса и Пречистые Богородицы за икону по десяти алтын. Итого четыре рубли шесть алтын четыре денги, дано. А те образы казначей отнес к Святейшему Патриарху в Крестовую палату для благословения дворян и приказных людей.

Ноября в 20 де[нь] по росписи Василью Иванову серебрянику напаивал на кубок...^а от напойки шесть денег. Да к чарке переделывал лепестку. За прибавочное серебро три алтына. К дороносице (Л. 447 об.) зделал петлю, за серебро за золотник с четью три алтына три денги. И всего семь алтын три денги, дано. Да ему ж, Василью, к тому ж делу за золото и за поч[ин]ку одинатцать денег, дано.

Ноября в 30 де[нь] серебряного ряду торговому человеку Томилу Еуфимьеву за пятнадцать золотников серебра, что зделал он в том серебре на серебряной шандан блюдечко да трубку, которой шандан взят ис патриарши домовою казны в соборную церковь на гробницу Святейшего Иоасафа, Патриарха Московского и всея Руси, рубль четыре алтына з деньгою. Да от тово шандана за дело и за золото двадцать шесть алтын четыре денги. Обоево за серебро, и ^бза золото^б, и за дело рубль тритцать алтын пять денег, дано.

(Л. 448) Генваря в 10 де[нь] иконописцу Олешке Гаврилову от писма за пять икон: за два Спасовых да за три Богородицыных по десяти алтын. Итого полтора рубли, дано.

Марта в 16 де[нь] иконописцу Олешке Андрееву от писма за два Спасовы образа да за три Пречистые Богородицы Владимирские, за икону по десять алтын. Итого полтора рубли, дано.

(Л. 455)^в *Архидьякону за многолетное кликанье церковных часов в навечерии Рождества Христова и Богоявления Господня, и протопопом, и попом, и соборяном, и певчим дьяком, и подьяком славленово к пещному действию (5^г)*

Декабря в 13 де[нь] по выписке за пометою дьяка Григория Одинцова патриаршу певчому дьяку Богдану Иванову за отроческое учение против прошлого 1639/40 году два рубли. Да ему ж, что у него к отроческому учению изошло за дрова и за свечи, двадцать алтын. Обоево два рубли двадцать алтын, дано.

Того ж дни иконнику Третьяку Понкратьеву от дву шапок да от дву поясов, да от дву (Л. 455 об.)...^а халдейских²⁵ за дело, и за краски, и за чищение от трех отроческих шапок двадцать три алтына две денги, дано.

^а Далее одно слово написано неразборчиво.

^{бб} Слова вписаны над строкой.

^в Л. 448 об.— 454 об. без записей. Помета дьяка Григория Одинцова.

^г Номер главы написан на полях.

^д Далее в тексте пропуск.

Того ж дни Пушкарского приказу...^a Григорьеву за одиннадцать трубок халдейских новых да за три воронки насыпат плаун²⁶ в трубки и от старых от девяти трубок от починки рубль пят алтын з денгою. За шумиху, что на халдейские юпы²⁷, гривна. Москотилново ряду торговому человеку Ивашку Степанову за пят пуд плауну за пуд по полтора рубли, за зайцы халдейским шапкам на окол шесть алтын. Плотником Микифорку Тимофееву от печи от роставки гривна, да дворцовым плотником Тимошке Григореву да Наумку Трофимову (Л. 456) корму два алтына четыре денги. И всего девят рублей три алтына пять денег, дано.

Того ж дни подьяком, которым быт во тронах в пешном действе: Гарасимку Трофимову, Дениску Федорову, Куземке Иванову на неделю корму против прошлаго 1639/40 году по семи алтын человеку, да им же на сопоги по пяти алтын. Да халдеям Титку Василеву да Федоску Офонасеву на сопоги по пяти алтын да на рукавицы по шти денег. И всего отроком и халдеям рубль четырнатцат алтын четыре денги, дано.

Того ж дни соборному понамарию вдовому попу Олексею за пе (Л. 456 об.) пное действо, что он сидел под пещью, против прошлаго 1639/40 году восемь алтын две денги, дано.

Того ж дни сторожу Галке Иванову на крашенину зеленую две гривны, дано. Купил на халдейские юпы на оплечье.

Генваря в 5 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григоря Нечаева государевым певчим дьяком первой станице Степану Савину с товарищи против прошлаго 1639/40 году славленого⁶ два рубли, дано. Взял певчей дьяк Семен Самохвалов.

Другой станице Ивану Конюховскому с товарищи славленово ж против прошлого ж году два рубли, дано, (Л. 457) взял певчей дьяк Первой Юрев.

Генваря в 14 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григоря Нечаева патриаршим певчим дьяком Дмитрею Фалееву с товарищи двум станицам, девяти человеком, славленово против прошлого 1639/40 году по два рубли на станицу. Итого четыре рубли, дано.

Да по другой челобитной за пометою дьяка Григоря Нечаева патриаршим черным попом ризположенским: двум Ионе да Онтонию, соловетцкому Серапиону, тресвятцкому Паисье, крестовым дьяком Самойлу Иванову да Семену Иванову славленое против прежнево, как давано при прежних Патриархах, ризположенским двум попом пят алтын. Да им же за патри (Л. 457 об.) аршу крестовую службу другая пят алтын, крестовым дьяком двум человеком пят алтын, соловетцкому да тресвятцкому черным попом пят алтын. Всего дватцать алтын, дано.

(Л. 463)^a *За овощи и что идет в наряд на вербу и на иные расходы (6⁶)*

^a Далее одно слово написано неразборчиво.

⁶ Слово вписано над строкой.

²⁶ Листы 458–462 об. без записей. Помета дьяка Григоря Одинцова.

²⁷ Номер главы написан на полях.

Апреля в 16 де[нь] соборные церкви сторожем Ивашку Долгому с товарыщи за провоз от вербы дватцать три алтына две денги. Да им же на лапти и за ходбу тринацат алтын две денги. Обоево рубль три алтына две денги, дано.

Апреля в 17 де[нь] овошново ряду торговому человеку Федке Лебедке за овощи, что взяты у него в наряд на вербу, за полпуда изюму кафимскова да за полпуда ягод винных два рубли дватцать шесть алтын четыре денги. За четыре фунта изюму на ветвях девят алтын две денги. За четыре фунта фиников рубль два алтына четыре денги. За четыреста орехов (Л. 463 об.) грецких тринацат алтын две денги. За четыре фунта рошков четыре гривны. И всего за овощи четыре рубли тритцать два алтына, дано.

Того ж дни соборной церкви сторожем на иглы, и на нити, чем низать и вешат овощи на вербу, против прошлого 1639/40 году пят алтын четыре денги, дано.

Того ж дни ключарю Ивану Наседке на ручицю вербу тринацат алтын две денги, дано. Взял сторож Стенка Ермолин.

Апреля в 18 де[нь] яблочного ряду торговому человеку Васке...^a за сто яблоч болшие стати три рубли, за двесте яблоч под тою статею по рублю по дватцати по шти алтын по четыре денги за сто. За триста яблоч средние (Л. 464) стати по рублю по шти алтын по четыре денги. За сто за четыреста яблоч меншие стати по рублю за сто. И всего за яблоки четырнатцат рублей шесть алтын четыре денги, дано. Взяты яблоки к Вербному воскресению в наряд на вербу.

Апреля в 19 де[нь] по памяти Стрелецкого приказу за приписью дьяка Гаврила Левонтьева истопничьим и стрелецким робятом сту человеком, которые на празник Вербное воскресение перед государем постилали сукна по пути, по шти денег человеку. Итого три рубли, дано.

Того ж дни Казенного приказу сторожу Титку от осляти, чехла, за мытье и за мыло десят денег, дано.

Апреля в 21 де[нь] овошново ряду торговому (Л. 464 об.) человеку Стенке Филипову за четыре губки грецких пятнатцат алтын. Да москотилного ряду Елизарку Терентьеву за полпуда масла деревянного²⁸ два рубли шесть алтын четыре денги. Всего два рубли дватцат один алтын четыре денги, дано. Взято масло и губки в соборную церков ко освящению к Великому четвергу.

Маия в 15 де[нь] по выписке за пометою дьяка Григоря Одинцова патриаршу конюшему старцу Иеву против прошлого 1639/40 году рубль, дано. За то, что он на празник Вербное воскресение под Животворящим Крестом, и по святым Евангелием, и под Преосвященным Серапионом, митрополитом Сарским и Подонским, вел осля к празнику, ко Входу Иеросалиму, что на рву.

^a Далее в тексте пропуск.

(Л. 471)^a *На ладан, и на вино церковное, и на воск, и на просвиры, что емлют на Патриарш двор по церквам в службы, и попом черным зажилых денег помесечно, и за свечи, что по патриархову веленью ставят в ъмена...^b праздников (7^в)*

Сентября в 6 де[нь] дьяку Григорию Одинцову шесть денег, дано. Поставил свеч в Чюдове в праздник Михаила архангела по патриархову веленью.

Сентября в 8 де[нь] дьяку Григорию Одинцову шесть денег, дано. По патриархову указу поставил свеч у праздника у Рожества Пречистые Богородицы у государя на сенях.

Того ж дни соловецкому черному попу Серапиону зажилых денег про (Л. 471 об.) тив прошлаго 1639/40 году сентября с 1-го числа марта по 1-е число на шесть месяцев по полуполтине на месяц. Итого полтора рубли, дано. Приказал казначей.

Соловецкой черной поп Серапион полтора рубли. Взял рубл^г и руку приложил.

Сентября в 21 де[нь] по челобитной за пометою казначея старца Илариона хлебенному старцу Моисею на прошлой 1639/40 год на два месяца на июнь да на август по росчету дватцет два алтына з денгою, дано.

Сентября в 27 де[нь] соловецкому дьячку Ондрею Киприянову два алтына, дано. Нанял дьякона с кресца, служил с Святейшим Патриархом у Соловецких чудотворцов на праздник Саватъя чудотворца.

(Л. 472) Октября в 2 де[нь] тресвятцкому дьячку Ивашку Зиновеву за просвиры, что он имал в сентябре, за дватцет за шесть служб по денге за службу. Итого четыре алтына две денги, дано.

Того ж дни Федоровсково монастыря понамарю Кирюшке Василеву за просвиры, что он имал в сентябре месяце, за тритцать служб пять алтын, дано.

Октября в 5 де[нь] ис собору пределно^а дьякону Протасю два алтына, дано. Служил у Трехсвятителей на праздник с Святейшем Патриархом.

Ноября в 3 де[нь] дьякону Протасю два алтына, дано. Служил у Ризположения в пределе у Георгия святого.

(Л. 472 об.) Того ж дни тресвятцкому дьячку Ивашку Иванову за просвиры, что он имал в октябре месяце, за десят просвир болших к патриархове службе десят денег. Да за двацат служб по денге за службу. И всего пять алтын, дано.

Ноября в 14 де[нь] дьякону Протасю два алтына, дано. Служил у Соловецких чудотворцов в пределе у Филипа апостола.

Того ж дни Федоровсково монастыря понамарю Кирюшке Василеву за просвиры, что он имал в октябре месяце, за трицат служб по денге за службу. Итого пят алтын, дано.

^a Листы 465–470 об. без записей. Помета дьяка Григория Одинцова.

^b Далее одно слово написано неразборчиво.

^в Номер главы написан на полях.

^г Так в рукописи.

^д Так в рукописи.

Ноября в 21 де[нь] дьякону Протасью два алтына, дано. Служил обедню у Соловецких чудотворцов.

(Л. 473) Ноября в 23 де[нь] наемному дьякону Тихону за службу гривна, дано. Служил у Соловецких чудотворцов. Приказал казначей.

Ноября в 19 де[нь] служащему дьякону Протасью за службу два алтына, дано. Служил у Соловецких.

Ноября в 30 де[нь] служащему дьякону Протасью два алтына, дано. Служил у Соловецких.

Декабря в 1 день дьякону Протасю за службу два алтына, дано. Служил у Ризположения.

Декабря в 2 день дьякону Протасю за службу два алтына, дано. Служил у Ризположения.

Того ж дни соловецкому дьячку Ондрею два алтына, дано. Нанял (Л. 473 об.) к Соловецким попа служит обедня.

Декабря в 3 день дьякону Протасю два алтына, дано. Служил у Ризположения обедню.

Декабря в 4 де[нь] тресвятцкому дьячку Ивашку Иванову за просвиры, что он имал в ноябре, за шестнатцет служеб два алтына четыре денги, дано.

Того ж дни свешново ряду торговому человеку Ивашку Еуфимеву за пуд свеч воцанных денежных пять рублей восемь алтын две денги, дано. А те свечи розданы на погребение Святейшего Патриарха народу в прибавку к витым свечам.

Декабря в 5 день соборные церкви Успения Пречистые Богородицы просвир (Л. 474) нице Фетине на просвиры против прошлаго 1639/40 году на семь четвериков муки пшенишные двацат восемь алтын печь просвиры к Ризположению на вседневную службу в год. Обоево на^а две чети без четверика два рубли девят алтын две денги, дано. Взяла денги просвирница сама.

Того ж дни Федоровсково монастыря понамарю Кирюшке Василеву за просвиры, что он имал в ноябре месяце, за трицат служеб пять алтын, дано, за службу по денге.

(Л. 474 об.) Генваря в 2 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу москвитину торговому человеку Феокисту Кузмину сыну за пядесят за один пуд за десят гривенок воску по четыре рубли по дватцати по шти алтын по четыре денги за пуд. Итого двесте сорок шесть рублей, дано. Взят воск в Патриарш в Казенной приказ на патриарши домовые расходы. Феокист Кузмин за воск да за^б двесте сорок шесть рублей взял, а ево место по ево велению, что он грамоте не умеет, собору Николы Чюдотворца Гостунского поп Еуфимей руку приложил.

Генваря в 14 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу взято в торгу на гостином (Л. 475) дворе у торгового человека на государевы огородные слободы теглеца Ивашка Васильева сына Гришенина тринатцать пуд девять гривенок ладану голову в таможен-

^а В рукописи слово написано дважды.

^б Так в рукописи.

ной в избе. За пуд по семи рублей с полтиною. Итого девяноста девять рублей сем алтын полторы денги, дано.

Генваря в 20 де[нь] по памяти за пометою дьяка Григорья Одинцова Федоровского монастыря дьячку Кириюшку Васильеву на месяц декабрь за просвиры за тридцать обеден по денге за службу просвир. Итог пять алтын, дано.

Февраля в 3 де[нь] по памяти за пометою дьяка Григорья Одинцова Федоровского монастыря дьячку Кириюшку Васильеву на месяц январь за просвиры за тридцать обеден по денге за службу. Итого пять алтын, дано.

(Л. 475 об.) Марта в 18 де[нь] Федоровского монастыря дьячку Кириюшке Васильеву за просвиры на месяц февраль за дватцать за восемь служб четыре алтына четыре денги, дано.

Апреля в 2 де[нь] тресвятцкому дьячку Ивашку Ионину за просвиры, что он имал в месяцах генваре, да в феврале, да в марте. Всего за дватцать за две службы три алтына четыре денги, дано.

Апреля в 17 де[нь] дьякону соборному Протасью за службу два алтына. Служил у Соловецких чудотворцов, что на патриархове дворе, дано.

Того ж дни свешново ряду торговому человеку Ивашку Олфимову за двенатцать гривенок светилен, что взяты в Патриарш в Казенной приказ для свешново (Л. 476) росходу, двенатцать алтын, дано.

Апреля в 23 де[нь] соборному дьякону Протасью за службу два алтына, дано. Служил в пределе Георгия Стратотершца, что у Ризположения.

Мая в 2 де[нь] Федоровского монастыря дьячку Кириюшке за просвиры, что имал в месяцах марте да апреле, за дватцать служб три алтына две денги, дано.

Того ж дни тресвятцкому дьячку Ивашку Ионину за просвиры, что имал в месяце апреле, за осмнатцать служб три алтына, дано.

Маия в 28 де[нь] соловецкому черному попу Серапиону зажилых денег марта с 1-го числа нынешнего 1640/41 году да сентября по 1-е число 1641/42 году на шесть месяцев по полуполтине на (Л. 476 об.) месяц. Итого рубль шеснатцать алтын четыре денги, дано. Соловецкой поп Серапион рубль шеснацеть^а четыре денги взял, руку приложил. Приказал казначей старец Перфилей Соловецкой.

Маия в 30 де[нь] Федоровского монастыря дьячку Кириюшке за просвиры, что он имал к службам в месяце мае, за тридцать служб пять алтын, дано.

Июля в 2 де[нь] дьякону Нестеру за службу два алтына, дано. Служил на патриархове дворе на праздник Ризположения. Приказал дать казначей Перфирей.

Того ж дни Федоровского монастыря дьячку Кириюшке за просвиры, что он имал в месяце июне, за тридцать служб, пять алтын, дано.

Августа в 8 де[нь] Новинского монастыря²⁹ черному дьякону Ионе за службу, что он служил (Л. 477) на патриархове дворе на праздник принесение мощей Зосимы и Саватья, Соловецких чудотворцов, два алтына, дано.

^а Так в рукописи. Слово «алтын» пропущено.

Того ж дни Федоровского монастыря дьячку Кирюшке за просвиры, что он имал в месяце июле, за тритцать за одну службу пять алтын з денгою, дано.

Августа в 31 де[нь] Федоровского монастыря дьячку Кирюшке за просвиры, что он имал к службам, пять алтын, дано.

Того ж дни тресвяцкому дьячку Якимку Алимшиеву за просвиры за пятнатцать служеб два алтына три денги, дано.

Того ж дни соловецкому дьяку^а Ондрюшке Кипреянову за просвиры, (Л. 477 об.) что он имал сентября с 1-го числа нынешнего 1640/41 году да сентября ж по 1-е число 1641/42 году. За сто за сестьдесят за семь служеб по денге за службу. Итого дватцать девять алтын три денги, дано.

(Л. 479)^б *На приказные всякие расходы (8^в)*

Сентября во 2 де[нь] казначею старцу Илариону дватцать пять алтын дал государевых печатных пошлин из Нижнево Благовещенского монастыря³⁰ от правой грамоты на пустошь на Гавриловскую, да на ту ж грамоту за прописной лист гривна. Обоево двацетъ восемь алтын две денги, дано. А взять те денги на благовещенском казначее, как приедет к Москве.

Сентября в 6 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова греченину Синайские горы³¹ архимаричью человеку Николайку Юрьеву рубль, дано.

Сентября в 8 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова (Л. 479 об.) греченину Верейского города Ивановского монастыря³² архимаричью племяннику Юрию Костениитову два рубли, дано.

Сентября в 15 де[нь] по патриархову указу в Посольской приказ к дьяком думному к Федору Лихачеву, да к Максиму Матюшкину, да к Григорью Лвову шестьнатцетъ рублей, дано. А им те денги ис Посольского приказу послать в Путивль на милостину гречаном Георевского Ксеноха^г монастыря³³ архимариту Понкратью восемь рублей, келарю старцу Иосифу да черному попу Еускелтью по три рубли человеку, дьякону Стефану два рубли. Взял Посольского приказу подьячей Мина Фокин.

Сентября в 17 де[нь] по патриархову (Л. 480) указу Володимерского уезду ево государевы дворцовые Баглачевские волости за крестьян в Ямской приказ ямских денег з живущего, с тритцати чет пашни, на нынешней 1640/41 год тритцать шесть рублей десять алтын, дано. И в тех денгах из Ямского приказу отпись того ж числа взята за дьячьєю приписью и отдана Баглачевским крестьяном деревни Студенцовы Пименку Григорьеву, а им те денги прислать в патриаршу казну на Рождество Христово нынешняго 1640/41 году.

Сентября в 22 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Ивана Головкова девке Матренице Олексеевой дочери Корякина для ее бедности на свадьбу рубль, дано. Взял Степан Корякин.

^а Так в рукописи.

^б Листы 478–478 об. без записей.

^в Номер главы указан на полях.

^г Так в рукописи.

(Л. 480 об.) Сентября в 23 де[нь] по патриархову указу подьячему Ондрею Русанову два рубли дано. Писал Ростовского уезду на патриаршу на Карашскую волость грамоту правую и память несудимую в приказ. Дал дьяк Григорей Одинцов.

Того ж дни по указу великого господина Святейшего Иоасафа, Патриарха Московского и всея Руси, торговому человеку Богдану Щепоткину за соболи, которые взяты на новоселье к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и к государыне царице и великой княгине Евдокие Лукьяновне, как были государь царь и государыня царица в селе Коломенском, за сорок соболей сто дватцать рублей, за сорок соболей сто рублей. Обоево за соболи (Л. 481) двесте дватцать рублей, дано.

Того ж дни овощно ряду торговому человеку Богдану Орефьеву за книгу Кануник на большой бумаге по обрезау золотом два рубли восемь алтын две денги, дано. Приказал казначей. А Кануник взял Святейший Патриарх к себе в келью.

Октября в 3 де[нь] по патриархову указу и по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова патриаршу сыну боярскому Патрекею Корякину для ево бедности на свадьбу, чем ему дочерей своих две девок выдать, три рубли, дано. Взял сын ево Степан.

Того ж дни по указу великого господина Святейшего Иоасафа, Патриарха Московского и всея Руси, ево государевы слободы Козья (Л. 481 об.) болота за крестьянина за Ивашка Митрофанова сына, водолива, в Стрелецкой приказ, что был он, Ивашко, в прошлом во 1639/40 году, став в стрелцы, взял государева денежново и хлебново жалованья семь рублей с полтиною, дано. А заплатит ему, Ивашку, те денги в казну на Прокров Святые Богородицы во 1641/42 году, а в тех денгах порукою по нем Савелей Яковлев сын, банщик, да Исак Игнатьев сын, рудомет, огородней слободы тяглец, да Максимко Яковлев сын, банщик, да Ивашко Прокофьев сын, банщик, серебряной мастер, патриарши крестьяне Козья болота, да Понкратай Гаврилов сын, банщик, ноугородцкой сотни тяглец, да Василей Иванов сын, прямишник Козья болота. И та кабала на них взята и отнесена в казну. Денги взял Стрелецково приказу подьячей Антип Васильев. Антип Васильев денги взял и руку приложил.

Того ж дни по указу великого господина Святейшего Иоасафа, Патриарха Московского и всея Руси, слободы Козья болота за крестьянина, за Ивашка Прокофьева сына, серебряника, в Стрелецкой приказ, что было он, Ивашко, в прошлом во 1639/40 году, став в стрельцы, взял государева денежново и хлебново жалованья шесть рублей с полтиною, дано. А заплатит ему те денги в казну на Покров Святей Богородицы во 1641/42 год. А в тех денгах по нем ручались Козья болота крестьяне: Пронка Лукьянов сын, штанник, да Бориско Гаврилов сын, серебряник, да Федка Гаврилов сын, персневщик, да Ивашко Митрофа (Л. 482 об.) нов сын, водолив, да Сенка Наумов сын, ветошник, государев садовник. И кабала на них в тех денгах взята за руками и отнесена в казну. Денги взял Стелецково приказу подьячей Антип Васильев. Антип Васильев денги взял и руку приложил.

Октября в 8 де[нь] по патриархову указу греченину Селуня града Дементью Иванову, что писал об нем Святейшему Патриарху Селунской митрополит Калинник на окуп, чем ему выкупить сына, домовые казны десять рублей дано. А другие десять рублей Святейший Патриарх пожаловал от себя, ис кельи, келейные казны. Денги греченин Дементей взял сам.

Того ж дни^а по патриархову (Л. 483) указу Дмитровсково уезду села Озерецково деревни Старово крестьянину Пронке Пиминову на свадьбу шестнадцать алтын четыре денги, дано. Приказал дьяк Григорей Одинцов.

Октября в 9 де[нь] по патриархову указу сурошсково ряду³⁴ торговому человеку Ивану Михееву за дороги червчаты три рубли, дано. А теми дорогами Святейший Патриарх пожаловал греченина Романа Савельева.

Октября в 12 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова Волоской земли толмачю, что пришел из Царяграда с протопопом Захарием, Юрью Васильеву два рубли, дано. Взял сам.

Октября в 13 де[нь] по патриархову...⁶ (Л. 483 об.) и по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова Греческие земли Трымала города Преображения Господня Метеорсково монастыря³⁵ архимарита Захарию з братьею милостины пять рублей, дано. Взял сам.

Того ж дни по патриархову указу и по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова из Царяграда протопопу Захарью милостины на окуп жены ево и племянника ево три рубли, дано.

Того ж дни по патриархову указу и по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова греченину Соложку Иванову для ево бедности рубль, дано.

Того ж дни по патриархову указу слободы Козья болота за старинно (Л. 484) во крестьянина за Першку Павлова сына, свешника, в Стрелецкой приказ, что было он, Першка, в прошлом во 1639/40 году, став в стрелцы, взял государева денежново и хлебново жалованья семь рублей с полтиною, дано. А заплатить ему те денги в казну на Покров Святые Богородицы во 1641/42 году, а в тех денгах ручались по нем мать ево родная вдова Дарья Павловская жена Воцашникова, да братья ево, Першкины, Ивашко да Тренка Павловы, Козья ж болота крестьяне. И кабала на них в тех денгах взята и отнесена в казну.

Октября в 18 де[нь] по указу великого господина Святейшего Иоасафа, Патриарха Московскаго и всеа Руси, и по челобитной за пометою дьяка Ивана Головка Якову Петрову сыну Колтовскому (Л. 484 об.) на окуп, чем ему ис Крыму окупить сына своего, дватцет рублей, дано из захарьевых денег сушилново старца.

Октября в 25 де[нь] по указу великого господина Святейшего Иоасафа, Патриарха Московскаго и всеа России, уговорщиком стрелцом Иванова приказа Бегичева пятидесятнику Михею Мартынову да десятнику Олексею Дмитриеву сыну Хватунову, да Филипу Максиму с товарищи от Земляново городу, что оне делали по записи двацать сажень в прошлом во 1639/40 году

^а В рукописи слово написано дважды.

⁶ Далее в тексте пропуск.

з зубцами. И им от наделки, что оне по государеву указу вместо зубцов наделали города вверх сажень без четверти о сажени, по государеву указу по два рубли (Л. 485) бес четверти. Итого от двадцать сажень тритцать пять рублей, дано. Денги взяли пятидесятник Михей Мартынов да десятник Алексей Хватунов все сполна. Иванова приказу Олферьевича Бегичева пятидесятник Михей Мартынов, да десятник Алексей Хватунов, да Филип Максимов с товарищи за поделошную сажень от дватцети сажень по государеву цареву указу взял трицать пять рублей. А в их места Иванова приказу Олферьевича Бегичева сотенной дьячек Тимошка Гаврилов руку приложил Маковеевы сын Путятина.

Ноября в 6 де[нь] по выписке за пометою дьяка Григорья Одинцова звонарем против прошлаго 1638/39 (Л. 485 об.) году на рукавицы Спасково собору старосте Трофимку Петрову с товарищи штинатцати человеком по гривне, Рожественсково собору Петрушке Парфеньеву с товарищи штинатцати человеком, Архангельсково собору Ивашку Дводову с товарищи штинатцати человеком. И всего сороку осми человеком по гривне человеку. Итого четыре рубли двадцать шесть алтын четыре денги, дано. Взял денги архангелской староста Ивашка Дводов.

Ноября в 13 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова повару Вадимку Петрову для ево бедности на шубу полтина, дано.

Того ж дни по патриархову указу (Л. 486) кодашевцу Степанку Григорьеву за лоточку однопоревую, в чем рыбу ловят, три рубли, дано. Купил патриарш крестьянин Гарасимко Коноплев в село Озерецкое для рыбные ловли.

Того ж дни по патриархову указу безмесному черному дьякону Анфилофию для ево бедности на шубу полтина, дано. Послан в Осифов монастырь³⁶ во дьяконы.

Того ж дни по челобитной за пометою дьяка Ивана Головкова увечной девке Федосьице Ондреевой дочери Никитина для ее бедности на постригание и на вклад в монастырь сем рублей, дано. Взял денги Иван Иванов сын Никитин.

Ноября в 16 де[нь] по патриархову указу Дмитровсково уезду села (Л. 486 об.) Дмитровсково деревни Тимошины крестьянину Онашке Борисову для ево бедности на свадьбу, чем ему женит, полтина, дано. Взял Онашка сам.

Того ж дни по указу великого господина Святейшего Иоасафа, Патриарха Московского и всеа Руси, в приказ Большого Дворца к боярину ко князю Алексею Михайловичю Лвову да к дьяком крымским полонеником на окуп патриарши домовые казны сто рублей, дано. А другие сто рублей Святейший Патриарх послал из своей келейные казны, и те денги отнесены в приказ Большого Дворца тово ж числа.

Того ж дни по памяти за приписью дьяка Федора Торопова Юрьевсково (Л. 487) уезду Полсково патриарша дворцоваго села Ильинсково с приселами за крестьян за Гришку Ермолина с товарищи в Ямской приказ живущаго з девяти чет с осминою пашни ямских денег десят рублей тритцать алтын с полуденгою. Да в Стрелецкой приказ за стрелецкой запас десять рублей

дватцать один алтын две денги. Обоево дватцать один рубль осмнатцать алтын с полуденгою, дано. Взял денги села Ильинсково крестьянин Гришка Ермолин.

Ноября в 20 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова Звенигородскаго уезду села Дмитровсково коровнику Максимку Васильеву на шубу дватцать алтын, дано.

(Л. 487 об.) Ноября в 21 де[нь] по патриархову указу и челобитной за пометою дьяка Ивана Головкова Московскаго уезду патриарша дворцоваго села Хлябова крестьянину Ивашку Федосееву домовые казны займы два рубли, дано. А в тех денгах по нем порукою писались патриарши дети боярские Михайло Онучин да Семен Рагозин, да села Хлябова крестьянин Васка Федосеев, да деревни Старой Рыболовской крестьянин Ларка Олексеев. А заплатит ему те денги в казну во 1641/42 году ноября в 20-м числе. И кабала на нево в тех денгах взята.

Того ж дни Звенигородскаго уезду села Дмитровсково церковному дьячку Ивашку Зиновьеву да Ильин (Л. 488) скому попу Борису, что на Тверской улице, по патриархову указу домовые казны займы три рубли, дано. А в тех денгах заложил в селе Дмитровском двор свой дьячков и с хоромы. А заплатит ему те денги в казну во 1641/42 году ноября в 20-м числе. И кабала на нево в тех денгах в казну взята.

Того ж дни по патриархову указу и по челобитной за пометою дьяка Ивана Головкова от Троицы ис селец крестьянину Куземке Никитину домовые казны займы два рубли, дано. А в тех денгах по нем порукою писались патриарши дети боярские Гаврило Космарев да Двод Панов. Заплатит ему те денги в казну во 1641/42 году ноября в 22-м числе. И кабала на нево взята.

(Л. 488 об.) Декабря в 16 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова старостам Козья болота Ромашку Романову да Гавриловской слободы Сергушке Емельянову рубль шеснатцать алтын четыре денги, дано. А оне те денги дали извощиком от дров за провоз, что возили з Дорогомилова на патриархов двор.

Декабря в 20 де[нь] по памяти ис Патриарша Дворцоваго приказу за приписью дьяка Федора Торопова Белозерского уезду патриарших езовых волостей крестьяном Любимку Венедехтеву с товарищи займы, чем им заплатит ямские денги и стрелецкие запасы дватцать три рубли семнатцать алтын две денги, дано. А те денги велено на них собрать Воскресенского монастыря, что в Череповце³⁷, архимариту Гедону и прислать к Москве. Любимко денги взял и руку приложил.

Декабря в 21 де[нь] хлебенному старцу Ионе рубль, дано. А ему те денги по патриархову приказу костоправу стрелцу Ивану Гомзикову патриарша села Никольсково от крестьянина от Ондрюшки за лечбу от лихих.

Генваря в 20 де[нь] по двум памятем за приписью дьяка Федора Торопова с Самары патриарша домового Преображенского монастыря³⁸ старцу Исае за патриаршу домовую многую работу, и раденье, (Л. 489 об.) и за труды, что он был на Самаре у патриарши у домовые у рыбные осенние ловли, два рубли. Да ему ж, что он издержал дорогою за тою рыбою, рубль. Да со-

ловлянину Игнатью Воронову, что он был по указу Святейшего Иоасафа Патриарха на самарском рыбном промысле, за его многую домовую службу пять рублей, да ему ж за увече и за изрон, что ево на том самарском рыбном промысле имали воровские казаки, исмучили и грабили, пять же рублей. Всего старцу Исаю и Игнатью Воронову тринадцать рублей, дано.

Февраля в 25 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по памяти за приписью дьяка Артемья Хватова в патриархов в Дворцовой приказ к патриаршу боярину к Семену Васильевичу Колтовскому да к дьяку к Федору Торопову, что им (Л. 490) послать в Нижней к патриаршу сыну боярскому к Василью Потапову на покупку всяких учюжных запасов и на провоз до Астрахани, пятсот девяноста три рубля, дано. А в том числе счоту подьячих Якова Сергеева четыреста шесть рублей, Федора Андреева счоту сто восемьдесят семь рублей.

Марта в 3 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу на масленой неделе в среду пели понахиду в соборной церкви Пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения, а назавтрее, в четверг, служили божественную литургию соборне Крутицкой митрополит Серапион, Коломенской епископ Рафаил³⁹, и архимариты, и игумены, и протопопы, и попы, и дьяконы. А на понахиде им дано против прошлого 1639/40 году по рукам: Крутицкому митрополиту Серапиону рубль, (Л. 490 об.) Коломенскому епископу Рафаилу дватцать пять алтын, Чюдова монастыря архимариту Кирилу тринатцать алтын две денги, симановскому⁴⁰ да андреевскому⁴¹ архимаритом по десяти алтын, новинскому игумену шесть алтын четыре денги, богоявленскому игумену да угрешскому⁴² игумену по осми алтын по две денги. Соборному богородицкому протопопу не дано, что он постригся. Архидьякону Селивестру восемь алтын две денги, протопопом же архангельскому, спасскому, стретенскому, рождественскому, ис пот колоколы Николы Гостунсково, Пречистые Богородицы Казанские, покровскому, александровскому по шти алтын по четыре денги человеку, протодьякону Григорью восемь алтын две денги. Богородицким двум ключарем по шти алтын по четыре денги человеку, богородицким попом пяти человеком по три алтына по четыре денги человеку, богородит (Л. 491) цким же пяти человекам дьяконом по три алтына по две денги человеку. Соборным же предельным трем попом похвальскому, Петра и Павлавскому, Дмитрия Селунского по два алтына по четыре денги человеку. Крутицкого митрополита протодьякону два алтына три денги, Коломенского епископа дьякону два алтына три денги, Чюдова монастыря дьякону два алтына. Дьяконом же симановскому, андреевскому, богоявленскому, новинскому, угрешскому по десяти денег человеку. Певчим дьяком большой станице восемь алтын две денги. Другой станице шесть алтын четыре денги. Подьякону десять денег. Подьяком большой станицы пять алтын. Двем канархистом два алтына, псалтырнику шесть денег. Другой станице подьяком четыре алтына, третьей станице гривна, подьяком же меньшим двум станицам по два алтына по три денги на станицу. Дьяконом архангельскому, (Л. 491 об.) спасскому, стретенскому з дворца, рождественскому, ис пот колоколы Никольскому, Пречистые Казанские,

покровскому, александровскому, всего осми человеком, по шти денег человеку. Патриарша двора трем попом чорным: ризположенскому, тресвяцкому, соловецкому по два алтына по четыре денги человеку. Трем пономарем по четыре денги человеку. Богородицким двум пономарем по два алтына человеку. Богородицким же сторожом осми человеком четыре алтына. Архангельскому кутейнику три алтына две денги. Да по монастырем роздано: в Стретенской⁴³, в Никольской Старово, в Спасской, что за ветошным рядом⁴⁴, в Воздвиженской, в Воскресенской, что на Тверской⁴⁵, в Златоуской⁴⁶, в Савинской. Всего семи человеком по пяти алтын игумену. Да тех же монастырей дьяконом семи человеком по шти денег человеку. В Федоровской монастырь черному попу два алтына, рядовой братье дват (Л. 492) цать одному человеку по четыре денги на брата. Итого чотырнатцать алтын. Да в тюрьму болшую и по кресцом роздано три рубли. И всего роздано чотырнатцать рублей чотырнатцать алтын четыре денги, дано.

Маия в 30 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по памяти ис приказу Болшого Дворца за приписью дьяка Максима Чиркова в Новгородцкую четверть старого и нового выезду иноземцом: гречаном, и поляком, и литве, и немцом, которым быть на государеве службе на Туле в первой половине с весны, на май да вперед на июнь, на июль, на август месяцы, да поляком же, и литве, и немцом, которые останутца за тульской посылкою на Москву, и вдовам, и недорослям на май месяц нынешнего 1640/41 году на корм (Л. 492 об.) займы патриарши домовые казны до тех мест, как в Новгородцкой чети денги в зборе будут, четыре тысячи пятьсот рублей, дано. Взял денги Ноугороцкой чети подьячей Степан Лялин. Те денги четыре тысячи пятьсот рублей в Новгородцкую четверть взял подьячей Степан Лялин и руку приложил.

Июня в 18 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по памяти ис приказу Большого Дворца за приписью дьяка Григорья Нечаева в Новгородцкую четверть в прибавку к четвертным доходам, в Стрелецкой приказ городовым стрелцом и казаком новгородцким и псковским, и псковских пригородов стрелцом на ево государеву жалованье, которые присланы к Москве для ево (Л. 493) государевы службы, благовещенского сроку нынешняго 1640/41 году займы ис патриарши домовые казны пятсот рублей, дано. А как в Новгородцкой четверти денги в зборе будут, и те денги в патриаршу домовую казну из Ноугороцкой чети взят. Денги взял новгородцкие чети подьячей Степан Лялин. В Новгородцкую четверть пятьсот рублей подьячей Степан Лялин взял и руку приложил.

Июня в...^a де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова патриаршу сыну боярскому Елизарью Вечеслову на тульские расходы и чем житница купить на запасы про даточных людей десять рублей, дано.

Июня в 28 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича (Л. 493 об.) всеа Руси указу и по памяти ис приказу Болшого Дворца

^a Далее в тексте пропуск.

за приписью дьяка Максима Чиркова в Новгородскую четверть патриарши домовые казны займы, что им дать в Стрелецкой приказ московским стрелцом на жалованье, пять тысяч семьсот два рубля четыре алтына четыре денги, дано. А в том числе счету подьячих Федора Ондреева две тысячи сто двадцать два рубля, Гаврила Фаворова две тысячи рублей, Якова Сергеева тысяча пятсот восемьдесят рублей четыре алтына четыре денги. А заплатит те денги ис Новгородской чети в патриаршу казну, как те денги будут в зборе. Взял денги Новгородской чети подьячей Степан Лялин. В Новгородскую четверть займы (Л. 494) пять тысяч семьсот два рубля четыре алтына четыре денги подьячей Степан Лялин взял и руку приложил.

Августа в 28 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по памяти за приписью дьяка Федора Торопова в патриархов в Дворцовый приказ к патриаршу боярину к Семену Васильевичу Колтовскому да к дьяку к Федору Торопову ис патриарши домовые казны, что им отослать денги по памяти за приписью дьяка Сергея Матвеева в государеву казну в Казанской Дворец в откуп з государевых вод с астраханского учюга Бузана, с Лебязя, и с Толмачова, и с Худякова с ылменями и с протоками, и с неводом, и с соляного озера на нынешней на 1640/41 год, что приданы те воды (Л. 494 об.) к патриаршу домовому учюгу Бузану, сто сорок девять рублей тридцать один алтын, дано. Взял денги Патриарша Дворцового приказу подьячей Иван Семионов. Иван Семионов денги взял и руку приложил.

(Л. 496)^a *На приказные ж расходы, что по патриархову указу давать займы в кабалы и бескабално (9^b)*

Сентября в 5 де[нь] по патриархову указу свешново и овощаново ряду торговому человеку Ивану Дементьеву сыну государеву садовнику патриарши домовые казны сто рублей, дано. А в тех денгах заложил на Варварском кресце полторы лавки своей в свешном и в мыльном вымолные на оба лица: одним лицом в свешной ряд, а другим на Варварский крестец, а третьим в мыльной ряд. Да на Ильинском кресце каменную лавку по конец рыбново ряду идучи в рыбной ряд с Ильинского кресца на правой стороне на вымле, а...^c взят с свечами воощанными. А заплатит ему те денги в казну на срок на Свет (Л. 496 об.) лое Воскресение нынешняго 1640/41 году. И в тех денгах кабала взята за ево, Ивановою, рукою, и отнесена в казну. Денги заимщик взял сам...^c сто рублей взял и руку приложил, и лавки в тех денгах заложил.

Октября в 30 де[нь] по патриархову указу Ондрию Офонасьеву сыну Жемайлову домовые казны займы десять рублей, дано. Заплатит ему те денги в казну на Светлое Воскресение в нынешнем во 1640/41 году. И в тех денгах взята на него память за ево рукою.

^a Листы 495–495 об. без записей.

^b Номер главы указан на полях.

^c Далее одно слово написано неразборчиво.

^c Далее одно слово написано неразборчиво.

Октября в 31 де[нь] по патриархову указу из Володимеря царя Константиновсково монастыря⁴⁷ крестьянину Харитонку Федорову, а ему те денги за крестьян запла (Л. 497) тит в Ямской приказ — з живушаго ямских денег пять рублей шестнатцеть алтын четыре денги, дано. А заплатит им те денги в домовую казну на Рождество Христово нынешняго году.

Ноября в 1 де[нь] по патриархову указу Агейку Антипину сыну плотнику ноугородцу, да Олешке Мартынову нижегородцу, да Микифорку Иванову, плотнику, пятидесятнику, да Лукашку Петрову, сапожнику, да Костентинку Гаврилову, кваснику, да Гришке Семенову маленькому, да Варламку Харитонову нижегородцу, да Михалку Игнатьеву, да Овдокимку Созонову каргополцу, да Евсейку Юрьеву, сапожнику, да Федке Кондратьеву, оладейнику, да Васку Ефре (Л. 497 об.) мову, холщевнику, да Петрушке Кондратьеву калуженину, да Ивашку Онисимову суздальцу, да Моисейку Семенову сыну Высотцкому, да Петрушке Микитину, портному мастеру, стрелцом Денисова приказу Золотарева розных сотен домовые казны займы три рубля с полтиною, дано. А заплатит им, займщиком, те денги в казну во 1641/42 год на Сергиев день сентября в 25-м числе. И в тех денгах на них взята в казну кабала за рукою сотенново дьячка Галки Игнатьева и займщика Никифорка Иванова.

Того ж дни по патриархову указу ево государеву сыну боярскому Семену Дурнову домовые казны займы два рубли, дано. А заплатит ему (Л. 498) те денги в казну на Евдокеин день нынешняго 1640/41 году. А в тех денгах по нем порукою писаны в памяти Осип Галасеин да Семен Суцев. И та память взята в казну.

Апреля в 14 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова патриаршу певчему дьяку Данилу Иванову займы рубль, дано. И кабала на него в тех денгах взята ево, Данилова, рука. Данило денги рубль взял и руку приложил.

Маия в 19 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по памяти ис приказу Большого Дворца за приписью дьяка Григорья Нечаева патриарши Осташковские слободы крестьяном Олешке (Л. 498 об.) Собакину с товарищи, что им заплатит боярину князю боярину^a Михайловичю Лыкову иску ево, займы тысяча триста шеснатцать рублей шеснатцать алтын четыре денги, дано. А заплатит им те денги в патриархову казну, как Святейший Патриарх на патриаршестве будет. И в тех денгах патриарши Осташковские слободы на крестьянина Олешку Сабакина, да на Вавилку Онофреева сына Сумина, да на Ивашку Евтихеева сына Стифонова взята кабала за Ивашковы рукою Стифонова. А в тех денгах счету Григорья Одинцова тысяча сто девяносто восемь рублей две денги, Гаврила Фаворова сто осмнатцать рублей шеснатцать алтын две денги.

(Л. 499) Июня в 27 де[нь] даточным людем, которые нанеты на Москве сверх Осташковские и Ржевские слободы, Титку да Полунке Дементьевым, Васке Яковлеву, Ивашку Семенову, Игнашке Иванову, Пятунке Семенову,

^a Так в рукописи.

Моисейку Епимахову, Пронке Митрофанову, Серешке Тимофееву, Евке Григореву, Васке Кузмину, Сенке Карпову, Стенке Кузмину, Васке Ондрееву сыну, бочару, Осташке Филипову, Васке Ондрееву. Всего штинатцати человеком найму на три месяца по пяти рублев по три алтына по две денги человеку. Итого восемьдесят один рубль дватцать алтын, дано.

(Л. 502)^a Государевым патриаршим детем боярским поденного корму и лошедям на корм, которых посылают по городам и по селам для патриарших всяких дел, и от варзужские и от шехонские рыбы извощиком провозу, и по селам ото ржаново и от яровово хлеба наемщиком за жнитье

Сентября в 14 де[нь] из Нижнево Благовещенсково монастыря слушке Федке Шаврину на дорогу — ему на корм и лошаде на сено — десять алтын, дано. Приказал казначей.

Сентября в 15 де[нь] села Вятцка крестьянину Федке Федорову сыну Дуге, что был в водовожах, для ево бедности на дорогу на корм две гривны, дано. Отпущен в село Вяцко.

Ноября в 1 де[нь] Степану Коряки (Л. 503 об.) ну на дороги до Володимеря, патриаршим сороку лошедям на корм рубль шесть алтын четыре денги, дано. Посланы лошади в володимерские села.

Марта в 5 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова патриаршу сыну боярскому Гаврилу Космареву от Москвы до Вологды на подводу, на наем и на провоз до Варзуги рубль, дано. Послан в патриаршу в Варзускую волость для патриарша дела.

Июня в 20 де[нь] по росписи за пометою дьяка Григоря Одинцова Белозерского уезда патриарших езовых волостей целовалником Силке Зи- (Л. 504) новеву да Семейке Неверову, что оне дали за провоз полтину⁶ от рыбы от четырнатцати осетров, от дватцати от четырех стерледей, и от везиги, и от карлука⁴⁸, два рубли, дано.

Июля в 26 де[нь] по памяти старца Исидора в патриаршее село Троецкое жнецом от жнитва сту четырнатцати человеком по десяти денег человеку. Итого пят рублев дватцать три алтына две денги, дано.

Июля в 4 де[нь] по памяти старца Исидора жнецом от жнитва сту осмидесять человеком по десяти денег человеку. Итого девять рублев, дано. Жали рож в селе Троецком.

Июля в 31 де[нь] по памяти старца Исидора жнецом от жнитва сту дватцати пяти человеком по десяти денег человеку. (Л. 504 об.) Итого шесть рублев восемь алтын две денги, дано.

Августа в 20 де[нь] Московского уезда патриарша села Пушкино прикащику Олексею Головину на ржаное жнитво ото ста от осмидесяти от четырех сотниц по два алтына от сотницы. Итого одиннатцать рублев восемь денег, дано.

^a Листы 499 об. — 502 об. без записей. Помета дьяка Григоря Одинцова.

⁶ Слово вписано над строкой.

Августа в 31 де[нь] по памяти старца Исидора в село Троецкое жнецом от жнитва сту тритцати трем человеком по десяти денег человеку на день. Итого шесть рублей дватцать один алтын четыре денги, дано.

Того ж дни по памяти за приписью дьяка Федора Торопова патриаршу сыну боярскому Матвею Облецову на (Л. 505) дорогу рубль, дано. Послан на Кострому в поместье к Ивану Сурмину з государевыми грамотами для учюжного промыслу.

Того ж дни Московского уезду патриарша села Пушкина прикащику Алексею Головину, что ему дат жнецом от ярового жнитва, десять рублей, дано.

Того ж дни прикащику Алексею Головину прибавку на еровое жнитво рубль девятнадцать алтын две денги, дано. Взял села Пушкина староста Сидорка Карпов.

(Л. 511)^a На медвеную покупку, что покупают в ставки, и за соль, и за путевое мясо, что купят про дворовых людей, и на иные расходы, и за хмель, и на дровяную покупку

Ноября в 20 де[нь] чашнику старцу Климанту за пуд хмелю рубль, дано. Купил в пиво на расход.

Ноября в 30 де[нь] чашнику старцу Климанту, что он купил в пиво, за пуд за тритцать гривенок хмелю рубль дватцат шесть алтын четыре денги, дано.

Декабря в 6 де[нь] чашнику старцу Климанту на хмель в пиво на пуд на тритцать гривенок рубль дватцать шесть алтын четыре денги, дано. Декабря в 10 де[нь] ему ж, чашнику Кли (Л. 511 об.) манту, на хмель на пуд на трицать гривенок в пиво рубль дватцать шесть алтын четыре денги, дано. Декабря в 16 де[нь] чашнику старцу Климанту на хмель в пиво на пуд на трицать гривенок рубль дватцать шесть алтын четыре денги, дано.

Декабря в 22 де[нь] Козья болота старосте Ромашку Романову за пуд хмелю рубль пять алтын четыре денги, дано. Купил чашнику в пиво. Декабря в 24 де[нь] старосте Ромашку Романову, что он купил у важни, за семнадцать пуд с четю хмелю за пуд по дватцать по сем алтын. Итого тринадцать рублей девят алтын с полуденгою, дано.

(Л. 512) Декабря в 31 де[нь] Коломенсково уезду Чюдова монастыря вотчины села Высоково крестьянину Аристку Григореву за четырнадцать пуд без чети хмелю за пуд по дватцати по шти алтын по четыре денги. Итого одиннадцать рублей, дано. Да от таможны от дву кип извощиком провозу два алтына четыре денги.

Генваря в 20 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу Переславля Резанского торговым людем Дмитрейку Иванову с товарищи за двесте за семьдесят за четыре пуда с полупудом меду сырцу по дватцати по три алтына за пуд. Итого сто восьмьдесят девять (Л. 512 об.) рублей тринацать алтын две денги, дано. Взят мед на Патриархов двор для патриарших расходов в ставки. Дмитрейка денги взял,

^a Листы 505 об.— 510 об. без записей. Помета дьяка Григория Одинцова.

а в ево место овошного ряду торговый человек Семен Феоктистов, что он грамоте не умеет, по ево велению руку приложил.

Февраля в 7 де[нь] ключнику Василию Тверитину за полтевое свиное мясо, что он купил в торгу про патриархов домовой обиход, в год за сто юфтей за юфть по дватцати по четыре алтына. Итого семьдесят два рубли, дано. Да за провоз две гривны, дано.

Февраля в 8 де[нь] по государеву указу Севские десятины Комарицкой волости старосте поповскому рождественскому попу Ивану за покупной (Л. 513) мед, что он купил про патриархов домовой обиход, за пятьдесят за три пуда по дватцати по шти алтын по четыре денги за пуд. Итого сорок два рубли тринадцатъ алтын две денги, дано.

Февраля в 15 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу с Путивля старосте поповскому офонасевскому попу Офонасю за покупной мед, что он купил про патриархов домовой обиход в Путивле, по отвесу сушилного старца Герасима да клюшника Василя Тверитина за пятьдесят пуд за десять гривенок меду сырцу по дватцати по три алтына по две денги за пуд с провозом. Итого тридцать пять рублей пять алтын пять денег, дано. Да сверх путивль (Л. 513 об.) ского весу привешено у того меду в московской вес два пуда пять гривенок, и с привесным медом иметца по дватцати по два алтына по две денги за пуд.

Марта в 16 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по памяти за приписью дьяка Федора Торопова Звенигородцкого уезда патриарша села Дмитровского крестьяном Данилку Власеву Жаркову с товарищи на шездесят сажен дров березовых, что оне уговорились изготовит на патриархов домовой обиход, по рублю по три алтына по две денги. Итого шездесят рублей ^ашесть алтын^а. Да по другой памяти за приписью дьяка Федора Торопова Звенигородцкого уезда патриарша (Л. 514) села Оксинина крестьяном Карпунке Агееву с товарищи по уговору за сорок сажен дров березовых, что они уговорились изготовит на патриархов домовой обиход, по рублю за сажен. Итого сорок четыре рубли. Всего по двум памятем сто десять рублей, дано. А поручные записи по них в тех дровех в Патриарше в Дворцовом приказе.

Августа в 5 де[нь] медвеного ряду торговому человеку Микитке Федорову за два пуда хмелю, что куплен на патриархов двор в пиво, по полутора рубли за пуд. Итого три рубли, дано. Приказал денги дать казначей Перфирей.

(Л. 519)⁶ *На дворовое на всякое строение и плотником,
и ярыжным по уговору найму*

Сентября в 6 де[нь] каменщику Васке Наумову за тысячу кирпичю и с провозом два рубли, да за шесть возов глины четырнадцать алтын. Обоево два рубли четырнадцать алтын, дано. Куплены кирпич и глина делат печь в патриаршей в задней келье новая.

^{аа} Слова вписаны над строкой.

⁶ Листы 514 об.— 518 об. без записей. Помета дьяка Григория Одинцова.

Сентября в 13 де[нь] железново ряду торговому человеку Ивашку Деву за сто гвоздей приборных дватцет алтын, за сто гвоздей кружалных восемь алтын две денги, за сто гвоздей полутесовых десят денег, за сто гвоздей скаловых⁴⁹ шесть денег. И всего тритцат один алтын, дано. (Л. 519 об.) Взяты гвозди к старцу Сидору на житной двор. Того ж дни старцу Сидору рубль, дано. Купил скаль на житной двор крыт житница.

Сентября в 15 де[нь] по патриархову указу Ивану Ратисловскому за избенко, что стоит на патриарше огороде за Фроловскими вороты, рубль шесть натцет алтын четыре денги, дано. А в той избенке житы огородники.

Сентября в 20 де[нь] старцу Сидору тринацет алтын две денги, дано. А он купил скал пядесят на житной двор на житницу в прибавку. Взял денги плотник Васка Псковитин.

Того ж дни казначею старцу Илари (Л. 520) ону, а он дал каменщику Васке Наумову за тысячу кирпичю, и с провозом два рубли, дано. Починиват кирпичем под Крестовую и под Золотою полатою нижние полатки.

Того ж дни по росписи котелнику Ивашку Василеву за прибавошную медь, что он прибавил старому котлу, за пят гривенок полтина, да за медь же за полчетверты гривенки, а в ней зделано десят ковшей на погреб, одиннацет алтын четыре денги. Да лудил противен да сковоротка, да чаша водосвятная, да ковш, да чарка из церкви от Соловецких за гривенку олова пят алтын, за полгривенки нашатырю две гривны, за четыре мешка уголья восьм алтын, молотобойцам четыре алтына, да за прибывошную медь за (Л. 520 об.) гривенку гривна, да от починки от трех оловеников, да от дву кружек за дело и за олово две гривны. И всего рубль дватцет восьм алтын четыре денги, дано.

Сентября в 25 де[нь] казначею старцу Илариону, а он купил за тритцать тесниц полутрет сажени, да за два луба тритцат алтын под Крестовую подпол убиват, на чем своды смыкат, да к той же полате за два крюка и двери болшие, да за двесте гвоздей кружалных, да за сто гвоздей приборных тритцат три алтына, да каменщику Васке Наумову, что он купил к той же полате, за пят тысяч за шестсот кирпичю зжено за тысячу по два рубли. Итого одиннацет рублев две гривны. За дватцет (Л. 521) бочек извести за бочку по полполтине. Итого пять рублев. Да провозу дватцет три алтына две денги. За двенацет возов песку четырнатцет алтын две денги. И всего осмнатцет рублев десят алтын четыре денги, дано.

Октября в 9 де[нь] Козья болота старосте Ромашку Романову за дватцат бревен полутрет сажени полтина, дано. Куплены на заднее крылцо на кровлю...^a

Октября в 15 де[нь] плотником Ивашку Герасимову с товарищи от кровли за дело, что крыли заднее крылцо, по уговору два рубли, дано. Приказал казначей.

Октября в 29 де[нь] по росписи за пометою дьяка Григоря Одинцова (Л. 521 об.) Козья болота старосте Ромашку Романову, что он прикупал в Фе-

^a Далее одно слово написано неразборчиво.

доровской монастырь на погреб, за тритцать бревен рубль одиннатцет алтын четыре денги. Да плотником от нарубки и от потолка от настилки две гривны. Да ярыжным от насыпки на тот же погреб найму шесть алтын. И всего за бревна, и плотником, и ярыжным рубль дватцат четыре алтына две денги. Да по той же росписи к заднему крыльцу куплено за два бревна трех сажен три алтына, да извощиком з житново двора от пятидесят тесниц провозу пят алтын, за семдесят скал на кровлю девятнацет алтын, за триста гвоздей двутесовых двенатцат алтын, за двесте гвоздей скаловых два алтына, да к чашнику куплено к погребу на (Л. 522) решетку за бревно трех сажен на...³ три алтына, за трицат бревен полутрет сажени на решетке двацат пять алтын, за сто гвоздей двутесовых четыре алтына. Да плотником от переправки от мосту, что перед конюшнею, гривна. За пять досок к погребу на двери двацат три алтына две денги, от десяти сажен дров извощиком провозу з Дорогомилова два рубли двацат три алтына две денги. По девяти алтын с сажени. Под Крестовою полатою от окна от дел да от дву вставней четыре алтына. И всего по росписи семь рублей осмьнацет алтын, дано.

Октября в 28 де[нь] плотником Кручинке Василеву с товарищи по уговору найму рубль дватцат шесть (Л. 522 об.) алтын четыре денги, дано. Делали перед ледником решетку и под Крестовую полату к погребу двери и крыли перед ледником тесом.

Ноября в 2 де[нь] плотником Тимошке Селиверстову с товарищи пяти человеком по уговору три рубли, дано. Делали в селе Троецком на пруде три моста сливных. Приказал казначей.

Ноября в 4 де[нь] плотником Ивашку Герасимову с товарищи найму полтора рубли, дано. Делали у теплово погреба чулан, крыли тесом. Да оне ж крыли тесом нат трубою, что от чашника, ис потклета.

Ноября в 14 де[нь] старосте Серешке Емелянову, что он купил (Л. 523) под Золотую полату к погребу к дверем, за двое крюки болшие полтина, к тем же дверем за засов с пробоями две гривны. За дватцат за пят скал сем алтын три денги, за другие крюки к маленькой полатке, что возле ледника под Золотою полаткою, пят алтын. За сто гвоздей скаловых четыре алтына, за десят бревен к рыбному саду, да за две доски десят алтын. Плотником от саду от дела тринацат алтын две денги. За два пробоя засовных к погребу восемь денег. И всего рубль трицат один алтын з денгою, дано.

Ноября в 16 де[нь] по росписи котелнику Ивашку Василеву за починку, починивал котел поваренной, а другой с конюшны, да противен, да к противню придела (Л. 523 об.) на скоба, да два противны, да три сковоротки ушных. И к тем судам пошло за прибавошную медь за шесть гривенок дватцат алтын, на полуду за полторы гривенки олова семь алтын три денги, за полфунта нашатырю две гривны, за четыре мешка уголя восемь алтын, молотобойцу гривна, да от погребных судов за починку от дву оловенников, да от крушки, да в скатерну две солонки, да солонка в старом олове зделана. За олово и за дело шесть алтын. За полотенце к Ситке в поварню шесть денег,

³ Далее одно слово написано неразборчиво.

от двух шанданов казенных от починки четыре денги. И всего рубль девятнадцать алтын пять денег, дано.

(Л. 524) Того ж дни по росписи за пометою дьяка Григоря Одинцова каменщику Васке Наумову, что он делал на Патриаршем дворе от погреба каменного, что под Золотою полатою, за дело и что делал под Крестовою полатою три столба да...^a своды подводил, и от окошка, что починивал у Крестовой полаты, пятнадцать рублей. От трубы, что ис подклета из деревяново ис переднево зделал, два рубли. От розборки от старой трубы, что у задней кельи, и от новой трубы от дела, и от трех печей, что в деревянных кельях от починки два рубли. И всего за дело девятнадцать рублей, дано. ⁶⁶Да ноября же в 17 де[нь] ему ж, Васке, от печи, что он делал в селе Троецком с трубою болшою, которая зделана земли выше хором, за дело десять рублей, дано⁶⁶.

Ноября в 18 де[нь] каменщику Васке Наумову за три воза глины семь алтын, за триста кирпичю зжено (Л. 524 об.) во дватцать алтын. За три вьюшки трубных два алтына. И всего дватцать девять алтын, дано. А та глина, и кирпичь, и вьюшки пошло на починку в печи у Соловецких, и у подьяков в подклете, и в полате, где портные мастера делают.

Ноября в 25 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова лесново ряду торговому человеку Васке Кудинову за две колоды да за две доски дверные двенадцать алтын. Железново ряду Олешке Кондратеу за крюки дверные девят алтын. За войлок, да за ремень, да за кожу на дверь на ошивку дватцать алтын. Каменщику Васке Наумову с товарищи за работу, которые тое (Л. 525) дверь всекали и известью обмазывали, да из дворцовые ж полаты старую дверь заделывали, а ис той малой полатки пробивали дверь в сени, полтора рубли. Плотнику Якушку Иванову от тех же дверей от дела дватцать три алтына две денги. И всего три рубли пятнадцать алтын две денги, дано.

Ноября в 27 де[нь] чашнику старцу Климанту за три замка новых за один дватцать алтын, за другой восемь алтын две денги, за третьей семь алтын. И всего рубль два алтына, дано. Куплены замки два к погребу, а третьей к поварне пивной.

Декабря в 5 де[нь] старосте Серешке (Л. 525 об.) Омелянову пятнадцать алтын, дано. А он те денги дал найму плотником от четырех столов да от двух скамей болших в столовую полату в пробавку.

Декабря в 11 де[нь] оконнишному мастеру Васке Кононову за приклад, что у него пошло на окончины, за сорок за шесть листов железа неметцково по пятнадцать алтын за десяток, итого два рубли два алтына две денги. За гвозди колодошные десят алтын четыре денги. За липины да за доски дватцать один алтын четыре денги. Ото шти дерев плотнику тридцет алтын, за клей десят денег, за три окончины, взяты в скатерную полату, семь алтын две денги. За фонарь, что взят воротнику, два (Л. 526) алтына две денги. За три окончины, что взяты в полату к детям боярским, да за окончину к сушильному старцу восемь алтын четыре денги. За две окончины, что взяты в хлебню, че-

^a Далее одно слово написано неразборчиво.

⁶⁶ Слова вписаны в строку позднее более мелким почерком.

тыре алтына четыре денги. За два прута железных к окончинам к Соловецким два алтына четыре денги. Да ему, Васке, от Соловецких от осмии окончин от дела по две гривны от окончины. Итого рубль двадцать алтын. И всего за приклад и за мелкие окончины, и за фонарь, и за дело шесть рублей двенадцать алтын, дано. Зделаны окончины к церкве Соловецких чудотворцов в паперть.

Декабря в 20 де[нь] по памяти ис Патриарша Дворцоваго приказу за приписью (Л. 526 об.) дьяка Федора Торопова плотником стрелцом Иванова приказу Бегичева Онтипку Федорову за дело, что оне рубили на житном дворе житницу новую полушесть сажени, четырнатцать рублей, дано.

Декабря в 19 де[нь] каменщику Васке Наумову, что он покупал под столовую полату на печь, за полшесть тысячи кирпичю зженово, за тысячу по рублю по тридцати алтын, итого десять рублей пятнатцат алтын. За тридцат возов глины за воз по два алтына по две денги. За семь возов песку одиннатцать алтын четыре денги. За тридцат тесниц на полупки в печь под своды дватцать алтын. За сто гвоздей кружавных (Л. 527) пять алтын. Да за камене серое, что класть в тое печь на своды, два рубли дватцать алтын. Да ему, Васке, от той печи за дело пят рублей. И всего за кирпичь, и за глину, и за камене, и за песок, и за гвозди, и за дело дватцать один рубль восемь алтын две денги.

Генваря в 8 де[нь] по росписи конюшево старца Иева за десят повясок волосяных по четыре денги за повяску, да за три ремена, что куплены на поделку на недоуски, три алтына, да на лошади за мыло алтын. Всего десять алтын четыре денги, дано. Помета на росписи дьяка Григоря Одинцова.

Генваря в 14 де[нь] по приказу казначея старца Перфирия да дьяка Григоря Одинцова (Л. 527 об.) печнику Устинку Артемеву от хлебные печи от починки две гривны, дано.

Того ж дни переплетчику Петрушке Алексееву от трех книг тиунские да от дву денежных, что привозят из городов розных десятин от переплетки и за кожу, и за дело против прошлого 1639/40 году рубль три алтына две денги. Да за четвертую книгу записную патриарших ставленников две гривны. Всего рубль десят алтын, дано.

Генваря в 20 де[нь] печнику Васке Наумову за пятсот кирпичю зженово, что взяты на поделку к патриаршей к проходной полатке к задней на кладку к дверем, рубль. Да патриарши Гавриловские слободы старосте Сергушке Емельянову за сто кирпичю подового зженово⁵⁰, что мостили в хлебне печь, четырнатцат алтын две денги, дано.

(Л. 528) Того ж дни по памяти за приписью дьяка Федора Торопова патриарши слободы Козя болота да Гавриловские слободы старостам Ромашку Романову да Сергушке Емельянову за труб новой с трех сажен, что они купили в лесном ряду на патриархов на житной двор на житницу, девят рублей шеснатцать алтын четыре денги, дано. Приказали дать казначей старец Перфирей да дьяк Григорий Одинцов.

Того ж дни по памяти за приписью дьяка Федора Торопова патриарши Гариловской слободы старосте Сергушке Емельянову на лесную покупку к патриарше житнице, что на житном дворе, три рубли, дано.

Февраля в 4 де[нь] по памяти за приписью (Л. 528 об.) дьяка Федора Торопова патриарши слободы Козья болота старосте Ромашку Романову, что делали про довой^a обиход на Патриаршем житном дворе две житницы новые. Одна на шти сажен, другая трех сажен, да с Патриарша двора на житной двор перевезена третья житница, и к тем житницам имал у торговых людей на подрубку и на мост бревна и доски, и колоды, и на кровлю скаль и гвозди, и плотником от дела, и извощиком за провоз шеснатцат рублев дватцат четыре алтына, дано.

Февраля в 9 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова патриаршу крестьянину Устинку мурамщику, что он в Патриаршем Дворцовом приказе кирпичем мост мостил, за дело шесть алтын четыре денги, дано.

Марта в 20 де[нь] по росписи за поме (Л. 529) тою дьяка Григоря Одинцова котелнику Ивашку Василеву, что он починивал и лудил поваренных судов, от дву котлов, да от дву чашь погребных, да от яндовки пивной от починки за две гривенки меди две гривны. Да от дву котлов ис Федоровского монастыря за полуду и от починки за медь за четыре гривенки тритцат алтын четыре денги. Да за две гривенки олова десят алтын, да за полгривенки нашатырю две гривны, да за три мешка уголя шесть алтын. Да молотобойцом от чищенья и от держанья четыре алтына. Да ото шти оловеников да от трех кружек погребных, да от кружки церковные от Соловецких от починки. И за олово, и за дело четыре алтына. Всего рубль дватцат шесть алтын четыре денги, дано.

(Л. 529 об.) Марта в 18 де[нь] по росписи за пометою дьяка Григоря Одинцова печнику Васке Наумову за полторы тысечи кирпичю три рубли, да за вомс возов глины осмнатцат алтын четыре денги. Да за пят возов песку пят алтын, да за белую глинку и за слюду три денги. А в том кирпиче и в глине делал он печь под патриарховою кельею, где живет чашник. Да ему ж, Васке, от тое печи за дело рубль. И всего за кирпичь, и за глину, и за песок, и за дело четыре рубли дватцат четыре алтына з денгою, дано.

Маия в 13 де[нь] по росписи старосты Ромашка Романова за скаль и за драницы, и за гвоздья, что куплены на анбар, где стоит патриаршь возок и сани, дватцат один алтын. Да изво (Л. 530) щиком от тесу за провоз, что возили з житново двора на тот же анбар, двенатцат алтын. Да от тово ж анбара плотником за дело рубль тринацат алтын две денги. И всего за скаль, и за драницы, и за гвоздья, и плотником за дело два рубли тринацать алтын четыре денги, дано.

Маия в 16 де[нь] водовозу Дорофейку Остафьеву на возжи четыре денги, дано.

Того ж дни сыромятнику Ивашку Ильину за дело от сыромятне кожи, что он делал на сыромят, семь алтын. Да повару Микитке ручке от топоров от точеня шесть денег. Да погребному сторожу Федоску на ужище четыре денги. Всего восемь алтын четыре денги, дано.

(Л. 530 об.) Маия в 25 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григорья Одинцова Федоровского монастыря, что за Никицкими ворота, попом и всей

^a Так в рукописи.

брате, что оне прибавили к старому железному горшку, шеснатцат алтын четыре денги, дано.

(Л. 543^а) *На всякие мелкие расходы*

Сентября в 2 де[нь] повару Микитке Рукосую десят алтын, дано. Купил три уполовна железных да два решета в поварню. Приказал казначей.

Сентября в 5 де[нь] конюшему старцу Иеву десят алтын, дано. Починивал три седла патриарших: два бархатных да сафянное. Да ему, конюшему, на мыло шесть денег, да за решето четыре денги. Обоево десят денег, дано.

Сентября во 8 де[нь] села Ярымова крестьянину Купреянку Антипину коновалу гривна, дано. Клал лошадь патриарши в селе Троецком, приказал казначей.

(Л. 543 об.) Сентябрь в 9 де[нь] Ивановские площади подьячему Ивану Иванову пять алтын, дано. Писал запис Васильевсково монастыря, что в Суздале⁵¹, игумену Феодосью в том, что ему при Василе Потапове да при дьяке при Федоре Торопове зделаца в земляном владенье села Троецково со крестьяны.

Сентября в 11 де[нь] лапотново ряду торговому человеку Федке Сщербаку за колоду, чем ловят мышь, два алтына, дано. Куплена в патриаршие в задние кельи. Денги взял сторож Титко.

Того ж дни казначею старцу Илариону восемь алтын, купил хомутину и отдал водовозу Олешке, да ему ж восемь денег, купил ключь к замку в хлебню. Обоево девять алтын две денги, дано.

(Л. 544) Того ж дни ис собору петропавловскому дьячку Якву Иванову от книг от Трефолоев от двунатцати месяцев от переплетки сорок алтын, дано. Приказал казначей.

Того ж дни села Пушкина деловым людем Пятунке Емелянову с товарищи пяти человеком на соль против прошлаго 1639/40 году по полуполтине человеку на год. Итого рубль восемь алтын две денги, дано. Взял на всех Пятунка.

Того ж дни хлебному старцу Ионе от старые квашни за починку за оброчи, и за еско новое, и за круг, чем покрыват квашня, и за заслон к трубе. Всего четыре алтына две денги, дано.

Сентября в 27 де[нь] кожевнику Малафейку Иванову от дву кож (Л. 544 об.) яловишных красных за дело шестынатцет алтын четыре денги, дано. Взяты кожи в казну.

Того ж дни лапотново ряду торговому человеку Федке Сщербаку за колоды, чем ловят мыши, два алтына, дано. Куплена в патриарши хоромы. Денги взял казначей.

Того ж дни Козья болота старосте Ромашку Романову за четыре гвоздя больших четыре денги, да плотником от дела гривна. Обоево четыре алтына, дано. Починивал на конюшенном дворе ясли большие.

Того ж дни Федоровсково монастыря старцу келарю Пимину на кошель и на веревку, чем брате в монастыре черпать вода, восемь денег, дано.

⁵¹ Листы 531–542 об. без записей. Помета дьяка Григория Одинцова.

(Л. 545) Сентября в 29 де[нь] конюшему старцу Иеву на мыло, чем мыть с стоялых лошадей простыни, два алтына. Да от тех простын портмое восемь денег. Обоево гривна, дано. Приказал казначей Иларион.

Октября в 2 де[нь] хлебному старцу Ионе пят денег, дано. Обивал ковш большой, чем воду черпают, немецким белым железом.

Октября в 5 де[нь] Василю Тверитину, что он дал от патриарша чемодана от починки четыре алтына, от ключа, от дела шесть денег, гвоздя на четыре денги, за ужище, что куплено к изварам⁵² в уши, шесть денег, за сито два алтына, за решето шесть денег. И всего девят алтын четыре денги, дано.

(Л. 545 об.) Октября в 9 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григоря Одинцова сторожу Титку Василеву за мыло, чем он в прошлом 1637/38 и во 1638/39, и во 1639/40 году патриарши келейные и из ризниц от архидьякона полотенца, по полтине на год. Итого полторы рубли, дано.

Того ж дни переплетчику Петрушке Олексееву от приходные книги, да от расходные, да от книг церковных пустых земель, да от книги, что записывают воск и свечи, да от книги записной ставленнической, да от книги записной новоявленных и перехожих, всего на шесть книг, против прошлого, 1639/40 году, за полчетверта борана красных трицат один алтын четыре денги. Да ему, Петрушке, (Л. 546) за дело дватцет три алтына две денги. Обоево рубль двацать один алтын четыре денги, дано.

Октября в 20 де[нь] хлебному старцу Ионе за войлок четыре алтына две^a денги. Да за гвозди и за ремене два алтына. Обоево шесть алтын две денги, дано. Обивал в окошка вставку. Да ему ж в прибавку на ремене и на гвозди десят денег.

Того ж дни плотнику Филке Савелеву три алтына две денги, дано. Починивал у Соловетцких у паперти у рундука ступени.

Того ж дни подьячему Андрею...⁶ за безмен з гирею с медною поднимает воску полтора пуда дватцет пят алтын, дано. Взят в казну для восково и свешново весу.

(Л. 546 об.) Октября в 22 де[нь] плотнику Федке Фадееву гривна, дано. Делал стол к портным мастером в полату на чем подкраивать патриаршее платейцо. Приказал казначей Перфирей.

Октября в 25 де[нь] дворосеку Волотке на ужище, чем двора носит в патриарши в задние кельи, восемь денег, да на топорщице две денги. Обоево десять денег, дано. Приказал казначей.

Октября в 28 де[нь] переплетчику Якушке Иванову от книги от Пролога за переплетку шестнацет алтын четыре денги, дано. Приказал казначей, а Пролог к Святейшему Патриарху в келью взят.

Октября в 30 де[нь] приставу Еки (Л. 547) ску Архипову за две коробки лубяные на денги куплены в казну два алтына, да за десяток колец медных, да за десяток крючков образных десять денег. Куплены к образом к Святей-

^a В рукописи слово написано дважды.

⁶ Далее одно слово написано неразборчиво.

шему Патриарху в келью. Обоево за коробки, и за колца, и за кручки три алтына четыре денги, дано. Приказал казначей.

Ноября в 3 де[нь] портному мастеру Микитке Алфимову, что он купил две рогожи-ценовки, на чем поткраиват патриархово платейцо, два алтына две денги. Да ему за кувшин, в чем держат квас и вода в келье, да за ковшик четыре денги. Обоево три алтына, дано. Приказал казначей.

Того ж дни водовозу Дорошке к водовозной телеге на тяжу алтын, дано. (Л. 547 об.) Ноября в 11 де[нь] плотником Якушку Иванову от водовозной телеги...^а за дело и что делал в Макаревской полате к окошку затворную дверь, две гривны, дано.

Того ж дни конюшему старцу Иеву за три лопаты, что куплены в конюшну, два алтына, да ему ж за мыло, чем мыть на лошади простыни, и от мытья портомое два алтына. Обоево четыре алтына, дано. Приказал казначей.

Того ж дни старосте Серешке Омелянову, что он купил в село Пушкино, за двенадцет попон бисяг по четыре алтына за попону. Итого рубль четырнадцат алтын четыре денги. Да за двенацать (Л. 548) подвязок полалтын, да за две скреблицы гривна. И всего рубль дватцет три алтына, дано. Приказал казначей. Взял попоны в Пушкино Иван Рагозин Телной.

Ноября в 17 де[нь] водовозу Олешке к водовозным санем на завертки шесть денег, дано.

Ноября в 20 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григоря Одинцова Федоровсково монастыря старцем Пимину с товарищи, что у них изошло в прошлом во 1639/40 году на манастырскую покупку: на ушатики, и на извары, и на кадки мелкие. Всего десят алтын четыре денги, дано.

Того ж дни хлебному старцу Ионе за две рогожи два алтына две денги, дано. Обиват у хлебни двери. Приказал казначей.

(Л. 548 об.) Ноября в 23 де[нь] повару Ивашку Дербене восемь денег, дано. Купил замок замыкат поваренные суды медные в ларь. Приказал казначей.

Ноября в 25 де[нь] Ивану Резанову три алтына, дано. Купил по казначеву велению в село Дмитровское фонарь к лошедям на конюшну.

Того ж дни хлебному старцу Ионе два алтына две денги. Купил две лопаты да гвоздей болших збивать у хлебни двер. Да ему ж на рукавицы восемь денег. Обоево три алтына четыре денги, дано. Приказал казначей.

Ноября в 30 де[нь] чашнику старцу Климанту за трицат за шесть ковшей березовых двенацат алтын две (Л. 549) денги, дано. Куплены ковши на поминках в четырехдесятницу, чем пить в столах и на погребе гостям.

Того ж дни Казенного приказу приставу Якиму Архипову восемь алтын две денги, дано. А он на те денги купил холст, в чем шит на денежную казну мешки.

Того ж дни тележново ряду торговому человеку Пронке Василеву за двои сани водовозные, что взяты на патриархов двор, на чом вода возить, семнатцат алтын, дано.

Того ж дни хлебному старцу Ионе на мочала, в чем делать помела, три алтына две денги, дано.

^а Далее одно слово написано неразборчиво.

Декабря в 11 де[нь] конюху Онашке Ортемеву за два мешка холщевых четыре алтына, дано. Купил (Л. 549 об.) чашнику старцу Климанту, чем носит солод ис сушила в поварню на пиво. Приказал дат казначей.

Декабря в 15 де[нь] казначею старцу Перфирью десят денег, дано. А он те денги дал дровосекам на топорища да от точеня от топоров.

Декабря в 17 де[нь] патриаршу сыну боярскому Матвею Облецову десять денег, дано. Купил к большой житнице к дверем два пробоя болших.

Декабря в 19 де[нь] Власу Григорову четыре денги, дано. Купил гвоздей луженых, чем в столовой на поставцу прибиват фату.

Того ж дни ярыжным Федосейку Офонасеву с товарищи шесть алтын (Л. 550) четыре денги, дано. Относил на площад землю от собору, что вынесена из собору ис патриарши могилы.

Декабря в 13 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормили в столовой полате, сту человеком, рубль, дано по две денги человеку.

Генваря в 8 де[нь] патриарши слободы Козья болота крестьянину Тренке Зубченину за письмо, что он писал доску травами в соборную церковь на гробницу Святейшаго Иоасафа, Патриарха, ставил перед образы свечи в шанданах, которые над патриаршею гробницею стоят в киотех, восемь алтын две денги, дано.

Того ж дни взято в торгу в судовом ряду к чашнику к патриаршим сорочинам (Л. 550 об.) в столы дватцат ковшей березовых, за ковш по две денги. Итого две гривны, дано.

Генваря в 10 де[нь] замочнику Баженку Иванову от дву замков от починки, что починивал в Казенной приказ, два алтына две денги, дано.

Генваря в 14 де[нь] хлебному старцу Ионе за ушат да за два ведра, что он купил в хлебню на воду, четыре алтына две денги. Да за чан сосновой, что он купил в хлебню на квашню, дватцат один алтын две денги. Да ключнику Василью Тверитину от замка чуланново от дела четыре денги. Всего дватцат шесть алтын две денги, дано.

Генваря в 27 де[нь] за коробю липовую, (Л. 551) что взята в торгу в патриархов в Казенной приказ на патриарши келейные книги пят алтын, дано. Да за ужище, что взяты коробя обвязат, что положены суды серебряные, алтын, дано.

Февраля в 28 де[нь] хлебному старцу Ионе за четыре лапаты, чем печь загребают, да за два грохота, чем сеют муку, да за два ковша мучные четыре алтына з деньгою, дано.

Марта в 15 де[нь] конюшему старцу Иеву по росписи за пометою дьяка Григоря Одинцова за четыре лопаты два алтына, да за ковш водоливной два алтына, да за два ведра семь денег, за гребенку две денги, за щет шесть денег, за мыло на лошади алтын две денги. (Л. 551 об.) Всего сем алтын четыре денги, дано.

Того ж дни помясу Ивашку Василеву, что он взял в братцую поварню, за два решета да за сито два алтына четыре денги, дано.

Того ж дни дровосеку Володке Тимофееву на топорище две денги, да казначею старцу Перфирю на два топорища четыре денги, дано.

Марта в 26 де[нь] повару Микитке Осипову на два решета восемь денег, дано. Взяты в росхожую поварню.

Марта в 27 де[нь] тележного ряду торговому человеку Федотку Тимофееву за четыре колеса передних, что взяты к водовозным телегам дватцат алтын, дано.

(Л. 552) Марта в 30 де[нь] водовозу Олешке Сафонову на тежи к водовозной телеге шесть денег, дано.

Апреля в 8 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова клошнику Василию Тверитину на огородные всякие овощи и работником на наем пят рублей, дано.

Апреля в 16 де[нь] по росписи старосты Сергушки Емелянова плотником от вербных саней за дело дватцат алтын. Да за доски, что взяты на те сани, восемь алтын две денги. Да за гвоздя, чем около вербы тесницы збиват, восемь денег. Да за веревки, чем верба вязат, два алтына две денги. Всего тритцат два алтына, дано.

Апреля в 17 де[нь] старосте Сергушке Емелянову, что он купил на гробницу Святейшаго (Л. 552 об.) Иоасафа, Патриарха, две доски сосновых полуторы сажени, чтоб от камени суконной покров не тлел, шесть алтын четыре денги. Да плотнику, что он те денги...^а пять алтын. Всего одиннатцат алтын четыре денги, дано. Да ему ж, Сергушке, за замок, что он купил в хлебню, девят алтын, дано.

Апреля в 18 де[нь] воротнику Ондрюшке Лукину десят денег, дано. А он те денги дал за новой ключ к замошиком от воротного замка за дело.

Апреля в 20 де[нь] дворцовым плотником Тимошке Григореву да Наумку Трофимову корму два алтына четыре денги, дано. Ставили в соборной церкви по тьяблом свечи.

Того ж дни Патриарша Дворцового приказу сторожу Якунке Иванову за дело, что он делал у колодезя чепь, пять (Л. 553) алтын, дано.

Маия в 8 де[нь] поваренному Ивашку Ручке от точенья новых топоров, чем на обиход секут мяса, и за топорище восемь денег, дано.

Того ж дни Казенного приказу приставу Якимку Архипову за снурок, что он купил в Великой четверг х ковчегу ризы Господни, на чом быт печати, шесть денег, дано.

Того ж дни огороднику Куземке Филипову за колеса, и за оси, и за тежи, что он купил на патриархов огород, одиннатцат алтын две денги, дано.

Того ж дни по памяти за приписью дьяка Федора Торопова Козя болота старосте Ромашку Романову за пятеры сошники с полицами, что куплены в село Пушкино для домовые десятинные (Л. 553 об.) пашни, рубль десят денег. Да села Пушкина старосте Ивашку Яносу за пят плотин сошных к тем же сошникам десят алтын. Всего рубль одиннатцат алтын четыре денги, дано.

Маия в 30 де[нь] повару Микитке Ручке за пят блюд деревяных да за пят ставцов, да за две солонки, да за сто ложек, что он купил в росхожую поварню, двенатцат алтын две денги, дано.

Того ж дни плотнику Филке Иванову за дело, что он делал в Макаревской полате чулан дощатой, восемь алтын две денги, дано.

^а Далее одно слово написано неразборчиво.

Июня в 8 де[нь] казначею старцу Перфирию Соловецкому десят денег, дано. А он те денги дал сыромятнику, которой кроил из сыромятни ремень на обраски.

(Л. 554) Того ж дни ключнику Василию Тверитину на огородные всякие семена дватцат шесть алтын четыре денги, дано. Приказал дать казначей старец Перфирей Соловецкой.

Июня в 28 де[нь] по росписи за пометою дьяка Григоря Одинцова старосте Ромашку Романову, что он купил на запас, которой послан на Тулу, пятьдесят четыре куля да дватцат рогож рубль тринадцат алтын две денги, дано.

Того ж дни Патриарша Дворцового приказу сторожу Якушку Иванову за дело, что он делал воротцы, что ходят под Крестовую полату, да в хлебне у квашни утирал вышины, пят алтын две денги, дано.

Июля в 4 де[нь] водовозу Олешке на возжи да на веревку шесть денег, дано.

(Л. 554 об.) Того ж дни соловецкому дьячку Ондрюшке Кипреянову восемь денег, дано. Купил в церков Соловецких чудотворцов железной щипец.

Июля в 8 де[нь] чашнику старцу Клименту за окончину, что он купил в подклет под патриархову келью в красное окошко, шесть алтын. Да ему ж, что он дал от трех замков за дело, которые у погребов, три алтына две денги. Обоево девят алтын две денги, дано.

Июля в 9 де[нь] ключнику Василию Тверитину за росаду, что он купил на патриархов огород и что дал ярыжным за работы, пят рублей три алтына четыре денги, дано.

Июля в 12 де[нь] по росписи старосты Ромашка Романова от дву сажен (Л. 555) дров, что он от перевозки з Дорогомилова на патриархов двор, дватцать три алтына две денги, дано.

Июля в 13 де[нь] тиуну Ивану Чортову за крюки, что он купил в тиунскую избу к дверем, пятнадцат алтын. Да от тех дверей плотнику за дело два алтына. Всего семнатыцат алтын, дано.

Июля в 18 де[нь] конюшему старцу Иеву, что он дал за дело уздечнику, от десяти недоустков да от узды восемь алтын. Да ему ж за мыло, чем лошади мыть, шесть денег. Всего десят алтын, дано.

Июля в 20 де[нь] по росписи котелника Онтошка Микифорова за прибавочную медь, что у него изошло на пивные и на поваренные котлы и на противни, за полсемы гривенки без получети дватцат пять алтын три денги. За две гривенки (Л. 555 об.) олова десят алтын. За фунт нашатырю тринадцат алтын две денги. За три мешка уголья три алтына. Всего рубль осмнатцат алтын три денги, дано.

Июля в 26 де[нь] старосте Ромашку Романову за три луба, чем покрыт над патриаршим воском да квасами, шесть алтын четыре денги, дано.

Того ж дни конюху Ивашке Артемеву, что он дал от седла, за дело семь алтын, дано. Приказал дать казначей Перфирей.

Августа в 4 де[нь] пешнику Сергушке Золотухину за дело, что он починивал печь и вывел новую трубу в полате, где живали серебряники, шеснат-

цат алтын. Да к той же трубе за заслончик железной четыре алтына. Всего дват (Л. 556) цат алтын, дано.

Августа в 5 де[нь] Патриарша Дворцового приказу сторожу Якушку Иванову за дело, что он обивал досками каменную лесницу, что всходят от Крестовой полаты вверх, где живали серебряные мастера, восемь алтын две денги. Да за гвоздья, что куплены на тое ж лесницу, два алтына две денги. Обоево десят алтын четыре денги, дано. Приказал дать казначей Перфирей.

Августа в 12 де[нь] дворцовым плотникам Тимошке Григореву да Куземку Иванову корму на один день по осми денег человеку. Итого два алтына четыре денги, дано. Ставили в соборной церкви по тяблом свечи.

Того ж дни орловщиком Петрушке Ва (Л. 556 об.) силеву да Сидорку Моисееву с товарищи от палакерей ото всех, что на патриархову дворе, оприч Розрядново и Дворцового приказов, от чищения по уговору против прошлого 1639/40 году девят рублей.

Того ж дни по росписи старосты Ромашка Романова за десят кулей да за десят рогож, что он купил под запас, которой послан на Тулу, двенатцат алтын, дано.

Того ж дни соловецкому дьячку Андриюшке Кипреянову четыре денги, дано. Что он дал за дело от шанданца⁵³, что в церкви у Соловецких чудотворцов у паникадила.

Августа в 17 де[нь] водовозу Дорофейку Оставеву к водовозной телеге на оглобли да на веревку десят денег да дровосеком Володке да Васке на топорници (Л. 557) четыре денги. Всего два алтына две денги, дано.

Августа в 21 де[нь] по выписке за пометою дьяка Григоря Одинцова Козья болота и Гавриловской слободы старостам Ромашку Романову да Сергушке Емелянову, что оне дали плотинком и ярыжным, которые копали ров и ставили тын около патриарша огорода, что за Фроловскими вороты, три рубли дватцат три алтына, дано. А другую половину то ж число велено им взят Козья болота и Гавриловской слободы на крестьянех.

Августа в 25 де[нь] по росписи старосты Ромашка Романова, что оне дали извощиком ото шти сажен дров, которые возили ис под Новинского монастыря на патриархов двор, рубль семь алтын три денги, дано. А другую половину то ж число велено им (Л. 557 об.) взят Козья болота да Гавриловской слободы на крестьянех.

Августа в 31 де[нь] тиуну Ивану Чортову за две окончины да за бумагу пищу, что он купил те окончины в тиунскую избу, а бумагу на книги, девят алтын четыре денги, дано.

(Л. 560^a) *На бумагу, и на чернила, и на свечи салные,
что емлют по приказом*

Сентября в 12 де[нь] свешново ряду торговому человеку Мишке Степанову за сто свеч салных денежных тринацат алтын две денги. Да ему ж,

^a Листы 558–559 об. без записей. Помета дьяка Григоря Одинцова.

Мишке, за двесте свеч полуденежных тринатцет алтын две денги. Обоево дватцет шесть алтын четыре денги, дано.

Сентября в 23 де[нь] по памяти за приписью дьяка Ивана Головкова в Дворцовой приказ за чернила гривна, дано.

Сентября в 26 де[нь] чернилнице Лукерице Гаврилове за кувшин чернил гривна, дано. Взят в казну.

Октября в 2 де[нь] Федоровсково (Л. 560 об.) монастыря^а старцом на свечи салные на месяц октябрь против прошлаго 1639/40 году четыре алтына четыре денги, дано. Взял старец Пимин.

Октября в 4 де[нь] свешново ряду торговому человеку Мишке Степанову за сто свеч денежных тринатцет алтын две денги, дано. Взят в Казенной приказ.

Октября в 15 де[нь] старцу Сидору за пятьдесят свеч салных полуденежных гривна, дано. В село Троецкое взял конюх Тренка Лвов.

Октября в 20 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова свешново ряду торговому человеку Ивашку Василеву за сто свеч салных денежных тринатцет алтын две денги, (Л. 561) да за сто свеч полуденежных две гривны. Обоево двадцать алтын, дано. Взят в Дворцовой приказ.

Того ж дни свешново ряду торговому человеку Осташке Кирилову за свечи салные, что у него взяты в Казенной приказ, за две тысячи свеч полуденежных, за сто свеч по две гривны, да за тысячу свеч денежных за сто по тринатцати алтын по две денги. И всего за три тысячи восемь рублей, дано. А те свечи даюцца в расход по всем службам, и в село Троецкое, и в иные села к лошедям.

Того ж дни чернилнице Лукерице Гаврилове за кувшин чернил гривна, дано. Взят в Казенной приказ.

(Л. 561 об.) Ноября в 1 де[нь] Федоровсково монастыря старцом на свечи салные на месяц ноябрь против прежнево четыре алтына четыре денги, дано. Взял старец Пимин. Да ему ж на кошел с веревкою, чем в монастыре черпают вода, восемь денег, дано.

Ноября в 17 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова чернилнице женке Марице за чернила гривна, дано. Взят в дворец.

Ноября в 23 де[нь] свешнику Осташке Кирилову за четыре вошанки на святую воду два алтына четыре денги, дано. Взят к Патриарху в Крестовую.

Ноября в 24 де[нь] чашнику стар (Л. 562) цу Климанту за сто свеч салных полуденежных две гривны, дано. Куплены на погреб.

Декабря в 12 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова свешново ряду торговому человеку Галке Иванову за сто свеч салных денежных тринатцат алтын две денги, дано.

Декабря в 31 де[нь] чернилнице Лукерице Гаврилове за кувшин чернил гривна, дано. Взят в Казенной приказ.

Того ж дни Федоровсково монастыря старцом на свечи салные, что оне покупали в нынешнем в декабре месяце, против прежнево четыре алтына четыре денги, дано. Взял старец Пимин.

^а В рукописи слово написано дважды.

(Л. 562 об.) Того ж дни овошново ряду торговому человеку Богдану Орфеву за стопу бумаги рубль, дано. Взята в Казеной приказ.

Генваря в 8 де[нь] свешнику торговому человеку Ивашку Данилову за тысячу свеч салных полуденежных за сто по сем алтын. Итого два рубли з гривною. Да за сто свеч денежных четырнатцат алтын. Всего два рубли семнатцат алтын две денги, дано.

Того ж дни в Федоровской монастырь старцом на месяц генвар на свечи салные четыре алтына четыре денги, дано. Взял старец Пимин.

Генваря в 14 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова чернилнице жонке Марице за кувшин чернил три алтына две денги, дано. Взяты черни (Л. 563) ла в патриархов Дворцовой приказ.

Генваря в 27 де[нь] чернилнице жонке Марице за кушин чернил, что взято в патриархов в Казеной приказ, гривна, дано.

Да по памяти за приписью дьяка Федорва Торопова свечного ряду торговому человеку Ивашку Савелеву за сто свеч салных денежных тринацат алтын две денги, дано. Взяты свечи в патриархов в Дворцовой приказ генваря в 17 числе.

Февралья в 1 де[нь] овошного ряду торговому человеку патриарши Гавриловские слободы крестьянину Петрушке Осминину за шестьдесят стоп бумаги пищие по дватцат по три алтына по две денги за стопу. Итого сорок два рубли, дано. Взята бумага в Патриарш в Казеной приказ на расход и в иныя Патриарши (Л. 563 об.) приказы.

Февралья в 2 де[нь] чашнику старцу Климанту за свечи салные денежные и полуденежные, что он купил в торгу на погреб, две гривны, дано.

Февралья в 9 де[нь] патриарша Федоровского монастыря старцом на месяц февраль на свечи салные четыре алтына четыре денги, дано. Взял старец Пимин.

Февралья в 10 де[нь] свечного ряду торговому человеку Ивашку Данилову за сто свеч салных денежных четырнатцат алтын, дано. Взял сторож Титко Василев. Взяты в Казеной приказ.

Февралья в 12 де[нь] взято в патриархов в Казеной приказ в свечном ряду у торгового человеку у Гаврилка Иванова сто свеч (Л. 564) салных денежных за сто четырнатцат алтын четыре денги. Да за четыреста свеч салных полуденежных, за сто по семи алтын по две денги. Итого дватцат девят алтын две денги. Всего рубль десят алтын четыре денги, дано. Взял сторож Титко Василев.

Февралья в 17 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова свечного ряду торговому человеку Савке Иванову за сто свеч салных денежных тринацат алтын две денги, дано. Взяты свечи в патриархов в Дворцовой приказ.

Того ж дни чернилнице жонке Лукерице за кувшин чернил гривна, дано. Взяты чернила в патриархов в Казеной приказ.

Марта в 1 де[нь] свечного ряду торговому (Л. 564 об.) человеку Ивашку Еуфимеву за сто свеч денежных пятнатцат алтын, да за пятсот свеч салных полуденежных за сто по осми алтын. Итого рубль шесть алтын четыре денги.

Всего за денежные и за полуденежные рубль дватцат один алтын четыре денги, дано. Взяты свечи в патриархов в Казеной приказ, имал свечи сторож Гаврилка Иванов.

Марта в 10 де[нь] чернилнице Лукерице за кувшин чернил гривна, дано. Взятые чернила в патриархов в Казеной приказ.

Марта в 25 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова жонке Манке за кувшин чернил, что взяты в Дворцовой приказ, три алтына две денги, дано.

Марта в 28 де[нь] жонке Лукерице (Л. 565) за чернила три алтына две денги, дано. Взятые в Казеной приказ.

Марта в 30 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова свешново ряду Гаврилку Иванову за сто свеч салных полуденежных семь алтын две денги, дано. Взятые в Дворцовой приказ.

Апреля в 2 де[нь] свешново ряду торговому человеку Осташке Кирилову за четыреста свеч салных полуденежных тритцат два алтына, дано. Взятые в Патриарш в Казеной приказ.

Апреля в 12 де[нь] жонке Лукерице за кувшин чернил три алтына две денги, дано. Взятые в Казеной приказ.

Маия в 10 де[нь] жонке Лукерице за кушин чернил гривна, дано. Взятые в Казеной приказ.

(Л. 565 об.) Маия в 16 де[нь] свешново ряду торговому человеку Осташку Кирилову за сто свеч салных полуденежных семь алтын две денги, дано. Взятые в Патриарш в Казеной приказ.

Июня в 8 де[нь] свешнику Осташку Кирилову за сто свеч полуденежных семь алтын, дано. Взятые в Патриарш в Казеной приказ.

Июня в 20 де[нь] чернилнице жонке Лукерице за чернила три алтына две денги, дано. Взятые в Патриарш в Казеной приказ.

Июня в 28 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова жонке Марице за чернила, что взяты в Патриарш Дворцовой приказ, три алтына две денги, дано.

Июля в 11 де[нь] свешново ряду Осташке Кирилову за сто свеч салных (Л. 566) полуденежных семь алтын, дано. Взятые в Патриарш в Казеной приказ.

Июля в 20 де[нь] жонке Лукерице за чернила три алтына две денги, дано. Взятые в Патриарш Казеной приказ.

Июля в 26 де[нь] свешново ряду Осташку Кирилову за сто свеч полуденежных семь алтын, дано. Взятые в Патриарш в Казеной приказ.

Августа в 17 де[нь] жонке Лукерице за чернила три алтына две денги, дано. Взятые в Патриарш в Казеной приказ.

Того ж дни свешново ряду Ивашку Еуфимеву за сто свеч денежных пятнатцат алтын, да за сто свеч полуденежных семь алтын. Обоево дватцат два алтына, дано. Взятые в Казеной приказ.

(Л. 566 об.) Августа в 20 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова жонке Марице за чернила гривна, дано.

Августа в 22 де[нь] свешново ряду свешнику Осташке Кирилову за сто свеч салных полуденежных семь алтын, дано. Взятые в Патриарш в Казеной приказ.

Того ж дни овошново ряду торговому человеку Васке Исаеву за стопу бумаги, что взята в Патриарш в Казеной приказ на книги, рубль, дано.

(Л. 569)^a *На лошадиную и на животную покупку, что покупают в патриарховы в дворцовые села*^b, (Л. 577)^a *на железо, и на уголье, и на иные расходы кузнецные*

Сентября в 4 де[нь] кузнецу Ондрюшке Иванову на наем на ярыжново в год против прошлаго 1639/40 году рубль шестнатцет алтын четыре денги, дано. Взял сам. Приказал казначей.

Октября в 15 де[нь] кузнецу Кирюшке Григореву за уголье два алтына, дано. Делал кочергу под патриархову под заднюю келью.

Октября в 5 де[нь] железново ряду торговому человеку Ивашку Дееву за сто гвоздей кружалных восемь алтын две денги. Да за пятьдесят гвоздей те-совых восемь денег. И всего десят алтын четыре денги, дано. Гвозди взяты в село Троецкое.

(Л. 577 об.) Октября в 21 де[нь] кузнецу Кирюшке Григореву за уголье десят денег, дано. Делал в хлебню к чепи два ошейника да звено новое.

Октября в 30 де[нь] кузнецу Кирюшке Григореву на уголье десят алтын, дано. Ковать стоялым болшим лошедем.

Ноября в 3 де[нь] железново ряду тоговому человеку Ивашку Дееву за заслон железной полтина, дано. Куплен в скатерную полату.

Ноября в 16 де[нь] кузнецу Кирюшке Григореву за мех уголья десят денег, дано. Ковал мехи в Макаревскую полату к оконной двери, да восемь прутиков к окончинам к Соловетцким в паперть.

(Л. 578) Ноября в 19 де[нь] железново ряду торговому человеку Ивашку Овдокимову за дело сковород железных за одну болшую, а за другую поменши одиннатцат алтын четыре...

Декабря в 20 де[нь] железново ряду Ивашку Овдокимову за дватцет батогов железа рубль^a. Взято железо на потковы, чем поткавывают лошади патриарши болшие. Да за две сковороды болших одиннатцать алтын четыре денги. Обоево рубль одиннатцать алтын четыре денги, дано. Взято железо в Казеной приказ для дворовых расходов, а сковороды в село Троецкое к трубам на покрывки.

(Л. 578 об.) Генваря в 17 де[нь] по приказу казначея старца Перфирия да дьяка Григоря Одинцова взято в торгу в железном ряду в Патриарш в Казеной приказ для всяких домовых кузнецных дел у торгового человека у Ивашка Овдокимова две связки железа, в связке по дватцати батогов, за связку по рублю. Итого два рубли, дано.

Того ж дни по приказу казначея старца Перфирия да дьяка Григоря Одинцова патриаршу кузнецу Ондрюшке Иванову на уголье на патриарши

^a Листы 567–568 об. без записей. Помета дьяка Григоря Одинцова.

^b Записей в этом разделе нет.

^a Листы 570–576 об. без записей. Помета дьяка Григоря Одинцова.

[†] Далее стерто слово «денги». На полях против этой статьи приписка: В расход не класть, написана вдвое.

^a Далее было написано, зачеркнуто и стерто слово «дано».

на всякие домовые кузнечные дела взята вперед против прошлого 1639/40 году два рубли осмнатцат алтын, дано. А пятнатцат алтын ему, Ондрюшке, зачтены, что даваны на уголье же кузнецу Кирюшке Григореву.

(Л. 585)^a *На патриархов столовой обиход и на иные сушильные расходы*

Сентября в 8 де[нь] по патриархову указу калашнику Мишке Дуткову за два хлеба пшенишных да за две солонки двадцет один алтын две денги, дано. А те хлебы поднесены государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси в селе Коломенском на новоселье.

Октября в 5 де[нь] по росписи ключнику Василию Тверитину за столовой обиход за фунт перцу двенатцет алтын две денги, за грибы три алтына, за рыбу свежую пескар два алтына, за хрен две денги, за три стерледи свежих две гривны, за два фунта ягод изюму винных пят алтын. От пробою от чети (Л. 585 об.) масла конопляново пят алтын, за траву, что куплено в патриарш в квас и в капусту соленую, шесть алтын, за хрен же четыре денги. И всего рубль семь алтын четыре денги, дано.

Ноября в 8 де[нь] по росписи Василию Тверитину за покупку за пуд хмелю дватцат алтын, за свежую рыбу за пескиш^б два алтына две денги, за хрен две денги, извощиком провозу от мяса шесть денег, за травы мяту в патриархов квасок два алтына за свечи салные шесть денег. Всего дватцат семь алтын, дано.

Ноября в 12 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова с Костромы старосте (Л. 586) поповскому троецкому попу Василию за рыбу свежую, что он купил в прошлом во 1639/40 году к празднику к Успеневу дню и тое рыбу прислал к Москве в Патриарш Дворцовой приказ, за четыре рыбыцы белые, за двенатцет стерлядей головных, за пятнатцат стерлядей подголовных, за трицат стерлядей ушных пятнатцат рублев шестьнатцат алтын четыре денги. Да от тое ж рыбы от Костромы до Москвы извощиком провозу три рубли. Обоево осмьнатцать рублев шестьнатцат алтын четыре денги, дано. В памяти число 8-е.

Декабря в 1 де[нь] Гаврилу Космареву рубль, дано. Купил калач двуде нежный в столы гостям. Приказал дать боярин Семен Василев.

(Л. 586 об.) Декабря в 2 де[нь] ис Патриарша Дворцоваго приказу по памяти за приписью дьяка Федора Торопова осташковским патриаршим крестьяном Филке Новикову за свежую рыбу за пят судоков головных, за пятдесят судоков средних, за девяносто судоков ушных, за шесть сщук подголова, за шездесят лещей паровых, за сто за девяносто за три леща ушных, за шестьнатцать щук колодок, за шездесят щук ушных, за десят окуней росолных ушных, за десят окуней росолных, за семдесят ушных окуней дватцет рублев. Да Омелке Шолмотову за бочку щук просолных пять рублев. Обоево за свежую и за просолную рыбу дватцат пять рублев, дано. Взяли денги мужики сами. Рыба взята к патриаршим поминкам.

^a Листы 579–584 об. без записей. Помета Дьяка Григория Одинцова.

^б Так в рукописи.

(Л. 587) Декабря в 11 де[нь] ключнику Василию Тверитину по росписи за тридцат за шесть золотников шафрану полтора рубли, за полтора фунта гвоздики рубль две гривны, за десять фунтов изюму двадцат четыре алтына, за восемь фунтов винных осмнат алтын четыре денги, за две гривенки патоки два алтына четыре денги, да за патоку ж за пят гривенок пят алтын пят денег, за калачи три алтына, от четверти от конопел от пробою в масло пят алтын две денги, за фунт перцу девят алтын, за хрен восемь денег, за две стерледи свежих три алтына з денгою. И всего четыре рубли двадцат девят алтын четыре денги, дано.

Декабря в 12 де[нь] по памяти за (Л. 587 об.) приписью дьяка Федора Торопова рыбново ряду торговому человеку Мишке Власову за невод новой осмидесят сажень семь рублей шестнацет алтын четыре денги, дано. Куплен невод ловит рыба по селам в озерах.

Декабря в 29 де[нь] по росписи Василию Тверитину за два пуда меду два рубли, за пуд за два фунта ягод изюму и винных два рубли тридцат один алтын четыре денги, за два сита семь алтын две денги, от замков от починки гривна, за хрен четыре денги, за чесношник три денги. И всего за покупки пять рублей десят алтын з денгою, дано.

(Л. 588) Генваря в 3 де[нь] по памяти за приписью дьяка Федора Торопова торговым людем Елизарку Захареву за свежую рыбу, что взято в столы на помин по Святейшем Иоасафе, Патриархе, за тридцат лещей паровых полтара рубли, да Овдокимку Василеву за дватцат щук подголоvia полтара рубли, да за дватцат за пят судаков больших и средних рубль тридцат алтын. Да извощику за провоз з гостина двора от той рыбы шесть денег. Всего четыре рубли тридцат один алтын, дано.

Того ж дни по памяти за приписью дьяка Федора Торопова патриарши Гавриловские слободы крестьянину Петрушке Осминину за ренское, что взят к патриаршим девятинам...^a два рубли с полтиною, дано.

(Л. 588 об.) Генваря в 12 де[нь] по росписи ключника Василя Тверитина за пуд патоки рубль, да за три фунта сахару дватцат алтын, да за кусковую патоку на кутю четыре денги, за ядра миндалные духи назимные шесть денег, за колачи шесть алтын четыре денги. Всего рубль дватцат восемь алтын две денги, дано.

Апреля в 15 де[нь] по росписи ключника Василя Тверитина за четыре гривенки патоки кусковой четыре алтына четыре денги, да за два фунта ягод изюму и винных четыре алтына, да от пробою коноплен пят алтын, да от замков и от ключей за дело семь алтын две денги. Всего дватцат один алтын, дано.

Июня в 17 де[нь] по росписи ключника Василя Тверитина, что он купил (Л. 589) для поставления Астраханского архиепископа Пахомия⁵⁴ к столу, за щуку подголове, да за четыре щуки колотки, да за дватцат щук ушных, да за два яза, да за лещ два рубли шеснатцат алтын четыре денги, да за четырнатцат плотниц, да за дватцат за семь окуней, за два сома, за три яза, за три щуки колотки, за пятьдесят за четыре селди паровых два рубли два алтына четыре

^a Далее одно слово написано неразборчиво.

денги. За четверть фунта шафрану дватцат четыре алтына, за полфунта перцу четыре алтына, за полтора фунта ягод изюму и винных х кутям пят алтын, да про братью и про дворовых людей за колачи десят алтын. И всего пят рублев дватцат девят алтын, дано.

Того ж дни овошново ряду торговому человеку (Л. 589 об.) Пантелейку Юреву за бородик ренскова два рубли шеснатцат алтын четыре денги, дано. Взято ренское в стол на поставление Астраханского архиепископа Пахомия.

Августа в 17 де[нь] по росписи ключника Василя Тверитина за восемь фунтов ягод изюму и винных, что куплено х кутьям, тринатцат алтын две денги, за селди паровые две денги, за репное семя два алтына, да от старово замка за дело и за новой ключь восемь алтын две денги, да работником, которые пололи в патриарше огороде капусту, и морковь, и лук, два рубли три алтына две денги. И всего два рубли дватцат семь алтын две денги, дано.

Августа в 30 де[нь] по росписи (Л. 590) ключника Василя Тверитина за пять тысяч огурцов по десяти алтын з гривною за тысячу, итого два рубли. Да в те ж огурцы за траву два алтына, да за два фунта ягод изюму и винных три алтына две денги. И всего два рубли пять алтын две денги, дано.

(Л. 593)^a *На патриархово платье*

Сентября в 11 де[нь] суросково ряду торговому человеку Федоту Горбову за четыре аршины мухояру черново травчетоно рубль дватцет шесть алтын четыре денги, дано за аршин по пятнатцати алтын. Куплено в прибавку на патриаршу ряску.

Того ж дни казначею старцу Илариону два алтына, дано. А он дал портному мастеру Онашке Соловетцкому от патриарших от двоих чулков от починки.

Октября в 15 де[нь] портному мастеру Микитке Алфимову за снурок, что он купил к патриаршее манатге к новой, за снурок вишневои шелковой четырнатцет алтын. Да ему ж, чем (Л. 593 об.) шит манатя, на три золотника шолку вишнево, и красново, и белово три алтына. Да на нити на вишневои и на белые восемь денег. И всего осмьнатцет алтын две денги, дано.

Октября в 17 де[нь] портному мастеру Микитке Анфимову за снурок шолку лазоревово за четырнатцет аршин, что он купил к патриарши к обяринной к лазоревово манате, четырнатцет алтын. Да ему ж, чем шит манатя, на три золотника шолку лазоревово, и красново, и белово три алтына. Да на нити на вишневои и на белые восемь денег. И всего осмьнатцет алтын две денги, дано.

Октября в 19 де[нь] сурожсково ряду торговому человеку Ивану Костентино (Л. 594) ву за четыре аршины отласу белово три рубли двацет шесть алтын четыре денги. Да Ивану Потапову за две дороги двоелишние четыре рубли двацет шесть алтын четыре денги. Обоево за отлас и за дороги восемь рублев дватцет алтын, дано. Взят отлас на патриарши две манати на испочинку, а дороги пот те ж манатге на подклатку.

^a Листы 590 об.— 592 об. без записей. Помета дьяка Григория Одинцова.

Ноября в 21 де[нь] портному Онашке Омелянову от патриарши ряски от черной мухоярной от дела одинатцеть алтын четыре денги, дано. Приказал казначей старец Перфирей.

Ноября в 3 де[нь] портному мастеру Никитке Онфимову за четыре пугови шелковы к патриарховой (Л. 594 об.) манате два алтына, за золотник шолку вишнево шесть денег брат бор у манати, да за нити белые три денги. Всего три алтына три денги, дано.

Того ж дни пушново ряду торговому человеку Михайлу Кошелеву за косяк обярей вишневых, а по мере за дватцат за один аршин за десят аршин^а, да обярей же лазоревых за двацать за два аршина, всего вишневых и лазоревых обярей за сорок за три аршина з десятию вершки, за аршин по четыре гривны, итого семнатцат рублей пятнатцать алтын, дано. Зделаны в обярях две манати Святейшему Патриарху. Михайла Кошелев денги взял и в место ево Богдан Арефьев руку приложил.

(Л. 601)^б *На преставление великого господина Святейшего Иоасафа, Патриарха Московского и всеа Руси, вышло в росход*

Ноября в 29 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича и всеа Руси указу и по росписи за приписью дьяка...^а по великом господине Святейшем Иоасафе, Патриархе Московском и всеа Руси, на выносе Крутицкому митрополиту четыре рубли, архимаритом из Володимеря Рожественского⁵⁵, чудовскому, Спаса Нового⁵⁶, симановскому, ондреевскому по два рубли человеку. Итого десять рублей. Игуменом богоявленскому, знаменскому⁵⁷, Пречистой Донской⁵⁸, даниловскому⁵⁹, здвиженскому, угрешскому, новинскому по рублю человеку. Итого семь рублей. Архидьякону Арсенью рубль. Игуменом же во (Л. 601 об.) скресенскому, петровскому⁶⁰, златаустовскому, стретенскому, Николы Старого, спасскому, Федоровского монастыря по штинатцати алтын по четыре денги человеку. Протопопом богородицкому два рубли, архангельскому полтора рубли, благовещенскому два рубли. Протопопом же спасскому, стретенскому, рожественскому, что под колоколы, рожественскому, что на сених, черниговскому, Николы Гостунского, александровскому, вознесенскому, покровскому по рублю человеку. Богородицким ключарем двум человеком по рублю ж человеку. Ключарем же благовещенскому да архангельскому по полтине человеку. Богородицким попом пяти человеком по полтине ж человеку. Благовещенским попом двум человеком да архангелском попом пяти человеком по десяти алтын человеку. Дьяконом богородицким (Л. 602) пяти человеком по десяти ж алтын человеку. Благовещенским трем человеком, архангелским трем человеком, спасскому, стретенскому, рожественскому с сеней, рожественскому ж с под колоколы, черниговскому, александровскому, Николы Гостунского, вознесенскому, покровскому — всего пятинатцати человеком по шти алтын по четыре денги

^а Так в рукописи.

^б Листы 595–600 об. без записей. Помета дьяка Григория Одинцова.

^в Далее в тексте пропуск.

человеку. Патриарша двора ризположенским двум черным попом да тресвяцкому и соловецкому — всего четверем человеком по осми алтын по четыре денги человеку. Крутицкого митрополита протодьякону десять алтын. Государевым певчим дьяком первой станице полтора рубли, патриаршим певчим дьяком первой станице полтора рубли, подьякону восемь алтын две денги, подьяком большой станице шеснатцат алтын четыре денги, другой станице (Л. 602 об.) тринатцат алтын две денги, третьей станице десять алтын, четвертой станице восемь алтын две денги, пятой станице шесть алтын четыре денги, шестой станице двум человеком по шти денег человеку. Канархистам двум человеком по гривне человеку, Крутицкого митрополита подьяком пяти человеком десят алтын. Архимаричьим и игуменским дьяконом чудовскому, Спаса Нового, симановскому, андреевскому, угрешскому, богоявленскому, здвиженскому, златаутовскому, знаменскому, Пречистые Донские, из Володимеря Рожественного, Воскресенского с Тверской, стретенскому, петровскому, Николы Старого, спаскому, что за иконным рядом — всего пятинатцати человеком по пяти алтын человеку. Итого два рубли восемь алтын две ден (Л. 603) ги. Большого собору пречистенским пономарем вдовым двум человеком попом, да благовещенском псаломщиком двум человеком, да архангельскому псаломщику — всего пяти человеком по гривне человеку. Итого шеснатцат алтын четыре денги. Архангелскому дьячку два алтына, благовещенским пономарем двум человеком да сторожем четверем человеком по осми денег человеку, итого восемь алтын. Пречистенским звонарем штинатцати человеком по шти денег человеку, итого шеснатцат алтын. В большую тюрьму тюремным сиделцом четырестам семидесят семи человеком по шти денег человеку, итого четырнатцать рублей десять алтын две денги. Да по приказом колодником в Розряд, и в Розбойной, и в Стелецкой, и в Новую четверть, и на Земской двор, и по всем приказом (Л. 603 об.) всего тремстам осмидесяти пяти человеком по шти денег человеку. Итого одиннатцать рублей осмнатцат алтын две денги. В богоделни тремстам человеком по четыре денги человеку, итого шесть рублей. Да сверх дворцовые росписи по приказу боярина князя Алексея Михайловича Лвова да дьяка Григоря Нечаева на выносе ж по Святейшем Иоасафе Патриархе хутынскому игумену⁶¹ два рубли, спаскому протопопу с сеней полтора рубли, протопопом же Пречистые Казанские, из Рубцова покровскому по рублю человеку, протодьякону Григорию полтора рубли, попом спаским да Иванна Белоградцкого, что на сенях, четверем человеком, по десяти алтын человеку, дьяконом спаским, что на сенях, двум человеком, Иванна Белоградцкого из Руб (Л. 604) цова покровскому — всего четверем человеком по шти алтын по четыре денги человеку. Хутынского монастыря дьякону пять алтын, спаским же да Иванна Белоградцкого двум человеком дьячком по два алтына человеку. И всего по великом господине Святейшем Иоасафе, Патриархе Московском и всеа Русии, на выносе митрополиту, и архимаритом, и игуменом, и архидьякону, и протопопом, и протодьякону, и ключарем, и попом, и дьяконом, и Крутицкого митрополита протодьякону, и государевым и патриарховым певчим дьяком, и патриаршим, и митрополичим подьяком, и канархистом, и архимаричим, и игуменским, и из соборов дья-

коном, и псаломщиком, и дьячком, и пономарем, и сторожем, и звонарем, и в большую тюрьму тюремным сиделцом, (Л. 604 об.) и по приказом колодником, и в богоделни нищим милотины роздано сто три рубли шеснатцат алтын четыре денги, дано.

Того ж дни торговому человеку Васке Игнатеу за гроб дубовой, в чем положит Святейшаго Иоасафа Патриарха, три рубли четыре алтына, дано.

Ноября в 30 де[нь] золотново ряду торговому человеку Филке Лукьянову за два аршина плетенку серебряного пять алтын, да Ивашку Дмитрееву за полчетверта фунта бумаги хлопчатой, что взята в святителскую шапку, в которой положен Святейший Патриарх, и в каменную гробницу под Святейшаго Патриарха, четырнатцать алтын четыре денги. Да за полотенцо, чем (Л. 605) отират Святейшаго Патриарха, семь алтын четыре денги. И всего за плетенек, и за хлопчатую бумагу, за полотенцо дватцат семь алтын две денги, дано.

Декабря в 2 де[нь] суконного ряду торговому человеку Тарасу Федорову за четыре аршина сукна черново фрясково по три рубли по штинатцати алтын по четыре денги за аршин, итого четырнатцат рублев. Да ему ж за четыре ж аршина сукна черного аглинскова по дватцати по три алтына по две денги за аршин, итого два рубли дватцат шесть алтын четыре денги. Обоево за сукна шеснатцат рублев дватцат шесть алтын четыре денги, дано. (Л. 605 об.) Взяты сукна на покров на Святейшаго Иоасафа Патриарха.

Того ж дни суконного ряду торговому человеку Ивашку Воеводину за восемь аршин сукна темно-синего по дватцати по пяти алтын за аршин, итого шесть рублев, дано. Взято сукно на обивку около одра, на чем несть Святейшаго Патриарха. ^аИ то сукно с одра по государеву указу отдано в собор протопопу з братьею^а.

Того ж дни патриаршу сыну боярскому подкляшнику Богдану Оборину нищим на роздачу четыре рубли, дано. А он те денги роздал нищим, которых кормили в столовой полате ноября в 29 числе, сту человеком рубль, ноября в 30 числе сту человеком рубль же, де (Л. 606) кабря в 1-м числе и во 2-м числе роздано по рублю ж на день.

Того ж дни приставу Ивану за покупку, что он купил под амфор, за шесть аршин киндяку лазоревово на подклатку дватцат один алтын. За поларшина отласу зеленово на тот же амфор на кресты Ивану Костентинову рубль одиннатцат алтын четыре денги. Да за аршин киндяку лазоревово и х полице на подклатку четыре алтына. Серебреново ряду Филке Гаврилову на амфор и к полице за восемь пугвиц серебряных десять алтын четыре денги. Завязошново ряду Серешке Емелянову за дватцат за девят кистей шолковых рубль три денги да на амфор к пугвицам на петли за три аршина снурку гвоздишнево (Л. 606 об.) десят денег. Сурожсково ряду торговому человеку Матвею Горбову за полшеста аршина кружива кованово весом за дватцат золотников на покров на крест по пяти алтыну за золотник, итого три рубли. Да за круживо кованое на тот же покров, что нашито около всево покрову, за уское

^а Приписано более мелким почерком.

круживо за одиннатцат аршин весом за двацат за девят золотников с полузолотником по четыре алтына по четыре денги за золотник, итого четыре рубли пят алтын. Суросково ж ряду Ивану Костентинову за два киндяка пот тот же покров на подклатку лазоревых два рубли за аршин, миткалей на вседневной покров на кресты две гривны. Да старице Домникее золотошвее за серебро и за шолк, что у ней пошло на (Л. 607) патриаршу шапочку и на полицу, в прибавку на кресты двацать три алтына две денги. Да ей же, старице, за аршин крашенины десят денег пот ту ж полицу. Холшевнику Маковейку Гаврилову за шездесят аршин холстов, на чем Святейшего Патриарха властем перекадывают из деревяново гроба в каменную гробницу, рубль дватцет семь алтын. Портным мастером, которые шили покровы, на корм Исачку Борисову с товарищи, трем человеком, пят алтын да за нити за зеленые, и за лазоревые, и за черные, и за вишневые, и за белые, чем шили покровы, десят денег. И всего пятнацат рублев девят алтын пят денег, дано.

Того ж дни серебряново ряду Ондрею (Л. 607 об.) Калуге за три фунта за четыре золотника за фунт по семи рублев по пяти алтын, итого двацать один рубль дватцат пят алтын, дано. Взяты в серебро коват блюдо серебряное, на чем кутя ставит в соборе на гробнице Святейшего Патриарха.

Того ж дни приставу Екимку Архипову гривна, дано. А он те денги дал деревщику от дела от доски, которой быт на гробнице Святейшего Патриарха под кутьею.

Того ж дни каменщику Васке Наумову на кирпичь, чем выкадывают Святейшему Патриарху могила, за две тысячи кирпичю^а четыре рубли. Да в Каменной приказ за четыре бочки извести по государеве цене двацат шесть алтын четыре денги. Да в ту ж извести за (Л. 608) пят возов песку и от извести провозу тринацат алтын. Да за четыре ужища, на чем гроб каменной опускают в могилу, два алтына. Всего пят рублев восьмь алтын две денги, дано.

Декабря в 3 де[нь] на погребение Святейшего Патриарха подклюшнику Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормит в Федоровском монастыре, двуста человеком по две денги человеку. Итого два рубли, дано.

Того ж дни иконнику Третьячку Понкратьеву за краски и за золото, что он левкасил, и травы наводил, и золотил на доске, которой быт на гробнице Святейшего Иоасафа Патриарха под кутьею, десять алтын, дано.

(Л. 608 об.) Того ж дни по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по росписи за приписю дьяка...^б по Святейшем Иоасафе, Патриархе Московском и всеа Руси, на погребении Ростовскому митрополиту Варламу⁶² пятьдесят рублев, Крутицкому митрополиту Серапиону сорок рублев, Троицы Сергиева монастыря⁶³ архимариту семь рублев, из Володимеря Рожественново монастыря да Чюдова монастыря архимаритом по пяти рублев человеку, Спаса Нового монастыря архимариту четыре рубли, Симонова, Андреева из Великово Новагороду⁶⁴, Спаса Хутьня монастырей архимаритом по три рубли человеку, богоявленскому из-за ветошново

^а Слово вписано над строкой.

^б Далее в тексте пропуск.

ряду игумену два рубли, Николы Угрешского, Здвиженсково, (Л. 609) Знаменсково монастырей игуменом по полутора рубли человеку, Пречистые Богородицы Донские, Даниловсково, Новинсково монастырем игуменом по двадцати по пяти алтын человеку, Стретенсково, Воскресенсково, Николы Старого, Федоровсково, Златаусково, Спаса Старого, из Серпухова Владычня монастырей⁶⁵ игуменом по двадцати алтын человеку, архидьякону два рубли. Протопопом благовещенскому четыре рубли, богородитцкому три рубли, архангельскому, спасскому с верха полутретья рубли человеку, спасскому з дворца, стретенскому, рождественскому, что на сених, рождественскому, что под колоколы, Пречистые Богородицы Казанские, Николы Гастунсково, вознесенскому, покровскому, александровскому, черниговскому, покровскому из Рубцова — всего одиннадцати человеком^a по два рубли че (Л. 609 об.) ловеку. Из Юрьевца Поволсково протопопу рубль. Богородитцково собору протодьякону полтора рубли, ключарем дву человеком по рублю, ключарем же благовещенскому, архангелскому по дватцати по пяти алтын человеку, соборным попом пречистенским пяти человеком, благовещенским дву человеком, архангельским пяти человеком, спасским, что на дворце, дву человеком, стретенским трем человеком, рождественским с сеной трем человеком, Александра Невскаго дву человеком, спасским с верха дву человеком, екатеринским дву человеком, евдокеинским с сеной дву человеком, преподобнаго Михаила Малеина, что у Благовещения в пределе, дву человеком, Ивана Белоградцково дву человеком — всего тритцати дву человеком по полтине человеку. Попом же рождественским, что (Л. 610) под колоколы, дву человеком, воскресенским, что под колоколы, дву человеком, Николы Гастунсково трем человеком, вознесенским трем человеком, покровским трем человеком, черниговским дву человеком, Пречистые Казанские дву человеком, покровским из Рубцова дву человеком — всего девятинадцати человеком по тринацати алтын по две денги человеку. Из Юрьева Полсково соборным попом дву человеком по полуполтине человеку. Дьяконом пречистенским пяти человеком по четыре гривны человеку. Всех соборов дьяконом: благовещенским трем человеком, архангельским трем человеком, спасским дву человеком, стретенским дву человеком, спасским с верха дву человеком, Пречистые Казанские дву человеком, рождественским, что под колоколы, дву человеком, воскресенскому ис под колоколы, рождественским с сеной дву человеком, Нико (Л. 610 об.) лы Гастунсково дву человеком, вознесенским дву человеком, покровским дву человеком, александровскому, черниговским дву человеком, екатерининскому, евдокеинскому, Ивана Белограцково с сеной трем человеком, Михаила Малеина, что у Благовещения в пределе, дьякону, покровскому из Рубцова дьякону — всего тритцати трем человеком по полуполтине человеку. Патриаршим черным попом: ризположенским, соловетцкому, тресвятцкому, крестовому — всего пяти человеком по полуполтине человеку. Вознесенсково монастыря михайловским черным попом четырем человеком по четыре гривны человеку, дву человеком дьяконом по полуполтине человеку, Троецкого Богоявленсково

^a Слово вписано над строкой.

монастыря⁶⁶ черным попом дву человеком, Кириловского подворья⁶⁷ дву человеком по пяти алтын че (Л. 611) ловеку, Троецково Богоявленсково монастыря дьякону гривна, Ростовского митрополита протодьякону двацат алтын, ризничему четыре гривны, Крутицково митрополита протодьякону полтина. Архимаричим и игуменским ризничим Троецково, Рожественно, Чюдовсково, Спассково, Симоновскаго, Андронниковсково⁶⁸, Хутынсково, Богоявленсково, Угрешского, Воздвиженсково, Знаменского, Новинсково, Златаусково, Пречистые Донские, Стретенского, из Серпухова Владычна монастырей — всего семнатцати человеком по полуполтине человеку. Патриаршу духовнику три рубли. Государевым певчим дьяком большой станице три рубли, другой станице полтретя рубли. Патриаршим певчим дьяком большой станице три рубли, другой стани (Л. 611 об.) це полтретя рубли, подьякону полтина. Патриаршим подьяком первой станице два рубли, другой полтора рубли, третьей сорок алтын, четвертой рубль, пятой тритцат алтын, шестой дватцат пять алтын. За лонпаду да за разрешитеную грамоту по полполтине. Канархистом дву человеком по полуполтине человеку. Орлешнику, псалтырнику, посошнику по пяти алтын человеку. Ростовскаго митрополита певчим дьяком большой станице полтора рубли, другой станице рубль. Крутицково митрополиту певчим большой станице полтора рубли, другой рубль. Подьяком Ростовскаго митрополита большой станице дватцат алтын, другой четыре гривны. Крутицкаго митрополита подьяком дву станицам то ж. Ростовскаго мит (Л. 612) рополита орлешнику, посошнику, Крутицкаго митрополита орлешнику, посошнику по гривне человеку. Соборным предельным попом и дьяконом: пречистенским трем человеком по полуполтине человеку, дьякону две гривны, архангелским попом семи человеком да дьякону, благовещенским попом осми человеком да дьяконом шти человеком, спасским з дворца попом пяти человеком, Николы Гастунсково, введенскому попу да дьякону, черниговским дву человеком попом, из Вознесенсково монастыря офонасевскому попу, покровским, что на рву⁶⁹, попом осми человеком да дву человеком дьяконом, Пречистые Казанские попу, покровским из Рубцова попом трем человеком, из Рубцова ж николюскому попу — всего девяти соборов предельным попом сорок одному человеку по две гривны человеку, десяти человеком дьяконом (Л. 612 об.) по гривне человеку. Из Юрева Полсково дьякону пять алтын. Соборным пречистенским понамарем вдовым попом дву человеком, псаломщиком благовещенским дву человеком, архангельскому одному, рождественскому с сеней одному, архангелскому кутейнику вдовому попу — всего семи человеком по две гривны человеку. Дьячком благовещенскому, рождественскому с сеней, стретенским дву человеком, спасским з дворца дву человеком, екатерининскому, еводекинскому, Ивана Белогратцково, спасскому, что в верху, преподобнаго Михаила Маленна, что у Благовещена в пределе, покровскому из Рубцова — всего двунатцати человеком по гривне человеку. Дьячком же рождественскому ис под колокол, воскресенскому, покровскому, что на рву, черниговским (Л. 613) дву человеком, александровскому, Николы Гастунсково, Патриарша двора ризположенскому, Пречистые Казанские — всего девяти человеком по два алтына человеку. Тех же соборов

понамарем: благовещенским дву человеком, архангелским дву человеком, спаскому з дворца, рождественским, что на сенях, двум человеком, стретенским дву человеком, спаскому, что в верху, Пречистые Казанские одному, рождественскому ис под колоколы, Николы Гастунсково, александровскому, покровским, что на рву, двум человеком, екатерининскому, евдокеинскому, Ивана Белогратцково с сеней, покровскому из Рубцова — всего девятинатцати человеком по два алтына человеку. Сторожем: благовещенским четырем человеком, рождественским, что на сенях, дву человеком, стретенским дву человеком, вознесенским (Л. 613 об.) четырем человеком, покровским шти человеком, спаским, что в верху, дву человеком, евдокеинскому, Пречистые Казанские дву человеком, покровским из Рубцова дву человеком — всего дватцати пяти человеком по два алтына человеку. Всех соборов звонарем штидесяти четырем человеком по два алтына по три денги человеку. Вознесенскому соборному понамарию гривна. Всех соборов пределным дьячком: богородитцким трем человеком, архангелским семи человеком, благовещенским шти человеком, спаским з дворца четырем человеком, Николы Гастунсково, введенскому дьячку, черниговским дву человеком, Вознесенсково монастыря, офонасьевскому, покровским со рву осми человеком — всего тритцати дву человеком по два алтына человеку. Благовещенским пределным сторожем дву человеком гривна. В Федоровской ма (Л. 614) настырь, что за Никитцкими ворота, брате дватцати одну человеку по гривне человеку. Нищим в застенке пятдесят рублев, в турмы тюремным сиделцом и по приказом колодником девятисот дватцати трем человеком по алтыну человеку, итого дватцат семь рублев дватцат три алтыня. В богадельны нищим тремстам человеком по четыре денги человеку, итого шесть рублев. Безмесным попом тремстам тренатцати человекам по пяти алтын человеку. Дьяконом^а девятинатцати человеком по три алтына человеку. Итого попом и дьяконом сорок восемь рублев дватцат два алтына. Московским черным попом тремстам семидесяти дву человеком по две гривны человеку, да дьяком стопятидесяти шти человеком по четыре алтына человеку. Итого попом и дьяконом девяносто три (Л. 614 об.) рубли три алтына четыре денги. И всего на погребении Святешего Иоасафа, Патриарха Московского и всеа Русии, митрополитам, и архимаритом, и игуменом, и архидьякону, и протопопом, и протодьякону, и ключарем, и попом, и дьяконом соборным, и предельным, и ружных церквей, и прихотцких, и попом же и дьяконом безмесным, и дьячком, и понамарем, и сторожам, и в Федоровской манастырь брате, и в застенки, и в турмы, и по приказом колодником, и в богадельны нищим пятсот рублев двенатцат алтын, дано.

Того ж дни иконнику Федке Тимофееву три алтына две денги, дано. Знаменил⁷⁰ на шапке да на полице кресты.

Декабря в 4 де[нь] подклошнику (Л. 615) Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормит в столовой полате, сту человеком по две денги человеку. Итого рубль, дано.

^а Слово вписано над строкой.

Декабря в 5 де[нь] на третины Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормит в Федоровском монастыре, двусот человеком два рубли, дано. По две денги человеку.

Того ж дни манатеново ряду торговому человеку Стенке Иванову за пят аршин с четью сукна черново самороду, манатейново за аршин по две гривны, итого рубль десят денег, дано. Взято сукно в гроб на постилку под Святейшего Патриарха.

Декабря в 6 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормит в столовой полате, сту человеком (Л. 615 об.) по две денги человеку. Итого рубль, дано.

Декабря в 7 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормит в столовой полате, сту человеком рубль, дано.

Декабря в 8 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим сту человеком, которых кормит в столовой, рубль, дано.

Декабря в 9 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим сту человеком рубль, дано.

Того ж дни по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по выписке за пометою дьяка Григоря Нечаева каменных дел подмастерю Ивашку Неверову за каменной гроб, что взят у него и погребен в нем Святейший (Л. 616) Патриарх Иоасаф Московский и всеа Руси, двенатцат рублей, дано. Да подмастерьям же ему ж, Ивашку Неверову, да Васке Наумову, которые были у указу, и у наряду у могилы, и у гроба Святейшего Патриарха, и подмастерью, и рещцу^а, которые резали на гробовой тцке летопис, да каменщиком, которые гроб в могилу вделывали, и своды смыкали, и гробницу делали, Ивашку Борисову с товарищи — четверем человеком, да ярыжным, которые из церкви от могилы камен и землю выносили, и кирпич, и известь, и воду в церковь х каменщиком подносили, пяти человеком-подмастерьям по рублю человеку. Каменщиком и ярыжным по полтине человеку, подмастерью ж рещцу по (Л. 616 об.) дватцати по пяти алтын человеку. Итого подмастерьям, и каменщиком, и ярыжным, и рещцом восемь рублей, дано. Да подмастерью ж Ивашку Неверову, да рещцом Ромашку Иванову, Васке Наумову по рублю человеку, итого три рубли. Да им же по выписке за пометою дьяка Григоря Нечаева за сукна по рублю ж человеку. Обоево шесть рублей, дано. Резали на каменной дске на гробнице великого господина Святейшего Иоасафа, Патриарха Московскаго и всеа Руси, летопись — наружные слова и около летописи кайму — травы и слова и травы золотили.

Того ж дни помастерью Ивашку Неверову за камень белой дву аршин, на чем резана у патриархо (Л. 617) вы гробницы летопись, рубль шестнатцать алтын четыре денги. Да сусалново дела мастеру Михаилу Михайлову за четьреста листов золота листово двойново за сто по двацати по пяти алтын, итого три рубли. Золотили по каменной летописи и каймы. Да за лняное масло два алтына, да за олифу два алтына ж, да за фунт краски голубцу пять алтын к тому ж камени на покрышку под золото. И всего за камен, и за зо-

^а Слово вписано над строкой.

лото, и за олифу, и за краску четыре рубли двадцать пять алтын четыре денги, дано.

Того ж дни Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормили в столовой полате, сту человеком рубль, дано.

(Л. 617 об.) Того ж дни киотчику Кирюшке Иванову от киота, что он сделал на гробницу Святейшего Патриарха, в чем поставлены образы, от дела два рубли шестнадцать алтын четыре денги, дано.

Того ж дни по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по росписи по Святейшем Иоасафе, Патриархе Московском и всеа Руси, какова прислана ис приказу Большого Дворца, сорокоусту: в Чюдод монастырь архимариту з братьею четыре рубли, в Спасской монастырь на Новое четыре рубли, в Симонов монастырь три рубли, в Ондреев монастырь, на Троецкое подворе, в Богоявленской монастырь два рубли, (Л. 618) на Кириловское подворье два рубли, в Богоявленской монастырь, что за ветошным рядом, игумену^а з братьею три рубли, в Новой девичь монастырь⁷¹ три рубли, в Вознесенской монастырь протопопу з братьею три рубли, в Стретенской монастырь игумену полтретя рубли, в Златауской монастырь игумену полтретя рубли, в Новинской монастырь игумену три рубли, в Здвиженской монастырь игумену полтретя рубли, в Знаменской монастырь, что на государеве на старом дворе, игумену три рубли, Вознесенсково монастыря преподобнаго Михаила Малеина черным попом три рубли, к Николе в Угрешской монастырь полтретя рубли, в Даниловской монастырь два рубли, в монастырь Пречистые Богородицы Донские два рубли, в Спасской монастырь Ста (Л. 618 об.) рого, что за иконным рядом, два рубли, в Никольской монастырь Старого два рубли, в Петровской монастырь два рубли, в Воскресеньской монастырь два рубли, в Федоровской монастырь, что за Никитцкими ворота, два рубли, в Савинской монастырь попом два рубли. И всего в монастыри сорокоустов шездесят один рубль с полгиною. Да сорокоустов же в собор Успения Пречистые Богородицы протопопу з братьею десять рублев, в собор Благовещения Пречистые Богородицы, что у государя на сенях, пять рублев, в собор к Спасу, что на дворце, три рубли, в собор архангела Михаила пять рублев, в собор к Стретенью Господню три рубли, в собор к Рожеству Богородицы, что у государя на сенях, четыре рубли, в собор к Рожеству Христову, что (Л. 619) под колоколы, три рубли, в собор Нерукотворенново образа Спасова, что у государя в верху, пят рублев, в собор Пречистые Богородицы Казанские три рубли, в собор к Николе Чюдотворцу к Гастунскому три рубли, в собор к Черниговским чюдотворцам три рубли, в собор великого князя Олександра Невсково три рубли, в собор к Покрову Пречистые Богородицы, что на рву, три рубли, к церкви к Воскресеню Христову, что под колоколы, два рубли, к церкви преподобнаго Михаила Малеина, что у Благовещения на сенях в пределе, полтретя рубли, к церкви Екатерины, Христовы мученицы, что у государыни царицы на сенях, четыре рубли, к церкви преподобные Евдокеи, что в пределе у Екатерины, четыре рубли, к церкви Ивана Белогратцаго

^а Исправлено, в рукописи: игуму.

полтретя рубли (Л. 619 об.), к церкви, что на Патриарше дворе, к Ризположению полтретя рубли, к церкви к Трех святителем полтретя рубли, к церкви Соловетцких чудотворцов полтретя рубли, в собор Успения Пречистые Богородицы, что на Крутицах, полтретя рубли, в собор Покрова Пречистые Богородицы, что в селе Покровском, четыре рубли, к церкви Воздвижению честнаго Креста Господня да к церкви Николы Чюдотворца, что за Стретенскими вороты, у убогих дому, по два рубли, к церкви Собора архангела Михаила в предел Ивана, Списателя Лествицы, где государьские гробы, два рубли. Юрьева Полсково в соборную церковь святого Георгия страстотерпца протопопу з братею полтретя рубли. Да Кремля, и Китая, (Л. 620) и Белого, и Дервяново городов, и загородцких слобод к тремстам к пятидесяти к трем церквам по два рубли к церкви. И всего в монастыри и в соборы и Кремля, и Китая, и Белово, и Земляново городов, и загородцких слобод к церквам сорокоустов восьмьсот пятьдесят восемь рублев. Да на поминки, на третины, на девятины, на полусорочины, на срочины в Федоровской монастырь братье дватцать одному человеку по шти денег человеку на поминок, итого два рубли семнатцать алтын две денги. Да в тюрьмы на тех ж на полусорочины и на сорочины пятисот тритцати десяти человеком по шти денег человеку на поминок, итого тритцат два рубли одиннатцат алтын две (Л. 620 об.) денги. Да в застенках нищим на третины, на девятины, на полусорочины, на сорочины по пятидесят рублев на ден, итого двесте рублев. И всего по Святейшем Патриархе сорокоустов и милостилных денег тысяча девяносто два рубли дватцет девят алтын, дано.

Декабря в 9 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормили в столовой полате, сту человеком рубль, дано по две денги человеку.

Декабря в 10 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормили в столовой полате, сту человеком рубль, дано по две денги человеку.

(Л. 621) Декабря в 11 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормили в столовой полате, сту человеком рубль, дано по две денги человеку.

Декабря в 12 де[нь] на девятины Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормили в Федоровском монастыре, двуста человеком два рубли, дано по две денги человеку.

Того ж дни по росписи, какова прислана ис приказу Болшого Дворца ис Курска, черкашенину Ивану Корастелеву милостины десят рублев, дано. В памяти число декабря третье.

Того ж дни по росписи и по челобитной за пометою дьяка Григоря Нечаева вдове Татьянице Ивановской (Л. 621 об.) жене Булгакова з детми милостины десть рублев, дано. На челобитной помета: декабря 9-е число.

Того ж дни по дворцовой росписи патриаршу обиходному дворцовому старцу Иасафу милостины пят рублев, дано. Взял сам.

Декабря в 14 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормили в столовой полате, сту человеком рубль, дано по две денги человеку. Третьенадесят число нищим записано в мелкие росходы.

Декабря в 15 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормили в столовой полате, сту человеком рубль, дано по две денги человеку.

Декабря в 16 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормили в столовой полате, сту человеком рубль, дано по две денги человеку. Декабря в 17 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим, которых кормили в столовой полате, сту человеком рубль, дано по две денги человеку. Декабря в 18 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим сту человеком в столовой рубль, дано.

Декабря в 19 де[нь] на полусорочины на роздачу нищим в Федоровском монастыре двумстам человеком по две денги человеку. Итого два рубли, дано.

Декабря в 20 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано по две денги человеку. (Л. 622 об.) Декабря в 21 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано по две денги человеку. Декабря в 22 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано по две денги человеку. Декабря в 23 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано по две денги человеку. Декабря в 24 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано по две денги человеку. Декабря в 25 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. (Л. 623) Декабря в 26 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. Декабря в 27 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. Декабря в 28 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. Декабря в 29 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. Декабря в 30 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. Декабря в 31 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано.

(Л. 623 об.) Генваря в 1 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григоря Нечаева соборные церкви Успения Пречистые Богородицы сторожам Сенке Емелянову с товарищи за гроб дубовой, в чем Святейший Патриарх вынесен в собор и ис тово гроба переложен в каменной гроб, и за тот гроб им два рубли, дано. А тот гроб по государеву указу велено поставить в колоколницу под большой колокол.

Генваря в 1 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. Генваря в 2 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. (Л. 624) Генваря в 3 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. Генваря в 4 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. Генваря в 5 де[нь] Богдану Оборину с товарищи на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. Генваря в 6 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. Генваря в 7 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. Генваря в 8 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим в столовой полате сту человеком рубль, дано. Генваря в 9 де[нь] Богдану Обо (Л. 624 об.) рину на роздачу нищим, которых кормили в столовой полате, сту человеком рубль, дано. Генваря

в 10 де[нь] Богдану Оборину на роздачу нищим сту человеком по две денги человеку, итого рубль, дано. Генваря в 11 де[нь] на сорочины Богдану Оборину на роздачу нищим в Федоровской монастырь двумстам два рубли, дано по две денги человеку.

Того ж дни по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по челобитной за пометою дьяка Григоря Нечаева преображенскому попу Ивану да дьякону Тимофею, что на Тверской, по Святейшем Иоасафе, Патриархе Московском и всеа Руси, в церковное строение тридцать рублей, дано.

(Л. 625) Того ж дни по челобитной за пометою дьяков думного Ивана Гавренева да Григоря Нечаева Белгородцкого уезда Корочинского стану села Новикова дмитреевскому попу Федору по Святейшем Иоасафе Патриархе в церковное строение два рубли, дано.

Генваря в 15 де[нь] по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по росписи за приписю дьяков Григоря Нечаева по великом господине Святейшем Иоасафе, Патриархе Московском и всеа Руси, патриаршу келейнику старцу Ионе десят рублей, да псалтырником, которые говорили в соборной церкви над гробом Святейшаго Патриарха Псалтырь во всю четырехдесятницу, пречистенскому протодьякону да двум ключарем — четырем человеком, попом четырем человеком, дья (Л. 625 об.) коном по три рубли человеку. Итого тридцат три рубли. Да псалтырником же, которые говорили в патриархове келье на месте во всю четырехдесятницу, черным попом ризположенским двум человеком, соловецкому да тресвятцкому, да крестовым дьячком трем человеком — всего семи человеком по три рубли ж человеку. Итого дватцат один рубль. Да тем же дьячком трем человеком да четвертому ризположенскому дьячку за четыре дни, что они говорили Псалтырь же над Святейшим Патриархом, как стоял до погребения в церкви у Ризположения, по полтине человеку. Итого два рубли. Архангелскому кутейнику вдовому попу Ивану за дрова и за стрепню два рубли, соборной просвирнице рубль, соборным пономарем двум вдовым попом шеснатцат алтын четыре денги, сторожем^a шеснатцати (Л. 626) человеком по полуполтине человеку. Итого четыре рубли. Да патриаршим служебником, поваром и хлебником, одиннатцати человеком, по два рубли человеку. Итого дватцат два рубли. Двум человеком помясом два рубли, да стрелецким женам вдовам сту тридцати человеком по две гривны человеку. Итого дватцать шесть рублей. И всего келейнику старцу, и псалтырщиком, и кутейнику, и просвирнице, и пономарем, и сторожем, и патриаршим служебником, и стрелецким женам сто дватцать три рубли шеснатцат алтын четыре денги, дано.

Того ж дни по государеву указу кузнецу Калинке Федорову за железную решотку, что он делал около гробницы Святейшаго Иоасафа Патриарха (Л. 626 об.) арха, за железо и за дело восемь рублей, дано.

Генваря в 16 де[нь] котелного ряду торговому человеку Федке Михайлову за два шандана медных, что взяты в соборную церковь на патриархову

^a Слово вписано над строкой.

гробницу, в чем ставит перед образы свечи, что ставят в киоте, шеснатцать алтын четыре денги, дано.

Генваря в 18 де[нь] по государеву указу и по челобитной за пометою дьяка Григоря Нечаева патриаршу домовому серебрянику Васке Иванову сыну На...ыхину^а на вклад в Чюдов монастырь десять рублей, дано.

Того ж дни по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по росписи за приписью дьяка Григоря Нечаева в патриарши домовые (Л. 627) монастыри и по церквам, которые в городех, и в волостях, и в селех, по великом господине Святейшем Иоасафе, Патриархе Московском и всеа Руси, сорокоусту: Ростовского уезда в Воскресенской монастырь, что в Караше⁷², в Володимерской уезд Царя в Костянтиновской монастырь, в Николской Волосов монастырь⁷³, в Сновицкой монастырь⁷⁴, в Переславль Залеской в Борисоглебской монастырь⁷⁵, в Белозерской уезд в Воскресенской монастырь, что в Череповце, в Унорожской монастырь, что в Галиче⁷⁶, в Спаской Запрудной монастырь, что на Костроме⁷⁷, в Благовещенской монастырь, что в Нижнем — всего в девят монастырей по три рубли в монастырь. Итого дватцат семь рублей. Да к пятидесят к одной церкви, которые в Московском и розных городов в уездех, по два рубли к церкви. Итого сто два рубли. И всего в монастыри и по церквам сорокоусту (Л. 627 об.) сто дватцать девят рублей, дано.

Генваря в 20 де[нь] по челобитной за пометою дьяка Григоря Нечаева Патриарша двора водовозом Олешке Софронову да Дорофейку Остафеву да дровосеком Васке Парфеньеву да Волотке Матвееву по Святейшем Иоасафе Патриархе по рублю человеку, итого четыре рубли, дано.

Февраля в ...⁶ де[нь] по памяти ис приказу Болшого Дворца за приписью дьяка Максима Чиркова в новые города, которые строены из Розряду и ис приказу Болшого Дворца, по Святейшем Иоасафе Патриархе сорокоусту к сороку к трем церквам по два рубли к церкви, итого восьмьдесят шесть рублей.

(Л. 628) Февраля в 15 де[нь] по росписи за приписью дьяка Григоря Нечаева стрелецким женам, у которых жен мужья взяты в полон во 1638/39 году: Петрова приказу Лаврова тритцати двум человеком, Богданова приказу Озеренского дватцати пяти человеком, Тарасова приказу Суворова дватцати семи человеком, Микитина приказу Безстужева тритцати четверем человеком — всего сту осмнатцати человеком по три алтына по две денги человеку. Итого одиннатцать рублей дватцать шесть алтын четыре денги, дано.

Марта в 20 де[нь] по памяти ис приказу Болшого Дворца за приписью дьяка Григоря Нечаева патриаршим истопником трем человеком: Мишке (Л. 628 об.) Володимерову, Власку Захареву, Петрушке Григореву по Святейшем Иоасафе Патриархе по три рубли человеку. Итого девят рублей, дано.

Того ж дни по выписке за пометою дьяка Григоря Нечаева Федоровского монастыря, что за Никицкими вороты, рядовой братье дватцати одному

^а В слове неразборчиво написаны 2 буквы.

⁶ Далее в тексте пропуск.

человеку к прежней даче, что им дано по Святейшем Иоасафе Патриархе на выносе, и на третины, и на девятины, и на полусорочины, и на сорочины милостины, в прибавку по шти алтын человеку. Итого три рубли дватцат шесть алтын, дано. На выписке помета: февраля 6-е число^a.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГАДА, ф. 235, оп. 2, д. 12.
- ² «Варзужская рыба» — рыба, выловленная у села Варзуга на Кольском полуострове, где в XVII в. располагались патриаршие рыбные ловли. «Шехонская рыба» — рыба, выловленная на реке Шексне, вытекающей из Белого озера, где в XVII в. также располагались патриаршие рыбные ловли.
- ³ В московских приказах жалованье, как правило, выдавалось дважды в год (исключение — время подготовки военных походов). Первый срок — «семенский» (на письме нередко «семелский», «семеский») — был приурочен ко дню памяти прп. Симеона Столпника 1 сентября (ст. ст.). Во 2-й раз жалованье выдавали в «евдокимовский» срок в марте, в дни, близкие к празднику Благовещения Пресвятой Богородицы 25 марта (ст. ст.), этот срок мог также называться «благовещенским». На практике выдача денег растягивалась на весь сентябрь и март, а иногда и на большее время, о чем свидетельствуют, в частности, записи расходной книги 1640/41 г.
- ⁴ Станица — группа церковных певчих, часть церковного хора, выделенная в соответствии с достоинством их голоса и певческого умения (большая, средняя (другая), меньшая станицы). Деление на станицы также использовалось в патриаршем делопроизводстве в отношении патриарших детей боярских и некоторых служащих Патриаршего дома.
- ⁵ Имя Давыд и образованная от него фамилия Давыдов нередко писались и в усеченной форме: Двод, Дводов. В последнем написании прослеживается влияние богослужебных книг, где это имя пишется под титулом.
- ⁶ Приспешник — пекарь, пирожник, иногда повар.
- ⁷ Помяс — тот, кто месит тесто или смешивает продукты при приготовлении пищи.
- ⁸ Федоровский патриарший домовый мужской монастырь в Москве у Никитских ворот, основан в 1627 г. в память о встрече на этом месте в 1619 г. Патриарха Филарета, возвращавшегося из польского плена; в 1709 г. упразднен. На его месте сохранилась церковь XVI в. в честь Смоленской иконы Божией Матери.
- ⁹ Бараш — ремесленник (шатерник, обойщик).
- ¹⁰ Чудов монастырь в Кремле (в честь Чуда архангела Михаила в Хонех), основан в 1365 г. Московским митрополитом св. Алексием, разрушен в конце 1920-х гг.
- ¹¹ Леженка — лежачий больной.
- ¹² Богородице-Рождественский женский ставропигиальный монастырь в Москве, основан в 1386 г. княгиней Марией Серпуховской, возможно в Кремле, позднее перенесен в Белый город (ныне улица Рождественка). В 1922 г. закрыт, возобновлен в 1993 г.
- ¹³ Зачатьевский женский монастырь в Москве, основан в 1360 г. митрополитом Московским св. Алексием. Закрыт в 1927 г., возобновлен в 1993 г.
- ¹⁴ Церковь пророка Илии в Китай-городе, построена в 1-й половине XVI в. на Новгородском подворье. В 1920–1995 г. храм был закрыт.

^a Листы 629–638 об. без записей. Помета дьяка Григория Одинцова. Лист 639 без записей и пометы дьяка.

- ¹⁵ Киево-Никольский женский монастырь в Алатыре (ныне районный центр в Чувашии), основан в 1639 г. инокинями украинского Покровского Ладинского монастыря. Закрыт в 1919 г., в 1993 г. возобновлен.
- ¹⁶ Спасо-Преображенская Геннадиевская пустынь на берегу Белого озера, основана в XVI в., закрыта в 1764 г.
- ¹⁷ Крестовоздвиженский мужской монастырь в Белом городе в Москве, основан в 1540-х гг, упразднен в 1814 г.
- ¹⁸ Николаевский греческий (Никольский, Николы Старого) мужской монастырь в Китай-городе, известен с конца XIV в., упразднен в начале 1920-х гг.
- ¹⁹ Серапион (Сысоев; † 1653 г.), в 1637 г. хиротонисан во епископа Сарского и Подонского с возведением в сан митрополита, в 1641 г. являлся местоблюстителем Патриаршего престола. Участвовал в избрании и интронизации Патриарха Московского и всея Руси Иосифа, в коронации царя Алексея Михайловича. С 1651 г. на покое в Калязинском монастыре.
- ²⁰ Богоявленский мужской монастырь «за ветошным рядом» в Китай-городе в Москве, основан в XIII в. князем Московским св. Даниилом Александровичем († 1303 г.), закрыт в 1920-х гг.
- ²¹ Вознесенский женский монастырь в Московском Кремле, основан в 1380-х гг. великой княгиней Московской Евдокией Дмитриевной, в 1918 г. закрыт, в 1929 г. разрушен.
- ²² Иоанно-Предтеченский женский монастырь в Москве, основан в XV в. Закрыт в 1918 г., в 2000-х гг. возобновлен.
- ²³ Савинский монастырь в Москве, основан как мужской монастырь — родовая обитель бояр Добрыньских в XV в., в конце XVI в. стал патриаршим, с середины XVII в. женский, упразднен во 2-й половине XVII в.
- ²⁴ Преклонные — коленопреклоненные.
- ²⁵ Халдеи — участники вербного действа, приуроченного к празднику Входа Господня в Иерусалим; эти роли исполняли мальчики и юноши.
- ²⁶ Плаун — легко воспламеняющаяся трава, которую метали из специальных тубок при представлении пещного действа.
- ²⁷ Юпа — халат.
- ²⁸ Деревянное масло — оливковое масло.
- ²⁹ Новинский Введенский Богородицкий мужской монастырь в Москве, основан в 1420-х гг. митрополитом Фотием, в 1764 г. закрыт. Введенская церковь оставалась действующей до конца 1920-х гг., в 1933 г. разрушена.
- ³⁰ Благовещенский мужской монастырь в Нижнем Новгороде, основан в XIII в., не действовал в 1921–1993 гг.
- ³¹ Синайский мужской монастырь святой Екатерины на Синайском полуострове (Египет), основан в IV в. В настоящее время является центром автономной Синайской Православной Церкви.
- ³² Скит св. Иоанна Предтечи близ города Верия (Греция), основан не позднее IX в., ныне ставропигиальный — в прямом подчинении Константинопольскому Патриарху.
- ³³ Афонский монастырь Ксенофонт во имя св. Георгия, основан в X в.
- ³⁴ Сурожский шелковый ряд — один из торговых рядов в Москве в XVI–XVII вв., шел от Спасских ворот Кремля к Ильинскому крестцу. Название получил от располагавшихся здесь лавок купцов-сурожан, которые вели торговлю с Византией, итальянскими городами, позднее с Турцией через порт Сурож (современный Сулак).
- ³⁵ Преображенский мужской монастырь (Великий метеор) в Греции, основан в середине XIV в. прп. Афанасием Метеорским.
- ³⁶ Иосифов Волоколамский Успенский мужской монастырь, основан в 1479 г. прп. Иосифом Волоцким. В 1922 г. закрыт, в 1989 г. возвращен Русской Православной Церкви, с 1999 г. имеет статус ставропигиального.

- ³⁷ Воскресенский мужской монастырь в Череповце, основан во 2-й половине XIV в. учениками прп. Сергия Радонежского Феодосием и Афанасием, в 1764 г. упразднен.
- ³⁸ Спасо-Преображенский мужской патриарший домовый монастырь в Самаре, основан в 1-й половине XVII в., упразднен в 1723 г.
- ³⁹ Рафаил († 25 января 1653 г.), хиротонисан во епископа Коломенского 17 декабря 1618 г., в 1652 г. уволен на покой.
- ⁴⁰ Симонов Старый Успенский мужской монастырь в Москве, основан в 1379 г. племянником прп. Сергия Радонежского свт. Федором, закрыт в 1920 г.
- ⁴¹ Андреевский мужской монастырь в Москве, впервые упоминается в XIV в., до конца XVI в. назывался Преображенской пустыней, упразднен в 1760-х гг. В начале 1990-х гг. на его территории создано Патриаршее подворье, размещена Синодальная библиотека.
- ⁴² Николо-Угрешский мужской монастырь в городе Дзержинском Московской области, основан в 1380 г. князем св. Дмитрием Донским. В 1925 г. закрыт, в 1991 г. возвращен Русской Православной Церкви.
- ⁴³ Сретенский мужской монастырь в Москве, основан в 1397 г. В 1925 г. закрыт, в 1993 г. в сохранившихся монастырских постройках открылось подворье Псково-Печерского монастыря, которое в июле 1996 г. было преобразовано в ставропигиальный монастырь.
- ⁴⁴ Заиконоспасский мужской монастырь в Китай-городе («что за ветошным рядом»), основан в 1600 г. В 1922 г. собор монастыря стал центром обновленческого «Союза церковного возрождения». В 1992 г. в монастырском храме Нерукотворного образа Спасителя возобновились богослужения, в марте 2010 г. восстановлен монастырь.
- ⁴⁵ Воскресенский Высокий мужской монастырь «за золотой решеткой» в Москве, известен с конца XV до середины XVII в.
- ⁴⁶ Златоустовский мужской монастырь в Москве, упоминается с начала XV в., закрыт в 1918 г., основной комплекс построек снесен в 1933 г.
- ⁴⁷ Владимирский Свято-Алексеевский Константино-Еленинский монастырь основан, возможно, в XIII в., в 1360-х гг. возобновлен митрополитом Московским св. Алексием, когда стал домовым митрополичьим. Упразднен в 1775 г.
- ⁴⁸ Карлук (курлук, карлус) — клей, добываемый из плавательного пузыря рыб (главным образом осетровых), продававшийся в виде небольших подковок.
- ⁴⁹ Скаловое (сколовое) гвоздь, скаловые гвозди — гвозди без шляпок, которыми прибивалась береста, настилаемая под тес на крышах.
- ⁵⁰ Обожженный кирпич, предназначенный для выстилания печи (пода).
- ⁵¹ Суздальский Васильевский мужской монастырь, основан в XIII в., с 1916 г. женский. Закрыт в 1923 г., в 1995 г. возобновлен.
- ⁵² Извара — чан, кадка для заваривания или хранения напитков.
- ⁵³ Шандан, шандал — подсвечник.
- ⁵⁴ Пахомий († 31 мая 1655 г.), 17 июня 1641 г. хиротонисан во епископа Астраханского и Терского с возведением в сан архиепископа, скончался во время эпидемии.
- ⁵⁵ Владимирский Богородице-Рождественский мужской монастырь, основан в конце XII в., с 1744 г. в монастыре располагался Владимирский архиереский дом. Закрыт в 1918 г., в 1991 г. возобновлен.
- ⁵⁶ Новоспасский мужской монастырь в Москве, основан в конце XV в., когда из Кремля был выведен Спасский на Бору монастырь. Закрыт в 1918 г., в 1991 г. возобновлен.
- ⁵⁷ Знаменский мужской монастырь в Москве, что на Старом государеве дворе, основан в 1-й половине XVII в. на территории усадьбы бояр Романовых в Зарядье, закрыт в 1923 г.
- ⁵⁸ Донской мужской монастырь в Москве (в честь Донской иконы Божией Матери), основан в 1591 г. в память об отражении нападения крымского хана Казы Гирея II. В 1918 г. закрыт, в 1991 г. возобновлен.

- ⁵⁹ Свято-Данилов мужской монастырь в Москве, основан в конце XIII в. Московским князем св. Даниилом Александровичем. Закрыт в 1920-х гг., в 1983 г. возрожден, получил статус ставропигиального.
- ⁶⁰ Высоко-Петровский мужской монастырь в Москве, известен с конца XIV в. Закрыт в 1918 г., возобновлен в 2009 г., в настоящее время ставропигиальный.
- ⁶¹ Варлаамо-Хутынский Спасо-Преображенский мужской монастырь в Новгороде, основан в конце XII в. при. Варлаамом Хутынским. В 1925 г. закрыт, во время Великой Отечественной войны сильно разрушен, с 1994 г. действующий женский монастырь.
- ⁶² Варлаам (Старорушин; † 9 июля 1652 г.), в 1619 г. хиротонисан во епископа Ростовского и Ярославского с возведением в сан митрополита.
- ⁶³ Свято-Троицкий Сергиев мужской монастырь, основан при. Сергием Радонежским в середине XIV в., с 1744 г. имеет статус лавры. В 1919 г. лавра была закрыта, возобновлена в 1946 г.
- ⁶⁴ Андреевский Ситецкий мужской монастырь на реке Ситенке близ Новгорода, основан в XIV в., упразднен в 1760-х гг.
- ⁶⁵ Серпуховский Владычный Введенский мужской монастырь, основан в 1360 г. митрополитом Московским св. Алексием, с 1806 г. женский. Закрыт в 1920-х гг., в 1995 г. возобновлен.
- ⁶⁶ Богоявленский Троицкий Сергиев мужской монастырь в Московском Кремле, основан в XV в. на подворье Троице-Сергиева монастыря, упразднен в начале XIX в.
- ⁶⁷ Подворье Кириллова Белозерского монастыря в Московском Кремле.
- ⁶⁸ Андроников в честь Нерукотворного образа Спасителя мужской монастырь в Москве, основан в 1357 г. митрополитом Алексием, назван по имени первого игумена — Андроника, ученика при. Сергия Радонежского. После 1917 г. закрыт, в 1989 г. возобновилось богослужение в соборе в честь Нерукотворного образа Спасителя.
- ⁶⁹ Собор Покрова Божией Матери «на рву» (собор Василия Блаженного) на Красной площади в Москве, построен в 1555–1561 гг.
- ⁷⁰ Знаменить — делать изображения на чем-либо, рисовать, писать.
- ⁷¹ Новодевичий Богородице-Смоленский женский монастырь в Москве, основан около 1524 г. Закрыт в 1922 г., в 1994 г. в обители возобновлена монашеская жизнь, в настоящее время является одновременно действующим монастырем и филиалом Государственного Исторического музея.
- ⁷² Воскресенский Карашский патриарший домовый мужской монастырь на территории современного Ростовского района Ярославской области, основан в конце XV в., упразднен в 1764 г.
- ⁷³ Владимирский Николо-Волосовский мужской монастырь, основан в XV в., с начала XX в. женский. В 1920-х гг. закрыт, в 1993 г. возобновлен.
- ⁷⁴ Сновицкий Благовещенский мужской монастырь в Юрьеве Польском, упоминается с XV в. в качестве домового митрополичьего, упразднен в 1764 г.
- ⁷⁵ Борисоглебский Надозерный мужской монастырь в Переславле-Залесском, с XVI в. упоминается как митрополичий домовый монастырь, упразднен в 1744 г.
- ⁷⁶ Благовещенский Унорожский мужской монастырь (современный Галичский район Костромской области), упоминается с середины XV в., закрыт в 1749 г.
- ⁷⁷ Спасо-Запрудненский мужской монастырь в Костроме, по преданию, основан костромским князем Василием Ярославичем († 1277 г.) на месте явления чудотворной Федоровской иконы Божией Матери, упразднен в 1764 г.

Н. В. Башнин*

Поставления и назначения в Вологодской епархии в 1674–1675 годах

В публикуемом документе сообщается о поставлениях, совершавшихся в Вологодской епархии в 1675 г.: диаконских и священнических хиротониях, назначениях на должность настоятеля в монастырях епархии и др. Рукопись хранится в Отделе рукописей РНБ (ф. 532, оп. 2, № 4589). Это столбец на 22 листах (сставах), архивная пагинация отсутствует, в левых верхних углах сставов карандашом обозначены порядковые номера документов от 1 до 19. Столбец не расклеен, общая длина 5 метров 94,5 см, ширина около 16–17 см. Рукопись написана разными чернилами от черно-коричневых до светло-коричневых разборчивой скорописью XVII в., на листе 13 текст частично угасает. Листы 1 и 2 были свернуты в конверт и запечатаны. На обороте листа 1 слева на поле фрагмент (средняя часть) красновосковой печати на бумажной «коже» с изображением благословляющей двоеперстно руки. Прорези слева и справа на листах 1 и 2 в 7 местах для скрепления бумажной лентой, на которую ставилась печать. На обороте верхняя часть большинства листов затерта, поскольку являлась наружной при их пересылке. На всех листах, за исключением 1 и 2, следы от сворачивания в трубочку. Наиболее ветхие документы — № 2 и № 19: на них видны следы воды и плесени.

В постановлениях Стоглавого Собора 1551 г. изложены требования нравственного характера, предъявляемые к кандидатам в священный сан и на пост настоятеля монастыря, — они должны быть «беспорочны, ненапрасно не гневливы, не пияницы, не убийцы, не скверноязычательны, страннолюбцы и боголюбцы, целомудрены, праведны, воздержательны от всякого зла и от упивания, добре сведуща истинный закон». В 25-й главе этого памятника оговариваются также формальные требования к ставленникам: «И святителем избирати по священным правилом: в попы ставити 30 лет, а в диаконы — 25 лет. А грамоте

* © Башнин Н. В., 2013

Никита Викторович Башнин, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории РАН.
Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00039а.

бы умели, чтобы могли церковь Божию содержать и детей своих духовных, православных христиан, управити могли по священным правилом»¹. Более подробно требования к священнослужителям изложены в Кормчей 1650 г. в главе 60 «О хиротонии, сиречь, о рукоположении святительском, на новопоставленном иереи, выписано из правил святых апостол и святых отец»².

Канонист И. С. Беретников писал о поставлении на Руси священнослужителей: «Приходское духовенство избиралось приходской общиной. Прихожане составляли мирской приговор об избрании за своими руками и представляли избранного к архиерею для испытания и посвящения»³. Публикуемые документы иллюстрируют эту процедуру. В 1674–1675 гг. к архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону (1664–1684 гг.) обращались насельники Кириллова Белозерского, Дионисиева Глушицкого, Горнего Успенского, Николо-Коряжемского, Спасо-Каменного монастырей (см. публикацию, документы № 2–4, 6, 8, 12, 15, 17, 18) и прихожане церквей как вологодских («изнутри города храма Знамения Пречистыя Богородицы и благоверных князей Бориса и Глеба» — документ № 5), так и из отдаленных мест («усть-вымского приходу крестьяннишка» — документ № 7) с просьбами о назначении новых клириков. Причины подачи челобитных были разными: в Кирилловом Белозерском монастыре оказалось «свещенниками скудно», в церкви в честь иконы Божией Матери «Знамение» вдовому священнику Игнатию Логинову было запрещено служить, требовалось назначить нового иерея, диакон Феодор, служивший в усть-вымском приходе, «во 183-м году февраля в 2 день судом Божиим... преставился», нужен был новый диакон. Особо отмечу челобитную иерея Антипы, который после конфликта с помещиками Ушаковыми «от церкви отшел за волюсть» и просил о назначении в какой-либо храм. По словам Антипы, «без земли мне кормитца нечем, семьишка у меня на хлебе десять душ». Этот священник 21 июня 1675 г. получил переходную грамоту «к церкви Рождеству Пречистой Богородицы на вымершее порожное место» в вотчине Кириллова Белозерского монастыря (документ № 9).

Выбор кандидата проводился всей общиной. Так, о назначении игуменом в Глушицкий монастырь Никона просили «келарь старец Пахомей, черной поп Генадий, казначей старец Варлам, конюшей старец Феодосей, житник старец Павел, старец Герасим и вся братия того... монастыря, и болнишныя старцы, и слушки, и служебники, и все вотчинныя крестьяня» (документ № 4). Прихожане усть-вымской церкви Благовещения Пресвятой Богородицы «выбрали, излюбили... крестьянина во дьяконы Алексея Григорьева сына Иконникова» (документ № 7). В челобитных находим многочисленные имена крестьян и «людей разных чинов», на обороте документов — подписи авторов челобитных или священников, которые удостоверили документ «вместо детей духовных» (например, документы № 5, 13, 14). При избрании в первую очередь учитывались личные качества кандидата. В одной из челобитных находим характеристику церковного дьячка Федора Яковлева сына Попова, которого просили поставить во иереи: «Он человек доброй, в грамоте умеет и смирен, и церковному правилу искусен, и от божественных книг

сказателен, и не пьяница, и не зерщик, и не тать, и не разбойник, и не душегубец, и креста на суде не целовывал, и во крестьянех и в боярском дворе в холопях не бывал, и в стрельцах, и в казаках, и в солдатах не бывал же, и женат первым браком по закону на девице с венчанием, а лет тридцать и боле» (документ № 13).

На решение архиерея челобитчики пытались влиять, сообщая о кандидате, который был негоден большинству прихожан, дискредитирующие сведения. Например, про Илью, сына покойного священника, сообщалось, что «дед ево и отец бывали боярские Дорофея Ельчанинова крестьяне, а сказывают у себя отпускную, а отпускные не кажут. А буде, государь, и отпускная есть, отцу их покойному попу Григорью, а детям ево отпускные нет, и та отпускная им не крепка. И тебе бы, государь великий святитель, про то про все было ведомо» (документ № 19). В нескольких челобитных повторяются аргументы в пользу скорейшего поставления: «У нас Божия церкви стоит без пения, и боли помирают без святого причащения, роженицы без молитв и младенцы без крещения»; «а боли и родильницы у нас без причастия и без молитвы помирают»; «а у нас, государь, церковь Божия стоит без пения, а в приходе боли лежат и помирают бес покаяния и бес причастия, а родильницы лежат без молитов»; «нынечи, государь, у нас в приходе церкви Божии стоят без пения, и роженицы лежат без молитв во многое время, и без причастия помирают многие, и усопшия лежат поверх земли подолгу во многие времена, а иные приходы у нас удадели, и попы к нам не ездят, потому что время работное». Эти аргументы соотносятся с размышлениями отцов Стоглавого Собора о необходимости скорейшего назначения в храмы священнослужителей: «О ставленниках, хотящим в диаконы и в попы ставитися, а грамоте мало умеют. И святителем их поставити — ино сопротивно священным правилом, а не поставити — ино святых церкви без пения будут, а православныя хрестьяне учнут без покаяния умирати»⁴.

Не все избранные лица получили благословение на поставление от архиепископа Симона. Так, иеродиакону Савве из Кириллова Белозерского монастыря «не дана грамота» (документ № 2), а прихожане «Сянжемской трети Белтяивы слободы Воскресенского приходу» просили вместо не получившего благословения Григория Ларионова сына Попова поставить Василия Емельянова сына «прозванием» Хмеленина (документ № 16).

Таким образом, публикуемые документы отражают как правовые аспекты избрания на церковные должности, так и различные обстоятельства и бытовые ситуации, сопутствовавшие поставлению в 1675 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 260, 285–286.

² Кормчая. Напечатана с оригинала Патриарха Иосифа. Б. м., б. г. С. 1318–1327.

³ *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права православной Греко-российской Церкви с указанием главнейших особенностей католического и протестантского права. Казань, 1888. С. 42–43.

⁴ *Емченко Е. Б.* Указ. соч. С. 285.

№ 1
1674 г. сентября 24 — 1675 г. мая 14. — Грамота
царя Алексея Михайловича архиепископу Вологодскому
и Белозерскому Симону¹ о принятии в епархию безместного
священника Илариона Федорова

(Л. 1) От царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержца, богомольцу нашему Симону, архиепископу Вологодскому и Белозерскому. В нынешнем во 182-м году бил челом нам, великому государю, Патриарши епархии Дмитровского уезду безместной поп Иларион Федоров, а в челобитной ево написано. Во дьяконы он поставлен и в попы совершен по благословению блаженныя памяти великого господина Святейшаго Иоасафа, Патриарха Московского и всеа России², Мисаилом, епископом Коломенским и Коширским³, во 179-м году в Дмитровском уезде в вотчину Кирилова монастыря⁴ в село Вертлинское ко церкви архистратигу Михаилу. И волею-де он Божиею заскорбел и лежал многое время, и на ево-де место приняли к той церкви архистратигу Михаилу приняли^а иного попа. И ныне-де он, поп Иларион, на Москве з женою и з детьми без места скитаетьца меж двор и помирает голодною смертию. И нам, великому государю, пожаловати б иво велети ему ис Патриаршей епархии в твою епархию дать отпускная грамота.

И по нашему, великого государя, указу богомолец наш Преосвященный (Л. 2) Павел, митрополит Сарский и Подонский⁵, межпатриаршества, слушав иво, попова Иларионова, челобитья и в списки велел ему в твою епархию дать отпускную грамоту. И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, и ты б, богомолец наш, ему, безмесному попу Илариону, в своей епархии быть велел, у которой он церкви место приищет. А прочет нашу, великого государя, грамоту и велел списать с нее список слово в слово, оставил у себя, а сю нашу, великого государя, подлинную грамоту отдал бы еси ему, попу Илариону, по чему ему, попу, впредь в твоей епархии быть. Лета 7182-го сентября в 24 день.

^а Так в рукописи.

183-го мая в 14 день дан ему, попу, с сей грамоты список, да ему же подписана челобитная в прошлом во 182-м году. Велено ему иерейская действовать на Белеозере и крепича до места^а.

№ 2

1675 г. апреля 17.— Челобитная архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону архимандрита Кириллова Белозерского монастыря Никиты^б о поставлении во иерея иеродиакона Саввы

(Л. 3) Великому господину Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьют челом царского богомолия, а твоей, государь, святительской паствы Успения Пресвятыя Богородицы Кирилова монастыря архимандрит Никита з братией. В Кирилове, государь, монастыре священниками скудно. Послали мы к тебе, государю, иеродиакона Саву. Умилостивися, государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, царских и своих святительских богомольцов, соверши, государь, ево, иеродиакона Саву, во иеромонахи. Государь, смилуйся пожалуй^б.

№ 3

1675 г. между 15 апреля и 17 мая.— Челобитная архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону келаря Дионисиева Глушитцкого монастыря^в Пахомия, братии и крестьян о поставлении игуменом монастыря Никона

(Л. 4) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьет челом нищия царския и твои святительския богомольцы: Глушитцкого монастыря келарь старец Пахомей, черной поп Генадей, казначей старец Варлам, конюшей старец Феодосей, житник старец Павел, старец Герасим, и вся братия того Глушитцкого монастыря, и болнишныя старцы, и слушки, и служебники, и все вотчинныя крестьяня. Умилостивися, государь великий святитель Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, нищих царских и твоих святительских богомольцев — братию, и служек, и служебников, и вотчинных крестьянец, благослови, государь, в дом Покрова Святой Богородицы и преподобным отцем Дионисию и Анфилохию в Глушитцкой монастырь настоятеля и пастыря словесным овцам противу нашего — братцкого, и служня, и крестьянского — вы-

^а На обороте разными почерками: Богомольцу нашему Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому. 182-го июня в 4 день подана. Печатные взяты. Диак Перфилий Семенников. Справил Васька Дементиев.

^б На обороте записи разными почерками: Иеромонах Кирил: сей сын мой духовный диакон Савва достоин священства по его исповеди, руку приложил 183-го году апреля в 17 день. К сей челобитной Кирилова монастыря архимандрит Никита руку приложил.

бору игумена Никона⁸, что преж сего по твоему государеву святительскому благословению был во игуменах в Никентиеве⁹ монастыре. Государь, великий святитель, смилуйся пожалуй⁹.

№ 4
Ранее 17 мая 1675 г. — Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону
игумении Горнего Успенского монастыря¹⁰ Екатерины¹¹
о поставлении во диакона Василия Яковлева сына Попова

(Л. 5) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьет челом с Вологды, с посаду Горняго Успенскаго девичья монастыря игуменья Екатерины с сестрами в том, что в нынешнем, государь, во 183-м году подана тебе, великому святителю, от сестр зарушная челобитная и излюб того же Горняго девичья монастыря о пономаре Василье Яковлеве сыне Попове, чтоб ево поставил во дяконы. И он, государь великий святитель, Василей, пономарь в дому Пречистыя Богородицы, ко всякому церковному обиходу искусен. А живет он, Василей, в дому Пречистыя Богородицы пятнадцать лет, а пороку за ним никакова не бывало. Милостивый государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, царских и своих архиерейских богомолиц, благослови, государь, к церкви Успения Пречистыя Богородицы и рукоположи во дяконы тое же церкви пономаря Василя Яковлева сына Попова. Государь великий святитель, смилуйся пожалуй⁶.

№ 5
Ранее 21 мая 1675 г. — Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону
прихожан вологодского Знаменского Борисоглебского храма
о поставлении во иерея диакона Иоанна Семенова

(Л. 6) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьют челом изнутри города храма Знамения Пречистыя Богородицы и благоверных князей Бориса и Глеба прихожане: вологодской

⁸ На обороте записи разными почерками: 183-го мая в 17 день дана настольная грамота. К сей челобитной келарь старец Пахомей руку приложил. К сей челобитной иеромонах Геннадей, и вместо братии, и вместо детей своих духовных по их велению руку приложил. К сей челобитной леонтиевской поп Семион вместо слуг, и служебников, и крестьян, детей своих духовных, по их велению руку приложил. Внизу листа красным карандашом нарисован крест (XIX в.?).

⁶ На обороте разными почерками: 183-го мая в 17 день дана грамота. Софейскаго собора поп Матфей исповедал сына своего духовнаго Василя, и по его исповеди достоин священства, и руку приложил.

приказной избы подьячей Софонко Васильев, да посацкие люди Кондрашка Крысанфьев, Мишка Кондратьев, Васька Зыков, Матюшка Иванов сын Кожевник, Куска Никитин сын Свешников, Ивашко Архипов, да съезжие избы пристав Логинко Анофреев, да стряпцы Еремка Деянов, Фочка Еремеев, Софронко Семенов, Якунка Иванов, Андриюшка Иванов, Ивашко Афонасьев, Мишка Парфеньев, и все прихожане. В нынешнем, государь, во 183-м году тое нашей прихоцкой церкви старому вдовому попу Игнатью Логинову по твоему (Л. 7) святительскому указу у той нашей прихотцкой церкви служить не велено, и ныне церковь стоит без пения пуста. И мы, прихоцкие люди, выбрали и излюбили тоя же нашей прихоцкой церкви дьякона Ивана Семенова. Умилостивися, государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, прихоцких людей, благослови, государь, и соверши того дьякона Ивана к той церкви в попы, чтоб та наша прихоцкая церковь без пения не была. Государь святитель, смилуйся пожалуй^а.

№ 6

**Ранее 13 июня 1675 г. — Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белоозерскому Симону
игумена Николаевского Коряжемского монастыря¹²
Варсонофия¹³ с братией о хиротонии монаха Иосифа**

(Л. 8) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьют челом богомольцы твои Сольвычегоцкого уезду Николаевского Коряжемского монастыря игумен Варсонофей з братею. Милостивый государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, богомольцов своих, благослови, государь, монаха Иосифа и постави его во дьяконы и соверши в попы во свое святительское богомолье к нам, богомольцам твоим, в Николаевской Коряжемской монастырь. Государь великий святитель, смилуйся пожалуй.

183-го июня в 13 день поставлен и ставленая грамота дана^б.

^а На обороте разными почерками записи: Мая в 21 день поставлен. Сей сын мой духовный дьякон Иоанн по его исповеди достоин священства, Софийского собору поп Андрей руку приложил. К сей челобитной подьячей Софонко Василиев руку приложил. К сей челобитной посацкой человек Ивашко Архипов руку приложил. К сей челобитной посацкой человек Мишка Кондратьев вместо отца своего Кондрата Крисатова по его велению руку приложил. К сей челобитной вместо посацова человека Матфея Иванова Кожевника по его велению Мишка Кондратьев руку приложил. К сей челобитной Матюшка Иванов руку приложил. К сей челобитной Кузка Никитин сын Свешников руку приложил. К сей челобитной приказной избы площадной подьячей Петрушка Васильев вместо вологжан стрельцов Еремея Деева, да Фоки Еремеева, да Якова Иванова, да Ондreja Иванова, да Ивана Офанасьева, да Михайла Парфеньева по их велению руку приложил. К сей челобитной вологодской стрелец Софронко Семенов сын Соболев руку приложил. К сей челобитной Алешка Софонов вместо Василья Степанова Зыкова по иво велению руку приложил.

^б На обороте разными почерками: К сей челобитной игумен Варсонофей руку приложил. Иеромонах Кирил: сей сын мой духовный монах Иосиф достоин священства по его исповеди, руку приложил.

№ 7

**1675 г. февраля 2 — июня 6. — Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону
прихожан усть-вымской Благовещенской церкви
о поставлении во диакона Алексея Григорьева сына Иконникова**

(Л. 9) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белозерскому, бьют челом сироты твои усть-вымского приходу крестьянишка: церковной староста Марчко Вахромеев, да крестьянишка Коземка Пономарев, Ларка Тренин, Ивашко Тюрин, Гришка Бакланов, Исачко Козлов, Гришка Романов, Ивашко Ярафеев, Панфилко Копанов, Давыдко Мартынов, Ромашко Арихиных, Онисемко Поповцов, Сенка Быков, Петрушка Бажуков, Данилко Леонтиев, Бориско Денисов, Петрушка Амосов, Первушка Болотов, Петрушка Карпов, Гришка Абабин, и все усть-вымского приходу крестьянишка. В нынешнем, государь, во 183-м году февраля в 2 день судом Божиим у нас на Усть-Выми дьякон Федор преставися. И мы, сироты твои, выбрали, излюбили твоего же архиепископа крестьянина во дьяконы Алексея Григорьева сына Иконникова. Милостивый государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белозерский, пожалуй нас, сирот своих, изволь, государь, тово дьячка Алексея на Усть-Выми к церкви Благовещению Пресвятые Богородицы и великим чудотворцом во дьяконы поставить. Государь святитель, смилуйся пожалуй.

183-го июня в 6 день ставленая грамота дана^а.

№ 8

**1675 г. март. — Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону
келаря Песочного монастыря¹⁴ Лаврентия с братией
о разрешении монаху Иосифу священнодействовать**

(Л. 10) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белозерскому, бьет челом Вологодского уезду Успения Пречистые Богородицы и Святого Николая Чудотворца Песочного монастыря келарь старец Лаврентей, да казначей старец Сергей, старец Васьян, да старец Трифан и вся еже о Христе братия в нынешнем, государь, во 183-м году марта в...^б день. Служил у нас в Песочном монастыре у церкви Божия черной священник Сава, и ты, государь, изволил иво от нас взять и послал Всемилоствиваго Спаса в Рабанской монастырь¹⁵ в игумены. И у нас церковь Божия стоит без пения.

^а На обороте разными почерками: Сей сын мой духовной Алексей по его исповеди достоин дьяконства, сие приписал протопоп Иона. К сей челобитной усть-вымской поп Лука вместо усть-вымского приходу мирских людей по их веленью и руку приложил. К сей челобитной Марчко Вахромеев руку приложил. К сей челобитной Герасимко Иванов сын Тюрин вместо отца своего Ивана руку приложил. К сей челобитной Бориско Денисов руку приложил. К сей челобитной Ивашко руку приложил.

^б В рукописи пропуск, оставлено место для даты.

И мы, нищие твои святительские богомольцы, и наши монастырские крестьянишка: старостишко Савка Емельянов, да Филка Наумов, Пронка Трофимов, и все крестьянишка выбрали и излюбили того же Песочново монастыря вдового попа Иякова. Жил у нас в Песочном монастыре по твоему святительскому указу у церкви Божии вместо церковного дьячка. И мы, нищие твои богомольцы, и наши монастырские крестьянишка били челом тебе, государю, архиерею Божию, чтоб сего вдового попа Иякова изволил постричь. И ты, государь, пожаловал нас, нищих своих богомольцев, и нас, сирот, мирских людей, и указал иво, вдового попа Иякова, Всемилоствиваго Спаса-Каменного монастыря¹⁶ архимандриту Тихону¹⁷ постричь. И по твоему святительскому указу иво, вдового попа Иякова, архимандрит Тихон постриг, и ныне имя ему Иосиф, и начало ему отошло. Умилостивися, государь великий Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белозерский, пожалуй нас, нищих своих богомольцев, и нас, сирот, монастырских крестьянишек, вели, государь, ему, монаху Иосифу, у нас в Песочном монастыре в церкви Божии служить и священническая действовать, чтоб у нас, нищих богомольцев твоих, церковь Божия без пения не была. Государь великий святитель, смилуйся пожалуй. 183-го июня в 14 день дана иеромонашеская благословенная^a грамота^b.

№ 9

**Ранее 21 июня 1675 г. — Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону
священника Покровской церкви Антипы о переходе
в церковь Рождества Пречистой Богородицы**

(Л. 11) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белозерскому, бьет челом твой, государь, святительския паствы Вологодского уезду Раменския волости церкви Покрова Пресвятыя Богородицы поп Антипа. Отшел я, нищей, от церкви Покрова Пресвятыя Богородицы от изгони Федора Михайлова сына Ушакова и детей ево Петра да Ивана Ушаковых же в прошлом, государь, во 179-м году, в голодной год. Просили те Ушаковы у меня хлеба дву четвертей ржи, и я им отказал. И они, Ушаковы, подъезживали ночью на конях ко мне в деревню по хлебы, и ворота на двор выломали, и двери у избы топором секли, и кровлю на житнице розломали. И я их от деревни отгонил. И они, Ушаковы, угрожали мне смертным убийством. И я, убавяся их, от церкви отшел за волость, живу в деревне, скитаюся в мире. И на моиское^в место к Покрову Богородице пришел старой поп Иван и место занял, и я, убогой, скитаюся без места. Умилостивися, государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белозерский, благослови

^a Написано над строкой.

^b На обороте разными почерками: Иеромонах Кирил: сей сын мой духовный монах Иосиф достоин священства по его исповеди, руку приложил. Июня в 15 день дана иеромонашеская грамота.

^в Так в рукописи.

к ьной церкви служить — в вотчину Кирилова монастыря в Запогостьскую волость к церкви Рождеству Пречистой Богородицы на вымершее порожное место. Умилостивися, государь, пощади меня, бедного: без земли мне кормитца нечем, семьишка у меня на хлебе десять душ, чтоб мне, скитаючися в мире, голодною смертию не помереть. Великий святитель государь, смилуйся пожалуй^а.

№ 10
Ранее 21 июня 1675 г.— Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону
прихожан церкви Рождества Пресвятой Богородицы
с просьбой о служении в храме священника Антипы Иосифова

(Л. 12) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белозерскому, бьют челом Белозерского уезду Кирилова монастыря вотчины Запогосня волости церкви Рождества Пресвятыя Богородицы и Рождества Иисуса Христа старостишко Никифорко Микин, Артемко Митрофанов, Ивашко Тарасов, Гришка Ансифоров, Моисейко Микин, Левка Трефилов, Ивашко Трефяков, Ивашко Якимов, Сысойко Леонтьив, Гаврилко Мишин, Феодорко Трофимов, Ивашко Тихонов, Федотко Минин, Симеонко Ансифилов, Гришка Анфиногенов, Давыдко Трефилов, Васка Алферов, Петрушка Пантелеив, Исачко Поликарпов, Деокимко Трофимов, Матюшка Симеонов, Ивашко Дементьев, Павличко Афонасиив, Стефанко Пантелеив и все прихоцкие крестьянцы. В прошлом, государь, во 182-м году маия в 26 день у наша Божии церкви Рождества Богородицы священник Андрей Аверкиив судом Божиим помер. И у нас Божия церкви стоит без пения, и боли помирают без свягаго причащения, роженицы без молитв и младенцы без крещения. Умилостивися, государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белозерский, пожалуй нас, прихоцких крестьянцы, благослови к нашей Божией церкви служить священника Антипу Иосифова^б и к нам жить. Нам он к Божии церкви годен, и во всем смирен, и всем нам, прихоцким крестьяном, люб. А преже сего, государь, дед ево Григорей Гаврилов, и отец, и брат ево служили "у нас" в попех и померли ныне. Он нам, священник Антипа Иосифов, к Божии церкви^г служить годен и всем нам люб. Великий святитель, государь, смилуйся пожалуй^а.

^а На обороте другим почерком: 183-го июня в 21 день дана переходящая грамота.

^б Написано над строкой.

^{вв} Написано над строкой.

^г Написано над строкой.

^д На обороте другим почерком: К сей мирской челобитной Чюровские волости пречистенской поп Иосиф Порфирив вместо старосты и всех прихоцких крестьян по их велению руку приложил.

№ 11
1675 г. марта 8 — июня 24. — Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белоозерскому Симону
прихожан Казанской церкви о поставлении во иерея
дьячка Никиты Емельянова

(Л. 13) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодцкому и Белоозерскому, бьют челом Казанския Пречистыя Богородицы прихоженя, что из села Погорелово Бориса Афанасивича да стольника Стефана Афонасьевича Зубовых, старосты их Афонька Игнатив да Федка Венедиктов да крестьяне: Сенька Мартьянов, да Сенка Ефремов, да Илюшка Климентов, да Сенька Мокиив, и все их крестьяне. В нынешнем, государь, во 183-м году марта в 8 день волею Божию того храма священник Козьма, отец наш духовный, преставился, а жена и дети остались. А есть, государь, ее, попадье, и детям ея сродник — покровской церковной дьячек Никита Емельянов сын Попов Комельския волости, человек смирен и в грамоте во церкви Божей работать учен. Милостивый государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодцкий и Белоозерский, пожалуй нас, сирот государевых и своих святительских, благослови, государь, иво, Никиту дьячка, якоже чин по степенем и во священники рукоположи ко храму и престолу Казанския Пречистыя Богородицы на вдовствующее место преставльшагося отца нашего духовнаго священника Козьмы, чтоб ему по твоему благословению священствовать и вдовую попадью с сиротами снабдевать. Государь святитель, смилуйся^а.

№ 12
[1675 г.] июня 27. — Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белоозерскому Симону
игумена Николо-Коряжемского монастыря Варсонофия
с братией о поставлении во иерея к церкви Пречистой Богородицы
в Христофоровской пустыни¹⁸ дьяка Андрея Васильева

(Л. 14) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодцкому и Белоозерскому, бьют челом богомольцы твои Соли Вычегодской уезда Николаевского Коряжемского монастыря игумен Варсонофей з братею. Христофоровские пустынь, которая, государь, выставлена из нашего Коряжемского монастыря, церковь Пречистыя Богородицы Одигитрея, у той церкви поп Василей престарелся и за старость и скорбь мало служит. Милостивый государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, богомольцев своих, благослови, государь, к той церкви вместо того

^а На обороте разными почерками: Июня в 24 день поставлен. Сей сын мой духовный Никита по его исповеди достоин ерейства, Софийского собору ключарь поп Косма руку приложил. К сей челобитной стольника и полковника Стефана Офонасьевича Зубова и вместо старосты и крестьян ево, Стефановых, приказной человек Ромашко Дмитриев руку приложил.

престаревшагося попа Василия сына его церковнаго дьяка Андреяна Васильева в четцы и во дяконы и поставить, государь, в попы. Государь, смилуйся пожалуй^а.

№ 13
1675 г. июня 17–29. — Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону
прихожан церкви Рождества Пресвятой Богородицы
о поставлении дьячка Федора Яковлева сына Попова во иерея

(Л. 15) Великому господину Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белозерскому, бьют челом Вологодскаго уезду Лежскаго Волоку пречистенския прихожана Исидорова государевы холопы Григорей Андреев сын Волоцкой, Богдан Васильев сын Погорельской, Михайло Андреев сын Волоцкой, Исак Богданов сын Погорельской, да твои государевы рабы: Федор Шестаков, Василей да Семен Ивановы дети Головкины, Гаврило, да Кирило, да Ондрей Григорьевы дети Блиновы, Никита Матфеев сын Блинов, Иван Федоров сын Шестаков, староста церковной Максим Малофеев, Григорей Емельянов, Исак Ларионов, Козма Иванов, Авдей Иванов, Дорофей Прокофьев, Гордей Естеев, Яков Селиванов, Борис Денисов, Гаврило Яковлев, Леонтей Евсеев, Яков Яковлев, Кирило Михайлов, Леонтей Петров, Михайла Павлов, Гаврило Антипов, Никита Артемьев, Сава Осипов, Козьма Иванов, Алексей Титов, Харлам Титов, Кирило Лукьянов, Кирило Ксенофонтов, Михайло Стефанов, Иван Григорьев, Константин Кузмин, Нассон Федоров, Иван Тимофеев, Иван Назаров, Иван Васильев, Никита Лукьянов, Клим Захаров, Василей Петров, Александр Стефанов, Павел Ефремов, Григорей Исаков, Иван Карпов, Никон Андронов, Иван Андреев, Семен Иванов, Карп Стефанов, Семен и Иван Ильины, Никита Иванов, Григорей Козмин, Кирило Дементьев, Киприан Никифоров, Василей Пантелеев, Михайло Селиванов, Исак Денисов, Анофрей Артемьев, Сила Вислин, Перфилий Алексеев, Сидор Федоров, Антипа Алексеев, Иван Сергеев, Антон Антропов, Иван Петров, Харитон Иванов, Федор Никитин, Борис Лукьянов, Еремей Филипов, Федуло Федоров, Логин Естеев, Кондратей Федоров, Ермола Титов, Иван Андреев, Назар Иванов, Савелей Осифов, Ярофей Савельев, Никита Якимов, Осип Савельев, Мартьян Ларионов, Василей Филипов, Третьяк Яковлев, Давыд Филипов, Федор Тимофеев, Стефан Естеев, Стефан Алексеев, Алексей Иванов, Лука Володимиров, Мелентей Гаврилов, Нестер Иванов, Гаврило Фаддеев, Матфей Иванов, Иван Гаврилов, Григорей Гаврилов, Веденей Устинов, Никита Поликарпов, Тимофей Матфеев, Пров Ведеников, Семен Матфеев, Федор Логинов, Терентей

^а На обороте разными почерками: Июня в 27 день поставлен. Софийскаго собору поп Поликарп: сей сын мой духовный Андреан по его исповеди достоин священства, и руку приложил. К сей челобитной Коряжемскаго монастыря игумен Варсонофий руку приложил. К сей челобитной Христофоровьскыи пустыни поп Василей руку приложил.

Данилов, Григорей Терентьев, Гаврило Никитин, Павел Панкратьев, Петр Григорьев, Иван Матфеев, Анисим Ермолаев, Фалей Алексеев, Авдоким Малафеев, Козьма Власьев, Иван да Демен (Л. 16) тей Дорюфеевы дети.

В нынешнем во 183-м месяца июня в 17 день выбрали и излюбили церковного дьячка Федора Яковлева сына Попова на Лежской Волок в попы к церкви Рождеству Пречистой Богородицы в Сидорова в попы^а на место отца его попа Иякова, что он человек доброй, и грамоте умеет, и смирен, и церковному правилу искусен, и от Божественных книг сказателен, и не пьяница, и не зерщик, и не тать, и не разбойник, и не душегубец, и креста на суде не целовывал, и во крестьянех и в боярском дворе в холопях не бывал, и в стрельцах, и в казаках, и в солдатах не бывал же, и женат первым браком по закону на девице с венчанием, а лет тридцать и боле. Отец его поп Ияков отго^б Фролова дня головой болен, ушми не слышит и очми туп, мало видит. Умилостивися, великий господин Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белозерский, и пожалуй, государь, нас поставь того дьячка Федора в священосцы, и в четцы, и в подьяконы, и во дьяконы к церкви Рождеству Пречистыя Богородицы в Сидорово на место отца его попа Иякова и соверши в попы. Государь великий святитель, смилуйся пожалуй^а.

№ 14
Ранее 30 июня 1675 г. — Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белозерскому
прихожан Иоанно-Богословской и Николаевской церквей
о поставлении во иерея Диомида

(Л. 17) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белозерскому, бьют челом прихожана Лежскаго Волоку Иоанна Богослова да Николая Чюдотворца что в Пабережье холопы государевы: Илюшка, да Любимка, да Гаврилко Возновы детишка Волоцкие, Коземка Федоров сын Анисов с крестьяны своими, Осифейко Лекин сын Лукиных, да твои, государя, святительские крестьяня: Ермолка Митрофанов, Романко Егоров,

^а Так в рукописи.

^б Так в рукописи.

^в На обороте разными почерками: Июня в 29 день поставлен. Софейскаго собора поп Матфей исповедал сына своего духовнаго Феодора, и по его исповеди достоин священства, и руку приложил. К сей челобитной пречистенской поп Ияков и вместо детей своих духовных Григорья Волоцкого да Федора Шестакова, Василья Голкова, Андрея Блинова, Никиты Блинова, и всех детей своих духовных, кои в сем излюбле имяны писаны, по их велению руку приложил. К сей челобитной Исак Богданов сын Погорельской вместо дворян отца своего Богдана Васильевича Погорельского, да Михайла Фадеева сына Золощикова, Гаврила да Кирила Григорьевых детей Блиновых, да Семена Иванова сына Головкова, и вместо крестьян своих и Михайловых, кои в сей челобитной имяны писаны, по их велению руку приложил. К сей челобитной Ивашко Шестаков вместо церковного старосты Максима Малахива и пречистенских прихожан, кои в сей челобитной имяны писаны, по их велению и руку приложил.

Ивашко Осифов, Естифейко Кондратьев, Игошка Яковлев, Веторунка Иванов, Афонка Егоров, Стефанко Микифоров, Филип Яковлев, Гришка Афонасьев, Степка Артемьев, Гришка Козмин, Тимка Калинин, Мишка Кирилов, Карпунка Зиновьев, Илимко Иванов, Гришка Филипов, Тимка Матвиев, Титко Денисов, Артюшка Карпов, Ивашко Васильев, и все прихожаня Иоанна Богослова да Николая Чюдотворца.

Изволил ты, государь великий святитель, у нас в приходе вдовому попу Михаилу не быть за ево старость, и он, поп Михайло, ушел прочь безвестно, неведомо куды, у нас в приходе нет. И нынечи, государь, у нас в приходе церкви Божии стоят без пения, и роженицы лежат без молитв во многое время, и без причастия помирают многие, и усопшия лежат поверх земли подолгу во многие времена, а иные приходы у нас удалили, и попы к нам не ездят, потому что время работное. И мы преже сего выбрали, излюбили того вдова попа Михаила сына его средняго Диомида х той церкви на место отца его в попы, потому что нам он годен. Милостивый государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белозерский, пожалуй нас, николаевских прихожан, поставь того Диомида в попы. Государь великий святитель, смилуйся пожалуй^а.

№ 15
Ранее 4 июня 1675 г.— Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону
архимандрита Кириллова Белозерского монастыря Никиты
с братией о поставлении во диаконы
монахов Иоасафа и Иннокентия

(Л. 18) Великому господину Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьют челом царского богомолия, твоей, государь, святительской паствы Успения Пречистые Богородицы Кириллова монастыря архимандрит Никита з братиею. В Кирилове, государь, монастыре иеродиаконами скудно, послали мы к тебе, государю, монаха Иоасафа да монаха Иннокентия. Умилостивися, государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, царских и своих святительских богомольцов, освяти, государь, их, монаха Иоасафа и монаха Иннокентия, во иеродиаконы. Государь Преосвященный и архиепископ, смилуйся пожалуй^б.

^а На обороте разными почерками: 183-го июня в 30 день поставлен. Сей сын мой духовный Диомид по его исповеди достоин священства, Софийского собору поп Андрей руку приложил. К сей челобитной пятницей поп Антоней по велению никольских прихожан, кои в сей челобитной имяны писаны, в их место и руку приложил.

^б На обороте разными почерками: Июня в 4 день монах Иннокентей в дяконы поставлен, а Иоасафу отказано. К сей челобитной Кириллова монастыря архимандрит Никита руку приложил.

№ 16

Ранее 4 июля [1675 г.] — Челобитная архиепископу Вологодскому и Белоозерскому Симону Воскресенского приходу церковного старосты Василия Ананьина и других прихожан о поставлении во иерея Василия Емельянова сына Хмеленина

(Л. 19) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьют челом сироты Вологодского уезду Сянжемской трети Белтяивы слободы Воскресенского приходу воскресенской церковной староста Васька Ананьин да и все старосты и крестьяна того Воскресенского приходу. В нынешнем, государь, году мы, сироты, били челом тебе, великому святителю, о Григорье Ларионове сыне Попове и на него выбор дали. И ты, государь великий святитель, в попы того Григорья не благословил. И после иво, Григорья, мы, сироты, выбрали и излюбили в попы к Воскресению Христову, а к Георгию Страстотерпцу Василья Емельянова сына, а прозванием Хмеленина. Милостивый государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, сирот, поставь того Василья Емельянова сына в попы. А боли и родильницы у нас без причастия и без молитвы помирают. Государь великий святитель, смилуйся^а.

№ 17

[1675 г.] — Челобитная архиепископу Вологодскому и Белоозерскому Симону архимандрита Спасо-Каменного монастыря Тихона с братией о поставлении в диакона дьячка Стефана Сидорова

(Л. 20) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьет челом царского и твоего святительского богомолья Всемилоостиваго Спаса Каменного монастыря архимандрит Тихон з братею, а в том у тебя, государя, милости просим. Ныне, государь, в царском и в твоём святительском богомолье, у нас в Камянном монастыре, дьяконов нам мало, только один черной дьякон. И аднаму, государь, службы дьяконския много, и устав, и книгохранительная на нем же, дьяконе, положена. И ныне, государь, бил челом к нам в Камянной монастырь дьячек Стефанко Сидаров. Милостивый государь, великий архиерей Божий Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, царских и своих святительских богомольцев, благослови, государь, и поставь во дьяконы того нашего монастырского дьячка к нам в Камянной монастырь. Великий архиерей Божий, смилуйся^б.

^а На обороте разными почерками: Июля в 4 день поставлен. Софийского собору поп Феодор: сей сын мой духовной Василей по иво исповеди достоин священства, и руку приложил. К сей челобитной ильинской поп Ефрем вместо церковного старосты Василя Ананьина и всех крестьян Воскресенского приходу по их веленью руку приложил

^б На обороте разными почерками: Сей сын мой духовный Стефан по его исповеди достоин диакона, протопоп Иоан руку приложил. К сей челобитной архимандрит Тихон руку приложил.

№ 18

**После 3 июля 1675 г. — Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону
архимандрита Кириллова Белозерского монастыря Никиты
с братией о поставлении во диакона монаха Маркела**

(Л. 21) Великому господину Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьет челом царского богомолья, твоей святительской паствы Успения Пречистые Богородицы Кирилова монастыря архимандрит Никита з братьею. В нынешнем, государь, во 183-м году июля в 3 день послали мы к тебе, государю, для посвящения во иеродьяконы монаха Маркела. Умилостивися, государь Преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, царских и своих святительских богомольцов, освяти, государь, ево, монаха Маркела, во иеродиаконы. Государь, смилуйся пожалуй^а.

№ 19

**Ранее 15 августа [1675 г.] — Челобитная
архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону
прихожан храмов Рождества Пресвятой Богородицы
и Николая Чудотворца о поставлении во иерея Ивана Иванова
сына Попова**

(Л. 22) Государю Преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьют челом великого государя холопи Сямские волости Рождества Пречистыя Богородицы да Николая Чудотворца, что на Ватланове, прихожана Савка, да Петрушка, да Васька Ивановы дети Лихаревы, да церковной староста Федоров крестьянин Темкина Сенка Остафьев, да крестьяне: Ларка Федоров, Екимко Яковлев, Галанка Ларионов, Якунка Яковлев, Ротька Федоров, Фетька Иванов, Дмитрея Андреева сына Бердяева староста Степка Иванов, крестьяне Ивашко Павлов, Ивашко Никанов, Микитка Маркелов, Екимко Корнилов, Игнашка Павлов, Савы Иванова сына Лихарева староста Петрушка Иванов, крестьяне Афонка да Ромашка Анфимовы, Петра Семичова староста Ивашко Васильев, крестьяне Ермолка Гаврилов, Мишка Борисов, Василья Аксакова крестьяня Исачко Мокиев, Омелка Алексиев, Ивана Ленина крестьянин Оська Васильев, и все прихожения тех поместий и вотчин старосты и крестьяня.

Выбрали мы, государь, и излюбили к церквам Божиим к Рождеству Богородицы да к Николе Чудотворцу в попы тоя ж Сямские волости от Николая Чудотворца с Сориц церковново дьячка Ивана Иванова сына Попова и выбор ему дали. Умилостивися, государь Преосвященный Симон, архиепископ

^а На обороте разными почерками: +Иеромонах Кирил: сей сын мой духовный монах Маркел достоин священнодияконства по его исповеди, руку приложил. К сей челобитной Кирилова монастыря архимандрит Никита руку приложил.

Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, великого государя холопей и всех прихожан тех поместей, и вотчин старост и крестьян, благослови, постави того дьячка Ивана к нам в попы. А у нас, государь, церковь Божия стоит без пения, а в приходе боли лежат и помирают бес покаяния и бес причастия, а родильницы лежат без молитов.

А нашево же приходу немногие люди выбор дали покойново священника Григорья сыну ево Илье. А он, Илья, грамоте худ и говорить не умеет, речь тяжела, с такое ево дело не будет. А се, государь, дед ево и отец бывали боярские Дорофея Ельчанинова крестьяне, а сказывают у себя отпускную, а отпускные не кажут. А буде, государь, и отпускная есть отцу их покойному попу Григорью, а детям ево отпускные нет, и та отпускная им не крепка. И тебе бы, государь великий святитель, про то про все было ведомо.

Государь великий святитель, смилуйся пожалуй^а.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Симон († 29 апреля 1685 г.), хиротонисан в архиепископа Вологодского и Белозерского из игуменов Александра Свирского монастыря 23 октября 1664 г., с 1684 г. на покое. Погребен в Спасо-Прилуцком монастыре.
- ² Иоасаф († 17 февраля 1672 г.), Патриарх Московский и всея Руси с 10 февраля 1667 г.
- ³ Мисаил († 23 февраля 1684 г.), хиротонисан во епископа Коломенского и Каширского 9 июля 1667 г., с 14 сентября 1671 г. митрополит Белгородский и Обоянский.
- ⁴ Кириллов Белоозерский Успенский монастырь на берегу Сиверского озера был основан в 1397 г. прп. Кириллом Белоозерским. В 1924 г. закрыт, в монастырских зданиях размещился Историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, в 1998 г. монастырь возобновлен.
- ⁵ Павел († 1636 г.), 12 октября 1623 г. хиротонисан во епископа Псковского и Изборского с возведением в сан архиепископа, с 31 декабря 1626 г. митрополит Сарский и Подонский.
- ⁶ Никита († 1704 г.), дважды — в 1661–1664 гг. и с 26 декабря 1667 г. по 6 ноября 1681 г. настоятельствовал в Кирилловом Белоозерском монастыре. 6 ноября 1681 г. хиротонисан во епископа Звенигородского.
- ⁷ Дионисиев Глушицкий монастырь, основан в начале XV в. на берегу реки Глушицы прп. Дионисием Глушицким, до 1680 г. включал в себя обитель Покрова Пресвятой Богородицы и Сосновецкую Иоанно-Предтеченскую пустынь.
- ⁸ Игуменство Никона в Глушицком монастыре было недолгим: с 17 мая 1675 г. по март 1677 г. В перечне П. М. Строева Никон не назван среди игуменов Глушицкого монастыря, но указано, что 15 апреля 1675 г. скончался игумен Дионисий, следующим с марта 1677 г. назван Кирилл (*Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 748*).
- ⁹ Иннокентиев Комельский Спасо-Преображенский монастырь основан в 1491 г. прп. Иннокентием на реке Еде, примерно в 50 верстах к юго-востоку от Вологды. В 1764 г. закрыт, к настоящему времени монастырские постройки полностью разрушены.

^а На обороте разными почерками: Августа в 15 день поставлен и грамота дана. К сей челобитной николаевской поп Федор вместо Рожества Богородицы прихожан по их велению руку приложил. К сей челобитной Савка Иванов сын Лихорев руку приложил. Сей сын мой духовный Иоан по его исповеди достоин ерейства, ключарь поп Косма руку приложил.

В перечне П. М. Строева в Иннокентиевом монастыре игумена с именем Никон нет, возможно, он был настоятелем между 1665 и 1675 гг.

- ¹⁰ Горний Успенский женский монастырь в Вологде, основан в 1590 г. старицей Доминикией. В 1918 г. закрыт, в 1995 г. началось восстановление Успенского храма, в 1996 г. возобновились богослужения.
- ¹¹ Согласно перечню П. М. Строева, игуменья Екатерина управляла монастырем до 1685 г. (*Строев П. М. Указ. соч. Стб. 771*; начало ее игуменства Строев относит к 1677 г.).
- ¹² Николаевский Коряжемский монастырь основан прп. Логгином († 10 февраля 1540 г.) и иноком Корнилиева Комельского Введенского монастыря Симоном († 1562 г.) в 1535 г. недалеко от Сольвычегодска при впадении реки Коряжемки в реку Вычегду. В 1863 г. упразднен и приписан к сольвычегодскому Введенскому монастырю, в 1896 г. вновь открыт. В 1917–1918 гг. закрыт, в 1930-х гг. разрушены Благовещенская церковь и колокольня. В 1989 г. уцелевшие здания перешли к церковной общине, и началось восстановление монастырского комплекса.
- ¹³ Согласно перечню П. М. Строева, игумен Варсонофий управлял Николаевским Коряжемским монастырем в 1668–1684 гг. (*Строев П. М. Указ. соч. Стб. 754*).
- ¹⁴ Песоцкий (Песочный) Успенский монастырь (Антониева Введенская пустынь) основан в XVI в. на берегу Кубенского озера на месте явления иконы Божией Матери «Успение». В 1764 г. монастырь был упразднен.
- ¹⁵ Спасо-Преображенский Рабангский монастырь основан прп. Филиппом, монахом Дионисиево-Глушицкого монастыря, в 1447 г. на реке Рабанге, в 1764 г. упразднен.
- ¹⁶ Спасо-Каменный Преображенский монастырь располагался в 45 км к северо-западу от Вологды на острове в Кубенском озере. Принято считать, что он был основан в 1260 г. (по другим данным, в 1269 г.) князем Глебом Васильковичем, первым из князей самостоятельного Белозерского княжества. С 1764 г. третьеклассный, в 1774 г. упразднен, в 1801 г. возобновлен, закрыт в 1925 г..
- ¹⁷ Тихон являлся архимандритом Спасо-Каменного монастыря с 15 августа 1672 г. до 1676 г. (*Строев П. М. Указ. соч. Стб. 743*).
- ¹⁸ Христофоровская Богородицкая пустынь, основана прп. Христофором, учеником прп. Логгина Коряжемского, около 1555 г. в 27 верстах от Сольвычегодска, в 1764 г. упразднена.

Протоиерей Владимир Рожков*

Записки священника

Глава 2 Начало священнического пути

«Отец Владимир, тебе пора отправляться. Отец Сергей тебя заждался, подходит Страстная седмица, ему одному будет трудно», — такими словами напутствовал меня владыка Николай, когда прошло 10 дней после моего рукоположения. За это время я под руководством протоиерея Леонида Малинина самостоятельно отслужил несколько дней великопостной службы.

В пятницу я выехал в г[ород] Чимкент. Ночью мне не спалось, мысли кружились вокруг слов из шестопсалмия: «Господи, скажи мне путь, вонже пойду». Люди думали послать меня за Алма-Ату, к китайской границе, в Уш-Тобу, я дал согласие поехать туда. Некоторые батюшки в комнате для приезжающих говорили, что Уш-Тоба хороший, богатый приход. Меня не интересовала такая оценка прихода, в жизни я не был голодным, а богатства не искал. То, что я хотел бы от своего священства, о чем я молил Господа Бога при своем рукоположении, я выразил в стихотворении «Никола Милостивый», его я написал на пятый день после хиротонии. Разве это не мои слова, не мои желания?.. Разве не удивительно и то, что Господь Бог снова направляет меня в места, где я уже был?

Я не знаю, каким я увижу Чимкент сейчас, но я помню, каким он был в 1921 году. В те годы курсанты Ташкентской военно-топографической школы летнюю практику проходили в Ташкенте и Сайраме. Мы жили на верхнем этаже двухэтажной чайханы. Рядом протекала быстрая Качкарата. За ней лежал старый город: четырехугольники плоских крыш, гребни глиняных дувалов — заборов, уличные стены домов без окон, кривоколенные узенькие тупички и улочки, острые иглы минаретов и пирамидальные тополей. Около чайханы с раннего утра до позднего вечера разноголосил муравейник восточ-

* Продолжение. Начало см.: Вестник церковной истории. 2012. № 3/4 (27/28). С. 140–148.

ного базара, напротив, на высокой горе, высились стены старинной узбекской крепости. В одном месте сползшая часть горы обнажила старинное мусульманское кладбище, в глине виднелись сидящие скелеты...

На вокзале меня встретил староста церкви. Положив вещи в багажник автомашины, мы поехали по бульжной мостовой, покрытой весенней жидкой грязью; деревья уже распустились, на пригорках зеленела молодая трава. Время не обошло город, индустриализация страны дала Чимкенту крупнейший свинцовый завод, мясокомбинат, маслозавод, машзавод. Территория города расстроилась: появились новые районы жилых домов. В одном из них была построена церковь, в которой мне надлежало служить.

Приехали за полчаса до начала всенощной под Вербное воскресенье, церковь была заполнена и окружена прихожанами. Мы пришли в сторожку, в которой временно проживал недавно приехавший настоятель протоиерей о[тец] Сергей Ногачевский. Мы поздоровались как старые знакомые, ибо встречались, когда он был настоятелем оренбургского собора. Вскоре подошел диакон, им оказался также знакомец по Оренбургу, бывший иподьякон Оренбургского епископа о[тец] Александр Стрельников. «Как хорошо! Мы так молились с о[тцом] Сергием, чтобы Вас назначили к нам», — сказал о[тец] Александр, обнимая меня. Я подумал, что, может быть, в этом — в их усердных молитвах скрывается причина внезапного изменения владыкой моего назначения. Мы все вместе прошли в алтарь, отец Сергей предложил мне сослуживать, и я облачился, но вскоре принесли младенцев для крещения, и я был послан крестить их. Так началась моя священническая служба на приходе. Я понял, что [за]кончился легкий, безответственный период диаконовства, а начался ответственный и трудный путь священства. Отныне я должен оставить робость, неуверенность, сомнения в своих знаниях, а возложив твердое упование на помощь Божию, все служение и требоисправления выполнять хорошо, как лучшие священники. «Отец Владимир, не робейте, все пойдет хорошо. Вот увидите, что Сам Господь будет помогать в службе. Я это испытал на себе», — ободрил меня о[тец] Александр, заметивший мою робость.

Никольский приход был двухштатным. Считалось, что один священник должен ежедневно служить в храме, а другой исполнять требы. Практически получалось, что мы оба были заняты с утра до позднего вечера — так много было треб. В то время не было никаких ограничений, и верующие исполняли на домах все требы. Трудно было представить, что верующий войдет в новый дом или квартиру без водосвятного молебна, не устроит поминальный обед по усопшим в сороковой день или годовщину, не вызовет к тяжелобольному священника причастить Св[ятых] Таин и пособоровать. Хоронили покойников с выносом из дома в храм и затем провожали на кладбище, отстоящее от храма в трех километрах. Часто можно было видеть такую процессию по городу: впереди несли выносные крест и иконы, крышку гроба, за ними шли облаченные священник и диакон, потом несли на руках или везли на автомашине, покрытой ковром, гроб с телом усопшего, за ним следовали провожающие, родные и знакомые, после них шел оркестр. Заупокойное «Святый Боже» священнослужителей чередовалось с мелодией траурного марша,

исполняемого оркестром. Так в основном хоронили греки, составлявшие 50% прихожан. Они же внесли особенность в обряд бракосочетания. Греки всегда настаивали, чтобы венчание совершалось ночью, в 11–12 часов, согласно их традиции. Приходилось уступать. Свадебная процессия греков часто нарушала ночной покой города. Впереди двигались музыканты с трубами и барабанами, затем целая стая детворы, потом шли молодые, сопровождаемые богато разодетой толпой родственников и знакомых. При обводе молодых вокруг аналая присутствующие бросали на них горсти риса, серебряных монет, пачки серпантина.

На обязанности священников Никольского храма лежало [также] обслуживание горняцкого городка Ленгер, районного села Белые воды и других мест. Выполнение таких больших обязанностей требовало от меня значительных физических сил, а особенно душевных. Ведь «доброе пастырство» — это искреннее сопереживание со всеми прихожанами их радостей, горестей, печали, скорбей. «Доброе пастырство» — это значит, что при крещении — порадоваться с родителями и восприимцами о рожденном младенце, при венчании — сказать теплые напутственные слова молодым, при отпевании — поскорбеть об умершем, при причащении и соборовании больных, в большинстве ждущих своего смертного часа, — найти слова христианского ободрения и наставления. Богослужение и требы совершай так, чтобы присутствующие «горе имели сердца», без раздражения и озлобления принимай несправедливые нападки и клевету от тех же прихожан, прощай их, покрывая своим снисхождением. Я постоянно ощущал такую тесную связь с прихожанами...

Однажды я поделился с о[тцом] Сергием своими думами о «добротном пастырстве», и он мне ответил: «Знаете, о[тец] Владимир, постоянно душевно гореть не сможете, просто не хватит душевных сил. Если на каждой требе, — добавил многоопытный, высокорелигиозный мой настоятель, — вздохнете от души несколько раз, сможете от всего сердца помолиться 2–3 минуты, то и это будет великим счастьем, как для Вас, так и для наших верующих прихожан». Конечно, о[тец] Сергей был полностью прав. Я понял его правоту, когда в течение одного дня я должен был совершать несколько погребений, крещений младенцев, напутствовать умирающих и ряд других треб. Казалось, можно было бы пасть духом от такой перегрузки, но оказался прав и о[тец] Александр, наш диакон: Сам Господь Бог стал невидимо помогать в служении, появилась физическая выносливость, а душевные силы стали укрепляться и пополняться через посылаемые Господом встречи, события и явления. Они ясно говорили, что я не одинок, что всегда со мной помощь Божия, преподанная мне благодать при рукоположении, «всегда немощная врачующая и оскудевающая восполняющая». Эти события отгоняли от меня всякие сомнения, навеваемые духом нашего времени, многократно увеличивали убежденность в истинности религиозного мировоззрения и необходимости несения тяжести креста доброго пастырского служения.

С 9 августа, со всенощной начиналась моя служебная седмица. На воскресенье приходилось празднование памяти св. великомученика и целителя Пантелеимона. Дня за 3 я стал готовиться к воскресной проповеди. Мне

не хотелось говорить с чуждого голоса, т. е. пользоваться обычными многочисленными сборниками проповедей, я предпочитал сказать маленькое, менее совершенное, но свое прочувствованное, продуманное «живое слово». Предстоял день памяти глубоко чтимого святого и естественно, что мои мысли кружились вокруг темы о святых мучениках, о наших небесных покровителях и помощниках. Хотелось сказать, что они остались такими же покровителями и на нынешний день, и для нас, живущих в XX веке. Но где найти доказательства своему убеждению, кто засвидетельствует правдивость моих слов?

В субботу после обедни меня позвали в старый город причастить больную. Я быстро собрался, и мы пошли. Квартира, в которую мы вошли, состояла из двух комнат. В первой комнате на кровати лежала больная — еще молодая, полная женщина, по плечам ее рассыпались волосы. Боли заставляли ее сильно страдать, она хваталась руками за голову и пыталась разорвать надетое на ней платье. Говорить она не могла, но по глазам я видел, что она всех узнает и понимает, что к ней пришел священник. Вокруг кровати стояли родные и знакомые. Я прочитал положенные молитвы, дал разрешительную молитву, поскольку она не могла говорить, приобщил Св[ятыми] Дарами. Мучительные страдания умирающей Екатерины вызывали у всех окружающих слезы, а у меня сердце разрывалось от сострадания. Но что мог я сделать? Трое врачей побывали у нее, и они оставили ей множество лекарств, в флакончиках и порошках лежавших на подоконнике. Я понимал, что только Господь Бог может помочь ей, и я сказал ей с полной убежденностью: «Екатерина, я вижу, как тяжело твое страдание. Проси своего ангела-хранителя, чтобы он помог тебе в этот час. Тебе будет легче, он услышит, поможет, я уверяю тебя в этом», — с этими словами я разоблачился и вышел в соседнее зало, чтобы взять шляпу и летнее пальто. «Батюшка, может быть, Вы выпьете стакан чаю, ведь Вы прямо из церкви, когда еще придете домой», — сказала хозяйка квартиры, мать больной. «Хорошо, налейте стакан, выпью», — ответил я, присаживаясь к круглому столу и думая, что там, в храме, вероятно, меня ждут новые требы и домой я попаду в лучшем случае к вечеру.

Больная стала затихать, присутствующие перешли в зало и сели вдоль стен на стулья. Вдруг одна женщина обратилась ко мне с такими словами: «Отец Владимир, а Вы верно сказали, что святые угодники всегда помогут, если им молиться. Я сама получила великую помощь от св[ятого] великомученика и целителя Пантелеимона». При этих словах я вздрогнул, как бы от электротока, и поспешно сказал ей: «Да? Вам помог великомученик Пантелеимон? Расскажите нам, когда и как это было». — «Вот как это было. Замуж меня отдали молодой, мы жили с родителями мужа. Через год у меня родился сыночек, все мы были сильно рады, но через месяц я заболела, у меня появилась грудница. Ребенка кормить не могла, его нянчила и кормила свекровь, а я целую неделю лежала в постели, обливалась слезами и молилась святому великомученику Пантелеимону, чтобы он исцелил меня. В седьмую ночь, истомившись, наплакавшись, я задремала, мамаша с сыночком находились и спали в соседней комнате. Вдруг мне снится ярко-ярко. В комнату входит великомученик Пантелеимон таким, каким его рисуют на иконах. Подходит

ко мне, прикасается к больной груди ложечкой и говорит: “Ты здорова”. Я страшно испугалась, приподнялась на кровати и закричала: “Мамаша, давайте ребенка, я его кормить буду!” В комнату вбежала перепуганная мамаша, а я ей кричу: “Давайте сыночка!” Она на меня смотрит и думает: не иначе сошла с ума. Я продолжаю кричать. Тогда она идет и приносит ребенка, я взяла его на руки, приложила к груди. Он сразу взял грудь и стал сосать, болезни как не бывало, как будто я и не болела. Ваши слова, о[тец] Владимир, меня и затронули».

В воскресенье, 10 августа, я говорил проповедь о святых мучениках, о святом великомученике Пантелеимоне, об их помощи нам, живущим на земле. Убеждал, что святые угодники небесные заступники христиан и поныне. Глядя на молящихся, я видел, что среди них стоит и та женщина, которая вчера рассказала нам о полученном исцелении. Свою воскресную проповедь я закончил такими словами: «Я убежден, что среди вас, заполняющих этот храм, немало людей, которые за свою жизнь прибегали с горячими молитвами ко святым и просили их помощи. Многие и получали ее. Также убежден, что многие обращались к ныне прославляемому святому мученику Пантелеимону, обильно изливавшему свою помощь на всех православных. Закончим же нынешнюю службу молебным пением к нему. Аминь». Спускаюсь с амвона и идя на середину храма, я по глазам молящихся видел, что мои слова нашли путь к их сердцу.

Город Чимкент очень разбросан. Жилые кварталы располагались по долинам, или, как там называют, балкам. В городе в то время была одна автолиния: Свинцовый завод—Кирпичный. Мы не имели автомашины и на требы ходили пешком. Путь занимал полчаса-час времени. Обычно во время пути я вел разговоры с провожатым, приходившим с вызовом. Так было и на этот раз. Мы шли в третью зеленую балку причастить тетку моей спутницы, женщины лет 35. Она сама начала разговор со мной: «Отец Владимир, как хорошо и какую правду Вы сказали о помощи святых! Я слушала Вас и вспоминала, как мне помог святитель Николай, я его сильно почитаю и всегда ему молюсь».— «Святитель Николай? Я о нем слышал так много, когда служил в уральском соборе. Знаете, на престольный праздник ставили тысячи свечей. Приходит один, а покупает свечей 20, оказывается, что деньги соседи дали. Не только русские, но и киргизы. Вас как звать?» — спросил я спутницу. «Ксенией».— «Ксения, расскажите, пожалуйста, как вам помог святитель Николай».— «Хорошо, слушайте. Перед войной мой муж работал на железной дороге. Как война началась, его взяли сразу, я осталась одна с двумя мальчиками. Была молодая, ладная, и ко мне сильно приставали мужчины, меня это обижало до слез. Меня крушила дума: как жить, как прокормить детей. Вы сами знаете, какое тяжелое время было. Стали давать огороды, дали и мне на службе мужа, огороды в лугах, разрезали на участки и стали обрабатывать. Все городские, никто ничего не знает, не умеет: как сделать грядки, как сажать. Кроме того, каждому нужно было вырыть колодец для полива. Люди работают, а я вожусь на своем огороде, ничего не ладится. В голове одна только дума: как накормить детей. Хлеб был дорогой — буханка 250 рублей. Вдруг вижу: из ближайшего лесочка вышел и идет вдоль огородов мимо меня ста-

ричок, небольшого роста, белая бородка. Останавливается около меня и говорит: “Что это ты больно трудишься? Сядь, отдохни, покушай хлеба”. — “Что ты, дедушка,— ответила я ему, а сама подумала: Господи, как жить? Старики привязываются. Говорит о хлебе, а я не знаю, как накормить детей.— Мне нужно сделать грядки и колодец выкопать”. — “А ты не торопись, успеешь все сделать, садись, покушай. Ты не беспокойся, я дам хлеба и ребятишкам”,— сказал он, как бы прочитав мои мысли. Тогда я села. Старичок вынул из сумки газету, развернул ее и вынул буханку хлеба. Отрезал мне кусок, а остальное передал мне со словами: “А это возьми ребятишкам”. Солнце пошло на закат. Я в душе печалилась, что ничего за день не сделала. Он, как бы снова читая мои думы, промолвил: “Не расстраивайся: и грядки будут, и колодец будет”. С этими словами старик встал и медленно ушел в лес. Видя, что наступил вечер и все уходит домой, я также покинула свой огород. На следующий день рано-рано я побежала на огород, чтобы наверстать потерянный день. Место было знакомо, и я пришла на огород раньше всех. Когда же взглянула на свой огород, то ужасно удивилась: на нем были сделаны грядки и выкопан колодец. Смутилась и подумала: может быть, я заблудилась и пришла на чужой огород? Но вскоре стали приходиться соседи, ошибки не было — я была на своем огороде. Смущенная, я никому не сказала, что нашла на огороде, и занялась посадкой, как умела. Затем летом на огороде стали происходить такие же непонятные, удивительные события. Как ни приду на огород, а он у меня уже полит. Что за диво, кто поливает? Старалась приходиться на огород в самую рань и никого не застывала. Ужасно расстроилась, может быть, кто считает мой огород своим? Сказать боюсь. Подошла осень, урожай уродился хороший. Надо собирать овощи, а я все волнуюсь, боюсь что-либо брать — придет кто-то и скажет: это мой огород, что ты берешь? Но никто не приходил. Я собрала большой урожай, набрала всего, хватило на всю зиму детям и мне. Я убеждена, отец Владимир,— закончила Ксения с величайшим убеждением свой рассказ,— это приходил святитель Николай. Я так усердно молилась ему, чтобы он спас моих детей от голода, помог мне их вырастить». Слушая Ксению, я также не сомневался, что слушаю очевидца, рассказывающего об одном чуде из бесчисленного множества чудес святителя Николая. В душе звучали слова акафиста: «Пище и отрадо к тебе прибегающих... Николае, великий чудотворче!»

«Приезжали из Белых вод, просили приехать к ним. Может быть, Вы, о[тец] Владимир, с Антоном Андреевичем съездите?» — спросил меня о[тец] Сергей. «Конечно, съездим»,— ответил я. Антон Андреевич Радченко служил в Никольском храме регентом и псаломщиком. Выше среднего роста, полный, русый, круглолицый, слегка прихрамывающий на левую ногу, Радченко служил в этом приходе давно и знал все порядки. Я попросил его собрать все, что нам потребуется для совершения треб в районе, сам взял запасные Св[ятые] Дары и крестильный ящичек. Собравшись, мы отправились на остановку автобуса, курсирующего между Чимкентом и Белыми водами.

Через час мы были на месте, в доме, в котором обычно останавливались. Весть о нашем приезде быстро распространилась, и вскоре к дому потянулись

заинтересованные. В основном в районе совершалось крещение младенцев и детей, которых по каким-либо причинам родители не смогли свозить в церковь. Вечером с Антоном Андреевичем я отправился причащать и соборовать больных. Когда мы вернулись, то у дома снова собрались желающие покрестить младенцев. Молодые мамы держали ребятшек на руках, а рядом стояли также молодые кумовья, все были весьма оживлены, но слегка настрожены необычностью предстоящего. Крещение мы закончили в 11 часов ночи. Утром же к дому наоборот пошли пожилые женщины и старики, не имеющие ни физических сил, ни материальных средств для поездки в чимкентскую церковь. После прочтения утренних молитв я провел общую исповедь, вызвавшую у многих слезы, и стал причащать Св[ятыми] Дарами. После причащения прочитали благодарственные молитвы, затем совершили общий и заказные молебны, общую панихиду с заочными отпеваниями. Подошло несколько запоздавших крестин, совершили и их. Собрались в Чимкент, но пришли люди и стали просить, чтобы мы задержались и послужили в близлежащем поселке Афган. Мы согласились, перебрались в поселок и стали совершать просимые требы в вышеописанном порядке.

Мы разместились в добротном, вместительном доме. К нему примыкал ряд хозяйственных построек, а за ними раскинулся большой фруктовый сад. Хозяева дома, муж и жена, люди за 60, были знакомы Антону Андреевичу. Уже поздно ночью, закончив все требы, мы и хозяева сели ужинать. Обычно, как я заметил, за столом шел разговор по религиозной и церковной тематике. Этому способствовало и то, что все мы находились под впечатлением картины глубокого религиозного чувства народа, проявляющегося в многочисленности треб. Налицо было торжество православия. «Как хорошо у вас в поселке, какие дома, постройки, сады!» — сказал я, обращаясь к хозяйке дома, вспоминая впечатления, полученные при ходьбе с требами. «Да, о[тец] Владимир, слава Богу, — ответила хозяйка. — Николай Чудотворец нас милует». — «Почему Вы выделяете св[ятителя] Николая Чудотворца, разве у Вас есть к этому какие-либо основания?» — взглянув на передний угол, спросил я. В нем было много икон, но среди них выделялся большой образ святителя Николая, перед иконой горела лампада. «Да, выделяю, всю жизнь к нему прибегаю за помощью. За жизнь чего только не было: война, голод, коллективизация, ссылки, снова война, снова голод, — из всего вывел». — «Все же удивительно, — ответил я, — вот, я служу священником, встречаюсь со множеством людей, и какое множество их говорит о полученной помощи от святителя Николая. Как правдивы слова акафиста: “Радуйся, чудес пучино, Богом излианная!” Действительно, море чудес. Вы, может быть, расскажете, как помогал вам святитель Николай?»

«Хорошо, — ответила хозяйка. — После 1937 года в нашем поселке появились сосланные, несколько священников, одного из них они называли архиереем. Как они могли жить? Только подаянием. На квартиру их тоже не больно пускали. Видите, какой у нас большой сад? Когда мы здесь селились, то на двор нарезали четверть десятины. Я предложила сосланным священникам в глубине сада вырыть землянку и в ней жить. Они ее и сделали. А кормиться?»

Я их подкармливала, кое-кто из женщин, знавших их, приносил кто что мог. Наступила война, продукты стали иссякать. Я продолжала делиться с ними, но задумывалась: а как же дальше будем? Отводила душу в молитве святителю Николаю, просила его о помощи, за свою жизнь не раз я прибегала к нему с горячей молитвой и не раз он помогал. Услышал он и эту мою молитву. Когда все в доме [за]кончилось, не осталось и горсти муки, я загорюнилась, вышла к воротам и стою. Вдруг вижу: едет на ишаке старый казах, одет в овчинный полушубок, на голове лисий малахай, сзади его лежит мешок с чем-то. Думаю: куда он едет и с чем? Глядь, он подъезжает к нашим воротам и говорит: “Хозяйка, пшеницы надо?” У меня перехватило даже дыхание, в то время найти человека, продающего хлеб, было невозможно. Я очень обрадовалась, но вспомнила, что сейчас у меня нет денег. “Бабай, очень надо. Все кончилось, есть нечего, ни семье, ни людям,— я рассказала ему, кто у меня живет,— но у меня нет сейчас денег”.— “Ничего,— ответил старик,— после отдашь”. С этими словами он снял мешок с пшеницей и поставил его около меня, сел на ишака и поехал обратно в горы, не сказавши, кто он, как звать, откуда. Я стояла ошеломленная неожиданным и обрадованная случившимся. Привезенную пшеницу стали молотить на ручной мельнице, мешать с картошкой и печь лепешки. И знаете, о[тец] Владимир, Вы не поверите — дальше было так: как только пшеница у меня кончается, то старик казах является и привозит снова хлеб. Так было до конца войны, я до сих пор не знаю его имени и откуда он приезжал. Кто же мне помог? Только он, наш заступник, святитель Николай Чудотворец»,— закончила свой рассказ хозяйка и перекрестилась.

Мы, слушавшие ее с напряженным вниманием, последовали ее примеру: осенили себя крестным знаменем. Я же в душе тайно возблагодарил Господа Бога за то, что Он дал мне возможность встретить еще одного очевидца чудес святителя Николая. Какое их множество! В бытность еще диаконом в г[ороде] Уральске я раз сказал настоятелю о[тцу] Андрею Игнатьеву о своем удивлении от исключительного почитания верующими Божьего угодника. «Знаете, о[тец] Владимир,— ответил он,— здесь и удивляться нечему. Вряд ли найдется хотя бы один верующий, который за жизнь не прибегал к святителю Николаю в тяжелых обстоятельствах и чтобы он не помог. Вот и я с вашим отцом (Царство ему Небесное!) только с его помощью остались живы. После Крещения поехали мы с о[тцом] Ильей на Кинделю со святой водой, поехали на вашей лошади. Поселок небольшой, быстро обошли, но уже начало темнеть. Хозяева говорят: “Оставайтесь ночевать, а завтра поедете”. Мы же думаем: дорогу хорошо знаем, лошадь хорошая, часа через 3 будем дома, может, попутчики будут из Покровки. Выехали, отъехали верст 10, и начался сильный буран, быстро сбились с дороги. Что делать? Ехать дальше — пропадем наверняка, лучше пробиться к омету сена и там дожждаться утра. Подъехали, остановились за ветром, распрягли лошадь, покрыли ее и стали ждать. Буран хотя и сильный, но ночь лунная, на расстоянии десяти сажен видно. Вдруг замелькали огоньки — идут волки, голов десять, обложили нас полукругом и сели. Мы напугались до ужаса: разорвут и лошадь, и нас. А они подбираются все ближе и ближе. Тогда мы с о[тцом] Ильей встали на колени

и давай молить св[ятителя] Николая: спаси нас не ради нас, а ради детей наших, не оставь их сиротами! Пожалуй, никогда так горячо не молились. И что же? Встает один волк, затем другой, третий. Думаем, что пришел наш конец, а они повернулись и цепочкой пошли в степь. Вскоре наступило утро, буря прекратилась, и мы благополучно приехали в станицу». Об этом случае с отцом впервые я услышал от о[тца] Андрея Игнатъева. Обычно к Крещению мы уезжали в город для продолжения учебы, но можно ли сомневаться в словах столь надежного свидетеля, как протоиерей о[тец] Андрей?

К нам часто заходила одна из прихожанок храма, Варвара Алексеевна В., человек очень сложной судьбы, высокообразованная, воспитанная, до революции пытавшаяся проявить себя в искусстве, после изучавшая стенографию и работавшая стенографисткой на всесоюзных съездах и совещаниях. При встрече я рассказал ей о поездке в Белые воды и об очередном свидетеле чудес св[ятителя] Николая. «Все же, Варвара Алексеевна, я никогда не мог представить, что на свете так много людей, получивших помощь от святого угодника». — «А я нисколько, о[тец] Владимир, не удивлена, — ответила она. — Святитель Николай помогает людям не только в большом, но и в малом. В рассказанных вами случаях помощь оказывается в тяжелейших обстоятельствах: св[ятитель] Николай спасает от голода, сохраняет детей, спасает от волков, а совсем было маленькое дело со мной, и св[ятитель] Николай все же отозвался на мои молитвы. Все возможно, что Вы даже посмеетесь надо мной, но я глубочайше убеждена, что это была помощь св[ятителя] Николая, а потому все расскажу». — «Что Вы, Варвара Алексеевна, Вы хорошо знаете, что я отлично могу видеть великое в малом, прошу рассказать». — «Это было, когда я была девушкой и мы жили в селе. У меня была подруга, мы часто делились. Раз я заперла квартиру и пошла к ней, ночь была прекрасная, лунная, и я засиделась у нее, отправилась обратно почти в полночь. Идти нужно было километра два. Когда я пришла домой, то оказалось, что я потеряла ключ. Очень расстроилась: где искать потерянный ключ, — и обратилась с самой искренней мольбой к святителю Николаю. И представьте, как будто внутренний голос какой-то говорит мне: иди, ключ лежит в ручье, который переходила. Я послушалась — ни малейшего сомнения — и тотчас пошла. Подхожу к ручью, гляжу в воду и вижу — у бережка лежит, сверкая под луной, мой ключ... Меня никто не разубедит, что это был ответ на мою искреннюю, горячую молитву к святителю Николаю».

Когда вызывают на дом причащать больного, то часто говорят: напутствовать. За этим выражением скрывается глубокий смысл. В подавляющем большинстве больные, вызывающие священника, — это люди готовящиеся пойти в последний путь, ожидающие своего смертного часа. Для них последняя исповедь и последнее причащение Св[ятых] Даров — напутствие. Сейчас сильно распространился рак желудка. Часто больной не в состоянии принять малейшую крошку, чтобы его не стошнило. В этих условиях перед священником встает вопрос: как быть? Однажды я попал в такое положение. Меня вызвали на улицу Шмидта, пришла за мной дочь больной, прилетевшая с Колымы. Дорогой она мне рассказала, что мать ее болеет с полгода раком же-

лудка и сейчас кроме воды ничего не может принимать. Врачи дочери сказали, что мать доживает последние дни, а может быть, часы.

В комнате я увидел еще не старую женщину, лежавшую в кровати. Она так исхудала, что по существу были лишь кости и кожа, ежеминутно ее рвало. Я поисповедовал ее, но причастить Св[ятых] Даров не решался... решил напоить крещенской водой. Обратился к присутствующим с просьбой дать мне ее, полагая, что в доме вода имеется, ибо в переднем углу висели иконы в кивоте, украшенном полотенцами. Но в доме крещенской воды вопреки ожиданиям не оказалось. «Отец Владимир, а у меня есть вода из источника препод[обного] Серафима Саровского, может быть, ее дать?» — спросила меня стоявшая в толпе женщина. «Вода из источника Серафима Саровского? — спросил я, удивленный необычностью предложения: вдруг в Чимкенте, за тысячи верст от Сарова, находится вода из источника. — Где? Здесь, в этом доме?» — «Нет, не здесь, а у меня дома. Я живу рядом, могу сходить». — «А как она к вам попала?» — «Я привезла ее с собой. Мы жили недалеко от Сарова, летом мы, девушки, ходили в него [в Саров], я еще тогда взяла воды из источника батюшки Серафима. При коллективизации мы уехали сюда, я с собой взяла эту воду». — «Ну, что же, сходи, принеси», — сказал я и задумался. Сейчас 53-й год, а она взяла воду перед революцией — почти 40 лет¹. Что с водой, сохранилась ли?..

Вскоре пришла женщина и протянула мне флакон. Я взял его и поднял в руке к свету окна. Флакон был наполнен светлой, чистой жидкостью, без всякого осадка на дне. Я открыл флакон, налил в ложку воды и прежде всего выпил сам, по вкусу вода была свежей, как бы только что взятая из колодца. Тогда я налил вторую ложку воды и дал выпить отходящей в дальний последний путь страждущей рабе Божией Марии. Я сам стал свидетелем сохранности воды, взятой 40 лет тому назад из источника преподобного Серафима Саровского. Антирелигиозники, не имеющие возможности опровергнуть сохранность крещенской воды, объясняют ее тем, что священники применяют при освящении серебряные кресты. Сверхнаивно! Серебряный крест (а часто его и нет) на целую текущую воду! Я свидетельствую, что вода у этой женщины сохранилась в обычном стеклянном флаконе, закупоренном пробкой. Им не понять, что Духом Святым всякая душа живится, Духом Святым освятилась вода в источнике батюшки Серафима, Саровского чудотворца.

В воскресные и праздничные дни Никольский храм г[орода] Чимкента не вмещал молящихся, часть их стояла снаружи, у дверей. Впереди, у амвона, стояли стайками дети, мальчики и девочки, а дальше люди пожилого возраста, но среди них вкрапливались лица молодежи обоего пола. При взгляде на них у меня возникала одна и та же мысль: кто же созывает этот народ? Можно понять, когда приходят сюда люди 40-летние и старше. В детстве они слышали о Боге, видели православный уклад жизни в доме своих родителей, а когда сами прожили 40 лет, то поняли уже на опыте собственной жизни, что истина, радость и успокоение только в Боге, в храме. Объясняю присутствие детей: они слышат о Боге от верующих родственников, с которыми и пришли в храм, а детское сердце так легко воспринимает весть о Боге. Но что побудило прийти сюда молодежь?

«Батюшка, идемте причащать бабушку, она уже пятый день просит привести батюшку», — сказала молодая женщина, прилично одетая, обращаясь ко мне по окончании службы. «А далеко нам идти?» — «В сады на р[еке] Бадаме, там мы живем». Река Бадам от церкви в расстоянии 5 км, следовательно, часа полтора ходу. «Бабушку как звать, сколько ей лет?» — спросил я молодую женщину дорогой. «Ей уже 80 лет, звать Верой». — «Вы ей внучкой приходите?» — «Да». — «А сколько вам лет, замужем?» — «Мне двадцать восемь, есть муж и дочка», — ответила спутница. «Вы говорите, что бабушка пятый день ждет священника, чтобы причаститься Св[ятых] Даров. Простите, если я полюбопытствую: а как Вы относитесь к религии? Веруете?» — «Да, я Бога признаю, — с полной определенностью ответила женщина, — верую, я и свою дочку крестила». — «Может быть, на Вас влияла бабушка? Вы молодая, а наше время атеистическое; всюду только и твердят, что Бога нет, а религия — обман». — «Пример бабушки на меня не влиял, но я видела в жизни такое, что меня убедило в том, что Бог есть, вот и верую». — «Может быть, Вы расскажете, что видели и что Вас убедило», — попросил я.

Моя спутница не стала отказываться, сразу же приступила к повествованию: «Во время войны я была молоденькой девушкой. Всех призывали работать или учиться на курсах, чтобы работать на определенном производстве. Нас, 11 девушек, направили в школу за Фрунзе, к г[ороду] Пржевальску, это за полтысячи километров от дома. Сколько было слез у нас и наших родителей, но так или иначе нас собрали, и мы поехали. Скоро дорожные впечатления заставили нас примириться с разлукой, начались шутки, смех, разговоры, но одна девушка не принимала горячего участия в наших шутках, все больше отмалчивалась. Когда наступила ночь и стали готовиться ко сну, то она вынула из сумки маленькую книжечку и стала читать. Мы заинтересовались и стали приставать к ней, чтобы она показала нам книжечку. Она показала, книжечка оказалась молитвенником, данным ей ее родителями в дорогу. Мы попытались смеяться над ней, но она перестала даже разговаривать с нами на эту тему. Она оказалась столь упорной, что читала свой молитвенник и в школе. В школе нам было тяжело, и мы решили бежать домой, пригласили ее, она согласилась. Мы знали, что бежать нам нельзя, нас могут задержать, а посему решили, что сядем в поезд только на соседней станции. Она находилась километрах в двадцати, идти к ней нужно было берегом озера, заросшего сплошной стеной 5–6-метрового камыша. Мы вышли часа в два, сперва шли бодро, тропинка была хорошей, но дальше стала пропадать и наконец завела нас в тупик. Мы испугались, начали выбираться и окончательно заблудились. Вокруг был непроходимый камыш. Сделали еще несколько попыток, но безрезультатно. Надвинулась ночь, и мы в ужасе остановились, каждый шорох вызывал мысль о хищных зверях, сбились в кучку, прижались друг к другу и так сидели. Кончилась ночь, взошло солнце, наша подружка вынула свою книжечку и почитала ее. Ободренные днем, мы решили двинуться на запад. Стали пробираться прямо через камыш друг за дружкой, так мы двигались с полчаса. Вдруг впереди замелькали просветы, и мы вышли на торную тропу и вскоре увидели водокачку. Станция оказалась той, на ко-

торую мы и шли. Через несколько часов пришел попутный товарный поезд, мы забралась в переполненный вагон и поехали. У каждой сердце ёкало — пойдет контроль и сразу обнаружит, что мы бежали, кроме школьных удостоверений у нас никаких документов не было. Контроль пришел, потребовали документы, мы предъявили свои удостоверения. Они поняли, что мы бежали, и приказали приготовиться к высадке. Подошли и к нашей подруге, она подала такое же удостоверение, но ей ничего не сказали о высадке. Мы, пораженные этим, сказали контролю: «Почему ее вы не высаживаете? У нее такое же удостоверение». — «Ничего подобного», — ответил контролер. — «У нее совсем другой документ, правильный». — «Но как же», — закричали мы все, — она же наша подруга!» — «Нет, она не ваша подруга», — ответил контролер и пошел дальше. На станции нас сняли с поезда, отправили обратно в школу, судили товарищеским судом за дезертирство, и мы стали продолжать учебу. Наша же подруга уехала обратно домой к родным и там провела военное время. Вот откуда у меня вера в Бога».

На берегу арыка, протекающего через фруктовый сад, стоял четырехоконный дом, крытый камышом, построен он был из сырцовых самодельных кирпичей. Из просторных сеней, используемых как летняя кухня, мы попали в первую комнату. В углу, у стены стояла деревянная кровать, а на ней лежала маленькая худощавая старушка, повязанная белым платочком и одетая в темное платье. «Здравствуй, Вера, вот я и пришел», — сказал я, войдя в комнату и обращаясь к старушке. За мной вошла внучка, в комнате была, видимо, мать моей спутницы и несколько соседок. «Слава Богу! Дождалась я тебя, благослови, батюшка», — еще бодрым голосом ответила старушка. Приготовив на столике Св[ятые] Дары, я стал читать положенные молитвы, не торопясь, выговаривая каждое слово. Старушка с напряженным вниманием слушала их и крестилась. Затем попросил всех выйти и поисповедовал Веру. У нее чувствовалось какое-то приподнятое настроение, какое бывает, когда мы получаем удовлетворение затаенного сильного желания. Причастив бабушку, я стал собираться, вдруг Вера обратилась ко мне: «Батюшка, я нынче умру». В ее словах чувствовался не вопрос, а утверждение. Это поразило как меня, так и присутствующих, я подумал, что, может быть, она от старости уже заговаривается. «Один Господь ведает, когда наступит кому час кончины», — ответил я, подошел и благословил ее со словами: «Пребудь с Господом». — «Нынче я умру», — снова с твердой уверенностью сказала мне старушка.

На следующий день часам к 6 вечера я пошел в храм, чтобы отслужить вечернее богослужение. Издали увидел, что в храм вносят покойника. На машине лежал деревянный крест, у дверей храма стояла крышка гроба. Войдя, среди толпы провожающих я увидел мою вчерашнюю спутницу к бабушке Вере. «А Вы почему здесь, кого провожаете?» — спросил я ее с удивлением. «Батюшка, я провожаю бабушку». — «Как так, разве бабушка умерла?» — «Да, она умерла. Вчера, когда Вы ушли, она попросила сводить ее в сад, я ее сводила, она пришла, снова легла на постель, попрощалась со всеми нами и умерла. Это было часа через 2 после Вашего ухода». Я пошел в алтарь, облачился в черную ризу, открыл царские двери и приступил к отпеванию

бабушки. На ее лице лежал посмертный покой, умиротворение, она как бы спала. Белый новый платочек покрывал голову, на лбу лежал венчик, одета была не в темное платье, а в белую новую кофточку с маленькими розовыми цветочками. Закончилась долгая человеческая жизнь. Господь даровал ей то, о чем просит каждый верующий, — христианскую, безболезненную, непостыдную, мирную кончину. В окна падали последние лучи заходящего солнца, облачко кадильного дыма поднималось ввысь, трепетали огоньки горящих свечей. Слова погребального канона и стихир поражали глубиной своего содержания и потрясающей правды, на глазах провожающих были слезы скорбной печали. Все видели исполнение извечного закона для людских поколений: «Яко земля еси и в землю отыдеши, аможе вси человецы пойдем».

Поездки в район были утомительными, а посему, когда о[тец] Сергей предложил мне с Антоном Андреевичем поехать в горняцкий поселок Ленгер, я не отказался, но в душе посетовал на этот приказ. Совесть обличала меня за сетование: там же нас ждут верующие, которым трудно, а иногда и невозможно приехать, как-то: тяжелобольные и подобные им. Ум же, лукавствуя, отводил этот упрек, выдвигая довод, что, мол, все могут доехать дачным поездом. Чимкент связан с Ленгером железной дорогой, часа через два мы доехали, быстро дошли от вокзала до дома, в котором обычно совершали требы. Хозяин дома пошел оповещать прихожан о приезде священника... Раньше всех пришла женщина и попросила пойти с ней причастить и пособоровать больную, мы тотчас же собрались и пошли. Дорогой я стал спрашивать о больной, и вот что поведала мне женщина: «Больная — моя единственная дочка, я вдова. Ах, какое большое у меня горе! Мой муж работал на шахте, имели дом, наступила война, его взяли на фронт, вскоре убили, я осталась с дочкой, она училась в горном техникуме. Закончилась война, дочка [за]кончила учебу, поступила работать, стало легче жить. Дочка — хорошая, добрая, красивая, я радовалась, думала: выйдет замуж, будут внучата. Но скоро у дочки заболели ноги. Здесь ее лечили-лечили, но не вылечили и послали в Ташкент. Там определили, что у нее туберкулез костей, решили положить в гипс. Она лежала 6 месяцев, а когда гипс сняли, то оказалось, что у нее парализовало ноги и они омертвели. Стали лечить по-другому, но также ничего не добились. Вызвали меня, сказали, что она неизлечима и приказали забрать домой. Привезла, она 6-й год лежит, мучается».

Лето было в полном разгаре. Дома, удаленные от уличных штакетных оградок вглубь усадеб, скрывались в зелени. В большинстве мощеные дорожки от входных калиток до домов превратились в ниши из виноградных лоз с висящими зреющими гроздьями. Вокруг было столько красоты, что трудно было поверить, что где-то здесь есть несчастные люди. При входе в комнату мне прежде всего бросилось в глаза открытое широкое окно, из него был виден на фоне ясного голубого неба горный хребет Алатау со снеговыми вершинами и сам сад, под окном была клумба цветов. Затем я увидел, что к окну придвинута кровать, а на ней лежит больная, покрытая белой простыней до подбородка. Лицо ее было редкой красоты, волны черных кудрей обрамляли головку, правильные тонкие черты лица, резко очерченные овалы-

ные брови, голубые глаза, в которых застыла какая-то робость, удивление и мольба. К кровати была приделана подставка, а на ней лежала развернутая книжка, на маленьком столике стоял радиоприемник, по комнате бегал, резвился маленький котенок, играя бумажкой.

«Как тебя звать?» — спросил я девушку и положил на ее голову руку от острого прилива сострадания к больной. «Меня зовут Клава», — ответила она, и я увидел, как ее глаза наполнились слезами и они покатались по щекам. «Ты хотела, чтобы мы пришли и помолились с тобой?» — «Да», — прошептала она. «А в Бога ты веруешь?» — «Да, верую», — вторично прошептала девушка. Антон Андреевич поставил на стол блюдо с мукой. Посредине блюда стоял стаканчик с маслом и вылитым в него красным вином, а вокруг него были воткнуты семь зажженных свечей и семь помазков, рядом положил полотенце и блюдо. Мы приступили к соборованию. После первого прочтения св[ятого] Евангелия наступил момент первого помазания, я взял помазок, обмакнул его в освященный елей и подошел к больной. Глаза ее по-прежнему были полны слез. Я сделал крест на лбу, на щеках, близ носа, губ, оставалось сделать на руках и груди. Протянул руку к простыне, чтобы откинуть ее, но девушка вздрогнула и испуганно вскрикнула: «Не надо, не открывайте». Но заметив на моем лице удивление и не зная, что помазание груди и рук положено по чину соборования, тихо добавила: «Мне стыдно». — «Клавочка, не стыдись меня, ведь я же священник и старик, нужно помазать руки и грудь». Я откинул простыню, девушка напряженно глядела на меня. Я собрал все силы, чтобы лицо мое скрыло от нее и окружающих мой ужас при виде ее тела. Собственно говоря, его не было, лежал живой скелет человека, обтянутый бледной прозрачной кожей, просматривалась буквально каждая косточка, к тому же кости рук и ног были парализованы и скрючены. Подавленный увиденным, я продолжал соборование.

Закончив соборование, я взял стул и сел около Клавы и стал говорить с ней. Но что можно было сказать этому страждущему человеку? Только одно, самое лучшее, самое правдивое, могущее объяснить ей ее жизнь и дать надежду. Я стал говорить о христианском понимании человеческой жизни с его верой во Христа, в воскрешение мертвых, в жизнь будущего века, что и она, Клавочка, через веру во Христа становится участницей жизни вечной. Она с широко раскрытыми глазами жадно слушала меня. Затем я встал, благословил ее, поцеловал в лоб и со словами «пребудь с Господом» вышел, провожаемый взглядом, в котором светилась не робость и мольба, а благодарность и умиротворение. Когда мы вернулись, то нас ждали пришедшие прихожане. Мы стали совершать требы в установленном порядке. На следующий день мы возвращались в Чимкент. Голос совести вновь укорил меня за нежелание поехать в Ленгер и говорил, что только ради одной Клавочки я должен был бы быть в нем. Ведь кто, кроме священника, мог ей, переносицей величайшие страдания и приближающейся к неизбежной смерти, говорить о надежде на лучшее, причастить Св[ятых] Даров и тем самым, по слову Писания, сделать ее соучастницей жизни вечной? Больше я не был в Ленгере. Ничего не знаю о Клавочке, но думаю, что [за]кончились ее земные

страдания. В Чимкенте я заметил, а последующие годы священства дали множество подтверждений, что приглашение священника причастить тяжелобольного, истомленного многолетними страданиями, часто предваряет кончину страдальца. Для них часто в прямом смысле звучат слова: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром!»

Священнослужение не внесло в мою жизнь разрыва с прошлым. Я, как и раньше, интересовался общенародной жизнью, разделял общую радость и общую печаль, в доме по-прежнему были газеты «Известия», «Литературная газета», журналы, книги, брошюры. Я ходил на базар и в магазины, часто с женой и отцом Александром, молодым дьяконом, делали прогулки за город, в район кладбища, откуда открывался прекрасный вид на весь город и снеговой хребет Алатау. Я имел крепкую сердечную и духовную связь с тысячами прихожан, являвшимися честными, трудолюбивыми гражданами Советского Союза. Среди них, на вид как бы простых людей, сколько было мудрых, ясно представляющих и понимающих всех и вся...

Став священником, я получил большую возможность наблюдать за жизнью множества людей под углом гордого утверждения: каждый кузнец своего счастья. Люди, приходившие в храм на исповедь, и особенно те, больные, приглашавшие меня на дом, рассказывали мне о своей жизни без всякой утайки и без прикрас. Ежедневно я видел всеобщую радость при крещении, счастье и восторженность при венчании, скорбь, слезы и даже отчаяние при погребении родных и близких. В Ашхабаде произошло катастрофическое землетрясение со многими тысячами человеческих жертв. О нем не сообщали газеты, но я встречал людей, которые были на восстановлении города в первые же дни и своими глазами видели размеры и ужас ашхабадской катастрофы. 5 марта 1953 г[ода] умер И. В. Сталин, правивший страной почти 30 лет. Впервые известие о его смерти я услышал по радио в вагоне, когда ехал в Алма-Ату. Все были поражены, у многих исказились от внутренней боли лица, на глазах появились слезы. Те переживания были понятны...

В Чимкенте я прослужил только один год, и он закончился для меня большой неожиданной печалью. В прощенное воскресенье 4 марта 1954 года, когда все должны примириться, вступая в Великий пост, я получил из епархиального управления указ, датированный 4 марта, об освобождении меня от службы, увольнении за штат с запрещением в священнослужении на 6 месяцев за непослушание своему епископу. За что же меня наказали? В чем заключалось мое непослушание епископу? Никольский приход был тяжелым. Предшественник о[тца] Сергия, преследуя личные цели, подобрал соответствующие церковный совет и ревкомиссию. Отец Сергий, приняв приход, попытался оздоровить совет, но встретил яростное сопротивление, группа верховодов, чувствуя, что приходит конец их самовольству, перешла к травле нового настоятеля. Он, опасаясь стать жертвой их интриг, стал просить перевода на новое место. Просьбу его удовлетворили, но нужно было назначить нового настоятеля. Выбор епархии пал на меня, мне предложили принять приход и провести оздоровительные мероприятия: немедленно снять с работы бухгалтера, как не соответствующего возложенным на него обязанностям,

убрать старосту, как не оправдавшего доверия, допускающего злоупотребления, не желающего признавать и подчиняться настоятелю. В случае оказания препятствий (совершенно очевидных) предлагалось добиться у двадцатки перевыборов полностью церковного совета и ревкомиссии. Я решительно отказался, у меня ведь не было хотя бы маленького опыта, чтобы управлять приходом, да еще в столь сложных условиях. Кроме того, климат Чимкента оказался тяжелым для жены, в декабре она покинула город. Об этом я писал в управление, и мне тогда был обещан перевод на свободное место в Преображенскую церковь г[орода] Уральска. Мой отказ вызвал гнев секретаря епархиального управления с птичьей фамилией, как говорил покойный архиепископ Варсонофий (о[тец] Анатолий Сеницын), и я получил указ с запрещением в священнослужении.

Я был поражен, но не знал, что ко мне применили самую высшую меру церковного наказания. Только впоследствии я узнал, что запрещенный священник не должен носить иерейский крест, благословлять верующих и не может быть освобожден от запрещения никем, как только наложившим запрещение. Отец Сергей не объяснил мне это, ему было стыдно, ибо он послужил причиной моего жестокого наказания, он стремился как можно скорее уехать и выдвинул мою кандидатуру из самых, как ему казалось, добрых побуждений. Сочувствуя, он сказал мне: «Отец Владимир, не отчаивайтесь... Даже преподобный Феодосий Черниговский был в запрещении. Я по многолетнему опыту знаю, что к Великому посту всегда складывается обстановка, затрудняющая проведение поста в истинно православном духе». Вечером, будучи запрещенным, я с надетым крестом прощался со своими сослуживцами и благословлял подходивший ко мне народ, выражавший сочувствие и полное недоумение от полученного указа. В конце первой недели Великого поста я уехал в Оренбург, чтобы там ожидать окончания срока запрещения. Только на следующем приходе я понял, что путь «доброго пастыря» связан с неизбежными огорчениями от неожиданных событий. «Добрый пастырь» всегда должен быть готовым покинуть любимый приход и отправиться в новый, памятуя слова 36-го зачала [Евангелия] апостола и евангелиста Иоанна Богослова: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести, и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Ин 10. 14–16).

Декабрь 1961 г. Оренбург (27 февраля 1966 г.).

Глава 3 Беспорное чудо

Святейший Алексий, Патриарх Московский и всея Руси, 10 августа 1961 г[ода] при вручении архиерейского жезла новопоставленному епископу Костромскому и Галичскому Никодиму² сказал: «Все мы веруем, что не от человеческой воли зависит жребий людей, но Сам Господь наш ведет каждого из нас — и смиряет, и возвышает и что «никто же сам себе приемлет честь, но

званный от Бога, якоже и Аарон» (Евр 5. 4)». Какие глубокие, правдивые слова! Мне захотелось этими словами начать свои воспоминания об уральском периоде. Все, что произошло со мною после Чимкента, по моему разумению, является бесспорным подтверждением их...

В Оренбурге о[тец] Константин, увидя меня в соборе со священническим крестом и зная, что я нахожусь в запрещении, объяснил мне, что на меня наложено самое строгое наказание и, согласно Положению, я не должен в этот период надевать крест. Но я крест снимать не стал, я не считал себя в чем-либо виновным, наоборот, полагал, что со мной поступили несправедливо и жестоко. У меня сохранились 2 письма за подписью архиепископа Николая³ с предложением принять настоятельство в Чимкенте и обещанием награждения. Я их показал о[тцу] Константину и владыке Михаилу⁴, чтобы им были ясны причины моего запрещения и размер моей виновности. «Отец Владимир, может быть, Вы пожелаете служить в нашей епархии?» — спросил меня отец Константин недели через две после моего приезда, видимо, он этот вопрос согласовал с епископом Михаилом. «Конечно, я охотно стал бы служить в Оренбургской [епархии], но не знаю, как быть в связи с этим запрещением», — ответил я. «Мы запросим согласие у Алма-Аты, у владыки Николая, ведь только он может снять с Вас запрещение и дать согласие на переход в другую епархию... Нет, ничего, отец Владимир, не выходит», — сообщил мне через 12 дней отец Константин. — Вам ничего больше не остается, как только поехать в Алма-Ату и просить владыку Николая о снятии запрещения». — «Да, только так, отец Владимир», — подтвердил присутствовавший при разговоре епископ Михаил.

Шла 6-я неделя Великого поста, я собрался поехать в далекую Алма-Ату в 3-й раз. Приехал вечером в Вербное воскресенье, в понедельник отправился в епархиальное управление. «Вот как ты загордился, отец Владимир, не хочешь даже ехать к своему епископу. Богатым, видимо, стал, и ряса на тебе новая», — с улыбкой сказал владыка Николай, благословляя меня. «Да нет же, владыка», — ответил я, припадая к его руке. — Просто я ничего не знал, и никто мне не сказал, что надо было из Чимкента прямо ехать в Алма-Ату к Вам. Думал, как по гражданке: сказали — 6 месяцев, следовательно, 6 месяцев и на глаза не показывайся». — «Ну, ладно, ладно, сходи к о[тцу] Даниилу на исповедь, а там на Страстной и Пасху послужишь с нами». Я поисповедывался у отца Даниила, слепого протоиерея, числившегося духовником при соборе, а владыка прочел надо мной разрешительную молитву, снявши запрещение.

Прежде чем выехать в г[ород] Алма-Ату, я из Оренбурга на Благовещение Пресвятой Богородицы съездил в Уральск к настоятелю Преображенской церкви протоиерею о[тцу] Михаилу Серебрякову. Мы познакомились, и он дал свое согласие на мое служение в его приходе, место второго священника после смерти о[тца] Иоанна Зорина было свободным. Уезжая в Алма-Ату, я втайне надеялся, что упрошу владыку Николая назначить меня на ранее обещанное мне епархией место. Легко понять, как я огорчился, когда вечером в общежитии познакомился с о[тцом] Михаилом Костроминим и от него

узнал, что он получил назначение вторым священником в Преображенскую церковь и в среду вылетает в [город] Уральск. Да будет воля Господня!.. Куда пошлют, туда и поеду, подумал я, отгоняя огорчение, стал старательно помогать соборным батюшкам в служении и в требах. Чтобы поддержать меня материально, владыка предложил настоятелю собора о[тцу] Исаакию зачислить меня временно в собор на должность псаломщика. На Пасху в алма-атинском соборе совершалось одновременно 3 Божественных литургии: одна в соборе владыкой в сослужении священников, другая на специально построенном помосте в ограде собора и третья в нижнем, полуподвальном Успенском храме. В нижнем храме пасхальную литургию владыка поручил служить мне. Так удивительно трансформировалось мое недавнее запрещение: вместо 6 месяцев запрещения на 50-й день поручили ответственное пасхальное служение в кафедральном соборе. На Радоницу с раннего утра до позднего вечера я служил на прекрасном алма-атинском кладбище, похожем скорее на благоустроенный парк.

Вскоре я узнал, что в уральском Михаило-Архангельском соборе, в котором я служил диаконом, освобождается место второго священника, занимаемое протоиереем о[тцом] Михаилом Зеленским, владыка собирается назначить меня. «Мы решили, о[тец] Владимир, тебя послать в уральский собор к о[тцу] Александру Вышковскому. Не будешь возражать? Как ты с ним уживешься?» — спросил меня владыка. «Думаю, что уживусь, что мне с ним делить», — ответил я, поразившись вопросу, но не придав ему особого значения. Когда я был диаконом, то мы дружили, он постоянно брал меня с собой на требы. В то время он сильно «болел» шахматами, я тоже играл в них, и о[тец] Александр буквально ежедневно затягивал меня к себе, чтобы сыграть. В душе я тяготился таким положением, у меня не оставалось времени на самостоятельную учебу, она же была мне крайне необходима, ибо я не имел еще практики. После повторного вызова приехал о[тец] Михаил. Он не хотел уходить из Уральска, но ему разъяснили невозможность дальнейшего пребывания в нем и отпустили из епархии, а мне выдали указ о назначении вторым священником в уральский собор. Такое назначение превзошло самые радужные мечты.

Служба в уральском соборе устраивала меня буквально во всех отношениях, прежде всего сам собор — я его очень любил и люблю. Не знаю дату его постройки, но говорили, что он построен лет триста тому назад. В нем венчался Емельян Пугачев на уральской казачке Усте Кузнецовой. Настоятель собора отказался венчать при живой жене на второй, и тогда Емельян приказал его убить; в правом углу Никольского предела до сих пор сохранилась могила, в которой похоронен убитый священник. Четыре квадратные колонны поддерживают 9 сводов потолка собора, построенного в форме куба; стены чуть ли не саженой толщины; прорези узких окон с чугунными решетками; пол также покрыт чугунными плитами; шестиярусный иконостас с иконами, которые когда-то были в серебряных и позлащенных ризах; колокольня в виде сторожевой башни, — все сделано так, чтобы собор мог в одну минуту превратиться в неприступную крепость. Против главного престола окна в трех

полукругах стен, против боковых престолов по окну, сектор обзора — 90°. Круглый год, где бы солнце ни восходило, первые лучи врываются в алтарь и разгоняют полумрак, притаившийся в сводах потолков и углах стен. Из окон виден Урал и Бухарская сторона, покрытая лесом, воды текут и текут, глядишь — и нападает раздумье о человеческой жизни. Вот так же, как воды Урала, в этих местах протекала жизнь многих поколений, это они выбили ногами каменные и чугунные плиты. Так же протечет жизнь и будущих поколений, все внешне изменится, но вечной и неизменной останется только Божия правда... Как бы все здание собора было пропитано святостью от многовекового моленья в этих стенах, так легко было служить в нем, как часто в душу приходило молитвенное умиление и религиозное вдохновение!

Город. Район около старого собора назывался Куренями. Старенькие, почерневшие, с прогнившими тесовыми крышами флигелечки на два окошечка чередовались с саманными землянками с плоскими крышами. Вместо заборов всюду стояли плетни, во дворах — стога сена. Женщины с коромыслами на плечах гонят скот на водопой, к берегу приткнуты многочисленные лодки, между ними снуют стаи уток и гусей, по берегу сидят рыбаки с удочками... Какое столетие? Я шутя говорил, что это XVIII век. От собора стрелой идет Советская улица, застроенная в подавляющем большинстве одноэтажными, реже двухэтажными каменными домами, одиночками высятся 4-этажный «Каревский» дом, новое здание облисполкома, надстроенный педагогический институт. На многих домах висят мраморные мемориальные доски: в этом доме был штаб В. И. Чапаева, здесь останавливался А. С. Пушкин, там Л. Н. Толстой, [В. И.] Даль. Но курсирующие автобусы, вывески учреждений и магазинов, щиты с театральными афишами, художественные панно с пропагандой задач народнохозяйственных планов, доски почета против здания облисполкома, памятники В. И. Чапаеву, Д. И. Фурманову, Мише Гаврилову говорят, что город живет в нашу эпоху, в советское время.

Меня встретили дружелюбно как священнослужители, так и прихожане. Настоятель собора был протоиерей о[тец] Александр Вышковский, диакон — о[тец] Никита Заборов, ранее певчий в правом хоре. Прихожане надеялись, что с моим приездом прекратятся деления на группировки, так терзавшие и мутившие приход, ведь я считался другом о[тца] Александра. Сперва мы поселились в добротной землянке у хорошей знакомой по временам диаконства, у Татьяны Петровны Слесаревской, а вскоре отремонтировали соседний деревянный дом с окнами на р[еку] Урал, стоявший в 12 метрах от обрыва крутого берега. Вместо умывания можно было ходить купаться, из окон любоваться плывущими баржами и пароходами, рядом была Ханская роща, любимое место воскресного отдыха горожан. От собора до дома ходьбы не более пяти минут, посетить собор за день несколько раз не составляло никакого труда — никого не удержишь с требами. Жена, Варвара Васильевна, включилась в свое любимое дело — стала петь в правом хоре. Короче говоря, наша жизнь в Уральске сложилась хорошо. С каждым месяцем службы более сердечными, более любовными становились мои отношения с прихожанами. Все видели и знали, что я живу радостями и горестями прихожан, ред-

кий день не приглашали на дом для совершения водосвятых молебнов, панихид и других треб.

И снова я, как и в Чимкенте, стал сталкиваться с фактами глубочайшего почитания святителя Николая. Собор днем не закрывался. На правой колонне висел образ святителя, перед ним в любое время дня горели свечи, поставленные попутно забежавшей женщиной, или мужчиной, или подростками, особенно девушками. Если служился молебен в доме, то св. Николаю. Однажды я освящал новую построенную землянку, хозяева попросили служить молебен св. Николаю. Когда отслужили и сели за стол, я шутя сказал: «Я думал, что будем служить молебен вашим ангелам-хранителям, а вы так же, как и все, попросили служить святителю Николаю». — «Батюшка, как же не служить ему? С его помощью мы и смогли построиться. Я сам служу в лесничестве, меня почти и дома нет, — сказал молодой хозяин, — а хозяйка моя, сами видите, на сносях, а она одна все стены выложила и не повредила. Еще перед началом мы обрекались ему молебен отслужить».

Ольга Александровна Ивантеева, старушка лет 70-ти, коренная жительница Уральска, являлась самой усердной прихожанкой собора, все свои заботы и любовь она отдавала ему. Она часто забегала к нам. Придя с молебна домой, я застал ее у нас. «Куда ходили, батюшка [тец] Владимир?» — спросила она меня. «Ходили на Почиталинскую улицу освящать новый дом, Ольга Александровна, — отвечал я ей, — и, конечно, служили молебен святителю Николаю». — «У нас уж так в Уральске. Все мы, уральцы, во всех делах прибегаем к Николе Милостивому, — продолжала старушка. — Помнишь, батюшка Владимир, как дедушка Поликарп рассказывал? Бывало, когда казаки соберутся багрить, то сбивались в артели, меж собой старшего выбирали. Прежде чем поехать, обязательно решали, какую часть улова отделять на собор. Перед началом справят молебен, да и по конце обрекутся, молебен и свечи поставят. В соборе-то в иконостасе иконы были все в серебряных и золотых окладах. Как и не чтить Николу Милостивого, — продолжала старушка, — сколько помощи он людям оказывает... Вот и со мной было, помощь дал. Я рано овдовела, с двумя малыми сынами осталась. Как-то надо было кормиться, корову хорошую держала, на базаре молоко продавала, тем и перебивалась. Вдруг из табуна моя корова пропала, искали, искали — нет коровы. Я слезами изошла, думаю: как жить дальше буду, чем ребят кормить буду. Заявили в милицию. Не находят. Я же все к Николе Милостивому припадаю, прошу, молю, свечи ставлю. Прошло несколько месяцев, а я все не сдаюсь — прошу святителя мне помочь. Подошел и зимний Николин день, я собралась к ранней обедне. Выхожу к воротам и вижу, что у ворот стоит какая-то корова. Подошла, поглядела да и ахнула — стоит моя корова. Всех соседей позвала, и все видят, что это моя корова, я загнала ее во двор. Через день пошла в милицию заявить, а там уже есть заявление о пропавшей корове. Дело дошло до суда. Все подтверждало, что это моя корова, суд присудил ее оставить мне, а уральскому хозяину, который купил ее в поселке Свистине, получить деньги с того продавца. Свистинский-то хозяин не может сказать, где он ее купил, у кого, ясно — покупал краденую. Прошло время, и решил ее

продать, но продал в Уральск, а она, корова, на Николин день ушла со двора да и возвратилась ко мне. Вот, батюшка Владимир, как Никола Милостивый помогает. Как не будешь почитать его?»

В Уральске я встретился с таким явлением, которые атеисты отрицают целиком, но и многие верующие в него не твердо верят. Это вопрос о порче людей, т. е. о вере не только в добрых духов, ангелов, но и в злых, демонов, в то, что злые люди с помощью демонов могут наносить вред другим людям, а истинные, глубоко верующие христиане с помощью молитвы именем Христовым изгоняют бесов, т. е. снимают порчу. Собственно говоря, христиане не должны сомневаться в этом, ибо св[ятое] Евангелие неоднократно говорит об исцелении Иисусом Христом бесноватых, а в 16-й главе стиха 17 Евангелия от Марка приводятся слова Иисуса Христа, сказанным Им апостолам, о том, что апостолы Его именем будут изгонять бесов. Кроме того, я как священник знал, что в полном требнике помещаются заклинательные молитвы св. Василия Великого на изгнание бесов, но в своей священнической практике я всячески уклонялся от просьб верующих помолиться над порченными не потому, что не верил в силу Божию и возможность исцеления, а от постоянного сознания своего недостойнства, греховности, малого молитвенного подвига.

На святках к концу всенощной пришла женщина, она попросила меня пойти к ней и отслужить водосвятный молебен. Я и диакон о[тец] Никита быстро собрались и пошли с женщиной. Идти нужно было на Почиталинскую улицу, за старый базар, ночь была лунная, морозная, снег скрипел под ногами. Дорогой женщина сказала мне: «О[тец] Владимир, я пригласила Вас, а сама все волнуюсь — застанем ли мы дочку?» — «А что с ней, куда она денется?» — «Батюшка, она у меня порченная, никакой святости не терпит, как что — так и убежит. А сейчас вот какой мороз — убежит и замерзнет». — «Сколько ей лет? Когда ее попортили?» — «Ей уже много лет — тридцать, работала на мясокомбинате, подруга ее попортила из-за кавалера, несколько лет не работает. Хотелось ее причастить, да близко к церкви не подходит, не то что в нее войти». Я видел, какое большое горе переживает несчастная мать. Когда стали подходить к дому, то у калитки нас встретило несколько женщин и сообщили нашей спутнице, что ее Катя, как бы предчувствуя наш приход, выскочила без пальто из квартиры и побежала по улице. «Ах ты Господи, где теперь ее найдешь? Погибнет, замерзнет она», — с глубокой печалью сказала мать. «Нет, не погибнет, не замерзнет. Вот увидите, что она придет ночевать домой», — уверенно сказал я, повинувшись внезапно возникшему в душе решению помолиться о порченной, прочесть молитвы св. Василия Великого, но о своем решении я никому не сказал.

Квартира спутницы состояла из одной квадратной комнаты с одним большим окном. Под окном стоял столик, по боковым стенам кровати, в переднем углу, над кроватью матери, висело несколько икон, близ входной двери стоял кухонный столик, в углу висел рукомойник, простой шифоньер и два стула дополняли меблировку комнаты. Мы начали служить водосвятный молебен, пришли соседки и молились с нами. Когда освятили воду, я стал

окроплять помещение и почему-то особо тщательно решил окропить кровать сбежавшей Кати. Сперва я окропил подушки и одеяло, попросил снять его, окропил простыни, затем матрац с обеих сторон и приказал снова застелить кровать. Затем попросил всех встать на колени, встал сам и, не объясняя никому, стал читать с глубочайшей верой в милосердие Божие заклинательные молитвы применительно к сбежавшей страждущей рабе Божией Екатерине.

В воскресенье в соборе, выйдя из алтаря на исповедь, я увидел среди исповедников мать Кати, глаза ее сверкали от радости. Рядом с ней стояла молодая женщина с бледным лицом и испуганными глазами. «О[тец] Владимир, это моя дочка Катя, она хочет причаститься, поисповедайте ее». Я позвал ее к аналою, она дрожала, как бы от страха, и по ее глазам я видел, что она готова убежать. Я накрыл ее голову епитрахилью, положил руку сверху и просил ее успокоиться, не бояться, наоборот, радоваться тому, что она причастится Св[ятым] Таин. Вряд ли она могла понимать мои слова. Я прочитал разрешительную молитву и, наклоняя ее голову, заставил поцеловать крест и Евангелие. К св[ятой] чаше ее подводила мать и несколько женщин. Я упорно глядел в ее глаза и повелительным шепотом ободрял ее, по ее лицу катился крупный пот, глаза остекленели. Я положил ей в рот частицу Св[ятым] Даров и сразу увидел, что она не может закрыть рот и проглотить частицу. Я обомлел и стал резким голосом приказывать ей проглотить частицу. Она сделала судорожное движение, проглотила частицу Св[ятым] Даров и обессилено повисла на руках поддерживающих ее женщин. В дальнейшем она уже безбоязненно приходила в собор и вместе с матерью простаивала продолжительные службы. Велика была радость матери, и она неоднократно благодарила меня и говорила, что после приобщения Св[ятым] Таин поведение Кати резко изменилось к лучшему.

В Уральске со мной произошло то, что дает мне полное право утверждать, что Господь Бог сподобил меня собственными глазами видеть бесспорное чудо. В начале сентября 1954 года ко мне зашла Ольга Александровна с просьбой пойти с ней и причастить знакомую ей женщину, мы пошли. Худощавая женщина не производила впечатления ни больной, ни старой, было непонятно, почему она сама не пришла в храм, а вызвала священника на дом. «Давно Вы не исповедовались, не причащались Св[ятым] Таин?» — спросил я ее на исповеди. «Очень давно — с 1937 года», — ответила она. «Какие еще грехи отягощают вашу совесть?» — задал я, полагая, последний вопрос. «Батюшка, на мне лежит тяжелый грех». — «Какой же? Скажите, я слушаю». — «Я зарыла Св[ятые] Дары в землю». Я приготовился выслушать любое признание о грехопадениях человека, но никогда не мог предположить, что услышу о таком грехе и тем более из уст женщины. Я был ошеломлен признанием. «Как же это могло случиться? Как Св[ятые] Дары могли попасть к вам?» — «Мой муж был священником, у него хранились запасные Дары дома, ведь вызывали приобщить в любое время. Это был 1937 год, раз ночью приехали, забрали моего мужа и увезли, с тех пор я его не видела и не слышала о нем. Я испугалась, что придут с обыском, разбросают Св[ятые] Дары, осквернят святыню. Взяла все, как у него было свернуто, и зарыла в землю».

«О Господи, как же мне быть?» — подумал я. «Известие учительное» наставляет, что малейшее небрежение к крупице Честного Тела и малейшей капле Честной Крови Христа — смертный грех... Упадет капля Св[ятой] Крови на пол, и то полагается соскоблить пол в этом месте, сжечь стружки и пепел пустить в текущую реку, а здесь лежат Св[ятые] Дары! Надо их взять... Но, может быть, лучше не открывать? Что могло сохраниться в земле за столь большой срок?.. Но ведь это Святое Тело и Кровь Христа, разве они могут подвергнуться уничтожению?.. Не пытаюсь их взять, разве я не проявлю маловерие?.. Град этих и близких им вопросов пронесся в моем сознании. Нет, я должен отогнать от себя маловерие и взять Св[ятые] Дары из земли...

«Вы узнаете место, где зарыли Св[ятые] Дары, можете мне показать?» — спросил я. «Да, я хорошо его знаю», — ответила она. Она указала мне место. Я извлек из земли узелок, завернутый в женский платок, и унес его к себе на квартиру, положил на стол, стал осторожно его разворачивать, затаив дыхание от мысли: что же я увижу в свертке. Прежде всего развернул епитрахиль из коричневого шелка, здесь же лежали поручи из того же материала, материал сопрел и от прикосновения распадался, отделка же из позументов сохранилась, но потемнела. Затем я развернул пакетом сложенный покровец из зеленого бархата, бархат также попортился и легко рвался. В середине покровца лежала медная позеленевшая дароносица большого размера, я открыл ее. Она была наполнена частицами Св[ятых] Даров, они настолько сохранились, что можно было подумать, их положили только вчера: ни малейшей плесени, ни запаха, твердо сохранившие свою форму. Пересчитал, оказалось 75 частиц. Как же мне поступить дальше, снова задумался я. Что значит это событие? Может быть, при очередном богослужении лично потребить найденные Дары?.. Нет, эти Дары были предназначены для верующих, священник не по своей воле не смог дослужить, его уже нет в живых, я должен закончить его дело — этими Св[ятыми] Дарами буду причащать прихожан собора. Таким решением завершились мои размышления. Я еще раз тщательно перебрал частицы Св[ятых] Даров. Отпорол от епитрахили, поручей и покровца позументы и кресты, истлевший материал сжег и пепел пустил в Урал. В свое поминание записал имя покойного, на свой черный бархатный мешочек для нагрудного ношения дароносицы нашел 2 отпоротых позументных креста, чтобы они напоминали мне о случившемся, побуждали молиться о неизвестном мне о[тце] Митрофане, дела которого Господь Бог поручил мне закончить.

Обычно при совершении Божественной литургии пред причащением я опускал в чашу две или три найденные частицы. Они были столь сухи, что не сразу размокали, не тонули и резко выделялись от частиц только что раздробленного Св[ятого] Агнца. Положенными частицами я приобщал два или три произвольно выбираемых причастника. Таким образом в 1954–1955 г[одах] в уральском соборе я причастил 49 человек. Мне запомнился один случай приобщения этими частицами. Был будний день, народа в храме было мало, но все же нашлось 2 исповедника, а следовательно, и причастника, это были две женщины. Я решил причастить их найденными Дарами, вышел исповедовать.

Подошла женщина лет за 40. Я узнал, что она приехала погостить в Уральск из Москвы, где она не имеет возможности ходить в храм, а тем более причаститься, я пообещал ей причастить ее найденными Дарами. Затем подошла другая, помоложе, лет 25. Она с мужем приехала из Китая, их назначили в совхоз. Сейчас она приехала в Уральск и пользуется случаем, чтобы причаститься самой и причастить мальчика, своего сына, двух лет. Я также и ей пообещал причастить найденными Дарами. Возвратившись в алтарь, я опустил в чашу две частицы. Вышел, прочитал молитвы. Стали подходить причастники. Первой подошла приехавшая из Москвы. Я взглянул в чашу, чтобы взять лжицей нужную частицу, но, сколько ни всматривался, а частицы не видел, смутился, я же сам клал их... Прошло минуты 2 в тягостном напряжении, но я так и не увидел частицы. Тогда взял частицу из раздробленного Агнца и приобщил женщину. Следом подошла приехавшая из Китая. Я взглянул в чашу и сразу увидел резко выделяющиеся плавающие две частицы, одну из них я взял лжицей и приобщил молодую женщину.

В Уральске я не смог закончить дело о[тца] Митрофана, в 1955 г. мне пришлось уехать и оставшиеся 26 частиц я взял с собой. Господь Бог привел меня в бузулукский Петропавловский собор, и на этом приходе я продолжал причащение найденными Дарами, но только наоборот стал причащать ими на дому и тех, вызов которых совпадал с произвольно назначенным днем использования только одной частицы. В Бузулуке Дарами, привезенными из Уральска, я приобщил 18 человек, я записал их имена, возраст и адреса местожительства... В число причастников попал и Терентий, 82-летний старик, приехавший в Бузулук к сестре в гости из Ново-Сергеевки Переволоцкого района. «Братец, годы твои большие, все может быть. У вас в селе церкви нет — так и умрешь без покаяния, ты бы, пока здесь, на всякий случай пособоровался и причастился». — «А что же, сестрица, разве я возражаю, сподобил бы Господь. Конечно, в селе у нас ни церкви, ни попа». Это был бодрый, крепкий старик, во время соборования стоял на ногах, держа в руках зажженную свечку, с расстегнутым воротом рубашки, на его шее висел на гайтане медный нательный крестик.

Но наиболее удивительна судьба Владимира Александровича Цинговатова. Я 3 раза причащал его Св[ятыми] Дарами, привезенными из Уральска. Первый раз при внезапном приглашении к нему в январе 1956 года, второй раз — перед днем его ангела, 15 июля, и третий — перед моим отъездом в г[ород] Орск в октябре того же года. До Октябрьской революции Владимир Александрович работал в уездной земской управе, после революции стал работать бухгалтером, имел 6 детей, к моменту нашей встречи был вдов, получал пенсию. В начале революции прекратил ходить в церковь, считал себя полностью отпавшим, но в доме иконы держал. Болел эмфиземой легких, приходил час его кончины, врачи предупреждали родных, что он доживает считанные дни, но это было видно и без врачей. Родные подготовились к его неизбежной скорой смерти и даже купили продукты на поминальный обед и только скорбели, что он не хочет перед смертью поисповедаться и причаститься. «Владимир Александрович, ты хотя бы перед смертью причастился

бы», — уговаривала его сестра Мария Александровна. «Не хочу я исповедоваться — не у кого, современных я и за попов не считаю». — «Напрасно так говоришь. Все хорошо отзываются об о[тце] Владимире, говорят, он [о]кончил семинарию, живет рядом, на Комсомольской, позвать?» Он дал согласие, меня пригласили, и я обещал прийти после обедни.

Когда я вошел в комнату, то увидел, что на кровати лежит человек ниже среднего роста, с седым бобриком волос на голове, несколько дней не бритый и тяжело дышит. Над кроватью висел ковер, а на нем двуствольное ружье, к кровати был придвинут столик, на нем лежала груда лекарств, в переднем углу висела икона святителя Николая, у окон стояли стулья, а посреди комнаты продолговатый четырехугольный стол. Я взял стул и сел около Владимира Александровича. Между нами сразу возник сердечный откровенный разговор, он говорил мне о своих религиозных сомнениях, я же примерами из жизни окружающих людей и своей рассеивал их и убеждал, что Господь Бог есть, был и будет и что человеческая жизнь имеет смысл только при вере в Бога. Сам же Господь, снисходя к нашему маловерию и желая нас укрепить, беспрестанно посылает чудеса; их не видят только те, кто заражен духом отрицания Бога, а следовательно, чудесного. Я рассказал ему о найденных Св[я-тых] Дарах в Уральске и сказал, что частицу этих Даров я принес, чтобы ею причастить его. Он был потрясен, он поисповедовался, причастился. При прощании Владимир Александрович, воспрянувший духом, попросил заходить к нему, я пообещал.

Врачи и родные были поражены начавшимся процессом духовного и физического возрождения больного, в ближайшие же дни он стал подниматься с постели, ходить по комнате и сидеть у окна. Мы сделали друзьями, я часто навещал его, предоставлял ему возможность прочитать «Журнал Московской Патриархии» с 1946 года и изумительный акафист митрополита Трифона «Слава Богу за все», читал и свои стихи, с большим интересом слушал его рассказы о прошлом Бузулука, его жителях, делах земской управы, где он служил, об охоте, которой он увлекался, об учебе в Оренбургской духовной семинарии, епископе Владимире⁵ и его хоре, в котором пел и Владимир Александрович. Ко дню своих и моих именин, 28 июля, он так поправился, что смог прийти к нам на званый обед. В октябре 1956 года епископ Михаил решил меня перевести в Орск. Я был опечален, но особенно опечалился Владимир Александрович, ему хотелось, чтобы я его проводил в последний путь. Перед отъездом я в третий раз приобщил его уральскими Дарами. Через полтора месяца после моего отъезда... Владимир Александрович, примирившись с Богом и людьми, отошел ко Господу, мне прислали фотографию, запечатлевшую его лежащим в гробу.

К отъезду из Бузулука у меня осталось 6 частиц. Как поступить с ними, задал я себе вопрос в Орске и решил: еще трех причастников я причащу здесь, в Орске, а 3 частицы оставлю себе. В 1957 году этими частицами я причастил в Орске Марию 52 лет, Феодора 69 лет, Анну 31 года. Оставшиеся 3 частицы я брал с собой в Магнитогорск, а сейчас привез в Оренбург. Прошло 28 лет, четверть века, с момента приготовления их о[тцом] Митрофаном, я только

сейчас, в марте 1966 года, открыл дароносицу и посмотрел на них и вновь утверждаю, что я свидетель бесспорного чуда.

Однажды в воскресенье к собору подъехали три парных брички. Впереди бричек, правя лошадыми, сидели чернородые цыгане, одетые в шаровары, заправленные в сапоги, в цветные рубашки навывпуск, сверх них жилетки, на головах каракулевые шапки, за ними на перинах и подушках сидели цыгане, окруженные кучей ребят разного возраста и пола. Остановились у входных дверей. Они слезли с бричек, гурьбой вошли в храм и стали просить покрестить их детей. Я согласился. Расставив ребятишек и держа маленьких на руках, взрослые после шумных разговоров, кто кому будет кумом или кумой, встали. Я покрестил их детей. Не сказавши даже простых слов благодарности, цыгане гурьбой вышли из храма и уехали.

Мы полагали, что на этом [за]кончатся отношения цыган к церкви, и поэтому крайне удивились, когда дней через 10 к 5 часам вечера к собору подъехала бричка, крытая ковром, и цыган, войдя в собор, стал просить, чтобы к ним в табор послали батюшку, так как они хотят помянуть одну свою цыганку. Отец Александр послал к ним меня и псаломщика Сергея Ивановича Юдина. Мы собрались, вышли, сели на ковер, цыган гикнул, и пара сытых лошадей с места взяла в галоп. Табор находился километрах в 15, за р[екой] Уралом, на Бухарской стороне, на большой лесной поляне. Подъезжая, мы увидели 10 больших брезентовых шатров, поставленных по линии. Было тепло, и полы шатров были откинута, в шатрах виднелись расстеленные кошмы, на них лежали перины, одеяла, подушки, на средней перекладине в каждом шатре висела икона. Метрах в 20 от шатров горели костры, и около них грудились цыганки, видимо готовившие поминальный обед, здесь же были и ребятишки. Недалеко на поляне паслись кони. Дорогой я узнал, что приехавший за нами цыган — старшина табора и он устраивает поминки по своей матери Степаниде.

Панихиду мы служили в шатре старшины, вокруг стояло все население табора. По окончании службы нас пригласили пообедать. Мы сели в шатре со старшиной, несколькими цыганами и цыганкой, по-видимому женой старшины, за низенький круглый стол на низеньких табуреточках. Во время обеда я сказал старшине о своем удивлении от того, что в каждом шатре я увидел икону. «Не удивляйся: мы все крещены и в Бога веруем», — сказал старшина. «Я не удивляюсь», — несколько лавируя, смягчая, ответил я, — ведь сейчас время какое: во многих русских домах икон не увидишь, но живут люди на месте, а вы так много ездите. Думал, что и вас неверие коснулось». — «Коснуться-то коснулось, но только получилось наоборот: крепче верить стали». — «Как же так? Что у вас произошло?» — «А вот что, слушай. Один цыган в нашем таборе стал говорить: Бога нет и нет. С ним стали спорить, но он свое твердит. Раз вечером после спора он и говорит: “Нет Бога, я докажу вам: сейчас пойду, свою икону расколю и щепками самовар согрею”. Как сказал, так и сделал. Налил в самовар свежей воды, расколол икону и щепки положил в трубу. Самовар вскипел, а как стали наливать, так из самовара не вода, а кровь потекла. Весь табор видел... Самовар разбили, а цыган из табора ушел».

Старшина немного помолчал, а затем продолжал: «И вот что еще расскажу. Мы поминаем Степаниду, это моя мать, при ней было. Наступило лето, и мы решили двинуться к Ульяновску. Под Мелекесом⁶ подъезжаем к одному селу и видим, что на самой горе много народу собралось. Подъехали, чтобы узнать, в чем дело. Смотрим: на горе небольшое озерцо, светлое-светлое, а вокруг него стоят люди и смотрят в воду. Спрашиваем: что смотрите. А одна нам отвечает, что в воде можно видеть икону Божией Матери. Начали смотреть и мы, но ни я, ни жена ничего не видели, а кое-кто видит и рассказывает, какая икона. Время идет, а все же не видим. Надо ехать, а один говорит нам, что икону можно увидеть где угодно, если взять из озера бутылку воды и камешек со дна и вылить в блюдо. Так мы и сделали, налили в бутылку воды, взяли камешек и поехали. Расположились в лугах, сделали, как нам сказали, и действительно икону увидели. Воду и камешек — обратно, и дальше двинулись... И вот что со мной произошло. Вскоре у меня пали обе лошади. Как цыгану без лошадей быть? Сразу не купишь, подвернулись быки, купил их и решил на них ехать, поехали. Стали переезжать по мосту через небольшую речку, один бык шарахнулся, сорвался с моста, потянул другого быка и бричку. Чуть сами-то спаслись, а быки погибли. Что за напасть! Покойная мать говорит, что это с нами происходит потому, что везем то, что везти не следует. Стали думать, что бы могло быть... Говорим ей, что как будто постороннего ничего нет, а она свое говорит: думайте. Тогда вспомнили, что везли бутылку с водой. Сказали ей об этом, а она и говорит, что вот она — чужая вещь. Куда же ее деть?.. Мать говорит, что нужно опустить ее в какой-либо колодец. Так мы и сделали — в первом же селе бросили в колодец. Скоро я приобрел лошадей, и больше со мной никаких несчастий не было», — закончил цыган свой рассказ.

Стемнело, обед подошел к концу, начались песни, чувствовалось, что хозяин не поспешил на чарочку за помин Степаниды. Мы попросили отвезти нас, старшина подзвал молодого цыгана и приказал отвезти. Через пару минут подкатила пароконная бричка, нас посадили на ковер, ездовой щелкнул кнутом, и кони помчались. Когда мы подъезжали к собору, то была уже ночь. Курени спали, все замерло, на обрыве высилась громада старого собора, лишь по небу бежала луна и щедро сыпала свое серебро и золото в струящиеся воды Урала.

Сердце каждого истинно верующего человека всегда стремится к богообщению. Чувство богообщения мы получаем через богослужение в храме, через молитву. Особенно усиливается оно, когда человек переходит к «умной» молитве, т. е. молится своими словами. Как можно иначе назвать, как не умной молитвой, акафист митрополита Трифона «Слава Богу за все». Я не видел равнодушных при чтении его. В свое время этот акафист я переписал у покойного о. Константина, но всегда сожалел, что не имеется заключительной молитвы. В Уральске я попытался написать ее, максимально стараясь выдержать язык, и стиль, и содержание акафиста. В августе я закончил молитву в таком виде: «О негленный Царю веков, начало, течение и конец моего бытия! Как для путника, идущего на крутую высокую гору, видение

окружающего мира во всей его красоте обнаруживается только при взгляде назад, так и для меня потребовалось, чтобы воздать Тебе подобающую славу и благодарение и от всего сердца воскликнуть: Слава Тебе, Боже, во веки! — взглянуть на свою и человеческую жизнь с высот истекших и прожитых десятилетий... И только тогда, когда я увидел тысячи снов и один из них иносказал о грядущем дне моей жизни, встретил тысячи тысяч людей, встретил и тех, которые определили мой путь, и когда я сам испытал на себе благоденствия промыслительного стечения обстоятельств, я понял: Ты непрестанно заботишься обо мне. Только тогда, когда я прошел и осмотрел десятки выставок, вник в хитроумие всевозможных творений человеческого ума и рук, я понял, что все это лишь слабое подражание Твоей Премудрости, явленной в творениях всей вселенной. И только тогда, когда я прочитал груды книг, просмотрел тысячи картин, прослушал сотни музыкальных произведений, испытал влекущую очаровательность наук, прикоснулся к тайне творческого вдохновения, я понял, что все это лишь отражение Твоего величия в человеке, отблеска Животворящего Духа. Только тогда, когда испытал всю тяжесть войн, увидел поля с тысячами трупов, города и села в руинах, отчаяние в глазах умирающих, внезапность ран, болезней и смерти, мгновенность невозвратимых потерь, я понял, что Ты благ и милосерден. И только тогда, когда я увидел неизмеримость глубин падения человека в бездны пороков, страстей, самомнения, гордости, я понял, что носимое нами бремя страданий, болезней, печали лишь сверхнеобходимейший знак Твоего благоволения к человеку. Только тогда, когда я прошел по проспектам, площадям, бульварам и паркам больших городов со сверкающими водопадами фонтанов, с изумительными коврами и портретами из цветов, шаровидными кронами деревьев, повстречал восход солнца на берегу лесной речушки с склонившимися ивами, белыми чашечками кувшинок, писком утят и всплесками рыб, вдыхал аромат свежескошенного сена, я понял: Господи, хорошо гостить у Тебя, хорошо у Тебя на земле! И только тогда, когда я увидел в лицах усопших детей сходство с ликами херувимов, нарисованных рукой великих художников, а в лицах взрослых — выражение достигнутого покоя, я понял: земная жизнь — предвестница небесной и истинное счастье человека — прийти в сверкающие чертоги вечного не вечернего дня. И только тогда, когда я на всю человеческую историю взглянул через призму длительного и глубочайшего раздумья, я всюду стал видеть следы Твоей незримой стопы, Твоей промыслительной десницы. И Ты ведаешь, как часто из моих уст раздается: Слава Тебе, Боже, во веки! О нетленный Царю веков, край и предел высочайшей человеческой мечты! Молю Тя, обостри мой слух, дабы во все минуты жизни и я слышал Твой таинственный голос и не забывал Твоих благоденствий и даров, чтобы в сердце моем не умолкали слова молитв и благодарений за все Твои тайные и явные милости, и даруй мне силы, дерзающему внити в вечную радость, в час кончины воскликнуть: Слава Тебе, Боже, за все! Слава Тебе, Боже, во веки! Аминь».

В первый же месяц по приезде в Уральск я понял, что владыка Николай не случайно задал вопрос, смогу ли я ужиться с о[тцом] Александром. Он

предвидел мои будущие дни и события. В Уральск я приехал в третьей декаде мая, приближались завершающие дни святой Пятидесятницы: на 3 июня приходилось отдание праздника Пасхи, на 4 — Вознесение Господне, на 14 — день Св[ятой] Троицы. В день отдания Пасхи всегда на сердце каждого верующего лежит облачко грусти от мысли, удастся ли дожить до новых светлых, радостных часов проникновенной пасхальной заутрени и литургии... Праздник Вознесения Господня еще резче подчеркивает окончание радостного пасхального периода, неизбежность разлуки с ним. К празднику Св[ятой] Троицы грусть затихает, душа, смирившись, вновь находит радость в службах Св[ятой] Троице и Св[ятому] Духу. Так и не ушел бы из храма, украшенного ветвями зазеленевших кустарников, напоенного ароматом высыхающей травы, покрывающей пол. Из сознания не выпадает впервые после длительного перерыва зазвучавшая молитва «Царю небесный». Любуясь ожившей природой, сердце тайно твердит: действительно Ты — жизни Подателю!..

Еще зимой о[тец] Александр изготовил лодку и купил навесной лодочный мотор. Когда я приехал в Уральск, он заканчивал отделочные работы — шпаклевку и окраску, к дню Св[ятой] Троицы лодка была спущена на воду, отец Александр горел желанием как можно скорее опробовать ее на ходу. На Духов день я с псаломщиком после Божественной литургии уехал в поселок мясокомбината. Там всегда возникало много трев и обычно возвращались только к ночи, а посему было решено, что всенощную отслужит о[тец] Александр с диаконом. Действительно, с мясокомбината мы вернулись часам к 11 ночи. Утром в соборе я заметил у всех какое-то замешательство и смущение, стал допытываться. Оказалось, что о[тец] Александр с диаконом перед всенощной вздумали покататься на лодке и так увлеклись, что забыли о службе. Народ пришел к всенощной, но ее не было, так как служители не могли расстаться с моторкой. Значительная часть возмущенных прихожан ушла домой. Об этом случае была написана жалоба в епархию, но в ней напутали: написали, что с о[тцом] Александром катался я, а не диакон. При расследовании жалобы эта ошибка обнаружилась, и на этом основании жалоба была признана неверной.

В моем сознании не укладывалась мысль, что священники так могут чем-либо увлечься, что забудут о необходимости службы. Но о[тец] Александр, что называется, был на седьмом небе. Вскоре он пригласил меня и Варвару Васильевну покататься с ним на лодке. Мы дали согласие, полагая, что поедем вниз по реке, к меловым горам, подальше от города. Но он поступил иначе, часа 2 мы плавали на виду у многочисленных зрителей — жителей набережной. Мне и Варваре Васильевне было стыдно, мы твердо знали, что люди стояли и думали: вот как попы веселятся, не от нужды. О[тец] Александр, наоборот, ликовал, видя множество зрителей — глядите и завидуйте! Больше мы не ездили с о[тцом] Александром, отклоняя под разными предлогами его приглашения. Он же так увлекся моторкой, что стал уезжать на многодневные рыбалки, бывали случаи опоздания к началу субботней всенощной, завел рыбачью снасть и с присущим ему азартом превратился в яростного рыбака.

Отец Александр не замечал, что его поведение роняет наш священнический авторитет, а его особенно; не замечал, что в храме есть многое, что требует настоящего взгляда и заботы. Симпатии прихожан стали склоняться на мою сторону, но это о[тец] Александр заметил и реагировал на это болезненно. Свою воскресную службу я всегда сопровождал подготовительной проповедью, а он прибегал к внезапным импровизациям, в подавляющем большинстве неудачным. Для меня возглас: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение» являлся призывом к реализации его на деле. Я не мог видеть и без боли терпеть какого-либо небрежения ни в расстановке икон, ни в облачении, ни в утвари, ни в самом богослужении, я чувствовал внутреннюю потребность поставить свечечку, положить на тарелку при сборах, раздать мелочь нищим на паперти. Отец Александр не замечал старой пыльной завесы на вратах Никольского предела, приставленных, но не вделанных икон нижнего яруса иконостаса, порванного облачения на престоле, потемневших запрестольных икон. Мою подготовку к проповедям, пожертвования на тарелку и нищим он расценивал как тонкий метод подрыва его авторитета.

Верующий человек свое чувство благоговения к Богу, к святым угодникам стремится выразить через заботу о храме, через пожертвования. Чего только не жертвуют! Иной придет в храм и тайно повесит на крест икону, полотенце или отрез материала. Другая купит на облачение св. престола, на завесу для врат, принесет красного вина, масла, муки для просфор, в Великий пяток, подражая мироносицам, пришедшим с ароматами ко гробу Господню, принесет флакон дорогих духов. Легко представить, как тяжело ранит сердце верующего отсутствие истинного благоговения у священника. Отцу Александру, видимо, было чуждо понимание души верующего, взамен у него был резко выраженный интерес к хозяйственно-финансовой деятельности, он ставил ее во главу угла работы настоятеля. Пользуясь правами дружбы, я неоднократно откровенно говорил с о[тцом] Александром, но в этих разговорах только ясно обнаруживалось наше расхождение во взглядах. Он не желал служить так, как я, а я не мог служить и жить так, как он. Понявши невозможность договориться, я всецело отдался службе и перестал реагировать на поступки отца Александра.

Прихожане всегда тщательно наблюдают за священством, сравнивая одного с другим; одного осуждают и в лучшем случае снисходительно терпят, а другого начинают уважать и любить, отмечая многочисленными знаками своего внимания. Отсюда у одного возникает зависть, уязвленное честолюбие; приход распадается, может быть, не на равные части, но уязвленная группа переходит к всевозможным интригам с целью устранения нежелательного им лица, не останавливаясь пред какими угодно средствами. Сравнивая меня и о[тца] Александра, прихожане стали говорить о том, что как было бы хорошо, если настоятелем собора был о[тец] Владимир. За нежелание и отказ принять настоятельство в г[ороде] Чимкенте я подвергся строгому наказанию, так же я не хотел настоятельства и в Уральске, но людские разговоры дошли до о[тца] Александра, и он принял их за мои желания. Дружеские отношения сменились на враждебные. Он стал создавать для меня такую обстановку, чтобы

я попросил епархию о переводе: лишил меня получения полагавшейся оплаты квартиры, часто стал симулировать сердечные приступы, чтобы заставить меня беспрестанно служить, стал травить всех, кто имел хорошее отношение ко мне, и всячески задабривал тех, кто составлял его окружение и опору. В декабре 1954 года я был принужден написать жалобу архиепископу Николаю. В январе о[тец] Александр получил указание из епархии, в копии оно было послано и мне, вот что писалось в нем: «На каком же основании Вы отказываете в этом своему собрату — второму священнику и в то же время без согласия церковного совета, без санкции своего епископа производите за счет церкви дорогостоящий ремонт квартиры регента, представляя ему и обстановку, даете казенную квартиру просфорне, помстаросте, уборщице? Не хочется думать о Вас плохо, но дела Ваши опять начинают говорить против Вас. Когда же будет этому конец?» Получив столь строгое указание, о[тец] Александр начал оплачивать мне квартирные и совершил примирение со мной и старостой.

Но это примирение было внешним, втайне он по-прежнему измышлял всевозможные способы изжития, но, как опытный интриган, делал все через людей. Однажды, когда я пришел вечером служить, мне передали письмо, оно было анонимным, якобы от группы верующих. В нем писалось все, что когда-то говорил о[тец] Александр, и заканчивалось оно требованием беспрекословного подчинения настоятелю и угрозами моего удаления из Уральска. Почерк письма мне показался крайне знакомым. Я подумал и вспомнил, что им написано одно годовое поминание, начал просматривать их и сразу нашел нужное. Оно принадлежало человеку, ежедневно бывающему у о[тца] Александра и активно его поддерживающему. Налицо было доказательство, что о[тец] Александр, несмотря на требование архиепископа, примирился ложно и тайно продолжает свою прежнюю политику. Стало трудно служить. Апостольские правила требуют от священника перед совершением Божественной литургии примирения со всеми, а о[тец] Александр буквально во время службы подбегал к св[ятому] престолу и стремился вызвать меня на какой-либо скандал... Но я перестал реагировать на любые выходки о[тца] Александра, в душе же решил, несмотря на любовь прихожан, на то, что Уральск устраивал нас и в климатических, и в бытовых отношениях, после св[ятой] Пасхи попросить владыку отпустить меня из епархии. Я знал, что владыка отечески относится ко мне, что и нашло свое выражение в награждении меня к празднику св[ятой] Пасхи набедреником, но также и знал, что секретарю епархии протоиерею о[тцу] Анатолию Сеницыну, бывшему обновленческому архиепископу, дороги и желательны священники типа о[тца] Александра, они легко находили доступ к его сердцу и получали его крепкую поддержку в своих просьбах.

В начале мая 1955 года епархия еще раз потребовала от нас примирения и предупреждала, что в противном случае нас обоих снимут с работы и уволят за штат. Но теперь я хорошо знал о[тца] Александра, цену его примирения и обещаний. Я попросил епархию о разрешении явиться по личному делу, разрешение было дано, и 16 мая я выехал в Алма-Ату. Перед отъездом в ал-

таре я увиделся с о[тцом] Александром и регентом Лукьяновым К. Г. Последний был «правой рукой» настоятеля, постоянно нуждающегося в советчиках, которые часто превращались у него в наставников. «О[тец] Владимир, напрасно ты едешь в Алма-Ату, ничего ты не добьешься, подчинился бы епархии», — сказал о[тец] Александр. «Почему же не добьюсь, разве правда не на моей стороне?» — спросил я. «О[тец] Анатолий очень обязан мне, и он поддержит меня при любом положении, а не тебя». О[тец] Александр полагал, что я еду добиваться снятия его с настоятельства, используя те веские доказательства, которые я имел, он абсолютно не мог подумать, что я еду с просьбой отпустить меня из епархии и тем самым укрепить его положение в Уральске. Всю ставку о[тец] Александр делал на о[тца] Анатолия. Он одновременно в том же поезде послал регента Лукьянова в Алма-Ату с наказом сразу же с поезда зайти к о[тцу] Анатолию и передать пакет, это задание Лукьянов выполнил.

На последнем моем приеме у владыки Николая присутствовал секретарь епархии о[тец] Анатолий и член епархиального управления о[тец] Исаакий. Я не жаловался на о[тца] Александра, а просто рассказал владыке о том, как сложилась моя священническая жизнь в Уральске, представил доказательства нечестного ко мне отношения, сказал о твердых надеждах о[тца] Александра на присутствующего здесь о[тца] Анатолия и закончил просьбой отпустить меня из епархии с правом служения в других местах. О[тец] Анатолий, не ожидавший такого откровенного разговора, смутился. Владыка, облокотившись на руку, внимательно слушал. Прошла минута напряженного молчания. «Да, я вижу, о[тец] Владимир, тебе трудно здесь служить. Скоро я умру (умер через 5 месяцев — 25 октября 1955 года), и тебя некому будет защитить», — сказал владыка и посмотрел на о[тца] Анатолия, — посему я отпускаю тебя с миром из епархии, указ выдадим тебе хороший».

22 мая 1955 года, на день святителя Николая, я в последний раз помолился в алма-атинском Никольском соборе. Земно поклонился архиепископу Николаю, из рук которого я получил благодать диаконства и священства, получил его последнее благословение и вечером уехал в Уральск. Вскоре мне прислали указ об увольнении за штат с правом служения в других епархиях. Мы оба, я и Варвара Васильевна, так устали от пережитого, что решили с месяц отдохнуть в Уральске, используя его природные условия, а только после думать о будущем. О всем случившемся я написал письмо своему другу о[тцу] Константину и владыке Михаилу, с которым познакомился при посещении Оренбурга.

В Уральске закончился период моего священнического возмужания. Я понял, что, священствуя, буду, если сподобит Господь, свидетелем таких радостных, укрепляющих событий, как нахождение захороненных Св[ятых] Даров, и таких омрачающих и расслабляющих явлений, как недостойное поведение священнослужителей и мирян, и что только глубокая вера в то, что все совершается в жизни человека по воле Господней, может удержать меня самого от падения и дать силы терпеливо нести тяготы достойного служения... Из Уральска я уезжал без всякой обиды на кого-либо. Не обижался и на

о[тца] Александра, ведь он был лишь орудием моего испытания. Наоборот, в душе я жалел его, ибо видел его духовную нищету и знал, что не испытать ему спокойствия и в дальнейшем. Была лишь печаль от разлуки с любимым старым собором. Бог ведает, куда нас забросит судьба, думалось, что мы больше никогда не побываем ни в соборе, ни в понравившемся нам Уральске.

Февраль—март 1962 г. Оренбург (5 марта 1966 г.).

Глава 4 Год знамений

...Через неделю после окончания служения в Уральске я получил письмо от о[тца] Константина и владыки Михаила с приглашением явиться для переговоров о служении в Оренбургской епархии. Я срочно выехал, обоих застал в с[еле] Колтубанке, где они проводили свой отпуск. Оказалось, что в Петропавловском соборе г[орода] Бузулука имелась свободная вакансия в связи с тяжелейшей неизлечимой болезнью (рак) о[тца] Николая Ключарева. Мне предложили это место, я с радостью согласился и после ряда соответствующих согласований получил указ о назначении меня в собор с 4 июля 1955 года. Так неожиданно и полностью закончилась безработица и зачеркнулись наши «предположения человеческие».

И снова в назначении лежало удивительное явление, неопровержимо свидетельствующее, что «Сам Господь наш ведет каждого из нас». Я снова ехал служить туда, где когда-то был. Зимой 1918/19 г[ода] я учительствовал в селе бывшей Оренбургской губернии. Волна колчаковского наступления докатилась до него, на Страстной неделе 1919 года село было захвачено белыми, но они пробыли в нем не более недели, колчаковские войска получили сокрушительный разгром под Уфой, на р[еке] Белой, и стали стремительно откатываться в Сибирь. Но Гражданская война была в полном разгаре, Орск и Актюбинск были в руках белых, Советский Союз^а сжимало кольцо антантовской блокады. Нельзя было оставаться на мирной работе учительствовать, нужно было брать в руки винтовку. Но за кого? Этот вопрос мной был решен давно, когда я учился в духовной семинарии: за все передовое, лучшее, справедливое, общенародное, против монархического строя. Поэтому, еще учась, я был членом общеученического комитета гор[ода] Оренбурга, выступал на митингах в кино «Аполлон», а когда белоказаки сделали 4 апреля 1918 г[ода] налет на Оренбург и зверски уничтожили красногвардейскую часть, помещавшуюся в бывшем юнкерском училище, то я без малейшего колебания побежал в бывшую городскую думу, где раздавали оружие, получил винтовку и влился в ряды красных защитников города. Ясно, что я мог выступать только на стороне красных. В мае закончился учебный год. Оставив школу, я поехал в Оренбург, явился к начальнику укрепрайона т[оварищу] Киселеву, впоследствии бывшему секретарю^б ВЦИКа. Он направил меня в распоряжение

^а Так в рукописи. Вероятно, следует читать «Советскую Россию».

^б Так в рукописи.

штаба 1-й армии, располагавшегося в г[ороде] Бузулуке. Штаб армии занимал здание б[ывшей] женской гимназии, политотдел — второй этаж б[ывшего] Киселевского дома, в нижнем этаже угловой части здания находилась фронтовая партийная школа, в большом здании наискось — штаб 25-й Чапаевской дивизии, за 2 квартала вниз, к базару, стояла деревянная Петропавловская церковь, превратившаяся ныне в собор. В августе 1919 года я был командирован на Актюбинский фронт, принял участие в боях под ст[анцией] Яйчан, закончившихся разгромом белогвардейского корпуса генерала Белова, затем влился в 24-ю стрелковую Железную дивизию и с ней попал в Среднюю Азию. Так началась моя боевая, военная страда. Кто мог предполагать, что бывший доброволец-красноармеец через 33 года напряженной гражданской работы будет размышлять над словами псалма 90: «Живый в помощи Вышняго в крове Бога небесного водворится... Яко ангелом Своим заповесть о тебе сохрани т[я] во всех путех твоих» (Пс 90. 1, 2)?.. Кто мог предположить, что через 36 лет бывший красноармеец, исколесивший свою страну вдоль и поперек, придет в город своей молодости священником и станет служить в Петропавловской церкви, бывшей долгое время зернохранилищем? Конечно, никто: ни я, ни другие. Такое событие могло произойти только по Божьему соизволению.

Конечно, г[ород] Бузулук за столь большой срок изменился. Он разросся. Прежде от станционного поселка до города лежало чистое поле, на котором виднелись группы отдельно стоящих хлебных амбаров, теперь поле было полностью застроено жилыми домами. С другой стороны города расположился большой машиностроительный завод имени В. В. Куйбышева, за ним жилой массив, доходящий почти до линии железной дороги, высется 2 элеватора. В городе несколько техникумов, имеется мощный по количеству привозимой продукции сельскохозяйственный рынок. В городе было 2 монастыря — мужской и женский, но закрыты, в первом расположена исправительная колония, во втором городская электростанция. На доме, в котором помещался штаб В. И. Чапаева, установлена мемориальная доска.

Бузулукский приход имел особое организационное построение: в него входило 2 церкви. Петропавловская, деревянная, вклинившаяся в базар, отгораживалась от него штакетным забором и рядом выращенных деревьев; такое расположение вызывало усиленное ее посещение приезжавшими на базар из близлежащих районов; в соборе числились 3 священника. Вторая церковь, каменная, располагалась на кладбище; она была построена купцом Киселевым, при ней числились 2 священника. В обоих храмах имелись диаконы и по 2 хора, правый хор собора был по качеству выше уральского, так что Варвара Васильевна получила полное удовлетворение. Священники, объединенные в один приход, служили поочередно в обоих храмах, в воскресные и праздничные дни по две литургии в каждом храме, и все же в храмах было тесно.

Настоятель прихода был протоиерей о[тец] Николай, ему было лет под 60. Своим ревностным и хорошим служением, исключительным проповедническим талантом, достойным поведением и образом жизни он заслужил всеобщее уважение. Отец Николай до Октябрьской революции окончил

духовную семинарию, во время первой русско-немецкой войны⁷ был полковым священником, после революции служил на приходах, был миссионером. Затем последовал вынужденный переезд в Сибирь, там он работал по счетной части, жена учительствовала. При всех своих достоинствах, часть прихожан о[тец] Николай отпугивал своей, по моему мнению, излишней строгостью. Он не допускал ко св[ятому] причащению не венчанных, не знающих молитв, на многих накладывал строгие наказания вплоть до отлучения от Церкви. Проповеди о[тца] Николая носили резко обличительный характер, без упоминания о милосердии Божиим, у слушателей не оставалось ни малейшей надежды на оправдание перед Богом и наследовании Царства Небесного. Я придерживался другого взгляда, отлично зная трудности жизни современных христиан. Что может сделать женщина-христианка, когда ее муж по тем или иным причинам отказывается от венца: разойтись, перестать ходить в храм и причащаться? Где и когда современный верующий может выучить молитвы, когда молитвенник не найдешь «днем с огнем»? Все ли верующие имеют в своих домах условия для молитвы и соблюдения постов? Глубоко веруя в милосердие и человеколюбие Господа, я давал, как и протоиерей о[тец] Иларион, разрешение невенчанным женщинам, скорбящим от этого вынужденного греха, приступать ко св[ятому] причащению.

В Бузудуке я случайно прочитал книжку о[тца] Норова «Иерусалим и Синай»⁸. В ней есть страницы, косвенно подкреплявшие меня в моем снисходительном отношении к невенчанным, я даже записал их. Патриарх Нектарий в своей истории передал нам весьма любопытное послание знаменитого Георгия Схолария, который по взятии Константинополя турками был избран Патриархом под именем Геннадия⁹. Это послание написано для разрешения недоумений, возникавших у строгих отцов синайских, заметивших большое ослабление церковных правил среди пришельцев, желавших поступить в монастырь. Оно проникнуто глубокою христианскою веротерпимостью и до сих пор может применяться к положению Востока.

Приведу один отрывок: «Не соблазняйте нарушением чиноположения Церкви. Нарушающие их по неведению или же по расстроенности нашего времени будут помилованы Богом. А вы сами храните послушание и единение, имея в виду утверждение христианства. Ибо уверяем вас о Господе, кто в наше время требует строгого соблюдения всех обычаев и уставов Церкви, как это было ко времени свободы христиан, налагает бремя на бессильных, а кто прощает малое, да сохранит целое, тот имеет дух апостольский. Знайте, что подробности многих чиноположений не существовали в первые века христианства, а введены уже со времени великого Константина, когда начались вселенские Соборы. Но при первобытной простоте Иисус наш привлекал к Себе более последователей, ибо по всей вселенной каждый день за имя Его умирали сотни, тысячи, тьмы верующих и ежедневно возрастало христианство, орошаемое кровью неподобноуставных христиан. И ныне возвратились первые века христианства: у нас нет ни царства, ни Церкви свободной, ни торжественности... И сколько истязаний от неверных! Однако христиане не только не ослабевают в вере, но даже готовы умереть, когда это потребует. Кто дерз-

нет сказать, что они не мученики произволением? Кто потребует от них строгого выполнения устава Церкви, когда не позволяют того обстоятельства? Христиане на востоке и западе умирают или терпят неизреченные скорби за Христа, а мы ли будем осуждать или печалиться, что они перемешали зачала утреннего Евангелия и вместо седьмого прочитали девятое или пропели вместо первого гласа второй? Церковь наша воинствует, а во время военное не требует строгого устава ни архистратиг наш Иисус, ни те, которые мудрствуют с Ним». Конечно, не полностью, но в значительной степени эти слова относятся к современным христианам, наполняющим наши храмы. Разве не живут они в «расстроенности нашего времени»? Как я буду «налагать бремя на бессильных», не буду «прощать малое, чтобы сохранить целое»?.. Пусть лучше Господь Бог взыщет с меня за их грехи, как неосмотрительно пользующегося «властью Его, мне данною» прощать и разрешать грехи пришедших к исповеди.

После первых же служб в Бузулуке я почувствовал, что прихожане так любовно относятся ко мне и так же дружелюбны сослужители, как будто я всегда, долгие годы служил в этом приходе. Сперва мы имели затруднения с квартирой, но месяца через 2 этот вопрос получил удачное разрешение. Близость и удобство связи с Оренбургом и Куйбышевым являлись преимуществом Бузулука над Уральском. «Как вам нравится, Варвара Васильевна, в Бузулуке, в соборе?» — спросил владыка Михаил жену, встретив ее в Оренбурге. «Очень нравится, согласны остаться в нем до конца жизни. Мы с о[тцом] Владимиром даже облюбовали местечко на бузулукском кладбище», — ответила она. Ее слова выражали действительно наше общее желание и оценку бузулукского прихода. «Вот и хорошо, так и живите в нем на здоровье. Я вас не трону с места», — пообещал владыка.

В декабре... меня вызвали в епархиальное управление. «Отец Владимир, я Вас вызвал вот по какому вопросу: хочу предложить Вам место настоятеля в Орске, в Покровском молитвенном доме. Там очень тяжелая обстановка, нужно выправлять приход. Я полагаю, что Вы с этой задачей справитесь». Для меня снова владыки были ударом, я не желал настоятельства. Кроме того, были свежи воспоминания о тех трудностях, кои выпадали на долю Варвары Васильевны с частыми переездами и устройствами квартир. Не хотелось расставаться с собором, с добрыми богомольными прихожанами. Я стал убедительно просить владыку оставить меня в Бузулуке. Он, будучи чрезвычайно добрым человеком, внял моим усиленным просьбам, оставил на месте и даже наградил 27 декабря 1955 года камилавкой за «отличную и усердную службу». Так закончился для меня 1955 год. Первая половина года прошла в глубокой печали и тяжких огорчениях, вторая в светлой радости служения в Петропавловском соборе. Кто будет, слушая мой рассказ, опровергать правдивость слов: «Человек предполагает, а Бог располагает»...

Первое знамение произошло в январе 1956 года в городе Куйбышеве. На вечеринке окаменела девушка, дерзнувшая протанцевать с иконой святителя Николая Чудотворца в руках. Слухи об этом событии пронесли по всему Советскому Союзу и вызвали глубочайший интерес. Особенно благоприятные

условия для наблюдения за этим чудом имелись в Бузулуке: много бузулукской молодежи живет, работает и учится в г[ороде] Куйбышеве, многие ездят в Куйбышев дачным поездом, машинисты водят поезда между этими пунктами. Все это обуславливало возможность получения подробной информации о событии до его окончания. Более того, случилось так, что у меня на исповеди был один из участников этой вечеринки.

Я лично читал в номере «Волжской коммуны» от 23 января 1956 г[ода] фельетон В. Кулагина «Дикий случай», в котором все происшедшее изображалось как результат болтовни суеверных обывателей, молниеносно распространившейся по городу и вызвавшей толпы любопытствующих горожан и даже приезжавших из районов. В фельетоне говорилось, что милиция, мол, вместо разъяснения собравшейся толпе вздорности этой нелепицы применила резкие формы разгона, а это в свою очередь укрепило веру в якобы какое-то окаменение девушки. При чтении фельетона мне невольно вспомнились слова покойного архиепископа Луки¹⁰: «Панический страх неверующих перед всяким чудом легко понятен. Одно единственное чудо, даже просто возможность его, напоминает им о живом Боге, Которому они должны были бы служить и от Которого они хотели бы убежать, как осознающие свою вину дети от оскорбленного отца. Поэтому они нарочно отказываются от всякого исследования чудесных фактов не из любви к истине, но из-за страха перед ее последствиями».

Событие произошло следующим образом. Группа молодых людей, юношей и девушек, решили повеселиться и устроить вечеринку, для этой цели они сняли квартиру у старушки, Болонкиной Клавдии Петровны, проживавшей в г[ороде] Куйбышеве, по ул[ице] Чкалова, д. 9, кв. 5. В квартире старушки был красный угол, и в нем висели иконы. Чтобы было весело, каждая девушка пригласила своего кавалера. Среди девушек была одна по имени Зоя, она пригласила ухаживающего за ней молодого человека по имени Николай. Вечеринка происходила под Новый год. Хозяйка, чтобы не мешать молодежи, ушла ночевать к знакомым. Наступил вечер, собрались все участники за исключением Николая, сели за стол. Все были оживлены и веселы, была лишь печальна одна Зоя, оказавшаяся в одиночестве. Над Зоей стали подсмеиваться, причиняя ей сильную боль, она отшучивалась и уверяла, что Николай придет обязательно. После ужина начались танцы, каждая девушка танцевала с приглашенным кавалером. Зоя томилась, чувствуя себя покинутой и оскорбленной. После очередной шутки над ее одиночеством она подошла к красному углу, сняла икону святителя Николая и, держа ее в обеих руках, вошла в круг вальсирующей молодежи и сказала: «Ну и наплевать мне на Николая. У меня есть другой Николай, получше, и я с ним буду танцевать», — и начала кружиться. Тотчас же раздался ужасный шум и гром, как бы от разламывающихся и падающих стен, сверкнул ослепительный свет, и комната наполнилась густым дымом. Все в страхе попадали на пол, вскоре очнулись и увидели, что среди комнаты стоит Зоя с открытыми глазами и в вытянутых руках держит икону святителя Николая. Подошли к ней, стали спрашивать ее, но она не отвечает, молчит. Стали трогать, но не могут даже сдвинуть с места,

все ее тело как бы окаменело. На всех напал страх, и все разбежались, оставив в квартире одну стоящую Зою. Рассказали о случившемся домашним.

Происшедшее казалось абсолютно неправдоподобным. Заинтересованные лица пригласили к окаменевшей Зое врачей и священника. Слухи об этом распространялись по городу, но им не верили, и в порядке опровержения их в окне сатиры появилась карикатура: стоит в танцующей позе девушка и держит в руках икону, а с одной стороны стоит врач в белом халате и делает ей укол, но шприц не идет, и от тела летят искры, а с другой стороны стоит священник и машет кадилом, клубы дыма окутывают девушку. В газете появился вышеупомянутый фельетон. Но события были действительными, а посему сотни, тысячи горожан и приезжих из районов стали запруживать улицу. Милиция выставила охрану дома и стала разгонять толпу, применяя даже обливание водой из пожарных машин и отвоза забираемых на вокзал для чистки снега.

Зоя стояла до св[ятой] Пасхи. Все попытки сдвинуть ее с места, оторвать от пола не давали результатов. Пытались пилить пол, но из девушки начинала идти кровь. Думали сжечь дом, но побоялись, что дом сгорит, а Зоя останется стоять у всех на виду. Решили ждать Пасхи как названного дня окончания события. Среди Великого поста Зоя по ночам стала сильно плакать и кричать: «Что я вижу! Что я вижу!» Стража видела таинственно проникавшего в дом старика. Посты охранения усилили. Массовый поток посетителей к дому прекратился, но одиночки продолжали появляться на улице с целью проникновения в дом, в котором по-прежнему продолжала стоять окаменевшая Зоя.

В апреле 1956 г[ода] произошло второе знамение, косвенно связанное с куйбышевским, но у нас, в г[ороде] Бузулуке. Я знаю его лично, непосредственно. Мы жили по Комсомольской улице в доме № 70, в квартире пожилой женщины Евдокии Ивановны Рыбкиной. Недалеко от нее жила ее подруга, и у нее квартировала Валентина Аверкиева, молодая девушка, окончившая сельскохозяйственный институт, получившая звание ветврача и назначенная в мясоконтрольный пункт бузулукского базара. 12 апреля, на 4-й неделе Великого поста, пришла утром подруга к Евдокии Ивановне и рассказывает: «Ивановна, я пришла тебе рассказать. Валя нынче проснулась и говорит мне: “Я видела сон. Входит в комнату девушка, о которой вы говорите, что она окаменела, и спрашивает меня: “Ты, Валя, в Бога веришь?” — а я отвечаю ей: “Что ты, что ты, я же окончила институт!” Она же мне в ответ: “А ты верь, верь. Вот я и сама не верила, а теперь верю”. Что значит этот сон?” А я ей ответила, что пойду поговорить с тобой. Что же может значить этот сон?» — «Сон неспроста,— ответила наша хозяйка.— Видела девушку, значит увидит еще какое-либо диво». Еще немного поговорили и разошлись. Вечером снова прибежала подруга хозяйки. «Ивановна, ведь Валя-то умерла!» — «Что ты говоришь! — воскликнула Евдокия Ивановна, пораженная известием.— Да как же это могло быть? Молодая, здоровая девушка, и вот так внезапно». — «Нынче у Вали был выходной. Когда я пришла от тебя, то Валя занялась стиркой белья. Часа в два к ней пришла подруга-врач и пригласила идти в кино,

показывая взятые билеты и расхваливая картину. Валя начала отказываться, ссылаясь на стирку. А та продолжает уговаривать: «Идем на дневной сеанс, придешь и закончишь стирку». Валя продолжает отказываться и говорит о своем нежелании. Подружка не отстает: «Вот старуха какая! Бросай стирку и идем». Оделись и пошли. Дорогой Валя снова отказывается, но та настаивает. Вдруг Валя решительно поворачивается и идет обратно домой, подружка также возвращается. Валя взошла в калитку, внезапно упала на цементированную дорожку и мгновенно умерла». Ее могила находится на главной аллее бузулукского кладбища, поставлен памятник, и на нем написаны даты рождения и смерти Вали, увидевшей во сне куйбышевскую Зою.

Бузулукчане следили за Куйбышевым. Нашлись и такие, которые поехали в Куйбышев под 6 мая, чтобы присутствовать во время пасхальной заутрени близ дома Зои. Говорили, что в эту ночь у ворот дома стояла санитарная машина. В полночь в доме показался свет, из дома вынесли что-то завернутое, положили в машину и уехали. Зою привезли в больницу, она попросила ее не тревожить и сказала, что скоро умрет, на третий день она умерла. Так закончилось куйбышевское знамение. В 1960-х годах, когда началась усиленная научно-атеистическая пропаганда, я лично прочел в газете ответ на вопрос о куйбышевском событии. Отвечающий утверждает, что ничего похожего в Куйбышеве не было и все рассказы о нем от начала до конца являются злостной выдумкой мракобесов.

В конце мая месяца мы, бузулукчане, стали свидетелями новых знаменательных событий, жаждущие чудес могли пойти и видеть их. В Куйбышевском районе от удара молнии раскололся пологий холм, часть холма отодвинулась метров на 10, и в обнаженной части забили 3 родника. В этих безводных местах появление родников было воспринято как знамение, пошли со всех сторон люди с бидонами за водой. Тогда было приказано заглушить родники, их забивали навозом, кошмами, но родники появлялись рядом. Замучились. Ясно, что мы не могли показываться около родников, чтобы не быть обвиненными в каком-либо мошенничестве, но твердо знали, что они есть. Слухи о родниках дошли до области, и оттуда приезжал специально уполномоченный на проверку. Он брал нашу церковную автомашину, ездил в Курманаевку, а из нее с членами комиссии на место происшествия; наш шофер подробно рассказывал об этой поездке.

Но оказывается, что знамения появления неожиданных источников и вод в 1956 году охватили многие места. Однажды днем меня вызвали в церковь. Я пришел в крестильную и увидел, что желает креститься молодая женщина с тремя детьми разного возраста. «Что это вы надумали сразу всей семьей креститься, и в такой не базарный день?» — с удивлением спросил я. «А Вы не слышали, батюшка, что случилось у нас в Ташлинском районе? Все встревожены, все молятся, а я сама и дети некрещеные, взяла и приехала». — «А что у вас в районе?» — спросил я. «Вот что произошло. Тракторист работал в ночную смену. Утром глядят — не видно на поле трактора. Куда он мог деться? Поле просматривалось полностью. Пошли искать и в конце поля нашли: на пашне образовалось неожиданное озеро, и трактор утонул в нем, все

ужаснулись. Откуда в этих местах вода?» Неделю через 2 я прочитал в «Оренбургской коммуне» очерк под названием «Чудеса в Кулагине». В нем описывалась история совершенно аналогичная бузулукской, т. е. в полях появился родник, колхозники бросились за водой, даже бригадир в самый горячий момент весенней посевной кампании. Делался вывод, что такое безобразие возможно только потому, что Перволюцкий райком партии и комсомол запустили научно-атеистическую работу. Я очень поразился статье. Подумал, что автор путает адреса, ибо я сам слышал от церковного шофера о его поездке с уполномоченным в Курманаевку. Утром я сказал шоферу о своем недоумении, но он мне ответил: «Когда я возил комиссию в Курманаевском районе к родникам, то дорогой уполномоченный говорил, что он ездил по такому же делу из Сорочинска в Кулагино, машину брали в сорочинской церкви». К осени я прочитал в «Литературной газете» статью, в которой сообщалось, что в Тамбовской области в текущем году появилось много неожиданных источников, население совершало массовое паломничество к ним. Этого бы не было, если бы велась достаточная научно-атеистическая работа, следовало бы к разъяснительной работе привлечь стариков-краеведов, они бы разъяснили, что в появлении родников нет ничего чудесного и такие явления происходили не раз за их жизнь. Отрицать, во что бы то ни стало отрицать малейшую возможность чудесного — такова тактика современных атеистов. Но могу ли я, видящий руку Господню, отнести к чистой случайности 3 события, происшедшие со мной в бузулукский период?

Ежегодно в девятую пятницу после Пасхи в оренбургском соборе празднуется, прославляется чудотворный образ Табынской Божией Матери. Обычно на торжественное богослужение съезжаются настоятели всех церквей епархии. В 1956 году настоятель послал меня представлять бузулукский Петропавловский собор. Я принимал участие в торжественном соборном богослужении, отец Константин поручил мне сказать слово в храме, что я и сделал по силе своих возможностей и разумения, принимал непосредственное участие в несении чудотворного образа вокруг храма над цепочками коленопреклоненных прихожан. Мне вспомнилась встреча чудотворного образа, носившегося для погружения в источник с[ела] Табынского в 1947 году... Прошло 9 лет и 14 дней. Я, когда-то «преклонивший колени совместно с толпою», не смеявший коснуться образа, уезжаю далеко, казалось бы, навсегда, но вопреки всему возвращаюсь обратно, пребываю в храме как священник, совершаю служение, говорю проповедь и несу чудотворный образ. Легко понять, что снова «глубокая радость наполняет мне душу волненьем».

В бузулукском приходе было принято, что каждый священник ежедневно служит или исправляет требы, но 5-ю неделю получает в полное свое распоряжение. В этот год впервые было установлено автобусное движение между г[ородом] Уральском и г[ородом] Бузулуком, и мы решили в отпускную неделю съездить в г[ород] Уральск. Это была изумительно удачная неделя. Девятого августа, в день святого великомученика Пантелеимона, мы молились в Преображенской кладбищенской церкви, после службы были у искреннего друга о[тца] Михаила Серебрякова, настоятеля храма. На 10 августа

приходилось празднование чудотворного образа Смоленской Божией Матери «Одигитрии», всенощную и обедню были в любимом старом соборе. Нанесли всем, включая и о[тца] Александра, визиты, а со своими друзьями, Татьяной Петровной и Василием Ивановичем, сплавали на лодке к Белым горам, где и провели весь день, рыбача и купаясь... А ведь год тому назад мы думали, что никогда не побываем ни в Уральске, ни в соборе!..

Я любил служить в бузулукской кладбищенской церкви, посвященной имени всех святых. Отсутствие соборного шума и толкотни, производимых приезжими из районов, вид из окна на кладбище и кромку заселенных гор над поймой р[еки] Бузулук вызывали в душе какую-то умиротворенность, покой. После заамвонной молитвы мы выходили на «Высшую...» к особо чтимой иконе Тихвинской Божией Матери. Эта икона раньше была в местном женском монастыре, говорили, что ее принесли на руках из Москвы, когда создавался монастырь. На иконе была искусно сделанная из желтого шелка риза, украшенная камнями, но лик Богородицы от времени потемнел и не просматривался. Как часто я, читая перед Ней молитвы, тайно от всего сердца просил Богородицу дать мне возможность увидеть Ее лик. Однажды, отслуживши в кладбищенской церкви литургию, я пришел домой. «Отец Владимир, здесь без Вас приходила женщина и спрашивала меня, не купит ли о[тец] Владимир у нее иконы. Иконы, говорит, хорошие, старинные, подвенечные, хранились в сундуке». — «Ну конечно, куплю... Но, может быть, очень дорогие? Скажите, пусть принесет». На следующий день, придя с кладбища, я получил от Евдокии Ивановны сверток, в нем лежали 2 иконы среднего размера, хорошего письма, в позлащенных серебряных ризах, с обратной стороны обтянутые красным бархатом. На одной был изображен благословляющий Спаситель, держащий в левой руке развернутое Евангелие с написанными словами: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга». На второй иконе — четко написанный образ Пресвятой Девы Марии с Младенцем на руках. Это был образ, пред которым я так часто молился в кладбищенской церкви — образ Тихвинской Божией Матери. С тех пор обе эти иконы сопровождали нас при переезде в другие приходы, а сейчас украшают красный угол нашей оренбургской квартиры. Совокупность трех встреч с иконами Божией Матери меня поразила...

В Бузулуке я впервые встретился с примером духовной слепоты, т. е. когда люди смотрят и не видят, стремятся сделать хорошее, а получается плохое, оскверняющее святыню храма, несущее в себе признаки грядущей «мерзости запустения». В Бузулуке к Вербному воскресенью было сшито облачение для священников и дьяконов. Матушка Елена после обедни в Лазареву субботу подготовила его к освящению, разложив его в алтаре на плащанице и столах. «Отец Владимир, нынче за всенощной будет надеваться новое облачение, настоятель просил освятить его», — обратилась она ко мне. Я стоял у южной двери, оттуда смотрел на разложенное облачение и недоумевал: что изображают причудливые рисунки на черном шелковом материале? Издали похожи на цветы, но какой-то необычайной формы. Через несколько мгновений я совершенно ясно увидел, что на черном фоне одной розетки изобра-

жен бордовой краской навивающийся четырехлапый дракон с оскаленной пастью и высунутым языком, на фоне же соседней розетки — зеленой краской летящая химера с распущенными крыльями, хвостом и растопыренными когтистыми лапами. «Матушка Елена, а что это за материал, что на нем изображено?» — спросил я. «Вероятно, цветы какие». — «Нет, ни освящать такое облачение, ни надевать я не буду, на материале изображены китайские драконы». — «Что Вы говорите? — воскликнула матушка Елена и подошла к облачению. — О Господи, верно Вы говорите». В алтаре присутствовали о[тец] Иларион и диакон о[тец] Василий, они также подошли к облачению и стали его рассматривать. Ни у кого сомнений не было, все стояли подавленные случившимся. Лежало 3 комплекта священнического облачения и 2 диаконского. В это время вошел настоятель. Алтарница обратилась к нему: «Отец настоятель, на облачении изображены драконы. Отец Владимир говорит, что такое облачение освящать нельзя». Настоятель бросил на меня быстрый взгляд, подошел к облачению и взял в руки ризу, взглянул на нее, мгновенно покраснел и раздраженно сказал алтарнице: «Уберите немедленно все, отнесите в кладовую, нужно его уничтожить». Мы спрашивали монашек, шивших облачение, и диакона, примерявшего свой комплект, как же они не увидели изображение дракона. Все отвечали в один голос: «Нам казалось, что это цветы». В последующие годы я не раз встречал такие явления, как проникновение изображения дракона в храмы, а как осмыслить такой факт?

Постройка Петропавловской церкви, как говорили, относится к началу возникновения города Бузулука... Прошли века, были пожары, бури и грозы, но Господь Бог хранил храм. Когда после революции закрывали и разбирали храмы, он, превращенный в зернохранилище, уцелел и вновь стал домом молитвы — собором. В 1956 г[оду] в целях сохранения храма от молнии по настоянию пожарной охраны на колокольни и над главным куполом установили громоотводы. Металлический прут возвысился на метр над крестами, а затем в расстоянии полуметра от кровли и стен спускался к земле. Подавляющее большинство людей было поражено такой демонстрацией маловерия в Господню охрану и твердой веры в науку, технику. Наступил 1961 год. Бури и грозы не коснулись храма, но началось закрытие церквей. Бузулукский собор буквально попал в число первых, 30 марта 1961 г[ода] его закрыли и разобрали до основания. Конечно, случаи с пошивкой облачения и устройством громоотвода больно ранили сердца прихожан, но поколебать их веру не могли.

Прихожане по внешности такие простые и в подавляющем большинстве бедные, но как они богаты верой и теми знаниями, мудростью, которые дает вера. Глядя на них, я всегда вспоминаю слова апостола Иакова: «Не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царства, которое Он обещал любящим Его?» (Иак 2. 5). В день Благовещения Пресвятой Богородицы в 1962 г[оду] я был в оренбургском соборе. Собор не мог вместить всех пришедших, они стояли снаружи, вдоль стен храма и усердно молились, до них долетали через открытые окна только отдельные слова песнопений. Помолвившись, они целовали камни наружных стен собора и шли домой. Только богатство веры и чистота сердца могут заставить поступать так. Как часто,

благословляя с амвона народ и видя в глазах молящихся пламя твердой веры, духовной радости, религиозного восторга, я сам возгорался в молитве и служение превращалось в сердечную беседу с Богом «о всех и за вся»... Так духовно насыщено шла моя жизнь и служение в Бузулуке. Если к этому прибавить, что в нем я продолжал служение за о[тца] Митрофана, приобщая приготовленными им в 1937 году Св[ятыми] Дарами, то кто бы мог поверить, что скоро я дам согласие добровольно покинуть бузулукский приход.

Владыка Михаил ежегодно объезжал приходы епархии. 11 сентября 1956 г[ода], в день Усекновения главы пророка, предтечи и крестителя Господня Иоанна, он служил в Покровском молитвенном доме, в котором настоятельством о[тец] Михаил Липатов. В 20-х числах сентября я и Варвара Васильевна были вызваны в епархиальное управление, владыка принял нас вечером в своем домашнем кабинете. «Варвара Васильевна,— обратился к ней епископ Михаил,— Вы, вероятно, догадываетесь, по какому вопросу я вызвал вас обоих, очень огорчаюсь и даже обижаюсь». Он немного помолчал и продолжил: «Я принужден снова вернуться к тому вопросу, о котором я говорил в прошлом году. Я только что приехал из Орска, вижу, что необходимо срочно назначить нового настоятеля в Покровский молитвенный дом. Эту должность предлагаю о[тцу] Владимиру и жду Вашего согласия». — «Владыка, как не хочется мне оставлять Бузулук! Я привык к нему, люди ко мне, хотелось бы несколько лет послужить на одном месте», — сказал я. «Я хорошо понимаю Вас, о[тец] Владимир, и отлично знаю о Вашем успешном служении в бузулукском приходе. Я бы не тронул Вас, но что мне делать? Я оставлял о[тца] Михаила, предлагал ему исправиться, и он давал обещание, но сейчас окончательно убедился, что о[тец] Михаил неисправим, его нельзя оставлять настоятелем. Кроме того, Орск растущий городской приход и во главе его должен стоять культурный, интеллигентный настоятель, поэтому я прошу дать согласие на Ваш перевод». Владыка нам рассказал о причинах, заставляющих его сменить настоятеля. За истекшие годы я хорошо изучил приходскую жизнь и понял, насколько важное значение для нормального развития прихода имеет подбор настоятеля. «Владыка, я понимаю Вас и должен только поблагодарить Вас за предложение и оказанное доверие и дать согласие на перевод», — ответил я. — Только прошу до моего переезда в Орск сделать тщательную ревизию Покровскому приходу и передачу дел и имущества прихода произвести в присутствии епархиального представителя». — «Конечно, о[тец], Владимир, Вашу просьбу исполним. Я надеюсь, что Вы, Варвара Васильевна,— обращаясь к жене, продолжал епископ Михаил,— ясно понимаете, что для пользы Церкви в Орске нужен новый настоятель и о[тец] Владимир самый подходящий кандидат».

Мы вернулись в Бузулук, вскоре я получил указ о назначении меня настоятелем Покровского молитвенного дома и 5 ноября 1956 года прибыл на новое место служения. На сердце снова легла печаль разлуки с приходом, со ставшими духовно близкими, как бы родными прихожанами. Чем мог я успокоить и ободрить себя? Только словами Священного Писания, слыша за ними голос Самого Господа. Думалось... услышал я снова Иисуса Христа:

«Жатвы много, а делателей мало» (Мф 9. 37). Попросил Господа, и Он соизволил сделать меня делателем, теперь меня посылают на другой участок жатвы, а я скажу: «Господи, не трогай меня, ибо мне хорошо здесь». Нет, тысячу раз нет! «От Господа стопы человеку исправляются» (Пс 36. 23). Да будет Его святая воля!..

Апрель—май 1962 г. Оренбург (12 марта 1966 г.).

Глава 6 Строительство дома Господня

«Господи! Возлюбил я обитель дома Твоего
и место жилища славы Твоей»

(Пс 25. 8)

Орск. Отныне в этом городе мне надлежало жить и трудиться настоятелем Покровского молитвенного дома. Уже 4-е место священнического служения, но прежним, резко выраженным остается соизволение Божие вести меня по местам, в которых я когда-то бывал. Уральск — это годы далекого, почти забытого детства и отрочества, Чимкент — пара месяцев курсантской военно-топографической практики, Бузулук — несколько месяцев напряженной подготовки перед поездкой в действительные военные части Восточного фронта, город же Орск — годы геодезической работы.

1933 год. Первая пятилетка. Страна строит первенцы индустриализации. Я начальник топографической партии Средневожского геотреста, располагаюсь в городе Орске, а подчиненные топографы и техники ведут мензурную съемку¹¹ в поселках Кумацком, Казачьем, районах станций Орск, Гудрон, Губерля. Везде лежат нетронутые степи. На месте будущего индустриального Орска существуют, как отдельные островки, крекингзавод и мясокомбинат. Планом пятилетки намечена постройка Орского локомотивостроительного завода, цеха его должны занять несколько квадратных километров, а строящийся город [был рассчитан на] 250 тыс. населения. В марте 1934 года я приезжаю из Куйбышева на постоянную работу в Орсколокомотивстрой на должность старшего геодезиста. Управление строительства помещается в бараке, мы, техперсонал и рабочие, живем в брусчатых домах типа РД-16, а главное начальство сидит в старом Орске, куда ездят на лошадях. Экспедиция государственного института проектирования городов ведет геотопографические работы для составления генплана завода и города. Я выделен от управления строительства приемщиком геодезических работ и, кроме того, непосредственно обслуживаю постройки района соцгорода. В 12-м квартале соцгорода закладываются первые многоэтажные дома. Геодезическую разбивку их произвожу я, и, таким образом, в первом доме нового Орска, так называемой пятиэтажке, заложена частица и моего труда. Через 22 года на месте пустырей возник большой современный город с десятками крупнейших заводов союзного значения, а я снова приезжаю в него, но уже священником, более того,

настоятелем, т. е. человеком полностью ответственным за духовное и материальное процветание общины верующих — советских граждан, жителей и строителей города.

В каком же положении я принял приход? В состоянии полной запущенности. Начну со здания молитвенного дома. При открытии прихода в районе непланового поселка был куплен обычный каркасно-засыпной дом размером 6×10 м. В дальнейшем его удвоили в длину, пристроенную часть слегка расширили, все здание нарастили на полтора метра в высоту, на крыше сделали 2 маленькие главки. Общая площадь здания достигла 132 кв. м, которая, конечно, не могла удовлетворить потребности прихода в городе со 180 тыс. населения. С южной стороны молитвенного дома остались следы попытки пристроить террасу. Не радовало и внутреннее убранство храма. Стены были увешаны без всякого порядка разномерными иконами. На некоторых местах потолка и стен были повешены большие иконы — картины на темы Священного Писания, но их художественное исполнение прежде всего говорило о полном небрежении или неумении иконописца. Деревянный иконостас был «инкрустирован» гипсовой лепкой, выдававшей, что ее сделал «мастер на все руки», а не лепщик. Еще большую грусть вызывал алтарь. На горнем месте висел написанный тем же беспомощным художником образ Царя славы, а остальное пространство стен было беспорядочно увешано множеством пожертвованных маленьких иконок размером 9×12 и 12×20 см. Потолок, обшитый вагонкой, разохся, зияли щели. На жертвеннике, накрытом платком, стояли дискос и хромированная чаша. Они были из разных комплектов. Когда я заглянул в чашу, то увидел, что внутренняя полуда отпала и обнажила почерневший металл. «Отец Алексей, — спросил я второго священника, — неужели нет другой чаши? В этой же служить нельзя». — «Отец Владимир, есть еще одна, в ней служим в праздники, а в этой в будни. Конечно, вино в ней быстро скисает, но настоятель говорит, что нет возможности ни отремонтировать эту чашу, ни купить новую». Ризница в убогом состоянии. Приход был трехштатный, а в шкафу висели лишь одиночные ризы, на соборное служение выходить было не в чем, но о[тец] Алексей разъяснил, что оно здесь не практиковалось.

Штат священнослужителей в то время был следующим. Настоятелем являлся священник о[тец] Михаил Липатов. На этом приходе он служил уже 10 лет, со всеми сжился и сроднился, церковный совет, ревкомиссия, двадцатка были им тщательно подобраны и его желания и намерения понимали с полуслова. Отец Михаил установил хорошие отношения с властями как в городе, так и вне. В городе Орске жили в собственных домах его взрослые замужние дочери и брат. В [19]30-х годах о[тец] Михаил прибыл в Орск как спецпереселенец и здесь работал каменщиком по кладке заводских труб. Он был убежден, что никто и ничто не поколеблет его настоятельского положения до самой смерти. Вторым священником служил о[тец] Алексей Левшин, третьим — отец Илья Бородин, впоследствии ставший в епархии первым отреченцем от Бога и сана. Оба священника были в полной зависимости от настоятеля, пугавшего их откомандированием с прихода, а следовательно, ли-

шением места. Диакон о[тец] Василий Петрушев был из одного села с о[тцом] Михаилом и находился с ним в родстве, он полностью разделял взгляды и практику настоятеля по всем вопросам. Особенно меня поразило то, что в таком большом городском приходе причт 4 раза в год — на Пасху, Рождество, Крещение и престольный праздник — ходил по домам верующих; в домах их часто угощали водкой и бражкой, они не отказывались от угощения и часто к вечеру бывали сильно «навеселе». В хождении по домам кроме настоятеля и диакона была заинтересована также группа приближенных лиц. В орском приходе выпивкой сопровождалась многие требы, водку подавали после отпевания, молебнов и панихид. Чтобы можно было свободно посидеть, старались требы сосредотачивать на поздний вечер.

Напротив молитвенного дома, через дорогу находился церковный дом, используемый для крещения. В нем была та же бедность. Несколько икон в переднем углу, под ними на полочке стоял простой стаканчик со Святыми Дарами для причащения младенцев. Среди комнаты — самодельная купель из простого железа, покрашенного белилами, но кое-где обнаженного и поржавевшего, вдоль стен комнаты разместились столы для раздевания детей.

Общине Покровского молитвенного дома принадлежало 5 жилых домов, но из них только 2 были оформлены на общину, третий, самый лучший, был оформлен в личную собственность настоятеля о[тца] Михаила, четвертый — на его дочь Веру, а пятому так и не удалось установить юридического хозяина. Значительная часть облигаций госзаимов, приобретавшихся церковью, хранилась на личных счетах бывшего старосты Овчинникова М. И. и члена церковного совета Суровцева П., уже умершего.

Можно подумать, что я нарочно сгущаю краски, изображая такую запущенность дел. Чтобы не допустить этих сомнений, я просто процитирую только несколько строк из акта ревизии от 3 ноября 1956 года, составленного ревизором епархии. Этот акт без всяких возражений был подписан как бывшим настоятелем, так и членами совета, ревкомиссии и бухгалтером. Вот что было записано в акте: «Инвентарной книги по учету имущества, церковной утвари и инвентаря не имеется, таким образом, все приобретенное храмом и пожертвованное верующими имущество и инвентарь после 1951 года не учтены... Фактическое наличие товарно-материальных ценностей имеет расхождение с данными учета. Проверкой установлено, что продавцами у свечного ящика практикуется продажа возвратных свечей, в момент снятия остатков обнаружился излишек свечей в количестве 81 штуки. Оформление первичной документации слишком примитивно (записки, тетрадки, шпаргалки). Деньги выдаются исключительно по распискам, в большинстве которых нет даже фамилии, имени и отчества получателя, а лишь только его росчерк. Ежемесячно у продавцов имеется недостача и т. д.»

На второй день моего приезда приходилось 7 ноября — день празднования революции. Обычно в этот день рано утром совершалась литургия и служился молебен о даровании мира и процветания нашей дорогой родине. Когда 6 ноября я пришел ко всенощной, то увидел, что церковь убрали по-праздничному, паникадила, подсвечники, седмисвещник были вычищены,

на иконы повешены чистые полотенца, престол был накрыт скатертью золотистого цвета. Наведенная чистота радовала, но чувство ощущения бедности помещения, иконостаса, облачения не покидало меня. Угнетала пустота потолков в алтаре и беспорядок висевших на стенах иконок. Я перевел свой взгляд на престольное покрывало и поразился увиденному: посередине покрывала было изображено солнце, испускающее лучи, а из каждого угла скатерти к нему ползли, извиваясь и оскаливая пасти, драконы, стремясь его растерзать. Я остолбенел, но сдержался и во время службы никому не сказал об увиденном. По окончании всенощной я обратился к алтарнице, ведавшей ризницей: «Феклуша, это что за покрывало, которым покрыт святой престол?» — «Это, о[тец] Владимир, наше самое лучшее, китайское, в праздники покрываем. Понравилось?» — «А разве Вы ничего не видите? Его не только стлать на престол, но даже в церкви держать не следует, на нем изображены драконы,— я развернул углы скатерти и показал присутствующим.— Больше его не употребляйте и унесите из храма, дайте нам другой комплект престольного облачения. Отец Алексей, давайте переоблачим св[ятой] престол». Когда сняли покрывало, то я увидел, что о[тец] Алексей вместо расстегивания пуговиц или развязывания ленточек стал со всех четырех сторон отстегивать английские булавки. Я вновь удивился и спросил: «Что это у вас престольное облачение застегивается на английские булавки?» — «Да, у нас все так пошито»,— ответила Феклуша. «Облачение надо исправить, сделать его на пуговицах, как везде, чтобы никаких английских булавок на престоле больше не было»,— сказал я, отходя к жертвеннику. Около жертвенника стоял термос, в нем приносили кипяток для теплоты. Термос был также китайский, и на нем была приклеена бумажная фабричная этикетка. Я сорвал ее и показал присутствующим: «Смотрите, в чем носите кипяток,— и здесь извивающийся дракон». По глазам людей я видел, что не только у меня, но у всех было тяжело на душе от обнаружения знаков «мерзости запустения».

Через несколько дней на приставном престоле я совершал раннюю литургию. Когда я развернул св[ятой] антиминос, то прочитал, что он освящен для храма св[ятых] апостолов Петра и Павла. Стало отрадно от такого знаменательного, ободряющего совпадения. Я грустил, что пришлось покинуть бузулукский Петропавловский собор, в котором вторым приделом был Покровский. Переехав в Орск, я получил обратное положение: главным престолом стал Покровский, а приставным — св[ятых] ап[остолов] Петра и Павла. Это совпадение ясно говорило, что я по-прежнему нахожусь под небесным духовным водительством и покровительством Пресвятой Девы Марии и первоверховных апостолов Петра и Павла.

Но с чего мне начинать настоятельную деятельность и можно ли надеяться на какие-либо изменения к лучшему? Сложившаяся обстановка в епархии давала такую надежду, было самое главное и основное для успеха — епархией управлял епископ Михаил (Воскресенский). Когда я вспоминаю о нем, то на ум приходят слова псалма: «Вознесох избранного от людей моих» (Пс 88. 20). Он родился в семье священника, ставшего в [19]20-е годы архиереем, окончил духовную семинарию, после которой поступил в Московский универси-

тет на историко-филологический факультет, затем работал в гражданских учреждениях. После возвращения с фронта Отечественной войны в 1946 году он принимает священство и через 7 лет, в 1953 году, хиротонисан во епископа Оренбургского и Бузулукского. Выше среднего роста, худощавый, с небольшой бородкой и длинными седыми волосами, он имел типичный вид архипастыря. Высокообразованный, знающий и любящий искусство, без всякого религиозного фанатизма, но горячо и искренне любящий Церковь, лишенный гордости, самомнения, корыстолюбия, отзывчивый и добрый, он со всеми приветлив и прост в обращении. Свою любовь, богатые способности и энергию отдает делу благоустройства епархии. В лице настоятеля кафедрального собора протоиерея о[тца] Константина имеет достойного и энергичного помощника. При них началась многолетняя роспись оренбургского собора, превратившая его в столь благолепное место молитвы, приобретались церковная утварь и облачения, построили прекрасное помещение для крестильной, купили дом для епархиального управления, позолотили купола, установили новые иконостасы. Причем владыка Михаил всегда стремился не только к хорошему, но к уникальному или, в крайнем случае, к воспроизведению лучших образцов XVIII и XIX веков, используя свою богатую библиотеку по вопросам церковной архитектуры. Доказательством этих стремлений являются иконостасы и киоты оренбургского собора. Ежегодно епископ Михаил объезжал приходы епархии и радовался каждому проявлению старания настоятелей по благоустройству приходов, каких бы сторон оно ни касалось. При нем развернулись широкие работы по ремонту и реконструкции храмов, включая и постройку новых (Саракташ, Кувандык). При епархиальном управлении были созданы бригады художников-иконописцев, мастерские по изготовлению различной утвари и больших крестов на главы церквей. Епископ Михаил не знал скуки, всегда был занят. Мне приходилось часто встречаться с ним, каждый раз я заставал его за каким-либо делом. В те годы он перерабатывал свою диссертацию «Религиозные мотивы в творчестве русских поэтов» — интереснейший и полезнейший труд, или он составлял свои краткие, но глубокие по содержанию проповеди, делал выписки из книг и журналов, подбирая материалы к росписи собора и других церквей епархии. Короче говоря, обстановка в епархии была такой, что каждый настоятель, радеющий об устройстве прихода, украшении храма, находил в епископе Михаиле мудрого руководителя и активного помощника. Я знал, что только горячее желание выправить орский приход побудило владыку Михаила освободить от настоятельства о[тца] Михаила Липатова и что он поддержит меня в моих действиях.

Руководящие власти в лице уполномоченных при облисполкомах и других также не чинили каких-либо препятствий в проводимых работах по ремонту и постройке церквей, а тем более внутреннему благоустройству. Все еще помнили указания ЦК КПСС в ноябре 1954 года, подписанные Н. С. Хрущевым, «о некоторых ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды». Никому не приходило в голову отрицать действенность постановления Совета Нар[одных] Комиссаров СССР от 22 августа 1945 года, которым представлялось церковным общинам патриархии, епархиальных управлений,

приходским общинам и монастырям юридическое право на приобретение транспортных средств, производство церковной утвари и предметов религиозного культа, продажу этих предметов общинам верующих, аренду, строительство и покупку в собственность домов для церковных надобностей с разрешения уполномоченных в областях, краях и республиках. Предлагалось не препятствовать церковным общинам производить колокольный звон, используя имеющиеся колокола, и не препятствовать приобретению их. Предлагалось исполкомам при планировании предусматривать в пределах возможного необходимость снабжения строительными материалами приходских общин для ремонта церковных зданий (Сообщение председателя [Совета] по делам Р[усской] П[равославной] Ц[еркви] от 28 августа 1945 года № 4198). Никто еще не забывал, что представитель советского правительства на Соборе Русской Православной Церкви в 1945 году сказал: «Православная русская церковь в дни тяжелых испытаний, которым неоднократно подвергалась наша родина в прошлом, не порывала своей связи с народом, жила его нуждами, чаяниями, надеждами и вносила свою лепту в общенародное дело» (газ[ета] «Известия» от 4 февраля 1945 года № 29). Дружелюбное отношение к Русской Православной Церкви и верующим подчеркивалось тем, что в начале 1957 года советское правительство постановило распространить социальное страхование на граждан, работающих в церковных общинах, за исключением священнослужителей и членов церковного совета. По этому постановлению все церковные общины обязывались заключить трудовые соглашения со сторожами, уборщицами, шоферами, счетоводами, живописцами, резчиками и т. п., визировать их в профсоюзе коммунальных работников, вносить за них в союз 18% с получаемой ими зарплаты, что даст им право на зачисления работы в общине в трудовой стаж и получения пенсии на общих основаниях со всеми трудящимися.

Прежде всего выправление прихода надо было начинать с создания здоровых, нормальных отношений между служителями. По личному опыту я знал, что в многоштатных приходах всегда есть условия к недовольству и недоразумениям. Церковный устав, излагающий порядок служения и взаимоотношений, часто подчеркивает: «аще изволит настоятель». На основе этого указания в подавляющем большинстве приходов чрезвычайно выпячивается настоятель и принижаются другие служители. Настоятель служит только поздние и праздничные литургии, не выполняет никаких треб, но пользуется лучшим материальным обеспечением. Каждый подчиненный находится в напряжении, ожидая, что прикажет настоятель: крестить, отпевать, служить молебен. Если до революции, когда в настоятели приходили лучшие, заслуженные, такое положение находило оправдание, то его нельзя было поддерживать сейчас. Оно противоречило демократическим взглядам нового, молодого священства и вызывало у них затаенное недовольство. Но это у тех, которые попадали в подчинение, а тех, которые сами попадали в настоятели, развращало и губило.

В один из воскресных вечеров я созвал своих сослуживцев на совещание. «Вот, теперь наш приход стал четырехштатным,— сказал я,— и нам не-

обходимо подумать, как будем дальше служить. Мой план и предложение такие: воспользоваться опытом гражданских учреждений и служить по графику. График будет висеть, и каждый заранее будет знать на 4 недели, что и когда ему нужно делать, сможет более тщательно подготовиться к служению и правильно построить свой служебный и бытовой режим. Нас четверо, и все мы должны нести равные тяготы. Я отказываюсь от преимуществ настоятельства, буду иметь, также как и все, одну неделю служебную, другую на крестинах, третью на разъездных требах, четвертую резервную, т. е. помогать всем, где это потребует. За собой оставляю лишь право на поздние литургии двенадцатых и великих праздников. Давайте более тщательно рассмотрим предлагаемый мной график», — закончил я свое выступление. — «Должен добавить, что все священники должны обязательно, за исключением выходных, приходить утром в храм, посылку вызывных следует отменить, ведь ходят рабочие и служащие ежедневно на работу». — «Отец Владимир, а как же будет с отдыхом и если человек заболит?» — спросил меня встревоженный о[тец] Илья, любивший поспать и наиболее часто пропускавший службы. «У нас есть резервный, при помощи его каждый еженедельно будет получать выходной день, он же будет заменять болящего». Отец Алексей был доволен предложенным графиком, на него ложилось большей частью служение и совершение треб за проспавших или не вышедших. Отец Михаил, чувствуя в моем предложении косвенное осуждение имевшегося порядка на приходе, насутился и молчал. Но преимущество введения графика было столь очевидным, что его приняли единогласно.

«Есть и еще вопрос, который мы должны обязательно обсудить, — хождение по домам верующих в праздники. Я считаю, что от хождения нужно отказаться. Сейчас изменились условия, мы живем в большом городе с многоэтажными домами. Сколько оскорблений и ругательств наслушается священник при хождении, кроме того, часто и бабюшки своим поведением дают повод к ним. Я за решительный отказ от хождения». Предварительно я обменялся мнениями и знал, что о[тцы] Алексей и Илья против хождения по домам и подчинялись лишь настоятелю, получавшему вместе с диаконом при хождении широкую возможность выпивок. «Нет, надо ходить по домам, мы по домам ведь разносим благодать», — прогудел басом диакон о[тец] Василий. «Отец Василий, ты говоришь о благодати, а забываешь, каким тебя часто привозят домой после хождения», — ответил я. «Отец Владимир, народ нас будет осуждать, если перестанем ходить, — не выдержал о[тец] Михаил, — да и доход уменьшится». — «Отец Михаил, я переговорю с прихожанами и уверен, что они даже одобряют такое решение. Конечно, доход уменьшится, но не на большую сумму, к тому же я официально об отказе от хождения предлагаю сообщить в горфо и просить их учесть это обстоятельство при обложении налогом». Отец Алексей и Илья меня поддержали, а Липатов и диакон были против. Идти в этом вопросе в приказном порядке было нельзя, и я сказал: «Вижу, что вам трудно сразу согласиться с отказом. Давайте поступим так: кто согласен прекратить хождение, то завтра подпишем и пошлем в горфо заявление, а те, кто — за хождение, могут его не подписывать и по-прежнему

ходить в праздники по домам, о чем также будет знать горфо». Отец Михаил и о[тец] Василий не захотели остаться на отшибе и согласились подписать заявление и тем самым прекратить ходить по домам.

Будучи простым священником, я любил ежедневно бывать в храме, а теперь, когда стал настоятелем, тем более усилились мои посещения храма. Во время обедни я читал поминания, вел исповедь, выходил крестить младенцев, после обедни часа два решал со старостой административно-хозяйственные и финансовые дела. Личный пример неленостного служения обличал нерадивых и заставлял их подтягиваться в дисциплине и службе, в дальнейшем на приходе исчезли какие-либо недоразумения между священнослужителями. Прихожане, видя столь четкий распорядок, только радовались.

В ноябре нужно было составить смету на 1957 год, форма и соответствующие указания были даны епархиальным управлением. Я обратился к старосте церкви Якову Пантелеимовичу Шеремету: «Яков Пантелеич, к 25 ноября нужно составить смету. Следовало бы продумать каждый пункт сметы, чтобы она была действительным документом к руководству. Ты попроси бухгалтера Фролова, чтобы он подобрал соответствующие данные и вечером заглянул к нам». Но с бухгалтером Фроловым мне увидеться не пришлось. Еще при производстве ревизии епархиальным ревизиром он понял, что кончилось время отчетности по «руководящим запискам». Ему стыдно было показаться на глаза, и он решил отказаться от дальнейшей работы, об этом он заявил старосте, староста мне. «Ну что же, давай искать нового бухгалтера. Отказ Фролова, может быть, к лучшему, он позволит найти нового бухгалтера, поставить дело учета так, как следует», — осталось мне ответить на сообщение старосты. Вскоре нашелся новый бухгалтер — пенсионер Михаил Михайлович Андреев, ранее он работал в ИТК¹², отлично знал дело учета, отличался деловитостью и требовательностью к подотчетным лицам. Прежде всего я поручил ему сделать сравнительные таблицы приходо-расходных статей месячных отчетов и смет за последние 7 лет. Когда они были сделаны, то для нас стала ясной картина прошлого, мы смогли точно определить наши перспективы, увидеть скрытые резервы. Смета на 1957 год была составлена с увеличением приходной части против прошлых лет. В ближайшие же месяцы бухгалтерский учет Михаил Михайлович превратил, как говорится, «в зеркало производства», за что он получал неоднократные похвальные отзывы от управления.

В старосте Я. П. Шеремете я нашел единомышленника, болельщика за храм, за честное отношение к своим обязанностям. Как бывший железнодорожный мастер-путеец, он с полслова понимал меня и одобрял мои требования, ему можно было поручить любое хозяйственное дело и быть уверенным, что он его выполнит только на «хорошо». За его плечами был большой жизненный опыт и большая энергия. Впоследствии у него появилась такая манера: часа через 2 по окончании воскресных и праздничных служб он заходил в алтарь и докладывал мне о результатах. Было заметно, что он радуется и гордится нашими успехами. «Яков Пантелеич, больно у нас в храме бедно: ни хороших икон, ни утвари, ни облачений. А ведь у нас есть средства —

ни перед Богом, ни перед людьми нам не оправдаться», — однажды я сказал ему. «Отец Владимир, я не против улучшения, но с чего начинать? Давайте, указывайте», — ответил староста. «Сейчас зима, с храмом делать, конечно, ничего нельзя. Начнем с крестильни, переоборудуем ее, чтобы люди имели уважение к ней, ведь сколько бывает в ней молодежи! Пригласи ко мне Петра, который писал вам иконы». Я рассказал старосте о плане переоборудования крестильной, он приступил к его осуществлению. Через месяц помещение крестильной нельзя было узнать. В красном углу был установлен изящный киот с остекленной дверцей, внутри он был обит золотистым крепдешинном; там висела небольшая икона Спасителя, преломляющего хлеб, под иконой на постаменте, обтянутом шелком, стояла небольшая хрустальная чаша со Св[ятыми] Дарами, покрытая специально вышитым покровцом. По обе стороны кивота висели на стенах большие иконы Спасителя и Божией Матери. Немного левее на специальной подставке стоял большой образ Казанской иконы Божией Матери. Перед всеми иконами висели горящие лампы. Здесь же стоял аналой, на нем лежали Евангелие, крест, Требник и крестильный ящичек. Полы, стены, окна, двери, потолки сверкали свежей масляной краской, продолговатые столы для раздевания детей также были покрашены, на окнах висели новые гардины. Перед крестильным помещением оборудовали комнату для ожидающих и комнату для занятий бухгалтера и приема посетителей. В доме стала жить только одна женщина, выполнявшая обязанности сторожихи и помощницы при крещении.

Наибольший интерес к делам благоустройства из священников проявлял о[тец] Алексей. Я привлек его к ним, и он оказался ценным помощником — у него был большой опыт, так как он до священства служил много лет диаконом в кафедральном соборе. Облачение престолов, жертвенника и украшение алтаря стало его привилегией. На первых порах я сказал ему: «Отец Алексей, посмотрите, как висят у нас иконы... в полном беспорядке. Неужели нельзя их было повесить поаккуратнее?» — «Конечно, можно было. Но ведь, о[тец] Владимир, всякую попытку в этом направлении бывший настоятель воспринимал как подрыв его авторитета... недолго было и вылететь из прихода». Выбрав свободную неделю, мы сняли все иконы, рассортировали их по размерам и содержанию, а затем стали вешать в новой композиции, строго соблюдая закон симметрии и горизонтальности. Эффект получился разительный: каждому входящему в храм бросались в глаза наведенный порядок, забота о храме. После переоборудования крестильной и перевешивания икон как прихожане, так и все служащие поняли, что слова о налаживании прихода говорились не на ветер. Группе же оппозиции, ждавшей возврата старого настоятеля, стремившей опровергать малейшую мысль об улучшении, стало невозможно выступать с защитой о[тца] Михаила и о его якобы неправильном снятии с настоятельства: факты улучшения были налицо.

Смету на 1957 год, прежде чем послать на утверждение в епархию, подвергли рассмотрению на собрании церковного совета, ревкомиссии и членов двадцатки. Открывая собрание, я сказал: «Нам всем известны результаты ревизии и отмеченные недостатки. Кроме того, сейчас мы тщательно просмотрели

итоги за 7 предыдущих лет и пришли к выводу, что приходная часть сметы должна быть выше. Такое увеличение мы и закладываем в смету предстоящего года, но для этого мы должны навести порядок во всем. До сих пор у нас как бы не было возврата свечей, не было поступлений от крестильной, а в ней продаются свечи, крестики, иконки. Сейчас у нас постоянный бухгалтер, он поможет всем наладить правильный учет, а мы его в этом отношении будем поддерживать. Нам нужно поднять доход, впереди у нас большие расходы, здание храма требует капитального ремонта. На прошлой бесхозяйственности нужно поставить крест, а в дальнейшем всем без исключения к своим обязанностям относиться добросовестно, помня, что все мы служим в храме. Кому трудно перестроиться, пусть заранее уйдет». Выступивший бухгалтер изложил вводимую систему учета во всех звеньях, связанных с материальными ценностями: староста, кладовщик, продавцы. Смета была единогласно одобрена, и все пообещали приложить старания к изжитию бывших недостатков.

Наибольшего напряжения для своего выполнения от священника требовало совершение крещений младенцев в воскресные и праздничные дни. Трудность возникала по двум причинам. С одной стороны, детей теперь крестят подростками — полу- и годовичками, а к этому возрасту они становятся капризными — кричат, плачут и т. д. С другой стороны, подавляющую часть крестин совершают в воскресенье, когда бывают свободны родители и кумовья, а следовательно, приходится крестить одновременно несколько детей. Один из них заплачет, другие подхватывают; родители и кумовья начинают волноваться, пытаются их успокаивать. Священнику нужно иметь крепкие нервы и выдержку. Конечно, в таких условиях должна быть хорошая помощница, способная вести запись, продавать свечи, крестики и получать плату за крещение. Эту обязанность в Орске исполняла Мария Г., доверенная, «правая рука» о[тца] Михаила. Наступило воскресенье, когда я должен был крестить. До часу дня не прекращался поток посетителей. Приходилось одновременно крестить до 10 младенцев, на них полагается 20 восприемников — комната забивалась до отказа. По окончании крещения в комнату входили матери, чтобы получить молитву на сороковой день и причастить детишек. Мария отлично справлялась со своими обязанностями и не замечала, что я внимательно слежу за ней. По окончании крещений я пригласил Марию в конторку и повел такой разговор: «Помнишь, Мария, когда я приехал, то ты сразу меня предупредила, что на тебя будут многое наговаривать, но этим сплетням верить нельзя». — «Помню, о[тец] Владимир, наш разговор, болтают на меня, завидуют». — «Я сказал, что людским разговорам верить не буду. Скажи: нынешний день по числу крещений как всегда?» — «Конечно, обычный, как всегда», — ответила Мария, не догадываясь о ходе моих размышлений. «Так вот, давай подсчитаем: сколько может быть крестин за месяц, — сказал я и подробно при Марии подсчитал ожидаемое число крестин в месяц. — Верно будет столько?» — «Да, будет», — продолжала недоумевать Мария. «А раз так, то церковь должна получить такую-то сумму и мы должны получить со склада столько-то свечей и крестиков». — «Отец Владимир, многие же берут

свечи и крестики в церкви», — сказала Мария, догадываясь о цели разговора. «Мы вместе с тобой нынче видели, что в церкви берет крестики только десятая часть, а остальные здесь. — Я немного помолчал, давши Марии возможность оправиться от смущения. — Вот, я взял справку со склада, что и когда ты получала, а из бухгалтерии справку, сколько и когда сдавала за проданные свечи и крестики. Полная несуразица: со склада почти не получала, а торговала, торговать торговала, а церковь денег почти не получила». Мария была подавлена. Я в душе жалел ее, знал, что не сама она пошла на эту систему, другие понудили, но оставить ее на этом месте не мог. Она была той червоточиной, которую нужно было удалить, и я продолжал: «Видишь, Мария, мне не нужно слушать людей. Нынешний день показал все, тебе нельзя оставаться в крестильной». — «Отец Владимир, я исправлюсь, буду делать так, как Вы прикажете». — «Ты была на собрании. Я говорил, что нужно работать добросовестно, а ты нынче при мне продала несколько свечей уже заживавшихся, правда?» — «Да, — Мария поняла, что дальнейшее заpiresательство только ухудшит ее положение, но все же выдвинула довод. — Я это делала для пользы церкви». — «Ты все твердишь: для пользы церкви. Но какая же ей польза? Она денег с тебя не получила. Для пользы церкви нужно было делать так: проданные и затушенные свечи ломать и складывать в огар, продавать те, новые, полученные со склада, деньги сдавать под расписку старосте или кассиру». Мария поняла, что ее я не оставлю в крестильной и попросила: «Отец Владимир, но оставьте меня уборщицей в церкви, я столько лет работала в ней». — «Хорошо, Мария, на эту должность мы тебя переведем и даже будем доплачивать, если будешь петь и читать на левом клиросе». — «Спасибо, о[тец] Владимир», — ответила Мария. На следующий день я сообщил о разговоре с Марией и принятом решении старосте и бухгалтеру и попросил найти подходящего кандидата для работы в крестильной. Вскоре он был найден.

Но еще большее значение для финансового состояния церкви имела нормальная, здоровая работа продавцов свечных ящиков. Их было двое: Лопин и Хорошилов, оба являлись членами церковного совета с начала организации общины, большие друзья бывшего настоятеля. Их плохую работу отметили в акте ревизии, но просто их снять было нельзя, появились склоки и жалобы, нужно, чтобы они сами пожелали уйти из продавцов. Вначале они, как и о[тец] Михаил, ожидали, что я постараюсь установить с ними тесный контакт и, может быть, возникнут между нами желательные им отношения. Я же уклонился от всякого вмешательства в их дела, снятие остатков, рапортчиков о реализации производил бухгалтер. Они успокоились и подумали, что все может идти так, как раньше. Однажды во время обедни я пошел в крестильную не через алтарную дверь, а через общий выход и должен был пройти мимо свечных ящиков. За ними стояли продавцы, и перед ними лежали разложенные иконки, лампадки, крестики, венчики, свечи. Я отлично знал внешний вид свечей, получаемых с епархиального склада, чужие, посторонние свечи мог отличить безошибочно. Проходя мимо Лопина, я взглянул на лежавшие перед ним свечи и увидел, что среди них лежит связка чужих. Я тотчас же подошел к ящику и взял эту связку. Лопин вскинул глаза, увидел меня и сразу

смутился. «Тимофей Яковлевич, это что же такое?» — сказал я, показывая взятые свечи. «Свечи», — ответил продавец. «Я беру их». — «Но как, о[тец] Владимир, за них нужно заплатить деньги», — сказал овладевший собой Лопин, видимо надеявшийся как-то вывернуться. Я вынул из кармана деньги, причитавшиеся за свечи, отдал их продавцу и вышел. После обедни я пригласил в бухгалтерию всех членов церковного совета и ревкомиссии, на столе попросил положить свечи нашего склада. Когда все собрались, то я рассказал им о произведенной мной покупке свечей у Лопина, положил их рядом с другими и попросил их тщательно сличить. Тут же присутствовал Лопин. Сравнивать было нечего: любому было видно, что лопинские свечи куплены в магазине. «Как же поступим в этом случае? Может быть, ты, Тимофей Яковлевич, что скажешь в свое оправдание?» — задал я эти вопросы. Но кто что мог сказать? Все молчали. Тогда я предложил: «Мне думается, что лучше всего Тимофею Яковлевичу самому уволиться. Ему уже много лет, и все подумают, что он на старости хочет отдохнуть». Не будь вещественного доказательства, может быть, Лопин стал сопротивляться, жаловаться, но он понимал, что каждому я могу показать купленные у него свечи и тем самым происшедшее предать широкой огласке. «Да, я прошу освободить меня от продажи свечей», — прошептал Лопин, вынуждаемый обстоятельствами.

Через 3 месяца попросил освобождения и второй продавец — Хорошилов Василий Тихонович. Плохое качество его работы стало изобличать не только сравнение с многолетними данными, но и с результатами новой продащицы свечей Варвары Литвиновой. Каждый месяц оказывалось, что результаты Хорошилова ниже, чем наполовину. На наш вопрос, почему это происходит, он отвечал: «У ней место лучше, все к ней идут, а меня обходят». Мы поменяли продавцов местами, но результаты оказались даже хуже: у Литвиновой выручка пошла выше среднегодовых, а у Хорошилова стала падать ниже самых минимальных. Когда мы показали эти итоги Хорошилову, он, понявши, что кончилось прежнее бесконтрольное житье, сам попросил освободить его от работы. Просьбу удовлетворили, на его место была принята Александра Иванова.

Приближались праздники Рождества Христова и Крещения Господня. Хотелось их чем-то отметить, решили сшить новое облачение на престолы и полный комплект священнического и диаконского облачения. Шитьем ведала алтарница, она же и ризничая, монахиня Феклуша. «Феклуша, церковный совет решил к праздникам сшить облачение на престолы и для священников. Сами порадуемся и прихожан порадуем — увидят, куда идут их пожертвования. Сможешь это дело организовать?» — спросил я. «Смогу, о[тец] Владимир, помощница у меня есть, Параскева Яковлевна скроит, а шить помогут Шура Иванова и Нюра Болтавская. Конечно, народ сильно обрадуется», — ответила Феклуша, большая любительница чистоты, порядка и церковного благолепия. «Только всем руководить буду я, чтоб шить как надо. Дам форму выкройки крестов — видишь, какие у нас они неаккуратные. Сошьем голубое для Богородичных праздников. А отделка какая будет?» — спросил я. «Думаю, неплохо будут ленты золотистого цвета», — предложила Фек-

луша. «Да, получится неплохо,— ответил я, оценив сочетание цветов.— Купите также хорошие пуговицы, чтобы все было хорошо». В ближайшие дни я вместе со старостой и Феклушей объехал все универмаги, и мы купили понравившейся нам материал. Когда я дал выкройку крестов в натуральный размер и по ней нашили кресты на престольное облачение, застегиваемое на бронзовые изящные пуговицы, все поняли, что я не привередничаю, а действительно сторонник и любитель хороших вещей. К Рождеству Христову в епархии мы приобрели новый позлащенный комплект утвари, а имеющейся посеребрили. Народ был поражен такими изменениями и удивлялся: откуда берутся такие средства? Им же без конца раньше твердили: нет денег... Начались добровольные целевые пожертвования: кто жертвовал на завесу, кто на утварь, кто на облачение и прочее.

Петр Михайлович Базлин, приглашенный старостой, пришел, когда я был в канцелярии. Мне сообщили о его приходе, и я тотчас же пришел в церковь. Входя, я увидел молодого человека лет 27, ниже среднего роста, блондина, с простым открытым лицом, одет был в дешевый костюм, в руке держал кепку. Я знал, что он работает на заводе токарем, но любит и увлекается живописью, что и побудило его брать у нас заказы. «Я пригласил Вас, чтобы познакомиться,— сказал я, подавая ему руку,— и выяснить, не пожелаете ли Вы продолжить у нас работать». — «Да, я охотно буду у вас работать»,— ответил он. «Вот и хорошо. Но только мы должны договориться заранее о том, что я хотел бы получить от Вас. Вы меня извините, если я спрошу Вас: сможете ли Вы писать лучше, чем писали до сих пор?.. Мне сказали, что большинство икон и картин написано Вами, но ведь это слабая работа». — «Но почему же? У меня все принимали, и никто не делал никаких замечаний»,— ответил он, смущенный моей критикой. «Еще раз простите за откровенность, но я преследую цель не обидеть Вас, а чтобы Вы уяснили, что я буду хотеть от Вас. Давайте вместе просмотрим написанные Вами иконы». Мы пошли по храму, и я конкретно указывал на недостатки той или иной работы. «Как правило, везде нарушается пропорциональность частей тела, не прописаны лица и одежда, какие-то приглушенные тона... Икона для верующего часто заменяет книгу, глядя на нее, он должен подниматься своей мыслью к высшему, лучшему, красивому. Мы прославляем Богородицу, как «честнейшую херувим и славнейшую серафим», но посмотрите, как неудачно написан этот образ. Вместо того чтобы умиляться, глядящий на него раздражается: ладонь чуть ли не больше лица. Вы видели иконы афонского письма? Вот чему следовало бы подражать». — «Нет, я не видел таких икон». — «А как Вам платили за работу?» — «Платили... 15–30 рублей за икону». — «Ну, конечно, мало, вот поэтому Вы и писали с маху. Давайте договоримся так: я буду платить Вам так, как платят в Союзе художников, и буду давать хорошие образцы и, кроме того, просматривать работу в самом процессе, чтобы все недостатки устранять по ходу работ. Согласны Вы на такие условия?» — «Конечно, согласен»,— ответил Петр, обрадованный возможностью дальнейшей работы в храме. «Прежде всего давайте перепишем образ Тихвинской Божией Матери. Затем вот прекрасная икона афонского письма Иверской Божией Матери,

с него напишите копию в размере Тихвинской, так как эти иконы, вставленные в хорошие кивоты, будут стоять около обоих клиросов, во взаимной увязке».

Так началась наша многолетняя работа, перешедшая в самые искренние дружеские отношения. Имевшийся у Петра талант, любовь к делу, трудолюбие, подкрепленные дружеской критикой, дали отличные результаты. Их признали все, а владыка Михаил, имевший специальную бригаду иконописцев, дал нам право писать иконы на месте. Когда написанные иконы были вставлены в кивоты, то снова пошел разговор: как же так, их написал тот же Петр, а почему раньше он не писал так? Многие поспешили заказать Петру иконы для пожертвования в храм. Мне пришлось разъяснить, что Петр будет писать только по принятому плану переоборудования храма. Кто имеет желание пожертвовать икону, пусть деньги лучше передаст старосте, а мы уже сами будем иметь дело с заказами Петру.

Из множества дел, которые пришлось решать в первые месяцы настоятельства, два оставили наиболее тягостное впечатление. Первое — канитель с регентом правого хора Додоновым, вечно пьяноватым, грубым и нахальным человеком. Он считал себя незаменимым, отец Михаил имел в нем постоянного собутыльника, терпеливо сносил все его выкрутасы. Наше знакомство произошло таким образом. В первый праздничный день после обедни он зашел в алтарь и вызывающим тоном заявил мне: «Отец настоятель, нам бы праздничные получить». — «То есть, какие праздничные и кому именно?» — удивленный его развязанностью спросил я. «Хористам, ведь нынче праздник». — «А сколько?» — испытывая Додонова, задал я вопрос. «А это уже Вы сами решайте». — «Вы, Додонов, кажется, работаете на производстве?» — «Работаю на стройке плотником». — «И у вас каждое воскресенье дают праздничные?» — «Нет, — ответил несколько смущенный Додонов. — Но здесь же церковь. Отец Михаил нам всегда давал». — «Нет, я каждое воскресенье выдавать праздничные не собираюсь. Из каких средств? Будете получать праздничные на Рождество, Пасху и престольный праздник, как везде». — «Раз так, то хористы петь не будут», — сказал озлобленный Додонов. «Никого не неволим, но только заявляю, что кто уйдет, того больше не примем. На днях я загляну к вам на спевку и поговорю с хористами о необходимости соблюдения дисциплины, о выборе ответственного учетчика явок и оплате хористов по числу посещений». Варвара Васильевна несколько месяцев билась с регентом, пыталась перевоспитать его, но исправиться Додонов не мог — не только не укреплял дисциплину, но лично постоянно был примером ее нарушений. Однажды в большой праздник, придя пьяным, сорвал всеобщую, и я его уволил. Вскоре прибыл новый регент — Антон Андреевич Радченко. Додонов увидел полный крах своей незаменимости, пришел с извинениями и просьбой оставить его в хоре хотя бы певцом, я ради пользы дела отказал ему в этом.

Второе дело — оформление юридической документации на 2 церковных дома. Один, на улице Пржевальского, как я уже сказал, был оформлен в личную собственность о[тца] Михаила, на другой, по улице Аккермановской, якобы были потеряны документы. Пригласив о[тца] Михаила в канцелярию, я повел такой разговор: «Отец Михаил, нам необходимо оформить докумен-

ты так, как следует». Отец Михаил молча слушал и на лице изображал полное непонимание. «Надеюсь, что не считаете Вы дом на Пржевальского своим? Уплатила церковная касса. Нужно, чтобы Вы переоформили документы через суд или нотариуса. Это в интересах Вашего доброго имени». Я знал, что веду бесполезный разговор. Отец Михаил не только не постарается переоформить, но всячески будет тормозить. «А на дом, где крестильная, значит, нет документов, потеряны? — продолжал я.— Как же терять столь важные документы!» — «Потеряны»,— угрюмо ответил о[тец] Михаил. «Больше у церкви никаких домов нет и не было?» — «Нет»,— резко ответил о[тец] Михаил, встал и вышел из канцелярии.

Недалеко от церкви находилась землянка, и в ней жила просфорня Настя. Ходили слухи, что и этот дом принадлежит церкви. Я вызвал Настю. «Настя, кому принадлежит дом, в котором ты живешь?» — спросил я. «Мне». — «А у кого ты его купила?» — «У церкви за 500 рублей в рассрочку, и я плачу за него в церковь»,— ответила она, не зная истории с домами. Я был ошеломлен: в сдаточном акте этот дом был пропущен. «У тебя есть какие-либо документы на покупку?» — спросил я. «Конечно, есть»,— ответила Настя, не подозревая, какой интерес представляет он для меня. — Я могу принести его». — «Да, сходи, принеси». Настя принесла домашнее соглашение. Этот район жительства был неплановым и все сделки купли-продажи у нотариуса не оформлялись. Документ вскрыл убийственную картину. Дом был когда-то куплен церковью за 700 рублей, но оформлен на дочь о[тца] Михаила Веру. Вскоре Вере отец купил хороший дом в плановой части, дом переоформили в порядке якобы совершенной продажи на диакона о[тца] Василия Петрушева, приехавшего с родины о[тца] Михаила. Наступил день, когда и диакон купил себе хороший дом, тогда снова составили договор продажи дома диаконом просфорне за 700 рублей, но словарным соглашением уплатить только 500 рублей. Стало ясно, что «потеря» документов на дом по Аккерманской прикрывает оформление дома на какого-либо родственника о[тца] Михаила. Я составил акты с изложением истории покупки этих домов церковью, о неимении у кого-либо из граждан на них прав и попросил подписать членов церковного совета, ревкомиссии, самого о[тца] Михаила Липатова и бухгалтера. Просфорне вернули уплаченные ею в счет покупки 50 рублей и предоставили дальнейшее бесплатное проживание.

Было только 2 способа вернуть церкви дом по улице Пржевальского: или получить решение суда о принадлежности дома церкви, так как деньги платила она, уплатив 3% судебных пошлин со стоимости имущества, или получить от о[тца] Михаила и его жены дарственную, что он дарит собственный дом Покровскому молитвенному дому, уплатив 6% госпошлины от стоимости. Мы несколько раз обращались, даже через адвоката, в нар[одный] суд, но судья проявлял упорное нежелание принять исковое заявление. Тогда я категорически потребовал от о[тца] Михаила и его жены поехать со мной к нотариусу и дать дарственную на дом. Жена, желая уклониться, заявила, что она неграмотная, не умеет даже расписаться. Я предложил взять к нотариусу кого-либо, кто сможет расписаться за нее. Насилу доехали до конторы,

и в присутствии нотариуса [тец] Михаил и его жена подарили дом, купленный на церковные деньги, Покровскому же молитвенному дому. Значительно легче прошла операция перечисления облигаций госзаймов с личных счетов на счет церкви, владельцы счетов написали заявления в центральную сберкассу о перечислении...

Кажется, можно свободно вздохнуть, подумал я, заканчивая дела у нотариуса и в сберкассе. Теперь нужно направить все силы на решение основной задачи прихода — заменить ветхое здание молитвенного дома новым храмом. Но впереди меня ждал не отдых, а новые испытания. Во 2-й половине февраля... милиционеры начали ходить по домам жителей непланового поселка, где находилась церковь, а также и плановой [части поселка], где жил я, с предупреждением, что ожидается большой весенний подъем вод реки Урал, а по-сему всем необходимо подготовиться к переселению из района затопления. Прежде всего предупреждение вызвало у меня недоумение. Как это могло быть — новая застройка и вдруг будет подвергаться затоплению? Проектировщики и изыскатели должны были строго определить максимальный вековой уровень весенних вод. Я лично стал опрашивать старожилов, чтобы они указали, до каких пор доходила вода в катастрофическом 1942 году и в последующие годы высоких вод. Застройка нового Орска началась после войны, и никто не мог точно указать горизонт 1942 года; помнили воду 1946 года: вода была не выше чем на полметра. Съездил в комиссию по борьбе с наводнением и спросил, какого подъема они ожидают. Никто не ожидал, что в 1957 году подъем воды будет выше 1942 года. Большинство окружающих нас жителей на предупреждение о выселении смотрело как на обычную ежегодную «профилактику», не отвечающую действительности.

Вода начала прибывать 13 апреля, в субботу. К вечеру река Елшанка вышла из берегов, заливая огороды и затопляя ближайшие дома. 14 апреля, в Вербное воскресенье, вода повредила устой железнодорожного моста и пролет рухнул, железнодорожная связь на линии Ново-Троицк—Орск прекратилась. Вечером мы, как и тысячи горожан, пошли смотреть разлив с железнодорожного полотна. Вода с ревом пронеслась в мостовое отверстие, палочка, втыкаемая в границу затопления, через несколько минут оказывалась в воде, и по ней легко было определить ход подъема. Лощины, подходившие к полотну со стороны поймы, уже наполнились водой, некоторые столбы связи наклонились и натянули провода. У многих, смотревших разлив, теплилась надежда: вот, вода встанет и начнет сбывать, откуда, наконец, взяться такому количеству воды, чтобы затопить районы жилых домов? Но ожидания не оправдались. Вода стремительно наступала, под воду уходили одна гривка за другой. Люди начали эвакуировать свое имущество и скот. Мы (я и староста) сняли дом в незатапливаемом районе и в него вывезли имущество церковного склада и часть ризницы, решив остальное поднять на хоры правого клироса в момент затопления. Из своего же дома я и жена решили не вывозить ничего, полагая, что если вода поднимется до уровня 1942 года, то только на дециметры зальет полы; составим мебель друг на друга, одежду свяжем в узлы, а сами будем отсиживаться на чердаке дома. Также решило

поступить большинство соседей. При встрече людей стал обычным такой диалог: «Как вода?» — «Продолжает подниматься», — следовал ответ.

Во вторник поздно вечером, 16 апреля, мы, как и все, стояли на полотне железной дороги. Приречная сторона вся в воде. Уже 11 часов ночи, все встревожены: что принесет ночь? Вода обычно приходит ночью. Все говорят, что спать в эту ночь нельзя. Завтра, в среду, я должен отслужить последнюю в этом Великом посту литургию Преждеосвященных. Вернувшись с полотна, мы уже поверили в реальность затопления нашего района и стали связывать в узлы вещи и составлять мебель, на спинки одной кровати положили гардероб, на него стулья, кресло, на другую кровать поставили письменный стол, этажерку с книгами, швейную машину. На кухонные столы сложили узлы с одеждой. Еще днем Варвара Васильевна подняла на чердак керосинку, спальные принадлежности, теплую одежду, запас пищи и несколько ведер с водой. Закончив складывание, решили прилечь отдохнуть, но не раздевались, свет не потушили.

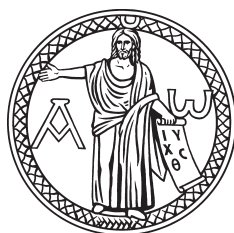
(Продолжение в № 3/4(31/32) за 2013 г.)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Автор ошибся, его собеседница взяла воду из источника прп. Серафима перед коллективизацией, т. е. около 1928–1929 гг., вода хранилась около 25 лет.
- ² Никодим (Руснак; 4 апреля 1921 г. — 5 сентября 2011 г.), хиротонисан во епископа Костромского и Галичского 10 августа 1961 г., с 1964 г. епископ Аргентинский и Южноамериканский, с 1968 г. архиепископ, с 1970 г. Патриарший экзарх Центральной и Южной Америки, с 1970 г. архиепископ Харьковский и Богодуховский, с 1983 г. архиепископ Львовский и Тернопольский, временно управляющий Харьковской епархией, в 1985 г. возведен в сан митрополита, с 1989 г. митрополит Харьковский и Богодуховский.
- ³ Николай (Могилевский; 6 августа 1877 г. — 25 октября 1955 г.), 26 октября 1919 г. хиротонисан во епископа Стародубского, викария Черниговской епархии, с 1920 г. епископ Сосницкий, викарий той же епархии, с 1923 г. епископ Каширский, викарий Тульской епархии, с октября 1923 г. управлял Тульской и Одоевской епархиями, с 1927 г. до апреля 1931 г. епископ Орловский, с 1945 г. архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский, с 1951 г. управлял также Семипалатинской епархией, в 1955 г. возведен в сан митрополита.
- ⁴ Михаил (Воскресенский; 27 декабря 1897 г. — 21 октября 1976 г.), 4 декабря 1953 г. хиротонисан во епископа Чкаловского и Бузулукского (в 1957 г. стал именоваться Оренбургским и Бузулукским), в 1959–1960 гг. временно управлял Челябинской епархией, с июня 1960 г. временно управлял Казанской епархией, с ноября того же года епископ Казанский и Марийский, с июня 1961 г. управлял Ижевской епархией, с 1963 г. архиепископ. С 7 октября 1967 г. архиепископ Уфимский и Стерлитамакский, 23 октября назначен вторично архиепископом Казанским и Марийским и временно управляющим Ижевской епархией, 25 июля 1975 г. уволен на покой.
- ⁵ Владимир (Соколовский-Автономов; 31 декабря 1852 г. — 27 ноября 1931 г.), архиепископ Оренбургский и Уральский в 1896–1903 гг.
- ⁶ С 1972 г. Димитровград, административный центр Мелекесского района Ульяновской области.

ПУБЛИКАЦИИ

- ⁷ Первая мировая война 1914–1918 гг.
- ⁸ *Норов А. С.* Иерусалим и Синай: Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878. Авраам Сергеевич Норов (1795–1869 гг.), российский государственный деятель, ученый, путешественник и писатель, не имел духовного сана.
- ⁹ Геннадий II Схоларий (1403/05 – 1472/73 гг.), в миру Георгий Куртесий, Патриарх Константинопольский в 1454–1456 гг., 1463 г. и в 1464–1465 гг., первым занял Константинопольскую кафедру после падения Византийской империи.
- ¹⁰ Лука (Войно-Ясенецкий; 27 апреля 1877 г. – 11 июня 1961 г.), св. 12 мая 1923 г. тайно хиротонисан во епископа Ташкентского и Туркестанского, с 5 октября по 11 ноября 1927 г. епископ Елецкий, викарий Орловской епархии. С ноября 1927 г. жил в Красноярском крае, затем в Красноярске, где служил в местном храме и работал врачом в городской больнице. Осенью 1942 г. возведен в сан архиепископа и назначен на Красноярскую кафедру, участник церковного Собора 1943 г. С января 1944 г. архиепископ Тамбовский и Мичуринский, с мая 1946 г. архиепископ Симферопольский и Крымский.
- ¹¹ Мензурная съемка — действия при составлении подробного плана местности с помощью полевого чертежного столика (мензулы).
- ¹² Исправительно-трудовая колония.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Н. Флоря*

Киевский митрополит Петр (Могила) и русская власть: эволюция взаимоотношений

Хорошо известно, что годы Смоленской войны стали временем серьезных перемен в отношениях между Россией и православным духовенством Киевской митрополии. В 1620-х — начале 1630-х гг. западнорусское духовенство, страдавшее от религиозных преследований, искало в Москве поддержки в борьбе с собственным правительством. Когда возникла угроза войны с Россией, власти Речи Посполитой сочли нужным пойти на уступки своим православным подданным. Составленные в ноябре 1632 г. «Пункты успокоения» признавали легальное существование в Польско-Литовском государстве православной Киевской митрополии. Однако власти не желали допустить, чтобы во главе митрополии стояли епископы, поставленные Иерусалимским Патриархом Феофаном без их санкции. Эти епископы должны были уйти, а их место заняли другие люди, лояльные к властям Речи Посполитой. Главным среди новых архиереев был бывший архимандрит Киево-Печерского монастыря Петр (Могила), занявший Киевскую митрополичью кафедру. Вскоре после избрания Петр (Могила) дал властям ощутимое доказательство своей лояльности, благословив казацкое войско в лагере под Переяславом на войну с Россией¹. Об отношении к новому Киевскому митрополиту в Москве свидетельствовали действия русских послов в Стамбуле, добивавшихся, чтобы Патриарх Кирилл Лукарис не давал Петру «благословения», так как от него «царскому величеству добра никоторого не будет ни в чем»². Установившиеся в 1620-х гг. связи между Киевом и Москвой оказались разорваны.

Однако вскоре после заключения Поляновского мира (1634 г.) Петр (Могила) попытался возобновить контакты с Россией. Произошло это при следующих обстоятельствах. В начале 1635 г. из Москвы в Варшаву выехали «великие» послы во главе с князем А. М. Львовым. В своем статейном списке

* © Флоря Б. Н., 2013

Борис Николаевич Флоря, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом истории Средних веков Института славяноведения РАН.

они отметили, что на обратном пути из польской столицы в Вильно (там послы находились 9–11 мая) их посетил Петр (Могила), объезжавший в это время северную часть своей епархии. Митрополит сообщил послам, что «по его прошению» король отобрал у униатов и отдал ему Софийский собор, где «лежат великие князи киевские». Он выражал надежду, что «для своего многолетнего здоровья» царь Михаил Федорович пошлет ему «милостыню», «как ему, государю, Бог известит», а «он... Бога молит» за царя и его «природных чад»³. Митрополит так доказывал свое православие и заботу о киевских святых и явно выражал желание возобновить прерванные связи. Очевидно, митрополит полагал, что за таким заявлением последует приезд к нему гонца из Москвы, но там его обращение проигнорировали.

Новая попытка была предпринята осенью 1637 г. В это время близкий к Киевскому митрополиту человек — Леонтий Шитик Залесский, наместник Виленского братства Святого Духа, поехал в Россию за милостыней на построение в братстве каменной церкви⁴. С собой Леонтий Шитик вез грамоты, адресованные царю и Патриарху Иоасафу⁵. Отношение к посольству оказалось достаточно сдержанным. Послы Виленского братства не были допущены в Москву, и жалованье (правда, довольно значительное — 200 рублей) было отправлено им в Вязьму⁶. Характерно, что когда послы узнали, что их не допустят в Москву, они попытались передать грамоты Петра (Могила) вяземским воеводам. Те же отказались их принять «без государева указа»⁷. Тогда Леонтий Шитик написал царю письмо, в котором просил вернуть ему проезжую грамоту Владислава IV, — это послужило бы в Речи Посполитой доказательством того, что поездка в Россию была предпринята с разрешения властей. Одновременно он обратился к царю с просьбой: «Усердно молим, дабы царское твое величество хотел восприяти писания помененные», т. е. адресованные царю грамоты Петра (Могила) и Виленского братства. В ответной грамоте царя говорилось лишь о возвращении старцам проезжей грамоты⁸, таким образом, грамоту Петра (Могила) царь не принял.

Известия, поступавшие с Украины во время восстания 1637–1638 гг., вряд ли могли улучшить отношение Москвы к Киевскому митрополиту. Казаки, которых митрополит не хотел «благословить» на восстание против католических властей, выражали недовольство его пассивностью в таком важном для православия деле и сомневались в его преданности православной вере. 20 января 1638 г. выехавший в Россию есаул Черкасского полка Федор Щербина говорил, что, когда летом 1637 г. казаки «изо всех черкасских городков» собрались на раду, они посылали к Петру (Могила), чтобы он «был с ними в православной крестьянской вере и в соединении», но митрополит «к черкасам не поехал и никою к ним не преслал». Позднее пришедший из Киева «белоруской поп» объяснил, что ждать им нечего, так как «Киевский митрополит православные крестьянские веры отступил и принял папешскую веру»⁹.

Митрополита в отступничестве прямо обвиняли монахи Густынского монастыря, приехавшие летом 1638 г. в Путивль в поисках убежища в России. Они сообщили, что живущий в Полесье их духовный наставник Исаия

(Копинский) известил их, что Петр (Могила) «веры хрестьянской ныне отпал и благословлен-де митрополит Петр (Могила) от папы Римского в Великой пост в Патриархи». Митрополит даже принес присягу «хрестьянскую веру учением своим поправить и уставить всю службу церковную по повелению папы Римского»¹⁰. Это и заставило монахов искать убежища в России. Правда, о Петре (Могиле) в Москву приходили также известия другого рода. Так, монахи основанного Исаией (Копинским) Мгарского монастыря не присоединились к своим братьям, а игумен Каллистрат в адресованном густыньским монахам письме просил их, чтобы они «униятами их, игумена, и братью, и Киевского митрополита, ложно не называли, а они по-старому живут, в благочестии»¹¹.

К весне 1639 г. относится свидетельство, которое позволяет установить, какие из этих сведений в Москве склонны были считать достоверными. В апреле 1639 г. на русскую границу прибыл известный издатель Спиридон Соболев, который привез с собой и изданные книги для продажи, и готовые формы для печатания. Он представился как слуга «кир Петра (Могилы)». 21 апреля московского издателя Василия Бурцева запросили о том, кто такой Соболев. Бурцев сказал, что Петр (Могила), которому служит Соболев, «православные хрестьянские веры отпал и приступил к римской вере и ныне он унеят». Вероятно, выступая с таким заявлением, Бурцев хотел очернить нежелательного конкурента. Важна, однако, реакция Москвы на его заявление. Здесь было принято решение «Спиридона Соболя отпустить назад в Литву, чтоб в его ученье и в книгах смуты не было», так как он служит Могиле, «а Петр (Могила) от православные хрестьянские веры отпал»¹².

В 1639 г. перед Киевским митрополитом открылась новая возможность завязать контакты с Москвой. Связано это было с установлением к этому времени достаточно тесных связей между русскими политиками и молдавским воеводой Василием Лупу. О развитии этих связей был, конечно, осведомлен Петр (Могила), поддерживавший тесные контакты с господарем. Это дало ему возможность оказать русским властям важную услугу. В августе 1639 г. Василий Лупу известил царя о появлении в Молдавии ехавшего к султану самозванца, который выдавал себя за сына Василия Шуйского, господарь приказал его арестовать¹³. Для проведения расследования и наказания преступника в Молдавию отправился дьяк Богдан Дубровский; ввиду секретности дела дьяк ехал под видом иконника, приглашенного для росписи храма¹⁴. Благополучно проехать в Молдавию через земли Речи Посполитой Дубровскому удалось благодаря помощи Петра (Могилы). Позднее в Москве отмечали, что митрополит «радел и берег... государева посланника»¹⁵.

После оказания такой услуги митрополит имел основания рассчитывать, что теперь его послы будут приняты в Москве, и в октябре 1639 г. он направил в русскую столицу свое посольство¹⁶. Во главе посольства стоял наместник Киево-Печерского монастыря Игнатий (Старушич), его сопровождали келарь Никольского Пустыньского монастыря, игумены Братского и Выдубицкого монастырей¹⁷. Ранг посланцев говорит о том, что в Киеве этой миссии придавали важное значение.

Грамота Петра (Могила) царю¹⁸ и заявления его посла в Москве позволяют судить, с какими предложениями обращался к русскому правителю глава Киевской митрополии¹⁹. Грамота начиналась с извинений, что из-за «молв и мятежей» он до сих пор к царю не обратился. Это высказывание служит бесспорным доказательством того, что в предшествующие годы никаких непосредственных контактов между Москвой и Киевом не было. Петр (Могила) просил о подтверждении прежних пожалований Киево-Печерскому монастырю (он продолжал им управлять, будучи митрополитом). Свою просьбу он обосновал тем, что монастырь «прародители твоего всесветлого царского величества великие князи россиянии создаша и различными изобилии украсиша». В последующем тексте грамоты, предлагая царю содействовать восстановлению храма Святой Софии, отобранной у униатов, митрополит призывал Михаила Федоровича «святым твоим прародителем, создателем церкви Святыя Софии свято поревновати... утехи ради всего российского православного рода». Митрополит послал царю также частицу останков Владимира, «прадеда пресветлого величества твоего».

Сходные мотивы обнаруживаются и в обращениях к царю послов киевских обителей. Так, в челобитной насельников Выдубицкого монастыря говорилось об основании обители «прародителями» царя²⁰. В челобитной Братского монастыря также речь шла о том, что монастырский храм Трех святителей основан «прародителем» царя Владимиром²¹. Таким образом, в обращениях посольства древние правители Киева провозглашались «предками» московского государя и затрагивалась (хотя и более бегло) тема единства «российского православного рода», к которому, судя по контексту, принадлежали жители и Московской, и Литовской Руси.

Эти заявления Петра (Могила) и людей его круга делались для того, чтобы побудить царя пойти навстречу их предложениям. Анализ данных предложений позволяет ответить на вопрос, почему митрополит добивался возобновления контактов с Москвой. В своей грамоте Петр (Могила) выражал желание, чтобы царь захотел «оскуденье и разоренье святых и чудотворных мест киевских обновити и укрепити». Конкретно речь шла о том, что храм Святой Софии нуждается в иконах, священных сосудах, облачениях, необходимы также средства на «верхов воздвижение». Печерскому монастырю нужен «новый покров и стен живописным мастерством украшение». Капитальный ремонт необходим Выдубицкому монастырю, где должны быть построены «верх весь и ограда». Таким образом, речь шла о самой широкой материальной поддержке со стороны Москвы задуманной в Киеве программы обновления и украшения киевских святынь.

Для полноты представления о характере возобновившихся контактов следует остановиться на просьбах, исходивших от самих киевских обителей. Игнатий (Старушич) просил прислать для Киево-Печерского монастыря Минеи на июль–ноябрь²², игумен Никольского Пустынского монастыря Исаия (Трофимович) — Минеи на 12 месяцев, Евангелие на престольное и церковный Устав²³, иноки Братского монастыря — иконы, церковные сосуды, облачения, книги (Евангелие, Устав, Минеи на 12 месяцев), а также «жалованье

на строение»²⁴. Заслуживает внимания интерес близких к Петру (Могиле) людей к продукции Московской типографии: во всех обителях нуждались в Минеях, которые типографии на территории Киевской митрополии не печатали.

Со своей стороны в ответ на поддержку Петр (Могилла) готов был предложить свою помощь в решении важных вопросов. 3 апреля 1640 г. на приеме у царя глава посольства Игнатий (Старушич) предложил основать в Москве монастырь, в котором бы старцы и братия из Братского монастыря «детей боярских и простого чину грамоте греческой и славянской учили». В своем обращении к царю посол писал: «Яко милосердый царь и светило всему православному роду российскому, по воли своеи государской сотвори, а отец митрополит Киевский государскую волю вскоре исполнит и старцов со учителями пришлет»²⁵. В обращении упоминалось, что с просьбой о присылке таких учителей обратился к митрополиту молдавский воевода Василий Лупу. Действительно, по просьбе воеводы в 1640 г. в Молдавию была послана группа учителей во главе с Софронием (Почапским) и его учеником Игнатием (Иевлевичем). В училище, организованном при соборе Трех святителей в Яссах, преподаватели-монахи обучали грамматике, риторике, арифметике, латинскому и греческому языкам²⁶. Это давало Петру (Могиле) основание надеяться, что его предложение может заинтересовать русские власти. Вероятно, ему также было известно о том, что в начале 1630-х гг. русские искали (в частности, в Константинополе) преподавателя для такого училища, и с большим основанием можно думать, что он знал о попытке создания в Москве учебного заведения во главе с приехавшим из Киева протосинкеллом Иосифом²⁷. Возможно, с этим предложением могли быть связаны и планы Киевского митрополита приобрести таким путем определенное влияние на церковную жизнь в России.

Посольство из Киева на этот раз было допущено в Москву, и 9 апреля посланцев митрополита принял царь, сделавший им подарки (Игнатию (Старушичу) — камку, 40 соболей, 20 рублей; другим членам посольства — по камке, 40 соболей и по 15 рублей)²⁸. Это означало установление официальных контактов между Москвой и Киевом. Впрочем, отношение к исходившим от митрополита предложениям оказалось более чем сдержанным²⁹. Правда, по распоряжению царя Петру (Могиле) было послано соболей «на 150 рублей», но в записи царского решения отмечалось, что соболя посланы митрополиту «за ево службу», за содействие поездке Б. Дубровского в Молдавию³⁰. Таким образом, о какой-либо помощи в деле восстановления киевских святынь речи не велось. Конкретные просьбы митрополита (о помощи храму Святой Софии, о изготовлении раки для останков св. князя Владимира в Десятинной церкви)³¹ в Москве проигнорировали, осталось без ответа и предложение о создании училища. Достаточно сдержанным оказалось также отношение к просьбам киевских обителей. Правда, в каждую из них было дано соболей «на всякое церковное и монастырское строенье по сту рублей»³². Просьбы о присылке в обители священных сосудов и облачений в Москве не услышали. Что касается книг, то в деле имеется распоряжение выдать «безденежно»

месячные Минеи посланцам Братского³³ и Киево-Печерского³⁴ монастырей, если соответствующие экземпляры есть на Печатном дворе. Не была удовлетворена просьба монахов о разрешении ежегодно приезжать в Москву «для вымены икон святых и для покупки нужных вещей к поделке и писму святых церкви Святое Софии, и Печерские лавры, и Выдубицкого монастыря»³⁵.

Чем же было вызвано столь сдержанное отношение в Москве к просьбам из Киева? В нашем распоряжении имеется свидетельство, которое дает возможность ответить на этот вопрос. В августе 1641 г. на Свенскую ярмарку приехали за «милостыней» старцы из виленского Духова монастыря строитель Иов (Константинов) и Игнатий (Черляков). Старцев задержали и отравили в Москву. Здесь решался вопрос, как с ними поступить. Было решено выдать старцам небольшое жалованье: строителю 10 рублей, старцу 6 рублей, но при этом Михаил Федорович «у своей царской руки быти не велел, для того что они в унее»³⁶. Очевидно, полной уверенности в том, что духовенство Киевской митрополии подчинилось власти папы, не было, иначе старцев вообще не допустили бы в Москву и не дали «жалованья», но сомнения в «православии» западнорусского духовенства продолжали сохраняться, и это заставляло с недоверием относиться к предложениям, исходившим из Киева.

Вероятно, итог состоявшихся в 1640 г. переговоров, способствовал тому, что новое посольство из Киева появилось в Москве лишь весной 1644 г. Посольство возглавили лица менее значимые, нежели в 1640 г.: уставщик Киево-Печерского монастыря Иринарх и архидиакон Амвросий. Дело о приезде посольства утрачено, известны лишь отписки путивльского воеводы об отпуске посланцев из Путивля в Речь Посполиту в июне 1644 г.³⁷ Однако важные свидетельства о посольстве сохранились в книге, куда заносились записи о выплатах духовным лицам, приезжавшим в Москву в 1645–1647 гг.³⁸ Так, в книге обнаруживается ряд справок о «жалованье», выданном посланцам Петра (Могила) в 1644 г. Поскольку «жалованье» неоднократно было ответом на принесенные дары, то в ряде случаев в книге фиксировались также сведения о них. В одной из справок отмечено, что в числе подарков царю были «2 книги печатные в десть, одна — Беседы апостольские, другая — Деяния апостольские с Апокалипсисом»³⁹. Одну из этих книг есть основание отождествить с киевским изданием 1623 г. Бесед свт. Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла, другая, по-видимому, представляла собой конволют двух киевских изданий 1620-х гг.: Беседы свт. Иоанна Златоуста на Деяния святых апостолов 1624 г. и Толкование на Апокалипсис Андрея, архиепископа Кесарии Каппадокийской, 1625 г. Таким образом, послать царю книги, напечатанные в годы его правления, Петр (Могила) не решился, но и посылка в Москву киевских изданий 1620-х гг. заслуживает внимания. Очевидно, к 1644 г. в Киеве уже знали, что в Москве нет такого отрицательного отношения к «литовским книгам», как в конце правления Патриарха Филарета.

Участники посольства получили такое же «жалованье», как участники посольства 1640 г.⁴⁰, однако иным оказалось «жалованье», посланное Петру

(Могиле). Ему было отправлено «на милостину и на церковное строенье 20 сороков соболей по цене на 1000 рублей»⁴¹. И упоминание о «церковном строенье», и размер посланных средств свидетельствуют о том, что на этот раз просьбы о помощи киевским святыням были услышаны. Характерно, что вместе с посланцами в Киев был отправлен «сусальник» Яким Тимофеев для работы в Софийском соборе⁴².

Одновременно с соболями Петру (Могиле) в ответ на его дар были переданы московские издания: «2 книги Прологи на весь год да 2 ж книги Кирилла, Патриарха Иеросалимского, печатные»⁴³. «Книга Кирилла, Патриарха Иеросалимского» — это только что напечатанная в типографии Печатного двора «Кириллова книга», сборник, содержащий, по оценке Т. А. Опариной, «основной репертуар бытующих в русской рукописной традиции первой половины XVII в. полемических сочинений Киевской митрополии»⁴⁴. Важно отметить, что экземпляры книги были не только посланы митрополиту, но и вручены членам посольства — Иринарху и Амвросию, а также сопровождавшему их «приказному человеку» Ивану Передмирскому. Такими демонстративными жестами правящие круги в Москве показывали, как представляется, свое положительное отношение к западнорусской книжности. При отъезде посланцам Петра (Могилы) было предоставлено 20 подвод для перевозки их имущества, а воевода Путивля должен был дать еще 20 подвод для их переезда в Густынский монастырь⁴⁵. Все эти факты свидетельствуют о серьезном улучшении отношения в Москве и к Киевской митрополичьей кафедре, и к православному духовенству Киевской митрополии.

Источники не дают прямого ответа на вопрос, почему эти перемены обозначились именно в 1644 г., но, как представляется, их следует поставить в связь с тем, что приезде послов Петра (Могилы) предшествовал созыв в 1643 г. церковного Собора в Яссах, на котором подготовленное в Киеве «Исповедание веры» было утверждено после исправлений, внесенных греческим теологом Мелетием Сиригом, а затем в мае 1643 г. текст был одобрен восточными Патриархами⁴⁶. Об этих событиях сообщил в Москву сам Мелетий Сириг. В письме от 15 декабря 1644 г. он писал о книге, составленной им в Яссах вместе с Киевским митрополитом, в которой «выписаны все церковные догматы», и просил средств на ее издание. Письмо было доставлено в Москву в марте 1645 г.⁴⁷ В нем, однако, упоминается более раннее письмо аналогичного содержания, отправленное в Россию из Молдавии, т. е., очевидно, вскоре после завершения работы Собора в Яссах. Мелетий Сириг был известен в Москве как лицо очень авторитетное в православном мире. Один из главных русских агентов на Ближнем Востоке — Иван Петров писал о нем в Москву, что «такова учителя второго не обретаецца во всей вселенной ни в котором месте»⁴⁸. Сообщение Мелетия Сирига об участии Петра (Могилы) в подготовке «Исповедания веры», одобренного восточными Патриархами, должно было устранить сомнения в православии Киевского митрополита. Повороту в отношениях могли способствовать и другие факторы — наметившееся сближение России и Речи Посполитой в борьбе с набегами татар, рост интереса духовных и светских кругов в Москве к киевской «учености».

Изложенные факты позволяют сделать определенные выводы о характере отношений между Москвой и Киевом во 2-й половине 1630-х — 1-й половине 1640-х гг. После разрыва в годы Смоленской войны эти отношения в течение ряда лет не налаживались и лишь в середине 1640-х гг. наступило заметное улучшение. Одним из главных препятствий были сомнения русских властей в православии духовенства Киевской митрополии. Вместе с тем упорные попытки Петра (Могилы) возобновить прерванные связи говорят о том, что он, по-видимому, уже не представлял себе нормальной жизни Киевской митрополии без возобновления контактов с Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Грушевський М. С. Історія України — Руси. Т. 8. Ч. 1. Київ, 1995. С. 186–187.
- ² РГАДА, ф. 89 (Сношения России с Турцией), 1632 г., № 3, л. 378–380.
- ³ Там же, ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 49, л. 894.
- ⁴ Грамота Владислава IV с разрешением на поездку датируется 27 сентября (н. ст.) 1637 г. (Там же, ф. 52 (Сношения России с Грецией), 1638 г., № 2, л. 5–7).
- ⁵ Там же, л. 20.
- ⁶ Там же, л. 10.
- ⁷ Там же, л. 20.
- ⁸ Там же, л. 22–23.
- ⁹ Там же, ф. 210 (Разрядный приказ). Белгородский стол, стб. 82, л. 49–50.
- ¹⁰ Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России (далее — АЮЗР). Т. 3. СПб., 1861. № 2. С. 5.
- ¹¹ Там же. № 7. С. 14.
- ¹² Русско-белорусские связи: Сборник документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963. № 136. С. 158–160.
- ¹³ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — нач. XVIII в. Т. 2: 1633–1673 гг. М., 1968. № 10.
- ¹⁴ РГАДА, ф. 68 (Сношения России с Молдавией и Валахией), оп. 1, 1639 г., № 1.
- ¹⁵ АЮЗР. Т. 3. № 44. С. 50.
- ¹⁶ Грамота митрополита царю датирована 29 октября 1639 г.
- ¹⁷ О составе посольства см.: АЮЗР. Т. 3. С. 28.
- ¹⁸ Там же. № 48.
- ¹⁹ Предложения эти неоднократно излагались в научной литературе. Их последнюю характеристику см.: *Hodana T. Między królem a carem: Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów — obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI — połowy XVII stulecia)*. Krakow, 2008. S. 156–157.
- ²⁰ АЮЗР. Т. 3. № 19. С. 30.
- ²¹ Там же. № 40. С. 44.
- ²² Там же. № 46. С. 50–51.
- ²³ Там же. № 41.
- ²⁴ Там же. № 20. С. 31; № 40. С. 44.
- ²⁵ Там же. № 33. С. 39.
- ²⁶ *Panaïtescu P. P. L'influence de l'œuvre de Pierre Mogila, archeveque de Kiev dans les Principautés roumaines // Melanges de l'Ecole roumaine en France. 1926. N 1.*
- ²⁷ *Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII в. М., 2009. С. 11–12, 14, 49–50.*
- ²⁸ АЮЗР. Т. 3. № 34.
- ²⁹ На это правильно указывает Т. Ходана (*Hodana T. Op. cit. S. 157*).

- ³⁰ АЮЗР. Т. 3. № 44. С. 50.
³¹ Об этом было специальное ходатайство, см.: Там же. № 39. С. 44.
³² Там же. № 44. С. 50.
³³ Там же. № 43. С. 46.
³⁴ Там же. № 46. С. 50–51; № 48. С. 52.
³⁵ Там же. № 34. С. 44.
³⁶ РГАДА, ф. 52, 1641 г., № 18, л. 1–4, 11.
³⁷ АЮЗР. Т. 3, № 63.
³⁸ РГАДА, ф. 52, кн. 5.
³⁹ Там же, л. 179.
⁴⁰ Там же, л. 133, 179 об.— 180.
⁴¹ Там же, л. 180.
⁴² Там же, л. 181.
⁴³ Там же, л. 180 об.
⁴⁴ *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 226.
⁴⁵ РГАДА, ф. 52, кн. 5, л. 181.
⁴⁶ *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 561, 689 (комментарии М. В. Дмитриева).
⁴⁷ [*Муравьев А. Н.*] Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. 2. СПб., 1860. С. 305–306; *Николаевский П. Ф.* Из истории сношений России с Востоком в половине XVII в. СПб., 1882. С. 2, 5.
⁴⁸ РГАДА, ф. 52, 1649 г., № 24, л. 22.

Т. А. Опарина*

Мануил Филаденский
в нижегородском
Печерском монастыре
(К вопросу о социальном статусе
иммигрантов в России)

Судьба Мануила (Эммануила) Филаденского (Филатденского, Филатдельского, Филодельского)¹ представляет собой уникальный пример изменения социального статуса иммигранта в России. Мануил пересек русскую границу 6 марта 1623 г. в свите игумена афонского Ватопедского монастыря Никодима², приехавшего за милостыней. Мануил, наиболее вероятно, присоединился к святогорцам в Речи Посполитой. Власти приграничного Путивля причислили его к сопровождающим игумена лицам: в первой отписке воевод в Москву о приезде греков упоминается лишь Никодим и его «люди»³.

Через 3 месяца ожидания в Путивле Мануил решил проявить себя и сообщил русским приставам о своем желании остаться в России. Очевидно, устная просьба подкреплялась челобитной. Как следует из отписки воевод, 2 мая 1623 г. Мануил подал прошение царю — «лист греческим письмом» и челобитную на русском языке того же содержания (по-видимому, подготовленную при чьей-то помощи, поскольку Мануил не знал русского языка). Русская челобитная и «лист греческого письма» были отправлены в Москву (документы не сохранились). Реакция на просьбу о принятии русского подданства — «выезде на государево имя» — не заставила себя ждать. 17 мая 1623 г. в сопровождении пристава Кирилла Буняка Мануил отправился из Путивля в Москву. Чуть позже было получено разрешение о проезде в русскую столицу Никодима и сопровождающего его служки. Более Никодим не оказывал влияния на судьбу Мануила. В отписке путивльских воевод (первом из сохранившихся документов о пребывании Мануила в России — см. приложение, документ № 1) зафиксирован социальный статус иммигранта —

* © Опарина Т. А., 2013

Татьяна Анатольевна Опарина, кандидат исторических наук, профессор, декан факультета искусствоведения Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, международный проект КЕРИЕ, № 12–21–14001. Автор приносит глубокую благодарность В. Г. Ченцовой за помощь при работе над статьей.

«клирик церковный», в других документах того времени его называют «крылошанином церковным».

Прибыв в Москву, Мануил был допрошен в Посольском приказе. В расспросных речах грек назван «клириком», сыном протопопа Матвея из Филладельфийской митрополии, получил фамильное прозвище Протопопов. По всей видимости, Мануил был уроженцем Филладельфии Лидийской (современный Алашехир, Турция), в конце XVI в. митрополичья кафедра переместилась из Филладельфии в Венецию⁴. Приняв решение о переселении в Россию, Мануил направился в Константинополь, затем в Валахию («Мутьянскую землю»), Молдавию и в Речь Посполиту («Литовскую землю»). В Речи Посполитой Мануил был задержан и 6 месяцев провел в тюрьме, вероятнее всего, по обвинению в шпионаже в пользу Османской империи⁵. В расспросных речах Мануила упоминается еще один грек, в это же время арестованный в Польско-Литовском государстве, — не названный по имени Силистрийский митрополит⁶ (речь идет о Силистрийском митрополите Иоакиме). Обвиненный в шпионаже, иерарх был заключен в крепости Мальборк, где находился 4 месяца, затем нашел приют у Киевского митрополита Иова (Борецкого) в Киеве. Из расспросных речей следовало, что пути Мануила и Силистрийского митрополита пересекались и в Мальборке, и в Киеве. Известно, что Иоаким направился из Киева в Россию, прибыв в Путивль ранее Мануила — 22 ноября 1622 г. Мануил после освобождения также был принят митрополитом Иовом (Борецким), жил некоторое время в Киеве, затем устремился к границам России.

Мануил не сообщил в Посольском приказе никакой политической информации. Не имея рекомендательных грамот или удостоверяющих личность документов, тем не менее он был принят в России. В соответствии со своим социальным положением «клирика» и сына протопопа грек получил вознаграждение за принятие русского подданства — «жалованье за выход», состоявшее из тафты, сукна и 10 рублей, ему был определен скромный поденный корм.

По-видимому, вскоре после получения подданства Мануил подал уникальную в своем роде челобитную (не сохранилась) — о предоставлении ему возможности овладеть русской речью и письменностью (другие примеры такого рода челобитных от иностранцев неизвестны). Несмотря на постоянное присутствие в России иноземцев, системы их обучения русскому языку не существовало (усвоение русскими детьми грамоты проходило при приходских храмах или при монастырях). Власти откликнулись на просьбу иммигранта, и чиновники Посольского приказа определили Мануила в нижегородский Печерский монастырь. Спустя почти 10 лет, в 1632 г., живя в Москве и работая в Посольском приказе, состав служащих в котором изменился, Мануил в челобитной царю и Патриарху раскрыл подоплеку этого непонятого на первый взгляд события (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1631 г., № 9, л. 45–50, см. документ № 9). По всей видимости, грек был обманут корыстными чиновниками Посольского приказа: добиваясь и не получив от Мануила взятки при оформлении его подданства, они обокрали его, забрав себе часть царского жалованья,

затем уговорили написать челобитную с просьбой об обучении языку, посулив царские милости и большое жалование, и устроили его отъезд из Москвы в нижегородский Печерский монастырь, чтобы скрыть следы своего преступления.

Выбор монастыря был, по-видимому, не случаен. Во главе нижегородской Печерской обители стоял известный своей жестокостью архимандрит Макарий, из-под власти которого грек вряд ли мог ускользнуть. (В 1632 г. Мануил в челобитной царю и Патриарху писал: «А из монастыря к Москве приехать от своей бедности вам, великим государем, побить челом тот архимарит меня не отпустил и писать челобитен да посылать из монастыря к вам, великим государем, о своей нуже мне он же не велел».) Мануил не только не получил в Нижнем Новгороде обещанного ему щедрого содержания и комфортабельных условий жизни, но в течение всех 6 лет пребывания в Печерском монастыре терпел гонения от настоятеля, побои и голод. В челобитной 1632 г. грек вспоминал: «И тот архимарит Макарей велел меня бить и увечить, и всякою позорною бранью бранил, и смирял без вины, и в железа меня сажал беспрестанно, и морил меня голодною смертию напрасно, и всякой работы работать меня заставлял... И я, холоп ваш, будуче в том монастыре шесть лет, в чепи и в железах во слезах живот свой мучил, терпел всякую великую нужу муками от архимарита Макария, от наруганья и от посмеху гоненье мне от них великое было беспрестанно, и от побою бороду мою и волосы на голове выдрал до крови, головою бил до мозга, и от обиды и от налоги всегда я, холоп ваш, в том монастыре кровью обливался, от ноготы, и з босоты, и голоду, и со всякие нужи в позоре вконец погиб. А такие, государи, беды и позору над собою в поганых странах не видал от нечестивых пущи Литовской земли»⁷. От жестокости настоятеля страдал не только Мануил, но и братия обители, крестьяне и слуги. По их челобитной Макарий был смещен и сослан в Кириллов Белозерский монастырь⁸.

После удаления Макария Мануил в 1629 г. составил челобитную (см. приложение, документ № 3), в которой сообщил, что овладел русским языком, и просил разрешить ему вернуться в столицу. Просьба была удовлетворена, в том же году грека доставили в Москву. Мануил был зачислен в Посольский приказ в качестве переводчика греческого языка⁹. В отличие от Книгопечатного приказа в штате дипломатического ведомства не состояли представители духовенства, вхождение Мануила в число служащих Посольского приказа свидетельствует о признании его светским человеком. Действительно, с этого времени он более клириком не назывался, но в документах приказа продолжал именоваться сыном протопопа Мануилом Протопоповым. В соответствии с рангом ему было назначено жалование: поденный корм — 8 денег на день, денежный оклад — 8 рублей¹⁰. Жалование включало поместный оклад — 150 четей, что подтверждает мирской статус Мануила: поместный оклад не мог быть назначен духовному лицу.

Греческому иммигранту, не имевшему покровителей и твердых свидетельств о себе, обманутому чиновниками Посольского приказа и подвергнутому заточению в монастыре, необходимо было упрочить свое место в рус-

ском обществе. Кроме того, Мануил несомненно хотел получить материальную компенсацию и решил поправить свое положение при помощи поручителя, который подтвердил бы его высокое происхождение, дававшее право на значительное жалованье. При этом, по-видимому, со стороны Мануила был допущен обман (см. ниже). Продвижение иностранца в русском обществе не могло происходить без покровителей. Мануил это понимал, но в Посольском приказе он обрел лишь недоброжелателей (см. ниже). В греческом сообществе, жившем в Москве, он также первоначально не нашел поддержки. Наиболее авторитетные члены сообщества традиционно выступали в роли «знатцев»: они подтверждали или опровергали сообщаемую иммигрантом в Посольском приказе информацию о себе. В 1623–1630 гг. никто из греков не поддержал Мануила. Позже он описал ситуацию: «А родители, государи, у меня на Москве и знакомых людей в те поры никого не было, кому б за меня постояти»¹¹. При зачислении в Посольский приказ он не ссылался на чье-либо покровительство.

Патриарх Филарет активизировал контакты с Церквами христианского Востока и способствовал увеличению числа выездов в Россию представителей греческого духовенства, имевшего в России авторитет учителей веры. Русские духовные власти поддерживали переселение греков, вследствие чего в 1-й трети XVII в. в России находились многочисленные выходцы с христианского Востока. Приезжие греческие клирики пользовались уважением при дворе Филарета и оказывали влияние на предстоятеля. В 1620-х гг. признанным главой греческого землячества Москвы являлся игумен Новоспасского монастыря Иоанникий, приехавший в 1619 г. в свите Иерусалимского Патриарха Феофана и скончавшийся в Новоспасском монастыре в 1630 г.¹² Иоанникий активно помогал соотечественникам, известны примеры освобождения греков из холопства по его прошениям¹³. Однако к судьбе Мануила он внимания не проявил¹⁴. В 1628 г. в Россию переселился ватопедский игумен Никодим, неоднократно бывавший в России и в 1628 г. изъявивший желание здесь остаться, после чего был поставлен игуменом Николо-Угрешского монастыря, которому покровительствовала правящая династия. В 1623 г. в свите Никодима Мануил пересек русскую границу и в Путивле 3 месяца ожидал решения русских властей. Несмотря на это, Никодим не давал показаний о Мануиле ни в 1623, ни в 1629 гг. В этот период о Мануиле молчали и другие авторитетные греки-иммигранты. В 1628 г. остался «на государево имя» Верейский митрополит Аверкий¹⁵. В 1630 г. вступили в русское подданство «Турские земли Царегородские области города Имбра Архангельского Михайловского монастыря» митрополит Имвроса (Имброса) Афанасий¹⁶, Синадский митрополит Мелетей¹⁷, «Македонские земли города Зихнова Архангельского монастыря» митрополит Зихны Неофит¹⁸, а также Севастийский митрополит Иосиф¹⁹.

Время возвращения Мануила в Москву из нижегородского Печерского монастыря совпало с активизацией миграционных потоков. В преддверии Смоленской войны (1632–1634 гг.), в подготовке которой деятельное участие проявил турецкий посол грек Фома Кантакузин²⁰, иммиграция греческого

духовенства в Россию резко усилилась. В 1630 г. вместе с посольством Ф. Яковлева и П. Евдокимова, вернувшихся из Константинополя в сопровождении Фомы Кантакузина в Россию приехали многочисленные греки — просители милостыни и иммигранты. Среди них был клирик, сыгравший решающую роль в укреплении положения Мануила в России, — архимандрит Никифор из афонского скита Св. Анны (документов о его приезде в Россию не сохранилось). В своем более позднем прошении Никифор сообщил, что провел в скиту Св. Анны более 30 лет (т. е. примерно с 1604 г.), после чего Патриарх (Кирилл Лукарис?) вызвал его из пустыни для поставления архимандритом Спасо-Каритского монастыря. В период пребывания в Константинополе русского посольства Ф. Яковлева и П. Евдокимова архимандрит Никифор получил благословение Патриарха Кирилла Лукариса на поездку в русскую столицу: «Помолиться мощам Московских чудотворцев, и испросить милостыню, и получить благословение Патриарха Филарета Никитича»²¹. Имея рекомендательную грамоту Кирилла Лукариса²², Никифор в числе прочих греков был с почетом принят в Москве. Большая группа духовных и светских лиц, прибывшая с посольствами Яковлева–Евдокимова и Фомы Кантакузина 27 мая 1630 г., была принята Михаилом Федоровичем, на следующий день состоялся прием у Патриарха Филарета. Греки получили дары и от царя²³ и от главы Русской Церкви²⁴. Архимандрит Никифор царского жалованья получил «10 аршин камки адамашки лазоревой мелкотравной по 24 алтына аршин, 40 соболеи 20 рублей»²⁵, от Патриарха — «образ Вознесения Господня оклад серебрян золочен басмян²⁶... и 12 рублей»²⁷.

Получив милостыню и отправив ее в Спасо-Каритский монастырь, Никифор остался в Москве²⁸ и был определен в Спасо-Андроников монастырь, где жил до своего отъезда из России в 1634 г. Несмотря на затворничество, архимандрит Никифор пользовался авторитетом как в московской греческой общине, так и при дворе Патриарха Филарета. Свое влияние Никифор использовал для продвижения близких ему людей. В 1630 г. в Москве обосновался купец Терентий Трендафил, которого архимандрит Никифор назвал своим племянником. Купец прибыл вместе с другими торговцами-греками — Кириллом Николаевым, Иваном Юрьевым, Яковом Дмитриевым, Михаилом Семеновым, Константином Ивановым — с посольствами Яковлева–Евдокимова и Фомы Кантакузина²⁹. Приехав «с торгом», купцы вскоре объявили о желании принять русское подданство. В Посольском приказе все они давали о себе показания. Терентий Трендафил «сказался, что он уроженец з Белого моря города Палеипатра³⁰. Родители-де его бывали служилые люди. А он-де, Терентей, был в торговых людех. И приехал к Москве с турецким послом вместе с торгом»³¹. Согласно принятому порядку принятия подданства, купцов пригласили на аудиенции к царю и Патриарху, где они получили награждение и поместно-денежный оклад. Терентий Трендафил получил от царя «камки адамашки, тафты, сукна аглинского, 40 кунц по 12 рублей», удостоился «образа окладного, сукна аглинского, дорогам, 6 рублей денег» от Патриарха. Архимандрит Никифор не пожалел усилий для устройства своего родственника в Москве, в 1630 г. он обратился к властям с просьбой о выделении

Трендафилу дома в столице³². Обычно подобные пожалования предоставлялись лишь знатым иммигрантам, но в данном случае власти пошли навстречу Никифору и наделили Трендафила недвижимостью. Оказывали помощь родственникам-мирянам и другие клирики: Севастийский митрополит Иосиф заступился за своего племянника Дмитрия Федорова Солунского³³.

Живя в Андрониковом монастыре, Никифор сблизился с Мануилом, который был приставлен к нему в качестве переводчика и помощника (это обстоятельство свидетельствует о высоком авторитете, которым пользовался Никифор в Москве, потому что другие случаи присутствия личных переводчиков при греческих духовных лицах в эти годы не зафиксированы). Возможно, сближение произошло вследствие того, что Мануил оказался в курсе делопроизводства о приезде Никифора в России, вероятно, участвовал в составлении документов³⁴. В своих челобитных Никифор писал о службе Мануила при нем: «И по вашему государьскому указу тот холоп ваш государев Маноило Филаденский приезжает ко мне, богомольцу вашему, всегда призирает и служит правдою»³⁵; «И по вашему государьскому указу тот князь Мануила Филаденской всегда приезжает ко мне, богомольцу вашему, назирает меня и по вашей государской великой милости про всякую нужу мою проведывает»³⁶; «И он приезжает ко мне, богомольцу вашему, не имеючи лошади, а коли, государи, ему наняти нечем, и он, послушания творя, служа вам, великим государем, ко мне пеш приходит до Ондроньева монастыря и назад до Москвы, почасту ходит в дождь, и в снег, и в грязь, и во всякую слоту»³⁷. По-видимому, служба Мануила при Никифоре не ограничивалась переводом (Никифор немного владел русским языком, мог написать небольшую фразу³⁸). Возможно, переводчик, работавший в Посольском приказе, являлся также информатором Никифора и посредником в установлении контактов с приезжающими греками.

Ответная помощь Никифора, столь необходимая Мануилу, последовала незамедлительно. Оказалось, что Никифор знал семью Мануила в Османской империи и свидетельствовал перед русскими властями о том, что отец переводчика был князем. Уже в 1631 г. затворник подготовил первое обращение к властям в пользу Мануила³⁹ (см. приложение, документ № 5). Никифор просил увеличить жалованье Мануилу ради его княжеского происхождения: «И отца ево я, богомолец ваш, знал, князя Матвея Филаденского, во своей Греческой земли. И тот князь Матвей был человек праведный и милостивый и жил в православной крестьянской вере. И сын ево, тот Маноило Филаденский, будучи во своей Греческой земли для веры ради православные от безбожных многие беды и убытки терпел великие»⁴⁰. Греческий оригинал челобитной неизвестен, документ сохранился на русском языке. Наиболее вероятно, что прошение изначально было создано по-русски, возможно, при участии Мануила. Очевидно, подготовленный вариант Мануил передал для копирования подьячим: документ написан профессиональным делопроизводственным почерком, не совпадающим ни с автографами Никифора (известны его подписи), ни с автографами Мануила (известны черновики его челобитных)⁴¹. Никифор подписал челобитную по-гречески. Переводчику повысили

жалование на 2 рубля, поденный корм на 4 деньги⁴². В приказ Большого прихода было направлено соответствующее распоряжение о начислении повышенного оклада⁴³. Однако княжеский титул за Мануилом не был утвержден.

В 1632 г. Никифор повторил прошение⁴⁴ (см. приложение, документ № 7), которое было вручено предстоятелю в Крестовой палате. По содержанию 2-я челобитная близка к первой, во 2-м прошении акцент поставлен на княжеском происхождении Мануила и на необходимости существенно увеличить содержание для переводчика — «против его братьи, кому он отчеством в версту». Никифор вновь уверял, что знал семью Мануила, на этот раз описал подробности пребывания у него дома, указав, что при встрече причастил всю семью: «И я, богомolec ваш, отца ево князь Матвея Филадельскаго во своей земли знал, что он был в наших странах передо всеми князьми почтен, потому роду добраго. А муж был праведен, и христоролюбив, и страннолюбец, и жил он своим княженством. Егда Господь изволил мне, богомольцу вашему, ехати с товарищи своими во Иеросалим, помолитися, у Гроба Господня приложитца, и едучи, государи, дорогою заехали к тому князь Мануилу отцу, князю Матвею, в город Филадельфис. А где жил он, тот князь Матвей, муж праведный, меня, богомольца вашего, с товарищи имал к себе в дом, якоже он был страннолюбец, и нам всем покоил, и питал, и честь нам великую воздал. И у меня, богомольца вашего, тот же князь Матвей с княгинеею своею и со всеми своими княжнами и тот сын ево, князь Мануило, в духовне исповедался и пановлялся, и воздана нам честь и милостыня великую для нашей нужи, почесть на дорогу сотворив, отпустил нас»⁴⁵. 2-я челобитная Никифора также написана по-русски и также профессиональным почерком, отличным от почерка 1-й челобитной, заверена греческим автографом Никифора. За прошением вновь последовала положительная реакция властей. Сейчас повышение жалования оказалось более внушительным. Княжеский титул Мануила и на этот раз не был утвержден, однако сумма на его содержание выделялась значительная. По повторному ходатайству Никифора переводчику прибавили к окладу 15 рублей 2 алтына, его годовой оклад теперь должен был составлять 25 рублей⁴⁶.

Имея поддержку в лице влиятельного архимандрита Никифора и дождавшись смены главы Посольского приказа (о чем ниже), Мануил решил в челобитной царю и Патриарху подробно изложить свою биографию, в том числе печальные обстоятельства первых лет своей жизни в России, с целью объяснить вдруг появившиеся у него в 1630-х гг. претензии на княжеский титул (см. приложение, документ № 9). По-видимому, правдивые сообщения в челобитной перемешаны с вымыслом, связанным в первую очередь происхождения Мануила и его семьи. По его словам, он родился в княжеской семье и рано потерял родителей, после смерти которых над ним нависла угроза насильственного обращения в ислам⁴⁷. Опасность отступления от веры вынудила его покинуть родную Филадельфию и бежать в Константинополь, где он получил «лист» Константинопольского Патриарха Тимофея, с которым отправился в Россию⁴⁸. Тимофей занимал Константинопольскую кафедру до 1620 г., следовательно, Мануил отправился в путь не позднее этой

даты. Путь Мануила пролегал через Валахию, Молдавию, Речь Посполиту. Обнаруженные у Мануила греческие грамоты стали поводом к его задержанию во Львове. Затем он был доставлен в Варшаву, где у него забрали рекомендательное письмо Патриарха Тимофея как доказательство его вины. Как и в 1623 г., в 1632 г. Мануил писал о 6-месячном тюремном заключении, но сейчас речь шла о «земляной тюрьме» в Варшаве, пребывание в Мальборке не упоминалось. Освобождение Мануилу принесла тяжелая болезнь. Уже умиравшего, Мануила выпустили из тюрьмы, и он смог добраться до Киева, где получил поддержку Киевского митрополита Иова (Борецкого). В украинской столице Мануил обрел духовного отца — не названного по имени киевского протопопа. Киевские священнослужители содержали и одаривали странника, в том числе одеждой, которую в Путивле восприняли как монашескую. В прошении 1632 г. Мануил обошел молчанием встречу в Речи Посполитой с Силистрийским митрополитом Иоакимом, а затем с ватопедским архимандритом Никодимом. Очевидно, Никодим, находившийся в 1632 г. в России и никогда не свидетельствовавший в пользу Мануила, мог опровергнуть слова последнего.

Не упомянув о Никодиме, Мануил тем не менее остановился на своем пребывании в Путивле. Он писал, что в приграничном городе отсутствовал переводчик с греческого, при этом остается загадкой, каким образом Мануил объявил о желании принять русское подданство. По версии Мануила, самонаименование «кириц» в Путивле было услышано как «клирик», чем и объясняется его статус в первых документах. Интересно, что в 1632 г. Мануил не вспомнил о своих челобитных 1623 г. (на греческом и на русском языках). В Москве трудности продолжились. В 1632 г. оказалось, что в 1623 г. запроса в Посольском приказе не было. По версии Мануила, он заболел в дороге и в тяжелом состоянии был привезен на подворье Посольского приказа. На подворье «клирика» навещал толмач Христофор, назначенный приставом. Речь идет о греческом толмаче Христофоре Иванове, вошедшем в штат Посольского приказа в 1622 г. и исполнявшем поручения пристава при греческих миссиях⁴⁹. Мануил обвинял Христофора (очевидно, валаха) в плохом владении греческим языком и в знании лишь волошского языка, поэтому, по версии Мануила, к прежним ошибкам в определении его статуса в Москве добавились новые. Мануил остался «клириком», в изложении Христофора рассказ о киевском протопопе и его дарах превратился в сведения об отце Мануила — протопопе Филадельфийской митрополии, и Мануил был записан как Протопопов. По словам Мануила, «расспросы» были составлены толмачом в Посольском приказе в его отсутствие и не соответствовали действительности.

Далее в челобитной следует рассказ о том, как Мануил был обманут подьячим Посольского приказа Алексеем Шаховым⁵⁰ и переводчиком Христофором Ивановым. Чиновник вместе с Христофором Ивановым вымогал у иммигранта взятки: «[Пристав] роспрашивал меня про животов: сколько у меня животов, по наученью Посольского приказа подьячево Олексея Юрьева сына Шахова, есть ли-де у тебя красные золотые или какая хитрая вещь, ты-де подари подьячево в Посольском приказе Олексея Шахова». Не получив

привозных диковинок, служащие Посольского приказа стали претендовать на часть выходного жалования Мануила. Вновь встретив отказ, они украли у грека часть денег: «И по вашему государеву указу велено мне давать вашего государского жалования выходного 10 рублей денег, да тафта, да сукно. Тот толмач Кристофор принес мне вашего государского жалования выходного толко 4 рубли денег, да тафту, да сукно. А шесть рублей денег они с подьячим у себя утаили; тафту и сукно принес плохое»; «А се, государи, они ж у меня украли вашего государского жалования шесть рублей денег».

Мануил объяснял присвоение ему при въезде в Россию статуса «клирика» и «протопопова сына» мезью Шахова за неуступчивость. В изложении Мануила именно приставы (переводчики) и подьячие Посольского приказа определяли социальный статус иммигрантов при получении русского подданства, если у приезжих отсутствовали рекомендательные грамоты. По словам Мануила, от действий подьячих зависело положение иммигрантов в русском обществе, в частности, выделяемое властями жалование: «А тому подьячему приказано спрашивать и корм давати и государево жалование выходное». Высказывания Мануила являются уникальными, других свидетельств о несогласии приезжих со своим социальным статусом в России нет.

Происками сотрудников Посольского приказа Мануил объяснял также факт появления челобитной об обучении русскому языку. Пристав и подьячий предложили Мануилу обратиться к властям с просьбой о направлении на обучение, расписав преимущества положения иностранцев, владеющих как своим, так и русским языком: «А сказывал мне тот толмач: то-де тебе жалует государь так, а как-де будешь учитьца грамоте русской и языка русского, и тебе-де жалования выходного большое будет, потому кто-де умеет по-гречески грамоте и по-русски писать, того-де государь царь и великий государь Святейший Патриарх любят гораздо, и жалуют, и честь ему великую дают». По-видимому, действия Шахова и Христофора Иванова были вызваны желанием выпроводить Мануила из Москвы и лишить его возможности пожаловаться на то, что они забрали себе часть его жалования.

Мануил составил челобитную, в которой просил направить его «для грамоты русские ученья, где, государи, укажите здесь на Москве, чтоб мне русского языка натравитца и честь бы мне была по моему отчеству». Однако, по словам Мануила, главе Посольского приказа Ивану Грамотину Шахов и Христофор Иванов отправили «ложную» челобитную и посоветовали Грамотину удалить Мануила из Москвы: «Для того они надо мною умыслили, чтоб я, холоп ваш, вам, государем, на них не бил челом на Москве живучи, что они отчество мое прописали, наругаючися мне. И они бояся того, что их воровство при вас, государей, надо мною розные за то они воруючи надо мною для своей воровской бездельной корысти, сослали меня далеко в монастырь, чтоб я, на Москве будучи, от меня вам, государи, про их воровство явно не было, за то меня оболгали вам, государем». при этом чиновники вновь обманули иммигранта, пообещав ему безбедную жизнь в монастыре и многие подарки: «А они, государи, учили меня с Москвы ссылать, и тот толмач Кристофор пришел ко мне с приставом и учал мне говорить: государь царь и государь

Святейший Патриарх велели тебе говорить свое государское жалованное слово: как-де приедешь в монастырь, и тебе-де тотчас дадут из монастырские казны 200 рублей денег по государеве грамоте, соболи, и куницы, и чары серебрянные и золотой, отлас, и бархат, и камки, и тафту, и сукно, и дороги, и конь со всею конскою збруею; честь-де тебе в монастыре великая будет, и пити, и ясти, всякого покоя будет довольно. А как-де выучисся грамоте рускои в монастыре и языку рускому навикнешь, тотчас-де тебя возьмут из монастыря к Москве. А на Москве тебя государь царь и государь Святейший Патриарх пожалуют, честь великую воздадут, будеш почтен гораздо. И я, холоп ваш, не чая от них кравды (так в тексте.— Т. О.) вашему государскому жалованью, воззрился».

Ко времени, когда Мануилу удалось вернуться в Москву (1629 г.), во главе Посольского приказа стоял Е. Г. Телепнев (1626–1630 гг.). Очевидно, он способствовал возвращению грека и зачислению его в штат дипломатического ведомства. В 1630 г. судьей Посольского приказа был назначен думный дьяк Ф. Ф. Лихачёв (1630–1631 гг.). Мануил, по его словам, не нашел поддержки у нового главы ведомства: «И приказали вы, государи, бывшему диаку Федору Лихачову про мое отчество выписать и доложить себя, государем. И тот, государи, дьяк Федор Лихачев волочил меня долго». При зачислении в Посольский приказ Мануил не встретил в ведомстве своих главных обидчиков. Алексей Шахов попал в опалу вместе с Иваном Грамотиным и в 1627 г. был направлен в Уржум. Иван Христофоров погиб в посольстве Ивана Бегичева в 1624 г. Однако место Алексея Шахова занял подьячий Третьяк Никитин⁵¹, ставший непосредственным начальником Мануила. По мнению грека, Никитин «по наученью подьячего Алексея Шахова» стал вредить Мануилу: «Сидит на ево, Олексево, место Шахова, надо мною, холопом вашим... И нынеча, государи, узнал я в тех подьячих неправду и проведал, что, государи, видечи в Посольском приказе подьячево Третьяка Микитина, тот подьячеи Третьяк по наученью подьячего Алексея Шахова делает такую неправду». «Неправда» заключалась в том, что решения царя и Патриарха о повышении Мануилу жалованья не выполнялись из-за происков служащих Посольского приказа: в документации, отправленной из Посольского приказа в приказ Большого прихода, под именем Мануила числилась прежняя скромная сумма жалованья, надбавки не вводились.

Пожаловаться на злоупотребления чиновников Посольского приказа — подьячих, толмача и даже судьи — Мануил решил после смещения в 1631 г. Ф. Ф. Лихачёва. Новый глава Посольского приказа И. К. Грязев организовал разбирательство по делу о начислении жалованья Мануилу. Одновременно грек писал одну челобитную за другой (см. приложение, документ № 11, вероятно, существовали и иные прошения), привлекал свидетельства в свою пользу архимандрита Никифора. Настойчивость Мануила имела успех: к 1634 г. его годовой оклад составлял назначенные еще в 1632 г. 25 рублей⁵².

Оклад Мануилу выплатили, но княжеский титул не утвердили. Для признания титула были необходимы самые авторитетные свидетельства, и Мануил решил съездить на родину, чтобы их раздобыть. И вновь на помощь

ему пришел Никифор. Собираясь вернуться в Османскую империю вместе с направлявшимся в Константинополь русским посольством И. Г. Коробьина и С. Матвеева и турецким посольством Муслы-аги, Никифор предложил русским властям включить Мануила в состав посольства. Согласие было получено, и Мануилу выдали вознаграждение за будущую службу⁵³. В отдельной челобитной Никифор просил назначить переводчику в пути достаточное содержание. 2 челобитные Никифора, связанные с Мануилом (о включении в состав посольства и назначении подневного питания), написаны одним почерком (не являющимся автографом Мануила). Обращение Никифора к властям о «милостыне» для пустыни Св. Анны написано другим профессиональным почерком. Все прошения завизированы греческим автографом Никифора. Челобитные были приняты властями. Архимандрит Никифор получил для своей обители соборей на сумму 50 рублей, деньги на кормовое питье в дороге. Деньги в приказе Новой чети забрал Мануил Филаденский, расписавшейся за их получение.

К названным дипломатическим миссиям присоединились многие греческие иерархи. Война с Речью Посполитой, которую так ждали деятели христианского Востока, была проиграна Россией. Умер покровительствовавший грекам Патриарх Филарет. Многие греки, приехавшие в Россию в 1630 г., решили вернуться на родину. В 1634 г. в обратную дорогу на Афон попросились Севастийский митрополит Иосиф⁵⁴ и архимандрит Никифор, в 1635 г. — первый спутник Мануила ватопедский архимандрит Никодим⁵⁵. Причину отъезда сформулировал Севастийский митрополит: «Как, государь, отца твоего, государева, блаженныя памяти великаго государя Святейшаго Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси, милостиваго отца, пастыря и заступника нашего, волею Божеею не стало, и я, нищей твой богомolec, осиротел, яко овца заблудшая стал. А в твоей государевой благочестивой державе твоих государевых богомольцев немало и без меня последнего»⁵⁶. Архимандрит Никифор ссылался на необходимость получения благословения на пребывание в России от братии своей пустыни Св. Анны, что он неосмотрительно забыл сделать 4 года назад. Все клирики получили согласие правительства и были отпущены в Османскую империю. К русскому и турецкому посольствам также присоединились участники переговоров о Смоленской войне, в частности венгерский посол француз Жак Руссель⁵⁷.

Первая значительная дипломатическая служба Мануила Филаденского оказалась непростой. Посольство столкнулось с многочисленными сложностями, путешествие растянулось на несколько лет. В поездке Мануила ждала встреча с авторитетными деятелями христианского Востока, получение рекомендательных документов и по возвращении в Россию утверждение княжеского достоинства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. о Мануиле: Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 1. Казань, 2008. С. 309.

- ² РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1623 г., д. 1, 4; оп. 1, 1628 г., д. 10; оп. 1, 1635 г., д. 5. Как позднее рассказывал Никодим в Посольском приказе, он принял постиг в Ватопедской обители около 1580 г., около 1614 г. ее возглавил. Об архимандрите Никодиме см.: *Кантерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII ст. Сергиев Посад, 1914. С. 159.
- ³ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1632 г., д. 4, л. 1.
- ⁴ В рассматриваемый период Филадельфия Аравийская (современный Амман, столица Иордании) находилась в запустении. Приношу глубокую благодарность за помощь и консультации В. Г. Ченцовой и К. А. Панченко.
- ⁵ Преследование польскими властями выходцев с христианского Востока было вызвано восстановлением Киевской православной митрополии Иерусалимским Патриархом Феофаном в 1620–1621 гг., на что указывал и сам Мануил (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1632 г., д. 5, л. 39). В польских документах Феофан назывался «турецким шпионом», это же обвинение выдвигалось против других греков, перемещавшихся по территории Речи Посполитой.
- ⁶ Там же, оп. 1, 1623 г., д. 1.
- ⁷ Там же, 1632 г., д. 5, л. 48.
- ⁸ Об этом рассказано в челобитной Мануила (Там же).
- ⁹ *Куников Б. А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: Структура, служащие, делопроизводство. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007. С. 486.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же, л. 47.
- ¹² Ранее Иоанникий проявил себя в качестве информатора русских дипломатов в Константинополе, поставлял сведения посольству Петра Мансурова и ссужал ему деньги: «Мая 20 1620 г... еросалимскому келерю старцу Оникею... за службу, что, будучи в Царегороде, вестей всяких проведывал» (РГАДА, ф. 396, оп. 2, кн. 205, л. 379). См.: *Белоброва О. А.* Иоанникий Грек // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, XVII в. Ч. 2. СПб., 1993. С. 76–78; *Фонкич Б. Л.* Иоанникий Грек: (К истории греческой колонии в Москве в первой трети XVII в.) // *Очерки феодальной России*. Вып. 10. М.; СПб., 2006. С. 85–110.
- ¹³ *Фонкич Б. Л.* Кипрский священник в Ярославле и Москве: (Из истории кипрско-русских отношений в первой четверти XVII в.) // *Россия и христианский Восток*. Вып. 2–3. М., 2004. С. 238–247; *Опарина Т. А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. С. 291–292; *она же.* Иммигранты из Трапезунда в России XVII в.: Их судьбы и поиски этно-конфессиональной идентичности // *Omeljan Pritsak arma ani. Atribute to Omeljan Pritsak*. Sakarya; Temmuz, 2007. С. 583–625.
- ¹⁴ Можно было бы объяснить этот факт тем обстоятельством, что Мануил вернулся в Москву в 1629 г. — незадолго до кончины Иоанникия. Однако известно, что даже в год своей смерти Иоанникий поддерживал своих соотечественников, в частности, грек Михаил Николаев Капитонов в 1630 г. уверял власти, что «про мое отчество... ведают и знают Селунский митрополит Паисей да спаской келарь Оникей» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1630 г., д. 4, л. 28).
- ¹⁵ *Кантерев Н. Ф.* Указ. соч. С. 159–162; РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1629 г., д. 18.
- ¹⁶ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1630 г., д. 5.
- ¹⁷ Там же, д. 8.
- ¹⁸ Там же, д. 6.
- ¹⁹ *Кантерев Н. Ф.* Указ. соч. С. 162; РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1630 г., д. 4.
- ²⁰ *Флоря Б. Н.* Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20–30-х гг. XVII в. // *Россия и христианский Восток*. Вып. 2–3. М., 2004. С. 248–287.
- ²¹ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1634 г., д. 4, л. 1.
- ²² Там же.
- ²³ «Мая в 27 день по государеву указу и по памяти за приписью думново дьяка Ефима Телепнева Савастийскому митрополиту Иосифу, которой приехал на государеву

имя, кубок серебрян золочен с кровлею чеканною весу 3 гривенки 30 золотник по 5 рублей гривенка, 12 аршин камки куфтеру багровой клееной, травы болшой розвод по 30 алтын аршин, 40 соболеи 30 рублей. Затворнику архимариту Никифору 10 аршин камки адамашки лазоревой мелкотравной по 24 алтына аршин, 40 соболеи 20 рублей. Гречаном-бельцом, которые приехали на государево имя, 9 человеком по 4 аршина тафты виницейки по 23 алтына по 2 деньги аршин, по 4 аршина сукна аглинсково брусничной цвет по 20 алтын аршин, по 40 куниц по 12 рублей сорок. Одново греченина жена — 4 аршина тафты виницейки двоеличной по 23 алтына по 2 деньги аршин, киндяк ценинен цена 25 алтын. Архимаритом и старцом, которые приехали для милостыни Царегородсково Патриарха Кирилла: архимариту Анфилофию 10 аршин камки адамашки светло-зеленой мелкотравной по 23 алтына по 2 деньги аршин, 40 соболеи 20 рублей; Царегоротцково ж Патриарха келарю Веньямину да черному попу Езекеилю по 4 аршина тафты виницейки двоеличной по 23 алтына по 2 деньги аршин, по 40 куниц по 12 рублей сорок. Кафинского митрополита келарю Давыду да Трекальсково монастыря келарю Арсеню, Савастийсково митрополита келарю Парфенью, да черному попу Григорью, да черному дьякону Гаврилу по 4 аршина тафты виницейки двоеличной по 23 алтына по 2 деньги аршин. Савастейского митрополита службе Мишке, Царегородсково Патриарха архимаричью службе Косте, Кафинского митрополита службе Захарку по 4 аршина сукна настрафилю лазоревого по 2 рубли с четью портище. Дано. Да им же дано государева жалованья деньгами: митрополиту 40 рублей, архимаритом и затворнику по 20 рублей. Деньги даны ис Посольсково приказа. А явлено им государево жалованье при государе в Золотой. И тот кубок, и камки, и тафта, и сукна, и киндяк, и соболи отнес в Посольской приказ подьячеи Иваш Яковлев» (РГАДА, ф. 396, оп. 2, кн. 285, л. 295 об.— 298 об.).

²⁴ «Мая в 28 день по государеву указу и по памяти за приписью думново диака Ефима Тепенева великого государя Святейшаго Патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии Савастейскому митрополиту Иосифу благословения образ Пречистой Богородицы, оклад серебрян золочен басмян, венец резной; ему ж государева патриарша жалованья кубок... Затворнику архимариту Никифору великого государя благословения образ Вознесение Господне, оклад серебрян золочен басмян... Архимариту и старцом, которые приехали для милостыни Царегородсково Патриарха Кирилла: архимариту Анфилофию великого государя благословения образ Пречистой Богородицы, оклад серебрян золочен басмян, ему ж государева патриарша жалованья... Царегоротцково Патриарха келарю Веньямину да черному попу Езекеилю благословения по образу, писаны на золоте и на красках, да им же государева патриарша жалованья... Кафинского митрополита келарю Давыду, Трекальсково монастыря келарю Арсеню, Савастейского митрополита келарю Парфенью, черному попу Григорью, черному дьякону Гаврилу великого государя благословения образы писаны на золоте, да им же государева патриарша жалованья... Дано. Да им же дано государева патриарша жалованья деньгами: митрополиту 35 рублей, затворнику и архимаритом по 12 рублей. А явлено им государево патриарше жалованье при нем, государе, в Крестовой. И тот кубок, и камки, и тафты, и дороги, и соболи отнес в Посольской приказ подьячеи Иваш Яковлев» (Там же, л. 301–303 об.).

²⁵ Там же, л. 296.

²⁶ Там же, л. 302.

²⁷ Там же, л. 303 об.

²⁸ Там же, ф. 52, оп. 1, 1634 г., д. 4, л. 1.

²⁹ Там же, оп. 1, 1630 г., д. 26, л. 1. В качестве примера см.: Там же, оп. 1, 1632 г., д. 16.

³⁰ Палеопатры, Древние Патры, Патры на Пелопоннесе.

³¹ РГАДА, оп. 1, 1630 г., д. 26, л. 1.

³² Там же, д. 12.

³³ Там же, д. 13.

- ³⁴ Мануил мог быть причастен к оформлению многих «выездов на государево имя» в 1630 г. Так, им составлен перевод грамоты Амфилохия (Там же, д. 25). Тем не менее ни один из переселившихся в Россию в тот период греческих иерархов не дал о Мануиле свидетельств.
- ³⁵ Там же, оп. 1, 1631 г., д. 9, л. 1.
- ³⁶ Там же, оп. 1, 1632 г., д. 5, л. 39.
- ³⁷ Там же, л. 40.
- ³⁸ См. русскую подпись Никифора: Там же, оп. 1, 1631 г., д. 9, л. 1 об.
- ³⁹ Там же, д. 9.
- ⁴⁰ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1631 г., д. 9, л. 1.
- ⁴¹ *Опарина Т. А.* Фрагменты архива переводчика Посольского приказа Мануила Филаденского: Проблемы поиска автографа (*в печати*).
- ⁴² *Куленков Б. А.* Указ. соч. С. 486.
- ⁴³ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1631 г., д. 9, л. 3–3 об.
- ⁴⁴ Там же, оп. 1, 1632 г., д. 5, л. 39.
- ⁴⁵ Там же, л. 39–40.
- ⁴⁶ *Куленков Б. А.* Указ. соч. С. 486.
- ⁴⁷ Об этом кратко писал и в своих 2 посланиях архимандрит Никифор.
- ⁴⁸ РГАДА, ф. 52, 1632 г., д. 5, л. 45.
- ⁴⁹ В декабре 1622 г. Христофор Иванов был приставом при греческом митрополите Иеремии. Погиб в 1624 г. от рук донских казаков вместе с русским послом Иваном Бегичевым и турецкими послами Ахмет-агу и Ахмет-чаушем. См. о Христофоре Иванове: *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Ч. 2. М., 2003. С. 375; *Куленков Б. А.* Указ. соч. С. 460.
- ⁵⁰ См. об Алексее Шахове: *Лисейцев Д. В.* Указ. соч. С. 350; *Куленков Б. А.* Указ. соч. С. 427.
- ⁵¹ Служил в Посольском приказе со времени царствования Василия Шуйского до 1638 г. Приехавший в 1630 г. в Россию грек Михаил Николаев Капитонов жаловался властям на исчезновение подношения царю — золотых зеркала и гребня, украшенных драгоценными камнями. Вещи были приняты в Посольском приказе дьяком Ефимом Телепневым и подьячим Третьяком Никитиным (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1630 г., д. 4, л. 38–40). См. о Третьяке Никитине: *Куленков Б. А.* Указ. соч. С. 430.
- ⁵² Там же. С. 486.
- ⁵³ РГАДА, ф. 396, оп. 2, кн. 289, л. 418 об.— 419 об.
- ⁵⁴ Там же, ф. 52, оп. 1, 1634 г., д. 5.
- ⁵⁵ Там же, оп. 1, 1635 г., д. 5, л. 165.
- ⁵⁶ Там же, оп. 1, 1634 г., д. 5, л. 1.
- ⁵⁷ *Флоря Б. Н.* Жак Руссель, король Густав Адольф и Патриарх Филарет // Россия и Швеция в средневековом и Новое время: архивное и музейное наследие. М., 2005. С. 11–27.

Приложение

№ 1¹

**1623 г., мая 17.— Отписка путивльских воевод
В. Ромодановского и Г. Олябьева в Посольский приказ
о прибытии в Россию грека Мануила Матвеева и о его желании
принять русское подданство**

(Л. 2) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Васка Ромодановской, Гришка Олябьевь челомь бьют.

В нынешнем, государь, 131 году марта в 11 день писали мы, холопи твои, к тебе, государю, об указе с путивльцом с сыном боярским с Алексеем Некрасовым, что марта в 6 день приехал в Путивль из Святых гор вятопедцкой игумен Никадим да с ним два греченины: клирик церковной Мануил да ево, игумена, служка. И мая, государь, во 2 день прислал к нам, холопом твоим, клирик церковной Мануил грек с приставом с путивльцом с сыном боярским с Офонасьем Порфеньевым челобитную. А в челобитной ево пишет, что он хочет быть на твое, государеве, имени служит тебе, государю, и что б ты, государь, пожаловал, велел ево взять на житье (Л. 3) в свое государево Московское государство, а в Греческую-де землю ехать он не хочет. И мы, холопи твои, того греченина Мануила отпустили к тебе, государю, к Москве с путивльцом с сыном боярским с Кирилом Бунякиным и подводу и кормь ему (Л. 4) в дорогу дали. А какову, государь, он грек Мануил челобитную принес к нам, холопом твоим, в съезжую избу и лист греческим письмом, и мы тое ево челобитную и лист послали к тебе, государю, зашив лист с сею ж отпискою вместе, с тем же сыном боярским с Кирилом Бунякиным.

Маия в 4 день.

№ 2²

**1623 г., после 17 мая.— Показания
грека Мануила Матвеева Протопопова
в Посольском приказе**

(Л. 4а) 131-го маия в 17 день писали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии ис Путивля воеводы стольник князь

Василеи Ромодановской да Григорееи Олябьев и прислали ис Путивля с путивльцом с Кирилом Бунякиным выхотца^а греченина Мануила протопопова Матвеева сына. И на Москве Маниуило греченин^б в роспросе сказал. Отец-де ево был в восточной земле в Филадельфинской митрополии^в протопопом, имя ему Матвеи. А шол-де он на Цареград, да на Мутьянскую землю, да через Литовскую землю. И был в Варшаве, и его-де поймали и посадили в тюрьму, и был в тюрьме 6 месяцев. А как ево выпустили, (Л. 5) а в те поры был в тюрьме Селитрейской митрополет в городе в Малборку. И он-де с тем митрополитом был в Киеве. И шол ис Киева на Прилук, а ис Прилук в Путивль, а ис Путивля ево воеводы^г прислали ко государю к Москве. И он на Москве хочет служить государю, а в Греческую землю ехать не хочет. А вестеи никаких не сказал.

№ 3³

1629 г. — Челобитная
Мануила Матвеева Протопопова
с просьбой о возвращении в Москву
из нижегородского Печерского монастыря

(Л. 1) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и великому государю Святейшему Патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии бьет челом холоп ваш иноземец Манулка Матвеев.

В прошлом, государь, во 131-м году выехал я, холоп ваш, на ваше государское имя вам, государем, служить верою и правдою и бил челом вам, государем, чтоб вы, государи, меня, холопа своего, пожаловали велели дать научить русской грамоте. И по вашему государскому жалованью отослан я с Москвы в Нижней, в Печерский монастырь [для] наученья грамоте. И я, холоп, в том Печерском монастыре русской грамоте научился, а греческой грамоте давно умею. И меня, холопа вашего, к вам, государем, к Москве ис Печерского монастыря архиморит без вашего государского указа не отпустит. Милосердыи государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии и великий государь Святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии, пожалуйте, государи, меня, холопа своего, велите, государи, меня взять к себе, государем, к Москве, и велите, государи, по меня дать в Печерской монастырь свою государеву грамоту.

Государи, смилуйтесь пожалуйста.

^а Слово вписано над строкой.

^б Слово вписано над строкой

^в Далее зачеркнуто: земле.

^г Слово написано над строкой.

№ 4⁴**1629 г.— Справка из Посольского приказа по челобитной
Мануила Протопопова**

(Л. 2) А о чем государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и отцу ево государеву великому государю Святейшему Патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси греченин Манулка Матвеев бьет челом. И выписано в Посольском приказе.

В прошлом во 131-м году приехал в Путивль из Святых гор с ватопедцким игуменом с Никодимом вместе греченин, сказался^а церковной крылошанин, Мунуилком зовут. И в Путивле бил челом на государево имя. И по государеву указу ис Путивля взят к Москве. И на Москве (Л. 3) в роспросе сказал. Отец-де ево был в восточной земле в Филадельфинской митрополии протопопом, имя ему Матвеи. А шол-де он в Московское государство из своей земле на Царьгород, да на Мутьянскую землю, да через Литву и был в Варшаве. И ево-де, поймав, посадили в тюрьму и был в тюрьме 6 месяцев. А как ево выпустили, и в те ж поры был в тюрьме Селитрейской митрополит в городе в Мальборку, и ис тюрьмы выпущен. И он-де с тем митрополитом был в Киеве. И шол ис Киева на Прилук, а ис Прилук в Путивль. А ис Путивля прислан к Москве, и на Москве бил челом, чтоб его государь пожаловал велел отдать для наученья русской грамоте. (Л. 4) И по государеву указу послан он в Нижней Новгород в Печерской монастырь для наученья русского языку и грамоте. А на Москве ему дано государева жалованья за выход: тафта, да сукно, да 10 рублей денег. А поденного ему корму давано на Москве по 6 денег на день, а питья по 2 чарки вина, по кружке пива на день.

И государю и великому государю Святейшему Патриарху греченин Мануило бьет челом, что он, будучи в Нижнем в Печерском монастыре, русской грамоте научился, а греческой грамоте и давно умеет. И государь бы и великий государь Святейший Патриарх пожаловали, велели его из Нижнего ис Печерского монастыря взять к Москве.

№ 5⁵**1631 г., не позднее июля 5.— Челобитная
архимандрита Никифора о повышении жалованья
Мануилу Матвееву Филаденскому**

(Л. 1) Благочестивому благоверному, православному, Богом венчанному, Богом дарованному, благосчастливому самодержавному превьсоचाишему величеству царю и великому князю государю⁶ Михаилу Федоровичю, и всея северных страны обладателю и всея великия вышняя Руси, и величаи-

^а Слово написано над строкой.

⁶ В рукописи слово написано дважды.

шему государю Святейшему и Пресвятейшему, преблаженнейшему, боголепному, божественному владыке и вселенскому Патриарху государю^а Филарету Никитичю Московскому и всея Великия Вышняея Руси поклоняюсь я, богомолец ваш государев, архимарит Никифор, и целую святую руку десных ваших и возсылаю вам, великим государем, колени полагая поклоны до лица земли, и молю Господа Бога всегда за вас, великих государей, и за царевича, и за царицу, и за всех благословенных семен ваших, и о всем синклитом полата царствия ваша, о людех, и о всем воинстве вашем государским. Да даст всецедрыи Бог державным и богособлюдаемым вам, великим государем, всегда радость, благоденствие, и многа летами здравие и всеблагое и спасение, да соблюдет вас Бог ото всяких неприязненных дел и победу на враги, видимых и невидимых, и покорит Бог всякого врага и супостата под ног святых ваших.

По семь благодарю^б и преблагодарю вас, великих государей, что пожаловали меня, богомольца вашего государева, вы, великии государи, и приказали по вашему государскому милосердию быть у меня холопу вашему Маноилу Матвееву Филаденскому. И по вашему государскому указу тот холоп ваш государев Маноило Филаденский приезжает ко мне, богомольцу вашему, всегда призирает и служит правдою, потому что он человек доброй и сын отческой роду княжева. И отца ево я, богомолец ваш, знал князя Матвея Филаденского во своей Греческой земли. И тот князь Матвей был человек праведный и милостивый и жил в православной крестьянской вере. И сын ево, тот Маноило Филаденский, будучи во своей Греческой земли для веры ради православные от безбожных многие беды и убытки терпел великие. И оставя (Л. 2) житие свое и все имение и слыша ваше государские благочестивые веры христианские и благочестие величества, выехал на ваше государское имя к Москве служити вам, великим государем, верою и правдою для веры ради православные. И с выезду указано ему вашего государского жалованья поденного корму по осми денег на день, а годового жалованья по осми рублей на год. И тем вашим государским жалованьем ему, Мануилу, по своему отчеству прокормитца невозможно и платья на себя положить нечим. А вашего государского жалованья питья ему никакова не дают.

И сего ради молю и прошу вам, великим государем, яко велие милосердие и милостиви вы, государи, есте, пожалуйста, государи, меня, богомольца вашего государева, для вашего государского многолетнего здравия и для государя^в благоверного царевича князя Алексея Михайловича и для его многолетнего здравия, велите, государи, того холопа вашего Мануила по отчеству ево роду сотчатать корму отчеством в версту, чему бы ему было вашим государским жалованьем прокормитца и одется, чтоб он, Мануйла, в оскудении не был. Сице же молю и прошу вам, великим государем, да сохранит вас

^а В рукописи слово написано дважды

^б В рукописи слово написано дважды.

^в В рукописи слово написано дважды.

всещедрыи Бог ото всяких неприязненных дел и покорит всемогущи Спас всякого врага и супостата под ног святых ваших ныне, и всегда, и во веки. Аминь.

⁵Ἀρχιμανδρίτης Νίκηφορος (sic)⁶.

⁶Память послана о корму июля в 6 день. А велено корм давать июля с 5 числа⁷.

№ 6⁷

**1631 г., июль 6. — Память в приказ Большого прихода
об увеличении оклада греческого переводчика
Мануила Матвеева Филаденского**

(Л. 3) Лета 7139-го июля в 6 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу память Павлу Ивановичю Волынскому да дьяком Матвею Сомову да Пятому Филатову.

(Л. 3 об.) Пожаловали государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси и отец его государев великий государь Святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руси греческого переводчика Мануила Матфеива Филаденского велели ему прибавить своего государева [денежного] жалованья: поденного корму к прежнему в прибавку по 4 деньги на день, по челобитной затворника архимарита Никифора. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу Павлу Ивановичю Волынскому да дьяком Матвею Сомову да Пятому Филатову (Л. 3) велети им давати государево жалованье: поденной корм с прибавкою⁶ греческому переводчику Мануилу Матвееву Филаденскому⁸ с июля с 5 числа⁷.

№ 7⁸

**1632 г., не позднее июля 21. — Челобитная
архимандрита Никифора об увеличении жалованья
Мануила Матвеева Филаденского**

(Л. 39) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и великому государю Святейшему Патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси бьет челом богомолец ваш государев греческой архимарит Никифор.

Пожаловали вы, великие государи, меня, богомольца своего, велели мне быти при своей государской великой милости при вашем государском бого-

^{8a} Написано другим почерком.

⁶ Слово написано над строкой.

⁸ Далее зачеркнуто: Филаде.

⁷ Далее тем же почерком, зачеркнуто: К прежнему в прибавку по 4 деньги на день. Другим почерком зачеркнуто: Пожаловали государь и государь Святейший Патриарх велеле ему корму прибавить по челобитью затворника архимарита Никифора.

молье у Всемиловитваго Спаса и у Успение Пречистые Богородицы в Андроньеве монастыре, и приказали вы, государи, у меня быти, изыскав по своему государскому милосердому осмотренью...⁵ сыну князь Мануилу князь Матвееву сыну Филаденскому, и велели ему по вашей государской великой милости проведати про всякую нужу мою. И по вашему государскому указу тот князь Мануила Филаденской всегда приезжает ко мне, богомолцу вашему, назирает меня, и по вашей государской великой милости про всякую нужу мою проведывает, и вас, государей...⁶ И служит вам, государем, верою и правдою, что он добр и праведен сын отческой роду доброва княжева, во всем творя послушание искательной веры христианские, молит Бога о вашем государском многолетнем здравии и ожидает от вас, великих государей, взыскания себе про свое отчество и прошая милости и жалованья у вас, государей, против своего отчества, что он ныне при вашей государской неизреченной милости отчеством оскорблен.

И я, богомолец ваш, отца ево княз Матвея Филаденскаго во своей земли знал, что он был в наших странах передо всеми князьми почтен, потому роду добраго, а муж был праведен, и христоролюбив, и страннолюбец, и жил он своим княженством. Егда Господь изволил мне, богомолцу вашему, ехати с товарищи своими во Иеросалим, помолитися, у Гроба Господня приложитца, и, едучи, государи, дорогою заехали к тому князь Мануилу отцу князю Матвею в город Филадельфис. А где жил он, тот князь Матвей, муж праведный, меня, богомолца вашего, с товарищи имал к себе в дом, якоже он был страннолюбец, и нам всем покоил, и питал, и честь нам великую воздал. И у меня, богомолца вашего, тот же князь Матвей с княгинею своею и со всеми своими княжнами и тот сын ево князь Мануило в духовне исповедался и пановлялся, и воздана нам честь, и милостыня великую для нашей нужи почесть на дорогу сотворив, отпустил нас. Потому (Л. 40) я, богомолец ваш, знаю житие их, и имение, и добродетство все знал и ведал.

И ныне он, князь Мануило, перед своею братьею, перед отческими детьми отчеством оскорблен. И от великой скудости никакова завода ему завести себе не возможно и ни одной лошади своей нет, и он приезжает ко мне, богомолцу вашему, не имеючи лошади. А коли, государи, ему наняти нечем, и он, послушания творя, служа вам, великим государем, ко мне пеш приходит до Андроньева монастыря и назад до Москвы почасту ходит в дождь, и в снег, и в грязь, и во всякую слоту. И я, богомолец ваш, видя такова отческово сына, вельми об нем оскорбех, помнячи отца его житие и княжество и, смотря на него, всегда перед Богом об нем плачюся, чтоб ваша государская милость и призрение на нем зыскалася, что, государи, он князь Мануило за Христа пострадал и за православную веру погиб вконец.

Милосердый государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Руси и великий государь Святейший Патриарх Филарет Никитич Московский

⁵ Далее неразборчиво.

⁶ Далее неразборчиво.

и всеа Русии, пожалуйте меня, богомолца своего, для Спаса и Пречистые Богородицы и для своего государьского многолетнего здоровья возрите, государи, в ево князь Мануила отчество, пожалуйте, государи, для моего моления и прошения велите, государи, его причесть с отческими детьми со княжьями и по своему государскому милосердому осмотрению и по его отчеству велите, государи, дать ему княжество и пожалуйте, государи, ево своим государским жалованьем: поденным кормом, и годовым денежным жалованьем, и четвертем, и поместным окладом против его братьи, кому он отчеством в версту, чтоб он, князь Мануило, при вашей государской неизреченной милости в закоснение не был и пред своею братьею перед отческими детьми в оскудение и в позоре вконец не погиб.

Государи, смилуйтеся пожалуйте.

Ἀρχιανδρίτης Νικηφόρος.

№ 8⁹

**1632 г., не позднее июля 21. — Справка
из Посольского приказа
по челобитной архимандрита Никифора**

(Л. 41) А о чем государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и великому государю Святейшему Патриарху Филарету Никитию Московскому и всеа Русии затворник архимарит Никифор бьет челом. И в Посольском приказе выписано.

В прошлом во 131-м году писали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии ис Путивля столник и воиводы князь Василеи Ромодановской да Григорей Олябьев, что марта в 6 день приехал в Путивль из Святых гор ватопедцкой игумен Никодим, а с ним греченин клирик церковной Мануил. И прислал к ним греченин Мануйло челобитную. А в челобитной иво написано, что он хочет быть на государеве имени служить государю, и государь бы иво пожаловал велел иво взять к Москве. И они-де иво, Мануила, ис Путивля отпустили к Москве. (Л. 42) А на Москве в записке написано, как он приехал к Москве и в роспросе сказался, что отец иво был в восточной земле в Филадельфинской митрополии протопопом, имя ему Матвеи. И с приезде на Москве Мануилу греченину давано государева жалованья: поденного корму по 6 денег, да питья по 2 чарки вина, по кружке пива на день, да ему ж дано государева жалованья 10 рублей, тафта, сукно и велено иво послать в Нижней Новгород в Печерской монастырь.

(Л. 43) А во 137-м году взят он ис Печерского монастыря к Москве и велено ему быти в Посольском приказе в греческих переводчиках, а государева жалованья оклад ему учинен помесной 150 чети, денег 8 рублей, поденного корму указано ему давать по 8 денег на день.

И в прошлом же во 139-м году по иво ж затворникову архимаричю Никифорову челобитью Мануилу Матвейву государевого денежного жа-

лованья и поденного корму к прежнему прибавлено к денежному окладу ко 8 рублеи 2 рубли, к поденному корму ко 8 денег прибавлено 4 деньги.

(Л. 44) И ныне государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и великому государю Святейшему Патриарху Филарету Никитичю московскому и всеа Руси затворник архимарит Никифор бьет челом, чтоб государь и Святейший государь Патриарх иво, затворника архимарита Никифора, пожаловали, возрили в иво Мануилово отчество, велели иво причесть с отческими детьми с князьми и велели ему дати княжество. А он-де, затворник архимарит Никифор, отца иво Мануилова князь Матвея Филаденского знал и про отчество иво ведает. И пожаловали б иво своим государским жалованьем: поместным и денежным окладом, и поденным кормом, и питьем против иво братъи, кому он отчеством в версту.

№ 9¹⁰

**1632 г.— Челобитная Мануила Матвеева Филаденского
о злоупотреблениях в Посольском приказе**

(Л. 45) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и великому государю Святейшему Патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси бьет челом холоп ваш государев греческой земли Мануйлик княж Матвеев сын Филаденской.

Отец мой, государи, князь Матвей в своей земли был в своих странах передо всеми князьми почтен, потому, государи, что был роду доброго, и муж праведен, и христоролюбив, и страннолюбец, имел своей княжество во граде Филательфиясе, а жил твердостию во христианской вере. И, государи, отца моего и матери не стало, а после отца своего остался я мал, и хотя жити в вере Христове крепко, також как и отец и мать мои жили. И, видя меня бесплемянна, злые нечестивые люди учили мене налогу обиду чинить великую, хотя мене от веры Христовы отлучить и привести в свою поганую нечестивую веру. И я, холоп ваш, желая будучи в православной вере...^а и не хотя отбыти Христовы веры, слыша вас, великих государей праведных и христоролюбивых, вашей государские благочестивые веры христианские благочестие, ваше государское величество и неизреченную милость и призренья к нам, иноземцом, и я, холоп ваш, на ваше государское имя к Москве служить вам, государем, верую и правдою для веры ради православныя, оставя в своей земле отчество свое, житье и все имения. И приехал во Царьград к богомолцу вашему ко блаженной памяти кир Тимофею, Патриарху Константинопольскому, и тот Пресвятейший Патриарх кир Тимофеи мене благословил, мене на ваше государское имя свои грамоты к вам, государем, про отчество мое писал, дал мене.

^а Далее неразборчиво.

И как буду я, холоп ваш, в Литовской земли, и тут злые ляхи меня помимали в литовском городе во Лвове, рняясь^а тому, что наперед меня были на Москве у вас, великих государей, Святейшии Патриарх Еросалимский Феофан, и меня били, и увечили, и ограбили, и те святительские патриарховы Тимофея грамоты у меня нашли, которые писаны к вам, великим государем, об моем отчестве, и те грамоты у меня взяли, и меня, холопа вашего, привезли в город в Варшаву и вкинули меня в земляную темницу, рняясь тому, что я, холоп ваш, едуци на ваше государское имя к Москве с патриаршими грамотами. Живот свои мучил в темнице шесть месяцев, всякую нужу и утисненья от ляхов терпел за православную крестьянскую веру. И хотели меня казнити всякою смертною позорною казнью, и помирал голодною смертию, занемог, и те ляхи, видя меня в темнице болна, скорбна, выкинули вон ис темницы, милосердыи Бог освободил меня от тех нечестивых ляхов.

И я, холоп ваш, [помня] свое крепкое обещанье [вышел] (Л. 46) на ваше государское имя, в вашу государеву вотчину в город в Путивль во 131-м году ограблен, наг, и бос, и оскорблен. А рускому языку не умел, и в Путивле, государи, у воиводы в те поры греческого толмача не было, толмачить было мне некому. И в роспросе сказал я, холоп ваш, воеводе по-гречески про свое отчество, и про княжество, и про свое имя сказал: «кириц Мануйло». А они написали «клирик Мануйло», не зная греческого языку. А ис Путивля послали меня к Москве.

На Москве в те поры был болен, и поставили меня на подворье, а в приказе у роспросу не бывал, потому, государи, что по грехом своим лежал болен. И ко мне был приставлен толмач Кристофор, а по-гречески говорить худо умел, а сказал мне про себя, что он волоского языка толмач, и роспрашивал меня про животы: сколько у меня животов, по наученью Посольского приказа подьячево Олексея Юрьева сына Шахова, есть ли-де у тебя красные золотые или какая хитрая вещь, ты-де подари подьячево в Посольском приказе Олексея Шахова, а тому подьячему приказано вас роспрашивать, и корм давати, и государево жалованья выходное, и он-де тебя государским жалованьем не чем не оскорбит. А мне, холопу вашему, дати было нечево. И я, холоп ваш, тому толмачю сказал про свое бедность, что отец мой князь Матвей таков был славен, житье ево в своем княжестве в Филательфиясе, почтен был передо всеми князьми, а я нынеча сам ограблен до нага от нечестивых людей, до конца погиб и за православную веру терпел, и что у меня ни было животов, и то все у меня поимали ляхи и оставили меня нага, боса. И сказал я ему, толмачю, про то, что я приехал в Киев-град и тут, государи, митрополит Киевской и протопоп отец мой духовной до меня были добры, знаючи они отчество мое. Указал ему, толмачю, на свое платье, что было на мне, и то платье дал мне отец мой духовной киевское протопоп, видя мою скудость. А мне подьячему дать нечево, подарить ево нечем.

И тот, государи, толмач слыша то, что я ему митрополита и протопопа в речах поминал, и пришедши он в приказ, сказал про меня, что будто я про-

^а Так в рукописи.

топопов сын. Да тот же толмач Кристофор, с тем подъячим с Олексеем рняся, потому что яз ничево не дал, и написали меня за очи, бутто я протопопов сын, как они хотели, так и писали своим умыслом. А вашего государского жалованья поденного корму в те поры с приезде учинили мне всего по 6 денег на день да питья по две чарки вина да по крушке пива на день.

И тот, государи, толмач пришел ко мне на подворье, кормь и питье принес, я, холоп ваш, в те поры был болен. И по вашему государеву указу велено мне давать вашего государского жалованья выходного 10 рублев денег, да тафта, да сукно. Тот толмач Кристофор (Л. 47) принес мне вашего государского жалованья выходного толко 4 рубли денег, да тафту, да сукно. А шесть рублев денег они с подъячим у себя утаили, тафту и сукно принес плохое. А сказывал мне тот толмач: то-де тебе жалует государь так, а как-де будешь учитьца грамоте русскои и языка русского, и тебе-де жалованья выходного большое будет^а, потому, хто-де умеет по-гречески грамоте и по-русски писать, того-де государь царь и великий государь Святейшии Патриарх любят гораздо, и жалуют, и честь ему великую дают.

И я, холоп ваш, послал с тем толмачом челобитную, а велел ему побить челом вам, государем, чтоб вы, государи, меня пожаловали велеле мне быть для грамоты русские ученья, где, государи, укажите здесь на Москве, чтоб мне русского языка натравитца и честь бы мне была по моему отчеству. И тот, государи, толмач Кристофор с тем подъячим с Олексеем по совету переписали тое мою челобитную, поднесли дияку Ивану Грамотину.

И по их, государи, ложной челобитной и злому их совету сослан был я в Нижней Новгород в Печерской монастырь. Для того они надо мною умыслили, чтоб я, холоп ваш, вам, государем, на них не бил челом, на Москве живучи, что они отчество мое прописали, наругаючися мне. А се, государи, они ж у меня украли вашего государского жалованья шесть рублев денег. И они, бояся того, что их воровство при вас, государей, надо мною розные, за то они, воруячи надо мною, для своей воровской безделной корысти сослали меня далеко в монастырь, чтоб я, на Москве будучи, от меня вам, государи, про их воровство явно не было, за то меня оболгали вам, государем.

А родителей, государи, у меня на Москве и знакомых людей в те поры никого не было, кому б за меня постояти и вам, великим государем, про мое отчество сказати и побити челом обо мне было некому. А я, холоп ваш, руссково языку не умел, и русского обычая не знал, и сам побить челом вам, государем, про свое отчество не умел. А они, видя меня бедного и беспомощного иноземца и бесплемянна, насмех надо мною учинили так, а вам, государем, меня оболгали и пуще меня разорили до конца своими ложными словесы.

А они, государи, учили меня с Москвы ссылать. И тот толмач Кристофор пришел ко мне с приставом и учал мне говорить: государь царь и государь Святейшии Патриарх велели тебе говорить свое государское жалованное слово: как-де приедешь в монастырь, и тебе-де тотчас дадут из монастырские

^а Слово подписано сверху.

казны 200 рублей денег по государеве грамоте, соболи, и кунницы, и чары серебряные и золотой, отлас, и бархат, и камки, и тафту, и сукно, и дороги, и конь со всею конскою збруею. Честь-де тебе в монастыре великая будет, и питии, и ясти, всякого покоя будет довольно. А как-де (Л. 48) выучисся грамоте руской в монастыре и языку рускому навькнешь, тотчас-де тебя возьмут из монастыря к Москве. А на Москве тебя государь царь и государь Святейшии Патриарх пожалуют, честь великую воздадут, будеш почтен гораздо. И я, холоп ваш, не чая от них кравды^а, вашему государскому жалованью воззрился.

И как я, холоп ваш, приехал в монастырь, пристав меня архимариту Макарию отдал. И как, государи, тот пристав поехал к Москве, и он меня обманул, сказал мне: по толмачову слову сколько тебе из монастырские казны дадут, что тебе на Москве сказали? А ты-де пожалуй меня подари своим кафтаном. И я, холоп ваш, поверя ему, отдал ему кафтан свои теплои, а сам в монастыре остался наг и бос и от великие бедности ваше государское жалованье продал в монастыре тафту, а взял всего 2 рубли. А из монастырские казны не дано мне ничево вашего государского жалованья, что мне толмач и пристав сказывали.

И в том монастыре я, холоп ваш, покоя никакова не видал, толко ото всяких бедности пропал. И от великой скудости и нужи всегда я, холоп ваш, о вашем государском жалованье на платье тому архимариту многожды бивал челом о своей бедности. И тот архимарит Макарей велел меня бить и увечить, и всякою позорною бранью бранил, и смирял без вины, и в железа меня сажал беспрестанно, и морил меня голодною смертию напрасно, и всякой работы работать меня заставлял. А из манастыря к Москве приехать от своей бедности вам, великим государем, побить челом тот архимарит меня не отпустил и писать челобитен да посылать из монастыря к вам, великим государем, о своей нуже мне он же не велел. И я, холоп ваш, будуче в том монастыре шесть лет в чепи и в железах, во слезах живот свои мучил, терпел всякую великую нужу муками от архимарита Макария от наруганья и от посмеху. Гоненье мне от них великое было беспрестанно. И от побою бороду мою и волосы на голове выдрал до крови, головою бил до мозга. И от обиды и от налоги всегда я, холоп ваш, в том монастыре кровью обливался, от ноготы, и з босоты, и голоду, и со всякие нужи в позоре вконец погиб. А такие, государи, беды и позору я над собою в поганных странах не видал от нечестивых пуци Литовской земли. А всегда, государи, по наученью того подьячево Олексея Шахова да толмача Кристофора терпел я, холоп ваш, напрасно.

И тово ж, государи, Печерского монастыря били челом вам, великим государем, священники, братья и слуги, все крестьяне на того архимарита в его бесчинстве и во всякой обиде. И тот архимарит Макарей сослан в Кирилов монастырь по вашему государскому указу. А потому чело (Л. 49) битью взят я, холоп ваш, ис того Печерского монастыря к Москве во 137 году. А вашего государского жалованья поденного корму указано мне, холопу вашему, по 8 де-

^а Так в рукописи.

нег на день, а годового жалованья по 8 рублев на год, а питья мне, холопу вашему, вашего государского жалованья ныкакова не указано.

И в прошлом, государи, во 139-году бил челом вам, государем, затворник греческой архимарит Микифор обо мне, об моем отчестве, и о взысканье, и о вашем государском жалованье о всяком против моеи братьи, кому я, холоп ваш, отчеством в версту. И по ево затворникову челобитью мне, холопу вашему, вашего государева денежного годового жалованья и корму к прежнему окладу к 8 рублям прибавлено 2 рубли, а к поденному корму, ко 8 деньгам, прибавлено 4 деньги. А про мое отчество в ысканье вашего государского указу не бывало.

И в нынешнем, государи, во 140-м году декабря во 18 день бил челом вам, государем, он же, ваш государев богомолец, Андроньева монастыря затворник греческой архимарит Никифор, обо мне, холопе вашем, и о взысканье отчестве моем. И вы, государи, пожаловали ево приняли у него челобитну в Крестовой и приказали вы, государи, бывшему диаку Федору Лихачову про мое отчество выписать и доложить себя, государем. И тот, государи, дияк Федор Лихачев волочил меня долго. И нынеча, государи, узнал я в тех подьячих неправду и проведаль, что, государи, видечи в Посольском приказе подьячево Третьяка Микитина, сидит на ево Олексеево место Шахова надо мною, холопом вашим, тот подьячеи Третьяк, по наученью подьячего Алексея Шахова делает такую неправду. И я, (Л. 50) холоп ваш, не клирик и не протопопов сын. А отец мои, государи мои, князь был доброи и роду большого. И про то, государи мои, отчество знает затворник греческой архиморит Никифор и многие люди, что я, холоп ваш, бил челом вам, государем, не ложно.

Милосердьи государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Руси и великий государь Святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руси, пожалуйте меня, холопа своего, для Спаса, и Пречистые Богородицы, и для Московских чудотворцов Петра, и Алексея, и Ионы, всех святых, и для своего государского многолетнего здравия, и для государя благоверного царевича князя Алексея Михайловича многолетнего здравия воззрите, государи, в мое отчество за мое великое терпенье, за православную веру. Для моего отчества велите, государи, меня сверстать поденным кормом, и своим государским годовым жалованьем, и питьем, и помесным окладом против моеи братьи, кому я, холоп ваш, отчеством в версту. И не велите, государи, поверить того прежнего подьячево Олексеевой ложной воровской записке и того толмачевои скаске Кристофора, что они меня насмех с подьячим написали протопоповым сыном ложно, наругаючися мне для своеи безделной корысти. И велите, государи, против тоя подписнои затворниковои челобитнои, что сошлась с вашим государским указом, и против сеи моеи челобитнои про отчество мое выписать иному подьячему, мимо того подьячево Третьяка Микитина. И по тому выписанному делу велите, государи, доложить себя, государем, и свои государскои указ учинить, чтоб я, холоп ваш, по тои их воровскои записке и ложной выписке и от того подьячево Третьяка по недружбе отчеством своим перед своею братьею в позоре вконец не погиб.

Государи, смилуйтея пожалуйте.

**из Посольского приказа по челобитной
Мануила Матвеева Филадельфийского**

(Л. 51) А Мануйло князь Матвеев сын Филадельфийской государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и великому государю Святейшему Патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси бьет челом.

Отець-де ево князь Матвей в своей земле передо всеми князьми почтен, потому что был роду доброго, а имел свое княжение в городе в Филадельфиясе. И как-де отца иво и матери не стало, а после отца своего остался он мал. И, видя-де иво бесплемянна, злые люди учили ему налогу и обиду чинити великую, хотя иво от веры Христиовы отлучити и привести в свою нечестивую веру. И он-де, слыша их, великих государей, благочестие и неизреченную милость и призренье к иноземцом, поехал он на их государское имя к Москве служить им, государем, верою и правдою, оставя в своей земле отчество свое, и житье, и именье все. И приехал во Царь-город к Тимофею, Патриарху Костантинопольскому, и Патриарх-де Тимо (Л. 52) феи благословил ему ехать на их государское имя и в грамотах своих Патриарх ко государю и к Святейшему государю Патриарху про отчество ево писал.

И как-де приехал он в Литовскую землю, и ево-де в Литовской земле поимали в городе во Львове, и ево били, и увечили, и ограбили, и те патриарши Тимофеевы грамоты у него отняли. И привезли-де ево в Аршаву, и вкинули в земляную тюрьму, рняяся тому, что он едет на их государское имя с патриаршими грамоты. И живот-де свои мучил он в темнице шесть месяцев и всякую нужу и утеснение от ляхов терпел за православную крестьянскую веру, и хотели иво казнить. И в темнице-де он занемог, и ляхи-де, видя ево болна, ис темницы велели выкинуть.

И он-де из Литвы вышел на их государское имя в Путивль во 131-м году ограблен, а русскому-де языку не умел. И в Путивле-де у воивод в те поры греческого толмача не было, и толмачить было ему некому. И в роспросе-де он сказал воеводе по-грече (Л. 53) ски про свое отчество, и про княжество, и про свое имя сказал: кириц Мануйло. А они-де написали его клириком, не зная греческого языка. А ис Путивля-де послали его к Москве. И на Москве-де он заболел, а роспросу ему не было. А приставлен-де был к нему толмач Христофор, а по-гречески говорить худо умел, а сказал-де ему, что он, толмач, волосского языка. И он-де тому толмачю сказал, что отец его князь Матвей был славен, житье иво было в своем княжестве в Филадельфиясе и почтен был передо всеми князи. И сказывал-де он тому толмачю, как-де он приехал в Киев, и Киевской-де митрополит был до него добрь, и киевской-де протопоп отец ему духовной. И тот-де толмач, слыша то, что он ему митрополита и протопопа в речах напоминал, пришедчи в приказ, сказал, что будто он протопопов сын. И по той-де ево скаске велено ему давать поденного корму по алтыну, да по две чарки вина, да по кружке пива на день.

И после-де (Л. 54) того сказывал ему тот же толмач: хто-де умеет по-гречески и по-русски грамоте и писать, и тех-де люди государь и Святейшии государь Патриарх жалуют и честь им воздают. И он-де с тем толмачом послал челобитную, а велел побить челом государю и Святейшему государю Патриарху, чтоб они, государи, пожаловали велели ему быть для наученья языку и грамоте русской здесь, на Москве. И ево-де сослали в Нижней Новгород в Печерской монастырь. А родителей-де у него на Москве и знакомых людей в те поры никого не было, и государю и Святейшему государю Патриарху про отчество иво сказать и побить челом было некому, а руссково-де языку и обычаю он не знал и сам побить челом не умел.

И в прошлом-де во 137-м году ис Печерского монастыря взят к Москве. А государева жалованья поденного корму указано ему давать по 8 денег на день, а денежного жалованья по 8 рублей на год, а питья давать ему не указано. И в прошлом ж-де (Л. 57^а) во 139-м году бил челом государю и Святейшему государю Патриарху об нем, Мануиле, затворник, греческой архимарит Микифор об ево отечестве, о взысканье и о их государском жалованье. И по затворнику-де челобитью прибавлено ему денежного жалованья ко 8 рублей 2 рубли да поденного корму к прежнему по 4 деньги на день. А про отчество-де его о взысканье государева и государева Святейшего Патриарха указу не бывало.

И ныне государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и великому государю Святейшему Патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси Мануило княж Матвеев сын Филаденской бьет челом, чтоб они, государи, пожаловали возрили в его отчество и велели (Л. 55) его сверстать в своем государеве жалованье, и в поденному корму, и в питье против его братьи, кому он отчеством в версту, чтоб ему перед своею братьею в позоре не быть.

И только государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси и отец его государев великий государь Святейшии Патриарх Филарет Никитичь Московский и всеа Руси Мануила Филаденского для затворника архимарита Никифора пожалуют для его челобитья велят ему дати княжество и сверстать его в своем государском жалованье в помесном и в денежном окладе, и в поденном корму, и в питье с его братьею с выезжими гречаны.

(Л. 56) И выписано на пример. В прошлом во 137-м году выехал на государево имя из Аглинские земли греченин князь Иван Альбертус. И учинено ему государева жалованья оклад помесной 700 чети, денег из чети 80 рублей, поденного корму указано ему давать с людьми по полтине на день, да питья с кабака по 6 чарок вина, по 2 кружки меду, по полуведра пива на день. Да в прошлом во 138-м году выехали на государево имя ис Царя-города князь Иванов брат родной князь Павел Албертус. И ему указано давать государева жалованья поденного корму и питья из Розряду против брата иво князя Ивана. (Л. 58^б) В прошлом во 134-м году крестился в православную

^а Порядок листов нарушен.

^б Порядок листов нарушен.

крестьянскую веру князь Лев Смалев. А до крещения давано ему государева жалованья поденного корму по 5 алтын, питья с кабака по 3 чарки вина, по 2 кружки пива, по 2 кружки меду на день. Людем его 2-м человеком по 4 деньги человеку на день. А после крещения и как он женился, учинен ему помесной оклад 1000 чети, денег 100 рублей, да ему ж велено давать поденного корму с прибавкою з женою и с людьми по полтине...^а с кабака по 6 чарок, вина...^б по кружки пива по 3 кружки...^в

№ 11¹²1632 г.— Челобитная Мануила Филаденского
об увеличении жалованья

(Л. 93) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руссии и великому государю Святейшему Патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии бьет челом холоп ваш государев Мануилик князь Матвеев сын Филаденский.

В нынешем, государи, во 140-м году бил челом вам, великим государем, обо мне, холопе вашем, ваш государев богомолец Всемилоостивого Спаса Ондреева монастыря затворник, греческой архимарит Никифор. И по вашему государьскому указу, а по иво архимаритову челобитью велено мне, холопу вашему, давати вашего государевого годового денежного жалованья по 25 рублей на год. И о том вашем государском годовом денежном жалованье ис Посольского приказу память в Большой приход не послана, и вашего государева годового денежного жалованья на нынешней на 140-й год мне, холопу вашему, не дано. А я, холоп ваш, скитаюсь без вашего государскова жалованья наг и бос.

Милосердыи государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси и великий государь Филарет Никитич Московский и всеа Русии, пожалуйте меня, государи, холопа своего по своему государеву уложению своим государевым жалованьем и велите, государи, о том о своем государевом о годовом жалованье память послать в Большой приход, и пожалуйте, государи, велите мне, холопу своему, свое государское годовое денежное жалованье по своему государьскому указу на нынешней на 140 год выдать, чтоб я, холоп ваш, без вашего государского жалованья с ноготы и з босоты вконец не погиб и перед своеи братьею в позоре не был.

Государи, смилуйтеся, пожалуйте.

^а Далее неразборчиво.

^б Далее неразборчиво.

^в Далее неразборчиво.

№ 12¹³
1632 г. — Справка
из Посольского приказа по челобитной
Мануила Филаденского

(Л. 297) А о чом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Посольского приказу греческой переводчик Мануйло Филоденской бьет челом. И в Посольском приказе выписано.

В прошлом во 140-м году посланы по памяти и росписки в Большой приход, а велено дать государева жалованья Посольского приказу разных языков переводчиком и толмачом на прошлой на 140-й год на два срока по половине окладов их, первая половина декабря в 31 день, а другая половина окладов их велено дать марта в 29-м числе. И в тех росписках он, Мануйло, написан же, а оклад ему написан прежней: 8 рублей. (Л. 298) И в прошлом во 139-м году бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси греческой архимарит затворник Микифор, чтоб государь пожаловал велел иво, Мануила, сверстать в своем государеве жалованье в денежном окладе и в поденном корму. И для архимаричья челобитья пожаловал государь, велел ему прибавить своего государева денежного жалованья к прежнему ево денежному окладу ко 8 рублем 2 рубли, к поденному корму ко 8 денег 4 деньги.

И у выписки Мануйло Филаденской сказал. Как-де в прошлом, во...^a году посыланы памяти и росписи в Большой приход, а в тех росписях написан ему оклад прибавки только 8 рублей, а ему-де государева денежного жалованья в те поры оклад был с при (Л. 299) бавкою 10 рублей. И он-де за то государева жалованья обеих половин в Большом приходе не имал, от того, что ему в росписях оклад написан с убавкою 8 рублей, а не 10 рублей.

И в прошлом во 140-м году бил челом государю греческой же архимарит затворник Микифор о Мануйле же Филоденском, чтоб государь пожаловал велел ему, Мануйлу, прибавить своего государева денежного жалованья и поденного корму против ево братья, кому он отчеством в версту. И для ево архимаричья челобитья пожаловал государь велел ему прибавать своего государева денежного жалованья к прежнему иво окладу к 10 рублем 12 рублей к поденному корму к 2 алтыном 2 алтына.

(Л. 300) И всего ему, Мануйлу, учинено государева жалованья денеженой оклад для архимаричья челобитья 25 рублей, да поденного корму велено ему давать по 4 алтына на день. А придано ему то государево жалованье в прошлом же во 140-м году июля в 25-м числе.

И государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Посольского приказу греческой переводчик Мануйло Филоденской бьет челом. В прошлом-де во 140-м году пожаловал его государь для челобитья греческого архимарита затворника Микифора, велел своего государева

^a Далее неразборчиво.

жалованья денежной оклад учинити 25 рублей, а на прошлой-де на 140-й год государево жалованья ему не дано, а товарищем иво, Посольского приказу розных языков переводчиком и толмачом, на прошлой на (Л. 301) 140-й год государева жалованья дано по окладом их сполна. И государь бы иво пожаловал, велел ему свое государево денежное жалованье на прошлой на...^а год дати и с нынешнею с последнею с новою прибавкою против иво братьи Посольского приказу переводчиком.

^аДать государево жалованье на прошлой на 140^б год против иво братьи^в.

№ 13¹⁴

**1632 г., октября 11.— Память в приказ Большого прихода
о выдаче Мануилу Филаденскому жалованья за 1632 г.**

(Л. 314) Лета 7141-го октября в 11 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу память Ивану Ивановичю Боклановскому да дьяку Матвею Сомову. В прошлом во 140-м году послана ис Посольского приказу в Большой приход память и росписи, а велено по той росписи Посольского приказу розных языков переводчиком и толмачом государево жалованье на прошлой на 140-й год дати на два срока по половине оклада их. И в той росписи греческого языку переводчику Мануилу Филаденскому оклад написан прежней — 8 рублей. А в прошлом во...^г году государь пожаловал ево, Мануила, для челобитья греческого архимарита затворника Никифора велел ему своего государево денежного жалованья к прежнему иво ко 8 рублей прибавить 2 рубли.

И бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси (Л. 315) греческого языку переводчик Мануило Филоденской, а сказал, что в росписи, какова послана к вам, государево жалованье приличные ево деньги 2 рубли [не] прописаны, и он-де за тем на 140-м году государева жалованья и по ся места не имал. И государь бы иво пожаловал велел ему свое государево годовое жалованье на прошлой на 140-й год и с прибавочными деньгами выдать. И государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси греческого переводчика Мануила Филоденского пожаловал, велел ему свое государево годовое жалованье на прошлой на 140-й год и с прибавочными деньгами оклад иво сполна 10 рублей выдати.

И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу Ивану Ивановичю Боклановскому да дьяку Матвею Сомову государево годовое денежное жалованье на прошлой на 140-й год греческого языку Мануилу Филоденскому оклад ево с прибавкою 10 рублей будет по прежней росписи с ^априбавкою Посольского приказу^в переводчики, государева жалованья не взял, велеть дати.

^а Далее неразборчиво.

^б Далее затерто: 141.

^{вв} Написано другим почерком.

^г Далее неразборчиво.

^{дд} Вписано над строкой.

№ 14¹⁵

1634 г., не позднее февраля 13.— Челобитная
архимандрита Никифора о разрешении вернуться на Афон
в сопровождении Мануила Филаденского

(Л. 1) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом богомолец твой государев, Всемилоstitиваго Спаса Ондроньева монастыря затворник греческой архиморит Никифор.

Учинил тайную свою тебе, государю, ведомость про мое нищенское житье, как я жил во Святой горе у Святыя Анны, в великой пустыни со многими пустынники тридцать лет пребывая. И прислал по меня ис Царьграда Святейшии Патриарх Царьграда, а велел мне ис той пустыни к себе быти во Царьград. И я к нему приехал во Царьград, и он благословил меня велел мне быти во Спаском Карицком монастыре в архиморитах. И в те поры приехали послы с Москвы от тебя, государя, во Царьград. И я, нищеи твой государев богомолец, отпрошался у государя Патриарха Кирила Царьградцкова к Москве, хотя Московским чудотворцам помолитца, и великого государя Светейшего Патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии благословения принять, и у тебя, государя, милостину получить. И Патриарх Царьградцкой отпустил меня и благословил ехать к Москве и послал со мною грамоту обо мне к Москве, к тебе, государю, и к отцу твоему, государь, Светейшему Патриарху. И на Москве ты, государь, меня пожаловал дал мне милостину доволну по своему государьскому осмотренью. И то твое государьской жалованья милостину послал я в Спаской Каритцкой монастырь. А я остался на твое государево имя на Москве, позабыв грех свои, что жил я во Святое горе со многими пустынники и тридцать лет у Святыя Анны и поехал к Москве, а с ними, своею братьею с пустынники, не простился и благословенья у них не получил. И ныне о том грехе своем велми душею и телом оскорблен. И сего ради молю и прошю у тебя, государя.

(Л. 2) Милосердыи государь царь и великий князь Михаила Федорович всеа Русии, пожалуй меня, нищего своего богомолца, для Спаса и Пресвятой Богородицы и для своего государьского многолетнего здравия, вели, государь, меня отпустить во Святую гору к Светой Анне и в великую пустынь з братиею своею с пустынники проститца и благословенья у них получить. И по твоему государеву указу скажу я тим своим братьям пустынникам твою государьскою неизреченную милость к нам, нищим, и прикажу им, чтоб они, пустынники, молили Бога за тебя, государя, о твоем государьском многолетнем здравии и о победе на врази и одоление. Потому, государь, что те пустынники, пребывая в пустыни, а как явятца недруги отколе, и они Бога молят об обороне, и в те поры Бог услышит их моленья, и за их святыми молитвами погибнут все недруги. И за тебя бы, государя, тако ж Бога молили, чтоб те твои царския недруги вси погибли до конца.

И пожалуй, государь, вели со мною, богомолцам своим, отпустить во Царьград с своими государевыми послы в переводчиках для своего государьского дела кирица Мануила Филаденского. И меня он, на дороге едучи, призирал

и берег. И посоветоват ему у твоих государевых дел с твоими государевыми послами, потому что он к твоему государеву [делу] годен, и столко ево будет своим разумом, и твоим государевым делам радеет, и служит он тебе, государю, верою и правдою. Что он у меня приставлен по твоему государеву указу, меня и по ся места призирает и бережет, а яз, государь, ево знаю подлинно и разум ево. Чтоб мне, богомолцу твоему, у своеи братии прощенья и благословенья получить, а яз, богомолец твой, за тобя, государя, должен есми Бога молить безпрестанно.

Царь государь, смилуйся пожалуй.

№ 15¹⁶

**1634 г., февраля 20. — Запись
в расходной книге Казенного приказа
о жалованье участников будущего посольства
в Константинополь переводчиков и толмачей
Посольского приказа,
в том числе Мануила Матвеева Филаденского**

(Л. 418 об.) Февраля в 20 день. По государеву указу и по памяти за приписью дьяка Максима Матюшкина дано государева жалованья Посольсково приказу переводчиком греческому Мануилу Филадельскому, татарскому Уразматею Башмакову да толмачом Ондрею Ракову, Алмакаю Алышеву, Павлу Сагалаеву, Ивану Тулубаеву по 4 аршина сукна кострышу тмосинево по 2 рубли с полтиною портище, да по дорогам гилянским человеку по 1 рублю по 20 алтын по 4 деньги дороги. А пожаловал (Л. 419 об.) их государь для царегородской службы.

№ 16¹⁷

**1634 г. — Челобитная архимандрита Никифора
о милостыне для афонской пустыни Святой Анны**

(Л. 3) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом богомолец твой государев, Всемиловитваго Спаса Андроньева монастыря затворник греческой архимарит Никифор.

По твоему государеву указу, а по моему челобитью отпущен я, богомолец твой, в свою землю, во Святые горы ко Святой Анне в великую пустыню. А поднятца мне, богомолцу твоему, с Москвы до своеи земли нечем и, приехав во Святые горы в великую пустыню к Святой Анне и ко своеи братие к пустынным, твоего царского жалованья милостины поднести нечево. Милосердыи государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня, богомольца своего, для своего царского многолетнего здравия своим царским жалованьем мне, богомольцу своему, на подъем, а моеи братие пустынным милостину, как тебе, милосердому государю, Бог извес-

тит, с чем бы мне, богомольцу твоему во Святые горы в великую пустыню к своей братие к пустынникам с твоим царским жалованьем было появиться. А они, государь, должны о твоём царском многолетнем здравии и о победе на враги и о одолении Бога молить безпрестанно.

Царь государь, смилуйся.

№ 17¹⁸

**1634 г., не позднее 2 марта. — Челобитная
архимандрита Никифора о назначении в дорогу ему
и Мануилу Матвееву Филаденскому поденного питья**

(Л. 6а) Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом (Л. 6) богомолец твои государев, Всемилоостивого Спаса Ондроньева монастыря затворник греческой архиморит Никифор.

В прошлом, государь, во 138 году, как приехал я, богомолец твои, к тебе, к милосердому государю, к Москве, и по твоему государеву указу давали мне, богомольцу твоему, твое царской жалованья поденное питье. А о кирице Мануиле Филаденском бил челом тебе, государю, я, богомолец твои. И ты, государь, по моему нищенскому челобитью пожаловал его своим государским жалованьем — поденным питьем. А нынеча, государь, по твоему государеву указу, а по моему, богомольца твоего, нищенскому челобитью отпущен я, богомолец твои, во Светую гору в великую пустыню ко Светой Анне. И ему, кирице Мануилу Филаденскому, сказана твоя государева служба: ехать ему во Царьгород для твоего государева дела с твоими государевы послы. А велено ему жа, Мануилу, провожати меня, богомольца твоего, на дороге. Милосердья государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй меня, богомольца своего, для своего царского многолетнего здравия, вели, государь, то свое царское жалованье поденное питье на дороге мне, богомольцу своему, и кирицу Мануилу Филаденскому давать по прежнему своему государеву указу.

Царь государь, смилуйся.

№ 18¹⁹

**1634 г., марта 2. — Память из приказа Новой чети
в Посольский приказ о выделении денег на корм
венгерскому послу Жаку Русселю и архимандриту Никифору**

(Л. 1) Лета 142-го марта во 2 день указал государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси взять из Новых чети у дьяка у Василия Копнина да у Дорофея Постникова в дорогу на корму послу Якову Русселю да затворнику архимориту Никифору от Москвы до Азова на три месяца 5 рублей. Из Посольского приказа в тех деньгах в Новую четь память послана того ж дни. И того ж дни затворнику архимориту Никифору на корм до Азова

5 рублей 30 алтын 2 деньги на три месяца отосланы деньги к затворнику архимориту Никифору с греческим переводчиком Мануилом Матвеевым.

№ 19²⁰

**1634 г., не позднее марта 3. — Память из Посольского приказа
Т. Л. Облезову о правилах содержания в дороге
от Москвы до Воронежа Севастийского митрополита Иосифа
и архимандрита Никифора**

(Л. 40) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси Терешному Левонтьевичю Облезову.

По нашему указу отпущон с Москвы во Царьгород с послы нашими с Ываном Коробьиным да с дьяком с Сергеем Матвеевым Севастийскои митрополит Иосиф, ^а да с ним два старца и келарь, да келейник, да племянник его белец гречанин^а, да с ним отпущон затворник старец Никифор в свое обещање во Святую гору в великую пустыню в монастырь Святыя Анны. А корм им в дорогу дан на Москве. И как к тебе ся наша грамота придет, а митрополит Иосиф, ^б и старцы^б, и с ним затворник старец Никифор с послы нашими тебя сведут, и ты б в "дороге" к митрополиту, и к затворнику, и к старцом держал честь и во всем береженье, и ехал бы с турским послом и с ним вместе и подводы б под них "по городем" до Воронежа велел дават подорожным. А как приедешь на Воронеж, и ты б взял у столника нашего и воиводы у Матвея Измайлова под послов наших, и под турецкого посла, и под всех людей, которые с ними и под "донские" запасы, и под зелье, и под свинец суды по прежнему нашему указу, а Севастийского митрополита...^с

№ 20²¹

**1634 г., марта 2. — Память из Посольского приказа
воронежскому воеводе М. Т. Измайлову об отправке в Азов
архимандрита Никифора**

(Л. 5) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на Воронеж стольнику нашему и воиводе Матвею Тимофеичю Измайлову.

По нашему указу отпушен с Москвы* с послы нашими с Ываном Коробьиным да з дьяком с Сергеем Матвеевым затворник старец Никифор во свое обещање во Святую гору в великую пустыню в монастырь Святыя Анны, а корму ему дано на Москве в дорогу на три месяца. И как к тебе ся наша грамота придет, а затворник старец Никифор с послы нашими на Воронеж

^{аа} Вписано над строкой.

^{бб} Вписано над строкой.

^{вв} Вписано над строкой, зачеркнуто «ехал».

^{гг} Вписано над строкой.

^{дд} Вписано над строкой.

^е Текст оборван, следующий лист отсутствует.

^ж Далее зачеркнуто: во Царьгород.

приедет, и ты иво с Воронежа отпустил в Азов ^ас послы вместе^а в тех же по-
сольских судех, где ево мошно изместит, чтоб ему от послов на Воронеже не
остатца.

Писан на Москве в лето 7142 марта в 3 день^б.

№ 21²²

1634 г., мая 2.— Отписка воронежского воеводы
М. Т. Измайлова об отправлении на Дон
Севастийского митрополита Иосифа
и венгерского посла Жака Руссея

(Л. 7) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа
Русии холоп твой Матюшка Измайлов челом бьет.

В нынешнем, государь, 142 году марта в 13 день прислана, государь, ко
мне, холопу твоему, на Воронеж твоя государева грамота. А в твоеи госуда-
реве грамоте написано: по твоему государеву указу отпущен с Москвы с тво-
ими государевы послы с Ываном Коробьиным да з дьяком с Сергеем Мат-
веевым Севастийской митрополит Иосиф, а с ним два старца — келарь его
да келейник, да племянник его белец греченин, да венгерской посол Яков Ру-
сель, а с ним дворян немец четыре человека да людеи его один человек. А ве-
лено мне, холопу твоему, с Воронежа их отпустить на Дон с твоими госуда-
ревы послы вместе, с Ываном Коробьиным да з дьяком с Сергеем Матвеевым.
И я, холоп твой, по твоему государеву указу под Севастийского митрополи-
та, и под старцов, и под митрополича племянника, и под венгерского посла
Якова Русея, и под дворян, и под человека его дал суды добрые и с Воро-
нежа их на Дон отпустил вместе с твоими государевы послы мая в 2 день.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1623 г., № 4, л. 2–4. Подлинник. На обороте листа 2: «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии»; другим почерком: «131 мая в 17 день с путивльцом с Кирилом Бунякиным».

² Там же, л. 4а — 5. Подлинник.

³ Там же, № 8, л. 1. Подлинник. На обороте листа 1: «Государь и Святейшии государь пожаловали велели выписать, доложка себе государем, ис которого прежде послать и как об нем указано».

⁴ Там же, л. 2–4. Подлинник. На сставе по листам 1–3: «Государь и Святейшии Патриарх пожаловали велели его из Нижнего Печерского монастыря взять к Москве».

⁵ Там же, оп. 1, 1631 г., № 9, л. 1–2. Подлинник. На обороте листа 1: «Великому государю Святейшему Патриарху Феларету Никитичю, Московскому и всеа Русии»; другим почерком: «Государь и Светейшии государь Патриарх пожаловали для архимарита Никифора Мануилу Матвееву велели прибавить поденного корму к прежнему ево к годовому жалованью в оклад два рубли».

⁶ Приношу глубокую благодарность В. Г. Ченцовой за прочтение подписи.

^{аа} Подписано сверху вместо зачеркнутого: на Дон.

^б Зачеркнуто: февраля в 28 день.

- ⁷ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1631 г., № 9, л. 3–3 об. Черновой отпуск.
- ⁸ Там же, оп. 1, 1632 г., № 5, л. 39–40. Подлинник. На сставах: «140 июля в 21 день государь пожаловал».
- ⁹ Там же, л. 41–44. Подлинник. На сставах: «Июля 21 государь и великий государь Святейший Патриарх пожаловали велели ему своего государева жалованья».
- ¹⁰ Там же, л. 45–50. Подлинник.
- ¹¹ Там же, л. 51–58. Подлинник.
- ¹² ОПИ ГИМ, ф. 450 (Собрание Барсова), № 83, л. 93. Подлинник. На обороте: «Будет ему государево жалованье на нынешней 140 год не дано, и ему дать. А о том выписать, для чего ему не дано».
- ¹³ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1629 г., № 2, л. 297–301. Подлинник.
- ¹⁴ Там же, л. 314–315. Черновой отпуск.
- ¹⁵ Там же, ф. 52, оп. 1, 1634 г., № 4, л. 1–2. Подлинник. На обороте листа 1: «142-го февраля в 13 день государь пожаловал указал иво отпустить во Царьгород по его челобитью. А Мануила переводчика указал государь для переводу послати с своими государевы послы... (далее несколько слов неразборчиво.— Т. О.)». На обороте листа 2 греческая подпись Никифора.
- ¹⁶ Там же, ф. 396, оп. 2, кн. 289, л. 418 об.— 419 об. Подлинник.
- ¹⁷ Там же, ф. 52, оп. 1, 1634 г., № 4, л. 3. Подлинник. На обороте листа 3 греческая подпись Никифора; другим почерком: «Государь пожаловал велел ему дати в дорогу на милостину своего государева жалованья соболеи на пятьдесят рублей».
- ¹⁸ Там же, л. 6а — 6. Подлинник. На обороте листа 6 греческая подпись Никифора. На обороте листов 6а — 6 другим почерком: «Дать им с Мануилом на 3 месяца в дорогу».
- ¹⁹ Там же, № 11, л. 1–2. Подлинник. На обороте листа 2: «Я, Мануйло, затворнику Никифору кормовые деньги 5 рублей 30 алтын 2 деньги взял и руку приложил».
- ²⁰ Там же, № 4, л. 4. Черновой отпуск.
- ²¹ Там же, л. 5. Черновой отпуск.
- ²² Там же, л. 7. Подлинник. На обороте: «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии»; другим почерком: «142 мая в 10 день с воронежцом с Васильем Стрюковым».

М. В. Шкаровский*

История храмов Митрофаниевского кладбища Санкт-Петербурга и приходской жизни их общин

В 1831 г. в Санкт-Петербурге было устроено Митрофаниевское православное кладбище, где к концу 1917 г. возвели и освятили 4 храма, каждый из которых имеет свою историю. Нынешнее название кладбище, которое первоначально называли холерным или Тентелевским, получило по главному храму в честь новопрославленного 7 августа 1832 г. свт. Митрофана, епископа Воронежского (6 ноября 1632 г.— 23 ноября 1703 г.).

В том же году, когда появилось кладбище, на нем, по некоторым сведениям, была устроена деревянная часовня. Через 4 года ее сменила первая церковь, возведенная по благословению митрополита Санкт-Петербургского Серафима (Глаголевского; † 1843 г.) всего за 5 месяцев. Такая срочность объясняется тем, что сюда по распоряжению императора Николая I перенесли в разобранном виде небольшую деревянную церковь лейб-гвардии Измайловского полка, стоявшую вблизи возведенного в дальнейшем грандиозного Троице-Измайловского собора. Теплая деревянная церковь Пресвятой Троицы, которую в документах иногда называли храмом святых Адриана и Наталии, была устроена для Измайловского полка в начале 1760-х гг. (впервые упоминается в 1763 г.), капитально перестроена в 1813 г. и сильно пострадала во время наводнения 1823 г.¹ Церковь, вновь собранную на территории кладбища, торжественно освятили во имя свт. Митрофана Воронежского 20 октября 1835 г. Из теплой деревянной церкви лейб-гвардии Измайловского полка были взяты иконостас охтинского резчика Брызгалова с образами Спасителя, святых мучеников Адриана и Наталии, архангела Михаила, Владимирской иконы Божией Матери, «Тайной вечери», «Благовещения», «Четырех евангелистов» кисти живописца Краснова и некоторые другие иконы. В 1841 г. в храме по правую сторону от алтаря был устроен боковой придел

* © Шкаровский М. В., 2013

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина». В 1859 г. придел был перенесен с правой стороны на левую и отделен от главного престола бревенчатой стеной. Первым церковным старостой храма стал известный табачный фабрикант, коммерции советник В. Г. Жуков (1796–1881 г.), который на свои средства построил ограду, проложил к кладбищу дорогу и посадил вдоль нее ветлы².

В 1859 г. после капитального ремонта храм был освящен во имя Всемилошного Спаса. Случившийся 13 апреля 1883 г. сильный пожар почти полностью уничтожил здание, погиб и прежний иконостас. В соответствии с указом священноначалия Санкт-Петербургской епархии от 24 июня 1883 г. за одно лето епархиальный архитектор Г. И. Карпов восстановил это двусветное деревянное здание с куполом над алтарем, лишь немного отступив от его первоначального вида. 13 октября 1883 г. Ладожский епископ Арсений (Брянцев; 1839–1914 г.) с благословения митрополита Санкт-Петербургского Исидора (Никольского; 1799–1892 г.) освятил воссозданную церковь, которая одно время предназначалась для воинов — инвалидов русско-турецкой войны 1879–1880 гг. Новый иконостас изготовил Райский, образы написал академик живописи В. В. Васильев. Главной святыней храма считался местный образ свт. Митрофана Воронежского³.

Строительство каменного храма во имя свт. Митрофана Воронежского началось по указу Святейшего Синода в 1839 г. Устройство каменной церкви на Митрофаниевском кладбище было возложено на особую комиссию, утвержденную указом Святейшего Синода от 30 декабря 1839 г. и указом консистории от 3 февраля 1840 г.⁴ Вначале храм предполагалось возвести по образцу Митрофаниевского собора в Воронеже, но уже утвержденный проект оказался слишком дорогим, поэтому пришлось обратиться к проекту архитектора К. А. Тона (будущего создателя храма Христа Спасителя в Москве), по которому в популярном тогда русско-византийском стиле строилась трехпридельная православная церковь в Свеаборге (ныне район Хельсинки). Часть средств на строительство собрали жители Петербурга. Сборщицей пожертвований выступила московская мещанка Ф. Комаровская, погребенная в 1845 г. под входом в алтарь церкви Всемилошного Спаса. Закладка трехпридельного храма состоялась 1 октября 1839 г., однако строительные работы начались лишь в мае 1841 г. и велись под надзором академика К. И. Реймерса, которого после обрушения 5 августа 1842 г. купола сменил архитектор А. Адамини. (Реймерса было велено «за неосторожное смотрение посадить на 2 недели на гаупвахту».) После смерти Адамини строительными работами руководил архитектор Ф. Руска, завершивший к концу 1844 г. постройку вчерне. Ремонт и отделка потребовали еще 3 года, и, наконец, 7 августа 1847 г., в престольный праздник, Ревельский епископ Нафанаил (Савченко; 1799–1875 г.), викарий Санкт-Петербургской епархии, освятил храм во имя свт. Митрофана Воронежского⁵.

По ходатайству местного причта, распоряжением епархиального начальства от 9 апреля 1858 г. при настоятеле протоиерее Алексии Смирнове в подвальном помещении храма, где прежде жили могильщики и хранились

погребальные принадлежности, был устроен придел во имя святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. Средства на проведение работ пожертвовал церковный староста, купец Г. А. Кудрявцев. Освящение придела состоялось 1 августа 1858 г. Позднее в помещении появились фамильные захоронения богатых петербургских купцов Сытовых, Русановых, Дурдиных, Петуховых, Кудрявцевых, а также могилы протоиерея Вознесенской церкви Евфимия Ярославского, генерала артиллерии, члена Адмиралтейств-совета Д. П. Примо (1774–1859 гг.), директора Публичной библиотеки в 1899–1902 гг., историка, военного инженера, члена-корреспондента Академии наук генерал-лейтенанта Н. К. Шильдера (1842–1902 гг.) и др.⁶

Украшенные серебряными окладами иконы в главном иконостасе написали известные живописцы Академии художеств П. М. Шамшин, К. Дузи, А. В. Нотбек, А. А. Васильев и К. А. Зеленцов. Высокий пятиярусный иконостас и роспись сводов были выполнены по эскизам академика живописи Ф. Г. Солнцева. Благолепие интерьеру придавали 14 крестообразных киотов с образами, поднесенными разными лицами. 3 февраля 1872 г. в храме случился пожар, уничтоживший дорогую ризницу и весь архив. В 1883–1884 гг. в ходе ремонта церкви по проекту архитектора Г. И. Карпова вместо старой деревянной колокольни были сделаны каменная звонница над главным входом и пристройка к алтарю⁷. Около 30 лет настоятелем Митрофаниевского храма, имевшего приход, служил протоиерей Николай Ветвеницкий, составивший и выпустивший в 1890 г. историческое описание кладбища. В престольный праздник храма свт. Митрофана 7 августа на кладбище для поминовения родных собиралось до 100 тыс. горожан.

Небольшую изящную церковь в честь Сошествия Святого Духа на апостолов выстроил на свои средства известный петербургский благотворитель, купец 1-й гильдии, коллежский советник А. Л. Кекин (1831–1897 гг.) над могилой своего 20-летнего сына Максимилиана, скончавшегося 12 февраля 1885 г. Содержалась она на деньги семьи Кекиных (поэтому в народе ее называли «Кекинской»). Проект двухэтажной каменной одноглавой церкви в русско-византийском стиле с пристроенной колокольней был утвержден 12 декабря 1885 г., возводилось здание около 2 лет. Небольшой нижний придел во имя 7 Эфесских отроков: Максимилиана (небесного заступника умершего юноши), Ексакустодиана, Иомвлиха, Мартиниана, Дионисия, Иоанна и Антонина, устроенный в подвальном этаже у гробницы М. А. Кекина, был освящен местным причтом при участии благочинного 22 октября 1887 г. Верхний, Свято-Духовский, храм 30 октября того же года освятил настоятель Митрофаниевской церкви. В 1902 г. Свято-Духовскую церковь по своему проекту и на свои средства расширил гражданский инженер С. И. Андреев. Иконостасы приделов храма были сделаны из кипариса, многие старинные иконы в них имели серебряные позолоченные ризы с дорогими украшениями⁸.

В начале лета 1917 г. диакон Митрофаниевского храма Владимир Попов предложил обратить заброшенную каменную часовню, находившуюся в дальнем углу некрополя, недалеко от Громовского старообрядческого кладбища,

в храм, который решено было посвятить прп. Серафиму Саровскому. В июне 1917 г. внутри часовни начались работы, при этом снесли внутренние перегородки, но наружные стены не трогали. Новая церковь была освящена 30 декабря 1917 г.

Кроме 4 православных храмов на Митрофаниевском кладбище — одном из самых больших в городе — находилось несколько часовен: во имя князя св. Александра Невского у ворот; часовня для отпеваний, построенная в 1905 г. по проекту гражданского инженера С. И. Андреева; часовня над склепом известного путешественника вице-адмирала В. М. Головнина († 29 июля 1831 г.), его жены, дочери и сына — министра народного просвещения, члена Государственного совета А. В. Головнина (1821–1886 гг.) и др.⁹ Особенно часто посещалась богомольцами скромная часовня над могилой известного во многих местах России старца-странника Александра Крайнева (1818–1889 гг.), вологодского крестьянина, 28 лет носившего на себе пудовые железные вериги (память 10/23 декабря, тезоименитство 22 октября / 4 ноября). «Александррушку», как ласково называл его народ, нередко босого и без шапки, можно было видеть на многих торжественных службах и церковных праздниках столицы. Почитание подвижника в народе в конце XIX — начале XX в. было очень велико, на похороны странника 12 декабря 1889 г. пришло около 20 тыс. человек. Каменная часовня с небольшой главкой над могилой старца находилась недалеко от храма свт. Митрофана¹⁰.

Октябрьская революция 1917 г. и установление советской власти стали началом нового периода в истории храмов Митрофаниевского кладбища, которые разделили трагическую судьбу многих других православных церквей. Значительная часть домовых и кладбищенских храмов Петрограда в 1918–1919 гг. была закрыта. 7 августа 1918 г. Совет комиссаров Союза коммун Северной области принял постановление о ликвидации практически всех домовых церквей и часовен: «1. Домовые церкви и часовни всех исповеданий, существующие при учено-учебных и воспитательных заведениях всех степеней, а также при всех правительственных учреждениях, подлежат ликвидации в срочном порядке к 10 августа сего года, а в исключительных случаях, установленных отделами народного образования, не позже 20 августа сего года. 2. Церковные помещения подлежат использованию в интересах учащихся для научных и учебных целей. 3. Церковное имущество ликвидируется по указанию отделов по церковным и религиозным делам при совдепах, и суммы, вырученные от его ликвидации, поступают в распоряжение учебного заведения на пополнение его специальных средств и предназначаются на расходы по реализации школьной реформы. 4. Настоящее постановление осуществляется под контролем отдела народного образования и вступает в силу с момента опубликования в официальных советских органах [это произошло 8 августа]»¹¹. Единственным существенным признаком, определявшим, приходским или домовым является храм, указывалось не наличие групп прихожан и не ведение метрических книг при церквях, а то, что он занимает особое здание (помещение), специально предназначенное для богослужебных целей и изолированное от какого-либо жилья и учреждений.

В этот же период произошла национализация кладбищ, а кладбищенские храмы правительство потребовало преобразовать в приходские, угрожая в противном случае их закрытием.

В период «красного террора», осенью 1918 г. был расстрелян чекистами многолетний настоятель церкви Митрофаниевского кладбища протоиерей Александр Каминский (1848–1918 гг.)¹². В марте 1917 г. о. Александр по состоянию здоровья оставил пост настоятеля (ему было почти 70 лет), но продолжал служить в кладбищенских храмах. В начале августа 1918 г. он был арестован Петроградской ЧК в качестве заложника и расстрелян (место захоронения неизвестно). С 21 марта 1917 г. последним перед революцией настоятелем церкви Митрофаниевского кладбища служил протоиерей Андрей Бургов (род. 29 сентября 1869 г.)¹³.

До практической реализации в Петрограде положений декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» дело дошло только в конце 1918 – начале 1919 г. В самый разгар «красного террора» Совет комиссаров Союза коммун Северной области в своем постановлении от 2 декабря 1918 г. потребовал от всех приходских общин под угрозой предания революционному суду предоставить в 2-недельный срок сведения о капиталах, инвентарных описях богослужебного имущества и немедленно передать советам собственность, не предназначенную для богослужебных целей. Для регистрации в райисполкомах Петрограда приходские общины с 20 декабря 1918 г. должны были в короткий срок предоставить свои уставы, протоколы собраний об их принятии, списки своих членов и состав приходского совета¹⁴.

Церковная земля при храмах Митрофаниевского кладбища, по декрету о национализации кладбищ, была отчуждена 28 января 1919 г.; в феврале – марте того же года члены причта по требованию властей передали в архив при отделе регистрации исполкома Московско-Нарвского района метрические книги (главным образом с записями отпеваний)¹⁵. 1 мая 1919 г. была составлена учетная карточка церкви Митрофаниевского кладбища, а 6 мая настоятель церкви протоиерей Андрей Бургов в ответ на запрос властей от 26 апреля написал в отдел юстиции Петроградского совета о том, что все приходно-расходные книги за 1918–1919 гг. и банковские документы в январе 1919 г. вместе с описями сданы в постоянную комиссию по национализации кладбища при Комиссариате внутренних дел Союза коммун Северной области. В тот же день настоятель составил справку о 4 кладбищенских храмах¹⁶. Не доверяя протоиерею, отдел юстиции Петроградского совета 9 мая отправил в отдел внутренних дел письмо с просьбой сообщить, представлены ли в постоянную комиссию по национализации кладбищ банковские документы на капиталы церкви Митрофаниевского кладбища¹⁷. Лишь после получения подтверждения чиновники отдела юстиции временно оставили о. Андрея Бургова в покое.

12 декабря 1920 г. был заключен типовой договор о передаче 4 храмов и часовни в бессрочное и бесплатное пользование верующих (на деле оказавшемся и не бессрочным, и не бесплатным), который подписали 31 священнослужитель и мирянин¹⁸. 27 августа 1921 г. в «Вестнике Петросовета» было

опубликовано постановление Петроградского губернского исполкома о необходимости срочного предоставления церковными общинами сведений о заключении ими договоров на пользование храмами и о составе исполнительных органов общин для их перерегистрации¹⁹. 15 декабря 1921 г. настоятель представил районным властям список членов причта кладбищенских храмов, в котором значились: протоиереи Андрей Бургов, Евгений Флоровский, Георгий Дьяков, Петр Туманов и Николай Рукин, священники Петр Силин, Алексей Щипунов, Иосиф Сажин, Садоф Лесницкий и диакон Василий Андреев. При этом протоиерей Андрей Бургов указал: «Митрофаниевская церковь не имеет прихода и обслуживает исключительно потребности православного культа при погребении умерших населения г[орода] Петрограда, в частности Нарвского района, вопрос о выборе церковного совета возбужден пред приходами церковью Нарвского района»²⁰. 23 февраля 1922 г. был подписан новый договор о передаче кладбищенских храмов и часовни в пользование верующих²¹.

В 1922–1923 гг. произошли значительные изменения в положении Русской Православной Церкви. С марта 1922 г. в Петрограде началась широкомасштабная кампания по изъятию церковных ценностей. 22 марта 1922 г. эксперт Отдела музеев и охраны памятников искусства и старины архитектор В. Данилов составил акт экспертизы при осмотре 3 церквей Митрофаниевского кладбища: Сошествия Святого Духа, Всемилоостивого Спаса и прп. Серафима Саровского для определения художественно-исторического значения зданий и церковного инвентаря. Согласно заключению Данилова, храмы и их инвентарь художественного и исторического значения не имели за исключением 3 икон в церкви Сошествия Святого Духа: Иоанна Предтечи XVII в., 7 Эфесских отроков и Алексия, человека Божия, старого письма²². 21 и 25 марта тот же архитектор провел экспертизу для определения художественно-исторического значения здания и инвентаря храма свт. Митрофана Воронежского. По его мнению, ценность имели 7 икон в серебряных позолоченных ризах: 2 образа свт. Николая Чудотворца, образ Спасителя, Тихвинский образ Божией Матери (конца XVIII в.), «Нерукотворный Спас» (начала XIX в.), «Знамение», образ св. Иоанна Богослова (1784 г.); малый напрестольный серебряный крест с мощами конца XVIII в., серебряный позолоченный потир с эмальрованными медальонами, Евангелие в серебряном позолоченном окладе с изображением свт. Митрофана Воронежского, серебряная чашечка 1831 г. и 9 малых серебряных лампад²³.

23 марта состоялось учредительное собрание церковноприходского совета («двадцатки») при кладбище в присутствии благочинного протоиерея П. Ивановского. В ходе собрания был сформирован приходской совет из 16 мирян — представителей церковью 6-го Нарвского округа и 6 членов причта кладбищенских храмов, которому передали в пользование церковное имущество. Из этих 22 человек также избрали исполнительный орган — «девятку». 29 марта Московско-Нарвский райисполком утвердил исполнительный орган приходского совета из 5 человек, в который вошли председатель совета настоятель протоиерей Андрей Бургов, секретарь священник Петр Силин,

ремесленник-сапожник В. Ф. Бочаров, старший составитель поездов на «Бычьем посту» Николаевской железной дороги В. Т. Бойцов и бухгалтер Экспедиции заготовления государственных знаков А. Ф. Соколов²⁴. В дальнейшем более 2 лет состав приходского совета в основном оставался неизменным.

29 апреля члены районной комиссии по изъятию церковных ценностей провели проверку церковного имущества (оказавшегося на месте) и изъяли из храма свт. Митрофана Воронежского серебряные ценности общим весом 14 пудов 16 фунтов 83 золотника: более 100 риз, 7 лампад, 4 чаши, оклады с 3 Евангелий, дарохранительницу, 2 кадила, 7 ложек и др.²⁵ 3 мая были изъяты ценности из церкви Всемилоостивого Спаса: 6 икон с богато украшенными окладами, 86 риз, запрестольный крест и лампада общим весом 3 пуда 37 фунтов 44 золотника серебра. Из храма Сошествия Святого Духа забрали более 10 риз и 7 лампад общим весом 1 пуд 4 фунта 85 золотников серебра, из храма прп. Серафима Саровского — 5 риз, 2 лампы общим весом 6 фунтов 73 золотника серебра и 3 нательных золотых креста. «До замены неценными сосудами из закрытых церквей» в Серафимовской церкви оставили несколько серебряных предметов: набор сосудов, дарохранительницу и напрестольный крест, весившие 5 фунтов 28 золотников, а в храме Сошествия Святого Духа — 2 напрестольных креста, 2 дарохранительницы и 2 набора сосудов общим весом 10 фунтов 11 золотников серебра. Собрав по домам различные серебряные предметы (в основном столовые приборы и т. п.), прихожане выкупили все ценности, временно оставленные в храмах кладбища, о чем 2 июня был составлен соответствующий официальный акт²⁶.

В то же время вследствие разгула в послереволюционные годы преступности в Петрограде участились случаи ограблений (иногда вооруженных) храмов и кладбищ. 10 мая 1922 г. пострадала церковь прп. Серафима Саровского. В заявлении церковноприходского совета при кладбище во 2-й районный отдел милиции говорилось о похищении серебряной дарохранительницы и комплекта серебряных сосудов общим весом 4 фунта 84 золотника. 14 июня была совершена кража из нижнего храма 7 Эфесских отроков церкви Сошествия Святого Духа, исчезли Евангелие, завеса с главных врат, напрестольный серебряный крест, серебряные чаша, ложечка, звезда и 2 тарелочки²⁷. В ночь с 20 на 21 февраля 1923 г. из церкви свт. Митрофана Воронежского были похищены 39 серебряных предметов, 24 и 27 февраля воры взломали двери церкви Сошествия Святого Духа, но краж удалось избежать, так как сторожа спугнули грабителей²⁸.

Между тем кампания изъятия церковных ценностей в Петрограде в основном закончилась. Митрополит Вениамин сделал все, чтобы предотвратить возможные столкновения в ходе этого процесса. Казалось, кампания в городе в целом прошла спокойно, ситуация стабилизировалась, и нет никакой необходимости подвергать духовенство новым репрессиям. Однако в мае 1922 г. государственные структуры организовали так называемый обновленческий раскол, и после ареста 19 мая Святейшего Патриарха Тихона власть в Русской Православной Церкви на год захватили обновленцы, сформировавшие

свое высшее церковное управление (ВЦУ). Митрополит Вениамин категорически отверг их и 28 мая в своем послании к пастве отлучил от Церкви руководителей обновленцев — 3 петроградских священников. После нескольких неудачных попыток убедить владыку отменить послание его арестовали. Вместе с Петроградским митрополитом были арестованы наиболее активные священнослужители и миряне. Владыку Вениамина и близких к нему церковных деятелей обвинили в попытке добиться изменения декрета об изъятии церковных ценностей и в организации сопротивления его выполнению. Всего за противодействие изъятию в разных храмах Петрограда были арестованы не менее 300 человек, из них 86 предстали в качестве обвиняемых на открывшемся 10 июня показательном судебном процессе. 5 июля 1922 г. Петроградский губернский революционный трибунал вынес решение: 10 человек приговорили к расстрелу, большую часть — к тюремному заключению или принудительным работам, 22 человека были оправданы и освобождены²⁹. Позднее 6 приговоренных к смертной казни помиловал ВЦИК, а митрополит Вениамин, архимандрит Сергей (Шейн), профессор Ю. П. Новицкий и юрист И. М. Ковшаров были расстреляны в ночь с 12 на 13 августа (канонизированы в 1992 г.).

Вскоре после захвата власти в Петроградской епархии сформированное обновленцами епархиальное управление отправило настоятелям храмов и благочинным постановление: «1. Немедленно прекратить при богослужении поминание митрополита Вениамина как правящего епархиального епископа... 6. Ввиду напряженного и временного положения и поручительства за революционную благонадежность духовенства, возлагаемую Высшим церковным управлением на епархиальные управления, перемещения и назначения священно- церковнослужителей предоставляется исключительно епархиальному управлению. 7. На содержание епархиального управления представить за первое полугодие 1922 года 10% сбора с валового церковного дохода»³⁰.

Летом 1922 г. община и все члены причта храмов Митрофаниевского кладбища признали власть обновленческого ВЦУ, благодаря чему священнослужители и прихожане кладбищенских церквей в это время от репрессий не пострадали. 23 июля состоялось собрание приходского совета, посвященное вопросам рассмотрения приходно-расходных книг, обсуждению доклада хозяйственной комиссии о ремонте храмов и выборах церковного старосты (ктитора), которым стал В. Т. Бойцов³¹. 1 сентября 1922 г. была составлена справка о количестве и весе колоколов: в Митрофаниевском храме 8 колоколов общим весом около 2 т, из которых большой колокол весил 98 пудов 18 фунтов, вседневный — 11 пудов 9 фунтов, а малый — 6 пудов 5,5 фунтов; в церкви Сошествия Святого Духа 6 колоколов общим весом около 320 кг, из которых большой колокол весил 10 пудов 19 фунтов, а два малых — 5 пудов 14 фунтов и 3 пуда 11 фунтов³².

11 сентября был подписан новый договор о передаче храмов кладбища общине верующих (уже обновленческой). В этот день были составлены регистрационная карточка храмов с указанием, что в них служат 9 священников, диакон и 2 певчих, и список членов церковноприходского совета, в который

тогда входили 7 священников, диакон, сапожник, бухгалтер, статист, торговец, 2 служащих, безработный, извозчик, кустарь-позолотчик, извозпромышленник и 3 рабочих. С 8 по 19 сентября все члены «двадцатки» и священнослужители по требованию районных властей представили справки о несудимости³³. Члены причта кладбищенских храмов также были вынуждены заполнить специальные регистрационные карточки. В это время в состав причта входили 10 человек: настоятель протоиерей Андрей Бургов, протоиереи Евгений Флоровский, Георгий Дьяков, Петр Туманов и Николай Рукин, священники Петр Силин, Алексей Щипунов, Иосиф Сажин и Садоф Лесницкий, диакон Василий Андреев. 31 октября был составлен еще один список членов церковноприходского совета и священнослужителей церковью кладбища³⁴.

18 марта председатель приходского совета кладбищенских храмов протоиерей Андрей Бургов подал в отдел управления Петрогубисполкома заявление с просьбой разрешить 25 марта приходское собрание в Митрофаниевской церкви для выбора представителей на окружное благочинническое собрание по избранию депутатов на «Всероссийский церковный собор» (1-й собор обновленцев). 19 марта последовала резолюция обновленческого епархиального управления об отсутствии препятствий к созыву собрания с его стороны, и городские власти вскоре также дали свою санкцию. Собрание состоялось на следующий день и прошло без эксцессов³⁵.

Однако уже вскоре ситуация кардинально изменилась. 27 июня 1923 г. под давлением международной общественности был освобожден из-под ареста Патриарх Тихон и началось массовое возвращение приходов в Патриаршую Церковь. В Петроград, где позиции обновленцев оказались особенно сильны, Патриарх направил новопоставленного Лужского епископа Мануила (Лемешевского). Епископ Мануил прибыл в северную столицу 29 сентября. К этому времени в городе из 123 храмов лишь около 10 оставались верны православию. Трудом и молитвами епископа Мануила за несколько месяцев в Патриаршую Церковь вернулись 83 прихода и монастыря, в том числе и община Митрофаниевского кладбища³⁶. Оскверненные обновленцами храмы были вновь освящены незадолго до этого выпущенным из тюрьмы епископом Кронштадтским Венедиктом (Плотниковым), который принял управление епархией после ареста 2 февраля 1924 г. владыки Мануила. Те священнослужители, которые ранее признали обновленцев и их ВЦУ, принесли публичное покаяние перед народом³⁷.

1 января 1924 г. имущество церковью Митрофаниевского кладбища было оценено в 12 493 рубля 75 копеек. В это время в кладбищенских храмах по-прежнему служили 9 священников и диакон, а в состав «двадцатки» входили 5 рабочих, 2 служащих и 16 человек с неуказанными занятиями³⁸. Состоявшееся 17 февраля 1924 г. собрание членов церковноприходского совета освободило настоятеля кладбищенских храмов протоиерея Андрея Бургова от обязанностей председателя совета по состоянию здоровья и выбрало новым председателем сапожника В. Ф. Бочарова, а товарищем председателя — бухгалтера А. Ф. Соколова. 28 марта церковноприходской совет известил

об этих решениях стол регистрации обществ и союзов Московско-Нарвского райисполкома³⁹.

Согласно заявлению церковноприходского совета от 15 апреля, районный стол регистрации в тот же день разрешил ежемесячно проводить собрания совета в течение 1924 г. для «проверки отчетов и хозяйственных рассуждений», предписав при этом в двухнедельный срок составить инвентарную книгу в 2 экземплярах для представления в райисполком. Однако состоявшееся 16 апреля собрание церковноприходского совета при кладбище было прервано из-за конфликта по поводу денежного отчета за март. Зачитав протокол ревизионной комиссии, председатель церковноприходского совета Бочаров заявил, что счет на свечи подложный. В ответ староста и казначей В. Т. Бойцов попытался ударить его по лицу, и председатель досрочно закрыл собрание⁴⁰. 24 апреля заведующий столом регистрации обществ и союзов райисполкома написал председателю церковноприходского совета Бочарову о необходимости навести порядок в храмах, дать полный отчет столу и отстранить от должности казначея. 2 мая Бойцов передал председателю церковноприходского совета свечной ящик и денежную выручку⁴¹. Однако этим конфликт не закончился. 17 июня председатель приходского совета написал в районный стол регистрации о неблаговидном поведении церковного старосты и казначея Бойцова и попросил немедленно удалить его от дел, касающихся церковного хозяйства. Власти поддержали эту инициативу, и 20 июня церковноприходский совет известил районный стол регистрации об отстранении Бойцова от должности казначея, попросив побудить его возвратить хранящиеся у него дома церковные вещи. 8 июля последовало соответствующее указание заведующего столом регистрации⁴².

Следует отметить также, что еще 24 мая приходской совет кладбища известил районный стол регистрации обществ и союзов о принятом им 11 мая постановлении ликвидировать в подвальном помещении храма свт. Митрофана Воронежского церковь Московских святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа — «ввиду того, что подпочвенная вода вследствие загрязнения и даже разрушения канализации на кладбище продолжает накапливаться в помещении, несмотря на периодические откачки этой воды, что создает антисанитарные условия для совершения богослужений, закрыть, инвентарь и утварь перенести в другие помещения, где они и указаны по описи, а приведенные в полную негодность иконы, иконостас и киоты употребить как топливо для нужд деревянной Спасской церкви, и на будущее время все помещение считать подвалом, годным только для хранения запасов дров и всякого лома»⁴³. К середине 1920-х гг. храм свт. Митрофана Воронежского был возведен в статус собора. 19 августа 1924 г. председателю приходского совета Бочарову впервые пришлось подать в районный стол регистрации ходатайство о разрешении проведения 20 августа ежегодного крестного хода в храмовый и кладбищенский праздник свт. Митрофана Воронежского с участием 50–100 человек. В тот же день ему было выдано удостоверение о разрешении совершения крестного хода, «как практиковавшегося ежегодно в это время», на площади церквей в ограде кладбища⁴⁴.

Ужесточение советской религиозной политики в это время хорошо характеризует постановление президиума Ленгубисполкома от 29 июня 1924 г., отправленное 16 июля в Московско-Нарвский райисполком. Административный отдел Ленгубисполкома «предлагает все духовные и богослужбные книги, как уже изъятые из ликвидированных церквей, так и вновь поступающие по изъятии, передавать в Деткомиссию⁴⁵ на предмет их утилизации при соблюдении нижеследующего: что все указанные книги, предназначенные к утилизации, во избежание их распространения на фабрике среди рабочих Деткомиссией должны быть совместно с ответственными представителями от райисполкома приведены на месте в полнейшую негодность для чтения или же, как будет удобнее, перемолоты на фабрике в присутствии вышеуказанных представителей, причем должен быть о сем составлен соответствующий акт»⁴⁶.

В феврале 1925 г. прихожане кладбищенских храмов сформировали ревизионную комиссию в составе председателя кустика-позолотчика Н. Г. Муратова, секретаря священника Иосифа Сажина и члена священника Садофа Лесницкого. 17 февраля состоялось первое заседание комиссии, на котором было решено затребовать протоколы общих собраний и отчетные книги. На следующем собрании 24 февраля члены ревизионной комиссии постановили предложить казначею передать им форму ведения отчетности и книг и впредь все счета обязательно оплачивать гербовым сбором. На собрании 7 марта было решено провести внезапную ревизию свечного ящика. Обсудив полученные результаты проверки, члены ревизионной комиссии на собрании 23 марта постановили, что приходно-расходные книги велись не вполне правильно⁴⁷. 7 апреля 1925 г. состоялось последнее собрание комиссии, на котором обсуждался перерасход в выдаче жалованья недавно принятому в состав причта диакону Дымскому. В этот же день состоялось общее собрание прихожан, на котором члены ревизионной комиссии сделали доклад о результатах обследования приходно-расходных книг и документов с 1 июля 1924 г. по 1 апреля 1925 г., выявившего неправильное ведение некоторых видов отчетности и перерасход. Но большинство собравшихся не отреагировали на доклад, и факт его прочтения не был внесен в протокол собрания. Казначей воскликнул: «Что за ревизионная комиссия, прости Господи!»⁴⁸

Подобные факты были вскоре использованы властями для разгона «тихоновского» приходского совета и новой передачи храмов Митрофаниевского кладбища обновленцам. 22 мая административный отдел Ленгубисполкома указал районному столу регистрации обществ и союзов провести проверку церковного имущества и действий «двадцатки» кладбищенских храмов. 26 июня 1925 г. секретарь Московско-Нарвского райисполкома Васильев в ответ на запрос от 15 июня подал заявление следователю 13-го отделения Ленгубсуда с просьбой выявить виновность «двадцатки» в кражах церковного имущества: «Заявление о краже церковного имущества, каковое принадлежит государству, подано 16-го мая 1925 г., украдено предметов на сумму 191 руб[ль], и в 1924 г. 19 ноября — о краже в той же церкви [Кекинской], похищено вещей на сумму 23 руб[ля]. Заявление о краже в церкви Спаса от

19/ХП-24 г., похищено предметов на сумму 150 руб[лей]. Итого нанесен ущерб государству на сумму 364 руб[ля], каковая сумма и подлежит взысканию через нарсуд, согласно п[ункту] 7 договора, в котором говорится, что за продажу или порчу переданного “двадцатке” имущества она несет материальную ответственность в пределах нанесенного ущерба. Ввиду изложенного, стол регистрации обществ и союзов просит Вас выяснить виновность “двадцатки”, по вине которой происходили столь частые кражи имущества церкви, и со своими заключениями передать в нарсуд для взыскания с “двадцатки” Митрофаниевского кладбища указанную выше сумму 364 рубля»⁴⁹.

Было заведено уголовное дело, в рамках которого 5 сентября состоялась проверка имущества церковью Митрофаниевского кладбища заведующим районным столом регистрации И. С. Кедиком в присутствии представителя 13-го отделения милиции В. Черемушкина, председателя приходского совета В. Ф. Бочарова, секретаря Петра Силина и членов А. М. Горшкова и А. Ф. Соколова. Проверка проводилась по инвентарной описи 1924 г. и показала, что все имущество, в том числе серебряные предметы, оказались на месте, однако Кедик нашел несколько десятков не вписанных в опись стихарей, священнических риз, воздухов, пелен, одежд с жертвенников, оконных штор и т. п. Этого оказалось достаточно, чтобы записать в акт проверки угрожающую фразу: «Обнаруженное поименованное в данном акте имущество считается государственным и необходимо должно было быть вписано в инвентарную книгу. Присутствовавшие члены “двадцатки” признают халатность к своему делу доверенного им имущества, ответственность ложится на всю “двадцатку”, подписавшую договор»⁵⁰.

Возмущенные огульными обвинениями, 5 членов «двадцатки» (протоиерей Георгий Дьяков, А. Ф. Соколов, Н. И. Кукин, протоиерей Петр Туманов, священник Петр Силин) 5 сентября написали заведующему столом регистрации райсовета заявление с отрицанием обвинения их в халатном отношении к церковному имуществу: «По поводу содержащегося в акте ревизии церковного имущества от 4 сего сентября признания некоторых членов 20-ки (подрядчика А. М. Горшкова, В. Ф. Бочарова и свящ[енника] П. Силина) “в халатности по отношению к хранению церковного имущества” с возложением ответственности за упущения на всех членов 20-ки нижеподписавшиеся выражают свое недоумение и настаивают самым категорическим образом на своей полной непричастности к этому явлению; все дело наблюдения и хранения церковного имущества взял на себя б[ывший] председатель В. Ф. Бочаров, который заполнял инвентарную книгу, не приглашая никого к участию в этом деле. Он же постоянно ссылаясь на то, что в своих действиях руководствуется непосредственно указаниями из церковного стола, что он является единственным распорядителем и ответственным лицом за вводимые им порядки, против чего, естественно, никто из членов 20-ки протестовать не решался. По силе этих соображений нижеподписавшиеся отклоняют от себя со всею решительностью обвинение в халатности, относя ответственность за такое признание исключительно на счет тех, кто это сделал»⁵¹. 12 сентября последовало новое заявление, уже 10 членов приходского совета

(к прежним добавились протоиерей Евгений Флоровский, священник Садоф Лесницкий, Н. Е. Паршин, Н. Г. Кубарев, И. Тараканова) секретарю административного отдела Ленгубисполкома Смирнову: «Во исполнение предписания из губисполкома заведующий столом регистрации обществ и союзов при райисполкоме Московско-Нарвского района произвел 4-го сего сентября ревизию имущества Митрофановской церкви, причем были обнаружены некоторые упущения, отнесенные в составленном по этому поводу акте на счет небрежности всех членов “двадцатки”; на самом же деле виновником как этих упущений, так и других неправильностей в ведении хозяйства является б[ывший] председатель “двадцатки” гр[ажданин] В. Ф. Бочаров, о чем заявлено районному прокурору. Так как по объяснению тов[арища] заведующего столом следствием вышеупомянутого акта может явиться расторжение договора с “двадцаткой”, то мы просим вашего распоряжения о том, чтобы инкриминируемое “двадцатке” обвинение в “халатности” было предъявлено только после того, как возбужденное у т[оварища] прокурора дело, находящееся сейчас в стадии расследования, будет доведено до конца»⁵².

Обращения не помогли. 1 октября президиум Московско-Нарвского райисполкома обратился в административный отдел Ленгубисполкома с предложением распустить «двадцатку» церковью Митрофаниевского кладбища за сокрытие излишков инвентаря и кражу части церковного имущества. В указанном отношении президиума также отмечалось: «При проверке церковного имущества выяснилось, что производится ремонт каменной церкви, на что не имеется разрешения, а кроме того, не имеется официального договора между “двадцаткой” и подрядчиком, производящим ремонт». 15 октября на соответствующий запрос губернский прокурор написал в административный отдел Ленгубисполкома о том, что он не возражает против расторжения договора с приходским советом, и 22 октября административный отдел вынес заключение об обоснованности планируемого расторжения договора с «двадцаткой» храмов кладбища, «как нарушившей доверие местного совета». В заключении также обращалось внимание президиума Ленгубисполкома на «несоответствие состава» «двадцатки», в которую входили в основном кладбищенские священнослужители (в этот период священников начали изгонять из состава приходских советов)⁵³.

Узнав о планируемой в отношении «двадцатки» Митрофаниевского кладбища акции, Ленинградское отделение Главнауки 28 октября обратилось в Ленгубисполком с просьбой извещать его о всех случаях закрытия церковей или передаче их от одной общины верующих другой. Через 3 дня, 31 октября, было принято постановление президиума Ленгубисполкома о расторжении договора с церковноприходским советом храмов кладбища: «Факт сокрытия “двадцаткой” церковью Митрофаниевского кладбища части церковного имущества, а также небрежного и халатного его хранения считать установленным, а посему договор с указанной “двадцаткой” как нарушившей доверие местного совета считать расторгнутым». В тот же день секретариат президиума Ленгубисполкома известил Ленинградское отделение Главнауки о принятом решении⁵⁴.

В ноябре все 4 кладбищенских храма и часовня старца-странника Александра Крайнева были переданы новой обновленческой «двадцатке», председателем которой стал А. И. Панов. К 23 ноября 1925 г. из прежних 10 священнослужителей в церквях Митрофаниевского кладбища осталось 8, имущество кладбищенских храмов в это время оценивалось в 12 494 рублей. Через полтора месяца по требованию властей для всех 4 церквей с большим трудом были сформированы свои «двадцатки», с каждой из которых 15 января 1926 г. были заключены отдельные договоры на пользование храмами⁵⁵. Это предопределило скорое закрытие всех кладбищенских церквей, так как новые приходские советы были слабые (обновленцы отвергались подавляющим большинством верующих) и у них отсутствовали средства для содержания церковных зданий в должном порядке.

14 октября 1926 г. было принято постановление президиума Московско-Нарвского райисполкома о закрытии церквей Сошествия Святого Духа и Всемилового Спаса на основании докладной записки заведующего столом регистрации от 14 октября и акта комиссии по осмотру храмов от 12 октября: «С заключением комиссии согласиться. В отношении деревянной церкви во имя Спаса ходатайствовать перед административным отделом губисполкома о ее закрытии, ввиду утраты общественной безопасности. В отношении каменной Кекинской церкви предложить заведующему церковным столом принять меры к ликвидации таковой. Просить губоткомхоз о разборке»⁵⁶. Обветшавшая деревянная церковь Всемилового Спаса была быстро закрыта и снесена в начале 1927 г., даже без официального постановления президиума Ленсовета (что являлось нарушением действующих законов)⁵⁷, но в отношении церкви Сошествия Святого Духа дело затянулось.

Осуществляя закрытие храмов, представители районных властей вывезли все имущество церкви Всемилового Спаса и часть инвентаря 3 других кладбищенских храмов. В связи с проведением данной акции член президиума «двадцатки» Митрофаниевского собора В. И. Дворянчиков 14 июля 1927 г. написал заявление заведующему столом регистрации райсовета с просьбой отчислить для ремонта этого храма часть сумм, вырученных от ликвидации церковного имущества, изъятого из собора: «Ввиду крайней необходимости произвести в соборе некоторый ремонт по указанию технического надзора, но так как Вам известно, что средств для этого в соборе никаких нет, то президиум 20-ки собора просит Вас согласно настоящего заявления войти с ходатайством в Госфонд, не найдет ли он возможным отчислить для собора на это дело часть сумм от ликвидации за изъятое Вами от нас церковное имущество для передачи в Госфонд»⁵⁸.

За 5 дней до этого, 9 июля, 9 членов «двадцатки» Серафимовской церкви написали заведующему районным столом регистрации обществ и союзов заявление с просьбой закрыть их церковь из-за отсутствия средств на приведение ее в надлежащий вид, «дабы ее хищнически не разобрали». Через 10 дней 12 членов этого приходского совета (Ф. Гаврилова, М. Ермаков и др.) подали еще одно заявление с просьбой закрыть их храм из-за невозможности его ремонта, а их включить в состав «двадцатки» Митрофаниевского

собора: «Мы, нижеподписавшиеся члены 20-ки по Серафимовской церкви Митрофановского кладбища, обращаемся к Вам с настоящим заявлением, что ввиду полной разрушенности означенной церкви, восстановить которую и привести в надлежащий порядок не представляется возможным, т[ак] к[ак] на это потребуются крупный денежный расход, каковых сумм у нас не имеется, а посему вносим Вам свое предложение заколотить ее или, вернее, совсем разобрать, превратив доход от этого в Государственный фонд. А нас, членов 20-ки означенной церкви, просим перечислить и влить в число членов 20-ки Митрофановского кладбищенского собора»⁵⁹. Воспользовавшись ситуацией, президиум Московско-Нарвского райсовета 21 июля принял постановление о необходимости закрытия церкви прип. Серафима Саровского: «Просить адм.отдел губисполкома Серафимовскую церковь, что на Митрофаньевском кладбище, закрыть и оградить от хищений»⁶⁰. 30 июля районный стол регистрации отправил в губернский административный отдел заявление с просьбой дать заключение по вопросу закрытия Серафимовской церкви, однако 4 августа переслал в Московско-Нарвский райисполком указание, что отказ одной группы верующих не должен служить основанием к закрытию Серафимовской церкви, так как может найтись другая группа, желающая взять храм в свое пользование»⁶¹.

Между тем 12 августа 14 членов «двадцатки» церкви Сошествия Святого Духа (Н. П. Петров, М. К. Якимова, А. А. Серова и др.) также написали заявление заведующему столом регистрации Московско-Нарвского райсовета с просьбой закрыть их храм из-за невозможности его ремонта: «Ввиду полной невозможности восстановить Кекинскую церковь в надлежащий вид за отсутствием необходимых для этого средств, а потому просим вышеуказанную церковь совершенно закрыть, дабы ее хищнически не разобрали, а причитающееся на нее все церковное имущество изъять и обратить таковое в Госфонд»⁶². В соответствии с существующим законодательством 19 и 20 августа было опубликовано объявление в «Красной газете»: «Ввиду отказа групп верующих от Серафимовской и Кекинской церквей Митрофаньевского кладбища последние передаются изъявившим желание группам верующих»⁶³.

Желающих взять в свое ведение уже фактически приговоренные к закрытию церкви не нашлось, и 25 августа президиум Московско-Нарвского райсовета принял постановление о закрытии церкви Сошествия Святого Духа, так как она давно не функционирует и ее имущество вывезено⁶⁴. 9 сентября последовало заключение губернского административного отдела о необходимости закрыть Серафимовскую и Свято-Духовскую церкви и ликвидировать их имущество ввиду отказа «двадцаток» от пользования ими из-за необходимости ремонта и отсутствия реакции верующих на сделанную публикацию о передаче церквей⁶⁵. В результате 16 сентября 1927 г. малый президиум Ленсовета принял постановление о закрытии Серафимовской и Свято-Духовской церквей на Митрофаньевском кладбище: «Постановление президиума Московско-Нарвского райсовета о закрытии и ликвидации Серафимовской и Кекинской церквей, ввиду отказа верующих от дальнейшего

использования, утвердить»⁶⁶. После закрытия обе церкви более полутора лет пустовали, затем были снесены. Имущество закрытых кладбищенских храмов перешло государству, частично было распродано, а остатки (2005 рублей 41 копейка) с 1 марта 1927 г. по 1 апреля 1928 г. сданы в Госфонд⁶⁷.

Осенью 1927 г. в храмах Митрофаниевского кладбища служили 6 протоиереев и священников: Н. В. Хромин, В. М. Сеницын, А. А. Щипунов, И. С. Сажин, П. Ф. Покровский и В. А. Турабов, в начале 1928 г., после сокращения штатов в единственном действующем храме — соборе свт. Митрофана Воронежского — остались 2 священнослужителя: настоятель протоиерей Лука Смоктунович (1864–1937 гг.)⁶⁸ и иерей Иосиф Сажин⁶⁹. Согласно договору от 15 января 1926 г., «двадцатка» храма свт. Митрофана получила в свое пользование и часовню старца-странника Александра Крайнева. Тяжелым ударом для приходской общины стало принятое 7 мая 1927 г. президиумом Ленсовета постановление о закрытии Митрофаниевского кладбища: «Митрофаниевское православное и лютеранское кладбища закрыть ввиду невозможности дальнейшей их эксплуатации из-за переполнения и несоответствия санитарным требованиям»⁷⁰. В результате и без того небольшие доходы кладбищенской общины сократились.

В феврале 1928 г. члены «двадцатки» Митрофаниевского собора обратились в похоронное отделение Ленинградского городского отдела коммунального хозяйства с просьбой вновь открыть кладбище для захоронения, предлагая взять на себя охрану его территории. Однако заведующий похоронным отделением Войнич отреагировал на это прошение резко негативно. В своем отношении заведующему подотделом благоустройства Ленгороткомхоза от 27 февраля он писал, что ходатайство «двадцатки» «не только невозможно удовлетворить, но и недопустимо по нижеследующим соображениям»: из-за переполненности кладбища (еще в 1924 г. были закрыты участки 3, 4 и 5 рядов), его местоположения среди развивающегося жилищного строительства, «за тенденциозностью заявления “священствующих” быть с доходом» и т. д. При этом Войнич отметил, что «против передачи кладбища в охрану без права захоронения религиозной 20-ке отделение не возражает, как ей в прошлые годы неоднократно предлагалось, но что не имело успеха, за отсутствием возможности последней “эксплуатировать”»⁷¹. В результате заведующий Ленинградским городским отделом коммунального хозяйства 8 марта 1928 г. также написал в президиум Ленгорсовета о своей негативной позиции по вопросу открытия Митрофаниевского кладбища («о чем ходатайствует “двадцатка” местной кладбищенской церкви»): «Вместе с Московско-Нарвским райсоветом и органами саннадзора Ленинградский гороткомхоз считает, что Митрофаниевское кладбище в дальнейшем может быть использовано только лишь как парк, а отнюдь не как кладбище, и таковым в интересах населения района оно должно быть вопреки домогательствам “двадцатки”, руководимой в данном случае в значительнейшей степени материальными соображениями»⁷². Вскоре городские власти официально отказали приходскому совету в его ходатайстве.

На рубеже 1928 и 1929 гг. начались массовые гонения на Русскую Православную Церковь. В конце 1928 г. нависла угроза закрытия и над последним действующим храмом Митрофаниевского кладбища — собором свт. Митрофана Воронежского. Это было связано с тем, что маленькая община прихожан-обновленцев оказалась не в состоянии платить все возраставшие налоги, которые буквально душили небольшие приходы города. 22 ноября финансовый отдел Леноблисполкома принял постановление о взимании недоимок по налогу со строений церковного совета Митрофаниевского кладбища в размере 960 рублей и о подаче в административный отдел Леноблисполкома предложения «о расторжении договора, заключенного с названным церковным советом об аренде здания для религиозных целей». 29 ноября налоговое управление Леноблисполкома также обратилось в административный отдел с просьбой расторгнуть договор с церковным советом Митрофаниевского кладбища об аренде здания собора из-за недоимок по налогам⁷³.

18 декабря вызванная в административный отдел Леноблисполкома председатель «двадцатки» Митрофаниевского собора Сажина категорически отказалась уплатить требуемую облфинотделом сумму в 970 рублей 24 копеек и написала заявление с просьбой расторгнуть договор с «двадцаткой». 20 декабря последовало указание начальника отделения административного надзора облдмотдела Камчатова инспектору стола регистрации обществ и союзов Московско-Нарвского райисполкома И. Морозову срочно поставить вопрос на рассмотрение президиума Московско-Нарвского райисполкома⁷⁴. 27 декабря президиум принял постановление о расторжении договора с «двадцаткой» Митрофаниевского собора⁷⁵. Не дожидаясь положенного по закону решения городских властей, инспектор И. Морозов 4 января 1929 г. сообщил начальнику отделения административного надзора Камчатову о том, что договор с «двадцаткой» собора свт. Митрофана расторгнут, а ключи и церковное имущество от нее приняты⁷⁶.

Пытаясь соблюсти видимость законности, заместитель начальника областного административного отдела Трушин 7 января все-таки обратился в президиум Ленсовета с просьбой утвердить постановление президиума Московско-Нарвского райсовета от 27 декабря 1928 г. о расторжении договора с «двадцаткой» храма свт. Митрофана и о сносе находящегося в ведении Главнауки здания собора с его использованием на строительный материал «ввиду закрытия кладбища и отсутствия надобности пользования верующими указанным храмом». К этому письму было приложено заключение областного административного отдела от 7 января о необходимости закрытия и сноса Митрофаниевского собора⁷⁷. 11 января малый президиум Ленсовета принял окончательное постановление о закрытии и сносе храма свт. Митрофана Воронежского: «Ввиду закрытия кладбища для захоронения и принимая во внимание, что со стороны “двадцатки” нет возражений против закрытия собора Митрофаниевского кладбища, договор с “двадцаткой” расторгнуть, а собор снести с использованием его на строительный материал»⁷⁸.

В 1929 г. были снесены все 3 каменных храма Митрофаниевского кладбища. Первой стала церковь Сошествия Святого Духа. Акт приемки работ по разбору церкви был подписан 13 сентября 1929 г. В результате сноса было добыто 163 176 штук кирпича, на разборку израсходовали более 5300 рублей⁷⁹. С закрытого собора свт. Митрофана в 1-й половине 1929 г. сняли 7 колоколов общим весом 250 пудов⁸⁰, затем здание также разобрали на строительный материал. Добытые таким варварским способом кирпичи использовались при строительстве жилых и общественных зданий на Международном (Московском) проспекте, в частности здания Московского райисполкома. Вместе с храмами была уничтожена часовня над могилой старца-странника Александра Крайнева, сама могила сохранялась до 1950–1960-х гг., когда остатки Митрофаниевского кладбища были окончательно уничтожены⁸¹.

После уничтожения храмов Митрофаниевского кладбища священники еще некоторое время продолжали совершать требы на его территории. Так, в протоколе совещания районных инспекторов по вопросам культов Ленинграда и Пригородного района от 16 марта 1933 г. отмечалось: «Установить надзор через заведующих кладбищами: Смоленским, Волковским, Серафимовским и Митрофаньевским и др., на которых оперируют попы-гастролеры, нигде не зарегистрированные, предложить им зарегистрироваться и встать на учет к местной кладбищенской церкви или немедленно удалиться и в последнем случае категорически запретить таковым всякое пребывание на территории кладбища без соответствующего разрешения»⁸². После массовых репрессий 2-й половины 1930-х гг. церковная деятельность на Митрофаниевском кладбище полностью прекратилась.

История всех храмов Митрофаниевского кладбища оказалась одинаково трагичной. Тем не менее память об этих храмах сохранилась, и в настоящее время разрабатываются проекты восстановления некоторых из них в рамках устройства мемориально-рекреационной зоны (парка) в границах исторического некрополя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Исакова Е. В., Шкаровский М. В.* Собор Святой Живоначальной Троицы лейб-гвардии Измайловского полка. СПб., 2009. С. 37, 39.
- ² *Кобак А. В., Пирютко Ю. М.* История святыни // *Малая Коломна*. 2008. № 1(2). С. 4.
- ³ *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия в 3 томах. Т. 3. СПб., 1996. С. 177; *Шульц С. С.* Храмы Санкт-Петербурга: История и современность. СПб., 1994. С. 213.
- ⁴ *Ветвеницкий Н., свящ.* Храм святителя Митрофана // *Малая Коломна*. 2008. № 1(2). С. 7.
- ⁵ *Антонов В. В., Кобак А. В.* Указ. соч. С. 175; *Ветвеницкий Н., свящ.* Указ. соч. С. 6–7.
- ⁶ *Кобак А. В., Пирютко Ю. М.* Указ. соч. С. 5.
- ⁷ *Ветвеницкий Н., свящ.* Указ. соч. С. 7.
- ⁸ Там же. С. 8; *Антонов В. В., Кобак А. В.* Указ. соч. С. 178; Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель / Сост. А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. СПб.,

1993. С. 105; *Попов И. В.* Храм Сошествия Святого Духа и семи отроков Эфесских, «Кекинский» // *Малая Коломна*. 2008. № 1(2). С. 9.
- ⁹ *Антонов В. В., Кобак А. В.* Указ. соч. С. 178.
- ¹⁰ *Попов И. В., Булгаковский Д.* Странник Александр Крайнев // *Малая Коломна*. 2008. № 1(2). С. 13.
- ¹¹ Северная коммуна (Петроград). 1918. 8 августа; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб), ф. 56, оп. 4, д. 19, л. 12–12 об.; ф. 143, оп. 1, д. 67, л. 237.
- ¹² Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2002. С. 120; *Попов И.* Мученик о. Александр Каминский, настоятель Митрофаниевского храма († 1918) // *Малая Коломна*. 2008. № 1(2). С. 17; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 19, оп. 109, д. 23, л. 1–2.
- ¹³ ЦГА СПб, ф. 104, оп. 2, д. 35, л. 40.
- ¹⁴ Там же, ф. 143, оп. 1, д. 123, л. 68–69; ф. 7384, оп. 33, д. 251, л. 15.
- ¹⁵ Там же, ф. 104, оп. 2, д. 35, л. 36–37 об.
- ¹⁶ Там же, л. 1–3.
- ¹⁷ Там же, ф. 7879, оп. 1, д. 83, л. 3.
- ¹⁸ Там же, ф. 104, оп. 2, д. 35, л. 4–4 об.
- ¹⁹ Вестник Петросовета (Петроград). 1921. № 35, 27 августа.
- ²⁰ ЦГА СПб, ф. 104, оп. 2, д. 35, л. 5.
- ²¹ Там же, л. 6–9.
- ²² Там же, д. 52, л. 2.
- ²³ Там же, д. 35, л. 12–12 об.
- ²⁴ Там же, л. 11–11 об.
- ²⁵ Там же, л. 15–17.
- ²⁶ Там же, л. 20–21 об., 27.
- ²⁷ Там же, л. 23–24, 29–29 об.
- ²⁸ Там же, ф. 104, оп. 2, д. 35, л. 66–66 об.
- ²⁹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Фонд архивно-следственных дел, д. П-34919, л. 47.
- ³⁰ ЦГА СПб, ф. 104, оп. 2, д. 25, л. 58–60.
- ³¹ Там же, д. 35, л. 30.
- ³² Там же, л. 32.
- ³³ Там же, л. 33–37 об., 48–65; ф. 1000, оп. 9, д. 181, л. 63.
- ³⁴ Там же, ф. 104, оп. 2, д. 35, л. 38–47; ф. 1001, оп. 7, д. 44, л. 11–11 об.
- ³⁵ Там же, л. 67; ф. 1001, оп. 8, д. 17, л. 130–131 об., 133а.
- ³⁶ *Иоани (Сыгчев), митр.* Митрополит Мануил (Лемешевский): Биографический очерк. СПб., 1993.
- ³⁷ Записки неизвестного протоиерея (А. Лебедева) о русской церковной жизни 1-й половины XX века (Рукопись). Л., 1925. С. 158.
- ³⁸ ЦГА СПб, ф. 104, оп. 2, д. 7, л. 1 об.— 2.
- ³⁹ Там же, д. 35, л. 68.
- ⁴⁰ Там же, л. 69, 71–72.
- ⁴¹ Там же, л. 75, 77.
- ⁴² Там же, л. 76, 79–79 об., 84.
- ⁴³ Там же, л. 78.
- ⁴⁴ Там же, д. 35, л. 85–86.
- ⁴⁵ Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия при ВЦИК), существовала в 1921–1935 гг.
- ⁴⁶ Там же, оп. 4, д. 40, л. 16.
- ⁴⁷ Там же, ф. 1000, оп. 9, д. 181, л. 66–69.
- ⁴⁸ Там же, л. 64–65, 70.
- ⁴⁹ Там же, л. 71.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- ⁵⁰ Там же, л. 62–62 об.
⁵¹ Там же, л. 72–72 об.
⁵² Там же, л. 73.
⁵³ Там же, л. 59–61.
⁵⁴ Там же, д. 96, л. 4; д. 181, л. 6, 56–57; оп. 63, д. 1, л. 132 об.
⁵⁵ Там же, ф. 104, оп. 2, д. 1, л. 78, 82; д. 7, л. 11; д. 8, л. 11, 21–22.
⁵⁶ Там же, оп. 1, д. 131, л. 95 об.
⁵⁷ Там же, оп. 2, д. 7, л. 22.
⁵⁸ Там же, л. 108.
⁵⁹ Там же, ф. 1000, оп. 11, д. 68, л. 107, 109.
⁶⁰ Там же, л. 106.
⁶¹ Там же, л. 104–105.
⁶² Там же, л. 103.
⁶³ Красная газета (Ленинград). 1927. 19–20 августа.
⁶⁴ ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 11, д. 68, л. 102.
⁶⁵ Там же, л. 101.
⁶⁶ Там же, л. 100; оп. 13, д. 92, л. 295; ф. 6276, оп. 12, д. 143, л. 140.
⁶⁷ Там же, ф. 104, оп. 2, д. 7, л. 16.
⁶⁸ Там же, ф. 1000, оп. 92, д. 16, л. 93–108; Санкт-Петербургский мартиролог. С. 285.
⁶⁹ ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 92, д. 16, л. 18.
⁷⁰ Там же, ф. 6276, оп. 12, д. 143, л. 75 об.
⁷¹ Там же, ф. 3200, оп. 1, д. 63, л. 50.
⁷² Там же, л. 48–48 об.
⁷³ Там же, ф. 1000, оп. 13, д. 51, л. 300–301 об.
⁷⁴ Там же, л. 299; ф. 7383, оп. 1, д. 27, л. 17.
⁷⁵ Там же, ф. 1000, оп. 13, д. 51, л. 297.
⁷⁶ Там же, л. 298.
⁷⁷ Там же, л. 296–296 об.; ф. 7383, оп. 1, д. 27, л. 16–16 об.
⁷⁸ Там же, ф. 1000, оп. 13, д. 11, л. 19; д. 12, л. 5; д. 14, л. 10; ф. 7383, оп. 1, д. 27, л. 25.
⁷⁹ Там же, л. 34–34 об.; ф. 1000, оп. 13, д. 92, л. 228–229.
⁸⁰ Там же, ф. 7383, оп. 1, д. 52, л. 86.
⁸¹ Попов И. В., Булгаковский Д. Указ. соч. С. 13.
⁸² ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 2, д. 20, л. 5–6.

**РУССКАЯ
ЦЕРКОВЬ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ**

М. Ю. Крапивин*

Всеволод Путята в контексте религиозной политики органов ВЧК (1918–1919 гг.)

Всеволод Владимирович Путята, появившийся на свет 2 октября 1869 г., был незаконнорожденным сыном еврейки и смоленского дворянина. Усыновленный последним и ставший дворянином Всеволод Владимирович получил блестящее воспитание и всестороннее образование, в частности превосходно владел французским, английским, немецким, итальянскими языками (наряду с древнегреческим и латинским). После окончания Демидовского юридического лицея в Ярославле в 1891 г. и Александровской военно-юридической академии в Санкт-Петербурге в 1897 г. он был произведен в чин штабс-капитана и начал военную службу в качестве офицера лейб-гвардии Преображенского полка (причем, был близок к полковнику Преображенского полка будущему императору Николаю II). В 1898 г. Путята был переведен в военно-судебное ведомство. Обладая редкой красотой, он пользовался успехом в дамском обществе. Будучи принятым при дворе сумел увлечь великую княжну Елену, двоюродную сестру Николая II. Однако решительное вмешательство в ход событий великого князя Владимира Александровича положило конец бурно развивавшемуся роману.

Вскоре Путята ушел с военной службы и в 1899 г. поступил в Казанскую Духовную академию, возможно, надеясь с помощью оставшихся при дворе связей достичь святительских высот¹. 21 января 1900 г. он был пострижен в монашество с именем Владимир, а 8 ноября того же года рукоположен во иеромонахи. Академию Путята окончил за 2 года вместо положенных 4 лет (кстати, без особого на то разрешения Святейшего Синода) со званием кандидата богословия, после чего в 1901 г. был назначен инспектором Казанской духовной семинарии. В 1902 г. он был определен настоятелем церкви при Русском посольстве в Риме с возведением в сан архимандрита. Но за «соблазнительное

* © Крапивин М. Ю., 2013

Михаил Юрьевич Крапивин, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

поведение» по настоянию папы Римского (и по ходатайству русского посла в Италии) Путята отозвали в Санкт-Петербург в распоряжение Святейшего Синода.

В 1906 г. в Казани он успешно защитил диссертацию на тему «Государственное положение Церкви и религии в Италии» и получил звание магистра богословия. 6(19) августа 1907 г. Путята был хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Санкт-Петербургской епархии с поручением заведовать всеми русскими церквами в Европе (за исключением находившихся в Афинах и Константинополе), что давало ему возможность подолгу бывать за границей с ревизионными поездками. Однако после очередного скандала, связанного с любовными похождениями во Франции, он вновь был отозван в Россию в распоряжение Святейшего Синода.

С 18 февраля 1911 г. Владимир (Путята) — епископ Омский и Акмолинский. На новом месте он проявил себя как «опытный администратор»: был всегда требовательным, боролся за церковную дисциплину, не терпел возражений. По этой причине духовенство его не любило. 8(21) марта 1913 г. Путята был переведен из обширной и процветавшей Омской епархии в небольшую и малообеспеченную Полоцкую. Там он продержался 1 год и 4 месяца. Это время Путята употребил на укрепление своего пошатнувшегося положения в высших сферах Петербурга. В течение только одного года совершил 38 поездок в столицу. 11(24) июля 1914 г. Путята был возведен в сан архиепископа и перемещен на богатую Донскую и Новочеркасскую кафедру. Здесь он сошелся с блиставшей своей красотой и знатностью княгиней Долгорукой, от которой имел, по слухам, незаконнорожденную дочь. Наказной атаман Войска Донского представил Святейшему Синоду жалобу на nepзволительные деяния архиерея. В результате Синод определил перевести Владыку Владимира с 10(23) января 1915 г. с явным понижением на Пензенскую кафедру².

Правящим архиереем Пензенской и Саранской епархии, которую Путята первоначально сравнивал не иначе как с «дырой», мечтая поскорее отсюда убраться³, он оставался в течение 2,5 лет. Неумная энергия архиерея, его непредсказуемость, неожиданные посещения богослужений, скрытое наблюдение со стороны за ходом службы заставляли священнослужителей постоянно быть начеку, что требовало большого нервного напряжения. Между тем архиепископу по-прежнему были свойственны любовь к комфорту, светскому обществу и склонность к флирту. Вокруг архиерея постоянно находились женщины, в том числе и приехавшие за ним из других городов страны, например из Витебска и Новочеркасска⁴. Посещала архиепископа и графиня Толстая, эвакуировавшаяся вместе с дочерью Еленой из Полоцкой губернии в связи с наступлением германской армии и обосновавшаяся на постоянное жительство в Пензе. В свою очередь архиепископ предложил давать девице уроки Закона Божия на дому у Толстых. Процесс обучения закончился весьма прискорбно. «В июне 1917 года в Святейший Синод поступило письменное обвинение архиепископа Владимира в безнравственном поведении в отношении к... младовозрастной девице. Обвинителем являлся близкий родственник девушки (С. Г. Памфилевич, зять графини Толстой.— М. К.). Обвинение

свидетельствовало о таком поведении архиепископа Владимира, которое в отношении к женщинам является недопустимым со стороны кого бы то ни было, не говоря уже о недопустимости такого поведения со стороны лица, носящего высокий священный сан»⁵.

30 июня 1917 г. архиепископ Владимир, вернувшийся из поездки по епархии, обнаружил в своей служебной почте «официальное письмо б[ывшего] Первоприсутствующего в Св[ятейшем] Синоде экзарха Грузии архиепископа Платона (митрополит Тифлиссский и Бакинский, экзарх Кавказский Платон (Рождественский).— М. К.)» с приложением копии жалобы С. Г. Памфилевича на имя синодального обер-прокурора В. Н. Львова и с предложением «подать прошение об увольнении на покой». Получив соответствующее разрешение, Путята отправился в Святейший Синод, где был проинформирован о том, что в дополнение к жалобе Памфилевича поступило письменное заявление самой графини Толстой с обвинением архиепископа Владимира «в тяжелом и позорном даже для мирянина уголовном преступлении», поэтому Львов передал всю переписку «судебному следователю по особо важным делам»⁶.

Определением Святейшего Синода от 28 июля 1917 г. по причине двухмесячного отсутствия архиепископа Владимира, который «отбыл из епархии неизвестно куда и на какое время, не сдав полностью управление епархией викарному епископу и Совету» временно управляющим Пензенской епархией был назначен епископ Краснослободский, викарий Пензенской епархии Григорий (Соколов)⁷. 2 августа 1917 г. Синод, заслушав «представление архиепископа Пензенского Владимира от 2 сего августа с объяснением по поводу сведений, поданных в Святейший Синод графинею Толстою и С. Г. Памфилевичем», определил: «1) архиепископа Владимира устранить от управления делами Пензенской епархии и 2) поручить архиепископу Симбирскому Вениамину (Муратовскому.— М. К.)⁸ произвести расследование по поводу предъявленных к архиепископу Владимиру обвинений в неблагоповедении»⁹. «По обсуждении же произведенного расследования Святейший Синод, по определению 17/30 сентября 1917 года, признал необходимым дополнительно к прежнему своему определению об устранении архиепископа Владимира от управления Пензенской епархией запретить (его.— М. К.) в священнослужении, с воспрещением ношения панагии и преподавания (так в тексте.— М. К.) благословения и, назначив ему местопребывание в одном из монастырей Московской епархии, самое дело о нем, ввиду открытия уже в это время Священного Собора¹⁰, внес на Соборное совещание епископов»¹¹. Совещанием епископов предварительное рассмотрение дела архиепископа Владимира поручалось особой Судной комиссии епископов¹². Докладчиком по делу был назначен епископ Калужский и Боровский Феофан (Туляков).

11(24) октября 1917 г. по рассмотрению всех материалов обвинения (согласно отчету архиепископа Симбирского Вениамина (Муратовского) и с привлечением данных судебно-медицинской экспертизы), Судная комиссия епископов под председательством митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского) вынесла Путяте, в общем и целом, оправдательный

приговор. Комиссия «полагала возможным снять с архиепископа Владимира наложенное на него Святейшим Синодом запрещение в священнослужении, ношении панагии и преподавании благословения (так в тексте.— *М. К.*), ввиду того, что некоторые подробности показания потерпевшей не подтвердились и обвинение Владимира в гнусном нарушении целомудрия нельзя признать юридически доказанным с надлежащей несомненностью»¹³. Вместе с тем с учетом выяснившихся при рассмотрении дела подробностей жизни архиепископа Пензенского комиссия «признала Владимира виновным: 1) в соблазнительном постоянном и свободном обращении с женщинами, 2) в необузданном тщеславии и честолюбии, побуждавшем его строить свои отношения к пасомым с исключительной целью, чтобы его восхваляли лично и на письме; 3) в высокомерии и деспотизме в отношении лиц подчиненных, в особенности из духовенства, 4) в постоянных отлучках из епархии без основательных причин и запущенности консисторских дел и 5) в несвойственном и неприличном лицу монашеского и архиерейского чина соблазнительном образе жизни»¹⁴.

На следующий день, 12(25) октября 1917 г., совещание, на котором присутствовали более 40 архипастырей — членов Поместного Собора — одобрило решение Судной комиссии, но одновременно вынесло определение¹⁵ «по разрешении в священнослужении уволить архиепископа Владимира на покой с указанием ему определенного местожительства и с признанием невозможности возвращения его на Пензенскую кафедру»¹⁶. По словам современников описываемых событий, противоречивость соборного определения объяснялась как нежеланием выносить «сора из избы» (что стало бы предметом глумления со стороны противников Церкви), так и стремлением, в каком-то смысле, подморозить ситуацию, отложив окончательное решение на потом¹⁷. Но именно эта противоречивость впоследствии и дала основание Путяте заявлять об имевшей место судебной ошибке.

7(20) ноября Святейший Синод во главе с Патриархом во исполнение решения епископского совещания об отрешении от кафедры и об увольнении Путяты на покой определил ему находиться 3 года на покаянии (без запрещения в священнослужении) во Флорищевой пустыни (Владимирская епархия)¹⁸, имевшей прочную и обоснованную репутацию суровой духовной тюрьмы, из которой нет возврата, особенно ставшей известной в связи с пребыванием в ней в дореволюционное время иеромонаха Илиодора (Труфанова). Владимир, считавший себя по суду оправданным и вполне реабилитированным¹⁹, ехать во Флорищеву пустынь категорически отказался. По словам Патриарха Тихона, «тот, кто с первых дней своего служения в Пензе употреблял все силы и средства, чтобы перейти оттуда на другую лучшую епархию, вдруг обнаружил необычайную привязанность к своей пензенской пастве и стал пользоваться всякими средствами и отговорками, чтобы только отложить свой отъезд из Пензы»²⁰.

Демонстративный отказ подчиниться административному распоряжению высшего церковного начальства (хотя бы ошибочного или неверного) было расценено как чрезвычайное нарушение архиерейской присяги и церковной

дисциплины. Особенно неблагоприятно линия поведения Путята выглядела в глазах большинства русских епископов на фоне исторических потрясений в стране, когда крушились самые основы национальной государственности и Церкви, культивировавшиеся веками. Кроме того, Путята имел много недоброжелателей как в среде епископата, так и в довольно широких слоях церковного общества, считаясь, по вполне достаточным основаниям (и совершенно не связанным с именем девицы Толстой), персоной «non grata»²¹.

Высшая церковная власть, конечно, не могла оставаться безучастной при виде такого неповиновения, тем более что пребывание Владимира в Пензе отнюдь не вело к умиротворению его бывшей паствы²². Журнальным определением совещания епископов от 13(26) ноября 1917 г. на телеграфное и письменное прошение жителей Пензы о пересмотре дела архиепископа Владимира и о возвращении его в Пензу было постановлено: Ввиду состоявшихся уже решений епископского совещания и Святейшего Синода об увольнении архиепископа Владимира на покой и назначении ему местопребывания в Флорищевой пустыни, ходатайства оставить без последствий²³. Затем, побуждая Путяту выехать из Пензы, Святейший Синод 28 ноября 1917 г. запретил ему священнослужение в пределах Пензенской епархии²⁴.

18 декабря 1917 г. Синод предписал архиепископу Владимиру «немедленно отправиться... к месту назначенного ему пребывания — во Флорищеву пустынь». Одновременно Синод освободил епископа Григория (Соколова) от управления Пензенской епархией, назначив на его место епископа Нарвского второго vicария Петроградской епархии Геннадия (Туберозова)²⁵, который, впрочем, от поездки в Пензу уклонился²⁶. Поэтому вскоре последовало новое кадровое решение: 10 января 1918 г. временно управляющим Пензенской епархией был назначен епископ Прилуцкий Феодор (Лебедев)²⁷.

Постановлением епископского совещания от 31 января 1918 г., «на коем заслушан был рапорт Соединенного присутствия Пензенского церковно-епархиального совета и Духовной консистории за № 633 с сообщением, что агитация за архиепископа Владимира открыто стала на сторону большевиков и прибегает к их помощи и содействию, каковые могут поставить Епархиальное управление в тяжелые условия, если Высшая церковная власть принятием решительных и бесповоротных мер не положит конца всей агитации, определено: “принимая во внимание неоднократно состоявшиеся решения Епископского совещания и Св[ященного] Синода по делу об арх[иепископе] Владимире, ходатайство группы граждан г[орода] Пензы оставить без последствий, предложить бывшему Пензенскому арх[иепископу] Владимиру без промедления выехать из Пензы в назначенную для его жительства Флорищеву пустынь, предупредив, что за неисполнение настоящего распоряжения им, архиепископом Владимиром, он подвергнется строжайшему взысканию, до запрещения в священнослужении и ношении панагии”»²⁸.

9(22) февраля 1918 г. Святейший Патриарх и Священный Синод Православной Российской Церкви «слушали рапорт соединенного присутствия Пензенского церковно-епархиального совета и Духовной консистории от 31 января 1918 г. с ходатайством о принятии мер к прекращению происходящих

в Пензе церковных нестроений в связи с пребыванием... архиепископа Владимира, бывшего Пензенского», «телеграмму от имени участников крестного хода от 2 февраля» и «петицию от имени общего собрания пензенской паствы 31 января о содействии к оставлению архиепископа Владимира на Пензенской кафедре». «Постановлено: Архиепископу Владимиру сообщить телеграммою постановление совещания епископов Священного Собора о немедленном оставлении пределов Пензенской епархии с предупреждением о предании церковному суду в случае ослушания»²⁹.

16 февраля 1918 г. соединенное Присутствие Пензенского епархиального совета и Духовной консистории направило в Священный Синод рапорт, в котором шла речь о принятом решении «обратиться через местные газеты с особым разъяснением значения творимых партией архиепископа Владимира событий», вместе с тем подчеркивалось, «что Епархиальное управление... находится в особо тяжелом положении, не имея во главе правящего епископа, так как назначенный для управления епархией епископ Феодор (Лебедев.— М. К.) доселе в Пензу не прибыл»³⁰. 23 февраля (8 марта) 1918 г. Святейший Патриарх и Священный Синод постановили: «1) Освободить Преосвященного Прилуцкого Феодора (Лебедева.— М. К.), викария Полтавской епархии, от порученного ему управления Пензенскою епархией и 2) назначить Преосвященного Челябинского Серафима (Александрова.— М. К.), викария Оренбургской епархии, временно управляющим Пензенскою епархией»³¹. Однако это решение не было исполнено, а заготовленный указ от 26 февраля / 11 марта 1918 г. был задержан, так как епископ Феодор (Лебедев) наконец-таки до Пензы добрался и с 23 февраля (8 марта) 1918 г. приступил к исполнению своих обязанностей. Телеграмма об этом была получена в Москве не позднее 26 февраля (11 марта) 1918 г.³² К сожалению, как свидетельствовали современники и очевидцы событий, назначенный на Пензенскую кафедру епископ Феодор ни по личным, ни по деловым качествам не способен был серьезно повлиять на нездоровую обстановку, сложившуюся в епархии. «Возможно... по наивности он полагал, что одного его присутствия как законного архиерея уже достаточно для умиротворения страстей»³³.

18 февраля (3 марта) 1918 г. в помещении пензенского городского театра, после революции переименованного в Народный дом, путятинцы организовали «собрание», имевшее своей целью провести «выборы» епархиального архиерея³⁴. Разъясняя собравшимся суть процедуры, руководивший ходом собрания один из ближайших соратников Путятя иеродиакон Иоанникий (Смирнов)³⁵ заявил, что всякое требование народа имеет больший канонический вес, большую законность, чем действия церковной власти. Поэтому всякое поставление в священник сан недействительно, пока народ не скажет своего «аксиос» («достойн»). Немедленно требуемое «аксиос» в виде шумных криков и поднятия рук было произнесено. После этого архиепископ Владимир, в помещении «Народного дома» отсутствовавший и прибывший лишь к моменту окончания «выборного процесса», направился с группой поддержки из числа участников голосования в кафедральный Собор, где епископ Феодор совершал вечернюю службу. По ее завершении Путятя разыграл сцену,

призванную наглядно продемонстрировать собравшимся, кого из архиереев поддерживает большинство верующих. В условиях воцарившейся в соборе неразберихи епископ Феодор и все духовенство поспешили удалиться. Оставшийся хозяином положения Путята «объявил народу, что только сейчас «по-дружески» беседовал с епископом Феодором, и что тот принял его в церковное общение и поедет в Москву, где будет хлопотать о его восстановлении»³⁶. О чем в действительности говорили архиереи, достоверно неизвестно. По одной из позднейших версий, Путята предложил епископу Феодору одновременно покинуть Пензу в целях нейтрализации протестных выступлений масс верующих, предоставив возможность церковному священноначалию произвести новое назначение на Пензенскую кафедру³⁷. Отъезд епископа Федора из Пензы последовал так стремительно и так неожиданно для многих, что по городу распространился слух о внезапной кончине владыки³⁸.

После отъезда епископа Феодора в Москву управление епархией легло на плечи 75-летнего епископа Краснослободского Григория (Соколова), vicария Пензенской епархии, проживавшего за городом в Спасо-Преображенском мужском монастыре. «Он был стар, немощен и нерешителен», констатировали современники. «Юридически он существовал, фактически же его как руководителя не было. Он не мог держать кормило во время бури. К тому же... жил за городом, а события разворачивались в самом городе»³⁹. К концу зимы 1918 г. сторонники Путяты начали создавать некие общественные объединения, с опорой на которые и от лица коих можно было бы апеллировать к духовным и светским властям. Речь идет о так называемом Христианском Союзе⁴⁰, впервые заявившем о себе в середине февраля 1918 г. следующей телеграммой в адрес Патриарха Тихона: «Пензенская паства горячо откликнулась на призыв Вашего Святейшества стать на защиту гонимой Церкви на двух многотысячных общих собраниях. 11 и 18 февраля положено начало образованию «Христианского союза». Председателем, значит руководителем всей местной церковно-религиозной жизни избран единогласно архиепископ Владимир, которому поэтому предложено немедленно вступить в управление епархией и начать священнослужение... Уполномочен[ные] общим собранием председатель Дубков⁴¹, секретарь Цупак»⁴².

Таким образом, одной из целей создания «Христианского союза» было изъятие рычагов контроля над местной церковно-общественной жизнью из рук канонических епархиальных структур⁴³. Телеграмма, отправленная из Пензы в Москву протоиереем Владимиром Лентовским⁴⁴ практически вслед за выше приведенной, информировала членов Священного Синода, что «Пензенск[ая] консистор[ия] и совет распущены»⁴⁵. Управление передается партии архиепископа Владимира⁴⁶. Бумаги, посланные после 11 февраля, следовало повторно отправить «на имя причта Всехсвятской церкви равно и дальнейшую переписку»⁴⁷.

4(17) марта 1918 г. в Народном доме было организовано «Общее собрание Пензенской паствы» под председательством С. Я. Дубкова, участники которого единогласно приняли резолюцию: «Объявить во всеобщее сведение,

что православный народ восстанавливает архиепископа Владимира на Пензенской кафедре, как некогда восстановил также несправедливо присужденного к изгнанию Собором епископов Иоанна Златоуста на Константинопольской (кафедра), и требует признания такого канонического восстановления... Не отпускать архиепископа Владимира и не принимать никакого другого архиерея. Приведение этого решения в исполнение принимают на себя организации железнодорожных служащих и рабочих. Послать Патриарху Тихону телеграмму о состоявшемся восстановлении... Требовать от имени народа, чтобы архиепископ Владимир начал с Великого поста служение, не считаясь с запрещениями Соединения епископов, введенного в заблуждение интригой и клеветой нескольких представителей городского духовенства. Определить храм (Богоявленский) в полное распоряжение "Христианского союза" для собеседований и практического осуществления служения архиепископа Владимира... Предложить духовенству ультиматум: или искренно и нелицемерно примириться с народом в настоящий "прощеный" день, немедленно (дается недельный срок), исполнив христианское желание и просьбу мирян подчиниться архиепископу Владимиру как избраннику Пензенской паствы и сделать все, что требуется для исходатайствования подлежащей санкции и для прекращения возбужденных по тайным ложным доносам гонений на архипастыря, каковые возмущенный народ считает гонениями на Церковь, добавляя, что миряне в осуществлении своего канонически законного права выбора, не примут к себе никакого назначенного епископа. Если же городские священники не согласны идти навстречу желанию народа, то признать их не пастырями, а чиновниками, прислужниками старой бюрократической власти, не считающейся с ходатайствами мирян, и считать несогласных уволенными из приходов. При этом православные соглашаются обращаться со своими духовными требами только к тем, кто идет навстречу желаниям народа и подчиняется архиепископу Владимиру. Осуществить и провести в жизнь выборное начало духовенства... Объявить открытой записью в члены "Христианского союза" со взносом посильной платы... Внести в предстоящий общегубернский Крестьянский съезд внесенные общим собранием резолюции, сообщив о проведении в жизнь выборного начала и о признании городской паствой архиепископа Владимира единственным кандидатом на Пензенскую кафедру с протестом против всякого иного назначения»⁴⁸.

14(27) марта 1918 г. в Москве прошло очередное Соборное совещание епископов, «на коем заслушано было а) письмо архиепископа Владимира на имя Святейшего Патриарха Тихона от 25 февраля с. г. с сообщением, что он, в силу своего болезненного состояния, не может выехать в Флорищеву пустынь; б) рапорт Соединенного присутствия Пензенского церковно-епархиального совета и Духовной консистории от 23 февраля с. г. с донесением, что смута среди пензенской паствы, благодаря агитационной деятельности архиепископа Владимира, не уменьшается, а увеличивается, что 18 февраля в Народном доме состоялось, под председательством архиепископа Владимира, организационное собрание учрежденного общеприходского Союза для заслушивания проекта Устава, избрания членов правления и для обсуждения "ме-

роприятий по сосредоточению в ведении сего правления епарх[иального] управления под руководством единственно признаваемого народом арх[иепископа] Владимира” и в) телеграмма, подписанная секретарем собрания Цугак (так в тексте, правильно: Цупак.— М. К.), общего собрания граждан г[орода] Пензы от 18–21 марта, с сообщением, что собрание граждан г[орода] Пензы постановило: своего избранника (арх[иепископа] Владимира) не отпускать из Пензы, другого архиерея не принимать, требуя восстановления арх[иепископа] Владимира на Пензенской кафедре, с угрозой, высказанной на собрании священником Аристидовым⁴⁹, отделиться от Св[ященного] Синода и Святейшего Патриарха и отдать себя в ведение или Грузинского экзархата, или Константинопольского Патриарха, определено было: “Признавая объяснение бывшего Пензенского арх[иепископа] Владимира неудовлетворительным, привести в исполнение постановление от 31 января 1918 г., и потому бывшего Пензенского архиепископа Владимира за неисполнение распоряжения Высшей церковной власти, отчего среди паствы пензенской произошли разделения и смуты, запретить в священнослужении, ношении панагии и архиерейской мантии, предписать без промедления выехать в назначенную для его жительства Флорищеву пустынь, предупредив, что за неисполнение и на сей раз распоряжения Высшей церковной власти он будет предан церковному суду”⁵⁰. Но это также не вразумило и не остановило Владимира, а, как подчеркивал впоследствии Патриарх Тихон, «наоборот, дало ему повод только усугубить свое противление церковной власти и к прежней вине прибавить еще тяжчайшую, караемую церковными канонами без всякого снисхождения: будучи под запрещением, он дерзнул совершать некоторые священнодействия, притом с лицами тоже запрещенными»⁵¹.

Постановлением Епископского совещания от 21 марта (3 апреля) 1918 г. «по заслушании донесения от управляющего Пензенской епархией епископа Феодора (Лебедева.— М. К.), секретаря и членов Консистории от 1 апреля (н. ст.), что архиепископом Владимиром, несмотря на запрещение его в священнослужении, 18 марта в малом архиерейском облачении совершено служение молебна совместно с запрещенным в священнослужении священником Аристидовым, подсудимым диаконом Евдимовым (так в тексте, по другим сведениям: Ефимовым.— М. К.⁵²) и др., а также и о том, что приверженцы арх[иепископа] Владимира насильственно захватили Богоявленскую церковь, отстранили причт, требуют ключи от кафедрального собора и т. д., определено: “Принимая во внимание неоднократно состоявшиеся постановления Епископского совещания о немедленном выезде арх[иепископа] Владимира из Пензы, запрещении в священнослужении, ношении панагии и архиерейской мантии, неисполнение постановлений и распоряжений как Святейшего Патриарха, так [и] Собора епископов и Св[ященного] Синода, смуту и мятеж среди пензенской паствы, вдохновителем и виновником коих является арх[иепископ] Владимир, служение в состоянии запрещения, объявление части граждан г[орода] Пензы, несомненно возмущенных арх[иепископом] Владимиром и с его благословения действующей, независимости от Св[ятейшего] Патриарха и Св[ященного] Синода, Совещание епископов определило:

бывшего Пензенского архиепископа Владимира на основании правил 16 Антиох[ийского], 2 Сард[инского], 38 Карф[агенского] и др. предать суду Епископского Собора, для чего по телеграфу вызвать арх[иепископа] Владимира в Москву. Буде-же он не явится, то на основании 74 Ап[остольского] пр[авила] и 19 (28) Карф[агенского] предать заочно суду и вынести решение по усмотрению Собора епископов»⁵³. Патриарх дважды, 22 марта (4 апреля) и 29 марта (11 апреля) 1918 г.⁵⁴, телеграммами вызывал Путятю в Москву в связи с преданием его суду Совецания епископов. Тот ехать отказался⁵⁵, сказавшись больным⁵⁶.

К концу марта 1918 г. Путятя контролировал в Пензе Богоявленскую (Большой/Новый Спаситель) и Воскресенскую (во имя Обновления храма Христова Воскресения в Иерусалиме, Малый/Старый Спаситель) церкви, а также 2 сельских храма. Однако это составляло лишь незначительную часть из тех 900 храмов, что функционировали в епархии. Число сторонников Путятя вряд ли превышало несколько сотен человек, при том, что только в самой Пензе, без сельской местности, насчитывалось не менее 70 тыс. прихожан⁵⁷. В этих условиях Путятя принял решение захватить кафедральный Собор, рассчитывая заставить Священный Синод считаться с собой как с реальной силой. В первую неделю Великого поста (25 марта 1918 г.) толпа из Нового Спасителя ворвалась в алтарь собора и завладела (при практически полном непротивлении клира) соборными ключами, которые лежали на престоле⁵⁸.

Параллельно «Христианский союз» предпринял шаги с целью получить в свои руки делопроизводство и печать Пензенского епархиального управления Православной Российской Церкви. 10 апреля 1918 г. в Губернский комиссариат по отделению Церкви от государства поступило заявление следующего содержания: «Архиепископ Владимир, председатель “Христианского союза”, был признан Пензенским архипастырем на первом чрезвычайном епархиальном съезде в апреле месяце (Епархиальный съезд духовенства и мирян в апреле 1917 г., на котором были произведены, среди прочего, выборы во вновь созданный церковного епархиальный совет.— М. К.) и ему было поручено ходатайствовать о проведении в жизнь выработанных на съезде мероприятий и реформ. На втором съезде в августе месяце (1917 г.— М. К.) архиепископ Владимир снова был признан Пензенским архипастырем. На собрании рабочих организаций Сызранско-Уральской железной дороги, на трубочном заводе, на Рязано-Уральской железной дороге на общих собраниях вынесены резолюции народа с желанием иметь своим архипастырем архиепископа Владимира и ни в коем случае не допускать назначенного центральной властью вопреки желанию народа епископа Феодора (Лебедева.— М. К.). Ввиду этого “Христианский союз” просит Вас как комиссара передать все дела, касающиеся управления Пензенской епархии, комитету “Христианского союза” под председательством архиепископа Владимира, о чем была вынесена резолюция на общем собрании Пензенского христианского союза»⁵⁹.

5–6(18–19) апреля 1918 г. рамках Поместного Собора был созван Собор епископов, на который прибыли 40 Преосвященных архипастырей, имевших

суждение по делу о бывшем Пензенском архиепископе Владимире. Перед собравшимися были оглашены донесения управляющего Пензенской епархией епископа Прилуцкого Феодора (Лебедева) от 21 и 31 марта 1918 г., а также выдержки из «прежних постановлений Соевещаний епископов». Кроме того, было заслушано «приведенное на справку определение Священного Собора о мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни, где в п[ункте] 1 сказано: “Епископ, противящийся Высшей церковной власти и обращающийся при сем за содействием к власти гражданской, запрещается в священнослужении с преданием церковному суду, и если засим, по троекратном приглашении, не явится лично на сей суд, то извергается из сана”»⁶⁰. В результате состоявшегося обсуждения Собор вынес следующее определение: «Так как архиепископ Владимир, будучи по суду лишен кафедры, не подчинился решению Высшей церковной власти, не оставил г[ород] Пензу и не выехал под разными предлогами к назначенному для него месту жительства — Флорищеву пустынь, несмотря на неоднократные требования Высшей церковной власти, а продолжает жить в Пензе, считая себя епископом Пензенской епархии, от чего произошли среди Пензенской паствы смута и нестроения, причем руководителем толпы, по донесениям епископа Феодора (Лебедева. — М. К.) и Консистории, был сам архиепископ Владимир; ходатайствующие же за него указывают, что арх[иепископ] Владимир действует как избранник народный, по требованию якобы всей паствы, то по 16 пр[авилу] Антиох[ийского] Собора, которое гласит: “Да будет отвержен, хотя бы его избрал весь народ, который он себе восхитил”, должен быть лишен сана. 2) Будучи запрещен в священнослужении, архиеп[ископ] Владимир совершал священные службы, за что по 38 пр[авилу] Карф[агенского] Соб[ора], “сам произносит против себя осуждение”, теряет право апелляции и должен быть отсечен от Церкви. 3) Находясь в состоянии запрещения, сам архиеп[ископ] Владимир входил в молитвенное церковное общение с запрещенным в священнослужении иереем Аристидовым и состоящим под судом диаконом Евдимовым⁶¹ (так в тексте. — М. К.) за что по 16 пр[авилу] Св[ятых] Апост[олов] “яко учитель безчиния”, должен быть отлучен. Собор епископов 39 голосами при одном воздержавшемся постановил: бывшего Пензенского архиепископа Владимира лишить архиерейского сана, оставив в монашестве... Постановление Собора епископов огласить на Священном Соборе»⁶². 7(20) апреля 1918 г. Пленум Поместного Собора утвердил данное определение Соевещания епископов⁶³.

9(22) апреля 1918 г. Патриарх и Священный Синод распорядились постановлением Собора епископов от 5–6(18–19) апреля 1918 г. «объявить бывшему архиепископу Владимиру указом, послав таковой же временно управляющему Пензенскою епархиею Преосвященному Краснослободскому с поручением ему отобрать у б[ывшего] архиепископа Владимира ставленную архиерейскую грамоту и представить ее Св[ященному] Синоду и 2) назначить местопребывание бывшему архиепископу Владимиру во Флорищевой пустыни Владимирской епархии или в иной обители по его избранию и с согласия местного епархиального Преосвященного, о чем Преосвященному митрополиту Владимирскому послать указ»⁶⁴.

Однако вскоре до церковного руководства «стали доходить сведения о событиях в г[ороде] Пензе, давно не бывалые в церковном православно-христианском мире. По сообщению Пензенского епархиального начальства, Владимир, когда получено было известие о лишении его сана, забыл страх Божий, решил окончательно порвать связь с православной Церковью и стал открыто совершать богослужения, священнодействовать и даже рукополагать, к удивлению и великой печали нашей, имея среди православной паствы пензенской некоторых своих приверженцев»⁶⁵.

Между тем Патриарх и Священный Синод 9(22) апреля 1918 г. освободили епископа Прилуцкого Феодора (Лебедева) от временного управления Пензенской епархией и поручили ему возвратиться к месту служения на Полтавскую кафедру, назначив на вакантную должность викария Тверской епархии епископа Старицкого Иоанна (Поммера)⁶⁶. 1 мая 1918 г. (во вторник на Страстной неделе) новый правящий архиерей Пензенский и Саранский Иоанн⁶⁷ прибыл к месту своего служения⁶⁸. Латыш по национальности, громадного роста, красивый, обаятельный, он во всех отношениях был личностью незаурядной. В нем чувствовались непреклонная воля и большой дипломатический талант. Вокруг епископа Иоанна сгруппировались все активные элементы из числа противников Путяты. Опорой нового архиерея стали настоятель Покровской церкви⁶⁹ протоиерей Михаил Венценовцев, соборный протоиерей Василий Смирнов, ректор духовной семинарии протоиерей Матвей Архангельский⁷⁰, преподаватель женского епархиального училища А. А. Беляев (впоследствии епископ Иваново-Вознесенский Августин). 6–8 молодых людей, преимущественно сыновья священников, стали добровольными послушниками епископа Иоанна, фактически его охраной. Среди них выделялся сын сельского священника Н. М. Пульхритудов. Вместе с тем, по воспоминаниям современников, «многие из духовенства полагали, что борьба бессмысленна и что рано или поздно придется сдаваться Владимиру и просить у него пощады. Таким образом, новый архиерей хотя и нравился, но, во всяком случае, не мог ожидать от большинства духовенства активной поддержки»⁷¹.

7 мая в здании Народного дома состоялось общее собрание «церковного Союза православных христиан гор[ода] Пензы» по вопросу о «нарушении избирательных прав пензенской православной паствы назначением епископа Иоанна и о возможном в связи с этим отъезде из Пензы архиепископа Владимира»⁷². Указав на то, что «назначенный вопреки воли народа епископ Иоанн открыто стал на путь защиты старого бюрократического полицейского строя и противодействия истинно-православным начинаниям церковной жизни, собрание постановило: просить Совет о немедленной высылке епископа Иоанна из пределов Пензенской епархии»⁷³. 13 мая 1918 г. Президиум Пензенского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов поручил (согласно коллегияльного постановления от 11 мая) губернскому «комиссару юстиции» произвести следствие («с приглашением представителей от Церковного союза»⁷⁴) и разобраться во взаимных претензиях архиепископа Владимира и епископа Иоанна на Пензенскую кафедру, а также «доставить полный ма-

териал» о религиозном движении в Пензе⁷⁵. В свою очередь председатель Следственной комиссии Пензенского губернского революционного трибунала Михайловский 16 мая 1918 г. обратился с запросом к председателю Коллегии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией Н. И. Козлову⁷⁶: «В производстве у Вас имеется дело по выступлению партий как со стороны епископа Владимира, так равно и со стороны епископа Иоанна. Прошу Вас срочно прислать мне названное производство, которое необходимо при расследовании характера религиозного движения в Пензенской епархии»⁷⁷.

Между тем 10(23) мая 1918 г. Патриарх и Священный Синод определили: «Отлучить бывш[его] архиеп[ископа] Владимира, лишённого сана архиепископа, от Церкви на основании канонов и 2) обратиться с посланием от имени Патриарха к пастве Пензенской епархии»⁷⁸. Во исполнение этого решения 22 мая (4 июня) 1918 г. Патриарх Тихон направил послание «Возлюбленным о Христе братьям и чадам православным христианам Пензенской епархии со епископы и пресвитеры». Святейший писал: «Великая смута, посетившая нашу страну, болезненно коснулась и вашей местной Пензенской Церкви в виде давно небывалого, давно неслыханного на Руси события: архиерей, при своей хиротонии клятвенно обещавшийся пребывать в повиновении Высшей церковной власти, дерзновенно отказался от такого повиновения... Впрочем, не то удивительно, что безразсудный монах, забыв Бога и будущий суд, неудержимо идет к печальному своему концу. Удивительно, что среди вас находятся люди, ему сочувствующие и его поддерживающие, не взирая ни на что, по-видимому, готовые лучше отпасть от Церкви, потерять часть в наследии Христовом, чем оставить Владимира с его безумным предприятием... Мы знаем, что и сам Владимир, и приверженцы его говорят вам, что он пострадал невинно. Не принято разглашать, почему и за что тот или другой человек лишен должности и чести, в особенности, когда дело касается архиерея. Но раз Владимир намеренно затемняет дело и молчанием церковной власти пользуется в своих видах, уловляя неопытных, вынуждаем и мы всенародно объяснить, за что Владимир сначала удален с Пензенской кафедры, потом лишен сана и, наконец, отлучен от Церкви». Далее следует детальная, с опорой на документы, с приведением канонической аргументацией реконструкция «дела» Путяты, заканчивающаяся общим выводом: «Итак, не какое-либо недоброжелательство духовенства или Высшей церковной власти по отношению к Владимиру, не клевета, не какие-либо непроверенные слухи послужили причиной печальной участи, постигшей Владимира, а совершенно определенные, точно установленные его действия, его преступления против церковного порядка и дисциплины, предусмотренные священными канонами. Он сам своим неповиновением, своим ни с чем не считающимся упорством вынудил церковную власть подвергнуть его законной каре... При рассмотрении ныне всего дела нами со Священным Синодом принято во внимание, что подобные настоящему случаю предусмотрены священными канонами. Правило Св[ятых] Апостол[ов] 28 гласит: “Аще кто — епископ, или пресвитер или диакон, праведно за явныя вины изверженный,— дерзнет коснуться служения, некогда ему порученного, таковой совсем да

отсечется от Церкви”. Правило IV Антиохийского Собора: “Епископу, изверженному от сана Собором и дерзнувшему совершить какую-либо священную службу по прежнему своему обычаю, отнюдь не позволяет иметь надежду восстановления в прежний чин на другом Соборе и даже быть допущену до принесения оправдания по своему прежнему делу”. И все сообщающиеся с ним да будут отлучены от Церкви, ясно гласит тоже правило. При наличии столь ясно преподанных Священными канонами указаний, приговором нашим со Священным Синодом постановлено: отлучить лишнего архиерея и священного сана бывшего Пензенского архиепископа Владимира от Церкви... мы во имя Христова молим вас, верные чада Церкви Пензенской: “изыдите от него и нечистоте не прикасайтесь”... соберитесь воедино около Вашего нового архипастыря и стойте неуклонно в вере Христовой и в верности Церкви святой»⁷⁹.

Прочтение послания Патриарха Тихона об отлучении от Церкви бывшего архиепископа Владимира должно было произойти (по распоряжению правящего архиерея) по всем храмам Пензы 13 июня 1918 г. Сам епископ Иоанн планировал служить литургию в Петропавловской церкви. Власти попытались вмешаться в ход событий внутрицерковной жизни. На имя епископа Иоанна было отправлено следующее обращение: «В комиссариате по отделению Церкви от государства имеются сведения, что завтра, 13 сего июня... будет произведено анафемствование епископа Владимира, возможно, и его последователей... Во избежание могущих произойти эксцессов комиссариат требует, чтобы как Вы, так и причты православных церквей г[орода] Пензы не производили по церквам анафемствования, в противном случае, в особенности, если произойдут какие-либо эксцессы в г[ороде] Пензе на почве анафемствования, советская власть к Вам и к другим виновникам их применит самые строгие меры, предудказываемые военным положением г[орода] Пензы»⁸⁰. Параллельно губернский Комиссариат по отделению Церкви от государства обратился за поддержкой к силовым ведомствам с призывом принять надлежащие меры с целью предотвращения возможных столкновений групп верующих.

Вечером, в день прочтения послания Патриарха, собрание сторонников Пуляты приняло резолюцию: «Отлучению от Церкви епископа Владимира Высшей церковной властью значения не придавать в виду того, что Св[ященный] Синод не захотел объективно разобрать дело епископа Владимира, а разрешил под влиянием происков Пензенского духовенства»⁸¹. В тексте листовки, выпущенной на злобу дня и носившей название «Под впечатлением анафематствования (отлучения от Церкви) в Петропавловской церкви г[орода] Пензы епископа Владимира» путятинцы рапортовали об организационных успехах своего движения: “Христианский союз”... насчитывает тысячи членов... имеет правомочный исполнительный орган, который начинает приобретать денежные средства и который имеет определенные задачи. “Христианский союз”, возглавляемый епископом Владимиром, получил от гражданской власти право на открытое существование⁸²... “Христианский союз” не думает замкнуться в одном коллективе, получившем жизнь в г[ороде] Пен-

зе, он предпринимает условия к тому, чтобы наподобие пензенского Союза образовать такие же Союзы по всей губ[ернии], связав их с пензенским как с центральным... Мертвящему формализму здесь нет места. Искание новых религиозных путей здесь приветствуется, если оно вызывается запросами жизни. Понятно, что сущность религии, в частности христианства, для такого «Христианского союза» заключается не в догматических школах, а тем более не в канонах и церковных правилах, имеющих преходящее значение, а в религиозной настроенности, религиозном чувстве, не поддающемся даже определению... Кто живет таким религиозным чувством, для того не играют существенной роли выработанные Церковью правила дисциплины, такой человек в упоении религиозным чувством способен на отмену даже догматических истин Церкви, если они ему помешают в его религиозной жизни». Далее следовали призывы к незамедлительной реформе Церкви силами мирян и исключительно мирян, «в душах которых еще горит огонь чистой Христовой веры, которые в христианстве ищут действительно удовлетворения религиозных запросов, которые сохранили еще чистоту сердца, чтобы принимать и осуществлять высокие идеалы Христа, которые в силу этих данных лучше знают, что нужно в данное время и как нужно реформировать жизнь Церкви, и право на это миряне имеют»⁸³.

14 июня 1918 г. Пензенский губернский комиссариат по отделению Церкви от государства направил на имя комиссара почты и телеграфа Пензы письмо с просьбой «сделать распоряжение, чтобы всякие переписки, адресованные епископу Иоанну от каких бы то ни было учреждений и каких бы то ни было официальных лиц, равно бывшему епархиальному совету и консистории, как не желающих зарегистрироваться в Коллегии внутренних дел и Комиссариате по отделению Церкви от государства, пересылались в Комиссариат по отделению Церкви от государства»⁸⁴. В свою очередь в тексте «Воззвания «Христианского союза» православных церковноприходских общин Пензенской епархии» от 26 июля / 8 августа 1918 г. заявлялось об открытии временного Епархиального совета (вскоре получившего наименование «Пензенский епархиальный народный совет»), «в котором разрешаются все дела чисто религиозного характера, раньше разрешавшиеся Консисторией. Совет этот действует открыто, с разрешения государственной власти. Он заменил собою бывшие Епархиальный совет и Консисторию, которые как старые, негодные учреждения упразднены частью Высшею церковною властью, частью — властью гражданской. Таким образом, временный Епархиальный совет, во главе которого, как и всего Епархиального управления, стоит архиепископ Владимир, есть единственное учреждение в Пензенской епархии, где рассматриваются *на законном основании* (курсив источника. — М. К.) религиозные дела и который должен подчинить себе все епархиальные учреждения и православные приходы»⁸⁵.

При этом губернский комиссар по отделению Церкви от государства М. В. Кузнецов отказался регистрировать устав Пензенского епархиального управления Православной Российской Церкви, тем самым переводя канонические «тихоновские» структуры в ранг существующих нелегально⁸⁶. 27 июня

1918 г. распоряжением того же Кузнецова была арестована группа церковных деятелей: протоиереи Матвей Архангельский, Александр Пульхритудов, Владимир Лентовский (арест последнего, по некоторым сведениям, был произведен 17 июля 1918 г.), председателя епархиального управления П. К. Медведева⁸⁷, К. П. Ручимского, иеромонаха Иерофея (Ушакова), протодиакона Василия Смирнова и секретаря консистории Н. К. Беренского. Все они обвинялись в том, что не подчинились распоряжению об упразднении консистории и прекращении ее деятельности, за что и пробыли в тюрьме около месяца⁸⁸. Однако по целому ряду причин (см. ниже) деятельность Пензенского епархиального управления Православной Российской Церкви хотя и не имевшего легального статуса, продолжалась, периодически порождая ходатайства «путятинцев» во властные инстанции с требованиями пресечь «противозаконные деяния нелегального учреждения»⁸⁹.

В конце августа — начале сентября 1918 г. противостояние двух церковных лагерей в Пензе перешло в новую фазу: на улицах города появились листовки, изготовленные типографским способом, в которых шла речь о том, что «православные христиане, прихожане Петропавловской церкви, возмущены актом насильственного захвата их церкви сторонниками какого-то приезжего архиерея Иоанна». Они «всегда любили своего владыку Владимира, они хотят его молить, а посему призывают его в свой храм». Далее авторы листовки приглашали всех православных христиан поддержать это законное требование⁹⁰. Несколько дней спустя Исполнительный комитет «Христианского союза» вновь посредством листовки обратился к верующим и духовенству с информацией, что в четверг, 13(26) сентября, «состоится обычный, совершаемый ежегодно Крестный ход с перенесением Чудотворной иконы Спасителя из храма Воскресения (Старый Спаситель) в храм Богоявления (Новый Спаситель). Пасхальную службу накануне и литургию в день храмового праздника совершит в Воскресенской церкви Высокопреосвященный Владимир, архиепископ Пензенский и Саранский; он же возглавит и крестный ход, в котором приглашается участвовать все пензенское духовенство, стремящееся к обновлению церковной жизни на истинно канонических (а не сословно-кастовых, обманно выдаваемых за канонические) началах... Отсутствие духовенства на крестных ходах и молебне без уважительных причин будет сочтено за приверженность старому бюрократическому строю, за нежелание служить народу и идти рука обо руку с ним по пути обновления. Православные призываются отнестись спокойно и с заслуженным недоверием к нелепым провокационным слухам о каких-то “захватах”, или “отобраниях” чего бы то ни было: все, кто подчинится народу в лице избранного им и потому законного архипастыря, останется на своем месте»⁹¹. 14(27) сентября 1918 г. в праздник Воздвижения⁹², когда епископ Иоанн служил торжественную литургию в церкви Святых Петра и Павла, Путята призвал своих сторонников к походу из Нового Спасителя в Петропавловскую церковь с целью достижения якобы примирения с последователями епископа Иоанна. У ворот возникла крупномасштабная драка, но «крепость» «владимирцами» так и не была взята⁹³.

Пензенская губернская ЧК, «рассмотрев дело гр[аждан] Владимира Путята (архиепископа Владимира) и Ивана Поммерс (так в тексте.— М. К.) (епископ Иоанн), обвиняемых 1-й в нарушении общественного порядка и натравливании одной части граждан на другую, а второй в нарушении общественного порядка, натравливании одной части граждан на другую и неподчинение декретам Советской власти об отделении Церкви от государства и старании тайно от власти организовать и сохранить все упраздненные декретами церковные органы, Комиссия находит, что инициаторами происшедшего у церкви Петра и Павла 27-го сентября с. г. скандала и драки между двумя группами граждан являются архиепископ Владимир и епископ Иоанн. Первый, зная, что в церкви Петра и Павла служит епископ Иоанн, пошел крестным ходом со своими приверженцами к означенной церкви с целью вызвать столкновение, а второй, видя приближающийся крестный ход, своей проповедью возбуждал молящихся в церкви против приверженцев Владимира, чем способствовал скандалу». В силу всего выше сказанного председателем Пензенской ГубЧК⁹⁴ 25 октября 1918 г. было принято постановление: «Признать Владимира Путяту и Ивана Поммерс виновными в нарушении общественного порядка и натравливании одной части населения на другую с целью вызвать беспорядки и подвергнуть их заключению под арестом сроком на 1 месяц каждого, с зачетом предварительного заключения. Весь же имеющийся материал по обвинению епископа Иоанна в неподчинении декретам Советской власти и тайной организации упраздненных церковных учреждений передать в Следственную комиссию при Революционном трибунале, которая по аналогичному делу заканчивает следствие»⁹⁵.

Последующие 6 месяцев церковно-общественная жизнь в Пензе протекала относительно спокойно⁹⁶, ее активизация началась весной—летом 1919 г. 15 июня 1919 г. в помещении Богоявленской церкви состоялось «общее собрание “Христианского союза” с участием представителей городских приходов и прибывших из уездов»⁹⁷. Судя по протоколу, главное внимание собравшимся было уделено «вопросу о прекращении деятельности “упраздненного” еще в прошлом году, называемого в официальных (так в тексте.— М. К.) сношениях “нелегальным” учреждения, именующего себя Епархиальным советом». Из приложенных к протоколу собрания материалов явствовало, что 31 мая 1919 г. был арестован весь состав Епархиального совета (в прошлом Консистории), подчинявшегося Св[ященному] Синоду, а 5 июня опечатано его помещение. «Оставался последний шаг (здесь и далее подчеркнуто в оригинале.— М. К.) к давно уже настойчиво требуемому народом фактическому прекращению столь ярко противогосударственной и противонародной деятельности — передача дел “нелегального” Епархиального совета по принадлежности: церковных — легальному Епархиальному совету, остальных — соответствующим органам рабоче-крестьянской власти... Но вдруг, неожиданно для всех, 11 июня печати были сняты, а 12 уже открылись “занятия” в “упраздненном нелегальном Епархиальном совете”»⁹⁸. В силу всего вышесказанного, волею собрания было принято решение «просить народную власть, идущую навстречу неоднократно выраженному желанию народа,

объявить во всеобщее сведение об окончательном ликвидации признанного «нелегальным» Епархиального совета и замене его легально существующим закономерным выборным во главе с народным избранником архиепископом Владимиром, которым передать все (церковного характера) дела «упраздненных церковных органов»⁹⁹.

Кроме того, обсудив вопрос «об отношении народной Церкви к гражданскому браку и разводу», участники общего собрания постановили обнародовать «церкулярное (так в тексте.— М. К.) разъяснение по епархии о строгой ответственности за отказ венчать заключенные гражданским порядком браки». В нем, в частности, говорилось: «Ввиду поступающих из разных мест губернии жалоб на отказ священников совершать венчание лиц, разведенных и вступивших в новый брак, на основании “декрета о гражданском браке и разводе”, Совет Пензенского епархиального управления разъясняет, что гражданские последствия брака устанавливаются исключительно гражданским актом и прекращаются таковым же, гражданским разводом. Церковное венчание сохраняет за собой лишь силу и характер “благословения”, “церковный” же (точнее “консисторский”) развод, который всегда прекращал одни только гражданские последствия брака, производился так же, как и теперь в государственном учреждении — Консистории, и, следовательно, являлся, в сущности, «гражданским», утратил с изданием закона о гражданском разводе силу, разрушающую брачные узы, и становится отныне как “развод” излишним. В силу изложенного, священники имеют право отказывать в церковном венчании лишь тем разведенным в гражданском порядке супругам, которые не предъявят гражданского акта (т[ак] наз[ываемой] выписи из книги браков) о заключении нового брака». Путятинское Епархиальное управление просило «уездные, волостные, сельские и приходские советы и комитеты бедноты сообщать ему, с препровождением соответствующих документов и приговоров, о всех случаях уклонения священников от исполнения настоящего, обязательного для всей епархии постановления, для привлечения их к законной ответственности как нарушителей не только церковных правил, но и государственного закона»¹⁰⁰.

В завершении собрание внесло изменения в состав «народного Епархиального совета, уполномоченного работать под общим руководством избранного народом архиепископа Владимира», утвердив его в нижеследующем составе: «Председатель (здесь и далее подчеркнуто в оригинале.— М. К.) гр[ажданин] Марькин. Товарищ председателя священник Утехин. Секретарь гр[ажданин] Цупак. Члены, избранные Общим собранием: священник Савельев, диакон Зубатыкин; граждане: Анисимов, Бакулин, Зеленков, Ивачев, Орлов, Филиппов, Хлебушкин. Члены приходских Советов: а) Богоявленского: председатель приходского Совета гр[ажданин] Дубков, члены: граждане Борисов, Гаврилов; б) Воскресенского: председатель приходского Совета гр[ажданин] Раценбург; члены граждане Комиссаров, Чижов; в) от кафедрального собора: граждане Сластенов, Горбатов, Лебедев, Маркин, Степанов, Панкратов. Приветствовать включение в состав Совета представителя Боголюбского (так в тексте.— М. К.) прихода гр[ажданин] Хлебушкина и про-

свить Епархиальное управление приложить все старания к тому, чтобы привлечь к совместной работе на пользу народа и народной Церкви членов и других приходов с целью более тесного объединения их во едино стадо с единым пастырем»¹⁰¹.

Через несколько дней в соответствии с решением собрания по городу были расклеены листовки «Голос народа о положении церковного дела и архиепископа Владимира в Пензенской епархии». В них шла речь о незаконности любых кадровых решений Московской патриархии по Пензенской кафедре: «Состоявшееся в январе 1915 г. назначение архиепископа Владимира на Пензенскую кафедру, как, с одной стороны, неотменное последующими противозаконными и противоканоническими распоряжениями неуправомоченных (так в тексте.— М. К.) установлений (каковы частное “Епископское совещание” и т[ак] наз[ываемый] Львовский Синод, “неканоничный” даже по мнению Московского Собора), с другой — утвержденное и подкрепленное всенародным избранием, сохраняет свою силу, и Высокопреосвященный Владимир должен быть признан не покидавшим вовсе своей (Пензенской) кафедры, или, точнее, временно лишь фактически (но не юридически) отстраненным силою от управления епархиею. Короче говоря, продолжает оставаться юридически и канонически “единственным законным Пензенским архипастырем” — таков неоднократно раздававшийся при самой разнообразной обстановке “глас народа — глас Божий”. Все же остальные архипастыри, поставленные во главе Пензенской епархии вопреки “священным канонам” без избрания и даже против воли народа, в особенности назначенный “на живое место”, состоящий под судом и в силу этого не имеющий по закону права исполнять никаких служебных обязанностей общественного характера, епископ Иоанн, должны быть признаны незаконными, или (как выражаются св[ятые] отцы) “самочинными”, каковыми и считает на точном основании соборных и святоотеческих церковных правил православный народ»¹⁰².

1(14) августа 1919 г. Путята, продолжавший именовать себя архиепископом, направил Патриарху Тихону письмо¹⁰³ (привезенное в Москву группой пензенских делегатов и переданное в канцелярию Патриарха 7/20 августа 1919 г.) с просьбой вернуть его «к жизни и деятельности... на пользу нашей общей Матери — святой православной Церкви». «Два года я переношу все усиливающиеся душевные муки и страдания в сознании того, что, будучи осужден безвинно... поставлен в такое ненормальное для иерарха положение, примера которому не знает православная Церковь. Чаша моих невыносимых переживаний переполнилась. Предо мною неотступно стоит роковой вопрос: прав ли я, оказав и продолжая оказывать формальное (здесь и далее подчеркнуто в оригинале.— М. К.) “неповиновение” Высшему священноначалию? Смирненно приношу покаяние в том, что оказал, по требованию народа, это “неповиновение” и следовательно формально неправ. Но мог ли я поступить иначе?.. Мог ли я бросить на произвол судьбы православный народ, единодушно и твердо сказавший мне: “Владыко! Вы страдаете невинно, оставайтесь по-прежнему нашим руководителем, мы разделим ваши страдания и не отпустим Вас от себя до того времени, когда с неопровержимою очевидностью

обнаружится ваша несомненная для нас невиновность и Вы получите возможность если не остаться с нами навсегда, то вернуться к обычной творческой деятельности в рядах церковной иерархии; тогда мы возблагодарим Бога и с душевной радостью отпустим Вас от себя, проводим к месту Вашего нового святительского служения”. В полном единодушии с богохранимою паствою я питаю надежду, не покидающую человека даже в самом тяжелом, безвыходном положении, что эта единственная¹⁰⁴, по Вашим словам, “вина” не будет вменена мне в грех, которому нет прощения... И слова Вашего Святейшества, обращенные к народным представителям, “передать архиепископу Владимиру совет не Патриарха, а брата во Христе”¹⁰⁵, являясь для нас спасительным лучом среди окружающего душевного мрака, вселяют твердую уверенность в том, что Вы дадите мне возможность, дважды (в ноябре 1917 г. и в феврале 1918 г.) отнятую у меня, раскрыть перед Вами, как Отцом архиереев, свою истерзанную душу и положить благой конец всем прискорбным последствиям того чисто внешнего, формального “непослушания”, которое столь чуждо и моему внутреннему настроению, и самому духу произнесенных мною монашеских обетов... Вашего Святейшества, милостивейшего архипастыря и отца покорнейший послушник а[рхиепископ] Владимир».

Письмо Путяты было заслушано в соединенном присутствии Патриарха и Св[ященного] Синода на заседании 23 августа (5 сентября) 1919 г. и по итогам состоявшегося обсуждения вынесено следующее определение: «1) Все состоявшиеся постановления Высшей церковной власти относительно бывшего архиепископа Владимира (устронеие (так в оригинале.— М. К.) от управления Пензенскою епархией, лишение сана и отлучение от Церкви) находят полное согласие Святейшего Патриарха. Вместе с прочими архипастырями он признает за бывшим архиепископом Владимиром не только вину “формального неповиновения” Высшей церковной власти, но и все другие преступления, повлекшие к нему применение высшей меры наказания. 2) Святейший Патриарх в декабре 1917 г. действительно сказал именованным себя представителями народа: “Передайте архиепископу Владимиру совет не Патриарха, а брата [в]о Христе”... Но эти слова были сказаны в то время, когда Владимир был еще членом православной Церкви в звании архиепископа. 3) Снисхождение Церкви велико. Как мать, она приемлет всякого кающегося. И отлученный от Церкви бывший архиепископ Владимир может быть вновь принят в число чад ее. Путь, который ведет к восстановлению общения с Церковью, ему, богослову и юристу, известен»¹⁰⁶.

Тем временем в Москву прибыла вторая делегация из Пензы с письменным обращением сторонников Путяты к Патриарху Тихону, поступившим в канцелярию Патриарха 2(15) сентября 1919 г. Содержание текста свидетельствовало о том, что его авторы не знали о постановлении Патриарха и Св[ященного] Синода от 23 августа (5 сентября) 1919 г. В нем, в частности, говорилось: «Пензенская паства, умиленная до глубины души тем, что передали ей по возвращении из Москвы избранные и уполномоченные народом делегаты, сыновне благодарит Вас, своего отныне (здесь и далее подчеркнуто в оригинале.— М. К.) общего отца, за дорогое внимание и отеческую любовь,

выразившиеся в обещании “сделать все возможное для того, чтобы вывести архиепископа Владимира из невыносимо тяжелого положения и поставить в то, которого он заслуживает по своим способностям и дарованиям”... Православный народ... теперь уверен, что “все будет сделано” Первоиерархом, которому остальные архиереи обязаны сыновним послушанием, и ожидает поэтому в самом непродолжительном времени формального восстановления своего избранника во всех правах епархиального архиерея, после чего Владыка, напутствуемый нашими горячими молитвами и пожеланиями, при первой возможности выедет в Москву, куда в настоящее время проезд не только затруднителен, но и опасен, и может в каждый данный момент оказаться совершенно закрытым. По возвращении первой делегации архиепископ Владимир немедленно прекратил служение и воздерживается от него даже в такие большие праздники, как Преображение — день его архиерейской хиротонии — и Успение Пресв[ятой] Богородицы, что весьма тяжело и неблагоприятно отзывается на молитвенном настроении народа, который поэтому просит утешить его благословением, возобновить прерванную службу»¹⁰⁷. Вслед за пензенскими делегатами 28 августа (10 сентября) 1919 г., несмотря на тяготы пути и потенциальные опасности дороги в условиях Гражданской войны, направился в столицу и сам Путята, также не осведомленный о сути состоявшегося уже постановления Патриарха и Священного Синода от 23 августа (5 сентября) 1919 г.

Обстановку, сложившуюся в Пензе на момент отъезда бывшего архиепископа Владимира, детально описывает епископ Пензенский и Саранский Иоанн (Поммер): «По сведениям, полученным от руководителей Путятиной смуты, Путята выбыл в Москву для принесения лично и устно покаяния Святейшему Патриарху... На месте циркулирует несколько объяснений отъезда Путяты, причем менее всего причиной отъезда его считают искреннее желание принести покаяние. Письмо от 7(20) августа 1919 [г.], посланное Святейшему Патриарху Путятой, укрепляет в недоверии к искренности его раскаяния. Если восстановите в правах, покаюсь, а не восстановите — и каяться не стану. Покаяние здесь — коммерческий прием и только. Больше доверия на месте встречают объяснения отъезда Путяты, не связанные с покаянием. На отъезд его смотрят как на маневр, имеющий целью ввести в заблуждение Высшую церковную власть, меня и народ. Путята и его сторонники будто бы будут домогаться пред Высшею церковною властью, чтобы по выбытии из Пензы Путяты и я, как непримиримый противник Путяты, был “убран” из Пензы. Это требование будто бы будет выставляться как условие, без выполнения которого Путята и путятинцы мириться с Церковью не станут. Когда же это условие в части касающейся меня будет принято и я буду “убран” из Пензы, тогда Путята якобы “по требованию народа” будто вернется в Пензу. Маневр этот якобы рассчитан на то, что массою мой перевод будет понят как осуждение моего образа действий, а возвращение Путяты — как достигнутая “народом” реабилитация “невинного страдальца”. Если бы мне был бы назначен преемник, то путятинский “народ” мог бы вновь принять меры застраживания и др. И если бы, несмотря на эти меры, преемник прибыл бы, то

ему как человеку новому в Пензе пришлось бы вести борьбу в незнакомой обстановке, не имея друзей, а имея прямых врагов в лице путятинцев и недоброжелателей в лице “иоаннитов”, между тем как Путята имел бы возможность опираться на сорганизованный круг испытанных друзей и сильных “покровителей”... Существует, наконец, взгляд на отъезд Путяты как на “бегство”. Будто он осознал... безнадежность затеянной борьбы, с одной стороны, а с другой стороны — близость расплаты за деяния, могущие подлежать не только церковному, но и уголовному суду. Безнадежность затеянной борьбы в последнее время для него должна была стать особенно очевидной. Если весной и летом 1918 года за Путятой еще бегали толпы обольщенного народа, личность и дело его привлекали общее внимание и интерес, “общие собрания” народа по архиерейскому делу отличались многолюдством и страстностью, путятинские резолюции принимались “единогласно”, в путятинстве видели нарастающую (так в тексте.— *М. К.*) серьезную оппозицию “официальной” (так в тексте.— *М. К.*) Церкви и “поддерживали”,— противники Церкви смотрели на Путяту с надеждою, сторонники и сочувствующие ему находились не только в невежественных массах, но и среди людей сознательных и даже среди кадрового духовенства, если тогда находились еще люди, готовые идти даже с оружием в руках на противников Путяты. Ныне не то: обольщенная темная толпа разочаровалась и охладела и к личности, и к делу Путяты, “общие собрания” народа стали до смешного малолюдны, единодушные и единогласие утратились (так в тексте.— *М. К.*) даже в тесном кругу приверженцев, покровители отшатнулись, как только отшатнулась толпа, сторонники из кадрового духовенства: одни принесли покаяние, другие совершенно отошли от дел церковных. Путята остался окруженный кучкою истеричек, темных и упрямых невежд, держащихся за него не то из самолюбия, не то из самодурства, и духовными лицами путятинского производства, учиняющими пьяные дебоши в храмах. О распространении путятинщины, о дальнейшем росте ее не может быть и речи. Попытки пропаганды путятинщины обречены на неудачу и по безыдейности (так в тексте.— *М. К.*) дела, и по невежеству пропагандистов (так в тексте.— *М. К.*). Попытки насильственного вторжения в храмы и приходы не привели к желанным результатам... Полною неудачею окончились и попытки Путяты внести расстройство в управление епархией путем устройства при своей особе “учреждений”, одноименных с нашими епархиальными учреждениями. Правда, значительная часть корреспонденции, адресованной нам, и некоторые просители стали ошибочно попадать к Путяте, и Путята делал свои распоряжения по делам, принадлежащим не ему¹⁰⁸. Но и этот прием нам существенно не повредил, и Путяте не помог. Не помогло Путяте и то, что вследствие доносов его и [иных?] наши епархиальные учреждения несколько раз разгонялись, члены оных арестовывались, а состоящие при Путяте “учреждения” в это время функционировали. И правда, и учреждения наши всегда пока удавалось восстанавливать... Путята и его сторонники сумели завладеть тремя храмами г[орода] Пензы и юридически прочно утвердился в обладании ими. Эти храмы служили и, вероятно, будут служить главною ареною для вредных и прискорбных выступлений Пу-

тять. Насильственное отобраение этих храмов, хотя нас много, а путятинцев кучка, немисливо, потому что поход на храмы, гражданскою властию зафиксированные в согласии с требованиями декретов за путятинцами, был бы растолкован как мятеж против существующей гражданской власти и мог бы повлечь за собою последствия, м[ожет] б[ыть], даже кровавые. Пред местною властию по вопросу о возвращении нам зафиксированных за путятинцами православных храмов дело возбуждено и в первой инстанции решено в нашу пользу, но путятинцы обжаловали решение. Предстоит новый разбор дела, и мы уповаем, что дело опять решится в нашу пользу. Победители мира не просят. Очевидно и Путята, почувствовав проигрыш затеянной борьбы, запросил мира у св[ятой] Церкви, но при этом он совершенно упускает из вида, что мир с Церковью достигается покаянием. Затеянные Путятою “мирные переговоры”, с сопутствующими им дипломатическими и военными приемами, конечно, ничего общего с покаянием не имеют. Значение Путяты как вредителя вертограда Христова становится все меньше и меньше и раздутый им костер можно, без всякой опаски распространения, предоставить тому спокойному порядку угасания, какой наблюдается ныне: меньше чаду и дыма»¹⁰⁹.

Между тем отъехав из Пензы 10 сентября в московском направлении, 15 сентября 1919 г. Путята был снят с поезда. Подробности происшедшего сам Путята излагал в записке, направленной на имя Патриарха Тихона (без даты, не позднее 7/20 сентября 1919 г.): «В радостной надежде на скорое возвращение того, что мне дороже всего на свете, дороже жизни — деятельного архиастырского служения на ниве Христовой — я при первой возможности получить долго не выдававшийся пропуск пустился в невероятно трудный путь и уже приближался в (так в тексте.— М. К.) Москве, как на ст[анции] Нечаевской (160 в[ерст]) меня задержали “по обвинению в антисоветской пропаганде” вместе с двумя народными делегатами (так в тексте.— М. К.), которые сообщат Вам подробности этого столь неожиданно возникшего “политического дело” (так в тексте.— М. К.) и вручат настоящее, быть может, последнее (здесь и далее подчеркнуто в оригинале.— М. К.) письмо. Ехавшая в вагоне еврейка, член Арзамасского Исполнительного комитета заявила транспортной Чрезвычайной комиссии, что я возбуждал народ (пассажиров) против советской власти, развивая учение о нетлении мошей и почитании икон. На самом деле я вел по просьбе некоторых спутников беседу, самую обыкновенную, по этому предмету и по бракоразводному вопросу, конечно, в духе св[ятой] православной Церкви: в этом быть может моя вина! Собеседники благодарили за разъяснения, а один из них — неправославный латыш — даже весьма резко и основательно возразил одному присоединившемуся к еврейке моряку, искажившему мои слова, что я вступил в простой разговор на злобу дня по их общей просьбе, и это подтвердили все, кроме 5–6 человек, пассажиры — тоже “советские работники” и красноармейцы. Несмотря на это меня сняли с поезда, а допрос обвинителей и свидетелей (по моей просьбе, всех ехавших в вагоне) поручили произвести юному (17 л[ет]) и неопытному комиссару соседней станции Черусти, который (без всякого умысла, я полагаю) ограничился допросом лишь трех обвинителей и двух

подтвердивших их заявление свидетелей, согласившихся дать показания тут же, во время остановки поезда. Остальные остались и по необходимости останутся недопрошенными за невозможностью их вызвать. Сейчас меня везут к допросу в участковую комиссию — обратно в Муром, откуда я, может быть, уже не возвращусь. Пред лицом смерти, более чем возможной вследствие созданной описанною обстановкою беззащитности, земно кланяюсь своему Святейшему Отцу и всей во Христе братии моей, прошу прощения вольных и невольных прегрешений, умоляю прислать в заточение предсмертное утешение — приобщение к сонму иерархов и, если возможно, отпеть в случае отшествия ко Господу по чину погребения священников. Если же, милости Божиею, останусь жив, немедленно к Вам»¹¹⁰.

Снятый с поезда Путята был передан в руки Муромской участковой транспортной Чрезвычайной комиссии, которая завела на бывшего архиепископа уголовное дело, обвиняя его в том, что 14 сентября 1919 г. он вел «антисемитскую и контрреволюционную агитацию среди попутчиков (в том числе среди “несознательной части красноармейцев”) в штабном вагоне поезда № 21»¹¹¹. 16 сентября 1919 г. коллегия участковой транспортной Чрезвычайной комиссии на станции Муром на своем заседании приняла постановление «Дело передать вместе с личностью гр[ажданина] Путята в РТЧК (Районную транспортную Чрезвычайную комиссию.— М. К.) Центра для принятия соответствующего наказания за контрреволюционную агитацию»¹¹². 19 сентября 1919 г. уже Московская ЧК завела дело «по обвинению гр[ажданина] Путята Владимира... в контрреволюционной агитации»¹¹³.

В тексте заключения РТЧК Центра от 21 (или 25) сентября 1919 г. говорилось: «Рассмотрев дело №... по обвинению в контрреволюционной агитации архиепископа Владимира Путята, нахожу что [обвинительные показания] тов[арища] Шер[еметьева]¹¹⁴ противоречивы. Предлагаю освободить из-под стражи архиепископа Владимира, взяв с него подписку о невыезде из пределов гор[ода] Пензы и по прибытию после 30 сентября с. г. № дела передать в Пензенскую ГубЧК для [дальнейшего расследования] и допросить т[оварища] Кузнецова Михаила Венедиктовича, зав[едующего] отд[елом] записей актов гражданского состояния¹¹⁵, и Пугул Петра Яковлевича, зав[едующего] отд[елом] юстиции при Пензенском Совете р[абочих] и к[рестьянских] д[епутатов], которые с архиепископом Владимиром вместе работали и которые могут характеризовать его деятельность [по политической почве]»¹¹⁶. 27 сентября 1919 г. коллегия РТЧК Центра постановила в отношении Путята: «Из-под стражи освободить, взяв подписку о невыезде из г[орода] Пензы. Дело передать на рассмотрение в Пензенскую ГубЧК»¹¹⁷.

В тот же день, 27 сентября 1919 г., Путята проинформировал Патриарха Тихона о том, что находится на свободе (в Москве), заметив при этом: «Освободившись чудом от заточения, угрожавшего самыми тяжелыми последствиями, я был в полной уверенности, которую вселили в меня народные представители, основывавшиеся на Ваших словах, что в понедельник 9/22 сентября (так в тексте.— М. К.) “обязательно состоится окончательное решение”, возвращающее меня к жизни и деятельному служению св[ятой] Церкви. Неожиданно»

данное же известие о том, что, избежав смерти телесной, я все еще не избавился от смерти духовной, окончательно сразило меня, уже сильно потрясенного прежними переживаниями, я и теперь с трудом передвигаюсь. Но по зову Первосвященника и Отца моего, конечно, явлюсь немедленно, хотя бы и полуживым»¹¹⁸.

Еще через 2 дня отреагировали на изменившуюся вокруг Путяты обстановку и сами «избранные народом представители», передавшие 16/29 сентября 1919 г. в канцелярию Патриарха письмо¹¹⁹, излагавшее их позицию в следующих выражениях: «Народ ожидает восстановления нарушенной правды или, точнее, замены правды внешней, формальной, человеческой, во имя которой приняты все достигшие обратной цели меры претительного характера, правдою внутреннею, действительною, Божиею, требующею признания архиепископа Владимира не покидавшим своей кафедры Пензенским архипастырем (здесь и далее подчеркнуто в оригинале.— М. К.). Таков «глас народа — глас Божий», обоснованный на священных канонах, по которым решение Собора епископов, состоявшегося помимо «первого епископа», не имеют законной силы и исполнению не подлежат: таковы все решения, ка[саю]щиеся архиепископа Владимира, как принятые без участия уклонившегося от столь явно неправого дела Первоиерарха Российской Церкви¹²⁰, и, следовательно, недействительные не только по существу, но и по форме»¹²¹.

Оба процитированных выше письма (Путяты от 27 сентября и недатированное обращение «народных представителей») были прочтены Патриархом 16(29) сентября 1919 г. В тот же день, согласно распоряжению Святейшего, «делопроизводство Судебного отдела» препроводило «бывшему архиепископу Владимиру (Путяте)» копию письма члена Священного Синода, экзарха Кавказского, митрополита Тифлисского и Бакинского Кирилла (Смирнова)¹²² на имя епископа Пензенского и Саранского Иоанна¹²³ от 2(15) сентября 1919 г. в качестве официальной позиции Высшего церковного управления Православной Российской Церкви. В письме воспроизводился процитированный выше текст постановления Патриарха и Священного Синода, принятого на заседании от 23 августа (5 сентября) 1919 г. (как ответ на первое обращение Путяты к Патриарху, отправленное из Пензы 1/14 августа и полученное в Москве 7/20 августа 1919 г.)¹²⁴.

На следующий день, 17 (30) сентября 1919 г., Путята, на тот момент продолжавший все еще находиться в столице и, надо полагать, уже успевший познакомиться с позицией Высшего церковного управления Православной Российской Церкви, направил Патриарху Тихону текст «представления». Вновь последовательно воспроизведя все этапы своего «дела» (в собственной, естественно, интерпретации), автор делал вывод, что «коренное нарушение священных канонов обязывает признать основанные на них решения недействительными и, следовательно, подлежащими отмене. На эту строго-каноническую точку зрения и стал православный народ, когда не отпустил меня от себя для отбывания наказания, наложенного за несуществующую, измышленную и самими же судьями отвергнутую вину... Народ открыто стал на защиту попранной и самоуправно присвоенной себе пресвитерами

иерархической власти, для восстановления престижа которой достаточно было сделать один незначительный шаг: восстановить меня на Пензенской кафедре, на что выражали свое согласие, даже считали (коль скоро опровергнуто обвинение) обязательным и Вы, Ваше Святейшество, когда об этом просила от имени Пензенской паствы первая народная делегация в ноябре 1917 года. Вместо такого исполнения мудрого первосвятительского предназначения, которое сразу и окончательно установило бы прочный ненарушимый церковный мир, последовали одно за другим прещения, усилившиеся по мере возрастания достойного всякого поощрения (особенно в переживаемое нами время) духовного объединения православной паствы... отчаявшись в возможности осуществления неотъемлемых законных прав, из которых самое драгоценное — право избрания себе пастырей по сердцу, народ решил, точнее, счел себя вынужденным стать на самостоятельный путь: избрал меня древним каноническим способом — *per acclamationem* — на Пензенскую кафедру и объявил, что он не примет другого архиерея, а от меня потребовал, чтобы я начал служение в принятом им в свое непосредственное заведывание кафедральном соборе». В заключительной части «представления» Путята обращался к Патриарху с призывом к христианскому милосердию, ходатайствуя о возвращении его к жизни, которой нет для него «вне деятельного служения Богу и “малым сим”, верующим в Него», об отмене последовавших о нем, бывшем архиепископе Владимире, административных и судебных решений и о восстановлении его во всех правах епархиального архиерея, подчеркивая, что «в переживаемую св[ятой] Церковью годину тяжелых испытаний... мы, пастыри ее, вместо того, чтобы выбрасывать за борт церковного корабля друг друга — своих самим Богом данных нам спутников по бурному житейскому морю, должны все сплотиться вокруг нашего общего победного знамени — Креста Христова и, по завету Апостола, “блости единение духа в союзе мира”. Вашего Святейшества, милостивейшаго архипастыря и отца, покорный послушник Владимир, б[ывший] архиепископ Пензенский и Саранский»¹²⁵.

Через 2 недели, 27 сентября (10 октября) 1919 г., не дожидаясь реакции Патриарха на свое предыдущее обращение, Путята направил Святейшему Тихону (опять-таки из Москвы) 2-е «представление», содержащее 6 доказательств («поводов») коренного нарушения священных канонов «во всех стадиях процесса, начиная с дознания»: «Столь существенное по своим последствиям, хотя и формальное по природе нарушение священных канонов (здесь и далее подчеркнуто в оригинале.— М. К.), несоблюдение которых лишает действия исполнительной церковной власти присущей им обязательной силы, представляется вполне достаточным законным основанием для признания всех последующих мероприятий в этом направлении недействительными, а основывающихся на этом и других канонических нарушениях решений о лишении кафедры, а затем и самого права быть избранным на таковую, заточении (по замыслу, конечно, пожизненному) в духовной тюрьме, запрещении священнослужения, извержении и отлучении от Церкви — подлежащими отмене во всем объеме и со всеми последствиями... Такое обилие

формальных нарушений... побудило православный народ и меня, по его требованию, оказать формальное неповиновение... Народ убеждался в том, что голос его, называемый “гласом Божиим”, остается “гласом вопиющего в пустыне”, а неизменным ответом на его ходатайства являются “отклонение” таковых по формальной причине (“за состоявшимся решением”) и прогрессивное усиление репрессий. Если прибавить к сказанному сознательное отношение его к авторитету священных канонов, который должен быть, по народному убеждению, непрекаем прежде всего для высшей церковной власти, и уверенность в том, что Флорищева пустынь была назначена местом пожизненного заключения и (почти наверно) преждевременной могилы, то станет понятным, почему мы, не желая брать на душу смертный грех духовного самоубийства, избрали “из двух зол меньшее”, и, следуя примеру моих судей, предпочли непослушание (во всяком случае менее тяжкое, чем нарушение церковных правил, как оказанное не законодательной, а только исполнительной в Церкви власти) в расчете, что допущенная роковая ошибка должна быть во что бы то ни стало исправлена путем отмены всех решений, начиная с 1-го августа 1917 г., административных и судебных, поскольку ими нарушаются священные каноны “единой, святой, соборной и апостольской Церкви” православной. О таковой отмене с тем вос[s]тановлением во всех правах епархиального архиерея, на котором во имя справедливости настаивает православный народ, я и прошу Ваше Святейшество и Собор епископов, которому предстоит вывести на свет Божий злонамеренно искаженную истину и тем окончательно водворить вожделенный церковный мир. Вашего Святейшества, милостивейшего архипастыря и отца, покорный послушник Владимир, б[ывший] архиепископ Пензенский и Саранский»¹²⁶.

В день получения от Путяты второго «представления», 27 сентября (10 октября) 1919 г., оба письма бывшего архиепископа Владимира (от 17/30 сентября и 27 сентября / 10 октября 1919 г.) были заслушаны Патриархом и Священным Синодом, принявшими постановление, гласившее: «1) Ввиду того, что лишенный архиерейского сана и отлученный от Церкви бывший архиепископ Пензенский Владимир (ныне Всеволод Путята) лишен архиерейского сана постановлением Собора епископов, почему разрешение вопроса о правильности или неправильности такового постановления не подлежит рассмотрению Святейшего Патриарха и Священного Синода, в обсуждение по существу ходатайства о пересмотре постановления о лишении его сана не входит и 2) разъяснить бывшему архиепископу Владимиру (ныне Всеволоду Путяте), что в случае раскаяния в содеянных церковных преступлениях, вызвавших применение к нему отлучения от Церкви, и желания пребывать в общении с Церковью в ожидании рассмотрения дела его предстоящим Собором, коему принадлежит рассмотрение сего дела по существу, он, бывший архиепископ Владимир (ныне Всеволод Путята), должен обратиться с определенным и ясным по сему предмету ходатайством. О чем и поручить Синодальной канцелярии объявить бывшему архиепископу Владимиру, ныне Всеволоду Путяте, а Преосвященному Пензенскому Иоанну послать указ»¹²⁷.

Путята, все еще не покинувший Москвы, практически немедленно отреагировал на постановление Синода «прошением» на имя Патриарха: «Повторяя раскаяние, выраженное в письме от 7/20 августа с/г.¹²⁸, сыновне прошу Вас, Святейший Владыко, и Священный Синод снять то отлучение, о котором говорится в послании Вашего Святейшества от 10/23 мая 1918 года. Вашего Святейшества, милостивейшаго архипастыря и отца, покорнейший послушник Владимир, б[ывший] архиепископ Пензенский»¹²⁹. 4(17) октября 1919 г. Патриарх и Синод постановили: «Поручить членам Священного Синода митрополиту Владимирскому Сергию¹³⁰ (Страгородскому.— М. К.) и архиепископу Архангельскому Нафанаилу (Троицкому.— М. К.) установить формулу покаянного оглашения отлученного от Церкви бывшего архиепископа Владимира, ныне Всеволода Путяты, для принятия его в общение церковное. О чем послать Пр[еосвященным] Сергию и Нафанаилу указы и поручить Синодальной канцелярии объявить просителю»¹³¹.

Сохранился черновой вариант текста «формулы покаянного оглашения», предназначенного для Всеволода Путяты: «Признаю себя виновным в том, что будучи извержен Собором епископов Всероссийской Церкви от архиерейского¹³² сана, дерзал, вопреки каноническим воспрещениям, совершать священную службу по прежнему своему обычаю, священнодействовать и рукополагать, производя тем соблазн церковный и смуту в некогда вверенной мне Пензенской епархии; приношу раскаяние в таковых своих деяниях и прошу Высшее церковное чиноначалие, Святейшего Патриарха и Священный Синод принять меня, отлученного от Церкви, в общение церковное и определить мне место послушания, в коем пребывая, мог бы я, в общении со Святою Церковью, ожидать пересмотра моего дела Священным Собором, в надежде восстановления в архиерейском сане. Со своей стороны, обязуюсь принять меры к прекращению порожденной мною и моими действиями церковной смуты в Пензе и Пензенской епархии и привлечь¹³³ впадших в церковный соблазн от моих действий лиц к раскаянию и послушанию во всем Церкви. Примечание: Произнесение формулы покаяния сопровождается чинопоследованием применительно к 3-му чину и бывшему воссоединению айсорского¹³⁴ епископа Мар Ионы¹³⁵ с ответственными (так в тексте.— М. К.) сокращениями и изменениями»¹³⁶. Однако «формула раскаяния» оказалась не востребованной¹³⁷. Причиной тому стала встреча бывшего архиепископа Владимира с уже упоминавшимся следователем районной транспортной ЧК Центра А. Р. Свилиным¹³⁸, состоявшаяся в середине сентября 1919 г. во время поездки Путяты из Пензы в Москву.

Путята впервые попал в поле зрения ответственных сотрудников ВЧК не позднее весны 1918 г. Ориентировочно 21 мая 1918 г. заведующий «Отделом контроля складов при ВЧК»¹³⁹ А. Антонов направил в Отдел по борьбе с контрреволюцией ВЧК служебную записку следующего содержания¹⁴⁰: «В свое время я дал т[оварищу] Полукарову¹⁴¹ справку о Пензенском архиепископе кн[язе] Путяте и его конфликте с высшим епископским советом, кончившемся осуждением его, и в ответ на это объявлением автокефалии Пензенской епархии. Чтобы расколоть Церковь и дать опору колеблющимся эле-

ментам, я советовал оказать поддержку Путяте. Кажется, по этому делу (так в тексте.— *М. К.*) ничего не сделано»¹⁴². Уже через несколько дней, 25 мая 1918 г., Ф. Э. Дзержинский собственноручно написал письмо в Совет Народных Комиссаров: «Пензенский архиепископ Путята в конфликте с высшим епископским (так в тексте.— *М. К.*) советом, кончившемся осуждением его, и в ответ на это объявлением автокефалии Пензенской епархии. Необходимо оказать поддержку Путяте»¹⁴³.

Были ли сделаны конкретные шаги в этом направлении и какие именно — неизвестно. Есть основания предполагать, что нет. Единственный доступный нам директивный документ центрального аппарата ВЧК — Циркулярное письмо ВЧК № 1 от 1 июля 1919 г. — упоминания фамилии Путяты не содержит. В тексте раздела «О духовенстве» присутствуют лишь рамочные суждения: «За истекший 3-х месячный период среди православного духовенства замечаются в связи с общими политическими событиями и работой на фронте сильные расслоения, появились и группы сочувствующих большевизму и активно выступающих вместе с большевиками, по преимуществу из священников среди сельского провинциального духовенства. Последнее обстоятельство, удостоверяемое как митрополитом Петроградским Вениамином¹⁴⁴ (Казанским.— *М. К.*), так и Патриархом в Москве, объясняется пробуждением сознания, что после первоначальных строгих мер, применяемых к отдельным представителям духовенства Чрезвычайными комиссиями, и после подавления отдельных выступлений духовенства ГубЧК, наступил период затишья и спокойных отношений между белым духовенством и местной властью... Ввиду близости духовенства к народу и исторической коренной связи с ним, необходимо всеми мерами способствовать привлечению сочувствующих большевизму священнослужителей (священников и дьяконов) к совместной работе с советскими властями на местах, образуя, по возможности, губернские и уездные ячейки сочувствующих большевизму духовных лиц, но совершенно исключая монашествующих всех родов, которые должны находиться под усиленным наблюдением... Вообще, в виду образования в Петрограде Комитета православного духовенства, сочувствующего новому строю и активно ему содействующего, а также зарождению в Москве явно определившегося сильного течения в эту сторону, весьма важна присылка в ВЧК с мест самых точных и возможно подробных сведений о местном духовенстве с перечислением случаев, когда в епархии нет архиереев (указать причины этого), а также с сообщением списков как наличного духовенства (перечислить имена и адреса), так и находящегося в тюрьмах, с поименованием всех казненных (указать причины этого) за революционный период»¹⁴⁵.

Прошло еще несколько месяцев, и 16 октября 1919 г. следователь РТЧК Центра А. Р. Свиклин обратился в Президиум ВЧК с докладной запиской, в которой излагал обстоятельства своего знакомства с Путятой. Речь шла о том, как бывший архиепископ Владимир 15 сентября 1919 г. был ссажен с поезда, допрошен на станции Муром Московско-Казанской железной дороги и арестован. Ему были предъявлены обвинения «в признании мощей

и тем самым в непризнании советской науки». После проведенных следственных действий Свиклин совместно с заведующим следственной части РГЧК Центра Петровым «пришли к заключению, что пензенскому народу, который стремится отстаивать свои права, необходимо оказать помощь в этом вопросе со стороны центральной власти». 15 октября 1919 г. Свиклин с Петровым как частные граждане были приняты Патриархом и рядом членов Священного Синода, однако разговор оказался безрезультатным. Свиклин полагал, что действия членов Синода можно было бы трактовать как нарушение декрета о свободе совести, выражающееся в воспрепятствовании свободному отправлению религиозных обрядов. Свиклин настаивал на необходимости «добиться восстановления» в прежнем сане архиепископа Владимира, «который может в громадном размере повести темные массы по нам желанному пути». Для уточнения деталей Свиклин попросил вызвать Всеволода Путяту в Президиум ВЧК¹⁴⁶.

Надо полагать, по сути докладной записки руководство ВЧК приняло положительное решение. Об этом свидетельствуют 2 документа. 1-й — «удостоверение» Секретного отдела ВЧК от 15 ноября 1919 г.: «Предъявитель сего тов[арищ] Свиклин А. Р. уполномачивается (так в тексте.— М. К.) Секретным отделом ВЧК вести дело Пензенского архиепископа Владимира (Всеволода Путяты), а также переговоры со всеми учреждениями и лицами по означенному делу, что подписью и приложением печати удостоверяется». 2-й документ — «мандат» Секретного отдела ВЧК от 19 ноября 1919 г.: «Дан сей тов[арищу] Свиклину А. Р., сотруднику Секретного отдела ВЧК, в том, что он командирован в г[ород] Пензу (в Губ[ернскую] Чрезв[ычайную] Комиссию) для выполнения крайне ответственной, государственной важности задачи. Всем советским учреждениям Секретный отдел ВЧК предлагает тов[арищу] Свиклину оказывать всяческое содействие при выполнении возложенных на него поручений. Кроме того, железнодорожным властям предлагается тов[арищу] Свиклину оказывать содействие в проезде из г[орода] Москвы до г[орода] Пензы и обратно. Что подписью и приложением печати удостоверяется».

Параллельно к чекистской операции с Путятой подключился и Председатель «Исполнительного комитета по делам духовенства всея России» («Исполкомдуха») А. Ф. Филиппов¹⁴⁷. 8 ноября 1919 г. он обратился к Патриарху Тихону со следующим письмом: «Его Святейшеству Владыке Патриарху всея России председателя Исполнительного комитета по делам духовенства всея России. Комитет в заседании от 2-го ноября с. г. имел свое суждение по вопросу об уместности и возможности приглашения б[ывшего] архиепископа Пензенского Владимира к участию в работах Комитета по делам духовенства и, в частности, об оказании ему помощи, ввиду ареста его и привлечения как Рязанской Чрез[вычайной] Комиссией, так и Всероссийской, к ответственности по подозрению его в организации «Союзов христиан», прикрывающих агитационно-контрреволюционные гнезда. Комитет ввиду резко и открыто непримиримого настроения владыки архиепископа Вятского Никандра¹⁴⁸, высказавшегося в заседании о личности Владимира и его дея-

тельности, а также на основании имеющихся в распоряжении Комитета материалов, характеризующих Владимира с отрицательной стороны, *не мог поступить иначе, как отказаться от приглашения б[ывшего] архиепископа Владимира* (здесь и далее курсив в оригинале.— М. К.). Но, с другой стороны, та исключительная энергия, которой обладает Владимир, наряду с образованием и особым темпераментом общественного деятеля и бойца, литературные дарования его, а, главное, особенности его личного воздействия на публику, что засвидетельствовано не только отдельными эпизодами его служения в различных епархиях России, но и пребывания за границей, напр[имер], в Риме, делают фигуру его *интересной для использования в таком учреждении*, как наш Комитет, где светский элемент является активным, а духовенство выступает скорее в роли экспертов и свидетелей, контролирующих работу, и где приходится принимать во внимание не столько внутренние побуждения отдельных участников дела и характеристику их предшествовавшей деятельности, сколько *необходимость их для данного момента и достижения при помощи их конечных результатов*. Вот эти-то соображения и побуждают Комитет прежде, чем остановиться на отрицательном выводе, просить Высшую духовную власть помочь Комитету необходимыми данными и материалами для суждения о б[ывшем] представителе российской церковной иерархии. *Комитет просит предоставлением, временно, подлинного производства по делу Владимира* дать ему возможность для непосредственного ознакомления с содержанием обвинений, в разное время возбужденных против б[ывшего] архиепископа Владимира, с отзывом духовного его начальства по поводу нынешнего его состояния и отношений к духовному ведомству и иерархии, а также с указанием на то, имеет ли право и основания советская власть в порядке административном или судебном возобновить рассмотрение ранее возбужденных и прекращенных духовной властью, или исчерпанных ею, т. е. законченных, дел. Комитет имеет эту необходимость не только для случая защиты б[ывшего] архиепископа Владимира от обвинений, если бы он нуждался в подобной защите, и если обвинения представляются несправедливыми, но и в том случае, когда советская власть, осведомившись о делах, возбужденных против Владимира, найдет удобным или необходимым возбудить, в свою очередь, преследование, в обычно принятом в революционный период порядке, против всех, принимавших прямое или косвенное участие в процессуальных действиях за Владимира, или против него. Вашего Святейшества преданный почитатель Алексей Филиппов»¹⁴⁹.

От имени и по поручению Священного Синода ответ Филиппову дал протопресвитер Н. А. Любимов¹⁵⁰: «На соединенном заседании Высшего церковного управления 1/14 сего ноября заслушано было присланное Вами на имя Святейшего Патриарха письмо¹⁵¹... С большим смущением выслушано было мною это Ваше письмо по нижеследующим основаниям: 1) Для меня явилось совершенно неожиданной новостью то постановление или, если хотите, поручение Комитета, на основании и во исполнение которого Вы обратились к Патриарху с вышеозначенной просьбой. Не только от Вас, но и от кого-либо из остальных членов нашего Комитета я ни разу не слышал

о таком постановлении. Возможность такой неосведомленности моей, да и других опрошенных мною уже после заслушания Вашего письма членов нашего кружка, очевидно, зависит не столько от неаккуратности в посещении членами заседаний Комитета (каковой вины по совести за собой признать не могу), сколько именно от того, что записи наших мнений и суждений и даже принятых общим голосом решений и постановлений в первое время (на 3–4 заседаниях) совсем не велось, а затем если и стала производиться, то во всяком случае не оповещается во всеобщее сведение и не предлагается для общей подписи и утверждения. Вот и результаты такого странного, даже и для “частной” организации (каковой, по Вашему же неоднократному заявлению, является председательствуемый Вами “Исполкомдух”), ведения дела: решение состоялось, на основании его даже предпринимаются те или другие мероприятия председателем или президиумом, а члены Комитета даже и не осведомлены о таком постановлении. И когда наши сочлены по Высшему церков[ному] управлению обратились ко владыке Никандру (Феноменову.— М. К.) и ко мне за разъяснением мотивов просьбы Исполкомдуха, мы бессильны были дать какие-либо разъяснения по своей полной неосведомленности. А между тем естественным, казалось бы, раз дело касается просьбы, направляемой в Высшее церковное управление, чтобы таковая просьба направлялась, если не через посредство тех членов Комитета, которые в тоже время являются и членами церковного управления, то во всяком случае хотя бы с их ведома. 2) По существу, просьба Комитета повергла меня в страшное недоумение. Не говорю уже о том, что частные лица, обращаясь с такой просьбой, проявляют, попросту говоря, какое-то странное любопытство в деле, их несколько не касающемся и не затрагивающем (так в тексте.— М. К.) непосредственно их интересов, а потому, естественно, все таковые просьбы, если и имели когда-либо место в практике церковного или гражданского суда, никогда не удовлетворялись. Зная это, я лично ни в каком случае не мог бы присоединиться к такой просьбе. Не понимаю я и ее мотивов. Если “Исполкомдух” хочет, ознакомившись со всеми подробностями дела Путьяты, сам посудить, справедливы ли решения Церковного суда и соответствует ли строгость кары величине преступления, совершенного виновным, то это только праздное любопытство и ничего более: повлиять как-либо на изменение отношений Высшей церковной власти к осужденному и на строго канонических основаниях извергнутому из недр православной Церкви лицу, бессилен не только наш “Исполкомдух”, но бессильна и всякая власть на земле, кроме той, которой Самим Господом предоставлено право вязать и решить, только власти епископской... А в данном случае и при наличии восстановившегося, благодарение Господу, в Российской Православной Церкви “соборного” строя реабилитировать лишенного сана епископа и восстановить его в сущем сане может только разве один Всероссийский церковный Собор. Даже Святейший Патриарх правомочен разве только вернуть отлученного в недра православной Церкви, но и то, без сомнения, при условии его чистосердечного раскаяния и искреннего сознания своей виновности. Отсюда ясно, что какое бы мнение о правильности и законности решения церковного суда

над Путятюю ни составил наш “Исполкомдух”, он бессилен повлиять на пересмотр и перерешение этого суда, произведенного по строго и всесторонне обследованным каноническим правилам и основаниям. Непонятными для меня являются и другие побуждения (поскольку о них можно догадываться на основании Вашего письма), заставляющие Комитет подробнее ознакомиться с делом Путятты: может ли “Исполкомдух” влиять как-либо на безопасность и вообще судьбу тех лиц, которые или отрицательно относились к его личности и деяниям, или, наоборот, помогали ему. Сомневаюсь, ибо не вижу в результатах раннейшей его работы каких-либо оснований для утешительных перспектив, в частности и в дальнейшем движении Путяттинского дела. Пусть даже советская власть, взявшая все дело Путятты к себе, убедится в неправооте его решения в области Церковного суда и предъявит к Высшей церковной власти решительное требование пересмотреть и перерешить дело, как того якобы требует сам народ, заранее могу сказать: никакое подобное требование, какими бы мерами прещения оно ни сопровождалось, не будет и не может быть исполнено церковною властью, и дело все останется на той же мертвой точке, по крайней мере до Собора. Единственно, что в данном случае мог бы и, по моему мнению, должен был сделать наш Комитет, это обратиться не к церковной, а к современной светской власти и настойчиво просить ее не вмешиваться во внутреннюю жизнь Церкви, в дело церковного чисто суда над нарушителем закона Христова и канонических правил св[я-тых] апостолов и Вселенских Соборов, каковой суд всегда был и будет исключительным прерогативом (так в тексте.— М. К.) церковной власти»¹⁵².

Тем временем чекисты приступили к планомерному осуществлению операции по возвращению Путятты на Пензенскую кафедру. 11(24) ноября 1919 г. Пензенской ГубЧК были арестованы¹⁵³ епископ Иоанн (Поммер)¹⁵⁴ и игумения пензенского Троицкого монастыря Руфь¹⁵⁵. Как сообщала газета «Красное знамя» (орган Пензенского губернского комитета РКП(б) и Пензенского губисполкома), «Иоанн обвиняется в контрреволюционной деятельности. Его правая рука и председатель совета братств бывший присяжный поверенный Бессонов оказался одним из руководителей пензенской монархической организации, имевшей связь с московским “Национальным центром”... Иоанн не брезговал и мелким вымогательством у прихожан, у которых он служил молебны»¹⁵⁶.

4 декабря 1919 г. Совет «Братства православных христиан» Пензенской епархии¹⁵⁷, легально (на основании устава, утвержденного 1 августа 1918 г.) действовавшей структуры, подчинявшейся Священному Синоду, направил в СНК РСФСР заявление, из которого явствовало, что арестованный епископ Иоанн 30 ноября из Пензы увезен и ему «никаких обвинений не предъявлено». «Настоящим мы ходатайствуем о скорейшем рассмотрении дела епископа Иоанна об освобождении его и возвращении к месту его служения в г[ород] Пензу, где владыка пользуется любовью и уважением большинства рабочего класса и жителей... Братство находит необходимым довести до сведения Совнаркома, что в Пензу вернулся бывший архиепископ Владимир, ныне лишенный сана Высшей церковной властью и отлученный от Церкви... Всеволод

Путята, который противно канонических правил и воли народной насильственно домогается взять церковную власть в Пензе в свои руки. Прежние попытки его в этом направлении остались ничтожными, а потому в настоящее время он явился в Пензу с представителем ВЧК граж[данином] Свиклиным и с помощью его хочет достигнуть своей цели. Большинство христиан г[орода] Пензы не сомневаются, что владыка Иоанн арестован по какому-либо доносу Путяты, который вообще не стесняется в средствах для достижения своих тщеславных домогательств... Утверждаем, что никогда владыка Иоанн ни с церковного амвона, ни в частной беседе с частными и многими посетителями, не касался политики, служа лишь Церкви и поддерживая духовно свою паству»¹⁵⁸.

Как только Путята появился в Пензе, по городу от имени «Владимира, архиеп[ископа] Пензенского и Саранского» началось распространение текста «Воззвания к духовенству и православному народу Пензенской поместной Церкви». Оно было обращено ко всем «кто сознательно руководясь внутренним голосом своей совести верует и живет по Евангелию, в союзе действительной и самоотверженной любви христианской со своими ближними, насаждая на земле то Царство Божие, которое провозглашается и современным государственным нравом (так в тексте.— *М. К.*) в основном положении коммунистического социализма свобода, равенство и братство... Обновление церковной жизни по образцу первых не напрасно называемы (так в тексте.— *М. К.*) золотым веком христианства, когда “у многих верующих было одно сердце и одна душа” и когда исполнялось (так в тексте.— *М. К.*) в точности заповедь Евангелия “кто хочет среди вас быть больший, то будет всем слугой”, не могло не возбудить самого решительного противодействия со стороны тех, кто привык, чтобы, наоборот, меньшая братия, то есть народ, служили им и интересам замкнутого духовного сословия, возглавляемого дорожающими своим чуждым православию положением “князей Церкви” приверженцами старого строя, забывшими или намеренно отрицающими православное учение, по которому иерархия только в духовенстве, а самое “тело Церкви” — православный народ в союзе любви со своими избранными (а не бюрократически назначенными) пастырями и архипастырями, есть истинная Церковь, созданная Христом для спасения людей от зла путем водворения на земле превосходящих всякий разум мира и любви Христовой... Совершилось искусственное во вред Церкви и народу разделение паствы на два враждующих стана, из которых меньший по количеству, но отличающийся непримиримостью и неоднократно отклонявший призыв к объединению со стороны большинства — рабоче-крестьянской массы — дошел до проклятия своих братьев по вере церковного (так в тексте.— *М. К.*) амвона. Но народ остался твердым и непоколебимым до конца. Для того чтобы никто не мог упрекнуть его в неправоте и нетерпимости, он решил использовать все средства восстановления нарушенного по необходимости и против его воли единства, но все его усилия разбились, и теперь, как два года назад, об упорство тех, кто сведение личных и сословных счетов ставит выше служения народу, тем “труждающимся и обременным”, которых преимущественно перед прочими при-

зывает к себе Христос. Народ, снова обманутый в самых святых своих упованиях, вторично испытывал издевательства нескольких слепых вождей, дерзающих вопреки «посланию восточных патриархов» 6-го мая 1848 г. говорить «Церковь — это мы», издевательства не только над собою, но и над своею верою, вторично и окончательно решается идти своим путем или, точнее, путем, указанным ему Евангелием и не искаженным бюрократическими наслоениями церковным преданием насаждать «Царство Божие на земле» и в этом своем стремлении нашел то, что тщетно ожидал от своих духовных вождей — полную сильную и действенную поддержку своей народной власти, которая дала и даст народу — хозяину в руки нарождающейся народной Церкви все средства к достижению намеченных целей и задач по «соединению всех» в одну неразрывную, православную семью, живущую по образцу первобытной апостольской христианской общины (коммуны) и способствующую проведению в жизнь начал нового государственного строя. Под это знамя «свободной народной церкви в свободном народном государстве» братской о Христе любовью призываются все те пастыри и пасомые, которые стремятся к истинно-христианской жизни в духе чистого Евангельского учения, и к сочетанию священной древности с просвещенной современностью в духе «свободы, равенства и братства»¹⁵⁹.

18 ноября (1 декабря) 1919 г. «днем б[ывший] архиепископ Владимир явился в заседание Совета в женском монастыре в сопровождении 6 человек, из которых один назвал себя членом Московской Чрезвычайной Комиссии. После предварительных расспросов о числе монахинь, о смертности в монастыре, о помещениях монастыря и пр[оч]. Путята заявил совету, что игуменья к ним не вернется, и предложил избрать новую игуменью. Монахини ответили, что игуменья они довольны, что по протоколу обыска можно судить о ее невиновности, и что они не приступят к исполнению распоряжения Владимира, пока от Святейшего Патриарха и правящего епископа Григория не получат уведомления о том, что он восстановлен в своих правах по управлению Пензенской епархией. Того же 18 ноября (1 декабря.— М. К.) вечером Свиклиным¹⁶⁰ приглашены были протоиереи Лентовский, Феликсов и Кипорисов (так в тексте.— М. К.), коим было объяснено, что они будут преданы суду Военно-революционного трибунала за подписание в начале революции донесения Высшей церковной власти о б[ывшем] архиепископе Владимире и священнике Аристидове с допущением выражений неудобных в отношении представителей советской власти. Следовательно объяснил посетителям, что Владимир осужден несправедливо, судьи его сами привлекаются к суду, что он будет поставлен во главе управления Русской Церковью, которую нужно обновить, и т. д... 21 числа (4 декабря.— М. К.) представители приходских советов в Соборе и 22 числа градское духовенство, явившееся туда же почти в полном составе, открыто, твердо и единодушно заявили, что с б[ывшим] архиепископом Владимиром у них нет общения и говорить с ним они не будут»¹⁶¹.

В последних числах ноября (не позднее 16/29 ноября 1919 г.) от имени Путяты по городу началось распространение текста так называемого Братского призыва: «Вступив по воле “тела Церкви” — православного народа —

в управление Пензенскую Церковью братски призываю всех священно- и церковслужителей стать вместе с мирянами под знамя “Свободной народной церкви в свободном народном государстве”, в знак чего члены всех городских церквей, свободные от непосредственного исполнения пастырских и богослужебных обязанностей, приглашаются во главе с Преосвященным викарием епископом Григорием принять участие в торжественном служении всенощного бдения (четверг 5/18 декабря) и Божественной литургии в пятницу 6/19 декабря в Никольской церкви по случаю храмового праздника... Колеблющимся и упорствующим да послужат вразумлением слова Христа: “Кто не со мною, тот против Меня”. Призвание к любви о Христе и к “соединению всех”... должно по необходимости стать и последним»¹⁶².

В те же ноябрьские дни в виде листовок и на страницах местной печати было опубликовано объявление: «В воскресенье 7 декабря, в 2 часа дня, в Народном доме состоится по случаю вступления архиепископа Владимира как избранного народом, согласно церковным правилам законного архипастыря, в управление Пензенской епархии, общее собрание духовенства и мирян для обсуждения вопроса о дальнейшей организации на более широких началах “Свободной народной церкви в свободном народном государстве”. Народный епархиальный совет»¹⁶³.

Как свидетельствовали позднее очевидцы описываемых пензенских событий, «Владимировцев... в городе с каждым днем становилось все меньше и меньше, так как в основной массе поклонников Владимира уже начало происходить брожение и даже разочарование», поэтому сторонники епископа Иоанна решили идти на собрание, «чтобы добиваться правды»¹⁶⁴. Священники пензенских храмов призывали всех прихожан идти на собрание, «чтобы сказать там то же, что сказала духовенство и приходские Советы»¹⁶⁵. Солировавший на собрании 24 ноября (7 декабря) 1919 г. иеродиакон Иоанникий (Смирнов) заявил, что «православная Церковь потому и называется соборной, что в ней вся власть должна быть выборной. Центральная церковная власть не может навязывать народу неугодных ему архиереев... Присланный из Москвы епископ Иоанн никем не избирался и поэтому должен считаться незаконным, тогда как Владимир уже неоднократно был избираем и потому должен считаться законным архиереем. Но, продолжал он, так как в Церкви все должно решаться миром, и так как епископ Иоанн упорен и не хочет отдать незаконно принадлежащую ему власть, то надо попытаться еще раз решить все дело мирно и спросить народ, кого же, наконец, он хочет иметь своим архиереем». Предложено было голосовать поднятием рук: кто за Владимира? Первые ряды подняли руки. «Итак, принято единогласно! Как мы видим, явное и подавляющее большинство за Владимира»¹⁶⁶, дальнейшее голосование просто бесполезно», — заявил о. Иоанникий, после чего в зале началась драка. Но рабочие сцены опустили занавес, одновременно в зале погас свет¹⁶⁷.

В тексте резолюций, «принятых» 7 декабря присутствовавшими в Народном доме, среди прочего говорилось: «Многотысячное общее собрание духовенства и мирян, преимущественно рабочих, г[орода] Пензы, заслушав программу¹⁶⁸ деятельности новой свободной Церкви и всецело соглашаясь

со всеми выдвинутыми в ней положениями и глубоко скорбя о закоснелости “князей Церкви”, не желающих идти навстречу требованиям переживаемого нами момента и не считающихся с волей и желанием народа, постановило: образовать Свободную народную Церковь в свободном народном государстве, которая ставит своей основной задачей восстановление во всей первобытной чистоте искаженное современным фарисейством христианское евангельское учение, поставив во главе ее нашего печальника, архиепископа Пензенского Владимира, всю жизнь гонимого за великую любовь к простому народу и за всегда отзывчивое отношение к его нуждам. Средствами для достижения этой цели должны служить: 1) Уничтожение чуждых внешних наслоений, созданных бюрократией ведомства православного исповедания и не совместимых с тем идеалом церкви — невесты Христовой, в которой у всех верующих должно быть “одно сердце и одна душа”. 2) Замена казенного чиновничьего отношения к народным массам живым общением и разумным удовлетворением действительных потребностей верующего населения в духе евангельского учения. 3) Духовное просвещение народа, особенно посредством проповеди и беседований, в которых наряду с благовестием Христовым должны раскрываться возможность и необходимость приспособить церковную жизнь к новым условиям государственной и общественной жизни. 4) Разъяснение широким слоям населения сущности общегосударственных узаконений по отношению к Церкви, вполне согласных с древнейшими соборными церковными правилами и противоречащих только позднейшим по происхождению кастовым традициям духовного сословия, с которыми народная Церковь совершенно не должна считаться, как с прямыми искажениями христианской древности».

Была среди резолюций 7 декабря и одна, специально посвященная личности Всеволода Путятя: «Ознакомившись с характеристикой дела архиепископа Владимира, принимая во внимание слишком пристрастное и несправедливое отношение высшей церковной власти к нашему любимому архипастырю, общее собрание духовенства и мирян города Пензы, выражая свою глубокую признательность рабоче-крестьянскому правительству, которое пошло на встречу требованиям пролетарской верующей массы и, строго и беспристрастно рассмотрев дело архиепископа Владимира, признало его по суду совершенно оправданным, постановляет: 1) Так [как] все обвинения, возбужденные против нашего любимого вождя — духовного архипастыря Владимира, как и следовало ожидать, построены лишь на голословных, опровергнутых неоспоримыми данными следствия, заявлениях, на констатированных расследованием ВЧК¹⁶⁹ ложных данных, клевете, лжесвидетельстве и даже подлоге, выразившемся в анонимных показаниях, считать владыку совершенно невиновным и оправданным¹⁷⁰; 2) Довести до сведения высшей власти бюрократической церкви, что ввиду явно несправедливого отношения ее к архиепископу Владимиру и упорного отстаивания старых традиций самодержавного строя, идущих в разрез с современными требованиями жизни и не желающих считаться с волею народной, Собрание духовенства и мирян города Пензы постановило: порвать с настоящего момента все сношения

с прогнившей бывшей господствующей Церковью и создать на ее месте новую, свободную Церковь в свободном рабоче-крестьянском государстве»¹⁷¹.

Возмущенные порядком проведения описанного выше собрания присутствовавшие на нем противники Путята («православные верующие христиане») написали в отдел управления Пензенского губисполкома жалобу «на неправильные действия устроителей собрания 7-го сего декабря»: «1) президиум не избирался никаким из способов баллотировки несмотря на требование этого части собрания, а самовластно назвал себя председателем его некий гр[ажданин] Смирнов. 2) Так как собрание состояло из двух различных религиозных групп а) православных верующих и б) последователей Путята, то неоспоримо было требование, чтобы в президиуме были представители обеих групп. Это не было сделано. 3) Секретаря собрания не было. 4) Протокол не писался и никем до закрытия собрания подписан не был, так что действительность постановления собрания ничем доказана быть не может. 5) При баллотировке резолюций, предложенных гр[ажданином] Смирновым, резолюции эти не были подвергнуты, как надлежало, двойной баллотировке, а баллотировались лишь “за”, а “против” нет, отчего опять-таки воля собрания не была известна и права его нарушены. 6) На заявление об этом некоторых из членов собрания гр[ажданин] Смирнов грозил арестом. 7) Ни один из вышепоименованных протестов, заявленных гр[ажданину] Смирнову во время хода собрания, не были запротоколированы, т[ак] к[ак] положенный протокол не велся. Вышесказанного более чем достаточно, чтобы на основании самых элементарных правил о собраниях вообще просьба наша об отмене вынесенного якобы по воле большинства постановления названного собрания было признано ничтожным, о чем и ходатайствуем»¹⁷².

7 декабря 1919 г. к Управделами СНК РСФСР обратился пензенский житель, старый революционер-народник А. Л. Теплов¹⁷³. «Дорогой Владимир Дмитриевич,— писал он¹⁷⁴.— Очень возможно, что Вам известно, что здесь, в г[ороде] Пензе, православные разделились на две части: одна — громаднейшее большинство — признает епископа Иоанна, присланного высшею духовною властью, а другая — ничтожнейшее меньшинство — признает Владимира, бывшего епископа, теперь лишенного духовного звания, перешедшего в первобытное состояние под фамилией [г]ражданина Путята. Последний насильственно, с помощью своих последователей, захватил кафедральный собор и две церкви. Остальные 13 церквей со своими прихожанами, как и вся Пензенская епархия, остается верными епископу Иоанну¹⁷⁵. Последний недели 1½ тому назад был почему то арестован и отправлен в Москву, где и до сих пор обретаётся. Владимир же явился из Москвы и старается занять место Иоанна... Этому Владимиру помогает советская власть, ибо он явился в сопровождении уполномоченного Всеросс[ийской] ЧК гражданина Свеклина (так в тексте.— М. К.), который собирает духовенство и мирян и участвует в их собраниях. Я с ним не виделся, хотя был у него, не застал дома. Я ему хотел поставить на вид, что советская власть не должна вмешиваться в религиозные дела свободных граждан. Я — старый революционер, честно борющийся 45 лет за свободу свое[й] дорогой родины и в том числе за свободу

веры, и поэтому мне и обидно, и противно и слышать, и видеть, что советская власть вмешивается в религиозные дела граждан. В самом деле, разве русское духовенство и приходские Советы представляют из себя какие-нибудь политические организации, разве то и другое имеют хоть малейшее подобие организации французских католических монастырей, игравших в былое время большую роль в политической жизни страны? Вот почему вмешательство власти в религиозную жизнь граждан не только обидно, но и вредно, ибо это создает только одно недовольство, а ведь при существующей разрухе этого недовольства и без того много. Вот почему я, как работающий теперь только по устройству русской жизни и по проведению в нее тех принципов, за которые мы всю свою жизнь боролись и страдали, а многие товарищи даже заплатили своей драгоценной жизнью, обращаюсь к Вам с товарищеской просьбой, чтобы Вы оказали свое влияние на то, чтобы власть ни в каком случае не вмешивалась в религиозные дела граждан. Пусть граждане верят по своему и приглашают к себе наставников, кого они пожелают. Это их дело. Да, здесь, в г[ороде] Пензе, граждане думают, что высшая советская власть признает полную свободу веры. Вот почему они и надеются, что им, гражданам религиозным, не воспрепятствуют иметь у себя епископом Иоанна, который пользуется громадным уважением не только в г[ороде] Пензе, но и по всей епархии. Владимир же имеет и прошлое с большим пятном, и до настоящего времени не заслужил уважения. Он считается очень неискренним, звание епископа ему нужно для устройства его личных дел, считается большим интриганом, не брезгующим никакими средствами, чтобы достичь своей цели. Вы лично меня просили, чтобы стараться из всех сил удалять людей недобросовестных, вредных и пр[оч]. Я считаю Владимира не только недостойным занять звание епископа Пензенской губ[ернии], ибо он как в прежнее время подделывался под прокурора Саблера, так и теперь подделывается под советскую власть»¹⁷⁶.

26 ноября (9 декабря) 1919 г. с разрешения гражданских властей в помещении Николаевской церкви состоялось общее собрание церковноприходских Советов православных общин Пензы. К собравшимся по собственной инициативе присоединился Свиклин. «По обсуждении поставленных на повестку дня вопросов единогласно принята собранием следующая резолюция: Ввиду явного стремления отлученного от Церкви бывш[его] архиепископа Владимира Путяты самочинно объявить себя епархиальным епископом и стать в качестве духовного руководителя в обновленной, свободной Пензенской Церкви... общее собрание приходских Советов 13-ти... церковных общин единогласно постановило: 1. На основании канонических правил и по долгу совести не признавать Путяту Пензенским епархиальным архиереем. 2. Считать не соответствующим действительности приписываемые ему титул “народом избранного епископа”, так как он признается всего лишь тремя городскими общинами из всех 16-ти. 3. Считать недопустимой передачу ему епархиального управления. 4. Не допускать его в зарегистрированные за нашими общинами храмы. 5. Считать всякую попытку его при помощи своих приверженцев захватить насильно наши храмы религиозной травлей.

6. Протестовать против инквизиторского, незаконного и недостойного честного человека метода Путяты, который, стараясь поставить себя епископом не признающих его общин, прибегает к устрашению христиан поставлением непризнания его прав епископа, равносильным непризнанию народной власти. 7. Запросить Пензенский исполком, насколько справедливы заявления Путяты в его воззвании, что народная власть дала Путятинскому делу по устройству Церкви “полную, сильную и действенную поддержку”, что она “дала и дает нарождающейся народной Церкви (под его главенством) все средства к достижению задач по соединению всех в православную семью”. Значит ли это, что не признающие Путятю епископом христианские общины, по их религиозным и моральным соображения, останутся пасынками советской власти? 8. Просить Пензенский исполком, охраняя декрет... о свободе совести оградить наши общины от возможного со стороны Путяты насилия в этой священной области, хотя бы предупреждением ему, что он может простирает власть на те лишь общины, которые признают его права епископа»¹⁷⁷.

Как явствует из текста «рапорта» викария Пензенской епархии епископа Краснослободского Григория (Соколова) Патриарху Тихону «о Путятинском движении в городе Пензе» в ноябре 1919 г. от 1 (14) декабря 1919 г., «27 числа (10 декабря.— М. К.) депутация была в отделе управления Губисполкома, где получила объяснения удовлетворительные и успокоительные. 28 числа (11 декабря.— М. К.) в Богоявленском храме было собрание “владимировцев” под председательством иеродиакона Иоанникия, который вел митинг и в Народном доме. Собрание было малолюдное — до 200 человек. Слышно, будто меры внешнего воздействия отвергнуты, а предложено действовать призывами, воззваниями и пр[оч]. Более точных сведений о собрании пока не имеется. 30 числа (13 декабря.— М. К.) явился в заседание Епархиального совета владимировский священник Утехин с предложением передать ему дела Епархиального совета. Ему кратко было сказано, что это невозможно, и он очень скоро ушел... Оглядываясь на пережитое за 2–3 недели, можно сказать, что туча с молниями и громами, многих смутившая и напугавшая, рассеивается, дружными усилиями православных Путятинское течение в Пензе вводится в свое маленькое русло. Только бы не было применения внешней силы. Доселе пока, слава Богу, нет репрессий; нет и захватов. И духовные, и миряне продолжают бодро стоять на страже Дома Божия»¹⁷⁸.

Несмотря на успокоительные слова, сказанные верующим функционерами Пензенского губисполкома, в середине декабря 1919 г. в городе начались репрессии. 14 декабря 1919 г. отношением, адресованном в Отдел управления, Путята от своего имени и от имени своего Епархиального совета ходатайствовал о том, чтобы «без его ведома и разрешения не допускать никаких собраний черносотенного духовенства в подведомственных ему церквях и церковных помещениях как в городе Пензе, так и в губернии»¹⁷⁹. 16 декабря 1919 г. пензенские чекисты арестовали 14 человек: священников городских церквей — Боголюбской (Николая Пульхритудова), Введенской (протоиерея Андрея Кипарисова); Рождественской (протоиерея Владимира Лентовского), Петропавловской (протоиерея Матвея Архангельского и священника Гри-

гория Феликсова), Покровской (протоиерея Михаила Венценосцева, священника Николая Касаткина и протодиакона Василия Смирнова), Богоявленской (священника Константина Уранова), а также членов «Пензенского братства православных христиан»: председателя В. А. Нелюбина, бывшего частного поверенного, а с 1917 г. заведующего канцелярией Пензенского отдела продпути; секретаря совета братства С. Н. Арапову; К. С. Де-Бове, заведующего Центральным потребительским обществом; Ф. П. Гольшева, агента Московской закупочной сельхозкооперации и В. В. Яковлева, заведующего культурной секцией губсовхоза). Все арестованные оставались под следствием до 26 мая 1920 г., после чего постановлением Пензенской ГубЧК они были осуждены «как участники контрреволюционной организации Пензенское братство православных христиан»¹⁸⁰. Большинство приговорили к заключению в лагеря. Нелюбину, Араповой, Де-Бове, священнику Пульхритудову и протоиерею Венценосцеву дали по 2 года с учетом срока предварительного заключения, священнику Касаткину и протоиерею Кипарисову — по 1 году. Гольшева и Яковлева, а также священнослужителей Феликсова, Уранова и Смирнова осудили на полгода. Протоиерея Архангельского по болезни из-под стражи освободили с условием отмечаться 2 раза в неделю в определенном ему месте. Протоиерея Лентовского сначала хотели выслать из губернии, но затем в связи с болезнью оставили под надзором в Пензе¹⁸¹.

В конце зимы 1919/20 г. (не позднее февраля 1920 г.) был обнародован первоначальный вариант «Программы деятельности» Путятинской церкви, скорее напоминавший политическую декларацию (текстуально во многом повторявший формулировки резолюций общего собрания сторонников Путятты от 7 декабря 1919 г.): «Свободная Народная Церковь в свободном народном государстве» ставит своею задачею восстановить во всей первобытной чистоте искаженное современным фарисейством Евангельское учение и идти рука об руку с народною рабоче-крестьянскую властью, защитницею тех «труждающихся и обременных», которых призывает к себе Христос, так как именно она представляет собою ту «власть предрержающую», которой обязана повиноваться по апостольскому учению «всякая душа» и при том не из страха, «не за гнев, а за совесть». Памятуя в то же время, что «вера без дел мертва», Народная Церковь считает неотложным священным долгом одновременно вернуть тело Церкви — православный народ — к такой же чистоте той также первобытной евангельской христианской жизни, которая отражалась во всей полноте и образцовом общинном строе древней Церкви (община-коммуна)... Таким образом, не какие-либо новшества намерена вводить Народная Церковь: она отнюдь не «новая», как неправильно выражаются некоторые, а «обновленная»: она стремится возвратить верующий народ на тот забытый путь, который указан Евангелием, к жизни апостольской Церкви, уничтожив прежде всего чуждые ей, христианству и православию внешние наслоения, созданные на протяжении веков бюрократизациею Церкви, а в России даже превращением ее в бездушно-формальное «ведомство православного исповедания», преобразованное в последнее время (путем изменения только вывески, а не содержания) в своеобразное «государство в государстве»

на отживших сословных началах. Казенное чиновничье отношение к народным массам должно быть заменено живым общением и разумным удовлетворением действительных потребностей верующего населения, особенное внимание будет обращено на духовное просвещение народа, преимущественно посредством проповеди и собеседования, в которых будет раскрываться возможность и необходимость приспособить церковную жизнь к новым условиям жизни — государственной и общественной. Предстоит далее планомерная работа, облегчающая гражданской власти проведение в жизнь важнейших современных общегосударственных узаконений, наиболее тесно связанных с Церковью, каковы: отделение Церкви от государства, гражданский брак и развод, имущественный вопрос — работа сложная и ответственная, сопряженная с разъяснением широким слоям населения сущности означенных институтов, вполне согласных с соборными церковными правилами и противоречащих только позднейшим по происхождению кастовым традициям духовного сословия, с которыми Народная Церковь и нормальная церковная власть считаться совершенно не должны как с прямым искажением христианской древности... Извращено также бывшею господствующею Церковью православное учение о мощах, по которому нетление тела не есть обязательный признак святости, т. е. признания жизни и деятельности данного церковного деятеля достойной подражания для христиан. Доказательством правильности такого взгляда служит то, что нетленных останков не сохранилось от наиболее чтимых Церковью и народом святых, каковы Иоанн Креститель (по словам Христа, больше изрожденных женами) апостолы (“просветители Вселенной”) и Николай Чудотворец, почитаемый даже не христианами. Поэтому разоблачения, сделанные в этой области народной властью, Народная церковь считает затрагивающими отнюдь не православное учение, а лишь карманы “князей Церкви” и вообще духовенства, использовавших в своих материальных интересах слабость русского (особенно простого) народа “смотреть больше руками, чем глазами”. Таким образом, во взгляде на столь явно корыстный обман Народная Церковь оказывается, так же как и в других “смежных” вопросах вполне солидарною с рабоче-крестьянскою властью и готова принять все меры к дальнейшему возможно более безболезненному его разоблачению путем раскрытия соответствующего неискаженного учения древней христианской Церкви. Коль скоро установится окончательно взаимное понимание и согласие между “народными властями” — государственной и церковной,— разрешится сам собою пререкаемый вопрос первостепенной важности. Христианство принципиально отрицает всякое кровопролитие и стремится к насаждению вечного мира; но оно же отрицает классовые различия и классовую борьбу за существование, борется против угнетения слабых сильными, а так как последние, в том числе и духовенство, особенно правящая иерархия, сами не хотят уступить без боя занимаемые веками позиции, то т[ак] наз[ываемая] Гражданская война является, с точки зрения истинно православной, одновременно и неизбежным злом, и единственным средством достижения общей Народной Церкви и государству цели — водворить прочный (“вечный”) мир и водрузить на умиротворенной земле

победное знамя труда. Достоинно примечания, как доказательство родственной связи между правильно осуществляемыми социализмом и христианством, то, что апостольское правило “Кто не трудится, да не ест” стало “великим лозунгом революции”¹⁸².

Необходимо отметить, что проблема поиска приемлемого для власти компромисса между Церковью и пролетарским государством неоднократно становилась в первые послереволюционные годы предметом активного обсуждения на самом высоком уровне. Идея создания лояльной «советской» Церкви волновала умы высокопоставленных большевиков, периодически вызывая многоуровневые дискуссии на различных властных этажах. Первый этап полемики, первоначально имевшей публичный характер, пришелся на декабрь 1919 г. Ее инициатором выступил заведующий Секретным / Секретно-оперативным отделом ВЧК¹⁸³ М. И. Лацис¹⁸⁴, опубликовавший на страницах «Известий ВЦИК» («в дискуссионном порядке») 2 декабря (т. е. за несколько дней до активной фазы событий в Пензе) статью «Церковь и государство». Точка зрения Лациса сводилась к следующему: «Церковь всегда была в руках государства орудием для подчинения трудящихся масс... Советская власть провела отделение церкви от государства, а религию объявила частным делом. Это, однако, не значит, что для Советского государства безразлично, что творится в церкви, и каким путем она идет. И государство, и церковь состоят из одних и тех же граждан (исключая неверующих). Допустить расхождение церкви с государством — это значит допустить государство в государстве, что, конечно, не может быть терпимо никакой властью, а меньше всего Советской. Наша теперешняя церковь, построенная на канонических правилах древних вселенских соборов и приспособленная и подогнанная под прежний монархический строй, по своему существу не может не противодействовать Советской власти... Двухлетняя борьба Советской власти за свое существование наглядно показала, что для нее не все равно, что думает и что делает церковь. Последней не раз приходилось указывать должные границы. Этот недавний опыт нас учит быть предусмотрительными и поддерживать в духовенстве то течение, которое следует за духом времени и идет на поддержку Советской власти. Это течение наметилось довольно ясно, и было бы непозволительно не обратить внимания на эти новые веяния в православной церкви. Черное духовенство без боя своих позиций не сдаст. Наше забитое духовенство, столетиями приученное к безмолвному подчинению “князьям” церкви, дорожащее куском хлеба и своим саном, еще крепко держат в своих руках церковные верхи. “Черные” сильны этим наследием прошлого. Естественно, что прогрессивное духовенство имеет право рассчитывать на поддержку Советского государства. И эту поддержку оно найдет, если пойдет по пути, намеченному Советской властью. За Советскую власть стоят миллионы трудящихся. Громадное большинство из них верующие. Они могут признавать только обновленную церковь, стоящую за Советскую власть. Это сила, которая сломит князей старой церкви и даст дорогу более прогрессивным элементам, следующим за духом времени»¹⁸⁵.

Заведующий VIII отделом Народного комиссариата юстиции П. А. Красиков¹⁸⁶, в своем ответе, опубликованном в тех же «Известиях ВЦИК» 14 декабря 1919 г. и озаглавленном «Кому этого выгодно», категорически возражал Лацису и в его лице всему руководству СО (СОО) ВЧК: «Если бы покойники могли двигаться, то Карл Маркс наверное перевернулся бы в своем гробу от такой “истины”. Да, ведь потому-то Советская власть и отделила церковь от своего государства, что пути их расходятся, ибо коммунизм расходитя не только с православной, а со всякой религией¹⁸⁷. А тов[арищ] Лацис снова хочет соединить несоединимое! При этом, если верить автору, конкордат этот нужен единственно для того, чтобы православная церковь не была обречена на небытие, а получила, благодаря объединению с Советской властью, счастливую возможность вновь быть приемлемой для миллионов трудящихся, стоящих на советской платформе и потому не могущих признавать враждебную ей церковь. Но ведь, скажет в недоумении простодушный читатель, если русские крестьянин и рабочий порвали с церковью, то забота рабоче-крестьянского правительства, казалось бы, должна состоять не в обновлении этого орудия всякого рабства, каким считает ее и т[оварищ] Л[ацис], а в скорейшем и наиболее полном приобщении трудящихся к новому, научному миропониманию. Ведь, надо думать, что эти именно кадры порвавших с религией пролетариев и крестьян дают наиболее прочную активную силу советскому строительству. При чем же тут забота коммуниста о реформации?.. Мы, коммунисты, своей программой и всей своей политикой, выражающейся в советском законодательстве, намечаем единственный в конечном счете путь как религии, так и всем ее агентам: это путь в архив истории. Путь же реформаторский, т. е. путь приспособления (т[оварищ] Лацис называет обновлением), конечно, открыт и для русской церкви, и она, конечно, объективно заинтересована, ввиду краха ее надежд на восстановление самодержавия и капитализма, вступить на этот путь с наивозможной для ее исторической комплекции быстротой... Положение сельского и вообще низшего духовенства, конечно, просто. Пока есть у крестьянина спрос на разные церковные обряды и требы и пока за эти требы, мощи и чудотворные иконы, в которые еще верит по традиции крестьянин, он готов платить хлебом и проч., священник может рассчитывать на безбедное существование. Поэтому русский священник никоим образом пока не заинтересован в пересмотре религиозных догматов, верований и своих магических способов сношения с богами. Но после краха Деникина и Колчака, после краха его надежды снова занять полицейско-административный пост священник готов признать Советскую или какую хотите власть, находя в данный момент совершенно неудобным и невыгодным спориться с трудящимися классами... Положение князей церкви, иерархов, много сложнее. Они делали высшую политику, кончившуюся крахом... Подчиненная армия служителей культа (особенно низшего) умоляет о капитуляции и о примирении с крестьянином. Поэтому всему духовенству настоятельно необходима общая капитуляция, но, конечно, при наименее тяжелых условиях и при наиболее приличной, сохраняющей хоть видимость почетности, обстановке, с сохранением оружия и багажа. И тов[арищ] Лацис жестоко ошиба-

ется, утверждая, что без боя высшая иерархия не сдастся. Бой уже проигран. Победенная сторона желает, жаждет сдачи, она желает заключить договоры и даже поступить со всею армией на службу победителю. Советская власть не нуждается в том, в чем нуждался Наполеон и его буржуазная диктатура, т. е. в санкции ее господства над трудящимися католической церковью. Более того, если бы в один несчастный день она почувствовала необходимость в благословении папы или патриарха, это бы означало конец Советской власти, опирающейся единственно на революционный пролетариат и крестьянство, на мировую социальную революцию. Напротив поповская “реформация” нуждается в благословении начальства. Неужели тов[арищ] Лацис, ставя в первую строчку своей статьи: “Церковь всегда была в руках государства орудием для подчинения трудящихся масс”, имеет в виду и советские государства? Надеюсь, нет. А если так, то все, что можно гарантировать в Советском государстве и не только православной, а любой церкви, это свободу религиозного культа, определяемую нашей Конституцией и нашими декретами, поскольку этот культ не изжит еще отсталыми элементами трудящихся. Ссориться с ними из-за их предрассудков было бы нецелесообразно, но стараться заменить их другими буржуазными, хотя бы и более тонкими и усовершенствованными, и поддерживать или создавать новую организацию религиозного затемнения сознания трудящихся было бы не только нелепо со стороны пролетарской власти, но было бы актом, противоречащим самым основным задачам пролетарской диктатуры»¹⁸⁸.

Позиция, сформулированная П. А. Красиковым на страницах газет, позднее была подтверждена и двумя публикациями официального органа VIII отдела Наркомюста журнала «Революция и Церковь». Авторы публикации делали акцент на том, что любые попытки «совместить явно несовместимое, коммунистическую мораль со старым, рабским, отжившим свой век христианским мировоззрением», обречены на неудачу, «ибо пролетариату никакие культы... абсолютно не нужны, а кулаки, купцы и спекулянты пошли за самым черносотенным, старорежимным епископом Иоанном... Само по себе образование новой пензенской церкви, как бы мертворожденно оно ни было, произвело в церковных кругах все же некоторый переполох. Какие формы примет еще неопределенно наметившийся в русской церкви раскол, сказать пока трудно, но ясно одно: никаких живых сил, способных создать значительное движение, в русской церкви нет»¹⁸⁹.

О мертворожденности и отсутствии (в конечном итоге) позитивной перспективы нового пензенского церковного движения шла речь и на страницах центральной прессы: «Ближайшее к патриарху Тихону лицо было опрошено сотрудником Роста: Как относится патриарх к образовавшейся в Пензе организации “новых христиан”?.. Представитель высшей церковной иерархии, воздерживаясь от суждения по существу нового раскола, очень подробно и с большим удовольствием останавливается на личности архиепископа Владимира и на связанном с ним процессе о растлении и еще каких-то пакостях. Обычный прием охранителей старого: смешать явление с личностью. Стараться не видеть народного движения, сосредоточив все внимание на каком-нибудь

авантюристе, случайно пристегнувшись к этому движению. То, что произошло в Пензе — многотысячное собрание верующих христиан, объявившее войну православной церкви — это не какая-нибудь случайность, не результат присутствия в Пензе еп[ископа] Владимира, а проявление глубокого брожения в сознании народной массы... Пролетариат, обретший новую религию в коммунизме, сразу забыл о вопросах церкви. Но кроме пролетариата, решительного в своих умозаключениях, есть многомиллионная темная и инертная масса. Тысячелетний обман вросся корнями в сознание массы. Сокрушение церковного гипноза — одна из труднейших задач революции. Пензенское собрание “новых христиан” свидетельствует, что революция одержала и здесь победу, пробила и здесь брешь. Темная верующая масса начинает прозревать. Она поняла всю ложь казенной церкви, она отрекается от православия, искажившего Евангельское учение. Она объявляет войну церковной иерархии, всей православной церкви. Она в смутном брожении пробуждающегося сознания хочет что-то построить... Какое-то «новое христианство»... Что выйдет из этого, мы знаем заранее. Отрекшись от старой веры, народная масса найдет, новую веру в коммунизме, а всякое “новое христианство” послужит только переходной ступенью»¹⁹⁰.

«Мы в очень большой степени сомневаемся в искренности и “первобытной чистоте” архиепископа Владимира и совершенно не верим в какое бы то ни было значение народной церкви, “своею главою” избирающей представителя высшей правящей иерархии», — писал уже упоминавшийся журнал «Революция и Церковь», подчеркивая при этом, что «образование данной церкви знаменует собою начало поворота, наметившегося в среде духовенства на почве недовольства его низших слоев патриаршей политикой, а также на почве отношения патриарших кругов к советской власти вообще и к церковному декрету в частности. За пензенской отдельной попыткой несомненно последует целый ряд других. Официальное православие, очевидно, разлагается само по себе»¹⁹¹.

Подтверждением тезиса о том, что пензенские события могут иметь продолжение в других епархиях, разрушительные для Православной Российской Церкви, должно было служить интервью, опубликованное на страницах «Известий ВЦИК»: «Пенза. 20 декабря. Архиепископ Владимир, выступивший с идеей создания свободной Народной Церкви, в беседе с корреспондентом “Роста” (так в тексте. — М. К.) заявил, что он думает не ограничивать своей деятельности пределами Пензенской губернии. Он надеется, что на всем пространстве Советской республики возникнут подобные религиозные организации»¹⁹². Он рассчитывает на создание в Москве нового духовного центра. Особое агитационное значение архиеп[ископ] Владимир придает вопросу о браке и разводе, в области которого патриарх Тихон стал на точку зрения, противоположную декретам Советской власти. Архиепископ Владимир надеется на присоединение к его Церкви высшего духовенства в лице Иринарха Тобольского¹⁹³, Варнавы (Накропина. — М. К.) и Феофана Калужского (Феофан (Туляков). — М. К.), но главные надежды он возлагает на низшее духовенство»¹⁹⁴.

(Продолжение в № 3/4(31/32) за 2013 г.)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дворжанский А. И. История Пензенской епархии. Кн. 1: Исторический очерк. Пенза, 1999. С. 254.
- ² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей церковной власти: 1917–1943 гг. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 939.
- ³ Дворжанский А. И. Указ. соч. С. 255.
- ⁴ Там же. С. 251–252, 256.
- ⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 5–8 об. См. также: ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 7106, л. 99–102.
- ⁶ По словам Путяты, жалоба на его неблагоповедение «содержала в себе немотивированное... заявление, не указывавшееся ни на каких свидетелей и вообще не подкрепленное никакими доказательствами, к тому же вызванное, по признанию самого автора (С. Г. Памфиловича.— М. К.), «соображениями общественного характера» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 146–150 об.).
- ⁷ Там же, ф. 796, оп. 209, д. 2843, л. 193. Григорий (Соколов; 1843–1928 гг.), епископ Краснослободский, викарий Пензенский епархии, с 11 июля 1910 г. Временно управляющим Пензенской епархией был дважды: в июле–декабре 1917 г. и в марте 1918 г.— феврале 1920 г. (с перерывами).
- ⁸ Путята характеризовал архиепископа Симбирского и Сызранского Вениамина (Муратовского; 1856–1930 гг.) не иначе как своего личного недоброжелателя (История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями) / [Под ред. протоиерея Владимира Воробьева]. М., 2006. С. 364–365; Акты Святейшего Тихона... С. 716–721 (примечания составителя М. Е. Губонина)). «В процессе расследования достойна внимания одна подробность: Архиепископ Вениамин, несмотря на многократные ходатайства паствы, ставшей, как один человек, на защиту своего архипастыря против возведенной на него гнусной клеветы,— побеседовать с ним,— от такой беседы уклонился. Хотя делегатам от паствы и от Епархиального съезда неоднократно заявлял «для объявления во всеобщее сведение», что жалоба Толстой «клевета и шантаж авантюристкой» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 89–94 об.). См. также: Центральный архив Федеральной Службы безопасности России (далее – ЦА ФСБ России), д. Р–33149, л. 208–211 об. Типографский оттиск. Издание «Христианского союза православных церковно-приходских общин Пензенской епархии». [Без даты].
- ⁹ РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 2844, л. 40. Версия Путяты: «Совещание случайно собравшихся в столице епископов, так же не вызвав и не выслушав моих объяснений, которые были бы исчерпывающими, предредило без моего ведома и предупреждения дать делу ход, а меня отстранить от управления епархией; Св[ященный] Синод в заседании 1-го августа согласился с мнением совещания и назначил расследование, которое было поручено архиепископу Вениамину Симбирскому. Расследование было ведено односторонне и пристрастно... дознание по строго предельному частному делу было превращено в общую ревизию моей административно-служебной и пастырской деятельности не только на Пензенской кафедре, но и в прежних местах моего служения (спрашивается, на основании каких данных?), причем допрошены были почти исключительно подчиненные мне консисторские деятели и те представители духовенства, от которых можно было ожидать (и ожидания эти оправдались с лихвою!) только отрицательных отзывов об этой деятельности, не согласовавшейся ни с консисторскими традициями, ни с материальными интересами самих свидетелей. Весь собранный таким способом материал, тщательно скрытый от меня и выступивших во множестве на мою защиту мирян из самых различных слоев общества, из которых большинство так и остались, несмотря на их и мои просьбы, недопрошенными, был без предъявления мне каких бы то ни было

обвинений отвезен в Москву ночью, накануне того дня, когда архиепископом Вениамином назначен был, по настоянию народа и Епархиального съезда, допрос в качестве свидетелей представителей того и другого... Таким образом, вместо одного дела—расследования по существу поданных жалоб, появились два, из которых второе представляет собою беспорядочное нанизывание непроверенных сведений, искаженных или вымышленных фактов, намеренно запутанных ложных данных, наконец, даже самых обиденных обывательских сплетен, столь явно противоречащих действительности и здравому смыслу, что авторы их постыдились, несмотря на весьма растяжимую совесть, подписать свои собственные показания, так и оставшиеся анонимными» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 146–150 об.).

¹⁰ Отставленный от управления епархией, Владимир, естественно, не мог присутствовать на Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг. на правах правящего архиерея, т. е. неперменного члена. «Благодаря последнему мероприятию, архиепископ Владимир был лишен возможности принять участие в заседаниях открывшегося в то время Всероссийского Церковного Собора, и таким образом достигнута главная цель вдохновителей подпольной интриги против наиболее подготовленного к действительно преобразовательной деятельности иерарха» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 89–94 об.). См. также: ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 208–211 об. Типографский оттиск. Издание «Христианского союза православных церковно-приходских общин Пензенской епархии» [Без даты]).

¹¹ Цит. по: Послание Патриарха Тихона от 22 мая (4 июня) 1918 г. «Возлюбленным о Христе братьям и чадам православным христианам Пензенской епархии со епископы и пресвитеры» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 5–8 об.; См. также: ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 99–102). «Святейший Синод, по обсуждению отчета архиеп[ископа] Вениамина (Муратовского.— М. К.) о произведенном им расслед[овании] по обвин[ению] архиеп[ископа] Владимира в неблагоповедении, пост[ановил]: 1) запретить архиеп[ископа] Владимира в священнослужении с воспрещением ему ношения панагии и преподавания благословения (так в тексте.— М. К.), 2) назначить ему пребывание в Воскрес[енском], Новый Иерусалим именуемом, м[онасты]ре с воспрещением отлуч[аться] из м[онасты]ря без разрешения Святейшего Синода и 3) поручить Первоприсут[ствующему] в Св[ятейшем] Син[оде] м[итрополи]ту Платону (Рождественскому.— М. К.) дело об архиеп[ископе] Владимире внести на Соевещание епископов» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 214).

¹² В сентябре 1917 г. Почетный председатель Поместного Собора 1917–1918 гг. митр[ополит] Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский; 1848–1918 гг.) предложил епископату, согласно существующим церковным канонам, избрать по жребию из своей среды 12 епископов для образования особой Судной комиссии, которой надлежало разбирать дела об обвинениях на архиереев.

¹³ Цит. по: Послание Патриарха Тихона от 22 мая (4 июня) 1918 г. «Возлюбленным о Христе братьям и чадам православным христианам Пензенской епархии со епископы и пресвитеры» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 5–8 об.; см. также: ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 99–102).

¹⁴ Версия Путятты: «Судная комиссия 24 октября 1917 г. постановила назначить меня в распоряжение Св[ятейшего] Синода без увольнения на покой в предположении, что признание ею «невозможности возвращения на Пензенскую кафедру» поведет только к перемене места, а отнюдь не к прекращению архипастырского служения, к каковому справедливо не усматривалось никаких оснований» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 146–150 об.).

¹⁵ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 1–4 об.; ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710а, л. 7–9 об. «По рассмотрении дела Судной комиссией в составе 12 епископов оно было подвергнуто обсуждению в Соевещании епископов, которое постановило: предоставить Святейшему Синоду по снятии с архиеп[ископа] Владимира наложенного на него запрещ[ения] в священнослужении, ношения панагии и рукоблагословения, уволить его

- на покой с указанием определенного местожительства и назначением ежегодной пенсии из средств Синод[ального] ведомства» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 214–214 об.).
- ¹⁶ Версия Путятты: «25-го октября Совецание епископов “вполне соглашается с решением Комиссии”, но увольняет на покой и притом, вопреки предложению Вашего Святейшества и нескольких старейших иерархов, без прошения; а Св[ятейший] Синод прибавляет к этой чрезвычайной мере еще ссылку во Флорищеву пустынь, из которой, по народному выражению, “нет возврата”» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 146–150 об.).
- ¹⁷ *Иванов Н. П.* История путятинской смуты // Пензенские епархиальные ведомости. 1998. № 8. С. 81.
- ¹⁸ «Опред[еление] Свят[ейшего] Син[ода] от 7 ноября 1917 г., № 5795: 1) Архиеп[ископа] Влад[имира] уволить от архипастырского служения в Пензенской еп[архии] на покой, 2) снять с Пр[еосвященно]го Владимира наложенное на него Свят[ейшим] Син[одом] запрещение в священ[нослужении], ношении панагии и рукоблагосл[овении], 3) местопребывание Пр[еосвященно]му Владимиру назначить во Флорищевой пустыни без права отлучаться из сей пустыни без разрешения местного епарх[иального] архиерея и 4) назначить пособие из средств Флорищевой п[усты]ни в разм[ере] 1000 руб[лей] в год» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 214 об.— 215).
- ¹⁹ Версия Путятты: «В трех инстанциях состоялись различные, несогласные друг с другом решения... 1) непредъявление мне обвинений и даже недопущение к чтению самого дела, искусственно созданного вопреки... 145 правилу Карфагенского Собора (гласящее, “когда на состоящих в клире доносители представляют многие обвинения, и одно из них, о котором впервые происходило изследование, не могло быть доказано: после сего прочия обвинения да не приемлются”; между тем, в настоящем случае, были не только “приняты”, но и искусственно выдвинуты 5 новых, голословных и туманных обвинений, оставшихся недоказанными); 2) неправильность частного Совецания епископов, которое, впрочем, дела по существу и не рассматривало, что не помешало ему, однако, изменить решение Судной комиссии; 3) обращающая на себя внимание Священного Собора неканоничность т[ак] наз[ываемого] Львовского Синода, один из членов которого, пресвитер, сказал мне еще за 2 месяца до окончательного решения и за 1½ с лишком до его рассмотрения в первой инстанции, тогда, когда оно находилось еще в периоде дознания: “Устраивайтесь, пока представляется возможность, после будет труднее; а на епархию мы все равно вас никогда не допустим”. Это преждевременно, но негласно, очевидно, уже принятое тогда решение проходит красною нитью и чрез заключение архиепископа Вениамина (Муратовского.— М. К.), и чрез постановление комиссии Судной (в первоначальном его тексте значилось: “Уволить на покой без права занятия когда-либо архиерейской кафедры”); оно сквозит и в несогласии составивших большинство младших членов Епископского совещания, с мнением оставшихся в меньшинстве старших во главе с Вашим Святейшеством об увольнении на покой по прошению, и в настойчивом требовании трех присутствовавших в Синоде протоиереев назначить местопребыванием обязательно Флорищеву пустынь, и в проявленном некоторыми иерархами нежелании войти в сношения с прибывшими для исходатайствования ее замены делегатами Пензенской паствы» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 146–150 об.).
- ²⁰ Там же, л. 5–8 об.
- ²¹ Акты Святейшего Тихона... С. 716–721 (примечания составителя М. Е. Губонина).
- ²² Версия Путятты: «Раз возведенное на архиепископа Владимира обвинение отвергнуто, дело подлежало, на точном основании священных канонов, прекращению... В действительности получилось совершенно обратное... народ через своих представителей все время неустанно хлопотал перед высшими церковными установлениями путем петиций, телеграмм и делегаций о полной его реабилитации и возвращении

на Пензенскую кафедру. В ответ на все свои ходатайства народ получал неизменный отказ. Правда, одной из народных делегаций Святейший Патриарх Тихон заявил, что по Пензенской епархии будут произведены выборы епископа, и потому народ не лишен возможности избрать на кафедру архиепископа Владимира. Из дальнейшего мы увидим, что такое заявление не имело под собою никакой почвы, никакого основания, так как для Пензенской епархии было намеренно и искусственно создано (хочется верить, помимо Патриарха) такое положение, при котором она лишена права избирать на Пензенскую кафедру не только архиепископа Владимира, но и кого бы то ни было и вообще лишена... законного канонического права выбора епископа» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 89–94 об.; ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 208–211 об. Типографский оттиск. Издание «Христианского союза православных церковно-приходских общин Пензенской епархии» [Без даты]).

²³ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 1–4 об.; ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710а, л. 7–9 об.

²⁴ «Опред[еление] Святейшего] Син[ода] от 28 ноября 1917 г., № 6040: 1) прошение от имени пензенской паствы о пересм[отре] дела архиеп[ископа] Влад[имира] оставить без последствий и 2) в виду имеющихся сведений о пребывании его в Пензе предписать ему отправиться незамедлительно во Флорищеву п[усты]нь с воспрещением ему священнослужения впредь до прибытия в названную п[усты]нь» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 215–215 об.).

²⁵ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 5–8 об., 215 об.

²⁶ Там же, л. 89–94 об. См. также: ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 208–211 об.).

²⁷ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 215 об. Феодор (Лебедев; 1872 г.— 1918 (1919?) г.), 8 мая 1911 г. рукоположен во епископа Сумского, викария Харьковской епархии; с 3(16) октября 1917 г. епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии. С января 1918 г. по 9(22) апреля 1918 г. управлял Пензенской епархией.

²⁸ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 1–4 об.; ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710а, л. 7–9 об.

²⁹ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 4, л. 5–5 об.

³⁰ Там же, д. 125, л. 2–2 об.

³¹ Там же, л. 1.

³² Там же, л. 9–10, 13–14.

³³ *Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1998. № 8. С. 89.

³⁴ Там же. С. 89–91; *Дворжанский А. И.* Указ. соч. С. 269.

³⁵ Иеродиакон Иоанникий (Смирнов) прибыл в Пензу, по одним сведениям, в 1915 г. вместе с Путятой, в качестве его секретаря, после назначения архиепископа Владимира Пензенским епархиальным архиереем, по другим сведениям, его появление в Пензе произошло не ранее 1917 г. Будучи самым близким к архиепископу человеком, Иоанникий и в возникшем в 1918 г. «пензенском расколе» также играл одну из ведущих ролей. Именно он стал организатором массовых собраний верующих в помещении городского театра (Народного дома), многократно выступал с проповедями на злобу дня (*Дворжанский А. И.* Указ. соч. С. 290; *Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1998. № 8. С. 89; 1999. № 1. С. 84–85; 134–137; *Левитин А., Шауров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 238–242; «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 783; ГА РФ, ф. 393, оп. 43а, д. 1825, л. 371 об.–372). 13 августа (31 июля) 1918 г. Патриарх и Синод заслушали рапорт Пензенского архиерея о том, что «проживающий временно в г[ороде] Пензе студент Казанской Духовной академии иеродиакон Иоанникий (Смирнов) принимал и до сего времени принимает, несмотря на сделанное ему разъяснение... участие в противозаконном служении отлученного от православной Церкви бывшего архиепископа Владимира и выступает на собраниях приверженцев Владимира». По результатам обсуждения было принято постановление «поручить Пензенскому епархиальному начальству запретив... иеродиакона Иоанникия (Смирнова)... в священнослужении назначить формальное следствие и о противозаконном служении отлученного от православной Церкви бывшего архиепископа Владимира».

законных действиях, и поведении названного иеродиакона и в дальнейшем ходе дела сего поступить на основании церковных правил и духовных узаконений» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 165, л. 1). Вскоре Иоанникий был рукоположен Владимиром в сан священника и назначен настоятелем кафедрального собора Пензы. Параллельно Иоанникий некоторое время был сотрудником Пензенского статистического бюро (ГА РФ, ф. 393, оп. 43а, д. 1825, л. 371 об.–372).

³⁶ В тексте резолюции, одобренной 4(17) марта 1918 г. Общим собранием пензенской паствы, читаем: «1) Запросить епископа Феодора о том, какие меры приняты им для исполнения данного народу обещания присоединиться к ходатайству о немедленном возвращении архиепископа Владимира» (Там же, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 36).

³⁷ Из письма епископа Пензенского и Саранского Иоанна (Поммера) митрополиту Тифлисскому, экзарху Кавказскому Кириллу (Смирнову) от 10(23) октября 1919 г.: «Преосвященнейший епископ Феодор был искушен... приемом обоюдного оставления епархии для примирения паствы на третьем архипастыре. Путятою тогда этот прием не был доведен до конца: вместо того, чтобы уехать вместе с владыкою Феодором и потом вернуться по требованию народа, он, якобы не отпущенный народом, и не уезжал вовсе» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 186–191 об.).

³⁸ По одной из версий, вечером 18 февраля (3 марта) 1918 г. епископ Феодор (Лебедев) сел в железнодорожный вагон (который ему был предоставлен), чтобы уехать в Москву, но, находясь в поезде, умер от сердечного приступа (*Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1998. № 8. С. 91–93; История иерархии Русской Православной Церкви... С. 364–365). По другой версии, епископ Феодор оставался в городе еще неделю. Дворжанский, ссылаясь на документ, датированный 8 марта 1918 г. и подписанный членом Пензенского епархиального управления протоиереем В. Масловским и секретарем Н. Беренским, полагает, что епископ Феодор скончался, скорее всего, в воскресенье 10(23) марта 1918 г. (*Дворжанский А. И.* История Пензенской епархии. С. 270). Документы же канцелярии Патриарха факта смерти архиерея не подтверждают. В постановлении, выработанном на заседании Священного Синода 9(22) апреля 1918 г. и имеющем к епископу Феодору непосредственное отношение, о его кончине не упоминается: речь идет лишь о его возвращении к месту прежнего служения (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 5, л. 8). В одном из документов, происходящем из среды сторонников Путяты, указывалось, что епископ Феодор «вынужден был через месяц после своего прибытия тайно уехать в Москву» (Там же, д. 49, л. 89–94 об.; ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 208–211 об.).

³⁹ *Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1998. № 8. С. 92–93.

⁴⁰ «Общеприходской Христианский союз» был организован 18 февраля 1918 г. (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 1–4 об.; ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710а, л. 7–9 об.). Не позднее мая 1918 г. название организации изменилось на «Церковный союз православных христиан гор[ода] Пензы» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 28–30а об.). Однако в конечном итоге (не позднее июня 1918 г.), утвердилось наименование: «Христианский союз православных церковноприходских общин Пензенской епархии» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 81–85; ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 212–216). Именно оно тиражировалось в сотнях и тысячах листовок, распространявшихся путятинцами по различным пензенским адресам. В документах также содержится упоминание Комитета «Христианского союза» (апрель 1918 г.) и Исполнительного комитета «Христианского союза» (сентябрь 1918 г.) (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 87) как постоянно действующего органа Союза. При этом «собрания» «Христианского союза» (с известной периодичностью, сначала часто, затем все реже, происходившие, по крайней мере, до июня 1919 г. включительно) фактически представляли собой «общие собрания» все уменьшающегося числа последователей и сторонников

Путяты. В промежутке между февралем и августом 1918 г. председателем «Христианского союза» источники называют самого Путяту (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 1–4 об.; ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 105). Не позднее августа 1918 г. начал функционировать путятинский «Пензенский епархиальный народный Совет» как параллельная (по отношению к каноническим структурам, подчиненным Высшему церковному управлению Православной Российской Церкви) церковная (псевдоцерковная) структура. Название Совета также эволюционировало от «Народного епархиального совета» (декабрь 1919 г. – сентябрь 1920 г.) (Научно-исторический архив Государственного музея истории религии (далее – НИИ ГМИР), ф. 2, оп. 4, д. 175, л. 32; ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 162; ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 711, л. 8–8 об.) до «Пензенского епархиального совета православной свободной Народной Церкви» (ноябрь–декабрь 1920 г.) (ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 186–189, 245–246 об., 263). В документах за январь 1920 г. упоминается также Президиум Епархиального совета (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 104–104 об.). Первоначально во главе Совета стоял сам Путята, позднее было внесено уточнение, что Путята осуществляет лишь общее руководство Советом (Там же, л. 25–26 об.), а его председателем является некто Марькин (первое упоминание за 24 декабря 1918 г., последнее – за 9 февраля 1920 г.) (Там же, л. 47, 25–26 об., 115–116). В ноябре–декабре 1920 г. «Пензенский епархиальный совет свободной Народной Церкви» возглавил один из самых влиятельных неформальных лидеров из окружения Путяты иеродиакон Иоанникий (Смирнов), что, скорее всего, явилось следствием перераспределения сил в лагере церковных «оппозиционеров». Весной–летом 1921 г. в период очередного обострения отношений Путяты с каноническим священноначалием, Совет, по-прежнему руководимый Иоанникием, переименовал себя (временно?) в «Исполнительный комитет (Центральное «Организационное бюро») свободной Народной Церкви» (Там же, оп. 2, д. 711, л. 12–12 об.; оп. 3, д. 766, л. 180–183; ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 186–189, 245–246 об., 263), что подразумевало превращение (так и не состоявшееся) Пензы в центр широкого, в масштабах всей России, церковно-обновленческого движения.

⁴¹ По сведениям на 7 мая 1918 г., С. Я. Дубков исполнял обязанности казначея правления «Христианского союза» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 28–30а об.).

⁴² РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 125, л. 11–12. [7 марта 1918 г.? (неразборчиво.— М. К.)] (дата поступления текста телеграммы в Москву?). Рукописная делопроизводственная помета: «№ 2039. 3/16 марта 1918 г.». На документе 2 рукописные пометы Патриарха Тихона: 1) «Защита прав Церкви соединяется в Пензе с нарушением защитниками церковной дисциплины и с своевольными, антиканоническими деяниями. П[атриарх] Тихон»; 2) «24 февр[аля] 1918 [г.] в Свящ[енный] Синод (неразборчиво.— М. К.). П[атриарх] Тихон». Судя по документам Канцелярии Патриарха, телеграмма датируется 8(21) марта 1918 г. (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 1–4 об.; ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710а, л. 7–9 об.).

⁴³ Из «Воззвания “Христианского союза” православных церковноприходских общин Пензенской епархии» от 26 июля (8 августа) 1918 г.: «Пензенская православная Церковь переживает тяжелые настроения. Смута и раздор царят в ней... Где же причина такого разделения православных христиан Пензенской Церкви? Кто посеял между ними вражду и раздор? Пензенское духовенство (городское, конечно), отвечаем мы. Оно, привыкшее к тому, чтобы народ ему служил, а не наоборот, не могло помириться с мыслью, чтобы кто-либо изменил такое “завидное” положение... Пензенское духовенство действовало так хитро и вместе с тем низко, что ввело в заблуждение Синод, который почему-то не захотел разобраться как следует в деле архиепископа Владимира и стал на сторону враждебного ему (или, точнее, чисто христианскому направлению его деятельности) духовенства... Все невзгоды, которые постигли Пензенскую Церковь от подпольной, темной деятельности местного духовенства и неразборчивости слепо доверившегося ему бюрократического “Цент-

ра», привели к тому, что Пензенская паства крепко сплотилась возле своего вождя и отца и образовала под его председательством «Христианский Союз православных церковно-приходских общин Пензенской епархии» (ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 710б, л. 105).

- ⁴⁴ По сведениям на май—июнь 1918 г., протоиерей Владимир Иванович Лентовский временно исполнял обязанности секретаря Пензенского епархиального совета.
- ⁴⁵ 21 февраля 1918 г. Пензенский губернский комиссариат по отделению Церкви от государства отдал распоряжение об упразднении консистории и прекращении ее деятельности (*Дворжанский А. И. Указ. соч. С. 275–276, 278*).
- ⁴⁶ Пензенское епархиальное управление, располагавшееся в одном из зданий Пензенского духовного училища, было из него выселено по настоянию губернского Комиссариата по отделению Церкви от государства.
- ⁴⁷ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 125, л. 5 [8 марта 1918 г. (неразборчиво.— М. К.)] (дата отправки текста телеграммы?). На документе рукописная помета Патриарха Тихона: «26 февр[аля] в Свящ[енный] Синод. П[атриарх] Тихон».
- ⁴⁸ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 710б, л. 36. Типографская копия протокола. Шапка заполнена от руки. В том же деле (Л. 6) подшит еще один экземпляр протокола, имеющий типографский вариант шапки: «Резолюции, принятые Общим собранием духовенства и мирян 4–17 марта 1918 года». Типографский текст резолюций (без рукописной правки) отложился также в ЦА ФСБ России: д. Р-33149, л. 35.
- ⁴⁹ Речь идет о священнике бывшей тюремной церкви Пензы А. Аристидове. Святейший Патриарх и Священный Синод Православной Российской Церкви своим постановлением от 9(22) февраля 1918 г. поручили «управляющему Пензенской епархией Преосвященному Феодору (Лебедеву.— М. К.)... войти в обсуждение действий священника Алексея Аристидова, направленных к расстройству епархиальной церковной жизни, в случае его неисправления, подвергнуть его запрещению в священнодействии, о чем и послать Преосвященному Феодору указ» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 4, л. 5–5 об.). «Святейшему Правительствующему Синоду рапорт... Пензенское епархиальное начальство предприняло следующие меры... над священником Аристидовым назначено формальное следствие, производится дознание об участии в молебне причта Богоявленской церкви и в частности ее настоятеля протоиерея Протодияконова» (Там же, д. 125, л. 2). «Протокол № 7. 1918 года 4–17 марта. Общее собрание пензенской паствы, состоявшееся в Народном доме под председательством С. Я. Дубкова и секретаря А. М. Цупак... Единогласно постановили: 1) Запросить епископа Феодора (Лебедева.— М. К.) о том, какие меры приняты им... для снятия незаконно наложенного на свящ[енника] Аристидова противоканонического запрещения в священнослужении и учительстве... 10) Считать запрещение священнику Аристидову служить и учительствовать неосновательным и незаконным, просить его служить и учительствовать, не считаясь с запрещениями. Подписавшим постановление о священнике Аристидове выразить решительное порицание» (ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 710б, л. 36; ЦА ФСБ России, д. Р-33149, л. 35).
- ⁵⁰ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 1–4 об.; ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 710а, л. 7–9 об. См. также: РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 5–8 об., 216–216 об.; ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 710б, л. 99–102.
- ⁵¹ Послание Патриарха Тихона от 22 мая (4 июня) 1918 г. «Возлюбленным о Христе братьям...» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 5–8 об.; ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 710б, л. 99–102).
- ⁵² РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 5–8 об.
- ⁵³ Там же, л. 1–4 об.; ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 710а, л. 7–9 об.
- ⁵⁴ Телеграмма Святейшего Патриарха 28 марта — 10 апреля 1918 г.: «Вторично и последний раз приглашаю Вас немедленно явиться в Москву на суд Собора епископов» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 216 об.).
- ⁵⁵ Акты Святейшего Тихона... С. 115, 117.

- ⁵⁶ Версия Путяты: «Церковные правила категорически требуют, чтобы формальный суд над архиереем предварялся троекратным братским увещанием и личным вызовом чрез двух епископов, каковых некоторые старейшие члены Епископского совещания в свое время (в марте 1918 г.) предлагали командировать в Пензу как для выполнения обязательной по канонам и отнюдь не пустой формальности, так и для ознакомления на месте с действительным положением дела. К прискорбию и ко вреду для Церкви голосование не дало торжества означенному разумному предложению, и в результате было (как и в первом деле, по вопросу об увольнении на покой) принято мнение “младшего большинства” ограничиться неканоническим вызовом по телеграфу. Между тем исполнение этой целесообразной “формальности”, несомненно, сопровождалось бы окончательным водворением прочного мира церковного, так как посланцы Собора воочию убедились бы в том, что сила религиозного движения и настроение православной паствы настойчиво требуют проведения в жизнь основанной на канонах воли народа об утверждении меня (вместо заключения в тюрьму), как избранного освященным практикою древней Церкви наиболее каноническим способом замещения епископских кафедр “per acclamationem”, на кафедре Пензенской епархии» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 151–155б).
- ⁵⁷ *Дворжанский А. И.* Указ. соч. С. 270–271; *Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1998. № 8. С. 99; НИА ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 175, л. 13, 17.
- ⁵⁸ НИА ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 175, л. 13, 17; *Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1998. № 8. С. 92. После захвата собора Путятой в него никто из горожан уже не ходил, здание фактически пустовало (*Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1999. № 2. С. 94).
- ⁵⁹ *Дворжанский А. И.* Указ. соч. С. 271.
- ⁶⁰ Текст «Определения Священного Собора Православной Российской Церкви о мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни» от 6(19) апреля 1918 г. (РГИА, ф. 833, оп. 1, д. 35, л. 309–310) был подготовлен членами соборной Комиссии о «большевизме» в Церкви, работавшей с 23 марта (5 апреля) по 5(18) апреля 1918 г. под руководством ректора Пермской духовной семинарии архимандрита Матфея (Померанцева; † 1918 г.) (Там же, д. 33, л. 27–30).
- ⁶¹ Там же, д. 49, л. 5–8 об.
- ⁶² Там же, л. 1–4 об. См. также: ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710а, л. 7–9 об. Незначительные текстуральные отличия от экземпляра из РГИА.
- ⁶³ Путята, отвергая принятые Собором епископов определения, указывал, что епископское совещание «по букве и смыслу “Наказа” есть учреждение частного совещательного характера, не облеченное судебной властью и не уполномоченное производить суд над архиереями». При этом, принимая решение о лишении сана, оно опиралось «на 16 правиле Антиохийского Собора, который св. Иоанн Златоуст, также осужденный по этому правилу Дубским Собором, называет “полуарианским” и постановления которого отменены, “как еретические”, Сардикийским Поместным Собором» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 151–155б).
- ⁶⁴ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 5, л. 6.
- ⁶⁵ Послание Патриарха Тихона от 22 мая (4 июня) 1918 г. «Возлюбленным о Христе братьям...» (Там же, д. 49, л. 5–8 об. См. также: ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 99–102).
- ⁶⁶ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 5, л. 8; РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 125, л. 21.
- ⁶⁷ Иоанн (Поммер; 1876–1934 гг.), 11 марта (по другим сведениям — 11 февраля) 1912 г. хиротонисан во епископа Слуцкого, викария Минской епархии; 4 апреля 1913 г. определен епископом Таганрогским (с 5 октября 1916 г. епископ Приазовский и Таганрогский), викарием Екатеринославской епархии, с 7 сентября 1917 г. епископ Старицкий, викарий Тверской епархии, с 9(22) апреля 1918 г. епископ Пензенский и Саранский. Дважды арестовывался: осенью 1918 г. в связи с дракой в Петропавловской церкви Пензы между его приверженцами и сторонниками Путяты, провел

в тюрьме около месяца; в ноябре 1919 г. как участник контрреволюционной организации, 30 ноября перевезен в Москву, допрашивался начальником СО ВЧК М. И. Лацисом. Освобожден весной 1920 г. 10(23) февраля 1920 г. был избран Предстоятелем Латвийской Православной Церкви. С 1920 г. архиепископ Рижский и всея Латвии, с апреля 1921 г. архиепископ Рижский и Митавский. Покинул Пензу 8 июня 1921 г.

- ⁶⁸ *Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1998. № 8. С. 98–99; ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 711, л. 6–7 об.
- ⁶⁹ В сторожке Покровской церкви вплоть до своего отъезда в Ригу в 1921 г. и жил епископ Иоанн, перебравшись туда из Спасо-Преображенского мужского монастыря после совершенного на него 10 мая 1918 г. вооруженного нападения со стороны следователей Путятты (*Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1999. № 1. С. 124–126). О покушении писалось на страницах «Известий» Пензенского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1918. № 91. 12 мая). В архивах сохранилась «справка» следующего содержания: «В производстве Следственной комиссии 1 уч[астка] гор[ода] Пензы имелось дело № 310 / 1919 г. (№ 662 / 1918 г.) о покушении на убийство епископа Иоанна Рудаковым и Дубовкиным; в деле имелись указания на подстрекательство со стороны епископа Владимира, но недостаточные для его привлечения к делу в качестве обвиняемого, почему он привлечен не был. Дело 6 декабря 1919 г. при отношении за № 2182 передано в Народный суд 1 уч[астка] гор[ода] Пензы, но прекращено за смертью главного обвиняемого и амнистирования другого» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 30а об.).
- ⁷⁰ В мае–июне 1918 г. протоиерей Архангельский занимал пост председателя Пензенского епархиального совета.
- ⁷¹ *Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1999. № 1. С. 101, 117–119.
- ⁷² 10 мая 1918 г. в поддержку Путятты выступило Общее собрание «служащих мастеровых и рабочих пензенских мастерских и депо» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710а, л. 25–25 об.).
- ⁷³ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 28–30а об.
- ⁷⁴ 16 мая 1918 г. Председатель Пензенского губернского революционного трибунала письменно высказался против представительства «от церковного Союза как заинтересованной стороны» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710а, л. 30).
- ⁷⁵ Там же, л. 25–25 об.
- ⁷⁶ Н. И. Козлов, член Пензенского губисполкома, товарищ председателя Пензенского губисполкома, член партии левых эсеров. С 9 апреля 1918 г. по 28 мая 1918 г. комиссар Коллегии по борьбе с контрреволюцией Пензенского губисполкома. Коллегия была упразднена 25 мая 1918 г. 28 мая Козлов был арестован белочехами, но сумел бежать.
- ⁷⁷ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710а, л. 29.
- ⁷⁸ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 12, л. 236–236 об.; д. 49, л. 217–217 об.
- ⁷⁹ Там же, д. 49, л. 5–8 об.; ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 99–102. См. также: Безбожник. 1923. № 35.
- ⁸⁰ *Дворжанский А. И.* Указ. соч. С. 275–276.
- ⁸¹ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 81–85; ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 212–216.
- ⁸² Губернский комиссар по отделению Церкви от государства М. В. Кузнецов официально зарегистрировал устав «Христианского союза» (*Дворжанский А. И.* Указ. соч. С. 278–279).
- ⁸³ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 81–85; ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 212–216.
- ⁸⁴ *Дворжанский А. И.* Указ. соч. С. 276.
- ⁸⁵ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 710б, л. 105.
- ⁸⁶ *Дворжанский А. И.* Указ. соч. С. 278–279.

- ⁸⁷ По некоторым сведениям, П. К. Медведев впоследствии покончил жизнь самоубийством (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 62).
- ⁸⁸ Дворжанский А. И. Указ. соч. С. 275–276, 278.
- ⁸⁹ Заявление «Христианского союза» о «противозаконных деяниях нелегального учреждения, именуемого себя Пензенским епархиальным управлением» от 5 сентября 1918 г. было переправлено Пензенским губкомиссариатом (губотделом) по отделению Церкви от государства в следственную комиссию военно-революционного трибунала (Дворжанский А. И. Указ. соч. С. 278). Совет Путятинского Пензенского епархиального управления 24 декабря 1918 г. информировал Отдел управления Пензенского губисполкома, что «упраздненные церковные органы» продолжают нарушать декреты, «предписывая принудительные сборы на нужды “тайно организованного” епархиального управления, подчиняющегося Московскому патриархату». В подтверждение сказанного путятинцы ссылались на текст оказавшегося в их распоряжении рапорта игуменьи Троицкого женского монастыря, копию которого они препровождали в Отдел управления «на предмет привлечения виновников повторного нарушения декретов народной власти к законной ответственности, а неправильно полученные путем противозаконного принудительного обложения деньги взыскать с получивших и обратить на общественные нужды» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 7106, л. 47).
- ⁹⁰ Иванов Н. П. Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1999. № 1. С. 126–127.
- ⁹¹ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 7106, л. 87.
- ⁹² По свидетельству Н. П. Иванова и по мнению современного церковного историка А. И. Дворжанского, столкновения и аресты архиереев произошли в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, который приходится на 29 августа (11 сентября) (Иванов Н. П. Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1999. № 1. С. 131; Дворжанский А. И. Указ. соч. С. 274, 489). Однако доступные нам архивные материалы этот факт не подтверждают.
- ⁹³ Иванов Н. П. Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1999. № 1. С. 127, 129–131; ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 7106, л. 94–95; НИА ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 175, л. 2; РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 186–191 об.; Известия ВЦИК. 1918. № 222. 12 октября.
- ⁹⁴ Скорее всего, речь идет об Аустрине Р. И., председателе Пензенской ГубЧК в период с 13 августа 1918 по сентябрь 1921 г.
- ⁹⁵ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 709, л. 120–120 об.
- ⁹⁶ В январе 1919 г. (не позднее 14 / 27 января) в Пензе распространялся подготовленный путятинцами текст, носивший название «Правда о пензенском церковном движении», в котором указывалось что «возвращение на Пензенскую кафедру невинно пострадавшего архипастыря, и только оно, немедленно восстановит желанный мир» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 89–94 об.; См. также: ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 208–211 об. л. 227–230 об.).
- ⁹⁷ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 7106, л. 25–26 об.
- ⁹⁸ Там же, л. 81–81 об.
- ⁹⁹ 16 июня 1919 г. Совет Путятинского Пензенского епархиального управления обратился в губернский Отдел юстиции с требованием «во исполнение неоднократно выраженной воли народа и намерения народной власти уничтожить вредную для дела двойственность в епархиальном управлении в пользу Народной Церкви, ходатайствовать об окончательном фактическом прекращении противогосударственной деятельности «упраздненных церковных органов» путем передачи по принадлежности всего делопроизводства и объявления всему населению, куда ему следует обращаться за удовлетворением своих церковных нужд общественного характера» (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 7106, л. 81–81 об.). 25 августа 1919 г. туда же была направлена очередная бумага: «Согласно распоряжению Отдела по отделению Церк-

ви от государства, корреспонденция, адресованная на имя епархиальных учреждений (Епархиального управления, Епархиального совета, Духовной консистории, епархиального Преосвященного) со времени объявления решением Чрезвычайной комиссии “нелегального” учреждения, именуемого себя “Епархиальным советом” при Рождественской церкви, “упраздненными церковными органами”, доставлялась закономерному Народному епархиальному совету по адресу Интернациональная, 20. Но в последнее время корреспонденция поступать перестала. По наведенным на почте справкам, [в] “нелегальный” Епархиальный совет было подано заявление о выдаче ему поступающих пакетов и представлен ключ от ящика, в котором они должны храниться; иными словами, обманом получается чужая и притом служебная корреспонденция, законный владелец которой — признанный народом и властью легальным Епархиальный Совет просит принять меры к восстановлению его нарушенных прав с привлечением нарушителей к законной ответственности. Описанный случай так же, как и имевшие место раньше, сопровождавшиеся даже отменой решений закономерного Епархиального управления «указами» нелегального Совета — Консистории является прямым и красноречивым доказательством необходимости безотлагательно, для предупреждения более крупных недоразумений и разстройства в удовлетворении нужд православного населения, объявить во всеобщее сведение, который из двух Епархиальных советов — народный или бюрократически — чиновничий пережиток старого строя, называемый в официальных отношениях “нелегальным”, представляется единственным правомочным с точки зрения государственной власти по управлению всею Пензенскою епархией, которое, очевидно, не может без существенного ущерба для дела и для народа принадлежать одновременно двум столь противоположным по направлению деятельности учреждениям» (ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 7106, л. 84–84 об.).

¹⁰⁰ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 108; ЦА ФСБ России, ф. Р-33149, л. 141. См. также: Иванов Н. П. Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1999. № 1. С. 141).

¹⁰¹ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 7106, л. 25–26 об.

¹⁰² Там же, л. 114–114а. В РГИА хранятся несколько экземпляров выше приведенного текста, в частности машинописный текст с подлинными подписями прихожан, последователей Путяты (ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 37–37 об.), «Голос народа о положении Пензенской Церкви» — неподписанная и недатированная машинописная копия, текстуально незначительно отличающаяся от типографского экземпляра, с подчеркиваниями и рукописными пометами Патриарха Тихона, выражающими несогласие с содержанием документа (ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 16–16 об.).

¹⁰³ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 116–117 об.

¹⁰⁴ На полях рукописная помета Патриарха Тихона: «А служение в состоянии запрещения и лишения сана. П. Т.».

¹⁰⁵ На полях рукописная помета Патриарха Тихона: «Это было сказано в декабре 1917».

¹⁰⁶ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 121–121 об.

¹⁰⁷ Там же, л. 125.

¹⁰⁸ Документы Совета Путятинского Пензенского епархиального управления, направленные в адрес ВЦУ ПРИЦ, постановлением Патриарха и Священного Синода от 18(31) марта 1919 г. оставлены без рассмотрения (РГИА, ф. 821, оп. 1, д. 49, л. 21–21 об.).

¹⁰⁹ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 186–191 об.

¹¹⁰ Там же, л. 131–132 об.

¹¹¹ ЦА ФСБ России, д. Р-33149, л. 2, 12–22 об.

¹¹² Там же, л. 19.

¹¹³ Там же, л. 1.

¹¹⁴ В. И. Шереметьев, заведующий отделом управления Пензенского губисполкома с 30 января 1919 г. по июнь 1919 г. и с июля 1919 по 1921 г. (по сведениям на 16 июля 1919 г. и на 1 февраля 1921 г.).

¹¹⁵ 10 ноября 1919 г. следователь Пензенской ГубЧК допросил (в качестве свидетеля) М. В. Кузнецова, показавшего: «Во время моего заведования комиссариатом, отделением церкви от государства, мне приходилось сталкиваться с отцом Владимиром, который всегда корректно относился к советской власти и всегда шел навстречу проведению декрета, во время собрания он всегда просил прихожан поддерживать советскую власть, но указать искренние ли его призывы я не могу, так как считаю его очень умным и хитрым» (ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 30).

¹¹⁶ Там же, л. 23.

¹¹⁷ Там же, л. 4.

¹¹⁸ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 145–145 об. Помета Патриарха Тихона: «Видимо, “народные представители” не точно (чтобы не сказать больше) передали мои слова. Бывший архиеп[ископ] Владимир лишен сана по постановлению Собора епископов и только [таковой?] Собор может возвратить его к деятельному служению св[ятой] Церкви».

¹¹⁹ Там же, л. 135–135 об. Мало разборчивые рукописные пометы Патриарха, свидетельствующие о его несогласии с содержанием письма.

¹²⁰ На полях рукописная помета Патриарха Тихона: «Это не так».

¹²¹ Через несколько недель, не позднее 2(15) октября 1919 г., в адрес Патриарха из Пензы поступило еще одной обращение «духовных чад» бывшего архиепископа Владимира (с приложением текста «Голоса народа о положении церковного дела в Пензенской епархии»). В нем, в частности, говорилось: «С невыразимой радостью и умилением встретила исстрадавшаяся Пензенская паства слова отеческой любви, сказанные Вами народным представителям 23 июля / 5 августа и повторенные 7/20 августа с. г. Ваше обещание “сделать все возможное для того, чтобы вывести архиепископа Владимира из невыносимо тяжелого положения и поставить в то, которого он заслуживает по своим способностям и дарованиям”... Народ считает, на точном основании священных канонов, решения, состоявшиеся без участия Вашего Святейшества как главы Поместной Российской Церкви, и Вами не подписанные, не имеющими законной силы: таковы именно все постановления, касавшиеся архиепископа Владимира, который, по Вашим собственным словам, “обвиняется только в непослушании”... этим канонически недействительным решением, иными словами — в послушании апостольским, соборным и святоотеческим церковным правилам, в корне нарушенным теми, кто на глазах народа противодействовал Вашему благому намерению, Вашему отечески мудрому предначертанию, приведение коего в исполнение тогда (в ноябре 1917 г.) сразу, окончательно и бесповоротно, умиротворило бы пензенскую паству. Вы, конечно, помните слова, сказанные Вами первой народной делегации: “Избирайте его, и он будет ваш”. Мы “его избрали” всенародно, руководясь примером первых веков христианства, но “нашим” он не стал вследствие противодействия (наиболее тяжкая форма “непослушания”) тех, кто дерзает обвинять его в “непослушании” себе и в то же время сам не повируется общему отцу, преследующему цель удовлетворения духовных запросов словесного стада Христова, стремящемуся водворить среди него прочный благодатный мир и руководящемуся в своих мероприятиях не мелочными личными и словесными расчетами, а широкими и возвышенными соображениями пользы Вселенской Церкви, властно требующей устами “народа-богоносца” признания архиепископа Владимира законным архипастырем Пензенской епархии. Но в то же время, отлично сознавая неоднократно выраженную Пензенскою паствою очевидную для всякого непредубежденного наблюдателя истину, что для такого всесторонне-просвещенного иерарха, как архиепископ Владимир, наша захолустная Пенза, “как Македония для Александра, слишком мала”, — тот же народ вполне искренно примирился бы и, пожалуй, даже радостно встретил бы известие о призвании своего любимого духовного вождя... к служению св[ятой] Церкви на другом, более ярком и видном, следовательно более “соответствующем его способностям и дарованиям” (вечно

памятные слова Вашего Святейшества) свещнике (так в тексте.— *М. К.*) или к участию в общецерковной работе... Одного подсказанного отеческою любовью усилия воли с Вашей стороны, одного почерка пера достаточно для водворения порядка в Пензенской епархии, для немедленного и окончательного умиротворения пензенской паствы. Но неперменным условием и того и другого является возвращение архиепископа Владимира к тому деятельному служению св[ятой] Церкви, которому он с таким самоотвержением отдал все свои силы, всю свою жизнь, за что от него никогда не отступит православный народ» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 161–161 об.).

¹²² Кирилл (Смирнов; 1863–1937 гг.), 6 августа 1904 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии, с 31 декабря 1909 г. епископ Тамбовский и Шацкий (с 6 мая 1913 г. архиепископ). На Поместном Соборе 1917–1918 гг. осуществлял обязанности председателя Отдела преподавания Закона Божия. Весной 1918 г. возведен в сан митрополита. С 1 апреля 1918 г. митрополит Тифлиссский и Бакинский, экзарх Кавказский, однако к месту назначения прибыть не смог. В ноябре 1919 г. был арестован в Москве по обвинению в контрреволюционной агитации, через 2 месяца освобожден. С апреля 1920 г. митрополит Казанский и Свяяжский, с мая — член Священного Синода. 19 августа 1920 г. был арестован в Казани за то, что покинул Москву без разрешения ВЧК, приговорен к заключению в лагерь до конца Гражданской войны (заменено 5-летним сроком заключения). С 5 октября 1920 г. по 12 декабря 1921 г. находился в Таганской тюрьме (Москва), 24 декабря 1921 г. досрочно освобожден по амнистии и вскоре вернулся в Казань.

¹²³ Письмо получено епископом Иоанном 23 сентября (6 октября) 1919 г. (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 186–191 об.).

¹²⁴ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 121–121 об.

¹²⁵ Там же, л. 146–150 об.

¹²⁶ Там же, л. 151–155б.

¹²⁷ Там же, д. 12, л. 236–236 об. См. также: Там же, д. 49, л. 156–156 об.

¹²⁸ Речь идет о письме от 1(14) августа 1919 г., поступившем в канцелярию Патриарха 7(20) августа 1919 г.

¹²⁹ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 176.

¹³⁰ Сергей (Страгородский; 1867–1944 гг.), 25 февраля 1901 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Петербургской епархии, с 6 октября 1905 г. архиепископ Финляндский и Выборгский, с 6 мая 1911 г. член Святейшего Синода. С 4 апреля 1913 г. по 14 января 1915 г. исполнял обязанности председателя Миссионерского совета при Святейшем Синоде. С 10 августа 1917 г. архиепископ Владимирский и Шуйский, 28 ноября того же года возведен в сан митрополита. С 16 июня 1922 г. по 27 августа 1923 г. пребывал в обновленческом расколе. Принят по покаянии Патриархом Тихоном в лоно Православной Российской Церкви. С 18 марта 1924 г. митрополит Нижегородский. С 10 декабря 1925 г., после ареста Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), де-факто стал во главе Патриархии как заместитель Патриаршего Местоблюстителя. С ноября 1926 г. по конец марта 1927 г. вновь находился под арестом. 27 марта 1927 г. вернулся к управлению Церковью. Результатом ареста и дальнейшего давления на митрополита Сергея и на Московскую патриархию, которая в то время, с точки зрения «советского права», находилась «на нелегальном положении», было издание документа (в форме послания к Церкви), известного ныне как «Декларация» митрополита Сергея от 16(29) июля 1927 г.

¹³¹ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 13, л. 1. См. также: д. 49, л. 177. Приводятся номера указов, направленных архиепископу Архангельскому и Холмогорскому Нафанаилу (Троицкому) и митрополиту Сергию (Страгородскому).

¹³² Вписано от руки поверх первоначально напечатанного «своего».

¹³³ Вписано от руки поверх первоначально напечатанного «проявить».

¹³⁴ Вписано от руки поверх первоначально напечатанного «адсорского».

¹³⁵ Речь идет о крупном событии в истории Сиро-Халдейской Церкви — присоединении в конце XIX в. персидских несториан к Русской Православной Церкви. 19 мая 1897 г. был составлен акт предварительного соглашения за подписью епископа Мар-Ионы, представителя несторианского Патриарха Мар-Шимона. Святейший Синод признал возможным совершить принятие несториан в православную Церковь, по 3-му чину, через отречение от заблуждения, согласно 95-му правилу VI Вселенского Собора, и определил: «Приходящих от древней несторианской ереси Супурганского епископа Мар-Иону, архимандрита Илию, священников Сергия Бадалова и Георгия Беджанова и диакона Иакова Бабаханова принять в сущих их санах в лоно святой православной Церкви, предложив епископу Мар-Ионе подписать специально составленное и переведенное на сиро-халдейский язык исповедание веры». 24 марта 1898 г. на заседании Святейшего Синода епископ Мар-Иона прочитал исповедание на сирийском языке и собственноручно подписал его. Затем оно было оглашено по-славянски. 25 марта в соборном храме Александро-Невской лавры было совершено присоединение к православной Церкви пришедших от несторианского исповедания сиро-халдеев (Определение Святейшего Синода о воссоединении сиро-халдеев несториан с православной Церковью // Церковные ведомости. 1898. № 13. 28 марта. С. 67).

¹³⁶ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 220.

¹³⁷ Там же, л. 213.

¹³⁸ Андрей Романович Свиклин (род. 1883 г.), член РКП с 1904 г., в 1917–1918 гг. находился под арестом. После освобождения прибыл в Москву и поступил на службу в ВЧК. Позднее был переведен в Московскую ЧК. По состоянию на 27 сентября 1919 г. занимал должность следователя в Районной транспортной Чрезвычайной комиссии (РТЧК) Центра (Москва). С 1 марта 1920 г. — уполномоченный по Управлению железнодорожных и военных сообщений РТЧК Центра. С 23 сентября 1920 г. инструктор РТЧК Южно-Донецкой железной дороги.

¹³⁹ Отдел контроля складов существовал при ВЧК с лета 1918 по январь 1919 г. В январе 1919 г. был переподчинен Московской ЧК.

¹⁴⁰ ЦА ФСБ России, д. Р-48566, т. 9, л. 61, 62–62 об.

¹⁴¹ Иван Николаевич Полукаров (1895–1920 гг.), начальник Отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК с 18 марта по 19 мая 1918 г.

¹⁴² К церковно-религиозным сюжетам в первые послереволюционные годы оказывались причастны сотрудники, казалось, не профильных подразделений ВЧК. Дело в том, что ни в Отделе по борьбе с контрреволюцией, ни в Секретном отделе ВЧК практически не было специалистов, досконально разбиравшихся в конфессиональной тематике. Поэтому имели место случаи привлечение к работе «по церковной линии» бывших священнослужителей. В этом смысле А. Антонов — один из немногих, кто находился в курсе внутрицерковных событий и был способен осуществлять экспертные функции, так как, по словам председателя ВЧК Ф. Э. Держинского, «имел с попами связи» (ЦА ФСБ России, ф. 1, оп. 2, д. 6, л. 52).

¹⁴³ ЦА ФСБ России, д. Р-48566, т. 9, л. 13; Личный фонд Ф. Э. Держинского, д. 1206, л. 1.

¹⁴⁴ Вениамин (Казанский; 1873–1922 гг.), 24 января 1910 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. 6 марта 1917 г. возведен в сан архиепископа. 25 мая (7 июня) 1917 г. подавляющим большинством голосов избран Петроградским епархиальным архиереем (архиепископ Петроградский и Ладжский, с 17 июня 1917 г. — Петроградский и Гдовский). С 14 августа 1917 г. по 13 августа 1922 г. митрополит Петроградский и Гдовский. Член Поместного Собора 1917–1918 гг.

¹⁴⁵ Сборник приказов и распоряжений ВЧК—ОГПУ—НКВД Союза ССР. Т. 3. Ч. 1. М., 1935. С. 16–17.

- ¹⁴⁶ ЦА ФСБ России, д. Р-33149, л. 256–256 об., 257.
- ¹⁴⁷ Алексей Фролович Филиппов (Арский) (1867–1936 гг.), с декабря 1917 г. секретный сотрудник при президиуме ВЧК, с лета 1919 г., по некоторым сведениям, штатный сотрудник Общего отдела ВЧК. С 13 сентября 1920 г. по 12 февраля 1921 г. находился под арестом. После освобождения в органах ВЧК не служил. О Филиппове и об «Исполкомдухе» см.: *Крапивин М. Ю.* Архиепископ Варнава (Накропин) и религиозная политика ВЧК: 1918–1922 годы // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4 (23/24). С. 121–135; *Он же.* Филиппов А. Ф. и «Исполнительный комитет по делам духовенства всей России» (1919–1920 гг.) // Исторические чтения на Лубянке: 15 лет / Общество изучения истории отечественных спецслужб. М., 2012. С. 62–73.
- ¹⁴⁸ Никандр (Феноменов; 1872–1933 гг.), 10 июля 1905 г. хиротонисан во епископа Кишижемского, викария Костромской епархии, с 15 февраля 1908 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии, с 20 марта 1914 г. епископ Вятский и Слободской (в 1918–1922 гг. епархия называлась Вятская и Глазовская), участник Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1920–1925 гг. епархией не управлял. С ноября 1925 г. епископ Одесский, с 1927 г. епископ Ташкентский и Туркестанский.
- ¹⁴⁹ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 192–192 об.
- ¹⁵⁰ Николай Александрович Любимов (1858–1924 гг.), кандидат богословия. С 1911 г. по 1918 г. протопресвитер, настоятель Успенского собора Кремля. Член Поместного Собора 1917–1918 гг. После окончания работы Собора состоял Председателем делегации по защите имущественных и иных прав Русской Православной Церкви перед Советским правительством. Член Священного Синода (1918–1922 гг.) и Высшего Церковного Совета (1922–1924 гг.).
- ¹⁵¹ «Святейший Патриарх, Священный Синод и Высший Церковный Совет Православной Российской Церкви. Заседание 1 (14) ноября 1919 г... Под председательством Святейшего Патриарха Тихона, присутствовали члены Священного Синода... Митрополит Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский.— М. К.)... архиепископ Вятский и Глазовский Никандр (Феноменов.— М. К.) и члены Высшего Церковного Совета: протопресвитер Н. А. Любимов... По реестру, при сем прилагаемому, доложены и разрешены все дела и по ним состоялись особые по каждому делу постановления, кроме № 2, переданного на дополнительное обсуждение Отделов, и №№ 3, 4 и 9, доклады по коим приняты к сведению без особых постановлений» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 3, л. 115–116 об.).
- ¹⁵² Там же, д. 49, л. 195–199.
- ¹⁵³ «Протокол обыска. На основании ордера Пензенск[ой] ГубЧК... 24 ноября с/г комиссаром Комиссии т[оварищем] Гуревичем был произведен обыск у Пензенского епископа Иоанна, проживающего при Покровской церкви... При обыске задержан епископ Иоанн» (НИА ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 175, л. 14).
- ¹⁵⁴ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 201–202 об.
- ¹⁵⁵ Игуменья Руфь находилась под арестом до 14 мая 1920 г. (ЦА ФСБ России, д. Р-33149, л. 86–86 об.).
- ¹⁵⁶ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 236 об.
- ¹⁵⁷ Положение о Пензенском братстве православных христиан, действующих согласно каноническим правилам святой православной Церкви. Пенза, 1919 (типографский оттиск) (ЦА ФСБ России, д. Р-33149, л. 202–203 об.).
- ¹⁵⁸ НИА ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 175, л. 15.
- ¹⁵⁹ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 234–234 об. Документ отложился также: ЦА ФСБ России, д. Р-33149, л. 140–140 об.; ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 711, л. 5–5 об.
- ¹⁶⁰ По одной из версий, родившейся среди делегатов верующих граждан Пензы, которые приехали в феврале 1920 г. в столицу выяснять судьбу арестованного епископа Иоанна, замысел Москвы, направившей Свиклина для помощи Путята в захвате Пензенской епархии, состоял в том, чтобы убедить церковное общество, что Центр не причем, а все делают, дескать, местные власти (ЦА ФСБ России, д. Р-33149, л. 132 об.).

- ¹⁶¹ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 201–202 об.
- ¹⁶² ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 154; РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 218.
- ¹⁶³ НИА ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 175, л. 32 (вырезка из газеты).
- ¹⁶⁴ *Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1999. № 1. С. 134.
- ¹⁶⁵ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 201–202 об.
- ¹⁶⁶ Вопреки утверждениям Путяты, что на собрании «присутствовали масса духовенства и тысячи его последователей», священнослужителей, по свидетельству очевидцев, было не более 3–5 человек, при этом «громадное... большинство публики были противниками» бывшего архиепископа Владимира (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 7106, л. 94–95).
- ¹⁶⁷ *Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1999. № 1. С. 137. Отчет о состоявшемся собрании (весьма тенденциозный) был опубликован газетой «Красное знамя» (1919. № 93 (9 декабря). С. 3) (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 236).
- ¹⁶⁸ Путята лично присутствовал на собрании, он же зачитывал текст своей программы (*Иванов Н. П.* Указ. соч. // Пензенские епархиальные ведомости. 1999. № 1. С. 137).
- ¹⁶⁹ Под упоминающимся в тексте резолюции «расследованием ВЧК» подразумевается «заключение» Свиклина от 15 октября и 13 ноября 1919 г.
- ¹⁷⁰ «На состоявшемся в Народном доме собрании был прочитан доклад, в котором доказывалось, что обвинения против Владимира были выдвинуты в эпоху Керенского духовной и светской аристократией боявшейся, как бы он, пользуясь расположением низших слоев населения, не выдвинулся в качестве главы российской церкви; расследование обнаружило якобы искусственность всех обвинений, собрание признало Владимира оправданным» (Пензенская народная церковь // Революция и церковь. 1919. № 3–5 (март–май). С. 58–59). «Пенза. 21 декабря. По поводу попытки Патриарха Тихона и его сторонников дискредитировать руководителей пензенского религиозного движения и основателя свободной Народной Церкви архиепископа Владимира путем обвинения его в самых гнусных преступлениях, архиепископ заявил корреспонденту “Роста”: Обвинение имеет уже двухлетнюю давность. Расследование моего четырехтомного “дела”, недавно извлеченного, по моему предложению, из синодальных архивов ВЧК, обнаружило, что обвинение было выдвинуто против меня искусственно по мотивам общественного характера. ВЧК, которую менее всего можно заподозрить в пристрастии к духовенству, вынуждена была признать, что, создавая мое дело во времена Керенского, духовная, а потом и светская аристократия боялась, чтобы Владимир, как пользующийся расположением беднейшего класса рабочих и крестьян, не был выдвинут в первые ряды, а может быть, даже и во главу российского духовенства. Вот что буквально признала ВЧК» (Известия ВЦИК. 1919. 23 декабря) (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 711, л. 2).
- ¹⁷¹ ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 7106, л. 85–85 об.
- ¹⁷² НИА ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 175, л. 31.
- ¹⁷³ Алексей Львович Теплов (1852 г. – 17 октября 1920 г. (1850–1921 гг.)), революционер-народник. Арестован в 1878 г., приговорен к каторге, замененной поселением в Сибири. В 1883 г. вернулся в Пензу, жил под надзором полиции, служил писцом в Пензенской консистории. В 1889 г. нелегально покинул Россию. В Париже в 1890 г. был арестован за связь с террористами и приговорен к 3 годам тюрьмы. После освобождения уехал в Лондон, где основал бесплатную русскую библиотеку, которую посещали русские эмигранты и моряки (библиотека стала явочным пунктом для русских революционеров). 31 августа 1917 г. вместе с женой и дочерью прибыл в Петроград, в 1918 г. вернулся в Пензу, где и жил до самой смерти.
- ¹⁷⁴ ГА РФ, ф. 130, оп. 4, д. 287, л. 11–11 об. См. также: НИА ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 175, л. 33–35.
- ¹⁷⁵ Резолюции с отказом признать права Путяты на управление епархией и тексты заявлений о невозможности иметь с ним каноническое общение приняли: Общее собрание прихожан Покровской церкви Пензы, 2(15) сентября 1918 г.; Общее при-

ходское собрание членов общины Петропавловской церкви Пензы, 16(29) сентября 1918 г.; правление «Союза ревнителей веры при Никольской церкви Пензы» (в сентябре 1918 и повторно в июне 1919 г.); прихожане Введенской Михаило-Архангельской церкви Пензы, 30 декабря 1918 г.; священнослужители и члены религиозной общины Спасо-Преображенской церкви в Спасо-Преображенском монастыре близ Пензы, 5(18) мая 1919 г.; прихожане Казанской церкви Пензы, 16 сентября 1919 г.; Совета Пензенского «Братства православных христиан», 18 ноября 1919 г. (НИА ГМИР, ф. 2, оп. 4, д. 175, л. 1–2, 5–8, 13).

¹⁷⁶ Копию письма Теплова В. Д. Бонч-Бруевич переслал в VIII отдел Наркомюста (ГА РФ, ф. 130, оп. 4, д. 287а, л. 9). 30 января 1920 г. письмо заведующего VIII отделом Наркомюста П. А. Красикова с пометой: «Весьма секретно» в свою очередь было переправлено в «Особый отдел ВЧК. Лично т[оварищу] Лацису». Красиков просил Лациса «спешно сообщить, действительно ли агент ВЧК т[оварищ] Свеклин (так в тексте.— М. К.) снабжен какими-либо официальными полномочиями на прямое вмешательство в церковную жизнь Пензы» (ЦА ФСБ России, ф. Р–33149, л. 247).

¹⁷⁷ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 49, л. 200.

¹⁷⁸ Там же, л. 201–202 об.

¹⁷⁹ Дворжанский А. И. Указ. соч. С. 282–289.

¹⁸⁰ «А здесь как раз сегодня (14 мая 1920 г.— М. К.) выпустили... арестованных при Вас “попов”, не исключая и тех, которые были Вами весьма отмечены в заключении, как подписавшие противоправительственное донесение “Соединенного присутствия” (п. 5). Председателю этого “присутствия” протоиерею Лентовскому “пожалована” митра... драгоценная, сооруженная на народные деньги. Все эти господа ожидают с нетерпением “белых” и приписывают выпуск “попов” страху перед польским нашествием» (ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 86–86 об.).

¹⁸¹ Дворжанский А. И. Указ. соч. С. 280–281.

¹⁸² ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 7106, л. 109–110. См. также: Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам ЦА ФСБ РФ. М., 2000; ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 74–74 б., 75, 77–79 об.

¹⁸³ В 1917–1934 гг. политику в отношении Православной Российской Церкви осуществляли следующие подразделения ВЧК—ГПУ—ОГПУ: с 20 декабря 1917 г.— Отдел борьбы (по борьбе) с контрреволюцией ВЧК, с 9 декабря (фактически с 17 декабря) 1918 г.— Секретно-оперативный отдел (СОО) ВЧК, с 24 февраля 1919 г.— Секретный отдел (СО) ВЧК, с 3 июня (фактически с июля) 1919 г.— СОО ВЧК, с начала 1920 г.— СО ВЧК (по другим сведениям, с июня/июля 1919 г. и в течение всего 1920 г. отдел именовался Секретно-оперативным). В тексте Циркулярного письма ВЧК № 2 от 1 октября 1919 г. содержалось упоминание о создании «при ВЧК поддела по духовенству для борьбы с существующим антисоветским течением среди духовенства, одинаково как православного, так и других исповеданий». Возможно, речь шла о группе по борьбе с белогвардейскими партиями (кадеты, октябристы, «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела» и «черносотенное духовенство»), функционировавшей в 1919 г. в структуре осведомительного отделения СО ВЧК. До конца 1920 г. в отделе существовали весьма скромные аппараты уполномоченных по политическим партиям, при этом в ведении одного из них находились все левые организации, а в ведении другого — все правые. Лишь в ноябре 1920 г. (приказом УД ВЧК № 255 от 6 ноября 1920 г.) в СОО были сформированы полноценные «специальные» отделения. Работу по линии православной Церкви вело VII отделение. 29 ноября 1921 г. VI отделение СО ВЧК было переименовано (приказом УД ВЧК № 274) в VII, а VII отделение стало VI. Весной 1931 г. СО ОГПУ был трансформирован в Секретно-политический отдел (СПО) ОГПУ, а VI СО ОГПУ отделение вошло в III отделение СПО ОГПУ. За «работу по духовенству» в VII отделении СО/СОО ВЧК (с 6 ноября 1920 г.), затем в VI

отделении СО ВЧК—ГПУ—ОГПУ (с 29 ноября 1921 г.), наконец, в III отделении СПО ОГПУ (с 5 марта 1931 г.) последовательно отвечали следующие сотрудники (сначала в качестве уполномоченных, а с декабря 1921 г. — в качестве начальников отделения): В. В. Фортунатов; И. А. Шпицберг; Ф. Л. Ильиных, А. Ф. Рутковский, Е. А. Тучков (справки на сотрудников см. ниже).

¹⁸⁴ Мартын (Мартин, Ян) Иванович (Пиндрикович, Фридрихович) Лацис (Судрабс) (1888–1938 гг.), в мае–ноябрь 1918 г. член ВЧК, в ноябре 1918 г. — 6 февраля 1922 г. член коллегии ВЧК; 20 мая 1918 — 16 июля 1918 г. (по другим сведениям — по июнь 1918 г.) заведующий Отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК; 16 июля 1918 г. — ноябрь 1918 г. председатель ЧК при СНК РСФСР по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком (Восточном) фронте; в октябре–ноябре 1918 г. председатель Казанской ГубЧК (по совместительству); в ноябре (по другим сведениям, декабре) 1918 г. — феврале 1919 г. заведующий СО/СОО ВЧК (по другим сведениям: выполнял обязанности заведующего с перерывом ноябрь — 8 декабря 1918 г., затем уже январь–февраль 1919 г.); 2 апреля 1919 г. — 16 августа 1919 г. председатель Всеукраинской ЧК; 16–27 августа 1919 г. (по другим сведениям, по сентябрь 1919 г.) председатель Киевской ГубЧК; с октября 1919 г. (по другим сведениям, с сентября 1919 г.) по сентябрь 1920 г. (не позднее 6 сентября 1920 г.) заведующий СО / СОО ВЧК. Далее находился на хозяйстве (сначала по совместительству, затем на постоянной основе).

¹⁸⁵ Известия ВЦИК. 1919. № 270, 2 декабря. С. 1.

¹⁸⁶ В первые годы советской власти задача контроля над проведением в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви в центре и на местах была возложена на функционеров VIII «ликвидационного» (1918–1922 гг.) и V «культурного» (1922–1924 гг.) отделов Наркомюста, который последовательно возглавлял П. А. Красиков. Отдел должен был «ликвидировать» административно-управленческие иерархические церковные структуры, сросшиеся с государством, изъять из их ведения не свойственные им, навязанные государством, функции, «расчистить общество от феодально-буржуазных ограничений свободы совести», ежедневно борясь с нарушениями законодательства о культурах с чьей бы то стороны они ни исходили, способствуя установлению государственно-конфессиональных отношений на новой правовой основе. Среди прочего, VIII отдел обязан был помогать соответствующим ведомствам (в частности ВЧК) в «пресечении контрреволюционной деятельности религиозных объединений». Петр Ананьевич Красиков (1870–1939 гг.), член РСДРП с 1892 г., с 1908 г. работал помощником присяжного поверенного в Петрограде; с марта 1918 г. заместитель Наркома юстиции и председатель Кассационного трибунала при ВЦИК. С мая 1918 г. член коллегии Наркомата юстиции и одновременно заведующий VIII отделом Наркомата юстиции (до 1924 г.). Параллельно в 1919–1924 гг. редактор журнала «Революция и церковь». С 1924 г. прокурор Верховного суда СССР, в 1933–1938 гг. заместитель председателя Верховного суда СССР. После смерти П. Г. Смиловича с апреля 1935 г. по 1938 г. был председателем Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИКа СССР. Ближайшими сотрудниками Красикова являлись М. В. Галкин и И. А. Шпицберг.

¹⁸⁷ «29 ноября (12 декабря) 1919 г. Святейший Патриарх, Священный Синод и Высший Церковный Совет Православной Российской Церкви слушали доклад члена Высшего церковного совета протопресвитера Н. А. Любимова по делу Свято-Троицкой Сергиевой лавры следующего содержания: 27 ноября (10 декабря) с/г проф[ессор] И. В. Попов приезжал из Сергиева Посада, чтобы видетсья с представителями VIII Отдела Народного Комиссариата Юстиции Шпицбергом и Красиковым... При этом оба собеседника согласно заявили, что они надеются, что через 5 лет религия будет совсем истреблена и вытравлена из народной души. В заключение Попов старался и с тем, и с другим из своих собеседников завести речь о выяснении

условий возможности жизни Церкви при наличии советской власти, но и Красиков и Шпицберг явно уклонились от ответа на предложенный вопрос» (РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 25, л. 106–107 об.).

¹⁸⁸ Известия ВЦИК. 1919. № 281, 14 декабря. С. 1.

¹⁸⁹ «Пензенская народная церковь» (Революция и церковь. 1919. № 6–8 (июнь–август). С. 104).

¹⁹⁰ Вырезка с текстом из газеты «Известия ВЦИК» за декабрь 1919 г. (Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 89, оп. 4, д. 178, л. 62).

¹⁹¹ «Пензенская народная церковь» (Революция и церковь. 1919. № 3–5 (март–май). С. 58–59).

¹⁹² В письме от 17 (30) декабря 1919 г., адресованном в Петроград некоему Владимиру Владимировичу, Путята писал: «Меня скоро выпишут в Москву для некоторых соещаний, на них приятно было видеть Вас: своевременно Вам напишу, а пока прошу быть «миссионером» в Питере, каким были в Канаде. Посылаю программу деятельности, которая здесь уже осуществляется» (ЦА ФСБ России, д. Р–33149, л. 79–79 об.).

¹⁹³ Иринарх (Синеоков-Андреевский; 1871–1933 гг.), епископ Березовский, викарий Тобольской епархии. В 1918–1919 г. временно управлял Тобольской епархией. В 1919 г. отступил вместе с Белой армией. Из Иркутска вернулся в Тюмень. После посещения Москвы получил назначение Патриарха Тихона епископом Тюменским и в этой должности оставался до 1922 г.

¹⁹⁴ Известия ВЦИК. 1919. 23 декабря (ГА РФ, ф. А–353, оп. 2, д. 711, л. 2).

Священник Владимир Горидовец*

Протестные движения православных верующих в Советском государстве в 1918 г. на примере Городокского уезда Витебской губернии

В январе 1918 г. в России были приняты законодательные акты, коренным образом преобразовавшие статус православной Церкви и резко изменившие уклад приходской жизни. 20 января 1918 г. народный комиссар государственного призрения РСФСР А. Коллонтай подписала приказ о прекращении с 1 марта 1918 г. выдачи средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей, законоучителей и на совершение церковных обрядов: церковнослужителям предлагалось искать работу на благо народа через подведомственный ей комиссариат. Совершение церковных служб и треб не возбранялось, но для этого требовалось отдельное ходатайство приходской общины перед уполномоченным органом революционной власти, в котором прихожане должны были принять на себя обязательство содержать приходской причт, нести издержки на ремонт, содержание помещений и инвентаря¹. 23 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви². Этот документ в числе прочего не допускал принудительные (обязательные) сборы и обложения в пользу церковных и религиозных обществ, лишил приходскую общину права владеть собственностью, причем не только храмовыми зданиями и приходскими постройками, но и церковной утварью, — все это становилось «народным достоянием». Для использования приходом церковного имущества требовалось отдельное разрешение местной власти.

Революционное законодательство о религиозной жизни вызвало протестные движения среди православного населения. Люди восприняли происходящее как ограбление храмов, кощунство и борьбу с религией. На при-

* © Владимир Горидовец, свящ., 2013

Владимир Владимирович Горидовец, священник, кандидат богословия, член комиссии по канонизации святых в Белорусском экзархате.

Автор благодарит руководство Государственного архива Витебской области и УКГБ Республики Беларусь по Витебской области за помощь в подготовке данной статьи.

мере протестных выступлений жителей Городокского уезда Витебской губернии постараюсь дать оценку происшедших событий.

К 1918 г. на территории Городокского уезда проживало большое число демобилизованных военнослужащих, в том числе офицеров, прошедших через сражения Первой мировой войны, привыкших на фронте к самостоятельным действиям и отвечать силой на силу. 22 марта (по другим данным, 18 марта)³ 1918 г. в Городке началось «контрреволюционное церковное восстание под руководством священников городокских церквей Заблоцкого⁴ и Григоровича, бывших офицеров царской армии Ефремова, Ореховича⁵, Макаревича⁶ и др., использовавших как повод восстание против учета церковных ценностей и имущества, производимого уездисполкомом, [при участии] бывших чиновников, церковного актива и массы верующих, с целью свержения местных органов власти»⁷. Поскольку подробное исследование этих событий Витебским окружным отделом ГПУ было проведено через 15 лет — в 1933 г. — и строилось исключительно на воспоминаниях очевидцев, то при изложении происходившего встречались неточности. Например, протоиерей Дмитрий Григорович, прослуживший настоятелем Николаевского собора Городка более 40 лет, скончался 18 ноября 1917 г.⁸ и принимать участия в восстании не мог. Ошибка была исправлена другими свидетелями, которые передали руководство восстанием также настоятелю городокского собора протоиерею Феодору Борнукову, утверждая при этом, что очаг народного возмущения находился около местной церкви⁹. Самое активное участие в восстании приняли бывшие чиновники дореволюционной почтовой конторы Городка: Д. Соколов, М. Амасович¹⁰, работник почты П. Я. Никитин¹¹, мещанин Н. Шатилло¹², бывший чиновник Городокского управления воинского начальника Д. Орехович, Н. Ткачев, А. Миклашевский, И. Шостак¹³, А. Шуттов¹⁴ и другие лица, связанные с приходом городокской церкви и поддерживавшие доверительные отношения со священником Николаем Заблоцким¹⁵.

Толпу восставших возглавили бывшие офицеры П. Орехович из деревни Волково, Е. Ефремов, А. Томковид, Л. Миссун¹⁶, бывший милиционер Капустин. Они повели людей к складам с оружием и захватили их. Н. Шатилло в этот день торговал на базаре Городка и, когда на базарной площади у собора собралось много людей, ударили в набат, пошел вместе с ними к исполкому с требованием вернуть церковные ценности, затем «бегал с винтовкой за председателем РИКа». На 2-м этаже здания милиции (бывшего городокского казначейства) располагалась уездная ЧК и один из ее сотрудников установил там пулемет, чтобы рассеять восставших. Шатилло подобрался сзади к пулеметчику, сбросил его с лестницы и завладел оружием, а затем призвал не позволять грабить церковь и выступить против евреев. Вооружившись в том числе и пулеметами, восставшие заняли здания Городокского исполкома, тюрьмы, почты, перерезали телеграфные провода, разогнали отряд Красной гвардии, размещавшийся в здании милиции. В Городке производились обыски на квартирах работников советских органов власти, в том числе и у председателя райисполкома Д. П. Воробьева. После начала восстания прапорщик запасного полка принес в управу Городка 2 разобранных пулемета¹⁷.

От церкви большая группа восставших направилась к железнодорожной станции Городка, поскольку прошел слух, что из Витебска должен прибыть вооруженный отряд для подавления восстания. Бывший офицер И. Макаревич раздал отряду восставших оружие местной милиции и воинской части. Попутно арестовывались и избивались встреченные коммунисты. Мать Макаревича организовывала женщин со Старо-Полоцкой улицы к выступлениям против евреев. П. Никитин разбирал оружие, захваченное в военкомате, а на второй день восстания верхом на лошади разъезжал в качестве разведчика по Городку и близлежащим деревням, наблюдая, не приближаются ли из Витебска или Невеля красноармейские части¹⁸.

Одновременно с восстанием в Городке произошли контрреволюционные выступления в волостях Городокского уезда: Вышедской, Веречской, Горковской, Зайковской, Руднянской, Межанской. В ходе расследования в 1933 г. свидетели событий указывали, что все выступления возглавлялись и частично управлялись «церковниками» при непосредственном участии и поддержке верующих. Конечной их целью было свержение органов революционной власти. В Вышедской волости вдохновителем народных волнений стал агроном П. А. Свицерский¹⁹, а его единомышленником и помощником церковный староста М. Скоромный. Связующим звеном между выступлениями населения в Городке и Вышедской волости выступили П. Свицерский и Д. Орехович, который будучи сотрудником Городокского военкомата имел возможность предупреждать восставших о передвижении наступающих красногвардейских отрядов²⁰. Впоследствии именно приход Покровской церкви в Вышедках стал для православного населения Городокского района центром духовной жизни вплоть до 1929 г., когда церковь была закрыта. В остальных церквях Городокского района богослужения прекратились гораздо раньше.

После подавления вооруженного восстания большая часть его участников, в первую очередь бывшие городовые, скрылась. Аресту подверглись 15 человек, 20 августа 1918 г. они предстали перед Витебским губернским ревтрибуналом. Главным обвиняемым стал клирик Николаевского собора Городка священник Николай Заблоцкий. Ему вменялись в вину неверная трактовка декрета об отделении Церкви от государства, агитация среди прихожан городокского собора о неподчинении декрету и выступлении против советской власти, отказ прекратить вооруженное выступление²¹. Остальные 14 человек во главе с бывшим поручиком 7-го Финляндского стрелкового полка Ореховичем обвинялись в посягательстве на образ правления в РСФСР и участие в вооруженном восстании, в ходе которого часть обвиняемых разогнала Городокский совет, другие отобрали оружие у милиционеров и красноармейцев, третьи открыли стрельбу из винтовок и пулеметов по зданию, где находились красноармейцы, разграбили цейхгауз, раздали оружие «черносотенным элементам и местной буржуазии», организовали вооруженное противодействие присланному из Витебска отряду красноармейцев. Были расстреляны двое из руководителей восстания: бывший старший городской Е. Ефремов и бывший милиционер С. Капустин²². 25 сентября 1918 г. решением Витебского губернского революционного трибунала протоиерей

Николай Заблоцкий также был приговорен к смертной казни, но затем помилован.

Многие участники городокского восстания не подверглись преследованиям и в 1920-х гг. организовали своего рода братство, куда вошли секретарь Городокского горсовета Н. Биньков²³, участники восстания М. Амосович, Д. Соколов, Н. Шатилло, Л. Миссун, Д. Орехович, а также П. Никитин, который и в 1929 г. открыто состоял членом церковного совета. На квартире Бинькова проходили подпольные собрания церковного актива с целью организации противодействия обновленческому движению и закрытию церкви. В 1930 г. была даже сформирована группа церковных делегатов для поездки в Минск, в ЦИК БССР, чтобы отстоять Николаевский собор в Городке в пользу православной общины, а на другом собрании Биньков призывал верующих: «Нужно везде и всюду кричать и постоянно добиваться, чтобы власть позволила взять нам храмы и выбрать попа по нашему усмотрению и, безусловно, староцерковника, а не красного обновленца... Если нам пригласить к себе обновленца, то через недели две церковь будет отдана большевикам. Мы не должны допустить обновленцев... мы сильны, в Городке еще все наши, свои, и мы устоим... Нужно было разослать людей во все деревни, люди собрались бы и никогда не позволили бы антихристам взять собор»²⁴. Единомышленником Бинькова был Орехович, который даже составил план переустройства городокского собора после его возвращения православной общине. Активная деятельность мирян в 1920–1930-х гг. сохранялась и в приходе Покровской церкви села Вышедки благодаря усилиям переживших события 1918 г. церковного старосты М. Скоромного и агронома П. Свицерского — сторонников Патриаршей Церкви. На одном из приходских собраний в 1931 г. Свицерский охарактеризовал себя так: «Крепко верующий и искренне любящий истинноправославную Церковь». В 1928 г. во время чистки советского аппарата, отвечая на вопрос, как он смотрит на религиозные «забавоны», Свицерский сказал: «Прошу не копать в моей душе», а в 1933 г. засвидетельствовал: «По своим политическим убеждениям до и после революции ни к какой из партий не принадлежал... Я себя отношу к группе верующих, пел в церкви на клиросе». Вместе с сестрами Свицерский на протяжении ряда лет организовывал кружки церковного пения в Городке и в близлежащих районах²⁵.

Восстание в Городокском уезде 1918 г. одновременно проявило силу веры людей и стало тем рубежом, после которого религиозная жизнь населения постепенно стала уходить в подполье. Примером тому служит биография уроженца Городокского уезда, последнего дореволюционного настоятеля Невельского монастыря архимандрита Иоанна (Моисеева)²⁶. В 1926–1938 гг. он скрывался от преследований советской власти в лесах и удаленных деревнях Городокского района, жители которых его не только не выдавали, но и составили своеобразный приход, дважды совершил побег из-под ареста в Невеле и Витебске. Для духовного окормления православного населения архимандрит Иоанн в 1933–1935 гг. оборудовал землянки в лесу на территории Езерищенского сельсовета: в одной совершал богослужения, в другой жил,

приютив там же своих родственников. Архимандрит Иоанн тайно совершал богослужения на территории Городокского района, крестил детей, освящал воду и т. п. После того как в 1935 г. землянки были разрушены районной милицией и ГПУ, архимандрит Иоанн еще 3 года скрывался на территории Кузьминского сельсовета, уходя на лето в лес²⁷. По мере закрытия приходских церквей в 1920–1930-х гг. проведение тайных богослужений на дому стало в Городокском районе распространенным явлением, вызывая при этом справедливое недовольство населения необходимостью скрывать религиозную жизнь и усиливая к ней интерес. В 1927 г. за организацию богослужений на дому был арестован и осужден церковный староста и член благочиннического совета Н. Богданов²⁸, живший в деревне Зайково Межанского района Витебского округа²⁹. В 1933 г., когда дело о Городокском восстании расследовало ОГПУ, перед судом предстали многие участники событий, избежавшие преследования в 1918 г., пострадали даже родственники участвовавших в восстании офицеров, например, Л. Г. Грибовская (Нарбут)³⁰, брат которой Г. Нарбут после окончания Витебской духовной семинарии находился на военной службе, имел чин подпоручика³¹, и братья офицеров царской армии Е. И., В. И. и П. И. Томковиды³², Евгений Юшкевич³³.

Изучение протестных движений православного населения Городокского уезда в 1918 г. было весьма затруднительным уже в начале 1930-х гг., поэтому вынесенные по этому делу в 1933 г. приговоры к ссылке были относительно мягкими, особенно в сравнении с судебной практикой в соседнем Полоцком округе, где часто применялась высшая мера наказания. Не случайно при изъятии церковных ценностей в 1922 г. уездные исполкомы в Витебской губернии зачастую проводили относительно либеральную, компромиссную политику в отношении православного населения, отступая от мнения партийного центра, так что губисполкому приходилось направлять в уезды вооруженных эмиссаров с исключительными полномочиями для полного изъятия ценностей. Главным результатом выступлений православного населения в Городокском уезде в 1918 г., обошедшихся без жертв со стороны восставших, стало сплочение религиозно настроенных людей в крепкие приходские общины, ставившие себе задачей организацию и устройство церковной жизни при любом правительстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приказ о прекращении выдачи средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей и законоучителей и на совершение церковных обрядов (Электронный ресурс: www.r-komitet.ru/vera/16.htm).

² Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви (Электронный ресурс: www.r-komitet.ru/vera/17.htm).

³ Витебское церковно-общественное слово. 1918. № 8. С. 13; Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Витебской области (далее Архив Управления КГБ РБ), д. 17538–П.

- ⁴ Николай Фомич Заблоцкий (1867 г.— после 1944 г.), протоиерей; в 1900–1918 гг. священник в городокском Николаевском соборе, законоучитель в городокском 2-классном училище, казначей-секретарь уездного отделения епархиального Владимирского братства. В 1918 г. осужден по делу о городокском восстании. В 1941–1944 гг. настоятель Казанского собора в городе Луга Ленинградской области. 3 мая 1944 г. арестован и приговорен к 20 годам исправительно-трудовых лагерей и к 5 годам ограничения в правах с конфискацией имущества.
- ⁵ Дмитрий Егорович Орехович (1889 г.— после 1933 г.), с 1911 г. военный писарь, с 1917 г. работал в военкомате и других советских учреждениях, в 1933 г. банковский кассир. 23 марта 1933 г. арестован по обвинению в участии в городокском восстании под руководством священника Заблоцкого, 29 июня 1933 г. освобожден, прикреплен к месту жительства на 3 года.
- ⁶ Игнатий Антонович Макаревич (1896 г.— после 1933 г.), с 1918 г. инструктор всеобщего в Городке, в 1920–1923 гг. служил в Красной армии, в 1923–1933 гг. председатель сельсовета, секретарь горсовета, бухгалтер. 23 марта 1933 г. арестован по обвинению в участии в городокском восстании под руководством священника Заблоцкого, 29 июня 1933 г. освобожден и прикреплен к месту жительства на 3 года.
- ⁷ Архив Управления КГБ РБ, д. 17538–П.
- ⁸ Судьбы православного духовенства и мирян Витебщины (1917–1990): По страницам архивных документов [Электронный ресурс. CD-R]. Витебск, 2012.
- ⁹ Архив Управления КГБ РБ, д. 17538–П.
- ¹⁰ Матвей Семенович Амасович (1882 г.— после 1933 г.), с 1902 г. почтовый служащий в Городке, в 1923–1929 гг. работал на выборных должностях и в колхозе, с 1930 г.— на почте. 23 марта 1933 г. арестован по обвинению в участии в Городокском восстании под руководством священника Заблоцкого, 29 июня 1933 г. освобожден и прикреплен к месту жительства на 3 года.
- ¹¹ Павел Яковлевич Никитин (1893 г.— после 1933 г.), в 1932 г. избран членом ревизионной комиссии приходского совета в Городке. 23 марта 1933 г. арестован по обвинению в участии в Городокском восстании под руководством священника Заблоцкого, 29 июня 1933 г. освобожден и прикреплен к месту жительства на 3 года.
- ¹² Никандр Антонович Шатилло (1873 г.— 15 марта 1938 г.), до 1905 г. работал на Путиловском и Колпинском заводах в Санкт-Петербурге, состоял членом «Союза русского народа». За участие в Городокском восстании был приговорен к 1 году тюремного заключения. 3 апреля 1933 г. арестован и помещен под стражу при районном отделе милиции, 12 июня 1933 г. освобожден ввиду преклонного возраста и недоказанности вины. 8 февраля 1938 г. вновь арестован и помещен в тюрьму в Витебске, обвинялся в распространении провокационных слухов о скорой войне и смене советского правительства, а также в том, что «как бывший член церковной пятерки ориентирует население на сбор подписей для открытия церкви». Расстрелян.
- ¹³ Иван Иванович Шостак (1883 г.— после 1933 г.), в 1914–1917 гг. находился на военной службе при управлении воинского начальника Городка, в 1918 г. участвовал в Городокском восстании, арестован, в июне 1919 г. освобожден, жил в Городке. 2 августа 1921 г. вновь арестован по подозрению в членстве в подпольной организации Витебского губкома левых эсеров, провел в заключении 1 год. 23 марта 1933 г. арестован по обвинению в участии в Городокском восстании под руководством священника Заблоцкого, 29 июня 1933 г. освобожден и прикреплен к месту жительства на 3 года.
- ¹⁴ Александр Семенович Шутов (1884 г.— после 1933 г.), в 1909–1918 гг. губернский секретарь в Городокском дворянском присутствии, в 1918 г. лишен избирательных прав по подозрению в участии в Городокском восстании. 23 марта 1933 г. арестован по обвинению в участии в Городокском восстании под руководством священника

Заблоцкого, 29 июня 1933 г. приговорен к исправительно-трудовому лагерю на 3 года с заменой приговора высылкой на трудовое поселение.

¹⁵ Архив Управления КГБ РБ, д. 17538–П.

¹⁶ Лука Алексеевич Миссун (1876 г.— после 1933 г.), после 1917 г. работал печником-каменщиком, в 1930 г. избран председателем ревизионной комиссии приходского совета в Городке. 23 марта 1933 г. арестован по обвинению в участии в Городокском восстании под руководством священника Заблоцкого. 29 марта 1933 г. на допросе свидетельствовал: «Сам я никакого участия в восстании 1918 года не принимал, а как верующий церковь посещал постоянно». 12 июня 1933 г. освобожден ввиду преклонного возраста и недоказанности вины.

¹⁷ Архив Управления КГБ РБ, д. 17538–П.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Павел Антонович Свицерский (1881 г.— после 1933 г.), в 1910–1924 гг. агроном Городокского уезда в Витебской губернской землеустроительной комиссии, в 1925–1931 гг. агроном в Межанском районе. 7 апреля 1933 г. арестован по обвинению в участии в Городокском восстании под руководством священника Заблоцкого, 29 июня 1933 г. освобожден и прикреплен к месту жительства на 3 года.

²⁰ Архив Управления КГБ РБ, д. 17538–П.

²¹ Витебское церковно-общественное слово. 1918. № 8. С. 13.

²² Архив Управления КГБ РБ, д. 17538–П.

²³ Наум Михайлович Биньков (1888 г.— после 1933 г.), с 1913 г. работал писарем у полицейского надзирателя и в землеустроительной комиссии, в 1928–1933 гг. секретарь Городокского горсовета. 23 марта 1933 г. арестован по обвинению в участии в Городокском восстании под руководством священника Заблоцкого, 29 июня 1933 г. освобожден с прикреплением к месту жительства на 3 года.

²⁴ Архив Управления КГБ РБ, д. 17538–П.

²⁵ Там же.

²⁶ Иоанн (Моисеев; 1871 г.— 21 марта 1938 г.), в 1916–1926 гг. архимандрит Невельского мужского монастыря, служил в Богословской церкви Невеля. В 1926 г. арестован, бежал из-под стражи, с 1926 г. священник в витебской Рынково-Воскресенской церкви. В 1927 г. арестован, совершил побег из витебской тюрьмы. В 1928–1929 гг. жил в Киеве, в 1929–1930 гг. в деревне Любань Городокского района, в 1930–1938 гг. скрывался в лесах на территории Кузьминского сельсовета Городокского (Меховского) района. 24 января 1938 г. арестован и помещен в витебскую тюрьму. Обвинялся в нелегальном исполнении религиозных обрядов, контрреволюционной и антисоветской агитации, террористических намерениях против руководителей советского правительства, агитации против выборов в Верховный Совет СССР и против весенней посевной кампании, идеализации врага народа фашиста Троцкого. Расстрелян.

²⁷ Архив Управления КГБ РБ, д. 18631–П.

²⁸ Никифор Павлович Богданов (1874 (1875) г.— после 1927 г.), с 1925 г. председатель приходского совета церкви в селе Зайково Межанского района Витебского округа, с 1927 г. член благочиннического совета. 13 декабря 1927 г. по обвинению в организации богослужений на дому, агитации против мероприятий советской власти на селе, в оказании помощи бандам на территории Межанского района в годы Гражданской войны приговорен к 6 месяцам лишения свободы.

²⁹ Архив Управления КГБ РБ, д. 21759–П.

³⁰ Людмила Григорьевна Грибовская (1882 г.— после 1934 г.), с 1924 г. жила в Городке. 22 марта 1933 г. арестована по обвинению в систематической антисоветской агитации, нелегальной связи со своими родственниками — бывшими офицерами царской армии. 9 мая 1933 г. освобождена и лишена права проживания в БССР и пограничной полосе сроком на 3 года, 9 мая 1934 г. предыдущее решение признано условным.

³¹ Архив Управления КГБ РБ, д. 11603–П.

³² Виталий Иванович Томковид (1894 г.— после 1934 г.), работал коммунальным инспектором в Городокском горсовете; Петр Иванович Томковид (1899 г.— после 1934 г.), в 1933 г. десятник на лесоразработках; Евгений Иванович Томковид (1907 г.— после 1934 г.), в 1933 г. работал грузчиком на железной дороге и на вывозе дров. Виталий Иванович и Петр Иванович в 1929 г. находились под следствием, обвинялись в участии в Городокском восстании 1918 г. под руководством священника Заблоцкого. 22 марта 1933 г. все трое были арестованы по обвинению в систематической антисоветской агитации, нелегальной связи со своими родственниками — бывшими офицерами царской армии — участниками Городокского восстания 1918 г. 9 мая 1933 г. освобождены и прикреплены к месту жительства на 3 года, 9 мая 1934 г. предыдущее решение признано условным.

³³ Евгений Семенович Юшкевич (1875 г.— после 1934 г.), до 1917 г. работал конторщиком и мельником, в 1933 г. жил в Городке, занимался сельским хозяйством. 22 марта 1933 г. арестован по делу о Городокском восстании 1918 г., обвинялся в систематической антисоветской агитации, нелегальной связи со своими родственниками — бывшими офицерами царской армии. 9 мая 1933 г. освобожден и лишен права проживания в БССР и пограничной полосе сроком на 3 года, 9 мая 1934 г. предыдущее решение признано условным.

С. П. Синельников*

Отмена православного образования в Советском государстве в 1917–1929 годах

Декрет 1918 г. о свободе совести в части отделения школы от Церкви принял в ходе его реализации крайние формы. Сначала были закрыты церковные школы и запрещен Закон Божий во всех учебных заведениях, затем последовали запреты на изучение Закона Божия в храмах, частным образом на дому и проч. В школах принудительно вводился атеизм.

В историографии вопрос о преподавании Закона Божия в школе не выделялся в самостоятельную тему. В работах советских публицистов и педагогов Н. Бухарина, В. А. Десницкого, С. А. Каменева, Ю. Когана, а в 1950–1980-х гг. М. М. Персиц, А. В. Ососкова, Е. Ф. Грекулова, В. В. Ключкова и др. негативно оценивалось преподавание Закона Божия в дореволюционных учебных заведениях и обосновывалась правомерность его изъятия из программы советских школ¹. Подводя итог изучению дореволюционного образования в советской историографии, Э. Д. Днепров издал обстоятельный библиографический указатель вышедшей в советское время литературы по истории школы и педагогики до 1917 г. К сожалению, в нем отсутствует раздел, касающийся религиозного воспитания или преподавания Закона Божия². Из литературы, посвященной истории образования в ранний советский период, выделяются фундаментальные труды Ф. Ф. Королёва, изучившего советскую школу в 1917–1931 гг. Оставаясь на позициях марксистско-ленинской методологии, автор коснулся темы отмены религиозного образования и введения антирелигиозного воспитания³.

В начале 1990-х гг. к дореволюционному опыту преподавания Закона Божия первыми обратились представители Русской Православной Церкви. В 1994 г. протоиерей Глеб Каледа указал на необходимость изучения и усвоения опыта преподавания Закона Божия в дореволюционной России⁴. В Кру-

* © Синельников С. П., 2013

Сергей Петрович Синельников, кандидат исторических наук, преподаватель Волгоградского индустриального техникума.

пин в 1997 г. опубликовал небольшую содержательную статью, посвященную вопросу об изгнании Закона Божия из школ⁵. Отдельные сюжеты, связанные с историей изгнания Закона Божия из советской школы в 1917 — начале 1920-х гг., можно найти в книгах и статьях игумена Дамаскина (Орловского), протоиереев Владислава Цыпина, Георгия Митрофанова и др.⁶ В начале 1990-х гг. тему дореволюционного образования на страницах церковных изданий подняли А. Ю. Полунов и И. Н. Уткин⁷. В работах признанного исследователя церковно-государственных отношений в XX в. М. И. Одинцова затрагиваются вопросы религиозного образования⁸. И. М. Советов развил концепцию «отступления» от декрета 1918 г. в ходе его реализации в 1920-х гг., согласно которой ликвидационные меры правительства по отношению к Церкви, в том числе и религиозному образованию, вступали в противоречие с декретом⁹. Преподаванию Закона Божия в эмигрантской среде посвящена статья А. А. Добросельского¹⁰. А. В. Журавский написал книгу о жизни и деятельности митрополита Кирилла (Смирнова), бывшего председателя Отдела о преподавании Закона Божия на Поместном Соборе 1917–1918 гг., в которой показал огромную работу соборного отдела и его председателя по сохранению религиозного образования¹¹. Е. М. Балашов и В. А. Шевченко проанализировали состояние религиозности учащихся в 1920-х гг. и привели ценные наблюдения относительно характера обучения и воспитания детей¹². Осуществлению политического контроля среди молодежи посвящено исследование А. А. Слезина¹³. В статьях А. Г. Кравецкого освещена борьба в 1917–1918 гг. двух противоположных подходов к преподаванию Закона Божия — Церкви и государства, раскрыты особенности формирования атеистического мировоззрения среди подрастающего поколения в 1920-х гг.¹⁴ А. Л. Беглов, разрабатывая тему «катакомбной» деятельности Церкви в 1920-х гг., показал, что после отмены официального преподавания Закона Божия религиозное обучение не прекратилось, оно продолжалось нелегально¹⁵. Тактику советской власти по отношению к Церкви в 1920-х гг. Беглов определил как «манипулирование границей легального в церковной жизни»¹⁶ и пришел к выводу о дифференцированной политике власти в отношении религиозного образования в разных конфессиональных группах.

О судьбе духовного и богословского образования в 1920-х гг. писали церковные историки и преподаватели духовных учебных заведений¹⁷. В 1990-х гг. на страницах журнала Ленинградской (Санкт-Петербургской) Духовной академии была опубликована серия статей, посвященных духовным учебным заведениям в советский период¹⁸. Более чем скромными считает масштабы и итоги деятельности богословских курсов и институтов протоиерей Владислав Цыпин. По его словам, какие-то опыты продолжения духовного образования в частном порядке предпринимались, но они не состоялись: к 1920 г. в России уже не было ни семинарий, ни академий. В 1920-х гг. недолгое время существовал лишь Богословский институт, а позже пастырские курсы в Петрограде¹⁹. Глубоко разработал тему истории духовных школ в Петрограде (Ленинграде) М. В. Шкаровский. Он описал активную деятельность

епархиальной власти по организации богословско-пастырских курсов и школ, Богословского института. Как считает историк, несмотря на ряд враждебных акций со стороны властей, духовное образование в Петрограде в начале 1920-х гг. пережило в определенном смысле кратковременный расцвет, число богословских курсов во всех благочиниях города приблизилось к 15. Шкаровский впервые в историографии обратил внимание на возрождавшееся в эти годы женское духовное образование²⁰.

Начиная с 1990-х гг. публикуются работы, посвященные духовному образованию в первые годы советской власти в провинции²¹. В статьях О. П. Федирко освещена деятельность буржуазных правительств и религиозных объединений по созданию системы религиозного образования и просвещения в условиях гражданской войны на Дальнем Востоке России, а также проанализированы процессы внедрения в этом регионе в 1920-х гг. новой советской обрядности и замещения религиозной идеологии атеизмом²². Региональные аспекты религиозного/антирелигиозного образования в Царицынской и Астраханской губерниях затронуты в статьях Н. А. Арчебасовой, Р. В. Сколотты²³ и др.

За пределами внимания исследователей остались многие важные проблемы истории духовного образования в первые годы советской власти. Какую роль в открытии и функционировании богословских курсов и институтов сыграли Наркомост, Наркомпрос и НКВД? Каким образом отсутствие подготовленной смены священнослужителей отразилось на богослужебной, пастырско-проповеднической, миссионерской, вероучительной, катехизаторской и образовательно-воспитательной деятельности Русской Православной Церкви? Почему формальное разрешение религиозного обучения для лиц, которым исполнилось 18 лет, не было реализовано в полной мере и попытки Церкви по организации таких курсов оказались единичными, малоуспешными и кратковременными? Эти вопросы ждут своего разрешения.

Изучение изъятия Закона Божия из школьного преподавания в 1917–1918 гг. позволяет посмотреть на отношения Церкви и Советского государства как на проблему взаимоотношения двух культур — религиозной и антирелигиозной. К 1917 г. в России сложилась система духовно-нравственного воспитания и религиозного обучения, главным звеном которой было обязательное преподавание во всех школах православного Закона Божия. Право преподавания этой дисциплины принадлежало священнослужителям и лицам, окончившим духовные школы не ниже семинарии. Помимо преподавания Закона Божия законоучители руководили молитвой учеников, чтением ими Священного Писания, «следили за исполнением ими долга исповеди и причащения». Вместе с тем современники единодушно отмечали укрепление в обществе неверия, пропагандируемого отдельными представителями интеллигенции и отчасти находившего поддержку в народе²⁴. Суждения некоторых современных исследователей о том, что Закон Божий был «своеобразным щитом правительства перед любым прогрессивным, гуманистическим учением» и что этот предмет «перестал быть средством нравственного воспитания»²⁵, не соответствуют действительности. Несмотря на имевшиеся

проблемы, преподавание Закона Божия имело огромное значение: его влияние на подрастающее поколение было, несомненно, положительным²⁶. После Февральской революции 1917 г. подавляющее большинство населения России выступало за сохранение обязательности преподавания Закона Божия в учебных заведениях. Однако Временное правительство насаждало внеконфессиональную модель церковно-государственных отношений и образования²⁷. Разделились мнения учителей в светских учебных заведениях: часть выступала за сохранение Закона Божия, часть — за факультативность предмета, часть — за безусловную отмену преподавания вероучений в школах.

После прихода к власти большевиков образовательная сфера целиком перешла в ведение государства, Церковь в 1917–1923 гг. была вытеснена из важнейшей для нее области общественного служения — школьной системы. Ленинский декрет 1918 г. об отделении Церкви от государства²⁸ принял в ходе своей реализации крайние формы, положения декрета дополнялись частными ужесточающими инструкциями, распоряжениями и постановлениями. За первыми шагами советского правительства по передаче церковных школ Наркомпросу и запрещению Закона Божия во всех учебных заведениях последовали запреты на преподавание Закона Божия вне школы — в храмах, частным образом на квартирах, на обучение религии детей до 18 лет, запрет на групповые занятия.

Реакция православных верующих была негативной. В адрес Поместного Собора в массовом порядке поступали приговоры, резолюции и протоколы приходских собраний и советов, возмущенные обращения и письма духовенства и мирян по поводу «ненародных» решений власти²⁹. Один из современников тех событий точно выразил сущность проводимой большевиками политики в области образования: «Преподавание Закона Божия было изгнано из школы. Школа и государство перестали иметь те исторические устои, которые складывались веками и были оплотом нравственности и морали»³⁰. Церковь пыталась противостоять решениям советского правительства и отчасти в 1917–1918 гг. ей это удавалось³¹. Приходские общины и священники искали неоговоренные и неучтенные декретом «просветы», учились лавировать в этом состязании с властью. В первые советские годы родители пытались дать религиозное образование своим детям в храмах и на дому. Но вскоре антирелигиозная кампания стала всеобъемлющей, родителей обязывали воспитывать детей в коммунистическом духе; в противном случае следовало лишение родительских прав, а детей отправляли в детские дома.

Советские органы власти проводили в жизнь систему мероприятий по устранению религиозного обучения как в школах, так и за их пределами. Эта система включала в себя «отрицательную» программу (по разрушению старого) и «положительную» (по созданию новой коммунистической системы образования). Назову основные решения правительства, связанные с формированием нового подхода к образованию.

1. Переход на светское обучение был обязателен для всех типов школ (государственные, общественные, частные, бывшие церковные, ведомственные), учащиеся до 18-летнего возраста могли получить только светское

образование. Материальная база (здания и имущество образовательных учреждений всех ведомств, включая церковное) передавались в распоряжение органов образования и других наркоматов³². Ликвидировались домовые церкви при учебных заведениях³³.

2. Запрещение преподавания Закона Божия сопровождалось введением в школах изучения Конституции РСФСР, «истории культуры с научно-социалистической точки зрения и с особо разработанной частью, посвященной истории Российской великой революции», а также законоведения, политэкономии, истории коммунизма и социализма. Часы, занятые прежде Законом Божиим, в 1918–1919 гг. были отданы «разучиванию революционных гимнов» (пение), урокам лепки, рисования, «трудовым процессам», политическим митингам, спектаклям, инсценировкам и т. д.³⁴

3. В школе было запрещено исполнение любых религиозных обрядов (молитвы перед началом и окончанием учебных занятий, молебны, посещение церкви), из классов были изъяты все религиозные атрибуты и символы (иконы, распятия и др.).

4. Упразднена должность законоучителя³⁵. Формирование у советских преподавателей идеологии воинствующего безбожия оказалось для власти трудной задачей, растянувшейся на десятилетие³⁶.

5. Прекратились дискуссии (шедшие в 1917 г.) об обязательном или факультативном преподавании Закона Божия. Преподавание вероучения в школе каралось статьей 121 УК РСФСР³⁷.

6. После изъятия Закона Божия из школьной программы верующие родители искали иные пути воспитания своих детей в религиозном духе — в храмах, на дому «частным образом». Вскоре были запрещены и такие формы, к 1929 г. обучение религии мог осуществлять только родитель со своим ребенком у себя дома³⁸.

7. Конституционные нормы, установленные в Советской России в отношении религиозного обучения и религиозной пропаганды, формально носили светский характер, но фактически — антирелигиозный³⁹. 18 мая 1929 г. постановлением XIV Всероссийского Съезда Советов была внесена поправка к статье 4-й Конституции, в которой при сохранении возможности ведения антирелигиозной пропаганды отменялось право граждан на религиозную пропаганду с заменой его на «свободу религиозных исповеданий». Допускалось молиться, читать религиозные книги, участвовать в богослужении, креститься, исполнять религиозные обряды, но вести разговоры на религиозные темы запрещалось⁴⁰. Проповедь в храме классифицировалась как «религиозная пропаганда». Произнесение проповедей контролировалось и тексты рассматривались на предмет «антисоветского» и «контрреволюционного» содержания⁴¹.

8. Было запрещено издание церковной литературы, в том числе учебников. Из школьных библиотек изымались книги религиозного содержания⁴².

9. Учебные программы, учебники и пособия подверглись тщательной цензуре на предмет изъятия из них «религиозного материала» с приданием всем курсам изучаемых дисциплин антирелигиозной направленности. Препода-

ваемые учебные дисциплины (обществоведение, литература, естествознание и др.) имели ярко выраженное антирелигиозное содержание⁴³.

10. Повсеместно проводились внеурочная кружковая работа и внешкольная антирелигиозная деятельность в виде масштабных антирелигиозных кампаний в формах «комсомольского рождества» и «пасхи», спектаклей, шествий, пародирующих крестные ходы и т. д.⁴⁴ В школах высмеивались религиозный быт и обычаи, укорененные в религии семейные ценности.

11. Власти столкнулись с низкой посещаемостью школ и повели борьбу за контингент учащихся в сочетании и в соответствии с классовым принципом⁴⁵.

В 1920-х гг. сложилась сложная система государственного контроля за Церковью, в том числе в сфере образования. Выработкой политики в отношении Церкви занимались ЦК РКП(б) и Антирелигиозная комиссия ЦК ВКП(б) (1922–1929 гг.). Политику полного отделения Церкви от государства проводили в жизнь ВЦИК, при президиуме которого в 1929 г. была учреждена постоянная комиссия по вопросам религиозных культов, и наркоматы: юстиции с его VIII (V) ликвидационным (культовым) отделом (1918–1929 гг.), просвещения с госкомиссией по просвещению (1917–1918 гг.), органы внутренних дел: 6-й отдел секретного отделения ОГПУ, административный подотдел отдела управления НКВД. Информационно-агитационную и пропагандистскую деятельность в масштабах всей страны осуществляли общественные организации: Общество друзей газеты «Безбожник», Союз воинствующих безбожников, РКСМ, ВЦСПС и др. Особая роль в регламентации антицерковных мероприятий принадлежала VIII (V) ликвидационному отделу Наркомюста, который с 1918 по 1924 г. являлся главным государственным органом в деле ликвидации религиозного образования и других форм деятельности Церкви в стране. На губернском (краевом или областном) уровне отмену Закона Божия и внешкольных форм религиозного образования осуществляли отделы исполкомов — управления, юридические, народного образования, административные и общие отделы, а также специально созданные комитеты и комиссии (по отделению Церкви от государства и школы от Церкви, по изъятию церковных ценностей), а с 1930 г. — комиссии по вопросам культов при краевых исполкомах. Аналогичные отделы и комитеты создавались при окружных и уездных исполкомах. Вся непосредственная работа по отмене религиозного обучения проводилась на уровне волостей, сельских и городских районов, станиц и поселений.

В разных регионах России проведение декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви в целом и в части отмены преподавания Закона Божия имело свою специфику. В Саратовской губернии, где в ходе Гражданской войны сохранялась советская власть, изъятие Закона Божия из школьного преподавания проводилось планомерно с 1918 г., и к концу года во всех уездах губернии Закон Божий был отменен. Активная деятельность комитета объединенных клира и мирян Саратова, отдельных священнослужителей, направленная на реализацию права на религиозное образование, была пресечена административными и судебно-карательными органами.

В 1920-х гг. Саратов стал экспериментальной площадкой в антирелигиозной пропаганде, региональным центром по претворению в жизнь опыта школьного воспитания и образования в антирелигиозном духе. В Царицыне запрет на преподавание Закона Божия был введен весной 1918 г., предмет был изъят полностью из школьного процесса к концу года. Летом 1919 г., когда город был занят белыми, началось восстановление церковной и школьной жизни, но за полугодовой срок пребывания белых в городе система образования не была восстановлена. В документах сообщается лишь о деятельности нескольких восстановленных церковноприходских школ, о возвращении Закона Божия в учебные заведения и о недолгом существовании пастырских курсов. После занятия города красными преподавание Закона Божия решением коллегии губернского отдела народного образования было в январе 1920 г. отменено окончательно. При этом до 1925 г. губернский исполком отмечал факты, нарушающие принципы светского образования в школе и вне ее, и проводил борьбу с проявлениями стремления к религиозному обучению детей⁴⁶. На Дону процесс секуляризации системы образования, начатый большевиками, был прерван весной 1918 г., после занятия региона частями Белой армии. В 1918–1919 гг. работу по восстановлению религиозного образования вел отдел народного просвещения белоказачьего правительства Всевеликого войска Донского. Систему мероприятий по восстановлению и преобразованию преподавания Закона Божия на Дону наметило созданное в конце мая 1919 г. Временное Высшее церковное управление на Юго-Востоке России (ВВЦУ). Правительство Дона и ВВЦУ в 1918–1920 гг. пытались воссоздать прежний порядок и восстановить на качественно новом уровне преподавание Закона Божия в донских школах, однако вернувшаяся в 1920 г. на Дон советская власть ускоренно принялась за проведение в жизнь 9-го пункта декрета об отмене религиозного обучения⁴⁷.

Изгнанием из школ и полным запрещением религиозного обучения разрушался каркас, скреплявший семью. Как отмечают исследователи, отмена Закона Божия в школах и введение антирелигиозного воспитания «раскрепощали» совесть и обычными явлениями в детской, юношеской и молодежной среде стали падение нравов, сквернословие, уличное хулиганство, неестественность в половых отношениях, распространение пьянства и азартных игр. Отмена преподавания Закона Божия предполагала не только изгнание отдельного предмета из школьной программы, это была важная часть воспитания нового человека — носителя материалистического мировоззрения. С юридической точки зрения, судьба религиозного образования в годы советской власти гораздо трагичнее участи культовой деятельности. Церковные общины, хотя и были лишены имущества, все же имели право на существование, в храмах совершалось богослужение. Уничтожение преподавания Закона Божия отрывало народ от Церкви сильнее, чем закрытие и разрушение храмов, поскольку внушало детям агрессивное безбожное мировоззрение; вместе с этим безвозвратно был утрачен образовательный-воспитательный потенциал православной педагогики, забывался церковнославянский язык, разрывалась связь с дореволюционной Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Десницкий В. А. (*Строев В.*). Церковь и школа. Берлин, 1923; Каменев С. А. Церковь и просвещение в России: (Очерки). [М.], 1928; Персиц М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР: (1917–1919 гг.). М., 1958; Грекулов Е. Ф. Православная церковь — враг просвещения. М., 1962; и др.
- ² Днепров Э. Д. Советская литература по истории школы и педагогики дореволюционной России. 1918–1977: Библиографический указатель. М., 1979; *он же*. Советская историография дореволюционной отечественной школы и педагогики, 1918–1977: Проблемы, тенденции, перспективы. М., 1981.
- ³ Королёв Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики: 1917–1920. М., 1958; *он же*. Очерки по истории советской школы и педагогики: 1921–1931. М., 1961.
- ⁴ Каледа Г., прот. Задачи, принципы и формы православного образования в современных условиях // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 7–8. С. 30.
- ⁵ Крутин В. Н. Как из школы изгоняли священнослужителей: Размышления православного педагога // Встреча [Студенческий православный журнал Московской Духовной академии и семинарии]. 1997. № 3(6). С. 39.
- ⁶ Дамаскин (Орловский), игум. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период // Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 179–180; Цытин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синопсальный и новейший периоды; *он же*. Духовное образование в XIX–XX вв. (Электронный ресурс: www.mprda.ru/ru/biblio/article); Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви 1900–1927. СПб., 2002.
- ⁷ Полунов А. Ю. Церковная школа для народа в конце XIX в. // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 6. С. 56–59; Уткин И. Н. Дореволюционные методики преподавания и системы построения курса Закона Божия // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 6. С. 60–65.
- ⁸ Одищев М. И. «Школьный вопрос» в России: (Церковь и государство часто становились конкурентами в области образования) // Независимая газета (НГ-религия). 2003. 21 мая. № 8(116). С. 11; *он же*. «Кесарево и Божие» // Наука и религия. 2007. № 8. С. 10–13; *он же*. Судьбы светской школы в России: (60-е годы XIX в. — 80-е годы XX в.) // Проблемы преподавания и современное состояние религиоведения в России: Материалы конференций. М., 2002. С. 5–28.
- ⁹ Советов И. М. Советское законодательство о религиозных культурах в 20–30-х гг. XX в.: Содержание и практика реализации, споры и дискуссии о реформировании его правовой базы // Свобода совести в России: Исторический и современный аспекты. Вып. 4. М., 2007. С. 371–413.
- ¹⁰ Добросельский А. А. Преподавание религиозных дисциплин в Российской империи и в среде русской эмиграции в конце XIX — начале XX в. (Электронный ресурс: www.zpu-journal.ru/zpu/2008_1/Dobroselskiy.pdf).
- ¹¹ Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: [Жизнеописание и труды сщмч. Кирилла Казанского]. М., 2004.
- ¹² Балашов Е. М. Школа в российском обществе в 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003; *он же*. Религиозные и антирелигиозные представления российских школьников 1910-х — 1920-х гг. // Россия в XX в.: Сборник статей к 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН профессора Валерия Александровича Шишкина. СПб., 2005. С. 151–165; Шевченко В. А. Формирование антирелигиозных представлений советской школой: 1927–1932 гг. Автореф. дис. ...

- канд. ист. наук. М., 2007; *он же*. «Необходимо ударить кого следует, чтобы делу не мешали»: Введение антирелигиозного воспитания в советской школе в 1928–1929 гг. // *Российская история*. 2009. № 1. С. 86–96.
- ¹³ *Слезин А. А.* За «новую веру»: Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918–1929 гг.). М., 2009.
- ¹⁴ *Кравецкий А.* Светское, советское и конфессиональное // *Отечественные записки*. 2008. № 1(40). С. 198–219; *он же*. Формирование первого безбожного поколения // XVII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2007. С. 220–226.
- ¹⁵ *Беглов А. Л.* Православное образование в подполье: Страницы истории // *Альфа и омега*. 2007. № 3(50). С. 153–172.
- ¹⁶ Церковная история в контексте социальной истории советского периода: Доклад А. Л. Беглова и дискуссия на научно-методическом семинаре Богословского факультета Свято-Тихоновского гуманитарного университета «Богословие в системе научного знания: традиции — современность — перспективы» 30 октября 2008 г. (Электронный ресурс: www.bogoslov.ru/text/print/390148.html); *Беглов А.* Хроника: Научная конференция «Церковное право и государственное законодательство в истории России». Институт Российской истории РАН, 12–14 мая 2003 г. // *Альфа и омега*. 2003. № 3(37). С. 355–368.
- ¹⁷ *Успенский Н. Д.* К истории богословского образования в Ленинграде // *Журнал Московской Патриархии*. 1977. № 4. С. 6–13.
- ¹⁸ *Сорокин В., прот.* Духовное образование в Русской Православной Церкви при Святейшем Патриархе Московском и всея России Тихоне (1917–1925) // *Вестник Ленинградской Духовной академии*. 1990. № 2. С. 36–59; № 3. С. 41–63; *Христианское чтение*. 1992. № 7. С. 19–49; 1993. № 8. С. 7–27; *Сорокин В., прот.* Открытие Петроградского Богословского института в 1920 году // *Христианское чтение*. 1997. № 14. С. 124–136.
- ¹⁹ *Цытин В., прот.* Духовное образование в XIX–XX вв. (Электронный ресурс: www.mprda.ru/ru/biblio/article).
- ²⁰ *Шкаровский М. В.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в XX в. // *Кифа* [Издание Преображенского содружества малых православных братств]. 2007. № 12 (70) сентябрь; *он же*. Церковная жизнь Петрограда в период революционных потрясений 1917–1918 гг. (Электронный ресурс: www.spbda.ru/news/a-405.html); *он же*. Санкт-Петербургские (Ленинградские) духовные школы во 2-й половине XX — начале XXI в. // *Вестник церковной истории*. 2008. № 4(12). С. 171–210; 2009. № 1/2(13/14). С. 259–266.
- ²¹ *Спасенкова И. В.* Религиозное образование в Вологде в 1920-х гг. // *Свеча-99*. Вып. 2. Архангельск, 1999. С. 287–290.
- ²² *Федирко О. П.* Духовное образование и просвещение на российском Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // *Религиоведение*. 2010. № 3. С. 38–44; *она же*. Государственно-конфессиональные отношения в сфере религиозного образования в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке России // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2010. № 3(11). С. 46–56; *она же*. Роль советских праздников в антирелигиозной борьбе на Дальнем Востоке в 20-х — 30-х гг. XX в. // *Власть и управление на Востоке России*. 2010. № 1. С. 110–115.
- ²³ *Арчебасова Н. А.* Преподавание Закона Божьего в единой трудовой школе: Политический компромисс периода нэпа (На примере Царицынской губернии — Сталинградской области) // *Демократия или авторитаризм? Становление новых полити-*

ческих режимов в Европе в XIX–XX вв. Волгоград, 2008. С. 128–135; *Сколота Р. В.* Антирелигиозная агитация и пропаганда в 1921–1925 гг. и ее влияние на общественное мнение (На примере Астраханской губернии) // Государство, общество, Церковь в истории России XX в.: Материалы X Международной научной конференции. Иваново, 16–17 февраля 2011 г. Ч. 2. Иваново, 2011. С. 220–225.

²⁴ «До чего может дойти Россия, если из сердца ее вырвут Бога, если народ русский в своей жизни и деятельности будет руководиться не Законом Божиим, а тою гнилою иноземною моралью, которая взята напрокат и вывезена в Россию из Франции и Швейцарии, где находили себе убежище Каракозовы, Перовские», — писал в 1915 г. священник Сердобольский на страницах журнала «Народное образование» (*Сердобольский Е., свящ.* Недостаток в числе законоучителей в начальных народных школах и способы разрешения этого вопроса // Народное образование. 1915. Т. 1. Кн. 2 (февраль). С. 128–129).

²⁵ *Морозова Е. А.* Традиционные ценности православного этического образования (1811–1917 гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2(59). С. 114.

²⁶ *Синельников С. П.* Преподавание Закона Божия в учебных заведениях России до 1917 г. (Электронный ресурс: www.bogoslov.ru/text/print/453126.html).

²⁷ Постановления Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (Церковные ведомости. 1917. № 9–15. 8 апреля. С. 64–66), «О свободе совести» [14 июля 1917 г.] (Церковные ведомости. 1917. № 31. 29 июля. С. 247–248), «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, учебных заведений разных ведомств [включая церковные школы] в ведомстве Министерства народного просвещения» (20 июня 1917 г.) (Церковные ведомости. 1917. № 28. С. 191), Временное положение о преподавании Закона Божия в правительственных, общественных и частных с правом правительственных, учебных заведений Министерства народного просвещения, 29 июля 1917 г. (ГА РФ, ф. 1803, оп. 1, д. 22, л. 31).

²⁸ Официально названный «декретом о свободе совести», декрет, по оценке верующих, был «направлен в сторону порабощения религиозной совести русского народа и своей последней целью имел полное уничтожение ее». Современники отмечали: тактика законодателей Советского государства состояла в том, что провозглашалось одно, а подразумевалось и делалось диаметрально противоположное: вместо мира — гражданская война, вместо хлеба — голод, вместо свободы совести — узаконенное систематическое насилие и издевательство над нею. Декрет положил начало законодательному и планомерному походу против Церкви: «В стране, покрытой на трудовую народную копейку тысячами православных храмов, монастырей и часовен, в стране, многомиллионный народ которой призывает благословение Церкви на брак, рождение детей, обращается к ней за молитвой во все дни своей жизни и напутствием в последний земной путь, — провозглашается отделение Церкви от государства». По убеждению Сагарды, без преувеличений и по существу декрет «узаконил насилие над верующей совестью» и «в действительности закон преследует ту цель, чтобы граждане вообще никогда и нигде не обучали и не обучались религии» (*Сагарда А.* Декрет о свободе совести // Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 6 (14(27) февраля). С. 252–253).

²⁹ ГА РФ, ф. Р–3431, оп. 1, д. 554, л. 1–496; д. 555, л. 1–585.

³⁰ Там же, ф. Р–470, оп. 2, д. 154, л. 40.

³¹ Определение Священного Собора о правовом положении Православной Российской Церкви, 2 декабря 1917 г. // Русская Православная Церковь и коммунистическое

государство... С. 13–15; Постановление Священного Собора по поводу декрета об отделении Церкви от государства [принятое в 69-м заседании Собора, 25 января 1918 г.] // Священный Собор Православной Российской Церкви [1917–1918 гг.]. Книга 4. Деяния LXVI–LXXVII [66–77]. М., 1918. С. 71–73; Выписка из Постановления Святейшего Патриарха и Священного Синода в соединенном присутствии с Высшим церковным советом о мероприятиях к сохранению духовно-учебных заведений в ведении Церкви, 7(20) февраля 1918 г. // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. В 2 ч. М., 1994. С. 91–92; Постановление Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода о деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти. 28 февраля 1918 г. // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство... С. 32; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на православную Церковь, 5(18) апреля 1918 г. // Там же. С. 18–20; О православном приходе (Приходский устав), 7(20) апреля 1918 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 3. М., 1994. С. 13–41; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви «О духовных семинариях и училищах и о пастырских училищах», 7(20) апреля 1918 г. // Там же. С. 53; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви «О женских училищах епархиальных и духовного ведомства», 7(20) апреля 1918 г. // Там же. С. 54; Постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего церковного управления Православной Российской Церкви 17(30) мая 1918 г. о пастырских училищах // Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 23–24 (1(14) июля). С. 167–168; Положение о пастырских училищах // Там же. С. 168–174; Проект основных положений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. «О школьном преподавании Закона Божия», 28 июля (10 августа) 1918 г. (Деяние 142) // Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 10. Деяния 137–151. М., 2000. С. 98–102; Проект постановления Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. «О внебогослужебном, внешкольном просвещении народа» (Деяние 143) // Там же. С. 109–121; Определение Священного Собора Православной Российской Церкви «Об управлении духовно-учебными заведениями и церковноприходскими школами и организации законоучительства для учащихся в светских учебных заведениях», 7(20) сентября 1918 г. // Собрание определений и постановлений... Вып. 4. М., 1994. С. 13; Определения и постановления Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов / Вступ. статья: прот. Владислав Цыпин // Богословский вестник. 1993. Т. [1.] № 1. С. 102–174; [Указ (распоряжение) Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода о преподавании Закона Божия подрастающему поколению от 3(16) января 1919 г.] // Владимирские епархиальные ведомости. 1919. № 1. С. 2; Распоряжение Святейшего Патриарха Тихона № 20 от 8(21) марта 1919 г. по вопросу о сохранении имеющихся религиозно-нравственных церковных библиотек и архивов // Вестник Курского епархиального совета. 1919. № 3. С. 4–5.

³² Постановление Комиссариата по народному просвещению «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению» [11 декабря 1917 г.] // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (далее — СУ). 1917. № 9. 24 декабря.

Ст. 126. С. 131; Постановление Народного комиссариата имуществ Республики от 14 января 1918 г. «Об упразднении придворного духовенства, о передаче благотворительных учреждений придворного духовенства со всеми принадлежащими им капиталами в ведение Народного комиссариата призрения и о передаче учебных заведений придворного духовенства в ведение Народного комиссариата по просвещению» (Электронный ресурс: www.lawmix.ru/docs_ccsr.php?id=81777); Приказ Народного комиссариата по военным делам РСФСР № 39 от 16 января 1918 г. «О расформировании всех управлений духовного ведомства» (Электронный ресурс: www.lawmix.ru/docs_ccsr/81744); Постановление Государственной комиссии по просвещению «О светской школе» от 18 февраля 1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сборник документов. 1917–1973. М., 1974. С. 132; Постановление Наркомпроса РСФСР «О передаче всех учебных заведений в ведение Народного комиссариата по просвещению» от 23 февраля 1918 г. (Электронный ресурс: www.lawmix.ru/docs_ccsr.php?id=8098); Декрет СНК РСФСР об объединении учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств в ведомстве Народного комиссариата по просвещению от 30 мая 1918 г. // Культурное строительство в РСФСР: 1917–1927 гг. Т. 1. Ч. 1. Документы и материалы. 1917–1920. М., 1983. С. 86–87; Постановление 5-го заседания Государственной комиссии по просвещению от 24 августа 1918 г. // Известия ВЦИК. 1918. 6 сентября (№ 191); Постановление Народного комиссариата юстиции о порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 24 августа 1918 г. (ст. 685) (Инструкция) // СУ. 1918. № 62. 31 августа. С. 757–763.

³³ Постановление Наркомпроса РСФСР «Об освобождении помещений из-под домовых церквей при учебных заведениях и о ликвидации имущества этих церквей» (Государственный архив Ростовской области, ф. Р-3758, оп. 1, д. 1, л. 34).

³⁴ Резолюция VIII съезда РКП(б) «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне» (18–23 марта 1919 г.) // Народное образование в СССР.. С. 372–373; Протокол № 4 заседания коллегии Царицынского губернского отдела народного образования, 27 января 1920 г. (Государственный архив Волгоградской области (далее — ГА ВО), ф. Р-122, оп. 1, д. 87, л. 10 об.; Из протокола заседания коллегии губоно о преподавании в школах II ступени истории коммунизма и социализма, 18 февраля 1921 г. // Культурное строительство в Волгоградской области, 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов. Т. 1. Волгоград, 1980. С. 81; Разъяснение заведующего VIII отделом, [направленное] в Наркомюст по вопросу преподавания так называемого Закона Божьего (25 апреля 1921 г.) (ГА РФ, ф. А-353, оп. 5, д. 237, л. 32).

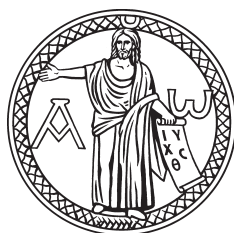
³⁵ Постановление государственной комиссии по просвещению «Об упразднении в школах должности законоучителей всех вероисповеданий в связи с постановлением СНК РСФСР об отмене преподавания Закона Божия», 1 января 1918 г. (ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 698, л. 78); Приказ Народного комиссариата государственного призрения РСФСР от 20 января 1918 г. «О прекращении выдачи средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей и законоучителей и на совершение церковных обрядов» (Электронный ресурс: www.lawmix.ru/docs_ccsr.php?id=8167); Постановление СНК и Наркомпроса РСФСР от 17 февраля 1918 г. об упразднении должностей законоучителей всех вероисповеданий с 1 января 1918 г. (ГА РФ, ф. А-2306, оп. 2, д. 1, л. 24); Постановление (циркуляр) Наркомпроса РСФСР о недопущении духовенства к занятию должностей в школе, 3 марта 1919 г. (ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 698, л. 72–72 об.).

- ³⁶ Постановление Государственной комиссии по просвещению о выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей в школе (27 февраля 1918 г.) // Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 81–82; Резолюция 1-го Всероссийского съезда учителей об отмежевании передового учительства от Всероссийского учительского союза (8 июля 1918 г.) // Там же. С. 87–88; Резолюция 1-го Всероссийского съезда по просвещению о подготовке учителей (26 августа — 4 сентября 1918 г.) // Там же. С. 88–90; Постановление коллегии Наркомпроса о выборах на педагогические должности (11 сентября 1918 г.) (ГА РФ, ф. А–2306, оп. 1, д. 182, л. 63–65; Постановление ВЦИК «О роспуске [Всероссийского] учительского союза» (23 декабря 1918 г.) // Народное образование в СССР.. С. 17–18.
- ³⁷ Новый Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. в статье 121 главе 3 предусматривал и наказывал принудительными работами на срок до 1 года «преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах». Расширительное толкование статьи 121 позволяло отправлять на принудительные работы всякого неугодного священнослужителя или мирянина (к примеру, священник спонтанно беседовал с детьми на религиозную тему или грамотный, начитанный и религиозно настроенный мирянин проводил занятия с детьми, лишь отдаленно напоминающими Закон Божий) (СУ. 1922. № 80. 1 июня. ст. 153; Уголовный кодекс РСФСР в принятой 2-й сессией ВЦИКа X созыва редакции с алфавитно-предметным указателем. М., 1923. С. 24).
- ³⁸ Разъяснение VIII отдела Наркомюста № 537 от 26 апреля 1919 г. // *Гидулянов П. В.* Отделение Церкви от государства: Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела Наркомюста РСФСР М., 1926. С. 371–372; Декрет ВЦИК [о запрещении преподавания Закона Божия лицам, не достигшим 18-летнего возраста; о свободе проповеди] от 13 июня 1921 г. // Там же. С. 365–366; Разъяснение V отдела Наркомюста № 126 о религиозных беседах на дому от 16 марта 1922 г. // Там же. С. 37–38; Разъяснение V отдела Наркомюста № 227 от 8 мая 1922 г. // Там же. С. 368–369; Инструкция (постановление) НКВД и Наркомпроса № 461 о порядке занятий с детьми вне школы [утверждена 22 декабря 1923 г.] // *Фиолетов Н. Н.* Церковь и государство по советскому праву: Обзор и комментарий законодательства по вопросам отношения церкви и государства за 1923 и начало 1924 г. М.; Саратов, 1924. С. 45–46; Циркуляр НКВД и Наркомпроса № 123 о порядке занятий вне школы от 25 марта 1924 г. // *Гидулянов П. В.* Указ. соч. С. 368; Разъяснение V отдела Наркомюста № 23336 от 1 сентября 1924 г. // Там же. С. 205; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» // *Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы.* М., 1996. С. 250–261.
- ³⁹ В связи с кампанией по изъятию церковных ценностей Н. И. Бухарин говорил: «Мы ободрали церковь как липку и на ее «святые ценности» ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим. Мы заменили требуху филаретовского катехизиса любезной моему сердцу «Азбукой коммунизма», закон божий — политграмотой, вместо икон повесили вождей, и стараемся для Пахома и «низов» открыть мощи Ильича под коммунистическим соусом... Дурацкая страна!» (*Кречетников А.* Бухарин: любимец и жертва партии (Электронный ресурс: www.news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_7294000/7294289.stm). Журналистка

М. А. Каллаш, жившая после революции в эмиграции, считала, что российский вариант отделения Церкви от государства был намного радикальнее французского: советская власть не просто отменила старый Закон Божий, но на его место поставила в центр воспитания в школе новый («вывернутый наизнанку») «закон безбожия»: «Отмена религиозного преподавания в школах есть не более, как фикция, значащаяся только на бумаге. Если мы, например, сравним в этом отношении советские школы с французскими, то мы увидим, что большевики не только не упразднили самого предмета преподавания, а сделали его основой всего обучения и воспитания. Разница лишь в подмене одного предмета другим, или, вернее говоря, в выворачивании его наизнанку, в извращении его идеи. Во французских школах изъят закон Божий, в советских школах он заменен законом безбожия, столь же обязательным и первостепенным» (*Курдюмова М. [Каллаш М. А.] Православие и большевизм // Православие: pro et contra. СПб., 2001. С. 332, 566*).

- ⁴⁰ Конституция (Основной закон) РСФСР (Постановление V Всероссийского съезда Советов, принятое в заседании 10 июля 1918 г.) // Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта — 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 550–564; Конституция РСФСР 11 мая 1925 года (Электронный ресурс: www.lawmix.ru/docs_ccsr.php?id=7647); Постановление XIV Всероссийского съезда Советов от 18 мая 1929 г. «Об изменении и дополнении статей Конституции (Основного закона) РСФСР» // *Орлеанский Н.* Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М., 1930. С. 47.
- ⁴¹ Циркуляр НКЮ РСФСР (§ 12 о проповедях) от 3 января 1919 г. // *Гидулянов П. В.* Указ. соч. С. 36.
- ⁴² Циркуляр заведующего отделом единой школы об изъятии из библиотек «явно вредных книг» (ГА РФ, ф. А–2306, оп. 2, д. 10, л. 262); Постановление Наркомюста, НКВД, Народного комиссариата земледелия и Рабоче-крестьянской инспекции «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям, о трудовой повинности служащих культов, об издании религиозной литературы и о религиозных группах, объединениях и съездах» от 15 августа 1921 г. // СУ. 1921. № 60 (21 октября). Ст. 414. С. 523–524.
- ⁴³ *Девятков В. И., Михайлов К. В., Назарова Н. В. и др.* Антирелигиозная работа в школах I ступени применительно к программам ГУС'а // *Нижне-Волжский просвещенец.* 1928. № 3. С. 59–71; *Соколов В. П., Шлапак П. Д., Девятков В. И., Гришин П. И.* Примерная схема увязки антирелигиозных моментов с программой ГУС'а: (Материалы) // *Нижне-Волжский просвещенец.* 1929. № 1/2. С. 67–89; Постановление ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» 24 января 1929 г. (ГА РФ, ф. Р–5263, оп. 2, д. 7, л. 1–2); Постановление Главполитпросвета РСФСР «О мероприятиях по усилению антирелигиозной пропаганды в городе и деревне», 4 марта 1929 г. // *Культурное строительство в РСФСР. Т. 2. Документы и материалы. 1928–1941. Ч. 2. М., 1986. С. 23–26.*
- ⁴⁴ Циркуляр Сталинградского губернского отдела народного образования всем уездным и окружным отделам народного образования № 7112 по вопросу об участии учреждений соцвоса в антирождественской кампании, от 24 декабря 1927 г. (ГА ВО, ф. Р–1652, оп. 1, д. 420, л. 140–141); Программа занятий антирелигиозного кружка в школе повышенного типа соцвоса // *Нижне-Волжский просвещенец.* 1929. № 1–2. С. 86–90.

- ⁴⁵ Постановление СНК РСФСР «О порядке введения всеобщего обязательного обучения в РСФСР» от 22 апреля 1927 г. // Народное образование в СССР. С. 108; Постановление СНК РСФСР «О создании условий действительной доступности школ I и II ступени для детей рабочих, колхозников, батраков и бедняков и о приеме детей нетрудового населения» от 31 января 1930 г. // Там же. С. 108–109.
- ⁴⁶ *Синельников С. П.* «Школа и государство перестали быть оплотом нравственности и морали»: Отмена и запрещение религиозного образования в школах Царицынской губернии в 1917–1925 годах // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4(23/24). С. 157–174.
- ⁴⁷ *Синельников С. П.* Судьба религиозного образования на Дону в 1917–1925 гг. // Альфа и омега. 2010. № 2(58). С. 182–200; № 3(59). С. 168–190. *Синельников С. П.* Православное религиозное образование в РСФСР в 1918–1929 гг.: На материалах Царицынской, Саратовской губерний и Донской области. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2011.

**КРИТИКА,
БИБЛИОГРАФИЯ,
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

Ю. А. Балбышкин, Л. Л. Степченков*

Некрологи на страницах
«Неофициального отдела»
«Смоленских епархиальных
ведомостей» (1865–1918 гг.)

Указатель некрологов, опубликованных
в «Смоленских епархиальных ведомостях»

Невский Иван Александрович (? , Оренбургская губерния — 11 февраля 1904 г.), преподаватель Рославльского духовного училища; умер в возрасте 49 лет.

Н. С. Иван Александрович Невский (некролог) // 1904. № 6. С. 365–369.

Неклепаев Дмитрий Никитич (? , село Мытишино Дорогобужский уезд Смоленская губерния — 2 марта 1898 г., Рославль), статский советник, бывший преподаватель Рославльского духовного училища; умер в возрасте 38 лет. Некролог // 1898. № 7. С. 379–380.

Неклепаев Иоаким Иванович (1821 г., село Незнаново Рославльский уезд Смоленская губерния — 8 марта 1881 г., Смоленск), протоиерей смоленской Спасской церкви, законоучитель Смоленской духовной семинарии.

Афонский И., прот. Протоиерей Иоаким Иванович Неклепаев. Некролог // 1881. № 13. С. 192–199.

Некрасов Алексей Петрович (19 мая 1847 г., село Воскресенское Сычѳвский уезд Смоленская губерния — 12 января 1914 г., село Никитѳе Сычѳвский уезд Смоленская губерния), заштатный священник села Никитѳе Сычѳвского уезда Смоленской губернии

Некрасов В., свящ. Свящ[енник] А. П. Некрасов (некролог) // 1914. № 11. С. 399–402 (Из жизни епархии).

* Продолжение. Начало см.: Вестник церковной истории. 2012. № 3/4(27/28). С. 347–373.

Нестор (Метаниев; 1830 г., Саратовская губерния — 25 июля 1910 г., Москва), епископ Дмитровский, первый викарий Московской епархии, в 1866–1877 гг. ректор Смоленской духовной семинарии, в 1881–1890 гг. епископ Смоленский и Дорогобужский.

Преосвященный епископ Нестор // 1910. № 15. С. 532 (Из местной жизни); *Прихожане села Бизюково*. Кончина и погребение Преосвященного Нестора, бывшего епископа Смоленского, † 24 июля 1910 г. // 1910. № 17. С. 596–602.

Никандр (Боушев; ? — 3 декабря 1895 г.), «из сычѣвского купеческого сословия», священноигумен сычѣвского Казанского монастыря; в 1864 г. ему было 28 лет.

Зыков В., свящ. Священноигумен сычѣвского Казанского монастыря о. Никандр (некролог) // 1896. № 7. С. 310–314; № 8. С. 380–383.

Никанор (Каменский; 25 мая 1847 г., село Солодниково Черноярский уезд Астраханская губерния — 27 ноября 1910 г., Казань), архиепископ Казанский и Свияжский, в 1896–1899 гг. епископ Смоленский и Дорогобужский.

Кончина Высокопреосвященнейшего Никанора, архиепископа Казанского и Свияжского, бывшего Смоленского и Дорогобужского // 1910. № 23. С. 785–792 (Инопархиальные известия)^a.

Николай (Касаткин; 22 августа 1836 г., село Егорье Бельский уезд Смоленская губерния — 3 февраля 1912 г., Токио), архиепископ Японский.

Васильев Н. Апостол Японии // 1912. № 3. С. 179–182 (Инопархиальные известия).

Николай (Налимов; 19 июня 1852 г., Санкт-Петербургская губерния — 13 июля 1914 г., Петроград), архиепископ Владимирский и Суздальский, в 1886–1889 гг. ректор Смоленской духовной семинарии.

Высокопреосвященный Николай, архиепископ Владимирский и Суздальский (некролог) // 1914. № 17. С. 553–557 (Инопархиальные известия).

Никольский Феодор Васильевич (?), село Тяполово Духовщинский уезд Смоленская губерния — 7 августа 1910 г., село Босино Духовщинский уезд Смоленская губерния), псаломщик села Босино Духовщинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 22 лет.

С. М. Н. Псаломщик Феодор Васильевич Никольский // 1910. № 16. С. 565 (Из местной жизни).

Образцов Павел Евфимович (?), Новгородская губерния — 23 ноября 1895 г., город Юрьев), протоиерей, профессор Юрьевского университета, в 1865–1867 (1868) гг. преподаватель Смоленской духовной семинарии, в 1867–1867 (1868) гг. редактор «Смоленских епархиальных ведомостей».

^a Перепечатка из «Владимирских епархиальных ведомостей».

Протоиерей Павел Евфимович Образцов (некролог) // 1895. № 24. С. 1122–1123 (Известия и заметки).

Овсянников Алексей Сергеевич (? , село Спас-Волжинское Вяземский уезд Смоленская губерния — 7 сентября 1895 г., село Воскресенск Юхновский уезд Смоленская губерния), священник села Воскресенска Юхновского уезда Смоленской губернии.

О. Алексей Сергеевич Овсянников (некролог) // 1896. № 1. С. 29–32.

Оглоблин Александр Семенович (? — 20 января 1910 г.), священник села Городки Дорогобужского уезда Смоленской губернии, бывший преподаватель Вяземского духовного училища; умер в возрасте 53 лет.

Петропавловский Н., свящ. Священник А. С. Оглоблин (некролог) // 1910. № 5. С. 170–172 (Из местной жизни).

Оглоблин И. Ф. (? — 1 августа 1907 г.), псаломщик села Даниловичи Ельнинского уезда Смоленской губернии; умер «не имея полных 40 лет».

Куприянов С. Безвременно угасшая жизнь (некролог) // 1907. № 15. С. 672 (Из местной жизни).

Оглоблин Матфей Косьмич (? , село Уварово Ельнинский уезд Смоленская губерния — 9 августа 1887 г., село Побитое Юхновский уезд Смоленская губерния), священник села Побитого Юхновского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 40 лет.

Белавенцев В. Некролог // 1887. № 19. С. 939–940.

Оглоблин Николай Николаевич (? , село Плай-Успенское Поречский уезд Смоленская губерния — 30 ноября 1914 г., село Докукино (Никитье тож) Ельнинский уезд Смоленская губерния), священник села Докукино (Никитье тож) Ельнинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 68 лет.

Оглоблин А., свящ. Свящ[енник] Н. Оглоблин (некролог) // 1915. № 1. С. 25–26 (Из жизни епархии).

Оглоблин Нил Сергеевич (? , село Дубровны Юхновский уезд Смоленская губерния — 14 мая 1885 г., село Разрытое Рославльский уезд Смоленская губерния), священник села Разрытого Рославльского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 43 лет.

[14-го мая сего 1885 г., в 10 ч[асов] вечера, скончался...] // 1885. № 11. С. 570–572 (Некрологи).

Оглоблин Симеон Дмитриевич (1828 г., село Погорелое Дорогобужский уезд Смоленская губерния — 9 февраля 1897 г., село Бражино Дорогобужский уезд Смоленская губерния), заштатный священник дорогобужской Свято-Духовской церкви.

Петропавловский Н., свящ. Некролог // 1897. № 7. С. 401–404.

Ольховский Александр (15 марта 1818 г. — 2 февраля 1899 г., село Герасимово Смоленский уезд Смоленская губерния), псаломщик села Герасимово Смоленского уезда Смоленской губернии.

Г. О. Некролог // 1899. № 7. С. 400–403.

Орлов Николай Васильевич (? , село Песочни Сычёвский уезд Смоленская губерния — 1 декабря 1915 г., Лондон), магистр богословия, профессор Лондонского университета, псаломщик посольской церкви.

Н. С. Н. В. Орлов // 1915. № 24. С. 842 (Из жизни епархии).

Орловский Иван Иванович (29 июля 1869 г., село Даниловичи Ельнинский уезд Смоленская губерния — 17 июня 1909 г., Смоленск), коллежский советник, историк, коллекционер, преподаватель Смоленского епархиального женского училища.

Иван Иванович Орловский // 1909. № 12/13. С. 454–455 (Из местной жизни).

Орловский Иоанн Михайлович (25 февраля 1833 г., село Беловостье Ельнинский уезд Смоленская губерния — 25 января 1905 г., село Даниловичи Ельнинский уезд Смоленская губерния), заштатный священник села Даниловичи Ельнинского уезда Смоленской губернии

Орловский И. Свящ[енник] Иоанн Михайлович Орловский (некролог) // 1905. № 10. С. 533–541.

Орловский Тихон Иванович (? , село Башковичи Духовщинский уезд Смоленская губерния — март 1908 г., село Аполье Духовщинский уезд Смоленская губерния), заштатный псаломщик села Башковичи Духовщинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 83 лет.

«С. Башковичи». Псаломщик Т. И. Орловский (некролог) // 1908. № 9. С. 395–396 (Из местной жизни).

Павлов Алексей Михайлович (? , Рязанская губерния — 15 января 1897 г., Рославль), помощник смотрителя Рославльского духовного училища; умер в возрасте 38 лет.

Неклепаев Д. Некролог // 1897. № 4. С. 226–227.

Паршенок Семен Парфенович (? — 29 октября 1868 г., село Устье Сычёвский уезд Смоленская губерния), сычёвский купец 2-й гильдии, староста Богоявленской церкви села Устье Сычёвского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 78 лет.

Брянцев И., свящ. Некролог // 1868. № 23. С. 835–837.

Пашин Алексей Яковлевич (? , село Хмелита Вяземский уезд Смоленская губерния — 5 апреля 1890 г., Смоленск), надворный советник, учитель Смоленского духовного училища; умер в возрасте 49 лет.

Сперанский И. Памяти А. Я. Пашина и Д. К. Городского, умерших преподавателей Смоленского духовного училища // 1890. № 12. С. 552–558.

Пашин Василий Захарович (? , деревня Кремян Дорогобужский уезд Смоленская губерния — 12 мая 1899 г., Смоленск), протоиерей смоленской Георгиевской церкви; умер в возрасте 68 лет.

Белавенцев В., прот. Некролог // 1899. № 12. С. 668–671.

Пашин Дмитрий Иванович (? — 5 января 1908 г.), псаломщик села Суток Духовщинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 42 лет. Д. И. Пашин (некролог) // 1908. № 6. С. 257 (Из местной жизни).

Пашин Петр Стефанович (? , село Волочки Сычëвский уезд Смоленская губерния — 13 сентября 1912 г.), священник села Жерновки Краснинского уезда Смоленской губернии.

Пашин Н., свящ. Священник П. С. Пашин (некролог) // 1912. № 20. С. 1094–1095 (Из местной жизни).

Писарев Семен Петрович (31 августа 1846 г., Нижний Новгород — 26 марта 1904 г., Смоленск), историк, археолог, староста смоленской Михаило-Архангельской (Свирской) церкви, член Смоленского церковно-археологического комитета.

Лавровский Л. Я. Семен Петрович Писарев (некролог) // 1904. № 7. С. 441–451.

Плаксин Алексей Михайлович (? , Смоленск — 27 января 1912 г.), заштатный псаломщик села Даниловичи Ельнинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 47 лет.

Псаломщик А. М. Плаксин (некролог) // 1912. № 5. С. 281–282 (Из местной жизни).

Плаксин Иван Феодорович (? , село Какушкино Дорогобужский уезд Смоленская губерния — 4 апреля 1885 г., Смоленск), воспитанник 3-го класса Смоленской духовной семинарии.

Некролог // 1885. № 10. С. 517–518.

Плахов Димитрий Иванович (8 октября 1857 г., Дорогобуж — 13 марта 1905 г., Смоленск), надворный советник, преподаватель Смоленского духовного училища.

Сосняков Г. Преподаватель Смоленского духовного училища Димитрий Иванович Плахов (некролог) // 1905. № 10. С. 541–546.

Пляшкевич Андрей Васильевич (? , город Белый — февраль 1911 г., Смоленск), кандидат права, бывший надзиратель и учитель Бельского духовного училища.

Н. М. А. В. Пляшкевич // 1911. № 5. С. 190–191 (Из местной жизни).

Пляшкевич Василий Николаевич (10 апреля 1838 г., село Вержино Дорогобужский уезд Смоленская губерния — 13 февраля 1904 г., село Корчежино Бельский уезд Смоленская губерния), преподаватель Бельского духовного училища.

Синявский П., прот. Василий Николаевич Пляшкевич, преподаватель Бельского духовного училища († 1904 года 13 февраля) // 1904. № 9. С. 563–571.

Пляшкевич Дмитрий Васильевич (? , село Шиловичи Духовщинский уезд Смоленская губерния — 30 апреля 1914 г.), протоиерей села Ивонино Ельнинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 72 лет.

Пляшкевич С. Н. Протоиерей Дмитрий Пляшкевич (некролог) // 1914. № 19. С. 591–592 (Из жизни епархии).

Пляшкевич Иаков Николаевич (? , село Веронино Дорогобужский уезд Смоленская губерния — 22 октября 1901 г., Дорогобуж), протоиерей дорогобужской Успенской церкви.

Пашин П., свящ. Воспоминания о жизни и кончине протоиерея Успенской церкви Дорогобужа Иакова Николаевича Пляшкевича // 1904. № 4. С. 243–249.

Пляшкевич Михаил Васильевич (? , село Гнездилово Ельнинский уезд Смоленская губерния — 3 февраля 1899 г.), благочинный Духовщинского уезда Смоленской губернии, священник села Городны Духовщинского уезда; умер в возрасте 66 лет.

Пляшкевич В., свящ. Некролог // 1899. № 16. С. 879–882.

Победоносцев Константин Петрович (21 мая 1827 г., Москва — 10 марта 1907 г., Санкт-Петербург), действительный статский советник, юрист, бывший обер-прокурор Святейшего Синода, неоднократно посещал Смоленск.

[10 марта в 7 часов вечера...] // 1907. № 5. С. 247 (Хроника: из общественной жизни и мысли); К биографии К. П. Победоносцева // 1907. № 6. С. 297–300 (Хроника: из общественной жизни и мысли).

Познышев Александр Егорович (1818 г., село Грецово Богородицкий уезд Тульская губерния — 14 октября 1885 г., Смоленск), коллежский советник, преподаватель Смоленской духовной семинарии, смотритель Смоленского духовного училища.

Некролог // 1885. № 22. С. 1084–1089.

Поликарп (Ефремов; 1836 г., Путивль, Курская губерния — 28 января 1904 г., Дорогобуж), из купеческой семьи, игумен, настоятель дорогобужского Троицкого Болдина монастыря.

И. Д. Настоятель Дорогобужского Свято-Троицкого Болдина монастыря игумен Поликарп (некролог) // 1904. № 8. С. 501–503.

Полканов Азарий Нилович (16 декабря 1825 г., село Аполье Духовщинский уезд Смоленская губерния — 4 мая 1891 г., село Сорокино Краснинский уезд Смоленская губерния), заштатный протоиерей села Сорокино Краснинского уезда Смоленской губернии.

Максимовский Л., свящ. Протоиерей Азарий Нилович Полканов (некролог) // 1891. № 24. С. 1215–1219.

Полканов Сергей Александрович (? , село Федяево Вяземский уезд Смоленская губерния — 15 июля 1915 г.), заштатный священник села Ельши Поречского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 62 лет.

Евфимов И., свящ. Свящ[енник] С. А. Полканов (некролог) // 1915. № 15. С. 528–531 (Из жизни епархии).

Полубинский Гавриил Алексеевич (? , село Белоручье Смоленский уезд Смоленская губерния — 15 марта 1912 г., город Белый), заштатный священник бельской Николаевской церкви.

Кулагин А., свящ. Памяти примерного пастыря // 1912. № 16. С. 918–920 (Из местной жизни).

Полубинский Стефан Феодорович (23 апреля 1838 г., село Соболево Краснинский уезд Смоленская губерния — 8 октября 1893 г., Смоленск), священник Духо-Рождественской церкви Смоленска.

Некролог // 1894. № 3. С. 134–135.

Полчанинов Димитрий Семенович (? , Вязьма — 13 мая 1887 г.), священник села Лосмены Юхновского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 66 лет.

Заболотский П., свящ. Некролог // 1887. № 10. С. 482–485.

Попов Евфимий Алексеевич (? , село Троицы Дорогобужский уезд Смоленская губерния — 22 марта 1897 г.), благочинный 3-го округа Дорогобужского уезда Смоленской губернии, священник села Троицы Дорогобужского уезда.

Некролог // 1897. № 21. С. 1189–1191.

Попов Иаков Андреевич (? , село Жулино Юхновский уезд Смоленская губерния — 4 октября 1911 г.), заштатный священник села Мозжарово Сычëвского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 79 лет.

Ольховский С., свящ. Священник Иаков Андреевич Попов (некролог) // 1911. № 21. С. 753–755 (Из местной жизни).

Попов Михаил Николаевич (? — февраль 1892 г., село Екимовичи Рославльский уезд Смоленская губерния), священник села Екимовичи Рославльского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 37 лет.

Суходольский Н. Некролог // 1892. № 8. С. 367–371.

Попов Михаил Петрович (? — 22 марта 1871 г., Вязьма), протоиерей вяземской Спасо-Преображенской церкви; умер в возрасте 82 лет.
Некролог // 1871. № 6. С. 121–125.

Попов Николай Нилович (? , село Пречистое Духовщинский уезд Смоленская губерния — 31 января 1913 г., Смоленск), заштатный протоиерей при Смоленском богоугодном заведении.

Протоиерей Н. Н. Попов (некролог) // 1913. № 4. С. 253–255 (Из жизни епархии).

Попов Феодор Елеазарович (? — 29 декабря 1910 г.), заштатный диакон вяземской Николаевской церкви; умер в возрасте 82 лет.

С. Щ-ов, свящ. Диакон Ф. Е. Попов (некролог) // 1911. № 24. С. 885–887 (Из местной жизни).

Протопопов Захарий Евфимович (? , село Никитье Сычёвский уезд Смоленская губерния — 15 января 1901 г.), иерей села Сумароково Вяземского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 73 лет.

Руженцев А., свящ. Священник села Сумароково Вяземского уезда о. Захарий Евфимович Протопопов (некролог) // 1901. № 10. С. 522–528.

Протопопов Петр Антонович (? , село Каменец Ельнинский уезд Смоленская губерния — 11 февраля 1912 г.), заштатный диакон села Уварово Ельнинского уезда Смоленской губернии.

Трошкин Ф., диакон. Диакон П. А. Протопопов (некролог) // 1912. № 8. С. 461–462 (Из местной жизни).

Рачинский Сергей Александрович (1833 г., Москва — 2 мая 1902 г., село Татеево Бельский уезд Смоленская губерния), профессор, педагог.

С. А. Рачинский (некролог) // 1902. № 9. С. 507–509.

Резников Михаил Феодорович (? — 29 января 1914 г., Санкт-Петербург), потомственный почетный гражданин, бельский городской голова, староста Александро-Невской церкви Бельского духовного училища.

Н. М-в. Памяти М. Ф. Резникова (некролог) // 1914. № 4. С. 116–118 (Из жизни епархии).

Резников Феодор Косьмич (? — 15 марта 1897 г., город Белый), потомственный почетный гражданин города Белого, городской голова; умер в возрасте 73 лет.

Полубинский Г., свящ. Феодор Косьмич Резников (некролог) // 1897. № 14. С. 808–812.

Рогутин Никита Косьмич (? — 3 ноября 1873 г., Сычёвка), сычёвский купец 2-й гильдии, староста и попечитель сычёвской Благовещенской церкви.

Чернавский Т., свящ. Некролог // 1873. № 24. С. 993–996.

Розов Платон Васильевич (? , Новгородская губерния — 20 апреля 1899 г., Смоленск), преподаватель Смоленской духовной семинарии.

Некролог // 1900. № 8. С. 408–412.

Руженцев Аркадий Павлович (? , село Белый Берег Бельский уезд Смоленская губерния — 24 мая 1915 г.), протоиерей села Белый Берег Бельского уезда Смоленской губернии.

Протоиерей о. Аркадий Павлович Руженцев (некролог) // 1915. № 12. С. 456–457.

Руженцев Иоанн Иоаннович (? , село Покрова-Кобылино Юхновский уезд Смоленская губерния — 5 сентября 1910 г.), заштатный священник села Фомищево Вяземского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 26 лет.

Зверев М., свящ. О. Иоанн Руженцев (некролог) // 1911. № 3. С. 109–113 (Из местной жизни).

Сабельников Петр Гаврилович (? — 20 июня 1866 г., Вязьма), вяземский купец 2-й гильдии, староста вяземской соборной Свято-Троицкой церкви; умер в возрасте 62 лет.

Мирников А., прот. Некролог // 1866. № 18. С. 198–212.

Савинский Антоний Стефанович (? , село Дубасище Ельнинский уезд Смоленская губерния — 20 марта 1915 г.), заштатный протоиерей села Бородино Поречского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 89 лет.

Карзов В., свящ. Протоиерей Антоний Стефанович Савинский: к годовщине смерти // 1916. № 5. С. 107–112.

Санковская Вера Михайловна (? — 28 июля 1913 г.), жена протоиерея города Гжатска Иоанна Антоновича Санковского; умерла в возрасте 60 лет.

Вера Михайловна Санковская (некролог) // 1913. № 16. С. 748 (Из жизни епархии).

Селезнев Алексей Степанович (? — 17 апреля 1911 г.), преподаватель Вяземской Алфёровской учительской семинарии; умер в возрасте 37 лет.

Палашенков А. Ф. Памяти законоучителя Алфёровской семинарии о. А. С. Селезнева // 1912. № 7. С. 413–415 (Из местной жизни).

Селезнев Иван Максимович (? — 3 августа 1914 г., село Морозово Вяземский уезд Смоленская губерния), заштатный псаломщик села Морозово Вяземского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 75 лет.

Селезнев И., свящ. Иван Максимович Селезнев // 1915. № 16. С. 561–563 (Из жизни епархии).

Селезнев Константин Дмитриевич (24 декабря 1896 г., Бельский уезд Смоленская губерния — 18 июля 1915 г., местечко Ленчно Люблинская губерния), прапорщик, учащийся 3-го класса Смоленской духовной семинарии.
Зверев С., свящ. Вечная память, вечная слава // 1916. № 2. С. 29–33.

Серафим (Протопопов; 1818 г., Москва — 11 января 1891 г.), архиепископ Самарский и Ставропольский, в 1869–1874 гг. епископ Смоленский и Дорогобужский.

Сперанский И. Памяти почившего Преосвященного Самарского Серафима, бывшего епископа Смоленского (1869–1874 гг.) // 1891. № 2. С. 98–101.

Сергиевский Иоанн Данилович (? , село Бутурлино Юхновский уезд Смоленская губерния — 28 октября 1890 г., село Аксиньино Юхновский уезд Смоленская губерния), священник села Аксиньино Юхновского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 58 лет.
Некролог // 1890. № 23. С. 1070–1071.

Сергий (Соколов; 1844 г., село Извольское Смоленская губерния — 24 августа 1893 г.), епископ Черниговский и Нежинский.

Почивший Преосвященный Сергий, епископ Черниговский и Нежинский // 1893. № 18. С. 915–917 (Известия и заметки).

Сергия (Пузынькина; ? , Вязьма — 10 апреля 1909 г.), из купеческого звания, игуменья, настоятельница вяземского Аркадиевского женского монастыря; умерла в возрасте 70 лет.

[В ночь на 10 апреля...] // 1909. № 8. С. 289–290 (Из местной жизни).

Серяков Николай Петрович (30 ноября 1879 г. — 10 марта 1915 г., деревня Вах), мещанин Смоленской губернии, капитан 18 стрелкового полка.

Полубинский П., свящ. Н. П. Серяков (некролог) // 1915. № 17. С. 604–606 (Из жизни епархии).

Силин Павел Андреевич (1858 г., Смоленск — 2 января 1915 г., Смоленск), содержатель типографии, церковный староста смоленской Благовещенской церкви.

П. А. Силин (некролог) // 1915. № 1. С. 26–27 (Из жизни епархии).

Сильницкий Иоанн Григорьевич (? — 26 мая 1915 г., село Дресна Смоленский уезд Смоленская губерния), заштатный протоиерей села Дресна Смоленского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 79 лет.

А. С. Протоиерей села Дресна Смоленского уезда, Иоанн Григорьевич Сильницкий (некролог) // 1915. № 11. С. 407–414.

Синявский Иоанн Егорович (8 мая 1816 г., село Монино Бельский уезд Смоленская губерния — 29 января 1881 г., село Крушинки Киевский уезд Киевская губерния), священник села Крушинки Киевского уезда Киевской губернии.

Синявский П., свящ. Краткий очерк жизни и деятельности умершего священника села Крушинки Киевского уезда о. Иоанна Егоровича Синявского, уроженца Смоленской епархии // 1883. № 15. С. 606–611; № 16. С. 651–656.

Синявский Петр Андреевич (? — март 1915 г., город Белый), бывший протоиерей собора города Белого.

Медведков Н. Протоиерей П. А. Синявский (некролог) // 1915. № 7. С. 275–277 (Из жизни епархии).

Скворцов Владимир Григорьевич (? — 1899 г.), преподаватель Подольской духовной семинарии, в 1886–1891 гг. смотритель Вяземского духовного училища; умер в возрасте 46 лет.

[В № 23 «Владимирских епархиальных ведомостей» напечатан некролог...] // 1899. № 23. С. 1279–1280 (Известия и заметки)^a.

Скоков Иван Егорович (?), Полтавская губерния — 25 декабря 1885 г., Смоленск), бывший преподаватель Смоленской духовной семинарии.

Сперанский И. Некролог // 1886. № 3. С. 129–132.

Смирнов Александр Петрович (?), село Устье-Соколино Сычёвский уезд Смоленская губерния — 16 февраля 1912 г.), священник дорогобужской Одигтриевской церкви; умер в возрасте 51 года.

Петропавловский Н., свящ. Священник А. П. Смирнов (некролог) // 1912. № 5. С. 278–280 (Из местной жизни).

Смирнов Андрей Осипович (?), Смоленская губерния — 22 февраля 1876 г., Смоленск), магистр, смотритель Смоленского духовного училища; умер в возрасте 39 лет.

Краткие сведения о жизни смотрителя Смоленского духовного училища Андрея Осиповича Смирнова // 1876. № 5. С. 134–136.

Смирнов Василий Иванович (?), село Горки Вяземский уезд Смоленская губерния — 20 августа 1905 г., село Горки Вяземский уезд Смоленская губерния), священник села Горки Вяземского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 36 лет.

Некролог // 1905. № 22. С. 1135–1137.

^a Перепечатка из «Владимирских епархиальных ведомостей».

Смирнов Василий Филипович (? – 24 февраля 1883 г., село Лопатино Ельнинский уезд Смоленская губерния), священник села Лопатино Ельнинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 46 лет.

[24-го февраля сего года...] // 1883. № 7. С. 225 (Некрологи).

Смирнов Иоанн Петрович (? – 9 февраля 1903 г.), благочинный Смоленского градского духовенства, иерей Нижне-Николаевской церкви Смоленска; умер в возрасте 42 лет.

Священник И. П. Смирнов (некролог) // 1903. № 8. С. 477–479.

Смирнов Капитон Иванович (1 марта 1827 г., село Дубровны Юхновский уезд Смоленская губерния – 5 января 1902 г., Санкт-Петербург), тайный советник, бывший директор 2-й Санкт-Петербургской гимназии.

Дубинский. К. И. Смирнов (некролог) // 1902. № 3. С. 156–158.

Смирнов Михаил Иванович (? , село Ивановское Юхновский уезд Смоленская губерния – 14 июля 1901 г.), заштатный священник села Дмитровца Юхновского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 64 лет.

Священник Михаил Иоаннович Смирнов (некролог) // 1901. № 21. С. 1015–1023.

Смирнов Михаил Петрович (? , Владимирская губерния – 21 февраля 1865 г., Смоленск), наставник низшего отделения Смоленской духовной семинарии; умер в возрасте 29 лет.

Некролог // 1865. № 6. С. 240–242 (Епархиальная хроника).

Смирнов Николай Васильевич (? , село Будаево Гжатский уезд Смоленская губерния – 8 декабря 1908 г., Калуга), протоиерей села Мощины Юхновского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 68 лет.

Клитин В., свящ. Протоиерей Николай Васильевич Смирнов (некролог) // 1909. № 2. С. 57–61 (Из местной жизни).

Смирягин Иоанн Михайлович (? , село Шуйское Вяземский уезд Смоленская губерния – 28 марта 1910 г.), протоиерей села Николо-Немощеное Бельского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 92 лет.

Эльманович Г., свящ. Протоиерей села Николо-Немощеного Бельского уезда Иоанн Михайлович Смирягин (некролог) // 1910. № 8. С. 284–288 (Из местной жизни).

Соколов Александр Иванович (? , село Сож Смоленский уезд Смоленская губерния – 20 сентября 1909 г., село Мамошки Поречский уезд Смоленская губерния), священник села Мамошки Поречского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 38 лет.

Боровиков, свящ. Священник Александр Иванович Соколов (некролог) // 1909. № 23. С. 824–825 (Из местной жизни).

Соколов Александр Михайлович (? , село Иоткино Бельский уезд Смоленская губерния — 9 июня 1911 г.), смотритель Рославльского духовного училища; умер в возрасте 64 лет.

Александр Михайлович Соколов (некролог) // 1911. № 14. С. 507–517.

Соколов Алексей Николаевич (? , Витебск — 9 января 1898 г.), смотритель Бельского духовного училища; умер в возрасте 40 лет.

Некролог // 1898. № 3. С. 159.

Соколов Алексей Яковлевич (? — 11 марта 1886 г., село Власово Юхновский уезд Смоленская губерния), заштатный священник села Власова Юхновского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 78 лет.

Некролог // 1886. № 13. С. 609–613.

Соколов Василий Евлампиевич (? , село Покрова — 20 февраля 1912 г.), священник села Неиолово Дорогобужского уезда Смоленской губернии.

Пичугина Н. О. В. Е. Соколов (некролог) // 1912. № 11. С. 621–622 (Из местной жизни).

Соколов Иоанн Арсеньевич (? , Дорогобуж — 19 января 1897 г., село Петрополье Рославльский уезд Смоленская губерния), священник села Петрополье Рославльского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 73 лет.

Руженцев В., свящ. Священник Иоанн Арсеньевич Соколов (некролог) // 1897. № 6. С. 345–346.

Соколов Иоанн Афанасьевич (1828 г., село Леонтьево Вяземский уезд Смоленская губерния — 25 декабря 1889 г., село Бариново Юхновский уезд Смоленская губерния), заштатный священник села Бариново Юхновского уезда Смоленской губернии.

Иоанн Афанасьевич Соколов (некролог) // 1890. № 4. С. 187–190.

Соколов Иоанн Михайлович (? , село Дубровно Юхновский уезд Смоленская губерния — 26 апреля 1911 г.), священник села Преображенского Киренского уезда Иркутской губернии; умер в возрасте 35 лет.

И. М. Соколов (некролог) // 1912. № 3. С. 169–170 (Из местной жизни).

Соколов Иоанн (? — апрель 1911 г.), священник Нижне-Тунгусской церкви Иркутской губернии, ранее служил в селе Болваничи Краснинского уезда Смоленской губернии.

[В апреле месяце...] // 1911. № 21. С. 755 (Из местной жизни).

Соколов Илья Феодорович (? , село Дятлово Гжатский уезд Смоленская губерния — 5 ноября 1906 г.), заштатный священник села Щучье Поречского

уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 58 лет (в другом некрологе указано 70 лет).

[5-го ноября...] // 1906. № 21. С. 1262 (Из местной жизни); *Н. С.* [В воскресенье 5 ноября...] // 1906. № 22. С. 1313–1315 (Из местной жизни).

Соколов Матвей Михайлович (?), село Мольни Бельский уезд Смоленская губерния — 25 ноября 1909 г.), заштатный священник села Городок Бельского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 74 лет.

К. С., свящ. Священник М. М. Соколов (некролог) // 1910. № 7. С. 242–244 (Из местной жизни).

Соколов Михаил Георгиевич (?), село Куршево Гжатский уезд Смоленская губерния — 23 февраля 1889 г., село Устье Сычëвский уезд Смоленская губерния), священник села Устье Сычëвского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 71 года.

Соколинский. Некролог священника села Устье Сычëвского уезда // 1889. № 7. С. 339–343.

Соколов Михаил Иванович (1825 г., село Дубровны Юхновский уезд Смоленская губерния — 14 ноября 1885 г., село Дубровны Юхновский уезд Смоленская губерния), священник села Дубровны Юхновского уезда Смоленской губернии.

Священник Михаил Иванович Соколов. Некролог // 1886. № 4. С. 184–192.

Соколов Михаил Ильич (?), село Бабыново Смоленская губерния — 5 июня 1895 г., Санкт-Петербург), протоиерей Казанского собора Санкт-Петербурга, родной брат Высокопреосвященного Доната; умер в возрасте 50 лет.

Протоиерей Михаил Ильич Соколов (некролог) // 1895. № 14. С. 609–612 (Известия и заметки)^а.

Соколов Михаил Николаевич (?), село Ахтырка Бельский уезд Смоленская губерния — 13 июля 1889 г., село Высокое Сычëвский уезд Смоленская губерния), протоиерей села Высокого Сычëвского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 66 лет.

Смирнов Н., свящ. Протоиерей Михаил Николаевич Соколов (некролог) // 1889. № 19. С. 861–867.

Соколов Михаил Семенович (?), село Жилино Вяземский уезд Смоленская губерния — 23 декабря 1910 г.), священник села Свадицы Духовщинского уезда Смоленской губернии.

Свящ[енник] М. Соколов (некролог) // 1911. № 22. С. 793–795 (Из местной жизни).

^а Перепечатка из «Церковного вестника», № 24.

Соколов Михаил Тихонович (? , село Мытишино Дорогобужский уезд Смоленская губерния — 8 сентября 1915 г.), прапорщик, студент Петроградского университета.

Зыков А., прот. Михаил Тихонович Соколов (некролог) // 1915. № 19. С. 678–679 (Из жизни епархии).

Соколов Николай Михайлович (? , село Дубровно Юхновский уезд Смоленская губерния — 19 ноября 1896 г., село Дубровно Юхновский уезд Смоленская губерния), преподаватель Касимовского духовного училища; умер в возрасте 39 лет.

Ильинский В. Николай Михайлович Соколов (некролог) // 1897. № 16. С. 919–921.

Соколов Петр Александрович (? , Гжатск — 24 ноября 1891 г., село Субботниково Гжатский уезд Смоленская губерния), священник села Субботникова Гжатского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 47 лет.

Отец Петр Соколов (некролог) // 1892. № 10. С. 447–451.

Соколов Тихон Михайлович (? , село Дубровны Юхновский уезд Смоленская губерния — 26 сентября 1893 г., Смоленск), священник села Мытишино Дорогобужского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 30 лет.

Соколов Н. Тихон Михайлович Соколов, священник села Мытишино Дорогобужского уезда (некролог) // 1893. № 21. С. 1019–1022.

Соколов Феодор Иванович (? , село Городище Юхновский уезд Смоленская губерния — 12 марта 1887 г.), действительный статский советник, директор народных училищ Олонецкой губернии.

Некролог (Ф. И. Соколов) // 1887. № 14. С. 682–683.

Соколов Феодор Трофимович (? , село Вешки Юхновский уезд Смоленская губерния — 2 февраля 1909 г.), заштатный диакон села Рождествено Гжатского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 67 лет.

[2 февраля умер...] // 1909. № 9. С. 333 (Из местной жизни).

Соколова Олимпиада Ивановна (1838 г., село Мокрое Гжатский уезд Смоленская губерния — 13 марта 1910 г.), вдова священника села Дубровно Юхновского уезда Смоленской губернии.

[13-го марта сего 1910 года...] // 1910. № 7. С. 241–242 (Из местной жизни).

Солнцев Георгий Евстафиевич (? — 6 февраля 1907 г.), диакон Воскресенской церкви Рославля; умер в возрасте 88 лет.

Щукин А., прот. Диакон Георгий Евстафиевич Солнцев (некролог) // 1907. № 5. С. 221–225 (Из местной жизни).

Солнцев Иоанн Андреевич (? , село Гореново Рославльский уезд Смоленская губерния — 15 декабря 1891 г., село Терешки Рославльский уезд Смоленская губерния), священник села Терешки Рославльского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 51 года.

Руженцев В., свящ. Священник Иоанн Андреевич Солнцев (некролог) // 1892. № 11. С. 506–509.

Солнцев Константин Филиппович (21 мая 1825 г., село Васильевское Бельский уезд Смоленская губерния — 5 апреля 1892 г., село Васильевское Бельский уезд Смоленская губерния), заштатный священник села Васильевского Бельского уезда Смоленской губернии.

Зезюлинский З., свящ. Священник Константин Филиппович Солнцев (некролог) // 1892. № 21. С. 1019–1025; № 22. С. 1081–1087.

Солнцев Нил Евстафьевич (? — 1 декабря 1886 г., Рославль), протоиерей соборной церкви Рославля; умер в возрасте 70 лет.

Некролог (прот[оиерей] Н. Е. Солнцев) // 1886. № 24. С. 1162–1163.

Солнцев Сергей Алексеевич (6 октября 1843 г., село Мытищи Московский уезд Московская губерния — 22 июля 1891 г., Москва), бывший преподаватель Смоленской духовной семинарии.

Соколов Н. Сергей Алексеевич Солнцев (некролог) // 1891. № 18. С. 919–932.

Соловьев Василий Андреевич (? — 22 июля 1900 г., Смоленск), заштатный священник села Сенна Тихвинского уезда Новгородской губернии; умер в возрасте 78 лет.

Священник Василий Андреевич Соловьев (некролог) // 1900. № 19. С. 993–994.

Сперанский Иван Петрович (октябрь 1831 г., село Великие Луки Порховский уезд Псковская губерния — 28 июня 1909 г., Смоленск), статский советник, кандидат Санкт-Петербургской Духовной академии, преподаватель Смоленской духовной семинарии и епархиального женского училища, староста смоленской Покровской церкви, редактор «Смоленских епархиальных ведомостей».

Макаревский Д. Д. Иван Петрович Сперанский (1831–1909 гг.). Библиографический очерк: по поводу 50-летия Смоленских епархиальных ведомостей // 1915. № 1. С. 2–8; № 3. С. 57–66.

Спиридонов Андрей Адрианович (? — 19 мая 1910 г.), протоиерей Иоанно-Богословской церкви Смоленска; умер в возрасте 73 лет.

Протоиерей А. А. Спиридонов // 1910. № 14. С. 493–496 (Из местной жизни).

Спиридонов Иоанн Адрианович (? , село Ильинское (Ярыгино тож) Сычевский уезд Смоленская губерния — 4 марта 1894 г., село Понизовье Пореч-

ский уезд Смоленская губерния), старший священник села Познзовье Поречского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 54 лет.

Спиридонов Н. Некролог // 1894. № 12. С. 546–550.

Спиридонов Михаил Андрианович (?), село Ярыгино (Ильинское тож) Сычёвский уезд Смоленская губерния — 7 апреля 1898 г., Гжатск), священник Казанской церкви Гжатска; умер в возрасте 67 лет.

Н. С. Некролог // 1898. № 14. С. 791–799.

Станкевич Михаил Васильевич (?), Духовщина — 24 января 1905 г., Смоленск), протоиерей смоленской Покровской церкви; умер в возрасте 66 лет.

Яблонский А., священ. О Михаиле Васильевиче Станкевиче (некролог) // 1905. № 4. С. 217–220.

Стефанов Василий Михайлович (?), село Короваево-Алмазово Сычёвский уезд Смоленская губерния — 26 декабря 1909 г.), священник села Извольское Юхновского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 37 лет.

Стефанов С., священ. Священник В. М. Стефанов (некролог) // 1910. № 3. С. 80–81 (Из местной жизни).

Струнников Алексей Иванович (?), Тверская губерния — ?, Кашин), из купеческой семьи, магистр богословия, преподаватель Кашинского духовного училища, короткий период (до 1890 г.) преподавал в Смоленской духовной семинарии.

Некрасов Е., священ. Из воспоминаний о бывшем (ныне покойном) преподавателе Смоленской духовной семинарии Алексее Ивановиче Струнникове // 1904. № 17. С. 1023–1026.

Суханов Кирилл Игнатьевич (? — 11 июня 1896 г., город Белый), заштатный священник Николаевской церкви города Белого; умер в возрасте 70 лет.

Полубинский Г., священ. Священник о. Кирилл Игнатьевич Суханов (некролог) // 1896. № 16. С. 849–853.

Сущинский Михаил Иванович (1 октября 1799 г., село Черепово Рославльский уезд Смоленская губерния — 24 мая 1853 г., Чернигов), юрочивый.

Михаил Иванович Сущинский // 1865. № 10. С. 384–397.

Терпиловский Климент Васильевич (?), село Бывалки Ельнинский уезд Смоленская губерния — 17 октября 1892 г., село Бывалки Ельнинский уезд Смоленская губерния), священник села Бывалки Ельнинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 61 года.

Н. Священник Климент Васильевич Терпиловский (некролог) // 1892. № 24. С. 1201–1202.

Тимофеев Михаил Феодорович (? , село Чудово Новгородский уезд Новгородская губерния — 20 октября 1894 г., Смоленск), преподаватель Смоленской духовной семинарии; умер в возрасте 28 лет.

М. Д-в. Михаил Феодорович Тимофеев, преподаватель Смоленской духовной семинарии (некролог) // 1894. № 21. С. 938–945.

Титов Дмитрий Алексеевич (? — 22 ноября 1914 г., Смоленск), бывший преподаватель Смоленской духовной семинарии.

Дмитрий Алексеевич Титов (некролог) // 1914. № 22. С. 650 (Из жизни епархии).

Троицкая Мария Алексеевна (? , Калуга — 13 ноября 1886 г., Смоленск), жена преподавателя Смоленской духовной семинарии Николая Ивановича Троицкого; умерла в возрасте 26 лет.

Некролог: (М. А. Троицкая) // 1886. № 23. С. 1103–1104.

Троицкий Александр Петрович (май 1827 г., село Ермолино Рославльский уезд Смоленская губерния — 15 января 1904 г., село Каблуково Краснинский уезд Смоленская губерния), благочинный 3-го округа Краснинского уезда Смоленской губернии, протоиерей села Каблуково Краснинского уезда.

Костылев Л., свящ. Благочинный 3-го округа Краснинского уезда о. протоиерей села Каблуково Александр Петрович Троицкий (некролог) // 1904. № 4. С. 231–237.

Троицкий Никита Григорьевич (1792 г., село Федотово Боровский уезд Калужская губерния — 24 февраля 1880 г., Смоленск), магистр Московской духовной академии, кафедральный протоиерей, преподаватель Смоленской мужской гимназии.

Афонский И., прот. Некролог протоиерея Никиты Григорьевича Троицкого // 1880. № 6. С. 153–165.

Троицкий Николай Иванович (24 декабря 1848 г., Ростов Ярославская губерния — 12(13) декабря 1889 г., Смоленск), статский советник, преподаватель Смоленской духовной семинарии.

Преподаватель Смоленской духовной семинарии Николай Иванович Троицкий (некролог) // 1890. № 6. С. 288–299; № 7. С. 344–352; № 8. С. 386–394; № 9. С. 442–449.

Тройницкий Никита Маркович (? , село Новоселок Рославльский уезд Смоленская губерния — 19 апреля 1909 г.), диакон села Щучье Поречского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 41 года.

[19 апреля умер...] // 1909. № 9. С. 333 (Из местной жизни).

Трофимовский Николай Васильевич (1812 г., Харьковская губерния — 14 ноября 1887 г., Вязьма), магистр богословия, бывший смотритель Вяземского духовного училища.

В. С. Николай Васильевич Трофимовский (некролог) // 1888. № 4. С. 175–182.

Уклонский Андрей Иоаннович (? , село Златоустово Гжатский уезд Смоленская губерния — 14 января 1898 г., село Вырубово Гжатский уезд Смоленская губерния), протоиерей села Вырубово Гжатского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 61 года.

Протоиерей села Вырубово Гжатского уезда, Андрей Иоаннович Уклонский (некролог) // 1898. № 8. С. 440–443.

Уклонский Иоанн Михайлович (? , село Егорьевское Сычёвский уезд Смоленская губерния — 16 декабря 1885 г., село Коробино Смоленский уезд Смоленская губерния), священник села Коробино Смоленского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 70 лет.

Жегалов Н., свящ. Некролог // 1886. № 5. С. 252–255.

Успенский Иоанн Иванович (? , село Юренево Вяземский уезд Смоленская губерния — март 1908 г.), диакон села Досугово Краснинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 73 лет.

Диакон села Надвы Смол[енского] у[езда] Николай^а Успенский. (некролог) // 1908. № 7. С. 304 (Из местной жизни).

Успенский Петр Иоаннович (1820 г., село Пречистое Гжатский уезд Смоленская губерния — 28 мая 1899 г., Гжатск), протоиерей гжатского собора.

Пр. М. Тр. [28 мая прошедшего 1899 года...] // 1900. № 16. С. 840–844.

Фалютинский Григорий Иванович (1828 г., село Красное Лебедянский уезд Тамбовская губерния — 1895 г.), протоиерей Введенской церкви Семёновского полка Санкт-Петербурга, в 1873–1875 гг. преподаватель Смоленской духовной семинарии.

Протоиерей Григорий Иванович Фалютинский (некролог) // 1895. № 17. С. 767–768 (Известия и заметки)⁶.

Федоров Иван Григорьевич (? , Воронежская губерния — 6 февраля 1889 г., город Белый), кандидат богословия, преподаватель Бельского духовного училища; умер в возрасте 30 лет.

Коршиевский В. Некролог // 1889. № 5. С. 246–248.

^а Так в оригинале. В заголовке Николай Успенский, а в тексте Иоанн Ив[анович].

⁶ Перепечатка из «Санкт-Петербургского духовного вестника».

Феодосий (Макарьевский; ?, Черниговская губерния — 5 февраля 1885 г.), епископ Екатеринославльский и Таганрогский, в 1849–1853 гг. преподаватель Смоленской духовной семинарии, в 1853–1861 гг. смотритель Вяземского духовного училища.

Некролог // 1885. № 5. С. 256–257^а.

Холодковский Даниил (? , село Введенье Духовщинский уезд Смоленская губерния — 21 октября 1909 г., Вязьма), псаломщик села Баскаково Сычёвского уезда Смоленской губернии, бывший священник села Богдановщино Вяземского уезда Смоленской губернии.

Священник Даниил Холодковский // 1909. № 21. С. 739–740 (Из местной жизни).

Цветков Владимир Васильевич (? — 10 ноября 1907 г.), заштатный священник села Даниловичи Ельнинского уезда Смоленской губернии; умер «не имея полных 40 лет».

Священник о. Вл. Цветков (некролог) // 1907. № 23. С. 967 (Из местной жизни).

Цветков Симеон Филаретович (? — декабрь 1908 г.), протоиерей Казанской церкви Смоленска; умер в возрасте 68 лет.

Протоиерей Симеон Филаретович Цветков // 1909. № 1. С. 17–20 (Из местной жизни).

Чанцев Николай Васильевич (? — 24 мая 1879 г., село Столбово Гжатский уезд Смоленская губерния), священник села Столбово Гжатского уезда Смоленской губернии.

Успенский П., прот. Некролог // 1879. № 15. С. 449–453.

Чаусов Михаил Дмитриевич (1839 г., село Даниловичи Ельнинский уезд Смоленская губерния — 29 августа 1903 г., Варшава), действительный статский советник, доктор медицинских наук, профессор Варшавского университета.

Орловский И. Михаил Дмитриевич Чаусов (некролог) // 1903. № 19. С. 1132–1137.

Чеботарев Константин Алексеевич (? , село Стригино Ельнинский уезд Смоленская губерния — 5 сентября 1911 г., село Язвено Ельнинский уезд Смоленская губерния), священник села Балутино Ельнинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 42 лет.

Юденич П. Священник Константин Алексеевич Чеботарев (некролог) // 1911. № 18. С. 672–674 (Из местной жизни).

^а Перепечатка из «Московских церковных ведомостей».

Чеботарев Николай Алексеевич (? , село Стригино Ельнинский уезд Смоленская губерния — 8 июля 1904 г., Смоленск), заштатный священник села Стригино Ельнинского уезда Смоленской губернии.

Чеботарев К., свящ. Священник Николай Алексеевич Чеботарев (некролог) // 1904. № 18. С. 1092–1094.

Черкасов Егор Дмитриевич (? , село Спасские-Линки Духовщинский уезд Смоленская губерния — 21 января 1895 г., Рославль), бывший помощник смотрителя Рославльского духовного училища; умер в возрасте 73 лет.

Павлов А. Егор Дмитриевич Черкасов, бывший помощник смотрителя Рославльского духовного училища (некролог) // 1895. № 8. С. 330–340.

Чернавский Григорий Сергеевич (? — 28 марта 1914 г.), заштатный священник села Ивановское Краснинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 82 лет.

Юденич А., свящ. Священник Григорий Чернавский (некролог) // 1914. № 9. С. 304–305.

Чернобуров Иоанн Петрович (? , село Великиполье Юхновский уезд Смоленская губерния — 20 октября 1897 г., село Сафоново Юхновский уезд Смоленская губерния), священник села Сафоново Юхновского уезда, Смоленской губернии; умер в возрасте 64 лет.

Некролог // 1897. № 24. С. 1380–1384.

Чернобуров Леонид Иванович (? , село Сафоново Юхновский уезд Смоленская губерния — 10 июня 1898 г., Москва), преподаватель Смоленского епархиального женского училища; умер в возрасте 26 лет.

Смирнов П. Леонид Иванович Чернобуров (некролог) // 1898. № 13. С. 737–742.

Четыркин Александр Дмитриевич (6 февраля 1893 г., село Княжино-Андреевское Бельский уезд Смоленская губерния — 1 марта 1915 г., деревня Стечно, Германия), прапорщик 246-го пехотного Бахчисарайского полка.

Четыркин И. Прапорщик А. Д. Четыркин, † 1 марта 1915 г. // 1916. № 23. С. 538–539 (Из местной жизни).

Четыркин Захарий Иванович (? , село Елисеевичи Духовщинский уезд Смоленская губерния — 24 мая 1896 г., село Федотково Юхновский уезд Смоленская губерния), священник села Федотково Юхновского уезда Смоленской губернии.

Куркин А., свящ. Захарий Иванович Четыркин (некролог) // 1896. № 13. С. 694–696.

Четыркин Лавр Иоаннович (? , село Приселье Духовщинский уезд Смоленская губерния — 8 февраля 1906 г.), священник села Понизовье Бельского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 60 лет.

Село Понизовье // 1906. № 5. С. 306–307 (Из местной жизни).

Четыркин Николай Захарьевич (1871 г., село Федотково Юхновский уезд Смоленская губерния — 26 февраля 1913 г.), священник села Бородино Поречского уезда Смоленской губернии.

Смирнов В. Священник Николай Захарьевич Четыркин (некролог) // 1913. № 7. С. 403 (Из жизни епархии).

Чечетов Симеон Константинович (? , село Щелканово Краснинский уезд Смоленская губерния — 23 марта 1914 г., село Пречистое (Залесье тож) Духовщинский уезд Смоленская губерния), священник, настоятель церкви села Пречистого (Залесья тож) Духовщинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 50 лет.

Соколов В., свящ. Священник Симеон Чечетов (некролог) // 1914. № 7. С. 212–213 (Из жизни епархии).

Чистяков Николай Иванович (1864 г., село Боголюбково Бельский уезд Смоленская губерния — 1 января 1890 г.), священник села Будино Бельского уезда Смоленской губернии.

Романов Г., свящ. Села Будино священник Николай Ив[анович] Чистяков (некролог) // 1890. № 5. С. 246–248.

Чубаров Иоанн Иоаннович (? , село Сухари Рославльский уезд Смоленская губерния — 20 ноября 1912 г.), священник села Костыри Рославльского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 61 года.

Васильев Г. Священник Иоанн Иоаннович Чубаров (некролог) // 1913. № 2. С. 135–136 (Из жизни епархии).

Чудовский Александр (? , село Кулагино Духовщинский уезд Смоленская губерния — 16 ноября 1912 г., село Рыбки Дорогобужский уезд Смоленская губерния), заштатный диакон села Рыбки Дорогобужского уезда Смоленской губернии.

Березкин Ф., диакон. Дикон А. Чудовский (некролог) // 1913. № 1. С. 79 (Из местной жизни).

Шашков Иоанн Алексеевич (? , село Хариново Рославльский уезд Смоленская губерния — 5 мая 1912 г.), священник села Лобково Смоленского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 45 лет.

Иларионов Я. Священник И. А. Шашков (некролог) // 1912. № 16. С. 917–918 (Из местной жизни).

Шестаков Ларгий Тихонович (? , Смоленск — 29 ноября 1911 г.), священник села Сошно Духовщинского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 53 лет.

Кулагин А., свящ. Свящ[енник] Л. Т. Шестаков (некролог) // 1912. № 2. С. 86–87 (Из местной жизни).

Шибков Иоанн Леонтьевич (? , село Софьино — 2 апреля 1913 г.), псаломщик церкви села Софьино (Новосельский стекольный завод); умер в возрасте 48 лет.

С. З., свящ. Псаломщик Иоанн Леонтьевич Шибков (некролог) // 1913. № 10. С. 554–555 (Из жизни епархии).

Шировский Нил Захарович (1847 г., Смоленск — 15 декабря 1915 г.), заштатный диакон села Ивановского Краснинского уезда Смоленской губернии.

Никольский Н. Зашт[атный] диакон Н. З. Шировский (некролог) // 1916. № 1. С. 16–17 (Из жизни епархии).

Ширяев Никола Дмитриевич (? , село Холм Духовщинский уезд Смоленская губерния — 3 апреля 1910 г., Духовщина), священник соборной церкви города Духовщина; умер в возрасте 53 лет.

Ширяев С., свящ. Священник о. Никола Дмитриевич Ширяев // 1910. № 12/13. С. 434–437 (Из местной жизни).

Ширяев Феодор Петрович (1873 г., село Епишево Рославльский уезд Смоленская губерния — 22 мая 1909 г., село Пустошки Дорогобужский уезд Смоленская губерния), священник села Пустошки Дорогобужского уезда Смоленской губернии.

Н. Священник Феодор Петрович Ширяев (некролог) // 1909. № 14. С. 484–486 (Из местной жизни).

Ширяева Фаина Николаевна (? — 28 октября 1912 г., Смоленск), жена священника села Подсосонок Юхновского уезда Смоленской губернии Петра Ширяева.

Ф. Н. Ширяева (некролог) // 1912. № 22. С. 1152–1153 (Из местной жизни).

Шкломин Тимофей Феодорович (? , село Мольгино Сычевский уезд Смоленская губерния — 27 апреля 1909 г.), псаломщик Ямской Христо-Рождественской церкви города Вязьмы; умер в возрасте 38 лет.

[27 апреля...] // 1909. № 9. С. 333–334 (Из местной жизни).

Щукин Алексей (? — 16 марта 1915 г.), протоиерей Казанско-Пятницкой церкви Рославля; умер в возрасте 89 лет.

Протоиерей А. Щукин (некролог) // 1915. № 8. С. 321–323 (Из жизни епархии).

Юденич Владимир Михайлович (1849 г., село Будаево Вяземский уезд Смоленская губерния — 13 марта 1904 г.), священник села Колковичи Духовщинского уезда Смоленской губернии.

Селезнев П., свящ. Священник В. М. Юденич (некролог) // 1904. № 8. С. 503–504.

Юденич Георгий Тимофеевич (? — 2(3) декабря 1907 г.), заштатный диакон села Ильи-Жадинское Юхновского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 82 лет.

Соколов М., диакон. Дьякон Георгий Тимофеевич Юденич (некролог) // 1908. № 7. С. 303–304 (Из местной жизни).

Яблонский Александр Николаевич (22 июль 1861 г., село Дентялово Бельский уезд Смоленская губерния — 4 февраля 1912 г.), законоучитель Смоленского городского женского училища, совершал богослужения на латышском языке в Нижнее-Благовещенской церкви Смоленска для православных латышей.

Б. Священник А. Н. Яблонский (некролог) // 1912. № 5. С. 276–278 (Из местной жизни).

Яблонский Николай Самуилович (? , село Георгиевское Бельский уезд Смоленская губерния — 25 марта 1897 г.), священник села Ларино Вяземского уезда Смоленской губернии; умер в возрасте 60 лет.

Некролог // 1897. № 8. С. 483–484.

Якимович Даниил Кириллович (? , Волынская губерния — 20 июля 1906 г., село Погорелое Дорогобужский уезд Смоленская губерния), статский советник, кандидат богословия, смотритель Вяземского духовного училища; умер в возрасте 53 лет.

Даниил Кириллович Якимович // 1906. № 19. С. 1133–1134 (Из местной жизни).

Яковлев Василий (? — 31 марта 1911 г.), «из солдатских детей», псаломщик церкви Космы и Дамиана в городе Сычёвке.

Псаломщик Василий Яковлев // 1911. № 8. С. 288–289 (Из местной жизни).

НОВЫЕ КНИГИ

«Гипотеза, выстроенная на гипотезах»: по поводу нового исследования А. Поппэ*

Имя Анджея Поппэ, польского медиевиста, хорошо известно и пользуется заслуженным уважением среди исследователей. В течение почти 60 лет научной деятельности он подготовил около 300 печатных работ, значительная часть которых посвящена истории государства и Церкви в Древней Руси. Богатая эрудиция, владение методикой источниковедческого анализа, педантичная скрупулезность в изучении фактов позволили А. Поппэ выдвинуть ряд ярких гипотез, получивших признание в науке. К ним прежде всего необходимо отнести рассмотрение истории крещения Руси как результата русско-византийского политического соглашения 987 г.; обоснование тезиса об учреждении Киевской митрополии князем Владимиром сразу после официального принятия христианства; предположение о возникновении в 3-й четверти XI в. титулярных митрополий в Чернигове и Переяславе Южном в связи с особенностями политической ситуации на Руси, сложившейся после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.)¹. Наконец, польскому историку принадлежит одна из первых попыток дать краткую историю древнерусской Церкви в лице ее архиереев², а также комплексное изучение развития системы епископских кафедр Киевской митрополии³. Работы А. Поппэ пользуются неизменным вниманием специалистов, а их выход в свет является значимым событием в научном мире. Поэтому издание в приложении к журналу *Ruthenica* в 2011 г. работы «Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря», ранее анонсированной автором⁴, не могло остаться незамеченным. Анализу данного исследования и посвящается настоящая рецензия.

Структурно работа состоит из небольшого предисловия («Предисловие с введением». С. 7–12), 5 глав (С. 13–84), заключения («Итоги и виды». С. 85–100), 2 приложений (С. 101–139), списка сокращений (С. 140) и сводного указателя (С. 141–149). Первое приложение «О посвящении священноиннока

* *Поппэ А.* Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря [Ruthenica. Supplementum 3]. Київ, 2011.

Илариона митрополитом Киевским» представляет собой перепечатку изданной в 1970 г. в журнале «История СССР» статьи «Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в.» с внесением незначительных исправлений, устраняющих «очевидные опечатки и мелкие полиграфические погрешности». Второе приложение «Попытки Илариона прославить Владимира святым» в основной своей части является выдержкой из исследования «Владимир Святой: У истоков церковного прославления», опубликованной в 2008 г.⁵ И хотя автор уверяет, что данный текст издается с «небольшими правками», в ряде случаев эти правки несут значимую смысловую нагрузку. Так, например, если в статье утверждается, что «Иларион не только решил поддержать оппозиционное византийское монашество, но и склонил Ярослава, который до того назначал лишь епархиальных епископов митрополии Руси, поставить и самого митрополита», то в приложении инициатива поставления Илариона на митрополичью кафедру приписывается уже не ему самому, а «русским студитам»: «Русские студиты не только решили поддержать оппозиционное византийское монашество, но и склонили Ярослава, который до того назначал лишь епархиальных епископов митрополии Руси, поставить и самого митрополита» (С. 137). В заключительном абзаце приложения, которого нет в статье, содержится указание на «недюжинное богословское образование Илариона», которое он мог вынести из «среды студийского монашества». Эти дополнения напрямую связаны с одной из основных идей рецензируемой работы, поэтому тексты, помещенные в приложениях, имеют смысл рассматривать как часть общего замысла.

В предисловии отмечается, что настоящая работа, являясь результатом 3-летних изысканий, ставит своей целью обоснование «положения о том, что монахи, тем или иным образом связанные со Студийским монастырем в Константинополе, появились на Руси уже в X в., сыграли немаловажную роль в становлении русского христианства, и уже в XI в. студиты из греков, болгар и русинов придали просвещению славяно-руси ту духовную самоуглубленность, которая доселе казалась непонятной» (С. 8). Здесь же автор указывает на дошедшие до нас следы «студийского миссионерства» в Древней Руси, которые он усматривает в «интеллектуальной зрелости» творчества «вероятно, студита Илариона», в Киево-Печерском монастыре как «дочерней обители Студия», в изображении «двух студийских игуменов» в росписях Софии Киевской. Ниже отмечается, что «основным для дальнейшего хода исследований является вопрос времени и обстоятельств причисления Феодосия Печерского к лику святых», решение которого увязывается с датировкой его Жития (С. 10). К сожалению, автор не поясняет, почему разработка студийской темы нуждается в исследовании хронологии и условий церковного прославления Феодосия. Поэтому читателю остается лишь принять данное положение как необходимое условие решения общей задачи.

Здесь же, в предисловии, дается небольшой терминологический экскурс, где разъясняется значение слов: «князь», «кафедральный собор», «кафоликон», «типикон». Наряду со словами «русь», понимаемом «в смысле этноса», и «Русь» «в значении страны, государства», предлагается использование при-

лагательного «русский», которое необходимо, «дабы не путать с русский — от России» (С. 8–9). Не следует думать, что данное предложение является нововведением, которое обусловлено исключительно местом публикации рецензируемой работы. Замена «русский» на «русский» встречается и в более ранних статьях автора⁶. Хотя в ряде последних работ, по всей видимости, не опасаясь «путаницы», Поппэ использует традиционное «русский»⁷. Вероятно, этой двойственности автор и решил положить конец, обосновав целесообразность использования в исторических исследованиях прилагательного «русский».

В 1-й главе работы «Из истории воцерковления культа святых» предпринимается попытка рассмотреть вопрос причисления к лику святых, которая, по признанию самого автора, «не претендует на исчерпывающую самостоятельность» (С. 14). Он справедливо отмечает, что с древнейших времен решение о признании святости принималось местным архиереем совместно с клиром кафедрального собора. Приблизительно с XI в. на Западе этот процесс приобрел характер юридического производства и стал прерогативой высшей церковной власти в лице римской курии. В Византии стремление к централизации «делопроизводства признания святости» хотя и существовало, но так и не получило своего канонического завершения. «И тут, и на Руси,— замечает Поппэ,— до самого конца периода средневековья действующей оставалась литургическая традиция древней Церкви» (С. 16). Влиятельные обители, находящиеся под покровительством светских правителей, имели право прославлять своих угодников без санкции епархиального архиерея. К таким обителям автор относит Великую лавру на Афоне, Студийский и Киево-Печерский монастыри.

В раннем христианстве к святым причисляли мучеников, пострадавших за свои религиозные убеждения. С прекращением гонений на христианство к ним стали относить равноапостольных государей, просветивших народы крещением, а также подвижников, следовавших в своей жизни заветам Христа. Автор отмечает, что почитание святого вело к распространению традиции обретения и перенесения его мощей в храм. Отсутствие же останков «пре-секало возможность их обретения и сводило признание святости на нет». «Два акта,— подытоживает Поппэ,— *обретение* и *перенесение* (курсив Поппе.— Ю. А.), объединяемые литургическим деянием, вводили подвижника в сон признанных святых» (С. 16). Этот вывод представляется излишне категоричным: действительность была сложнее.

Процедуры обретения и перенесения мощей играли большую роль в становлении почитания святых, но не определяли канонизацию. История Восточной Церкви знает достаточно примеров, когда признание святости обходилось либо вообще без актов обретения и перенесения мощей, либо они осуществлялись *post factum*. Так, например, тело св. Афанасия Афонского († ок. 1000 г.), захороненное в северном приделе кафедрального собора Великой лавры, ни разу не было потревожено. Без «актов обретения и перенесения мощей» на Востоке стали почитаться святыми Антоний Великий († ок. 356 г.), Василий Великий († 379 г.), Андрей Юродивый († 936 г.) и др., а на Руси —

Антоний Печерский († 1073 г.), Кирилл Белозерский († 1427 г.), Нил Сорский († 1508 г.), Иосиф Волоцкий († 1515 г.) и др.

В средневековой Руси, вопреки мнению Поппэ⁸, в качестве главного основания канонизации святого выступал дар чудотворения. Об этом свидетельствуют древнерусские агиографические сочинения, содержащие многочисленные описания прижизненных и посмертных чудес святых, а также желание авторов житий удостоверить их совершение ссылкой на конкретного очевидца или литературный авторитет. Нестор в Житии прп. Феодосия Печерского по случаю совершения чудес отмечает: «Се явися игоумену монастыря святаго архистратига Михаила Софронию»; «И се исповеда ми единъ отъ братия именьмъ Иларионъ»; «Яко же съповедаше, слышавъ отъ того (князя Святослава Ярославича.— Ю. А.), чьрноризыць Павль, игоумень сыи отъ единого монастыря соущиыхъ въ области его»; «Единъ отъ клироса святаго и великыа церкви София... съповеда братии, како ицеле отъ болести молитвами святаго отца нашего Феодосия»⁹. Повествуя о чудесном явлении огненного столпа, который знаменовал место будущего строительства Успенского собора в Киево-Печерском монастыре, агиограф Феодосия ссылается на авторитет Жития св. Саввы Освященного: «И се же паки подобно естъ рещи, еже яко пишеться таково о святаемъ и велицемъ Саве»¹⁰.

О чудесах, как главном основании церковного прославления святых, свидетельствует похвала, читаемая в заключительной части Сказания о Борисе и Глебе: «Тако и сия святая постави светити въ мире, премногими чудесы сияти въ Русьстей велицей стране, идеже множество стражующихъ съпасени бывають: слепии прозирають, хромии быстрее сьрны рищють, сълущии простьрение приемлють. Нь или могу вся исповедати или съказати творимая чудеса? Поистине ни всь миръ можетъ понести, яже деются предивная чудеса, и паче песька морьскааго. И не ту едино, нь и по всьемъ странамъ и по всьемъ землямъ преходяща, болезни вся и недугы отьгонита, сущихъ въ тьмьницахъ и въ узахъ посещающа»¹¹.

В рассказе Киево-Печерского патерика о прп. Кукше — «апостоле вятчей», написанном Владимиро-Суздальским епископом Симоном около 1224–1226 гг., в качестве доказательства святости выступают «многие чудеса» (изгнание бесов, сведение с неба дождя, осушение озера и др.), о которых известно всем («вси сведают»). При этом агиограф ни словом не упоминает об останках убитого язычниками монаха-миссионера¹². В рассказе того же автора о прп. Евстратии Постнике говорится, что тело страстотерпца было брошено убийцей-иудеем в море, «идеже множество чудесъ сътворяеться», и все попытки верующих обрести его святые мощи не увенчались успехом. «Не въсхоте бо святый отъ человекъ славы, но отъ Бога», — резюмирует свой рассказ Симон¹³. Как видим, отсутствие мощей автор объясняет желанием святого избежать земной славы. А значит, тезис о том, что «отсутствие останков прочимого в святые... сводило признание святости на нет», следует признать ошибочным.

Вторая глава работы «Печерская обитель и студиты» является основной частью исследования. Начинается она с рассмотрения истории возникнове-

ния «обители преподобных Антония и Феодосия» в изложении Сказания о начале Печерского монастыря, которое читается в летописной статье 6559 (1051) г. сразу после сообщения о поставлении Илариона Киевским митрополитом. Согласно Сказанию, будущий митрополит был пресвитером церкви Святых апостолов, располагавшейся в загородной резиденции киевских князей на Берестове. На высоком берегу Днепра он выкопал себе небольшую пещеру для уединения и молитвы. После поставления Илариона на кафедру пещера опустела. Спустя некоторое время мирянин из града Любеча отправился на Афон, где принял монашеский постриг с именем Антоний. Игумен, возложивший на Антония «образ мнишьский», отправил молодого постриженника на родину со словами: «Иди в Русь опять, и буди благословенье от Святыя Горы... яко от тебе мнози черньци быти имуть»¹⁴. Местом своего поселения Антоний выбрал холм, где находилась заброшенная пещера Илариона. Здесь он предавался подвигам аскезы: копал пещеру, утруждая тело, постился, пребывал в бдении и молитвах. Слава о нем быстро распространилась среди жителей столицы и пригорода. Возшедший на Киевский престол князь Изяслав Ярославич, узнав о святой жизни отшельника, вместе с дружиной пришел просить у него благословения и молитвы. Известность Антония способствовала образованию вокруг него небольшой монашеской общины, трудами которой были созданы подземная церковь и кельи. Однако стремление к уединению стало причиной удаления Антония на другой холм, где он выкопал для себя новую пещеру. Игуменом стал Варлаам, при котором была возведена небольшая деревянная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. Затем возвели наземную обитель: ограду, кельи, монастырский собор. «И оттоле,— завершает свой рассказ автор Сказания, — почаша Печерский монастырь, имже беша жили черньци преже в пещере, а от того прозвася Печерский монастырь; есть же монастырь Печерский от благословенья Святыя Горы пошелъ»¹⁵. Ниже рассказывается об игуменстве Феодосия, при котором резко возросло число насельников обители и был принят общежительный Студийский устав.

Первое заключение, к которому пришел Поппэ в результате анализа Сказания, состоит в утверждении, что Иларион был «учредителем» Киево-Печерского монастыря. Отсутствие прямого указания на это в летописи объясняется либо «какой-то недомолвкой», либо «простой недосказанностью». Между тем намек на это участие он видит в рассказе о пещере Илариона. Свою гипотезу автор подкрепляет соображением, согласно которому «только епархиальный епископ Киевский мог дать свое согласие на открытие любого монастыря в епархии» (С. 18). Второе заключение касается общей идейной направленности Сказания. Оно, по мнению Поппэ, обосновывает претензии Киево-Печерского монастыря на самоуправление и автономию, подобно обителям «Святой Горы и Студию». Свидетельством этой независимости является то, что «Антоний силой благословения Святой Горы ставил с одобрения всей братии двух очередных игуменов, а не ставил их митрополит Киевский» (С. 19).

Попытка разглядеть в сообщении о пещере Илариона «прозрачный» намек на его участие в учреждении Киево-Печерского монастыря представляется

очевидной натяжкой. В данном случае мы имеем дело не с аллегорией, а с монастырским преданием конца XI — начала XII в., которое опосредованно пыталось связать начальную историю обители с авторитетом первого русского митрополита. Убежден, что если бы Иларион действительно принимал участие в организации монастыря, летописец-печерянин не упустил бы случая рассказать об этом более подробно. Данный вывод подтверждает и отсутствие всякого упоминания об Иларионе в Житии прп. Феодосия Печерского.

Недоумение вызывает тезис Поппэ о том, что «открытие» Антонием монастыря было невозможно без санкции «епархиального епископа Киевского», т. е. Илариона. Во-первых, подавляющее большинство отшельнических поселений, из которых впоследствии выросли крупные монастыри, возникли без какого-либо разрешения со стороны епархиального архиерея. Во-вторых, Сказание определенно говорит, что, вернувшись на родину, Антоний искал уединения, а не возможности основать собственную обитель. Такая необходимость возникла значительно позже, когда после посещения «отца русского монашества» князем Изяславом Ярославичем около 1054 г. вокруг Антония стали собираться ученики и последователи: «Антонии же прославленъ бысть в Русьской земли. Изяславъ же, оувидевъ житъе его, приде с дружиною своею, прося оу него благословенья и молитвы. И оувиданъ бысть всеми великый Антонии и чтимъ, и начаша приходи к нему братья, и нача примати и постригати я»¹⁶. Вопрос об учреждении монастыря мог быть поднят не ранее середины — 2-й половины 1050-х гг., когда Иларион уже не был Киевским митрополитом. Поэтому считать Илариона «учредителем» Печерской обители, объясняя отсутствие сведений об этом в источниках «недосказанностью» и «недомолвкой», нет оснований.

Второе заключение Поппэ, согласно которому Сказание обосновывает претензии Киево-Печерского монастыря на известную независимость и самоуправление, в целом можно признать справедливым. Оговорки требует только то, что в тексте примером для подражания выступает Святая Гора, а не Студийский монастырь, который даже не упоминается.

Автор предлагает ряд аргументов для обоснования идеи о том, что духовным образцом для прп. Феодосия Печерского был выдающийся деятель византийского монашества Феодор Студит. Так, вопреки свидетельству Нестора, согласно которому Феодосий — крестильное имя святого, Поппэ полагает, что оно было принято им «в честь Феодора Студита» при пострижении. Это соображение, во-первых, игнорирует прямое указание источника, во-вторых, не учитывает, что в Древней Руси в случае пострижения в монашество крестильное имя могло сохраняться: «Того ж месяца въ 2 день пострижесе великая княгини Всеволожая во мнишеский чинъ в монастыри святыя Богородици, юже бе сама создала, и нарекоша ей имя Мария, в то ж имя крещена бысть преже»¹⁷.

«Следуя своему идеалу,— продолжает свои рассуждения Поппэ,— Феодору Студиту, который, переняв одну сотню, довел Студийский монастырь до семисот монахов», Феодосий способствовал увеличению числа братии с 20 до 100 человек. Почему в увеличении числа печерских монахов польский

историк усматривает именно влияние Феодора Студита, остается неясным. Упоминание же о росте численности постриженников является общим местом Житий, посвященных святым игуменам (см., например, Жития св. Саввы Освященного, св. Афанасия Афонского, св. Сергея Радонежского и др.).

Отмечая факт выступления Феодосия против князя Святослава Ярославича, незаконно захватившего Киевский стол, автор пишет, что «и в этом сказывается, что для Феодосия образцом оставался назидатель василевсов и патриархов Феодор Студит» (С. 20). Однако кроме Феодора Студита своей бескомпромиссностью в соблюдении канонов светскими и духовными правителями были известны и другие преподобные, например Савва Освященный и Феодосий Киновиарх. «Даже в родственных отношениях, — продолжает Поппэ, — Феодосий следовал Феодору» (С. 21). Так, если последний убедил принять монашество родителей, брата и сестру, то первый склонил к этому свою вдовствующую мать. Но ведь пострижение в монашество ближайших родственников святого встречается в десятках других агиографических текстов, являясь, по сути дела, общим местом житийного жанра.

Для Поппэ же все эти общие места свидетельствуют о «несомненном влиянии деяний Студита на жизнь и характер подвижничества игумена-печерянина». Однако странно, что при всей «несомненности» влияния Феодора Студита «на жизнь и характер подвижничества» Феодосия в Житии последнего нет ни одной текстуальной параллели, подтверждающей эту связь. Более того, называя такие авторитеты восточного монашества, как Антоний Великий, Феодосий Иерусалимский¹⁸, Савва Освященный, Нестор ни словом не упоминает о Феодоре Студите. Желая убедить читателя в своей правоте, польский историк оставляет без внимания прямое свидетельство источника, согласно которому Феодосий старался подражать «отцу монашества» — прп. Антонию Великому: «Житиемъ бо подражая святааго и първааго начальника чръньчскоуоумоу образу великааго меню Антония»¹⁹.

Чтобы объяснить отсутствие «прямых ссылок на Феодора Студита и его деятельность», Поппэ склоняется к «теории заговора». Историк отмечает, «что прямые ссылки на Феодора Студита и его деятельность» вызвали бы «неудовольствия тех церковных властей, которых могло будоражить само намерение прославления самостоятельности монастырем своего почившего игумена, его и печерян близкие связи с византийскими студитами» (С. 23). О том, кто же представлял эти враждебные памяти Феодора Студита силы на Руси, автор умалчивает, ограничиваясь лишь не вполне ясными намеками на «недоброжелателей» и «противников»²⁰. Кто были эти «недоброжелатели» и «противники» Феодора Студита? Какие «церковные власти» на Руси могли возражать против упоминания студийского игумена в агиографических и летописных текстах? Почему Нестор был вынужден обходить молчанием фигуру Феодора Студита? Вразумительных ответов на эти вопросы в тексте нет.

Со времени Е. Е. Голубинского в историографии утвердилось мнение, что монашеский типикон, введенный Феодосием в Киево-Печерском монастыре, представлял собой Алексеевскую редакцию Студийского устава²¹. Эта точка зрения основывается на показаниях древнейшего дошедшего до нас списка

памятника, который был создан в конце XII в. для Благовещенского монастыря в Новгороде (ГИМ, Синод. собр., № 330). Из оглавления дисциплинарной части устава («Уставник... уставлен убо не по писанию в монастыри студийцем преподобным отцем нашим исповедьникъмъ Феодоръмъ, бывъшимъ в нем игуменом, предан же писанием от Альксия святого и вселенныя Патриарха в поставленемъ им монастыри въ имя Божественныя Матере) следует, что правила Федора Студита не были записаны, а действовали в самой практике жизни студийских монахов, записаны же они были Константинопольским Патриархом Алексием (1025–1043 гг.) для учрежденного им в столице Византии Успенского монастыря. Наличие в Киево-Печерской обители разделения на малую и великую схиму, которого не признавал Феодор Студит, стало дополнительным аргументом бытования на Руси именно Алексеевской редакции устава²².

Поппэ ставит «под вопрос» это мнение. Он пишет, что Феодосий заимствовал Студийский устав в редакции Никиты Стифата, «напрямую восходящей к ипотипикону Федора Студита, но с некоторыми дополнениями (не только касающимися института игумена, но, например, деления схимы на малую и большую)» (С. 26). Аргументация историка сводится к следующему. «Алексей Студит, — рассуждает он, — предписывал монахам своей ктитории, что если им не удастся избрать игумена, то решение принадлежит патриарху». Между тем студийская традиция «право окончательного решения предоставляла Господней воле (жребий) либо императору» (С. 25). Насельники Печерской обители, избегая «просить разрешения митрополита Киевского», предпочитали обращаться к киевским князьям, которые «располагали правами, присущими императору в пределах Византийского государства». В этом усматривается «принципиальное расхождение», которое «позволяет отклонить господствующее доселе предположение, что присланный в 1060-е годы иеромонахом Ефремом устав был тридцатилетний давности типиконом в редакции Алексея Студита» (С. 25).

Единственный пример участия князя в судьбе монастыря Поппэ обнаружил в рассказе летописной статьи 6582 (1074) г. о посещении умирающего Феодосия киевским князем Святославом Ярославичем и его сыном Глебом. «Примирительный, но прозорливый Феодосий, — пишет он, — предчувствуя, что разногласия среди печерян могут выйти за стены монастыря, не забывает передать обитель на соблюдение Святославу». И подытоживает: «А это ссылка на предписания Студийского устава, признававшие за императором право вмешательства, если монахи киновии не сумеют сами соблюсти мир и согласие» (С. 32). Сохранение новгородского списка Алексеевской редакции Студийского устава объясняется случайностью и «ктиторским почином» архиепископа Илии, основавшего в 1170 г. вместе со своим братом иеромонахом Гавриилом Благовещенский монастырь.

Степень доказательности этих аргументов нельзя признать удовлетворительной. Во-первых, автор явно переоценивает роль нормативного акта в повседневной жизни древнерусских иноков. Анализ рассказов Киево-Печерского патерика свидетельствует, что в монастыре допускались значительно

более серьезные нарушения дисциплинарных предписаний устава: среди иноков бытовала практика оплаты взаимных услуг, монахи имели частную собственность, между ними существовало разделение на богатых и бедных и т. п.²³ Известно, например, что Феодор Студит категорически запрещал посещение монастыря женщинами, делая исключение только для супруги императора. Между тем данное установление в Киево-Печерской обители не соблюдалось. Но было бы нелепо на этом основании (следуя логике Поппэ) делать вывод о введении в монастыре какой-то иной редакции Устава, в которой присутствие на его территории женщин допускалось.

Во-вторых, у нас нет свидетельств источников, в которых был бы зафиксирован факт обращения кого-либо из печерской братии к князю или митрополиту с просьбой вынести окончательное решение в пользу одного из кандидатов в игумены. Тот единственный пример, который приводит Поппэ, не может быть признан корректным, поскольку Феодосий обращается к Святославу не с просьбой решить проблему преемственности власти в обители, а с поручением в случае необходимости позаботиться о монастыре и уже выбранном игумене.

В-третьих, само обращение Феодосия к Святославу было подсказано не Студийским уставом, а реалиями политической жизни Руси. Судьба не только Печерского монастыря, но и древнерусской Церкви в целом в тот период во многом зависела от воли киевского князя. Достаточно вспомнить угрозы Изяслава Ярославича, вызванные несанкционированным пострижением Варлаама и Ефрема, отправить печерских монахов в заточение и уничтожить обитель²⁴. Из рук Рюриковичей печеряне получили землю под строительство монастыря и пожертвования, на которые были возведены каменный собор Успения Богородицы, трапезная и надвратная церкви. В XI–XII вв. княжеская власть представляла собой несравненно более серьезную силу, нежели власть Киевского митрополита, что во многом определялось материальной зависимостью Церкви от государства. Именно поэтому Феодосий и апеллировал к власти светской, а не духовной. Так же поступил и его преемник игумен Феоктист, когда речь зашла о церковном прославлении самого Феодосия, обратившись не к главе Русской Церкви, а к киевскому князю Святославу Изяславичу (1093–1113 гг.), которой, «радъ бывъ, обещася и створи, повеле митрополиту вписати в синодикъ»²⁵. Кроме того, обращение Феодосия непосредственно к Святославу объясняется тем покровительством, которое князь оказывал монастырю. Известно, что он собственноручно начал копать ров под фундамент будущего Успенского собора, передав на его строительство огромную по тем временам сумму в 100 гривен золота. Что же касается митрополита Киевского Георгия, который в тот момент руководил Русской Церковью, то его ко времени смерти Феодосия, скорее всего, вообще не было в Киеве²⁶.

В своей аргументации студийского влияния на развитие христианства на Руси А. Поппэ придает особое значение изображению «двух студийских игуменов» в росписях киевского Софийского собора, которые относит к 1042–1046 гг. Он отмечает, что «самое знаменательное явление в росписи храма» —

это галерея с образами святых, среди которых наблюдается «обилие монашеских изображений» (С. 34). Однако, используя наблюдения В. Д. Сарабьянова, он останавливается только на образах Феодора Студита и, «вероятно, его ученика и студийского игумена преподобного Николая», расположенных «на юго-восточной грани крещатого столба, у входа в алтарь». Воображение позволяет автору разглядеть в этой композиции «полную внутреннюю инсценировку торжественного ритуала символического рукоположения Богом избранника монастырской братии в игумены Студия» (С. 35). Дальше — больше! Отметив, что изображение двух студитов является «первоклассным источником», который «возвышает значение присутствия студитов на Руси», Поппэ делает сенсационное заявление о том, что не только митрополит Феопемпт, «а затем его преемник Иларион, но и весь монашеский состав кафедрального духовенства состоял из студитов» (С. 36). Откуда автор заключил о принадлежности к студитам Илариона и всей монашествующей части софийского клира, остается для читателя загадкой. Почему из всего многообразия изображений преподобных в Софии Киевской он обращается к образу Феодора Студита и «вероятно»(!) его преемника Николая? Почему прошел мимо располагающихся напротив «студийской композиции» изображений сщмч. Анастасия Персиянина и безымянного старца-монаха²⁷? Почему, наконец, остался незамеченным тот факт, что монашеский чин в Софийском соборе олицетворяет изображение не Феодора Студита, а Саввы Священного²⁸?

В заключительной части 2-й главы Поппэ пытается «зачислить» в студиты Новгородского епископа Луку Жидяту на том основании, что его сан «требовал духовной зрелости и присущих архиерействованию познаний», которые он в то время не мог получить на Руси. Необходимый опыт стал достоянием Луки «в годы монашествования в одной из студийских киновий — самом Студии или в его дочерней обители» (С. 44). Это предположение не находит подтверждения в источниках: у нас нет не только сведений о близости Новгородского епископа к студитам, но даже упоминаний о его проживании в одном из греческих или южнославянских монастырей. Столь же бездоказательным является утверждение Поппэ о принадлежности к Студии монаха Ефрема: «Ефрем, будущий титулярный митрополит Переяславля, проведший в Студийском монастыре в Константинополе не менее 15 лет, был одним из печерян-студитов» (С. 24)²⁹. Однако Нестор в Житии св. Феодосия сообщает только то, что Ефрем подвизался в одном из константинопольских монастырей³⁰. Тот факт, что он содействовал Феодосию в обретении Студийского устава, сам по себе ни о чем не говорит, поскольку популярность типикона Феодора Студита, как отмечает и сам автор, в X–XI вв. была чрезвычайно высока среди византийских и итало-греческих монастырей.

Подытоживая все сказанное выше, можно сделать вывод, что большинство «следов студийского миссионерства» в Древней Руси, на которые указывает Поппэ, при ближайшем рассмотрении оказываются эфемерными. К таким мнимым «следам» следует отнести утверждения о принадлежности к студитам Новгородского епископа Луки Жидяты, первого русского митрополита Илариона и Переяславского митрополита Ефрема, указание на

участие Илариона в учреждении Киево-Печерского монастыря, вывод о «несомненном влиянии деяний Студита» на жизнь и подвижничество Феодосия Печерского, характеристику Киево-Печерского монастыря как «дочерней обители Студия» и, наконец, отнесение всего монашеского состава софийского духовенства к студитам. Таким образом, гипотеза Поппэ зиждется, по сути дела, на двух наблюдениях: принадлежности к студитам Киевского митрополита Феопемпта³¹ и изображении (среди множества других) Феодора Студита в росписи киевского Софийского собора. Можно ли на основе этих данных делать заключение об «обильном результатами студийском влиянии» на Руси? Думаю, что ответ очевиден.

Третья глава работы «Установление почитания св. Феодосия Печерского по всей Руси» начинается с анализа сообщения летописной статьи 6616 (1108) г. о канонизации Феодосия: «Вложи Богъ в сердце Феоктисту, игумену Печерскому, и нача възвещати князю Святополку, дабы вписаль Феодосья в сенадикъ. И радъ бывъ, обещася и створи, повеле митрополиту вписати в синодикъ. И повеле вписывати по всем епископьямъ, и вси же епископи с радостью вписаха, и поминати и на всех зборехъ»³².

В качестве своей задачи Поппэ поставил уточнение перевода и интерпретацию настоящего текста. Он отметил, что, во-первых, здесь «и» «выступает в двух ипостасях — как союз и как местоимение», а во-вторых, перевод глагола «повеле» как «приказать», предлагаемый в издании «Повести временных лет» Д. С. Лихачёва³³, является не вполне корректным. Князь, по мнению Поппэ, «не мог приказывать митрополиту, а последний не мог приказывать епископам вписать Феодосия в синодик». Митрополит имел право вписать имя святого «в синодик в пределах своей епархии», но не мог принудить к этому епископов, которые были «суверенны в своих решениях». «Итак, — заключает автор, — с точки зрения церковного права, митрополит никак не мог приказывать, а лишь выразить пожелание, рекомендовать, советовать епископам своей митрополии вписать св. Феодосия в синодик» (С. 47). В своих рассуждениях Поппэ исходит из того, что власть светская не имела юридических оснований вмешиваться в дела церковные. Но, апеллируя к нормам «церковного права», он игнорирует живую практику условий и форм их реализации на Руси. Следуя такой методике исторической реконструкции прошлого, мы могли бы, например, заявить об отсутствии в XI–XII вв. института смертной казни, поскольку о нем не упоминают древнерусские кодексы — Русская Правда и Устав Ярослава.

Итак, Поппэ полагает, что, с точки зрения церковного права, «князь не мог приказывать митрополиту, а последний не мог приказывать епископам». А в соответствии с какими нормами церковного права Ярослав Владимирович отдавал распоряжение о крещении останков своих дядей-язычников? Каким канонам следовал князь Мстислав Изяславич, когда без соборного решения и санкции Патриарха изгонял из Киева митрополита Константина I? Наконец, какими церковными нормами можно объяснить тот факт, что значительная часть кандидатур на епископские кафедры в Древней Руси определялась не желанием паствы, клира или митрополита, а волей князей? Список

такого рода вопросов можно продолжить. Однако ответ на них сводится к одному утверждению: в Древней Руси Церковь находилась в зависимости от государства, которое в лице своих правителей вмешивалось в ее дела, нередко пренебрегая существующими канонами и правовыми традициями.

Автор рецензируемого исследования полагает, что «княжье повеленье» нужно понимать «как побуждение и убеждение митрополита учесть желание как князя, так и монастыря видеть св. Феодосия почитаемым в пределах всей Руси» (С. 49). В подтверждение этой интерпретации он приводит свидетельство той же летописной статьи, где сообщается, что при игумене Феоктисте было завершено строительство каменной монастырской трапезной, заложенной «повеленьемъ Глебовымъ». Князь, по мнению автора, «отнюдь не приказывал, но поручал Феоктисту присмотр за ходом строительства монастырской трапезной, ставящейся его иждивением». Еще один пример был взят из статьи 6603 (1096) г., где Святополк Изяславич и Владимир Мономах посылают к Олегу Святославичу, «веляста ему пойти на половци с собою»³⁴. «Святополк и Владимир, — рассуждает Поппэ, — никак не могли приказывать своему брату, который силой отвоевал права Святославичей. Так что их обоих «повелеша» можно понимать и переводить в смысле «склоняли, уговаривали» (С. 50).

Эта аргументация не выглядит убедительной, поскольку общий контекст приводимых автором примеров вполне допускает и иной перевод глагола «повелети», а именно: распоряжаться, требовать, приказать и т. п. Действительно, слова «и кончаша трапезницу Печерьскаго монастыря при Феоктисте игумене, иже ю и заложил повеленьемъ Глебовымъ» без всякого насилия над текстом можно перевести следующим образом: «И закончили трапезную Печерского монастыря при Феоктисте игумене, которую он и заложил по распоряжению Глеба». Что касается 2-го примера, то Святополк на правах киевского князя (старейшего в роде) мог не «склонять и уговаривать», а именно требовать от Олега Святославича участия в совместном походе против половцев. В том, что «повелеша» в данном случае носило весьма жесткий, отчасти даже ультимативный характер, свидетельствует последующий рассказ о военных действиях Святополка и Владимира против Олега, где отказ от участия в походе на половцев рассматривается как один из поводов к междоусобной войне.

К сожалению, Поппэ не обратил внимания, что в подавляющем большинстве случаев глагол «повелети» используется в Повести временных лет преимущественно лишь в одном значении, а именно: приказать, отдать распоряжение, требовать. Позволю себе ограничиться (из-за обилия материала) только примерами из текстов летописных статей, хронологически близких к статье 6616 (1108) г.: 6603 (1095) г. — «Идоша половци на Грькы с Девгеновичемъ, воеваша по Гречьстееи земли; и цесарь яша Девгенича, и повелее слепити»; 6604 (1096) г. — «И Богу повелевшю, ступишася о них горы великия, токмо не ступишася о них горы на 12 локоть, и ту створишася врата медяна»; 6604 (1096) г. — «Олег же повеле зажещи Суждаль город, токмо остася дворь монастырьскыи Печерьскаго монастыря»; 6605 (1097) г. — «И нача глаголати

Святополкъ: «Останися на святокъ». И рече Василко: «Не могу остати, брате; оуже есмь повелель товаромъ поити переди»; 6605 (1097) г.— «И рече ми Василко: «Поседи мало». И повеле слуге своему ити вонъ, и седе со мною»; 6605 (1097) г.— «И взяста копьем град и зажгоста огнем, и бегоша людье огня. И повеле Василко исечи вся, и створи мщенье на людех неповинных»; 6611 (1103) г.— «И пришедшо ему (половецкому князю Белдюю.— Ю. А.), нача впрашати его Володимерь... И повеле убити е, и тако расekoша е на оуды»³⁵.

Отдать распоряжение или приказать можно было не только слуге или дружине, как следует из приведенных выше примеров, но и архиерею. Об этом свидетельствует следующее сообщение летописной статьи 6603 (1095) г.: «Святополкъ же повеле рубити городъ на Вытчеве холму, в свое имя нарекъ Святополчъ городъ, и повеле епископу Марину съ юргевци сести ту, и засаковцемъ, и прочимъ от инехъ градъ»³⁶. Как видим, князь Святополкъ отдал приказ срубить город, куда направил епископа Марина с жителями Юрьева, Сакова и других пограничных городков. Примечательно, что решение о строительстве города и его последующем заселении определяется одним и тем же «повеле». Отсюда ясно следует, что обращение киевского князя к архиерею и потенциальным переселенцам носило не побудительный, а сугубо распорядительный характер. Это указание, которое являлось в равной степени обязательным и для епископа, и для простых горожан.

Таким образом, у нас нет оснований, следуя Поппэ, считать перевод Лихачёва неудачным. Князь Святополкъ «повеле» митрополиту, т. е. распорядился, чтобы имя Феодосия было вписано в синодик, а митрополит как глава Русской Церкви отдал соответствующее распоряжение епископам, которые его «с радостью» выполнили. Этот механизм принятия решения свидетельствует о наличии определенной субординации, в которой высшей инстанцией была княжеская власть. Это заставляет поставить под вопрос и мнение Поппэ о «суверенности прав» древнерусского епископата в отношении власти митрополита. Решение, принятое киевским князем, а затем переданное митрополитом епархиальным архиереям, было той волей, выполнение которой являлось «добровольно-принудительным». Нечто схожее мы наблюдаем у Илариона в оценке событий крещения Руси: «И не бы ни единого же, противящася благочыстному его повелению. Да аще къто и не любовью, нъ страхъмъ повелевьшааго крыщаахуса, понеже бе благоверие его съ властию съпряжено»³⁷.

Ходатайство игумена Феоктиста перед Святополком Изяславичем о церковном прославлении Феодосия было связано с установлением исключительно теплых отношений между Печерской обителью и киевским князем в начале XII в., о чем сообщает летописец в статье 6615 (1107) г.: «Святополкъ же приде в Печерьскыи монастырь на заоутреню на Оуспенье Святыя Богородица, и братья целоваша е с радостью великою, яко врази наша побежени быша, молитвами святыя Богородица и святаго отца нашего Феодосья. Такъ бо обычаи имейше Святополкъ, коли идяше на воину или инамо, ноли поклонивься оу гроба Феодосья и молитву вземъ оу игумена ту сущаго»³⁸.

Согласно Поппэ, обращение Феоктиста к Святополку объясняется тем, что «о Печерском монастыре печаловался непосредственно киевский государь», являясь его «попечителем-патроном». Аргументацию этого положения историк вновь ищет в реалиях церковно-политической жизни Византии, отмечая, что там свободные от архиерейской власти монастыри «поручали себя опеке императора» (С. 48). Однако доказать наличие такой опеки над Киево-Печерским монастырем со стороны киевских князей невозможно, поскольку абсолютное большинство киевских правителей в отношении Печерской обители никак себя не проявили. По крайней мере, источники об этом не сообщают. Ничего, например, неизвестно об опеке над Киево-Печерским монастырем со стороны Всеволода Ярославича (1078–1093 гг.), Мстислава Владимировича (1125–1132 гг.), его брата Ярополка (1132–1139 гг.) и абсолютного большинства других киевских князей. Более того, сложные отношения у обители были и со Святополком в конце XI в., когда, согласно Киево-Печерскому патерику, игумен Иоанн, обличавший князя в сребролюбии и жестокости, был заточен в Турове. С другой стороны, приблизительно в это же время у Печерского монастыря имелись иные покровители из числа Рюриковичей: минский князь Глеб Всеславич; его супруга, дочь владимирово-вольнского князя Ярополка Изяславича; черниговский князь Святослав Давыдович³⁹. Поэтому утверждение Поппэ о том, что на «киевском правителе» лежала обязанность заботиться «об автономии монастыря», является голословным. Думаю, что отношения заботы и покровительства определялись не статусом князя, а сугубо личным его отношением к обители.

Картина событий 1108 г. представляется нам в следующем свете. В начале XII в. наметилось сближение между Киево-Печерским монастырем и киевским князем Святополком Изяславичем, о котором сообщил летописец под 1107 г. Используя благоприятный момент, игумен Феоктист стал ходатайствовать перед князем о церковном прославлении Феодосия Печерского в масштабах всей Руси. В обители понимали, что княжеская власть может реализовать этот замысел оперативно, преодолев возможное противодействие со стороны главы Русской Церкви и местных архиереев. Святополк поддержал инициативу монастыря и отдал соответствующее распоряжение митрополиту, который обязал епископов внести имя Феодосия в синодики для ежегодного поминания.

Четвертая глава работы «Местная канонизация исповедника Феодосия, игумена Печерского, в 1091 г.» посвящена анализу событий перенесения мощей святого из пещеры, где он был похоронен в 1074 г., в Успенский собор монастыря, описанных в летописи под 6599 (1091) г. С первых же строк автор увязывает это крупное событие в жизни обители со временем написания Жития прп. Феодосия (С. 57). Далее Поппэ описывает процедуру обретения и перенесения мощей, допуская при этом неточности. Так, например, он пишет, что монах, которому было поручено раскопать проход к мощам Феодосия, «не знал места захоронения». Основанием для такого заключения, вероятно, послужил следующий текст источника: «Пришедшо же игумену ко мне и рекшо ми: “Поидеве в пещеру к Феодосьеви”. Азь же пришедъ и со игуме-

номъ, не сведущо никомуже, разглядавши куде копати, и знаменавши место, куде копати, кроме оустья». Слова «не сведущо никомуже» нужно понимать в том смысле, что события предшествующие перенесению мощей не предавались гласности, осуществлялись втайне от всех. Игумен и автор рассказа посетили место погребения Феодосия, где заранее обозначили место будущего раскопа. Копать предстояло «кроме устья», то есть в стороне от заложённого входа в пещеру, вероятно, чтобы не допустить обрушения кладки и повреждения мощей. Таким образом, предстояло выкопать новый вход. Игумен распорядился не сообщать никому из братии о предстоящих раскопках и взять в помощь одного из иноков. Вечером 12 августа монахи отправились в пещеру, где, отпев псалмы, взялись за дело. Работая попеременно, они трудились до самой полуночи и уже начали переживать, что копают не в ту сторону. «Азь же, — пишет автор рассказа, — возьмь рогалью, начях копати рамено, и другу моему опочивающю передь пещерою, и рече ми: “Оударивше в било”. И азь в то чинъ прокопах на моще Феодосъевы»⁴⁰. По мнению Поппэ, «рамено» нужно понимать, как «обрамление», т. е. место «стыка стены пещеры и полы». Отсюда делается ошибочный вывод, что захоронение Феодосия «было в стенной нише на уровне пола» (С. 61). Но, во-первых, «копать рамено» переводится, как «копать быстро», а во-вторых, хорошо известно, что Феодосий был похоронен не в локуле (стенной нише), но в пещере, в которую удалялся на весь период Великого поста. Об этом свидетельствует и летопись, и Житие прп. Феодосия⁴¹.

Поппэ считает, что сохранение подготовительных мероприятий в тайне было связано с опасениями обнаружить мощи прп. Феодосия «в состоянии разложения и праха». Подобное объяснение представляется несколько искусственным. Обретение и перенесение мощей прп. Феодосия готовилось заранее, о чем свидетельствует участие в нем 3 епископов, приезд которых в Киев требовал времени. Едва ли игумен Иоанн и братия стали бы побуждать архиереев прибыть в монастырь в канун праздника Успения, не будь они уверены в том, что перенесение состоится. Кроме того, как известно, тленность останков сама по себе не являлась препятствием к прославлению подвижника.

Особо останавливается Поппэ на описании чудесного пророчества святого. Согласно сообщению летописи, еще в бытность свою игуменом Феодосий пришел в дом к киевскому боярину Яню, супруга которого обратилась к нему с вопросом: «Кто весть, куде си мя положить?» «Поистине, идеже лягу азь, ту и ты положена будеши», — ответил игумен. На 18-е лето по смерти Феодосия и через 2 дня после перенесения его мощей «преставися Яневая именемъ Марья». Тело ее было похоронено в Успенской церкви, против гроба Феодосия, по левую от него сторону. «Се же, — заключает рассказчик, — сбысться прореченье блаженнаго отца нашего Феодосья»⁴². Мною было высказано мнение, что данный рассказ, написанный тем же человеком, который непосредственно участвовал в обретении мощей Феодосия, а затем подробно описал его в летописи, обладает важными датировочными признаками. Основанием для этого является сообщение статьи 6614 (1106) г. о смерти «старца доброго» Яня, который назван в ней информатором летописца. «В се же лето

престависе Янь, старецъ добри, живъ лет 90, в старости мастите; живъ по закону Божью, не хужии бе первых праведник. От негоже и азъ многа слова слышах, еже и вписах в летописаньи семь, от негоже слышах. Бе бо мужь благу, и кротокъ, и смиренъ, огребаея всякая вещи. Егоже и гробъ есть в Печерском монастыри в притворе, идеже лежить тело его, положено месяца июня въ 24»⁴³.

Я предположил, что рассказ о чудесном пророчестве Феодосия восходит к тем «словесам», которые летописец слышал от Яня. А значит, скорее всего, он был написан после 1106 г. и принадлежит автору свода, известного нам под названием «Повесть временных лет»⁴⁴. Этот вывод Поппэ подверг критике. «Эпизод о прорицании св. Феодосия,— полагает он,— интегральная часть печерского описания событий, сопряженных с поместной его канонизацией,— введен был в летопись не только перед 1106 г., но и до поступления Яня в монастырь ок[оло] 1097 г.» (С. 64). (Оставляю на совести историка утверждение о «поступлении Яня в монастырь ок[оло] 1097 г.» — источник этих сведений я определить не в силах.) Чтобы доказать современность рассказа о чудесном пророчестве Феодосия событиям 1091 г., Поппэ пытается подвести под него «свои рациональные основы». Он отмечает, что умирающий игумен предвидел последующее перенесение своих останков в Успенский собор, но зная, что для этого должны «пройти годы», «попросил похоронить его в пещерке». «В нем жила,— читаем мы,— глубокая вера награды от Всевышнего, и ему было известно, что воля Господня найдет земное признание в виде обретения его телесных останков и их перенесения в новоосвященный Успенский собор» (С. 63). Феодосий уже при жизни «имел основания полагать, что образцовая в своей набожности чета Яня и Марии» также «заслужила право быть похороненными в этом кафоликоне» (С. 63).

С рефлексией Феодосия в интерпретации А. Поппэ трудно спорить. Пытаясь «рационально» осмыслить пророчество Феодосия, сам Поппэ предпочитает мыслить иррационально. Поэтому на его утверждение, что Феодосию «было известно, что воля Господня найдет земное признание в виде обретения его телесных останков и их перенесения в новоосвященный Успенский собор», имеет смысл привести слова сомнения в «дерзновениях» перед Богом, с которыми святой обратился к братии перед смертью: «Обаче о семь разоумите дързновение мое еже къ Богоу: егда видите вся благая оумножающая ся въ манастири семь, ведите, яко близъ Владыкы Небесьнаго ми соущо; егда ли видите оскоудение соуще и въсьмь умяляюще ся, тъгда разоумите, яко далече ми Бога быти и не имоуща дързновения молити ся къ Немоу»⁴⁵.

В целом анализ рассказа о перенесении мощей Феодосия носит поверхностный характер. Автор оставляет фактически без внимания высказанное еще А. А. Шахматовым мнение о составном характере статьи 6599 (1091) г. Тем временем этот тезис, свидетельствующий в пользу разновременности ее написания, был принят А. Г. Кузьминым и совсем недавно поддержан С. М. Михеевым⁴⁶. Однако Поппэ ограничивается лишь указанием на «протокольный характер» рассказа и его принадлежность «автору всей статьи».

Заключительная глава работы «Житие преподобного Феодосия Печерского: Датирующие признаки» целиком посвящена проблеме времени написания памятника. Споры на этот счет ведутся в науке уже в течение почти 200 лет. Суммируя итоги данной дискуссии, можно констатировать наличие 3 основных точек зрения. Согласно первой, Житие писалось Нестором в 1080-х гг. (А. А. Шахматов, Г. П. Федотов, Д. Чижевский, О. В. Творогов, Я. Н. Шапов, В. Н. Топоров и др.), согласно второй — в середине 1090-х гг. (А. М. Кубарев, П. С. Казанский, В. А. Чаговец) и, наконец, согласно третьей — в начале XII в. (М. П. Погодин, С. А. Бугославский, А. Г. Кузьмин).

В работе, посвященной Житию прп. Феодосия, я высказал мнение, что оно было составлено в преддверии общерусского прославления святого в 1108 г. Здесь же были приведены наблюдения над текстом памятника, которые не позволяют отнести его к 80-м гг. XI в. На их критике и сосредоточил свое внимание Поппэ. Последовательно рассмотрим мои аргументы и возражения оппонента.

I. Хотя в Житии прямо не говорится о смерти печерского игумена Никона (1077/78–1088 гг.), в тексте имеются указания, свидетельствующие о том, что для автора он уже не был здравствующим настоятелем.

1. Нестор, говоря о Никоне, часто именует его «великим» (в 16 случаях из 21), так же называет он и Феодосия (11 раз), Антония Печерского (2 раза) и Антония Египетского (1 раз). Кроме того, агиограф сравнивает Никона с апостолом Павлом и, наконец, уподобляет светилу наравне с Феодосием и Антонием. Полагаю, что при жизни Никона такие сравнения были бы неуместны.

Возражая мне, Поппэ пишет, что именование Никона «великим» следует понимать как указание на его статус схимника. К принявшим высший монашеский чин он причисляет и Феодосия, который выступает с эпитетом «великий» «в пределах тех приблизительно пятнадцати лет, когда являлся посвященным в схиму иеромонахом». Попутно Поппэ отмечает, что для меня «эпитет великий в этом смысле непонятен». В свое оправдание могу сказать, что «эпитет великий в этом смысле» не известен не только мне, но и древнерусским текстам. Поппэ допускает курьезную ошибку, которая состоит в ассоциативном отождествлении слова «великий» со словосочетаниями «великий образ» или «великий ангельский образ». Именно эта ассоциация стала причиной превратного понимания следующих слов Жития прп. Феодосия: «Се бо и блаженный отец наш Феодосии от того (Никона.— Ю. А.) роукоу пострижения съподоби ся и приять святаго и ангельскаго образа мнишьскааго»⁴⁷. Речь здесь идет не о двойном пострижении Феодосия от руки Никона, как полагает Поппэ, а об одном, в результате которого святой удостоился «святаго и ангельскаго образа мнишьскааго». Иконография Феодосия, и это хорошо известно, не знает его изображений в одежде схимника, в отличие, например, от прп. Антония Печерского (ср.: древнейшее изображение Феодосия, предстоящего Богоматери, на Печерской (Свенской) иконе Божией Матери, около 1288 г.). В разное время схиму приняли печерский монах Еразм, Новгородские владыки Гавриил и Илья, Ростовские епископы

Иоанн(?) и Кирилл I, епископ Владимиро-Суздальский Симон, однако никто из них не назван в источниках «великим».

Таким образом, нельзя согласиться с мнением Поппэ о том, что называя Никона (как и Феодосия) «великим», Нестор имел в виду его статус схимника. Это свидетельство высокого авторитета Никона, его заслуг в истории становления родной для Нестора обители и, возможно, древнерусского монашества в целом. В этом же ключе, как мне представляется, следует рассматривать уподобление Никона светилу: «И бе видети светила три, соуща въ пещере, разгоняща тьмоу бесовскоую молитвою и алканиемъ: меню же преподобнааго Антония, и блаженааго Феодосия, и великааго Никона»⁴⁸. Поппэ возражает: «Светилами же называли праведников, светоносных своею верою на словах и на деле, также при их жизни, как сияющим светом распространяющих духовный свет на свое окружение» (С. 69). Однако ни одного внятного примера этому утверждению автор не приводит. Его ссылка на рассказ 6582 (1074) г. о печерских монахах Дамиане, Иеремии, Матфее и Исакии, который завершается фразой о том, что «черноризци Феодосьева монастыря... сияють и по смерти яко светила», не может быть принята, поскольку речь здесь идет уже об усопших подвижниках. Более того, в начальной части этой же статьи светилами, «иже сияють и по смерти», названы Антоний Египетский, Евфимий Великий и Савва Освященный⁴⁹. Наконец, светилами, озаряющими «всю землю Русьскую», названы святые страстотерпцы Борис и Глеб⁵⁰. Примеры говорят, что уподобление человека светилу равносильно признанию его святым. Поэтому едва ли такое сравнение могло быть прижизненным.

2. Говоря о Богородичном монастыре, который основал Никон в Тмутаракани, Нестор замечает: «И Божиюю благодатию възрасте место то, и церковь святых Богородица възгради на немъ, и бысть монастырь славынь, иже и до ныне есть, прикладъ имъи въ сии Печерскыи монастырь»⁵¹. Еще С. А. Бугославский обратил внимание, что агиограф, упоминая о монастыре Никона, говорит о нем как о событии большой давности, чего не могло быть, «если бы монастырь строился незадолго до написания Жития»⁵². Возражения А. Поппэ сводятся к следующему: поскольку обитель в Тмутаракани была основана Никоном около 1061 г., то «двадцати — двадцати пяти лет было достаточно, чтобы Нестор употребил *дoныне*» (С. 70). Такая трактовка в принципе допустима, но она, конечно, не исключает возможности использования *дoныне* и для более продолжительного срока.

3. В заключительной части Жития, характеризуя время игуменства Никона, Нестор пишет: «Тоже многашьды окушааше ся врагъ, тако же пакы темь (братии.— Ю. А.) съмятьше, и на того (Никона.— Ю. А.) крамолоу възложи-ти, нъ не възможе»⁵³. Согласно Нестору, в игуменство Никона «враг» тщетно пытался спровоцировать мятежи среди братии. Однако все его происки остались без успеха. Подвести такой итог деятельности Никона на посту настоятеля можно было только после его смерти. Поппэ считает, что «содержание приведенного текста» воспринято мною «превратно»: «желательный результат достигнут путем изъятия рассматриваемого предложения из его

контекста» (С. 71). По мнению критика, «то, что Нестор говорит о Феодосии», я «приписал Никону».

Обратимся к тексту. Описывая события времени игуменства Стефана (1074–1077/78 гг.), Нестор пишет: «Се бо таково съмяте сотона створи въ нихъ (братии.— Ю. А.), яко же темь крамолу створивъшемъ, Стефана от игуменства отставиша. Си же тако дияволъ раждъже я на гневъ, яко же и от монастыря того тыща отгнаша... Си же паки по изгнании того сущи въ монастыри блаженааго Феодосия, и съ съвета вьсехъ великааго Никона игоумена себе поставиша, бе бо ть по оуспении блаженааго (Феодосия.— Ю. А.) от места своего пришьль въ монастырь ть. Се же, яко же мню, по Божию изволению быти того мню поставлению, яко же тому старейшо соущю вьсехъ. Се бо и блаженыи отецъ нашъ Феодосии от того роукоу пострижения съподоби ся и приять святаго и ангельскаго образа мнишьскааго. Тоже многашды окушааше ся врагъ тако же паки темь съмятъше, и на того крамолу възложити, нъ не възможе»⁵⁴.

А. Поппэ полагает, что тот, на кого «враг» пытался «крамолу возложить», есть Феодосий. Однако это не так. Сообщив о выборе Никона игуменом, Нестор более не называет его по имени, а использует местоимение «тот»: «тому старейшо соущю вьсехъ», «от того роукоу пострижения съподобися» и, наконец, «на того крамолу възложити». Никон был выбран настоятелем как старейший среди братии, от его руки принял постриг Феодосий, на него, как и на Стефана, сатана пытался «возложить крамолу», но не преуспел в этом. Именно так данный фрагмент был понят и составителями II Кассиановской редакции Киево-Печерского патерика, где он получил заголовок «О игуменстве Никонове». Таким образом, Нестор дает понять, что смятения и тревоги периода игуменства Никона — явления прошлого.

4. Если бы Никон здравствовал ко времени составления Жития прп. Феодосия, он должен был стать одним из главных информаторов Нестора. Между тем агиограф Феодосия, ссылаясь на рассказы келаря Феодора, игуменов Софрония и Павла, монахов Илариона и Климента, ни разу не упоминает о Никоне. Хотя именно он мог бы поведать Нестору о Феодосии значительно больше, чем кто-либо другой. Поппэ игнорирует этот довод, ограничиваясь лишь указанием на то, что «это не аргумент, а графаретная мысль» (С. 68).

II. В Житии имеются указания, которые свидетельствуют о том, что оно писалось после смерти преемника Феодосия, печерского игумена Стефана, впоследствии епископа Волынского. Его кончина датируется летописью 27 апреля 1094 г.⁵⁵

1. В Житии Нестор называет преподобными 3 человек: Антония (11 раз), Феодосия (более 40 раз) и Стефана (2 раза). Я высказал мысль, что именование иерарха «преподобным» не могло быть прижизненным. Поппэ, отметив, что я «стремлюсь угробить заодно с Никоном и Стефана», привел следующее возражение: «Применение эпитета преподобный в известных нам памятниках касается не только покойных, но и живых праведников, ставших святыми, и тех монашествующих, образ жизни которых обращал на себя

внимание верующих» (С. 70). Думаю, что этот контраргумент оппонента отчасти справедлив. Но здесь важно, может быть, не столько именование Стефана «преподобным», сколько то, что автор ставит его в один ряд с уже почившими основателями Киево-Печерской обители — Антонием и Феодосием.

2. Поппэ оставляет без внимания следующее наблюдение, которое было сделано еще А. Г. Кузьминым и поддержано мною. Характеризуя жизненный путь Стефана, Нестор пишет: «Феодосии... повелеваше паки великоумоу Никоноу, яко се ис кнѣигъ почитающе, поучение творити братии, таче и паки преподобноумоу отцю нашему Стефану, ексиархоу тѣ тыгда сущоу, послеже же игоумоу соущоу того монастыря по съмръги блаженааго Феодосия, таче по томъ епискоупоу въ Володимирьскоую оболость»⁵⁶. По мнению Кузьмина, слова «тыгда», «послеже», «потомъ» согласуются с причастием «сущоу», «выполняющим здесь функцию прошедшего времени»⁵⁷. Действительно, данный фрагмент следует понимать в том смысле, что Феодосий поручал поучать братию Никону и «преподобному отцу нашему Стефану, бывшему тогда еклисиархом, после же бывшему игуменом того монастыря после смерти блаженного Феодосия, также потом — епископом во Владимирской области». Отсюда следует, что для автора Жития епископство Стефана уже было историей.

Поппэ предлагает новый аргумент в пользу датировки Жития 1080-ми гг. Он отмечает, что местом упокоения 2-го игумена монастыря Варлаама, согласно его собственному завещанию, стала деревянная церковь Успения Пресвятой Богородицы, которая до возведения каменного собора в 1077 г. являлась главным храмом обители. Нестор именует эту деревянную церковь ветхой: «Се же паки оустави си и отецъ нашъ Стефанъ, да въ ветъсеи церкви по вся дъни слоужьба святая творить ся за оумирающею братию»⁵⁸. По мнению Поппэ, писать, что «въ ветъсеи церкви по вся дъни слоужьба святая творить ся», нельзя было после событий 20 июля 1096 г., когда в результате половецкого набега хана Боняка «деревянная церковь сгорела». Указание на это Поппэ видит в следующих словах летописи: «Безбожные же сынове Измаилеви высекоша врата монастырю, и поидоша по кельямъ, высекающе двери, и износяху, аще что обретаху в кельи; посемь възгоша домъ святыя Владычице нашея Богородице, и придоша к церкви, и зажгоша двери, еже къ оугу оустроению, и вторыя же к северу, и влезше в приворъ оу гроба Феодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и оукаряху Бога и законъ нашъ»⁵⁹. «Дом в данном случае,— пишет он,— не монастырь вообще, не церковь (каменная), которая не была сожжена, а именно тот ветхий деревянный храм, поставленный Феодосием в 1062 [г.]» (С. 76).

Поппэ неверно интерпретирует текст. Во-первых, в летописи не говорится, что церковь сгорела, а сообщается лишь о том, что она была подожжена («възгоша»). Во-вторых, очевидно, что «домом Богородицы» летописец не мог именовать ветхий храм, где поминали преставившихся иноков,— так можно было назвать либо монастырь в целом, либо его собор. Ср.: у Нестора в Житии: «Начатькъ словоу съписания положихъ, еже о житии

преподобнаго отца нашего Феодосия, бывша игумена монастыря сего святыя Владычице нашея Богородице»⁶⁰; в Послании Кирилла Туровского к игумену печерскому Василию: «Аз же, аще грешень есмь, молю Господеву здраву ти быти, мирно долгоденствующу, строящу дом святыя Богородица и служащу Богу достойно, и всегда достигнешу мзду»⁶¹. Очевидно, что «домом» Кирилл называет Печерский монастырь, заботиться о котором он призывает его настоятеля Василия. Если видеть в «доме Богородицы» главный храм обители (что тоже возможно), который на тот момент был каменным, тогда в сообщении о том, что половцы «придоша к церкви, и зажгоша двери, еже къ угу устроении, и вторыя же к северу», следует видеть пояснение к сказанному выше: «посемь възгоша домъ святыя Владычице нашея Богородице». Таким образом, летописец поясняет, как именно был подожжен соборный храм монастыря.

Поппэ пытается уложить хронологические рамки написания Жития в отрезок времени между 1078 г. и 22 ноября 1086 г., когда, согласно летописи, был убит волынский князь Ярополк Изяславич. Он считает, что апология Изяславу, с которой читатель сталкивается на страницах Жития, объясняется стремлением его сына Ярополка «при активном участии матери — княгини-вдовы Олисавы — добиться своих прав на Киев» (С. 82). В контексте этих рассуждений поставление Стефана в епископы Волынские относится приблизительно к 1085 г. При этом его не смущает, что среди архиереев, присутствовавших на освящении каменного собора Успения в 1089 г., епископ «Стефан Владимирский» не значится. Это трудно объяснить, учитывая, что при Стефане велась и были завершены основные строительные работы, а также имея в виду факт его участия в перенесении мощей Феодосия в 1091 г. Поэтому более вероятной датой поставления Стефана следует считать 1090 г.⁶² Таким образом, контраргументы, которые приводит Поппэ в пользу написания Жития Феодосия в 80-х гг. XI в., не могут быть признаны убедительными. Между прочим, и сам автор считает, что его возражения «мощью решительного заключения не обладают» (С. 83). Следовательно, у меня нет оснований отказываться от высказанного ранее мнения в пользу датировки памятника началом XII в.

Поппэ, ссылаясь на слова Нестора о том, что, несмотря на всеобщее разграбление земель «от ратьныхъ, въ монастыри блаженаго боле оумножають ся молитвами отца нашего Феодосия», относит составление Жития ко времени до 1096 г. Между тем, имея в виду, что Нестор знал о смерти Никона (1088 г.) и Стефана (1094 г.), написание памятника надо относить ко времени после 1096 г. Напряженные отношения, которые сложились между игуменом Иоанном (1088–1103 гг.) и киевским князем Святополком Изяславичем, явно не способствовали усилению почитания Феодосия и написанию его Жития в 1090-х гг.⁶³ Ситуация изменилась к началу XII в., со смертью Иоанна и приходом на игуменство Феоктиста (около 1103 г.). Киевский князь начал открыто выказывать свое покровительство Киево-Печерскому монастырю, что выражалось в частых посещениях обители. Именно начало XII в. следует считать наиболее благоприятным временем для подготовки канонизации

Феодосия и составления его Жития. Этому способствовал ряд факторов: стабилизация внешнеполитической ситуации (избавление страны от половецкой угрозы), восстановление относительного единодушия в княжеской среде, пострижение в монастыре представителя правящей династии — черниговского князя Святослава Давыдовича (17 февраля 1107 г.), бывшего двоюродным племянником Святополка⁶⁴. Работа над Житием могла быть завершена приблизительно к 1107/08 г. После одобрения игумена его текст был передан Святополку, который отдал распоряжение («повеле») митрополиту внести Феодосия в синодик.

В заключении, которое носит название «Итоги и виды», Поппэ воспроизводит все «едва уловимые и осязаемые следы деятельности студитов» на Руси, о которых речь шла во 2-й главе, отказываясь только от использования выражений «вероятно», «возможно», «скорее всего». Так, он пишет о получении Лукой Жидятой и Иларионом образования в «самом Студии либо в одном из связанных с ним монастырей» (С. 87), характеризует Киево-Печерский монастырь как «мощный оплот» студийского движения на Руси (С. 90), указывает на принятие Феодосием Студийского устава в редакции Никиты Стифата (С. 93).

Наряду с этим, автор предлагает и новые сенсации. Так, например, он отмечает, что монахи константинопольского монастыря св. Маманта (Мамы), который упоминается в русско-византийском договоре 944 г., были миссионерами и вели просветительскую деятельность «на Руси еще до Ольгиного крещения» (С. 86). Кроме того, утверждается, что «свой стаж» на Афоне проходили «актуальные печеряне, которых по праву можно называть русскими студитами» (С. 90). Однако вопрос о том, кто были эти «афонские стажеры» из печерян, остается без ответа (источникам известен только факт пострижения на Святой Горе прп. Антония Печерского). Еще одним откровением является оценка Киево-Печерского монастыря как «аристократического общежития», которая прямо противоречит источникам (С. 92). Рассказы Киево-Печерского патерика свидетельствуют о том, что в монастыре постригались и простые горожане, и неграмотные селяне. Нестор, описывая игуменство Феодосия, пишет: «Всякому же хотящю быти чьрноризьноу и приходящемоу къ нему не отревааше ни оубога, ни богата, нъ вся приимаше съ всякымъ оусьрдиемъ, бе бо и самъ въ искушении томъ былъ»⁶⁵. Поппэ пытается убедить читателя в значительном вкладе студитов в развитии книжной культуры и храмовой живописи Древней Руси. Однако отсутствие доказательной базы превращает эти утверждения в умозрительные гипотезы.

Наконец, в заключении автор предлагает объяснение тому, почему студийские следы в древнерусских источниках «едва уловимы и осязаемы». Оказывается, что после смещения с кафедры студита Илариона между светской властью в Киеве и Константинополе было достигнуто соглашение, согласно которому Патриарх вернул себе право поставления Киевского митрополита. Это послужило сигналом для «затирания и сведения к минимуму присутствия студитов на Руси» (С. 91). Но опять же никаких доказательств существования

этого соглашения не приводится. Это очередная гипотеза, которая, однако, плохо согласуется с утверждением автора о «печерских студитах» и «афонских стажерах», которые как раз в это время только должны были выйти на историческую арену (1050-е гг.).

Внимания заслуживает мнение Поппэ о том, что само по себе обретение и перенесение мощей Феодосий в августе 1091 г. требовало составления Жития святого. С этим доводом можно в принципе согласиться с той лишь оговоркой, что не требовало, а предполагало⁶⁶. Возможно, какие-то действия в данном направлении и были предприняты игуменом Иоанном. Но признать результатом этой работы дошедшее до нас Житие не представляется возможным. Апология Изяслава — отца здравствующего правителя, умолчание о факте перенесения мощей, чудесное излечение софийского клирика — все это свидетельствует в пользу того, что памятник писался с оглядкой на митрополию и киевского князя Святополка.

В заключении Поппэ уведомляет читателя, что его разыскания — это «трассировка исследовательского пространства, открывающая новые перспективы в изучении и нетрафаретном понимании начальной стадии христианизации Руси. Но результаты как самой «трассировки», так и новые горизонты «нетрафаретного понимания» прошлого, которые она открыла, оказались весьма скромными. Отсутствие фактов студийского влияния на Руси не позволило автору обосновать главный тезис работы, «что монахи, тем или иным образом связанные со Студийским монастырем в Константинополе... сыграли немаловажную роль в становлении русского христианства». О слабости гипотезы в целом свидетельствует противоречивость в вопросе хронологии начала студийского проникновения на Русь, которое Поппэ относит то к X в. (С. 7), то ко 2-й четверти XI в. (С. 24).

При характеристике исследования А. Поппэ необходимо отметить, что оно лишено тематической целостности. И дело даже не в том, что материал плохо структурирован, а в том, что в рамках одной темы автор пытается решить 2 самостоятельные задачи. Взявшись обосновать тезис о влиянии студитов на христианизацию Руси, он почти половину исследования посвятил проблеме становления почитания прп. Феодосия Печерского и датировке его Жития. Попытки связать эти две проблемы утверждениями вроде того, что Киево-Печерский монастырь являлся оплотом студийского влияния на Руси, а Феодосий Печерский был последовательным приверженцем Феодора Студита, выглядят надуманными. Вопросы вызывает и методика работы автора с источниками. Так, обращают на себя внимание попытки компенсировать их молчание апелляцией к правовым нормам и установлениям Византийской Церкви, которые без должной критики «пересаживаются» на древнерусскую почву⁶⁷. Наконец, главной причиной неубедительности основного вывода исследования является постоянно применяемый автором прием обоснования гипотезы не фактами, а догадками.

*Ю. А. Артамонов, кандидат исторических наук
(Институт всеобщей истории РАН)*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Ruse: Byzantine-Russian Relations between 986–89 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. № 30. P. 195–244; *Поппе А.* О причинах похода Владимира Святославича на Корсунь, 988–989 гг. // *Вестник МГУ. Сер. 8: История*. 1978. № 2. С. 45–58; *он же.* Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // *Византийский временник*. Т. 28. М., 1968. С. 85–108; Т. 29. М., 1969. С. 95–104; *он же.* Истоки церковной организации Древнерусского государства // *Становление раннефеодальных славянских государств*. Киев, 1972. С. 132–139.
- ² *Поппэ А.* Митрополиты Киевские и всея Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 446–471.
- ³ *Poppe A.* Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. S. 152–206; *Poppe A.* L'organisation diocésaine de la Russie aux IXe–XIIe siècles // *Byzantion*. Т. 40. 1970. P. 65–217.
- ⁴ *Поппэ А.* Новгородский епископ Лука Жидята: К вопросу о студитах на Руси // *Висы дружбы: Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон*. М., 2011. С. 359 (примеч. 4).
- ⁵ *Поппэ А.* Владимир Святой: У истоков церковного прославления // *Факты и знаки: Исследования по семиотике истории*. Вып. 1. М., 2008. С. 40–107.
- ⁶ См., например: *Поппэ А.* Радение игумена Даниила об утروении Церкви на Руси: Кипрский эпизод // *Studi Slavistici VI* (2009). С. 7–28; *он же.* К биографии Святополка Окаянного // *История: Дар и долг: Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко*. М., 2010. С. 233–249.
- ⁷ «Из Новгорода весной 1043 г. водным путем отправилась экспедиция, состоящая из новгородских славян и варягов, в Константинополь. Ее причина доселе не выяснена, хотя возникает предположение, что так случилось по призыву императриц, особенно лишенной в 1042 г. власти Феодоры. Но в 1043 г. внутренние обстоятельства в Византии изменились, и русский отряд был воспринят как враждебный, коварно втянут в морское сражение, завершившееся уничтожением многих судов флота» (*Поппэ А.* Новгородский епископ Лука Жидята. С. 362; см. также: *он же.* Владимир Святой. С. 40–107).
- ⁸ «Дар чудотворения,— замечает Поппэ,— не был главным основанием причисления к сонму святых, хотя большинством верующих признавался важнейшим признаком святости» (С. 15).
- ⁹ Успенский сборник XII–XIII вв. / Подгот. к печати: О. А. Князевская и др. М., 1971. С. 93, 100, 122, 133 (далее — УС).
- ¹⁰ Там же. С. 118.
- ¹¹ Пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба: (Розвідка та тексти) // *Буго-славський С. А.* Текстология Древней Руси. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. М., 2007. С. 544.
- ¹² *Абрамович Д. И.* Киево-Печерский патерик. Київ, 1991. С. 110–111.
- ¹³ Там же. С. 108.
- ¹⁴ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. М., 2001. Стб. 156.
- ¹⁵ Там же. Стб. 159.
- ¹⁶ Там же. Стб. 157.
- ¹⁷ Там же. Стб. 424. Известно, что в крещении черниговский князь Святослав Давыдович носил имя Николай, которое затем стало его монашеским именем (*Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Монастырь св. Симеона в Киеве и русско-немецкие связи второй половины XI в. // *Траектории традиции: Главы из истории династии и Церкви на Руси конца XI — начала XIII в.* М., 2010. С. 10).
- ¹⁸ Сравнение Феодосия Печерского с Феодосием Иерусалимским появляется только в тексте Жития, который читается в составе Киево-Печерского патерика: «Близьственне еже своему тезоименитому Феодосию Ерусалимскому, архимандриту» (*Абрамович Д. И.* Киево-Печерский патерик. С. 21). Поскольку в Успенском списке

Жития Феодосия этих слов нет, Абрамович считал их вставкой 2-й половины XII в. (*Абрамович Д. И.* К вопросу об объеме и характере литературной деятельности Нестора летописца. М., 1901. С. 6). Однако не исключено, что Киево-Печерский патерик сохранил в данном случае более древнее чтение, чем упомянутый сборник. Это тем более вероятно, что сравнение Феодосия Печерского с Феодосием Иерусалимским имеется как в Арсеньевской, так и в Кассиановских I и II редакциях памятника.

¹⁹ УС. С. 72.

²⁰ «На протяжении IX–XI вв. незаурядный реформатор церковной и монастырской жизни встречался с недоброжелательством. Были также решительные противники его понимания монашества в служении христианскому обществу. Поэтому в XI в. начала приобретать поддержку тенденция ограничения монастырских общежитийств и поощрение индивидуальных, созерцательных форм монашества, отрешенного от мира сего. Впрочем, на Руси благодаря печерянам продолжала торжествовать киновия» (С. 23–24). Из этого пояснения как будто следует, что культу Феодора Студита, который подвергался нападкам и ограничениям в Византии, на Руси «благодаря печерянам» собственно ничего не угрожало.

²¹ *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1. Кн. 2. М., 1997. С. 603–645; *Каждан А. П.* Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа // Византийский временник. Т. 31. М., 1971. С. 48–70; *Ищенко Д. С.* «Устав Студийский» по списку XII в. (фрагменты) // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 109–130; *Бълхова М. И.* О монастырском уставе в Древней Руси: Середина XI – середина XIV в. // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 47–54; *Пентковский А. М.* Типикон Патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 155–176.

²² *Чаговец В. А.* Жизнь и сочинения преподобного Феодосия // Университетские известия. Киев, 1901. № 6. С. 64.

²³ Голубинский по этому поводу писал: «Это видно, во-первых, из того, что Нестор вменяет в особенную заслугу преп. Феодосию то, что он работал в поварне и в пекарне, давая тем знать, что в его, Несторово, время этого уже не было; во-вторых, из того, что уже до 1099 г. монахи не сами мололи на себя хлеб, а через слуг монастырских и стыдились такой работы (рассказ о Феодоре и Василии)» (*Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1. Кн. 2. М., 1881. С. 542). То же см.: *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995. С. 702.

²⁴ Обращаясь к Никону, князь говорил: «Или увещавь их (Варлаама и Ефрема.— Ю. А.) в дом свой поити, или на заточение послю ты и суцаа с тобою, и печеру вашу раскопаю» (*Абрамович Д. И.* Киево-Печерский патерик. С. 33).

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 283.

²⁶ Летопись сообщает, что к моменту захвата Киева князем Святославом Ярославичем (март 1073 г.) митрополит Георгий находился «въ Грьцехъ», т. е. в Византии (ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 183).

²⁷ *Сарабьянов В. Д.* Образ монашества в древнерусском искусстве XI – середины XII столетия // Идея и образ / Под ред. Э. С. Смирнова. М., 2010. С. 3.

²⁸ Там же. С. 2.

²⁹ Следует заметить, что в приложении Поппэ более осторожен: «Можно думать», что Ефрем был студитом, «поскольку по просьбе печерского игумена Феодосия он прислал устав Студийского монастыря» (С. 113).

³⁰ УС. С. 86.

³¹ Обосновывая принадлежность митрополита Феопемпта к Студийскому монастырю, Поппэ пишет: «До 1036 г. Патриарх Алексей Студит назначил митрополитом в Киев Феопемпта. Три его печати с погрудным изображением святого патрона студитов Иоанна Предтечи указывают, что он был студитом» (С. 33).

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 283.

³³ Повесть временных лет / Изд. Д. С. Лихачёв. СПб., 1996. С. 120.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 227.

- ³⁵ Там же. Стб. 226–227, 236, 238, 259, 266, 267, 279.
- ³⁶ Там же. Стб. 229.
- ³⁷ Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / Сост. В. Я. Дерягина. М., 2011. С. 86.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 282.
- ³⁹ *Артамонов Ю. А.* Князья полоцкие — «великии милосники великой лавры Печерской» // Сборник статей: К 70-летию члена-корреспондента РАН С. М. Каштанова / Сост. Л. В. Столярова. М., 2005. С. 147–160.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 210.
- ⁴¹ В Повести временных лет: «Бе же Феодосии заповедалъ положити ся в пещере, идеже показа труды многы, рек сице: “В ночь похороните тело мое”, яко же и створиша» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 188). В Житии Феодосия: «И о семь же молю вы и заклинаю, да въ ней же есть одежи ныне, въ той да положите мя, тако въ пещере, идеже постыныя дъни пребываахъ» (УС. С. 129).
- ⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 212.
- ⁴⁴ Там же. Стб. 281.
- ⁴⁴ *Артамонов Ю. А.* К вопросу о времени и истории написания летописного рассказа статьи 6599 (1091) г. о перенесении мощей преподобного Феодосия Печерского // Древняя Русь. Вып. 33. М., 2008. № 3. С. 11–12. Указание на «гроб» Яня, который «есть в Печерском монастыре в притворе», является уточнением, свидетельствующем в пользу того, что запись о его смерти появилась в летописи спустя какое-то время.
- ⁴⁵ УС. С. 129–130.
- ⁴⁶ *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 158–159; *Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 116.
- ⁴⁷ УС. С. 134.
- ⁴⁸ Там же. С. 83.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 185.
- ⁵⁰ Там же. Стб. 138.
- ⁵¹ УС. С. 86.
- ⁵² *Бугославский С. А.* К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 19. Кн. 1. СПб., 1914. С. 174–176.
- ⁵³ УС. С. 134.
- ⁵⁴ Там же. С. 133–134.
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 226.
- ⁵⁶ УС. С. 96.
- ⁵⁷ *Кузьмин А. Г.* Когда Нестор писал Житие Феодосия? // Ученые записки РГПИ. 1970. Т. 61 (Вопросы литературы и методики ее преподавания). С. 258.
- ⁵⁸ УС. С. 133.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 232–233.
- ⁶⁰ УС. С. 72.
- ⁶¹ Эпистолярное наследие Древней Руси: XI–XIII вв. / Подгот. В. Н. Поньрко. СПб., 1992. С. 168.
- ⁶² *Артамонов Ю. А.* Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г.: Проблемы источниковедения / Отв. ред. Л. В. Столярова. М., 2003. С. 264.
- ⁶³ Согласно свидетельству Киево-Печерского патерика, Святополк «имел вражду» на игумена Иоанна, который «обличаше его несъятства ради, богатства и насилия». «Егоже емъ,— пишет Поликарп,— Святополкъ в Туровъ заточи, и аще бы Владимиръ Мономах на сего не въсталъ, его же убоався Святополкъ встания на ся, скоро възврати съ честью игумена в Печерскый монастырь» (*Абрамович Д. И.* Киево-Печерский патерик. С. 154).
- ⁶⁴ Подробнее об этом см.: *Артамонов Ю. А.* Житие Феодосия Печерского... С. 253–277.

⁶⁵ УС. С. 89.

⁶⁶ «В домонгольской Руси причисление к лику святых происходило в рамках византийской, а не западноевропейской практики. В Византии же никакой “уставной” канонизации не существовало: причисление к лику святых начиналось с локального почитания, установления праздника в честь святого, а также почитания и использования его останков как святых мощей. В случае распространения культа святого его память вносилась в календарь литургических книг Константинопольской Церкви, получая тем самым общецерковное и общеимперское признание. Остальные элементы: чудеса, составление Жития и службы, были желательны, но не обязательны» (*Виноградов А. Ю.* Особенности борисоглебских торжеств в свете византийской традиции // *Slověne = Словѣне: Interational Journal of Slavic Studies*. Vol. 1. № 2. М., 2012. С. 132).

⁶⁷ Это, например, относится к суждению: поскольку Нестор принял постриг и стал диаконом в игуменство Стефана (1074–1077/78 гг.), то послушание он проходил «в каком-то другом монастыре». Но обязательный 3-летний иску́с не был строго соблюдаемым в обители правил. Даже в игуменство Феодосия, бывшего строгим ревнителем устава, испытательный период определялся не конкретным временным сроком, а способностями кандидата.

Отношения между народами Восточной Европы и арабами-христианами в XVII веке*

Если попытаться назвать самого выдающегося представителя православных арабов (мелькитов) за тысячу с лишним лет их истории, едва ли придется долго раздумывать. Православные арабские святые, богословы, летописцы и Патриархи Средневековья известны лишь узкому кругу специалистов. Однако всякий, знакомый даже не с ближневосточной, а с русской историей XVII в., слышал имена Антиохийского Патриарха Макария III аз-За'има, дважды приезжавшего в Россию в царствование Алексея Михайловича, и его сына архидиакона Павла Алеппского, составившего подробнейшее описание первого из этих путешествий (1652–1659 гг.)¹. Отец и сын, Патриарх и диакон, в паре представляют собой самую яркую звезду на небосклоне арабо-христианской истории и культуры.

Макарий († 1672 г., Патриарх с 1647 г.) несомненно крупнейшая фигура в ряду Антиохийских Первосвятителей раннего Нового времени, пастырь и политик, в биографии которого наиболее полно воплотился культурно-политический расцвет православных арабов XVII в., получивший название «Мелькитский ренессанс». Книга Павла Алеппского (1627–1669 гг.) «Странствие Макария» может считаться вершиной арабо-христианской литературы османской эпохи. В ходе своего путешествия Павел по горячим следам записывал впечатления, создавая начерно первую редакцию книги, а по возвращении на родину на основе этих дневников написал второй, расширенный вариант произведения. Павел обладал ярко выраженной индивидуальностью, честолюбием, ему не было свойственно самоуничижение большинства средневековых хронистов. «Все мое желание в том состоит,— писал он по поводу

* Relations entre les peuples de l'Europe Orientale et les chrétiens arabes au XVIIe siècle: Macaire III Ibn al-Za'om et Paul d'Alep. Actes du 1er colloque international le 16 septembre 2011, Bucarest. Textes réunis et présentés par Ioana Feodorov. Bucaresti, 2012 (Отношения между народами Восточной Европы и арабами-христианами в XVII в.: Макарий III ибн аз-За'им и Павел Алеппский. Материалы I международной конференции 16 сентября 2011 г., Бухарест / Отв. ред. И. Феодоров. Бухарест, 2012).

своей книги, — чтобы при жизни соорудить себе памятник, дабы впоследствии нашелся кто-нибудь, кто бы сказал: “Да помилует его Бог!”². Сочинение Павла — неисчерпаемый источник сведений о политической истории, культуре и повседневной жизни народов Молдавии, Валахии, Украины, Московского царства, Анатолии и Сирии середины XVII в. Неудивительно, что уже почти 200 лет не угасает интерес к этой книге специалистов разного профиля, изучающих прошлое Восточной Европы и Леванта.

«Странствие Макария» было полностью или частично переведено на английский, русский, французский и ряд других языков. Однако каждый из этих переводов далек от совершенства. На то были разные причины, не в последнюю очередь — качество арабских рукописей, на которые опирались переводчики. Не раз высказывалась идея о необходимости критического издания и нового перевода сочинения Павла Алеппского, основывающихся на всех сохранившихся рукописях, с подробными научными комментариями. В настоящее время этот проект стал обретать реальные очертания. Международная группа исследователей под руководством Иоаны Феодоров (Институт исследований Юго-Восточной Европы, Бухарест) вплотную приступила к работе по подготовке публикации текста, переводу и углубленному изучению «Странствия Макария». Сборник «Отношения между народами Восточной Европы и арабами-христианами в XVII в.» стал одним из первых результатов этой работы.

Статьи сборника (большинство на французском языке, кроме работы Н. И. Серикова, опубликованной на английском) в разных ракурсах анализируют историческое наследие Макария и Павла. Книгу открывает статья ведущего румынского арабиста Иоаны Феодоров «Павел Алеппский. “Путешествие Патриарха Макария ибн аз-За’има”: История и нынешнее состояние проектов публикации» (С. 9–30). Автор знакомит читателя с сочинением Павла Алеппского, историческим фоном создания этой книги и этапами ее изучения в мировой науке. Из числа сохранившихся рукописей «Странствия Макария» наибольшую ценность для ученых представляют 3 экземпляра: манускрипт из Французской Национальной библиотеки Arabe 6016 конца XVII в., который является наиболее полной версией сочинения Павла, рукопись из Британского музея OMS Add 18427–18430, датируемая 1765 г., и рукопись В 1230 из Института Восточных рукописей в Санкт-Петербурге (ИВР РАН), законченная 5 октября 1699 г. Достояния внимания также неполная (приблизительно треть от общего объема текста) рукопись середины XVIII в., привезенная с Ближнего Востока А. Е. Крымским и хранящаяся ныне в киевском Институте востоковедения. Известно еще несколько копий «Странствия Макария», но все они достаточно поздние и вторичные.

Первый перевод труда Павла Алеппского был выполнен на английский язык в 1830-х гг. Ф. Бельфутом по лондонской рукописи³. Эта версия, изобилующая пропусками и сокращениями, а также весьма спорными трактовками некоторых слов и ошибочными идентификациями персонажей, не отвечает современным критериям научного перевода. Особые проблемы переводчику создавали арабские транскрипции греческих и других иноязычных терминов,

которые он зачастую не мог распознать. Многие подробности православной церковной жизни, например список афонских монастырей или описания пышных богослужений в Московском Кремле, Бельфур опустил как утомительные и бесполезные для читателя. Этим изданием, тем не менее, до сих пор пользуются англоязычные авторы, фрагменты его продолжают воспроизводиться в разных публикациях (С. 17–18). Значительно более высоким качеством отличается русский перевод книги Павла Алеппского, принадлежащий Г. А. Муркосу, однако он недоступен европейским исследователям, в массе своей русским языком не владеющим. Отдельные главы «Странствия Макария» в разное время переводились на французский, румынский и польский языки, однако это были не более чем фрагменты огромного текста. Современное критическое издание источника и его полный перевод остаются насущной необходимостью.

В основу будущего издания И. Феодоров положила парижскую рукопись «Странствия Макария», с указаниями разночтений по лондонской, петербургской и киевской рукописям. Публикацию планируется снабдить английским переводом и подробными комментариями. Лучшие из комментариев прежних переводчиков Павла также будут даны в примечаниях с указанием авторства. Публикация перевода и критического издания арабского текста с комментариями, указателями, приложениями и иллюстрациями планируется на 2015 г. (С. 21).

Тему литературного творчества Павла продолжает ведущий петербургский арабист С. А. Французов (ИВР РАН), автор статьи «Рукописное наследие Павла Алеппского в Петербурге» (С. 31–50). Материал посвящен манускриптам, так или иначе связанным с личностью сирийского архидиакона, которые находятся в собраниях ИВР и Российской Национальной библиотеки. Рассматриваются как копии различных сочинений Павла, так и его автографы. Идентификация почерка Павла позволила Французову открыть несколько неизвестных ранее колофонов архидиакона, разбросанных в различных арабо-христианских рукописях. Нельзя не добавить мои собственные впечатления от знакомства с автографами Павла: в ИВР хранятся тексты, переписанные диаконом в 1642 г., в 15-летнем возрасте (рукопись В 1227). Чувствуется, как он старался, копируя одну из первых в своей жизни книг. Павел обладал исключительно красивым почерком, который сделал бы честь любому типографскому шрифту. Еще И. Ю. Крачковский обратил внимание на каллиграфическое мастерство Павла Алеппского, вообще-то не характерное для арабов-христиан⁴. Кстати, на многих грамотах Патриарха Макария за него расписывался Павел — Патриарх имел куда менее представительный почерк, чем его сын. С годами Павел стал усложнять свою рукописную манеру, особенно в вычурных «парадных» колофонах, завершающих рукопись: у Крачковского возникали проблемы с их пониманием. Статья Французова богато иллюстрирована репродукциями автографов и колофонов Павла из рукописного собрания ИВР.

Две статьи сборника посвящены трудам и биографиям тех людей, которые занимались переводами сочинения Павла Алеппского в прошлом и по-

запрошлом столетиях. Андреа Дунаева (Бухарестский университет) пишет о жизненном пути и научных публикациях Георгия Абрамовича (Джурджи) Муркоса (1846–1911 гг.), российского арабиста арабского происхождения (С. 59–68). Особое внимание уделено работе Муркоса над переводом «Странствия Макария» и оценкам этого перевода позднейшими арабистами, начиная с А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского и заканчивая нашими современниками В. В. Полосиным и Д. А. Морозовым. Биография и деятельность Муркоса достаточно подробно освещались в отечественных публикациях. Западный же читатель благодаря статье А. Дунаевой откроет для себя много любопытных фактов из жизни этого незаурядного человека, одного из первых специалистов по истории и культуре православного Востока в России.

Выходец из элиты дамасских христиан, Муркос окончил богословскую семинарию на острове Халки и факультет восточных языков Петербургского университета, потом долгие годы преподавал в Лазаревском институте восточных языков. Он стал неформальным лидером арабской диаспоры в России и проявил себя как очень разносторонний человек, преуспевший и в яростной антифанариотской публицистике, и в оптовой торговле мандаринами. По характеристике Крачковского, «ни выдающимся педагогом, ни крупным ученым» Муркос, «мало знакомый с современным ему состоянием науки, не был, но заслуги его в разных областях несомненны»⁵. Главным научным подвигом Муркоса стал почти 30-летний труд по переводу книги Павла Алеппского о путешествии Патриарха Макария в Россию. В 1896–1900 гг. этот более чем 1000-страничный текст увидел свет в 5 выпусках серии «Чтения в Обществе истории и древностей российских». По оценке Крачковского, новые открытия и некоторые детальные исследования, выполненные в XX в., «делают его (Муркоса.— *К. П.*) труд уже пройденным этапом в науке», но для своего времени он был подготовлен очень добросовестно⁶.

Панегирические характеристики Муркоса, появляющиеся в печати и в наше время⁷, едва ли обоснованы. Он был неоднозначной личностью — достаточно почитать мизантропические отзывы о Муркосе его ученика А. Е. Крымского⁸. Однако в контрастных ракурсах противоречивых оценок фигура Муркоса выглядит намного интереснее. Отечественные исследователи, вместо того чтобы воспроизводить некрологи Муркоса 100-летней давности, имеют возможность ввести в научный оборот новые материалы, связанные с этим незаурядным человеком. Эти источники нам доступны куда больше, чем румынским коллегам. В РГАДА документы Муркоса составляют отдельный фонд (ф. 1608) с десятками единиц хранения. Среди прочего там находятся тетради Муркоса времени его обучения в Московской духовной семинарии, когда будущий ученый осваивал русский язык. По этим рабочим записям чувствуется, насколько Муркос был талантлив и восприимчив к языкам. Итоговое сочинение молодого араба представляет собой автобиографический рассказ о его дамасской юности — интереснейший источник, вполне достойный публикации. В Архиве внешней политики Российской империи, в фонде Бейрутского консульства, хранится другой блок документов, связанный с Муркосом, — претензии его многочисленных родственников

на наследство почившего ученого и коммерсанта⁹. Исследователь, который захочет ознакомиться с этим делом, будет иметь редкую возможность подержать в руках российский паспорт Муркоса и лист с генеалогическим древом его рода.

Статья Кармен Кришан (Международная ассоциация исследований Юго-Восточной Европы, Бухарест) посвящена другому переводчику Павла Алеппского — первому румынскому арабисту Басиле Раду (1887–1940 гг.) (С. 51–58). Он был священником, получил теологическое образование в Бухаресте и востоковедческое филологическое в Париже, где в 1921–1927 гг. состоял при румынском церковном представительстве во Франции. Раду являлся автором многих церковно-исторических исследований и переводов источников. Среди его публикаций стоит упомянуть подготовленное вместе с К. Каралевским издание «Истории Антиохийских Патриархов», составленной в 1702 г. Патриархом Афанасием III Даббасом для валашского князя Константина Бранковяну¹⁰. В ходе подготовки к новому переводу книги Павла Алеппского Раду в 1927 г. опубликовал свои соображения о сравнительной ценности имеющихся рукописей и ранних переводов источника. Парижская рукопись была признана им лучшей, далее в порядке убывания ценности следовали лондонская, ленинградская (петербургская) и прочие. Переводы Ф. Бельфура и Г. А. Муркоса Раду считал несовершенными, в том числе и из-за неполноты тех рукописных текстов, по которым они делались. Румынский исследователь предпринял свой (французский) перевод сочинения Павла. Этот текст публиковался вместе с арабским оригиналом в нескольких выпусках серии «*Patrologia Orientalis*»¹¹. Однако Раду успел проделать лишь малую часть огромной работы, его издание и перевод охватывает только начальные разделы источника, до пребывания Макария в «земле казаков».

«Странствие Макария» традиционно привлекает в первую очередь специалистов по русской, украинской и румынской истории. Михай Ципэу (Институт исследований Юго-Восточной Европы, Бухарест) рассматривает этот источник в несколько непривычном ракурсе неозлливистики («Описание Константинополя по материалам “Путешествия Патриарха Макария III ибн аз-За‘има”») (С. 123–134). Ученый доказывает, что сочинение Павла Алеппского содержит ценную информацию о византийских и поствизантийских памятниках Константинополя, а также о церковной жизни православной общины османской столицы середины XVII в.

Новаторское исследование литературного творчества Патриарха Макария принадлежит Н. И. Серикову (Институт востоковедения РАН — Библиотека Вэлком, Лондон). По справедливому замечанию историка, литературные труды Макария отнюдь не снискали такого восхищения и интереса позднейших ученых, какие выпали на долю сочинений его сына. Г. Граф и И. Ю. Крачковский отмечали неоригинальный характер большинства текстов Макария, которые, действительно, представляют собой переводы и компиляции из греческой литературы. Однако Сериков анализирует эти трактаты как часть грандиозного просветительского проекта Патриарха, стремившегося познакомить свою паству с византийской культурой, интегрировать ее в об-

щеправославное духовное пространство («Нетворческий компилятор»: Патриарх Макарий ибн аз-За'им и его объяснения греческих имен святых». С. 135–190). Макарий, не получивший серьезного образования, всю жизнь учился, наверстывая упущенное. Греческий язык он освоил уже после 40 лет, что по тем временам было весьма почтенным возрастом. Большинство трактатов Макария представляет интерес не столько своим содержанием, сколько кругом его источников и интересов, набором сведений, которые Патриарх хотел донести до своих соплеменников. Как писал Сериков, перечень текстов, включенных в сборники трактатов Макария, «показывает одновременно и уровень невежества его паствы, и его попытки просветить свой народ, подчеркивая, что ранняя история Церкви разворачивалась практически “дома”, в Сирии и Палестине» (С. 139). Сериков опубликовал с английским переводом и комментариями текст одного из таких трактатов, почти неизвестного даже специалистам, — «Объяснение на арабском некоторых греческих имен святых». Рукописный оригинал содержится в сборнике-автографе Макария (ИВР РАН, В 1227). В этом сочинении Макарий дает перевод и разбирает этимологию 191 имени святых, почитаемых в Антиохийской Православной Церкви. Большая часть сведений заимствована им из Синаксаря, но некоторые истолкования, несомненно, составлены самим Макарием.

Наиболее, как мне представляется, интересный из материалов сборника принадлежит В. Г. Ченцовой (ИВИ РАН), одному из ведущих специалистов по русско-греческим связям раннего Нового времени. Ченцова по архивным материалам отечественных собраний анализирует обстоятельства 1-го путешествия Макария, в частности, его пребывания в Дунайских княжествах («Первое путешествие Антиохийского Патриарха Макария ибн аз-За'има в Москву и румынские земли». С. 69–122). В собраниях РГАДА и ГИМ хранится большой объем документации, связанной с Макарием Антиохийским, включая знаменитый портрет Патриарха из «Титулярника» 1672 г. (хотя вопрос правдоподобия портрета остается дискуссионным). Особого упоминания заслуживают около 40 греческих и славянских грамот за подписью Макария, отправленных им в Москву из Молдавии и Валахии в 1650-х гг. При том что путешествие Патриарха, как уже говорилось, почти 200 лет находится в центре внимания исследователей, Ченцова открыла множество малоизвестных эпизодов церковно-политической истории середины XVII в., имеющих отношение к Макарию аз-За'иму. Так, например, окружная грамота Константинопольского Патриарха Иоанникия марта 1652 г. с призывом ко всем христианам оказать помощь бедствующему Антиохийскому престолу показывает, что Макарий начал подготовку к своему путешествию задолго до июля 1652 г., когда покинул Сирию (С. 76). Автору удалось идентифицировать почерки писцов греческих грамот Макария. Выявление среди них людей, связанных с видными православными иерархами 1650-х гг., значительно обогатило наши представления о взаимоотношениях Антиохийского Патриарха с греческими церковными кругами (С. 74–75).

Исключительно интересен сюжет с Мирликийским митрополитом Иеремией, который, как явствует из сочинения Павла, сыграл непростую и явно

негативную роль в судьбе Макария. Однако Павел нигде не сообщает конкретных причин и деталей конфликта Макария и Иеремии. Несколько лет назад я пытался прояснить эту таинственную историю, обратившись к документам о пребывании в Москве Мирликийского митрополита в 1653 г.¹² Однако архивное дело (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1653, № 28) обрывается на материалах августа 1653 г. буквально на полуслове, дальнейшая документация, связанная с Иеремией, оказалась утрачена. Ченцова использовала материалы из других фондов РГАДА, где ей удалось найти донесение посланного Патриархом Макарием в Москву грека Ивана Юрьева (имя русифицировано), который прибыл в Россию в начале 1653 г. Гонец сообщил о прежних интригах Иеремии против Макария с целью самому занять первосвятительскую кафедру и передал просьбу Патриарха Макария заточить Иеремию в один из русских монастырей во избежание новых проблем: «Яко той Мирликийский восхоте и смуги в Цареграде и взят грамоту, да будет Патриарх Антиохийский, и да свергнут Макария Патриарха. И... иде ко Антиохии и зва митрополиты, и епископы, и священники... да вси слышат грамоту турецкого царя и да поставят его Антиохийского патриарха... И егда, сие слышавшее, вси оскорбишася, и рекоша тому Мирликийскому, яко мы тебе не хотим... И турцы, иже обладаху Антиохиею, хотяху, по повелению царскому, Мирликийского, но людие того не хотяху. И в тех смятениих прииждиве Патриарх Макарий 6000 рублей, яже от иных зяят, и положи долг на патриархии» (С. 108–109). Эта информация заставляет пересмотреть очень многое в характере отношений Антиохийской Церкви и балканских греков. Как выясняется, попытки вмешательства греческих иерархов в сирийские церковные дела, причем вмешательства по собственной инициативе, не спровоцированного раздорами арабских архиереев и их апелляциями к Фанару, начались уже в середине XVII в., значительно раньше, чем принято думать. Однако провал авантюры Иеремии ясно указывает, что арабо-христианское общество было способно эффективно отстаивать свои интересы и избавляться от неугодных претендентов на патриаршество.

Ченцова рассматривает также судьбу одного из спутников Иеремии — иеродиакона Агафангела Родоканакиса, сыгравшего определенную роль в русской церковной истории середины XVII в., а именно в «деле Патриарха Никона» (С. 82–85). Анализируются обстоятельства пребывания в России Печского архиепископа Гавриила, титул которого — «Патриарх сербов и болгар», — нарушающий признанную на Востоке «пентархию», вызывал сильное возмущение Павла и Макария, о чем неоднократно говорится на страницах «Странствия Макария». Однако вопреки утверждениям Павла в России титул Сербского Патриарха никого особенно не смущал, и Гавриил был принят в Москве со всеми почестями. Этот сюжет являет собой яркий пример внесения Павлом в повествование своих корректировок, цели которых далеко не всегда бывают ясны (С. 85–89).

Ряд исследователей — и я не могу с ними не согласиться — уже высказывали мысль о том, что ко многим утверждениям Павла Алеппского следует относиться с осторожностью¹³. Виной ли тому недобросовестные информа-

торы или тенденциозность самого автора — тема для особого разбирательства. В случае удачи оно может прояснить некие скрытые мотивы и интересы, которыми руководствовался сирийский архидиакон, составляя свою книгу. Некоторое искажение архидиаконом Павлом действительности, проявляющееся при сопоставлении известий его повествования с архивными документами московских собраний заметно и в описании им событий, связанных с участием Макария Антиохийского в переговорах о переходе Молдавии в русское подданство (С. 89–97). Ченцова специально останавливается на этом важнейшем аспекте участия Макария в политической истории Юго-Восточной Европы 1656–1657 гг. Активная роль Патриарха в переговорах молдавского господара, которые едва не завершились переходом Молдавии «под высокую руку» московского царя, чуть было не привела Макария к гибели. Османские власти начали требовать выдачи всех церковных иерархов, так или иначе связанных с переговорами, которые вели в русской столице молдавские послы. В то же время Павел лишь вскользь упоминает об этих событиях, очевидно не желая, привлекать внимание своих будущих читателей к этому эпизоду пребывания Патриарха и его свиты в Москве.

Ченцова пришла к выводу о тесной связи Патриарха Макария в течение всего его первого путешествия с Иерусалимским Патриархом Паисием (1645–1660 гг.) и его окружением. Об этом свидетельствует, в частности, и то обстоятельство, что в Молдавии и Валахии Антиохийский Патриарх жил в святогробских метохах, а его грамоты писали представители Святогробского братства. Сложные обстоятельства, в которых оказалась Антиохийская кафедра в середине 1650-х гг., заставили Патриарха Макария после возвращения из России искать новых союзников на Западе¹⁴. Представляется, что дальнейшие исследования, в частности, филокатоллических тенденций в политике Антиохийского престола начала 1660-х гг., нового путешествия Макария Антиохийского в Москву и его участия в «деле патриарха Никона», связей с хилосскими греками (Паисием Лигаридом, Мелетием Греком, а также секретарем Патриарха Иоанном Сакулисом) позволят уточнить и объяснить многие неизвестные или непонятные пока стороны деятельности одного из самых выдающихся мелькитских святителей.

Исследование В. Г. Ченцовой сопровождается публикацией нескольких архивных документов, прежде всего греческих грамот, связанных с обстоятельствами путешествия Макария. Продолжение публикации переписки Антиохийского Патриарха, а также связанных с его путешествиями документов из российских и румынских собраний, как представляется, в будущем также позволит по-новому увидеть и историю Антиохийской кафедры, и столь важный для церковной истории текст, как сочинение Павла Алеппского.

Сборник «Отношения между народами Восточной Европы и арабами-христианами в XVII в.», несомненно, окажется полезен широкому кругу специалистов, занимающихся балканской, ближневосточной, русской и украинской историей. Этот первый результат межкакадемического проекта, объединившего ученых Румынии и России, позволяет надеяться на то, что готовящаяся полная публикация и перевод труда Павла Алеппского станет

серьезным научным достижением и будет отвечать современным критериям критического издания.

*К. А. Панченко, кандидат исторических наук
(Институт стран Азии и Африки Московского
государственного университета имени М. В. Ломоносова)*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Т. 1–5. М., 1896–1900. О том, насколько востребовано это сочинение отечественным читателем, свидетельствует его недавнее переиздание: Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005.
- ² Путешествие Антиохийского Патриарха Макария... Т. 3. М., 1898. С. 30.
- ³ Travels of Macarius, Patriarch of Antioch, Written by his Attendant Archdeacon, Paul of Aleppo, in Arabic / Translated by F. C. Belfour. London, 1829–1835, 1836.
- ⁴ Крачковский И. Ю. Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII веке // Избранные сочинения. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 261.
- ⁵ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 113.
- ⁶ Там же. С. 114.
- ⁷ Коровин Д. А. Московский антиохиец // Православный палестинский сборник. Вып. 100. 2003. С. 82–85.
- ⁸ См., например: Крымский А. Е. Письма из Ливана. 1896–1898. М., 1975. С. 102, 108, 151.
- ⁹ АВПРИ, ф. 208, оп. 819. Консульство в Бейруте, № 372, 481, 663.
- ¹⁰ Istoria Patriarhilor de Antiohia de Atanasie Dabbas (Traducere de Pr. V. Radu si Ciril Karalevsky) / Biserica Ortodoxa Romana. Т. 48 (1930). P. 851–864, 961–972, 1039–1050, 1136–1150; Т. 49 (1931). P. 15–32, 140–160.
- ¹¹ Voyage du Patriarche Macaire d'Antioche, avec texte arabe et traduction française / Patrologia Orientalis. Т. 22, fasc. 1. Paris, 1930. P. 1–282; Т. 24, fasc. 4. Paris, 1933. P. 443–604; Т. 26, fasc. 5. Paris, 1950. P. 602–719.
- ¹² Панченко К. А. Спутники Антиохийского Патриарха Макария III аз-За'има в его первом путешествии в Россию (1652–1659 гг.) // Панченко К. А. Православные арабы: Путь через века. М., 2013. С. 350–352.
- ¹³ См. например: Панченко К. А. Россия и Антиохийский патриархат: Начало диалога (конец XVI — 1-я половина XVII в.) // Россия и Христианский Восток. Вып. 2/3. М., 2004. С. 217–218.
- ¹⁴ Tchentsova V. G. Le patriarche d'Antioche Macaire III Ibn al-Za'îm et la chrétienté latine // Réduire le schisme? Ecclésiologies et politiques de l'Union entre Orient et Occident (XIIIe–XVIIIe siècles) / Ed. M.-H. Blanchet et F. Gabriel. Paris, 2013 (в печати).

Содержание

ПУБЛИКАЦИИ

- Устинова И. А.* Делопроизводственные документы Патриарших приказов 1-й половины XVII века: Расходная книга 1640/41 года 5
- Бащин Н. В.* (Санкт-Петербург). Поставления и назначения в Вологодской епархии в 1674–1675 годах 98
- Протоиерей Владимир Рожков.* Записки священника. Главы 2–6 116

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Флоря Б. Н.* Киевский митрополит Петр (Могила) и русская власть: эволюция взаимоотношений 179
- Опарина Т. А.* Мануил Филаденский в нижегородском Печерском монастыре (К вопросу о социальном статусе иммигрантов в России) 188
- Шкаровский М. В.* (Санкт-Петербург). История храмов Митрофаниевского кладбища Санкт-Петербурга и приходской жизни их общин 225

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

- Кративин М. Ю.* (Санкт-Петербург). Всеволод Путята в контексте религиозной политики органов ВЧК (1918–1919 гг.) 247
- Священник Владимир Горидовец* (Витебск, Белоруссия). Протестные движения православных верующих в Советском государстве в 1918 г. на примере Городокского уезда Витебской губернии 312
- Синельников С. П.* (Волгоград). Отмена православного образования в Советском государстве в 1917–1929 годах 320

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Балбышкин Ю. А., Степченков Л. Л.* (Смоленск). Некрологи на страницах «Неофициального отдела» «Смоленских епархиальных ведомостей» (1865–1918 гг.) (окончание) 337
- НОВЫЕ КНИГИ
- Артамонов Ю. А.* «Гипотеза, выстроенная на гипотезах»: по поводу нового исследования А. Поппэ 361
- Панченко К. А.* Отношения между народами Восточной Европы и арабами-христианами в XVII веке 388

Contents

PUBLICATIONS

Ustinova I. A. The Official Records of the Patriarchal Prikazes in the First Half of the 17th Century: The Expense Book for 1640/41

Bashnin N. V. (St. Petersburg). Ordinations and Appointments in the Diocese of Vologda in 1674–1675

Protopriest Vladimir Rozhkov. Memoirs of a Priest. Chapters 2–6

RESEARCH

Floria B. N. Peter Mogila, Metropolitan of Kiev, and Russian Authorities: Evolution of Relationship

Oparina T. A. Manuel of Filadena (Philadelphia) in Pecherskii Monastery of Nizhnii Novgorod: On the Social Status of Immigrants in Russia

Shkarovskiy M. V. (St. Petersburg). History of the Churches of the Mitrofanievskoie Cemetery, St. Petersburg, and of Their Communities

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE FIRST YEARS OF THE SOVIET REGIME

Krapivin M. Yu. (St. Petersburg). Vsevolod Putyata in the Scope of the Religious Policy of the VChK, 1918–1919

Fr. Vladimir Goridovets (Vitebsk, Belarus). The Protest Movement among the Orthodox Believers in the Soviet State in 1918: Gorodok Uezd of Vitebsk Governorate

Sinelnikov S. P. (Vologograd). Abolishment of Orthodox Education in the Soviet State, 1917–1929

CRITICS, BIBLIOGRAPHY, SCHOLARLY LIFE

Balbyshkin Yu. A., Stepchenkov L. L. (Smolensk). The Obituaries in the «Unofficial Section» of the «Smolenskie Eparkhialniye Vedomosti» (The Smolensk Diocesan Messenger, 1865–1918) (*conclusion*)

NEW BOOKS

Artamonov Yu. A. «A Hypothesis Build on Hypotheses»: On the New Study by A. Poppe
Panchenko K. A. The Relations between East European Peoples and the Arab Christians in the 17th Century

Уважаемые читатели!
Журнал «Вестник церковной истории»
можно приобрести в магазине
ЦНЦ «Православная энциклопедия»
(Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10а, строение 1;
м. «Курская», «Чкаловская») ежедневно с 10-00 до 18-00,
кроме субботы, воскресенья и великих церковных праздников

ВЕСТНИК ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ, 1–2(29–30)/2013
Научное издание, приложение к «Православной энциклопедии»

Редактор раздела «Критика, библиография, научная жизнь» *С. М. Шамин*

Художественный редактор *И. А. Захарова*
Корректор *О. В. Хабарова*
Набор *Н. В. Кузнецова*
Верстка *И. В. Кузнецова*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
ПИ № ФС77–23748 от 23 марта 2006 г.

ISSN 1818–6858
Подписано в печать 22.05.2013. Формат 70×100/16. Гарнитура Petersburg.
Тираж 500 экз. Заказ №
Адрес издателя и редакции: 105120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10а, с. 1
Отпечатано в типографии ООО «Полстар/Polstar»
125993, Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, сектор Б, ГУК МАИ
тел.: (+7-495) 785-57-33; факс: (+7-495) 785-55-31
info@polstar.ru